

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2023. № 487. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 487. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор
Издательства Томского государственного университета;
Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд.
экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shragher**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Romyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Басовская Е.Н. Кликбейт по-советски: трансформация принципов озаглавливания в публицистическом тексте 1920–1980-х гг.	5
Блинников Г.Б. Семантические фреймы сенсорных качеств вкуса в русском и итальянском языках	11
Гребнева М.П. Звуки жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции.	22
Резанова З.И., Владимирова В.Е. Рейтинги вклада модальностей восприятия в семантику слов в отношении к частям речи и лексико-грамматическим разрядам	30
Садова Т.С. Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности	42

ФИЛОСОФИЯ

Гиренок Ф.И. Сознание и аффект в антропологическом дискурсе	50
Линченко А.А., Аникин Д.А. Память миграционных сообществ в принимающем обществе: модели мнемонической адаптации и режимы видимости	55

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Мартыненко Т.С. Загрязнение пластиком: социологические подходы к решению проблемы	65
Сараджян Н.А. Национальные интересы Италии в Южном Средиземноморье: проблемы и вызовы на фоне Ливийского кризиса	74

ИСТОРИЯ

Алексеев Т.В. Пороховое производство России в постпетровский период XVIII в.: результаты изучения и оценки отечественных исследователей	84
Жигалов Б.С., Хахалкина Е.В. Полпред А.А. Трояновский в Японии (1928–1933 гг.)	94
Ли Линь. Строительство КВЖД и возвышение Харбина	102
Макеева С.Б. История реализации политики Китая по развитию межрегионального «побратимского» сотрудничества с Россией	108

ПЕДАГОГИКА

Боголепова С.В., Кирсанова М.А., Пивоварова А.А. Как аукнется, так и откликнется? Отношение студентов-лингвистов к взаимооцениванию и обратной связи	118
Емельянова Я.Б. Организация работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков	129
Иванова В.И., Пуханов С.А., Опанасен А.С. Мультиязыковой музейный проект как средство формирования межкультурной компетенции	138

CONTENTS

PHILOLOGY

Basovskaya E.N. Soviet-style clickbait: Transformation of titling principles in the journalistic text of 1920s–1980s	5
Blinnikov G.B. Semantic frames of gustatory qualities in Italian and Russian languages	11
Grebneva M.P. Sounds of life and death in the works of Russian authors about Florence	22
Rezanova Z.I., Vladimirova V.E. Ratings of the perceptual modalities contribution to the semantics of words in relation to parts of speech and lexico-grammatical categories	30
Sadova T.S. Emperor Paul I in the text of the Military Regulations of 1796: Experience in the reconstruction of a language personality	42

PHILOSOPHY

Girenok F.I. Consciousness and affect in anthropological discourse	50
Linchenko A.A., Anikin D.A. Memory of migrant communities in the host society: models of mnemonic adaptation and regimes of visibility	55

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Martynenko T.S. Plastic pollution: Sociological approaches to solving the problem	65
Saradzian N.A. Italy's national interests in the Southern Mediterranean: Problems and challenges against the background of the Libyan crisis	74

HISTORY

Alekseev T.V. Gunpowder production in Russia in the post-Petrine period of the 18th century: Results of domestic researchers' studies and evaluation	84
Zhigalov B.S., Khakhalkina E.V. Plenipotentiary Alexander Troyanovsky in Japan (1928–1933)	94
Li Lin. Construction of the Chinese Eastern Railway and the rise of Harbin	102
Makeeva S.B. The history of the implementation of China's policy on the development of interregional "sister cities" cooperation with Russia	108

PEDAGOGICS

Bogolepova S.V., Kirsanova M.A., Pivovarova A.A. As you give, you will receive? Language students' attitudes to peer-assessment and feedback	118
Emelyanova Ya.B. Working with synonyms in the process of teaching foreign languages to translation students	129
Ivanova V.I., Pukhanov S.A., Opanasets A.S. Multilingual museum project as a means of forming intercultural competence	138

Мутьев А.В. Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в.	147	Mutiyeu A.V. The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century	147
Наумова О.С., Дробная Е.В. Анализ реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края	155	Naumova O.S., Drobnaya E.V. Analysis of the implementation of spiritual and moral education in the educational practice of the Trans-Baikal Territory	155
Сидоренко А.С. Сравнительный анализ философии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии	168	Sidorenko A.S. Comparative analysis of the philosophy of football in Europe and Southeast Asia	168
Стародубцева И.В., Завьялова Т.П., Макаридин Д.Н. Интегративная модель обучения студентов и педагогов по физической культуре в условиях конкурса профессионального мастерства	176	Starodubtseva I.V., Zavyalova T.P., Makaridin D.N. An integrative model for training students and physical education teachers in the context of a professional skills competition	176
Abakumova N.N., Tsiguleva O.V., Ju C., Lei G. Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education	188	Abakumova N.N., Tsiguleva O.V., Ju C., Lei G. Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education	188

ПРАВО

Даллакян Л.Г. Проблемы применения правового обычая в контексте доктрины «молчания законодателя» (с позиций российской юридической науки)	196
Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы	206
Имекова М.П. Понятие правового обеспечения	212
Одинцов С.В., Кошелюк Б.Е. Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют	220

LAW

Dallakyan L.G. Issues of application of the legal custom in the context of the legislative silence doctrine (from the perspective of Russian legal science)	196
Dolgieva M.M. Digital crime detriment: Practical issues	206
Imekova M.P. The concept of legal support	212
Odintsov S.V., Koshelyuk B.E. Problems of qualifying crimes associated with the use of cryptocurrencies	220

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81`42
doi: 10.17223/15617793/487/1

Кликбейт по-советски: трансформация принципов озаглавливания в публицистическом тексте 1920–1980-х гг.

Евгения Наумовна Басовская¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*
jeni_ba@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена заголовку, влияющему на отношение адресата к журналистскому тексту. Явление кликбейта, понимаемого как применение средств привлечения читательского внимания, свойственно не исключительно современной медиаречи. На материале журнала «Огонек» 1920–1980-х гг. доказывается, что, несмотря на количественное преобладание малоинформативных номинативных конструкций, советский журнальный заголовок не был лишен аттрактивных приемов, использовавшихся с учетом особенностей целевой аудитории.

Ключевые слова: заголовок, аттрактивные приемы, кликбейт, эффект обманутого ожидания, фактор адресата

Для цитирования: Басовская Е.Н. Кликбейт по-советски: трансформация принципов озаглавливания в публицистическом тексте 1920–1980-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 5–10. doi: 10.17223/15617793/487/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/1

Soviet-style clickbait: Transformation of titling principles in the journalistic text of 1920s–1980s

*Evgeniya N. Basovskaya*¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*
jeni_ba@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problem of journalistic text’s attractiveness and the role of the title in attracting readers’ attention. The author raises the question whether clickbait is a new phenomenon of the era of network communication. The sources of empirical material are publications of the soviet-era *Ogonyok* magazine (10 issues per year of 1924, 1934, 1944, 1954, 1964, 1974, and 1984 are considered). This periodical is chosen for study due to its long history of publication, variety of topics, and great popularity among readers. The author notes that headlines of publications generally corresponded to the principles declared in the works of researchers and textbooks for Soviet journalists: they were simple (mostly nominative type), reflected the main topic of the publication, did not have a sensational character. The slogan-type headlines widely presented in *Ogonyok* are not really expressive, since they have the character of propaganda cliches. Nevertheless, there are a few attractive headlines in the issues of each of the analyzed periods. To ensure the reader’s interest, such techniques are used as reporting about the new, previously non-existent or unknown, about the amazing, grandiose, record, as well as about the terrible, shocking, strange and ridiculous; a question that precedes important or non-standard information; obvious alogism, irony, intriguing metaphor, understatement. The article records individual cases of the use of specific words attracting attention in the titles of *Ogonyok*, atypical for the Soviet journalistic style as a whole (“sex”, “kukish” [the name of an indecent gesture]). The author pays special attention to the examples of “protoclickbate” – headings that mislead the addressee, creating a false idea of the content of the article. Thus, under the title “Sausage grows on a tree”, in 1964 *Ogonyok* publishes a note about an African tree, the fruits of which outwardly resemble liver sausage. For the Soviet reader living in conditions of commodity shortage, the mention of the “sausage tree” plays the role of a “verbal bait”, whose mechanism of action perfectly corresponds to the principles of modern clickbait. The main conclusion of the article is that today there is no reason to talk about the absolute novelty of such a phenomenon as clickbait. It is undoubtedly based on the traditions of pre-computer, in particular, Soviet journalism. Even in the absence of a commercial component, in the conditions of weakened competition between the media in the USSR, each editorial office and each specific journalist sought to interest potential addressees, to please and be remembered by them, to stand out from the general background. The author suggests that the search for techniques that provide readers’ attention should be classified as media universals.

Keywords: title, attention attracting methods, clickbait, deceived expectation effect, addressee factor

For citation: Basovskaya, E.N. (2023) Soviet-style clickbait: Transformation of titling principles in the journalistic text of 1920s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 5–10. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/1

Постановка проблемы и материал исследования. Понятие «кликбейт» вошло в отечественную теорию журналистики и медиалингвистику относительно недавно и пока не имеет общепринятой дефиниции [1]. Однако прозрачная внутренняя форма термина однозначно указывает на связь обозначаемого явления с сетевой коммуникацией, предполагающей возможность «клика», т.е. нажатия клавиши компьютерной мыши с целью перехода к определенному сегменту информации. Интернет как среда существования кликбейта, а также поликодовость медиатекста упоминаются в таком, например, определении феномена: ««Кликбейт» – средство привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, которые в определенных случаях сопровождаются графическими материалами, провоцирующими интернет-пользователей читать конкретный контент в расчете на свойственные человеческой натуре чувства любопытства, возмущения или недоумения» [2].

Нельзя не обратить внимания на то, что эмоциональные состояния, перечисленные в приведенной выше дефиниции в качестве компонентов психологической базы кликбейта, не являются специфичными для новейшего времени. Напротив, они принадлежат к числу фундаментальных свойств личности [3. С. 55]. Возможно ли в таком случае, чтобы авторы текстов, адресованных широкой аудитории, начали эксплуатировать эти человеческие качества только с развитием интернет-технологий? Вопрос следует расценивать как риторический: аттрактивные приемы, в том числе и недобросовестные, базирующиеся на эмоциях адресата, безусловно, применялись в массовой коммуникации задолго до рождения Интернета. Показательно, что в начале 1970-х гг. В.Г. Костомаров характеризовал воздействующий потенциал газетной речи как совмещение «эмоционального заражения и интеллектуального убеждения» [4. С. 67].

Статья посвящена выявлению и исследованию специфики тех заголовков советской прессы, которые могут быть условно обозначены как «протокликбейт». Рекомендации, содержащиеся в выпускавшихся в СССР в учебниках для журналистов, а также наблюдения исследователей, сопоставляются с практикой журнала «Огонек» 1924–1984 гг. Издание выбрано в качестве источника эмпирического материала, во-первых, потому, что «Огонек» – медийный долгожитель, выходящий с 1899 по 2020 г., что позволяет проследить стилистическую эволюцию издания на большом историческом пространстве. Во-вторых, в советский период журнал не имел тематической специализации и был адресован максимально широкой публике. Соответственно, апеллятивные приемы, применявшиеся авторами заголовков, были обращены к «среднему» читателю и имели универсальный характер. Издание

дает возможность сравнить аттрактивные заголовки публикаций на внешне- и внутреннеполитические темы, а также социальные и культурные.

Хронологические границы исследования и принципы выборки (рассмотрено по 10 номеров за 1924, 1934, 1944, 1954, 1964, 1974 и 1984 г.) определяются историко-политическими факторами и сменой главных редакторов журнала. С 1923 по 1938 г. издание возглавлял М.Е. Кольцов, в 1944–1945 гг. – М.К. Добрынин, с 1953 по 1986 г. – А.В. Софронов. Первый из перечисленных периодов характеризовался принципом «революционного просветительства» [5], второй – подчеркнутого патриотизма, третий – советского консерватизма, антилиберального охранительства [6]. Выбор для подробного рассмотрения первых десяти номеров каждого года также обоснован тематически: в январских – мартовских выпусках журнала неизменно отражаются новогодние праздники, день смерти В.И. Ленина, Международный женский день, что делает тексты и сопровождающие их заголовки подлежащими сопоставительному анализу.

Результаты исследования. В условиях однопартийности, партийно-государственной монополии на средства массовой информации и отсутствия свободного рынка конкуренция между СМИ в СССР была существенно ослаблена. Газеты, журналы, радио и телевизионные каналы не должны были обеспечивать себя финансово и не вели напряженной борьбы за читателя, свойственной сегодняшнему медийному пространству. Кроме того, большая часть заголовков традиционной «бумажной» прессы (кроме вынесенных на обложку) не была видна читателю до момента покупки или получения по подписке очередного номера газеты или журнала и не оказывала влияния на решение приобрести данный товар.

В советской теории журналистики заголовку как неотъемлемой части СМИ было отведено определенное место, его значимость традиционно отмечалась как в трудах исследователей, так и в пособиях для работников печати [7–10 и др.]. При этом непременно подчеркивалось, что заголовок должен быть ярким, но не «кричащим», поскольку избыточное внимание к привлекательности формы идеологически чуждо средствам массовой информации при социализме: «Сенсация является характерным приемом для литературного стиля реакционной буржуазной прессы... Печатаемая в изобилии материалы с крикливыми сенсационными заголовками, реакционные газеты развращают читателя, культивируя в массах... нездоровый интерес к сногшибательным новостям... пытаются отвлечь их от политической борьбы» [7. С. 45].

Хороший советский газетный заголовок (специальных работ, посвященных журнальным заглавиям, в тот период не публиковалось) должен был выполнять ряд

функций, перечень которых с небольшими уточнениями повторялся в трудах различных исследователей. Э.А. Лазарева называет в их числе номинативную, информационную, рекламную, экспрессивную, графически-выделительную [10. С. 4]. Интересно, что в данном списке так называемая «рекламная» функция (другой вариант обозначения – «апеллятивная») названа третьей по счету, что косвенно указывает на ее третестепенность. Далее, характеризуя «рекламную» функцию заголовка, автор отмечает, что внимание читателя привлекается как через возбуждение интереса к содержанию публикации, так и через эмоции – любопытство, недоумение, удивление и т.д. Э.А. Лазарева специально подчеркивает, что публицистическому стилю в целом и заголовку СМИ в частности противопоставлен «штамп языка», представляющий собой отражение «штампа мысли» [10. С. 70, 74].

Таким образом, в советской теории газетного заголовка существовало очевидное противоречие между требованием оригинальности, с одной стороны, и категорическим неприятием сенсационности и броскости – с другой. Поскольку идеологические ограничения (прежде всего – необходимость отмежевываться от буржуазной прессы с ее недобросовестными приемами) не позволяли преодолеть этот парадокс, заявления о необходимости творчески подходить к озаглавливанию материала и о недопустимости «кричащих» названий просто делались в разных частях текста и существовали как будто параллельно друг другу.

Этот своеобразный «параллелизм» характерен и для журналистской практики 1920–1980-х гг. Большую часть заголовков «Огонька» составляют формулы, объективно и обобщенно отражающие основное содержание материала. С этой целью широко используются номинативные конструкции: «Пятый съезд Советов Белоруссии» (1924. № 5. С.10); «Биография “Челюскина”» (1934. № 6. С. 4); «Великое заднепровское побоище» (1944. № 7. С. 1); «Совещание механизаторов в Кремле» (1954. № 5. С. 9); «Итоги театрального съезда» (1964. № 5. С. 25); «Делийская встреча» (1974. № 5. С. 6); «Похороны Юрия Владимировича Андропова на Красной площади» (1984. С. 8–9), а также двусоставные предложения и односоставные с главным членом сказуемого типа: «Как обучают в Америке» (1924. № 5. С. 8); «Строим метрополитен» (1934. № 7. Оборот обложки); «Харьков возрождается» (1944. № 7. С. 8); «Страна готовится к выборам» (1954. № 5. С. 1); «Индия празднует» (1964. № 5. С. 4); «Посылка пришла с фронта» (1974. № 9. С. 14); «Победу ждали 22 года. Олег Божьев – абсолютный чемпион мира по скоростному бегу на коньках» (1984. № 10. С. 31).

Еще один вариант советского заголовка – конструкция лозунгового типа (восклицательное предложение, содержащее приветствие, призыв, или невосклицательное, констатирующее характера, часто с использованием оценочной лексики): «Привет авангарду московского пролетариата!» (1934. № 3. Оборот обложки); «Большевистский привет трудящейся женщине!» (1934. № 5. С. 9); «Слава Красной Армии!» (1944. № 5. С. 2); «Навеки вместе» (1954. № 2. С. 1); «Вива Куба!» (1964. № 5. С. 2–3); «Отщепенцу – презрение народа!»

(1974. № 9. С. 4–5); «Превыше всего – интересы народа» (1984. № 3. С. 2).

Если вспомнить классическое положение В.Г. Костомарова о взаимодействии в языке СМИ двух основных начал – экспрессии и стандарта [4. С. 90–148], то появляется возможность выявить важную закономерность. Несмотря на безусловное наличие своего рода экспрессии в заголовках пропагандистского характера, у нас нет оснований говорить о четком распределении типов: стандартный информативный и экспрессивный лозунговый заголовок. Дело обстоит иначе. Безэмоциональный информативный заголовок оказывается несколько менее стандартизированным, чем призывный, – хотя бы в силу неизбежного разнообразия отражаемых в публикациях событий. Продолжая мысль В.Г. Костомарова, мы можем говорить о таком процессе в журналистском тексте, как стандартизация экспрессии. Именно заголовки лозунгового типа составили значительный массив советских штампов, сделавшихся одной из важнейших принадлежностей тоталитарного языка [11. С. 509].

Есть ли в этой системе место условному «протокликбейту» – говоря иначе, аттрактивному заголовку, в котором функция привлечения читательского внимания превалирует над функциями информирования и идеологического воздействия? Анализ 70 номеров журнала «Огонек» 1920–1980-х гг. дает основания для положительного ответа на этот вопрос.

Можно выделить несколько типов аттрактивных заголовков, эксплуатирующих, как уже было отмечено, такие человеческие качества, как любопытство, тяга ко всему необычному, удивительному, шокирующему:

– сообщение о новом, ранее не существовавшем или неизвестном – «Новооткрытые рисунки Лермонтова» (1924. № 1. С. 8); «Новое о Ленине» (1924. № 1. С. 12); «Осваиваем новые заводы и новую технику» (1934. № 1. С. 1); «Неизвестный автограф Генриха Гейне» (1934. № 6. С. 9); «Открытие в Старосельской пещере» (1954. № 3. С. 17); «На новые земли!» (1954. № 9. С. 15); «Новые иллюстрации к “Войне и миру”» (1954. № 9. С. 16); «Новинки международного экрана» (1964. № 4. С. 23); «Новая прописка Журбиных» (1964. № 4. С. 22); «Новые горизонты в технике» (1984. № 6. С. 30);

– вопрос, предваряющий интересную информацию, – «Десять миллионов лет в пустыне Гоби. Где зародился животный мир?» (1924. № 1. С. 13); «Что такое “ножницы”» (1924. № 7. С. 15); «За что карают на Яве?» (1924. № 9. С. 2); «Почему?» (1974. № 2. С. 14); «Как мне проехать?» (о работе справочного киоска) (1984. № 8. С. 22);

– сообщение о грандиозном, рекордном – «Самая большая аудитория в мире» (1924. № 1. С. 7); «Апогей германской нищеты» (1924. № 2. Обложка); «Из Архангельска в Москву. 1250 верст на лыжах!» (1924. № 3. Обложка); «На Новой Земле. Самая северная радиостанция» (1924. № 5. С. 14);

– сообщение об удивительном, сенсационном, исключительно важном – «Женщина – министр в Турции!» (1924. № 1. С. 9); «Чудо актера Смирнова» (1924. № 7. С. 1); «Спасение корабля» (1934. № 8. С. 10); «Все

челюскинцы на материке!» (1934. № 9–10. С. 2); «Одесса освобождена!» (1944. № 12–13. С. 8); «Великое заднепровское побоище» (1944. № 7. С. 1); «Предвидения гениального естествоиспытателя» (1954. № 6. С. 24); «Завод создали студенты» (1964. № 2. Обложка); «Кража в Белом доме» (о том, что в США республиканцы завладели конфиденциальными документами президента-демократа Дж. Картера и Совета национальной безопасности) (1984. № 4. С. 25); «Эта необычная школа» (1984. № 7. С. 6);

– сообщение об ужасном, шокирующем (преступлениях, катастрофах и т.п.) – «Самоубийство Филиппа Додэ» (1924. № 1. С. 14); «Крушение “Левиафана”» (1924. № 7. С. 9); «Удар Никитскому саду» (1924. № 7. С. 10); «Гибель воздушного гиганта» (1924. № 7. С. 11); «Вопиющее преступление дикарей» (о разрушениях в оккупированных фашистами пригородах Ленинграда) (1944. № 4. С. 4–5); «Отравляющие вещества в Леверкузене» (1954. № 5. С. 13); «Тайны “Империи убийств”» (1964. № 3. С. 9);

– сообщение о странном и нелепом, ирония – «Римский папа собирается спасти Россию» (1924. № 1. С. 9); «Новые великокняжеские профессии» (о том, что член царской семьи Г.К. Романов работает приказчиком в лондонском ювелирно-антикварном магазине) (1924. № 3. С. 7); «Сенаторское доение» (фотография американского сенатора Джонсона с любимой коровой) (1924. № 8. С. 3); «Лозунг у входа в пивную» (1964. № 3. С. 6–7); «Злоключения мумии» (1964. № 4. С. 12); «Мадам Пушкин, американский генерал-почтмейстер и крамольный “Огонек”» (1964. № 6. С. 30); «Воры-симулянты» (1964. № 9. С. 31); «Даже пожилые дамы угрожают тростью» (о протестах жителей против уничтожения деревьев в западногерманских городах) (1974. № 1. С. 14);

– алогизм, в том числе оксюморон, – «Агитатор. Голод при полных амбарах» (1924. № 1. С. 4); «Почтенный фальсификатор документов» (1924. № 2. С. 6); «“Приятная” смертная казнь» (1924. № 7. С. 14); «Противоатомный... хлев» (1964. № 1. С. 26); «Воздух строит здание» (1964. № 4. С. 12); «Разведка началась... с библиотеки» (1964. № 5. С. 16); «Крым в Челябинске» (о кабинете климатотерапии в челябинской поликлинике) (1964. № 6. С. 3); «Пожар в бане» (1974. № 1. С. 26); «С новым старым годом» (памфлет о неизменности милитаристской политики США); «Солнце, ветер и биоконверсия» (1984. № 8. С. 22);

– интригующая метафора – «Земной рай» (о садах в одном из кубанских совхозов) (1944. № 1. С. 3); «И камни говорят» (об академике А.Е. Ферсмани – специалисте в области минералогии); «В гостях у полимеров» (1964. № 2. С. 2); «Тайны “слоеного пирога”» (о полезных свойствах горючего сланца, залежи которого горняки находят слоеным пирогом) (1964. № 6. С. 16); «Тройчатка для полей» (1964. № 7. С. 12); «“Сидячие утки”, или “Зубы дракона”» (о политике США в Ливане) (1984. № 7. С. 2);

– недоговоренность, умолчание, использование местоимения без анафорической отсылки – «Ждет свой очереди...» (1924. № 2. С. 7); «Ее решение» (1924.

1924. № 3. С. 1); «... И вот подходит трамвай к остановке...» (1934. № 6. С. 4); «На всеобщее посмешище» (о восприятии общественностью лживых немецких сводок) (1944. № 8. С. 15); «За спасение человека...» (1954. № 5. С. 8); «Через 60 лет...» (1954. № 6. С. 8); «Когда война поглощает миллиарды...» (1954. № 9. С. 28); «Стотысячный московский...» (1964. № 1. С. 2–3); «От “3” до “3”» (о том, что лыжная сборная СССР после Златоуста поедет в Зефельд) (1964. № 3. С. 19) (подчеркнуто везде нами. – *Евг. Б.*).

В редких случаях аттрактивная сила названия статьи концентрируется в конкретных словах, гарантированно привлекающих внимание читателей. Таковы заголовки «Секс на исповеди» (о попытке начинающего французского писателя повторить успех итальянцев Н. Валентини и К. ди Меглион, чья книга о неблагодарном поведении католических священников имела огромный успех) (1974. № 3. С. 27) и «Кукиш в кармане» (об анонимном письме крымских учителей, возмущенных тем, что директор уничтожила голубей на чердаке школы) (1984. № 2. С. 28). На существительные «секс» и «кукиш» не существовало полного запрета – они нашли отражение в ряде советских толковых словарей (в Большом академическом слово «кукиш» характеризуется как просторечное [12. Стб. 1800]; лексема «секс» отсутствует, но есть производные «сексуализм», «сексуальность» и «сексуальный» [13. Стб. 588]). Однако тема секса в печати практически не обсуждалась; стилистически сниженная лексика, особенно обозначающая не вполне приличные жесты, тоже находила на страницах газет и журналов предельно ограниченное применение. Появление «пораженных в правах» слов на страницах одного из главных советских журналов становилось своего рода «стилистическим событием», привлекало читательское внимание, заставляло аудиторию активно обсуждать неканонически названную публикацию.

Наконец, отдельную, весьма малочисленную группу составляют заголовки, соотнесение которых с содержанием публикации однозначно указывает на явление «протокликбейта»: название намеренно вводит читателя в заблуждение, «заманивает» его, не отражая реальной фактологии журналистского материала: «Тоже омолаживание» (о ремонте старых пишущих машин «Ундервуд») (1924. № 1. С. 23); «Призрак в польском сейме» (о «призраке коммунизма», чье присутствие заметно в политической жизни Польши) (1924. № 8. С. 6); «Поиск бессмертия» (о лаборатории медицинского института, где изучают возможности продления человеческой жизни) (1964. № 1. С. 9); «Секрет жизнеспособности» (об истории Театра им. Моссювета) (1964. № 1. С. 28); «Пагубная страсть» (о книголюбях) (1964. № 1. С. 30); «Колбаса растет на дереве» (об африканском дереве, плоды которого внешне напоминают ливерную колбасу) (1964. № 5. С. 32); «Якутский пришелец» (об обнаружении в Якутии останков мамонта) (1974. № 9. С. 28); «Миллион красных шапочек» (о работе вязального цеха и повышении производительности труда) (1984. № 7. С. 5).

Выводы. Обратим внимание на ряд моментов. Атриктивные приемы распределены хронологически относительно равномерно – за исключением заголовков, сообщающих о рекордах, – они типичны только для «Огонька» 1920-х гг. Снижается с течением времени и количество упоминаний об ужасных событиях. Традиция отражения в журнале сенсационной информации, уходящая корнями в дореволюционную журналистику, сохранялась в первые десятилетия советской власти, а позже была прервана по обозначенным выше идеологическим причинам.

Любознательность считалась в СССР качеством положительным (с 1957 г. выходил научно-популярный киножурнал «Хочу все знать», в ряде СМИ существовали рубрики «Знаете ли вы...» и другие подобные). Поэтому вполне закономерно, что такие средства привлечения читательского внимания, как упоминание о новом, ранее неизвестном, о необычном и удивительном, а также постановка вопроса, на который в тексте публикации дается ответ, использовались, пусть и не очень часто, во все периоды выхода советского «Огонька».

Советским средствам массовой информации разрешалось говорить и о странном, алогичном, абсурдном, – но почти всегда применительно к западной жизни. Это отражало общее неодобрительное, саркастическое отношение к «миру капитализма», культивировавшееся официальной пропагандой. Лишь иногда допускалось акцентирование нелепостей в фельетоне, посвященном событиям внутри страны, – разрешенной форме социальной критики.

Использование необычных для советского публицистического стиля слов придавало заголовку большую привлекательную силу, но было сопряжено с серьезным риском: как отдельный сотрудник, так и редакция в целом могли оказаться под огнем партийной критики из-за нарушения принципа «чистоты языка» [14]. Поскольку привлечение публики не было приоритетом некоммерческой советской прессы, ставить репутацию под удар ради броского заголовка не имело смысла, в результате чего названия, включающие тематически и стилистически сомнительные слова, на страницах «Огонька» 1920-х – первой половины 1980-х гг. единичны.

Негативно оценивались специалистами, как мы уже отмечали, и «крикливые» заголовки, чуждые «духу советской печати» [7. С. 48]. В одной из исследовательских работ бессмысленное «упражнение в остроумии» противопоставлялось «сознательной заботе автора о коммуникативной и структурной спаянности текста» [8. С. 89]. Случаи же «протокликбейта», в которых заглавие ведет по ложному следу и создает эффект обманутого ожидания [10. С. 46], можно толковать двояко: и как нарушение композиционного единства, и как его обеспечение нестандартными средствами. С учетом вероятности первого варианта журналисты и редакторы «Огонька» прибегали к помощи «обманного» заголовка нечасто и с осторожностью: подобные названия допускались только для публикаций на международные или же внутривосточные, но узкие, преимущественно бытовые темы.

Важнейший итог проведенного исследования заключается в том, что сегодня нет оснований говорить об абсолютной новизне такого явления, как кликбейт. Оно, несомненно, опирается на традиции докомпьютерной журналистики, в частности – советской. Приемы, обеспечивающие читательское внимание, следует отнести к разряду медийных универсалий. Даже в отсутствие коммерческой составляющей, в условиях ослабленной конкуренции между СМИ каждая редакция и каждый конкретный журналист стремятся заинтересовать потенциального адресата, понравиться и запомниться ему, выделиться на общем фоне.

Опыт советского «Огонька» доказывает, что атрибутивность журнального заголовка не может быть полностью отменена даже в условиях жесткой цензуры и авторских самоограничений. В то же время для неискушенного читателя, живущего в мире ментальных и словесных штампов, даже незначительное отступление от шаблона обладает высокой степенью притягательности. Такая поправка на фактор адресата необходима при оценке любых экспрессивных приемов советских СМИ. С ее учетом уровень атрибутивности заголовков «Огонька» 1920–1980-х гг. мы считаем правильным оценить как относительно высокий. Отдельные описанные нами образцы названий могут служить примером точного, корректного и оригинального озаглавливания. Основной же массив советских журнальных заголовков требует дальнейшего детального изучения.

Список источников

1. Кузнецов Е.С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 48–54.
2. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации // Медиаскоп. 2018. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (дата обращения: 12.08.2022).
3. Изард К.Е. Эмоции человека: пер. с англ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 439 с.
4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 267 с.
5. Танцева А.В. «Огонек» – еженедельник советской страны: к истории функционирования в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 135–140.
6. Головин Ю.А. Факторы трансформации и успешности в долгосрочной перспективе журнала «Огонек» // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Междунар. науч. конф. Доклады и материалы: в 2 ч. / под общ. ред. И.М. Ильинского. 2019. С. 137–143.
7. Бессонов А.П. Газетный заголовок. Л.: Лениздат, 1958. 62 с.
8. Кайда Л.Г. Роль заголовка в организации подтекста в фельетоне // Проблемы журналистики. Вып. 8. Мастерство журналиста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 87–89.
9. Кулаков А.Н. Заголовок и его оформление в газете. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 87 с.
10. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
11. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. СПб.: ПраймЕврознак, 2005. 576 с.

12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. 1918 стб.
 13. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 13. 1516 стб.
 14. Басовская Е.Н. Советская пресса – за «чистоту языка» : 60 лет борьбы. М. : Изд. центр Рос. гос. гум. ун-та, 2011. 330 с.

References

1. Kuznetsov, E.S. (2021) Evolyutsiya klikbeyta: ot instrumenta zheltoy pressy k klyuchevoy tekhnologii internet-SMI [The evolution of clickbait: from a yellow press tool to a key technology of Internet media]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2 (25). pp. 48–54.
2. Vol'skaya, N.N. (2018) Klikbeyt kak sredstvo sozdaniya lozhnoy informatsii v internet-kommunikatsii [Clickbait as a means of creating false information in Internet communication]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2450> (Accessed: 12.08.2022).
3. Izard, C.E. (1980) *Emotsii cheloveka* [Human emotions]: Translated from English Moscow: Moscow State University.
4. Kostomarov, V.G. (1971) *Russkiy yazyk na gazetnoy polose* [Russian language on a newspaper page]. Moscow: Moscow State University.
5. Tantseva, A.V. (2015) “Ogonek” – ezhenedel'nik sovetsoy strany: k istorii funktsionirovaniya v 1920-e gody [“Ogonyok”, a weekly magazine of the Soviet country: on the history of functioning in the 1920s]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 4. pp. 135–140.
6. Golovin, Yu.A. (2019) [Factors of transformation and success in the long term of the magazine “Ogonyok”]. *Vyshee obrazovanie dlya XXI veka: rol' gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste tekhnologicheskikh i sotsiokul'turnykh izmeneniy* [Higher education for the 21st century: the role of liberal education in the context of technological and socio-cultural changes]. Proceedings of the XV International Conference. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 137–143. (In Russian).
7. Bessonov, A.P. (1958) *Gazetnyy zagolovok* [Newspaper headline]. Leningrad: Lenizdat.
8. Kayda, L.G. (1976) Rol' zagolovka v organizatsii podteksta v fel'etone [The role of the title in the organization of the subtext in the feuilleton]. In: *Problemy zhurnalistiki* [Journalism Problems]. Vol. 8. Leningrad: Leningrad State University. pp. 87–89.
9. Kulakov, A.N. (1982) *Zagolovok i ego oformlenie v gazete* [The headline and its design in the newspaper]. Leningrad: Leningrad State University.
10. Lazareva, E.A. (1989) *Zagolovok v gazete* [Newspaper headline]. Sverdlovsk: Ural State University.
11. Lifton, R. (2005) *Tekhnologiya “promyvki mozgov”*: *Psikhologiya totalitarizma* [Thought reform and the psychology of totalism: the study of brainwashing in China]. Translated from English. St. Petersburg: PraymEvroznak.
12. Chernyshov, V.I. (ed.) (1956) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Chernyshov, V.I. (ed.) (1962) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Basovskaya, E.N. (2011) *Sovetskaya pressa – za “chistotu yazyka”*: 60 let bor'by [The Soviet press is for the “purity of the language”: 60 years of struggle]. Moscow: RSUH.

Информация об авторе:

Басовская Е.Н. – д-р филол. наук, зав. кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: jeni_ba@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Basovskaya, Dr. Sci. (Philology), head of the Media Speech Department, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: jeni_ba@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.09.2022;
 одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 05.09.2022;
 approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 81.37, 811.131.1, 811.161.1, 519.767
doi: 10.17223/15617793/487/2

Семантические фреймы сенсорных качеств вкуса в русском и итальянском языках

Георгий Борисович Блинников¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
georgijblinnikov@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена сравнению семантических полей кислого вкуса в итальянском и русском языках с использованием фреймового подхода к лексической типологии. Показано, что данные языки в принципе сопоставимы друг с другом по фреймовой структуре, но различны в стратегиях лексического кодирования. Несмотря на то что и русский и итальянский языки пользуются парой прилагательных для обозначения центра категории кислого вкуса (**кислый, терпкий** в русском языке и **acido, aspro** в итальянском языке), были найдены нетривиальные различия в организации семантики вкуса в этих языках, которые могут быть отражены на соответствующих лексико-семантических картах.

Ключевые слова: фреймовый подход, семантическое поле, сенсорные качества, качество вкуса, кислый, итальянский язык, русский язык, переводные эквиваленты

Источник финансирования: работа поддержана РФФИ, проект № 20-013-00674 А.

Для цитирования: Блинников Г.Б. Семантические фреймы сенсорных качеств вкуса в русском и итальянском языках // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 11–21. doi: 10.17223/15617793/487/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/2

Semantic frames of gustatory qualities in Italian and Russian languages

Georgiy B. Blinnikov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
georgijblinnikov@gmail.com

Abstract. This article presents a linguistic analysis of the semantic field of the sour taste, which stands out among other sensory qualities. First, taste is a complex sensation produced not only by taste receptors on the tongue but also by gustatory, temperature and chemical receptors as well as by mechanoreceptors. Second, the Italian language offers a large variety of synonyms for the sour taste. The investigation consisted of the following stages: (I) searching for adjectives whose definitions contained the chosen property in definition dictionaries; searching for nouns denoting foods and drinks which can collocate with the adjectives of this semantic field with a high degree of probability; (II) analyzing the collocation power of the found adjectives and the nouns via text corpora and surveying of native speakers; (III) identifying typical collocations of each adjective, specifying their definitions; (IV) identifying frames and parameters of the frame structure, drawing of the semantic map that reflects the conceptual and lexical structure of the entire semantic field. The investigation has found two parameters of the frame structure: a thematic class parameter (chocolate, tea, coffee, wine, yoghurt, fruit, juice, lemon, apple, vinegar) and a property immanence parameter (ripeness of fruits, susceptibility to marination/fermentation and rottenness of food). An important distinction is between fresh and rotten foods. Lexemes denoting rotten foods (like yoghurt gone sour) can collocate with nouns which denote fresh foods (It. *acido*, Rus. *kislyy*); whereas lexemes which denote fresh taste (It. *aspro*, Rus. *terpkij*) cannot be used in collocations with nouns meaning rotten foods. The comparison between the semantic field structures in the Russian and Italian languages reveals a certain symmetry: each language has two main adjectives (*kislyy, terpkij* in Russian and *acido, aspro* in Italian). The Russian lexeme *kislyy* covers roughly the same frames as the Italian lexeme *acido*, whereas the Russian lexeme *terpkij* covers almost the same frames as the Italian lexeme *aspro*. Italian, however, has lexemes whose usage is restricted to one (as with *agro*) or two frames (for example, *acre*). The comparison between the pairs of the main sour adjectives also reveals differences in their evaluative perception by natives. Italian informants described *aspro* as a more pleasant taste than *acido*, whereas Russian informants described both *kislyy* (equivalent of *acido*) and *terpkij* (equivalent of *aspro*) as unpleasant tastes.

Keywords: frame approach, semantic field, sensory qualities, taste qualities, sour, Italian, Russian, translation equivalents

Acknowledgement: This research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-013-00674 A.

For citation: Blinnikov, G.B. (2023) Semantic frames of gustatory qualities in Italian and Russian languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 11–21. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/2

Введение

Общие замечания. Работа посвящена лингвистическому исследованию вкусовых качеств – на примере семантического поля КИСЛЫЙ. Мы используем фреймовый подход [1], который зарекомендовал себя как удобный метод сравнения семантических полей в разных языках. Последователи этого подхода вслед за Московской семантической школой (см. прежде всего [2, 3]) исходят из предпосылки, что в языке не бывает полных синонимов. Разницу между ними можно выявить при сравнении типичных контекстов, в которых эти синонимы употребляются, и типичных ситуаций (фреймов), которым такие контексты соответствуют. Сравнивая, как разные языки комбинируют фреймы с помощью лексем одного и того же семантического поля, мы лучше понимаем и семантику исходных лексем, и лексические системы этих языков. На сегодняшний день в рамках фреймового подхода были проанализированы самые разнообразные семантические поля на материале десятков языков. Изучались как глагольные семантические поля (например, в монографиях, посвященных глаголам плавания [4], глаголам боли [5], глаголам звучания [6]), так и адъективные ([7–9] и др.). Сравнение фреймового членения семантических полей на выборке многих языков позволяет увидеть все разнообразие паттернов лексического выражения соответствующих им значений и выявить закономерности, являющиеся универсальными для всех языков мира.

Для нас безусловным достоинством фреймового подхода является то, что он может успешно применяться для изучения языковой репрезентации сенсорных качеств, интерпретация которых представляет трудности для традиционных методов анализа, как экспериментального [10, 11], так и лексикографического, где толковые словари вынужденно создают так называемые порочные круги: одно сенсорное прилагательное определяется через другое, а второе – через первое. Для фреймового подхода, который апеллирует к фреймам как типичным контекстам, в этом случае трудностей нет, потому что нужные сенсорные фреймы устроены очень просто: ключевым элементом контекста выступает объект – носитель признака, ему соответствует существительное, от которого зависит сенсорное прилагательное, обозначающее качество этого объекта. Таким образом, для решения нашей исследовательской задачи мы должны собрать и исследовать все характерные для данного сенсорного признака пары: признак + имя объекта (носителя вкуса).

Семантическое поле кислого вкуса интересно нам по нескольким причинам. Во-первых, ощущение вкуса

является комплексным и формируется не только с помощью вкусовых рецепторов на языке, но и обонятельных рецепторов, а также с помощью текстуры продукта, воспринимаемой механическими рецепторами, температурных и химических рецепторов, распознающих жгучий вкус или вкус ментола. В лингвистическом поведении лексем, передающих качество КИСЛОГО, это обстоятельство должно проявляться в регулярной полисемии этих лексем. Такая полисемия обычно описывается как регулярная смена канала восприятия в процессе семантического сдвига (см.: [12, 13] и др., а также последние работы [14, 15]). Степень ее регулярности нам тоже интересна. Во-вторых, итальянский язык обладает богатой синонимией в данной семантической зоне. Конечно, это не случайно, ведь известно, что вкусовые ощущения определяются не только физиологией человека, но и местной культурой¹. Так, в Италии хорошо развита кулинарная культура. При этом итальянская кухня отличается простотой: обычно используются не более четырех ингредиентов [17], для поваров важнее свежесть ингредиентов, чем изысканность приготовления [18]. Последнее обстоятельство может объяснять этимологию итальянских прилагательных, обозначающих кислоту: она обычно ассоциируется с чем-то щиплющим, кусающим, что свойственно скорее свежим продуктам, чем заквашенным. Среди напитков важное место занимает вино, чье распространение на Апеннинском полуострове датируется как минимум 800 г. до н.э. [19]. В России же из-за необходимости заготавливать еду на зиму большую роль в кухне играет квашение и соление продуктов [20]. Именно с квашением связано происхождение прилагательного *кислый* и родственных ему прилагательных.

КИСЛЫЙ как вкус: лингвистические исследования. Кислый вкус был объектом исследования в ряде лингвистических работ – в частности, с точки зрения естественного семантического метаязыка в статье Клифа Годдарда и Анны Вежицкой [21]. Авторы указывают на то, что вкус как таковой является именно качеством, а не видом объекта, так как фраза *Суп – соленый* не относит суп к виду соленых супов, а указывает на то, каков конкретный суп. Между тем для построения семантической структуры физических качеств важно то обстоятельство, что человек воспринимает их с помощью сенсорных систем через непосредственный контакт с объектом, обладающим таким свойством. В случае вкуса это общее свойство физических качеств сохраняется, просто соприкосновение локализуется на языке. При этом КИСЛЫЙ оказывается самым сложным из всех базовых вкусов – если описывать его на семантическом метаязыке.

Так, для качества 'солёный' описание отталкивается от того факта, что объект, им обладающий, содержит в себе соль; для качества 'сладкий' в описание включено, что 'сладкий' является приятным для человека свойством. Что касается описания качества 'кислый', то авторы, отмечая антонимичность 'кислого' 'сладкому', утверждают, что кислое может быть описано как нечто, в чем сахар отсутствует. Кроме того, у него есть специфическое проявление: человек морщится, когда он чувствует кислый вкус. [22. Р. 77].

Асифа Маджид, которая представляет известную психолингвистическую школу Института им. Макса Планка в Неймегене, также занималась исследованием вкусов вместе со своими коллегами [23]. Ссылаясь на исследование Майерса [24], она пишет, что в целом все четыре базовых вкуса (сладкий, солёный, кислый, горький) различаются и лексически противопоставляются во многих языках мира, однако встречаются языки, в которых некоторые из них совмещены в одной лексической единице. Так, зафиксированы совмещения сладкого с солёным и кислого с горьким. Встречаются и объединения в кластеры трех качеств: солёного, кислого и горького, а также сладкого, солёного и кислого, и кислый выглядит как наиболее амбивалентный вкус. Автор делает вывод о близости, с одной стороны, сладкого и солёного вкусов, а с другой – кислого и горького.

Еще одна работа, которую хотелось бы отметить, это статья [25], в которой отмечается противопоставленность сладкого вкуса остальным базовым вкусам, и в качестве важного параметра исследуемых качеств выделяется их имманентность. Так, если русские прилагательные *сладкий* и *горький* обычно обозначают естественный вкус продукта, *солёный* и *кислый* скорее подразумевают, что описываемый ими вкус был продуктом приобретен. Авторы исследования находят подтверждение данному факту и в образовании данных лексем (в русском *солёный* и *кислый* являются отглагольными прилагательными).

Признавая важность этих работ для нашего исследования, отметим, что они касаются в первую очередь сравнения КИСЛОГО с другими вкусами, но не затрагивают соотношения лексем внутри самого семантического поля КИСЛЫЙ. Используемый в данной работе фреймовый подход позволяет установить разницу между лексическими единицами на более детальном уровне. Тем не менее характеристики, выявленные при сравнении разных базовых вкусов (как, например, имманентность), можно использовать и при исследовании лексики, представляющей одно и то же поле. Заметим, что используемый подход не опирается на данные смежных областей знания (психологии, физиологии и т.д.)², что позволяет провести четкую границу между феноменами языка, с одной стороны, и физиологии и культуры – с другой.

Методология изучения семантических полей в итальянском и русском языках

При изучении семантического поля в каждом из языков мы использовали толковые словари, корпуса и

работу с носителями по специально составленным анкетам. Анализ семантических полей состоял из следующих этапов:

I) Из толковых словарей отбирались все прилагательные, дефиниции которых содержали выбранный признак. Таким образом очерчивались границы семантического поля. Для русского языка использовались Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [26], Малый академический словарь (МАС) [27], Толковый словарь Ушакова [28], Словарь русского языка С.И. Ожегова [29] и Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера [30]. Для итальянского языка использовались словарь Треккани [31] и словари под редакцией Де Мауро [32] и Стоппелли [33]; этимология лексем до латинского периода была прослежена по итальянским толковым словарям, индоевропейская реконструкция дана по этимологическому словарю латыни де Ваана [34].

II) Составлялся список существительных, которые с высокой долей вероятности могут сочетаться с прилагательными данного семантического поля (использовались примеры из словарных статей, существительные из наиболее распространенных словосочетаний в текстовых корпусах). Если группа существительных выделялась на фоне других групп сочетаемостью с прилагательными поля, она становилась основой для выделения фрейма.

Как для русского, так и для итальянского языков был отобран ряд аналогичных существительных, обозначающих продукты питания и напитки, которые либо в своем нормальном состоянии являются кислыми, либо могут быть кислыми потенциально. Это *vinо/vino*, *frutto/плод (растительный)*, *mela/яблоко*, *limone/лимон*, *succo/сок*, *bevanda/напиток*, *yog(h)urt/йогурт*, *birra/ пиво*, *aceto/уксус*, *latte/молоко*, *crema/сливки*.

Были добавлены существительные-стимулы *cioccolato/шоколад* и *tè/чай*, которые в русском языке могут обозначаться лексемой *терпкий*, но не лексемой *кислый*.

Кроме того, только в корпусе русского языка было найдено значимое количество словосочетаний с существительными *квас*, *капуста (квашеная)*, *огурец (маринованный)* и *кефир*, так как продукты, обозначаемые ими, практически не используются в итальянской кухне.

В связи с тем что кислым может быть не только вкус, но и запах, проанализированы словосочетания и с существительными *odore/zanax*.

III) С помощью корпуса и анкетирования носителей языка анализировалась способность прилагательных поля сочетаться с группами существительных из соответствующего списка, учитывались запреты на сочетаемость, подсчитывалось количество сочетаний. Для этого использовался корпус итальянских текстов Sketch Engine [35] и Национальный корпус русского языка [36]. В качестве респондентов (экспертов) были привлечены носители итальянского и русского языков, изучающие лингвистические дисциплины в высших учебных заведениях или получившие высшее лингвистическое образование: 20 человек, для которых родным языком выступает итальянский (7 мужчин,

13 женщин; средний возраст респондентов составил 35,2 года), и 20 человек (10 мужчин, 10 женщин; средний возраст респондентов составил 31,4 года), для которых родным языком выступает русский.

Была подготовлена анкета как на русском, так и на итальянском языках, включающая в себя 12 предложений с пропусками, например:

ит. «Non mi piacciono le mele ..., mi piacciono le mele dolci».

рус. «Мне не нравятся ... яблоки, мне нравятся сладкие яблоки».

Респонденты должны были выбрать одно или несколько прилагательных из списка (список итальянских и русских прилагательных смотрите ниже). Они также имели возможность предложить свои варианты, если предложенные лексемы казались им неподходящими.

IV) Определялась типичная сочетаемость каждого прилагательного, уточнялось его значение.

V) На основе сочетаемости выделялись параметры фреймового членения поля и сами фреймы, создавалась *семантическая карта* для всего семантического поля, отражающая его концептуальное и лексической членение.

Семантическое поле с инвариантным качеством кислого вкуса в итальянском языке

Семантическое поле кислого вкуса в итальянском языке обладает большим набором лексических средств. Всего было выделено семь прилагательных: *acido* 'кислый', *acidulo* 'кисловатый', *aspro* 'терпкий', *asprigno* 'терпковатый', *acre* 'кислый', *agro* 'кислый', *inacidito* 'скисший'³. Однако частотными лексемами являются из них лишь *acido* и *aspro*, менее употребительными можно назвать *acidulo*, *acre*, *inacidito*, *asprigno* и *agro*.

Acido – происходит от латинского прилагательного *acidus* 'кислый', которое, в свою очередь, восходит к праиндоевропейскому корню **h₂ek-* 'острый'. Данная лексема обозначает прототипический кислый вкус. Потенциально она сочетается с существительными, обозначающими любые продукты, которые можно попробовать на вкус. Прилагательное обозначает, скорее, неприятный и насыщенный кислый вкус, который также может свидетельствовать об испорченности продукта. Типичным вкусом, ассоциируемым с прилагательным *acido*, является вкус уксуса (*aceto*)⁴.

Главным образом, прилагательное образует словосочетания с существительными, обозначающими молочные продукты. В то время как сочетания с существительным *yogurt* 'йогурт' просто сигнализируют о его кислом вкусе, словосочетания с существительным *latte* 'молоко' говорят о том, что молоко скисло и уже испорчено⁵. Об испорченности продукта (или как минимум о его неприятном вкусе) свидетельствуют и сочетания прилагательного *acido* с существительным *vin*. Не столь однозначно оцениваются словосочетания прилагательного с существительными *succo* 'сок', *bevanda* 'напиток': и в ответах респондентов (50% опрошенных⁶), и в примерах из текстового корпуса

напитки часто характеризуются просто как кислые (но не испорченные).

Словосочетания с существительными, обозначающими фрукты и плоды (например, *limone* 'лимон'), менее характерны для прилагательного *acido* (в значении 'кислый' без негативной коннотации). Прилагательное не встречается в словосочетаниях с существительными *cioccolato* 'шоколад' и *tè* 'чай'.

Кроме этого, *acido* может означать 'кислотный' в химическом смысле: *equilibrio acido-basico dell'organismo* 'кислотно-щелочной баланс организма'.

(1) *...si è da tempo riconosciuta l'esistenza di quattro sensazioni gustative definite fondamentali: dolce, amaro, salato e acido*⁷.

'...уже давно общепризнанным считается существование четырех вкусовых ощущений, называемых базовыми: сладкое, горькое, соленое и **кислое**'.

Acidulo – происходит от латинского *acidulus* 'кисловатый', являющегося производным от латинского *acidus* с уменьшительным суффиксом *-ulus*. Лексема обладает схожей сочетаемостью с прилагательным *acido*, однако обозначает более слабый и приятный вкус по сравнению с *acido* (и более слабый вкус, чем у продуктов, обозначенных лексемой *aspro*).

Aspro – первым значением, согласно словарю Треккани, является «шершавый на ощупь». Прилагательное происходит от латинского прилагательного *asper* 'шершавый, колючий', которое в свою очередь восходит к праиндоевропейскому корню **h₂esp-* 'резать'. В значении 'кислый' по широте сочетаемости соперничает с прилагательным *acido* и также обозначает прототипический кислый вкус. *Aspro* отличается от прилагательного *acido* тем, что обозначает менее неприятный и менее интенсивный вкус, а также не может означать, что продукт испорчен. Наоборот, прилагательное показывает, что вкус является свежим и скорее вяжущим (как у незрелых плодов) и терпким (как у вина). Соответственно, в основном сочетается с существительными *frutto* 'плод, фрукт', *mela* 'яблоко', *vin* 'вино'. Сочетания с существительными фреймов «Ферментированные/маринованные продукты», «Шоколад, чай», «Укус», «Запах», «Испорченные продукты» не встречаются. На русский язык может переводиться как *терпкий*, однако итальянское прилагательное включает в себя семантику как русского прилагательного *терпкий*, так и русского прилагательного *кислый*.

(2) *La sensibilità della lingua ai gusti primari di dolce, salato, amaro, aspro... è principalmente da ricondursi alle reazioni...*⁸

'Чувствительность языка к первичным вкусам сладкого, соленого, горького и **кислого**... большей частью, может быть сведена к реакциям...'

Asprigno – производное от лексемы *aspro* с суффиксом *-igno*, выражающим более слабое качество по сравнению с исходным прилагательным. *Asprigno* обладает идентичной сочетаемостью и схожим значением с прилагательным *aspro*, однако обозначает более слабый вкус.

(3) *Altro cespuglio è il mirto, dal frutto asprigno e le foglie fortemente aromatiche...*⁹

‘Другим кустарником является мирт, растение с **кисловатыми** плодами и исключительно душистыми листьями...’

Acre – от латинского прилагательного *acer* ‘острый’, которое происходит из праиталийского *akris ‘острый’, которое в свою очередь восходит к праиндоевропейскому прилагательному *h₂krós ‘острый’. В значении ‘кислый’ используется редко, означает резкий, неприятный вкус. Прилагательное обычно используется для обозначения качества запаха, а не вкуса.

(4) ...*Le olive vengono messe a mollo in acqua per una settimana, avendo cura di cambiare l'acqua ogni giorno, sia per lavarle che per eliminare un po' del loro sapore acre*¹⁰.

‘Оливки замачиваются в воде неделю, при этом воду меняют каждый день, как для того, чтобы обмыть их, так и для того, чтобы их вкус не был таким **кислым**’.

Agro – дублет прилагательного *acre*, обладает схожей этимологией¹¹, но, несмотря на это, их сочетаемость не совпадает. Лексема является малоупотребительной, обозначает слабый кислый вкус. Сочетается в основном с существительными, обозначающими незрелые плоды.

(5) ...*due terzi di rum o di acquavite e un terzo di succo di limone o di un'arancia agra*...¹²

‘...две трети рома или водки и треть лимонного сока или сока **кислого** апельсина...’

Inacidito – по форме является причастием: происходит от глагола *inacidire* ‘скисать’, который в свою очередь происходит от прилагательного *acido*. Лексема обозначает скисший и испорченный продукт и является относительно нечастотной. Наиболее распространенные словосочетания: *latte inacidito* ‘кислое (скисшее) молоко’ и *vino inacidito* ‘скисшее вино’.

(6) *Se vuoi che la casa vada bene, non devi gettare neanche il vino inacidito, il pane non lievitato e l'olio che ha preso un cattivo sapore*¹³.

‘Если хочешь, чтобы в доме все шло хорошо, ты не должен выбрасывать даже **скисшее** вино, не поднявшийся хлеб и масло с неприятным привкусом’.

Семантическое поле с инвариантным качеством кислого вкуса в русском языке

В русском языке изучаемое семантическое поле располагает восемью центральными прилагательными: *кислый*, *кисловатый*, *кисленький*, *прокисший*, *прокислый*, *скисший*, *терпкий*, *вяжущий*. Наиболее значимыми из них можно считать *кислый* и *терпкий*.

Терпкий и *вяжущий* представляют в русском языке особый интерес. Во-первых, их отношение к семантическому полю КИСЛЫЙ неочевидно. Мнения респондентов в этом вопросе расходятся диаметрально: примерно 40% опрошенных считают, что *терпкий* и *вяжущий* ближе к горькому вкусу, 20% – к кислому вкусу, 40% считают, что *терпкий* и *вяжущий* не близки ни горькому, ни кислому вкусу. Во-вторых, описание

данных вкусов вызывает сложности как у авторов словарей, так и у информантов. Попробуем разобраться в этих проблемах.

Некоторые обстоятельства все-таки позволяют нам отнести данные лексемы на периферию семантического поля кислого вкуса. Это подтверждается следующим: 1) в трех основных толковых словарях русского языка [27–29] терпкий вкус сравнивается с вяжущим вкусом, а также отмечается, что такой вкус может вызывать «оскомину» [26]. При описании же вяжущего вкуса словарь Ожегова использует определение «неприятно кислый», а в словаре Ушакова дана следующая дефиниция: «Набить оскомину (себе) – получить вяжущее ощущение во рту после употребления в пищу чего-нибудь *кислого* или *терпкого*» (курсив мой. – Г.Б.); 2) часть опрошенных носителей русского языка считают, что *терпкий* и *вяжущий* имеют отношение к кислому вкусу.

При этом стоит учитывать, что прилагательное *терпкий* также описывает продукты, которые прототипически не являются кислыми ни в русском, ни в итальянском языках.

Заслуживает внимания разница в оценочном восприятии лексем *кислый*, *терпкий* и *вяжущий*¹⁴. В корпусе русского языка у всех трех лексем в тех случаях, когда оценка эксплицитована, она обычно является негативной. Например, словосочетание *кислый вкус* (всего 55 вхождений в корпус) в семи случаях имеет отрицательную оценку, в двух случаях – положительную, в остальных случаях оценка отсутствует. У словосочетания *терпкий вкус* (33 вхождения) встречается только отрицательная коннотация в тех случаях, когда она выражена (всего три примера). Словосочетание *вяжущий вкус* в пяти случаях обладает негативной коннотацией, в двух случаях – позитивной (всего 29 вхождений). Однако такая ситуация, видимо, верна только для вкусовых ощущений. Если посмотреть на сочетания исследуемых прилагательных с существительным *запах*, то мы увидим другую картину: если у словосочетания *кислый запах* превалируют негативные оценки (25 негативных против 1 позитивной на 139 примеров), то словосочетание *вяжущий запах* не обладает в примерах ни позитивной, ни негативной коннотацией (всего 5 вхождений), а *терпкий запах* встречается в равной степени как в примерах с негативной (6 примеров), так и с позитивной коннотацией (5 примеров).

Было также предложено оценить *кислый*, *терпкий* и *вяжущий* по шкале «приятный – неприятный» от 0 до 10 носителям русского языка из нашей выборки. Количественный¹⁵ и качественный анализ данных позволил сделать ряд заключений. В целом респонденты оценили *кислый* и *терпкий* большей частью как умеренно приятные вкусы. *Кислый* получил по этой шкале 6,24 балла (SD = 1,61), а *терпкий* – 5,86 баллов (SD = 1,77), т.е. их оценки были выше среднего. В то время как *вяжущий* оценивался как неприятный вкус, получив только 3,62 балла (SD = 1,72). Разница между оценками респондентов приятности *кислого* и *терпкого* вкусов была незначимой (W = 418,0; p = 0,392), в то время как разница между оценками *кислого* и *вяжущего* (W = 290,5; p < 0,01), а также *терпкого* и *вяжущего* (W = 309,0; p < 0,01) оказалась статистически значимой. Стоит, однако, отметить,

что 52,4% наших респондентов оценили *кислый* как более приятный вкус по отношению к *терпкому*, 33,3% указали, что считают *терпкий* более приятным, чем *кислый*, а 14,3% дали им одинаковые оценки по шкале приятности ощущений. Таким образом, можно сказать, что *терпкий*, по оценкам носителей русского языка, является несколько менее приятным вкусом по сравнению с *кислым*. При этом стоит подчеркнуть существование значительных индивидуальных различий в оценках данных вкусовых ощущений.

Далее на основе проанализированной сочетаемости мы рассмотрим семантику, поведение и частотность каждого из прилагательных данного поля.

Кислый – происходит из праиндоевропейского *kuthitas* ‘вонючий’, с другой ступенью вокализма дал праславянского *kvasъ, из которого произошло и русское существительное *квас*. Прилагательное является отглагольным (ср.: глагол *скисать*). Основная лексема данного поля, покрывающая все значения, связанные с ощущением кислого. Она способна вступать в словосочетания со всеми существительными, обозначающими продукты, которые можно попробовать на вкус. Опрос носителей показал, что данный вкус воспринимается скорее как приятный. Прототипические словосочетания включают в себя *кислое молоко* и *кислое вино*. Из выделенных нами слов *кислый* не употребляется только с существительным *шоколад*. Также нетипично использование прилагательного для обозначения испорченности продукта. Производные от этого прилагательного лексемы **кисловатый** и **кисленький** обозначают меньшую интенсивность качества.

(7) *Опустошая бутылки с шампанским брют (а много французы тогда и не пили), гусары потребовали подсластить кислое вино, что мадам и сделала, обронив при этом крылатую фразу: «Пусть пьют, а расплачиваться будет вся Россия!»*¹⁶

Прокисший – по форме является причастием, однако может подвергаться адъективации (по значению схоже с другим причастием **скисший** и отглагольным прилагательным **прокислый**). Обозначает продукт, испортившийся в результате брожения и получивший кислый вкус. Прототипическое словосочетание: *прокишее молоко*.

(8) *Известь, скрепляющая кирпичи в древние времена, по десяти лет в ямах выдерживалась, в нее лили яйца и прокишее молоко*¹⁷.

Терпкий – происходит из праславянского *trьpъkъ, связанного с глаголом *trьpěti ‘терпеть’; возможно, восходит к праиндоевропейскому корню **ster-* ‘оцепенелый’. В толковых словарях можно найти следующие примеры типичных словосочетаний: *терпкий вкус крепкого чая, шиповника, терпкое вино, терпкий привкус яблока*. Сочетаемость в русском языке позволила выделить единственный уникальный фрейм «Шоколад, чай». Кроме этого, данное прилагательное встречается в фреймах «Вино», «Незрелые плоды», «Фрукты и фруктовые соки», «Запах».

Довольно интересными являются дефиниции, данные респондентами. Так, *терпкий* определяется как вкус, который «кусает язык», от которого «передергивает», после которого язык и ротовая полость становятся «шершавыми». Одним респондентом высказано

мнение, что *терпкий* определяет не вкус, но скорее тактильное ощущение «для слизистой оболочки рта». В качестве продуктов, типично обладающих данным вкусом, были названы крепко заваренный черный чай, красное вино, ягоды черноплодной рябины, темный шоколад. Большинство продуктов, часто определяемых как терпкие, содержат дубильные вещества. Связь между такими веществами и терпким вкусом также показана в работах на английском языке (где эквивалентом русского слова *терпкий* является слово *astringent*) [37].

В целом *терпкий* можно описать как вкус, возникающий от употребления в пищу насыщенно кислых или горьких продуктов (обычно содержащих дубильные вещества), сопровождаемое шершавым ощущением в ротовой полости. Является чуть менее приятным вкусом по сравнению с кислым.

(9) *А как же быть с вкусом незрелых яблок, некоторых терпких вин, ягод, черемухи?*¹⁸

Вяжущий – причастие от глагола *вязать*. Лексема схожа по своей семантике с прилагательным *терпкий*, однако *вяжущий* обозначает менее насыщенный, густой и приятный вкус. Особенность лексемы состоит в том, что обозначение вяжущего вкуса у продуктов требует использования существительного-посредника *вкус*. Такими продуктами прототипически являются ягоды, преимущественно незрелые, а также напитки, обладающие схожим вкусом (соки, вино), таким образом, *вяжущий* относится к фрейму «Незрелые плоды». Однако ввиду того, что лексема в своем вкусовом значении употребляется лишь с существительным *вкус*, ее положение на семантической карте условно. Сочетания с существительными, входящими в другие фреймы, нетипичны.

(10) *...сегодня полная луна, а значит, вечер будет полным, округлым, а ночь – бесконечной, прохладной, словно глоток рецины, со вкусом сосновой смолы, немного вяжущим, терпким...*¹⁹

Фреймовая структура семантического поля «кислый»

На основе сочетаемости русских и итальянских лексем со стимулами поля было выделено восемь фреймов. Большая их часть выделена благодаря особенностям сочетаемости итальянских лексем: «Ферментированные/маринованные продукты» (сущ. *birra/ниво, yogurt/югурт*²⁰), «Укус» (сущ. *aceto/уксус*), «Вино» (сущ. *vino/вино*), «Незрелые плоды» (сущ. *frutto/плод*), «Фрукты и фруктовые соки» (сущ. *limone/лимон, mela/яблоко, succo/сок*), «Запах» (сущ. *odore/запах*).

Сочетаемость в русском языке позволила выделить лишь один уникальный фрейм «Шоколад, чай» (сущ. *cioccolato/шоколад, tè/чай*).

Также наблюдаются сходства между языками: и русский, и итальянский языки выделяют фрейм «Испорченные продукты» (сущ. *latte/молоко, panna/сливки*). Кроме того, для обоих языков релевантна граница между фреймами «Вино», «Незрелые

плоды», «Фрукты и фруктовые соки», «Запах», с одной стороны, и фреймами «Ферментированные/маринованные продукты», «Уксус» и «Испорченные продукты» – с другой. Тогда как первые фреймы могут описываться лексемой *терпкий* (в русском языке) и *aspro* (в итальянском языке), для последних фреймов такая сочетаемость нетипична.

Фрейм «Шоколад, чай» находится на периферии поля, так как объединяет продукты, которые могут быть терпкими, но обычно не бывают кислыми. Фрейм «Ферментированные/маринованные продукты» включает в себя продукты, получаемые с помощью маринования и брожения, включая алкогольные напитки (кроме вина), и в результате этого процесса приобретающие кислый вкус: йогурт, кефир, пиво, квас, квашеная капуста, маринованные огурцы. Несмотря на то что вино также образуется вследствие процесса брожения, оно не попало в вышеназванный фрейм «Ферментированные/маринованные продукты», видимо, ввиду своей особой значимости для итальянской кулинарной культуры и разнообразия распознаваемых вкусов данного напитка. Фрейм «Незрелые плоды» (*frutto/nlod*) выделен благодаря специфичному кислому вкусу незрелых плодов некоторых растений. Фрейм «Фрукты и фруктовые соки»

включает в себя некоторые прототипические объекты (например, лимон и яблоко), а также сок. Несмотря на то что лимон часто приводят в пример в качестве архетипического кислого продукта, его сочетаемость не отличается от других фруктов или соков, сделанных из них. Существительное *aceto* ‘уксус’ приводится в толковых словарях итальянского языка в качестве прототипического носителя кислого вкуса. Фрейм «Испорченные продукты» включает в себя потенциально любые продукты, в результате разложения приобретающие кислый вкус. Прототипическими для этого фрейма являются молочные продукты (молоко, сливки), а также вино. Ввиду того, что фрейм «Запах» не относится к вкусовому сенсору, название данного фрейма на семантических картах выделено курсивом.

В русском языке фрейм «Шоколад, чай» описывается прилагательным *терпкий*. Фреймы «Вино», «Запах» и «Фрукты и фруктовые соки» описываются прилагательными *терпкий* и *кислый*²¹. Фреймы «Ферментированные/маринованные продукты» и «Уксус» описываются прилагательным *кислый*. Фрейм «Испорченные продукты» описывается прилагательным *прокисший*. Фрейм «Незрелые плоды» описывается прилагательными *кислый*, *терпкий* и *вяжущий* (рис. 1).

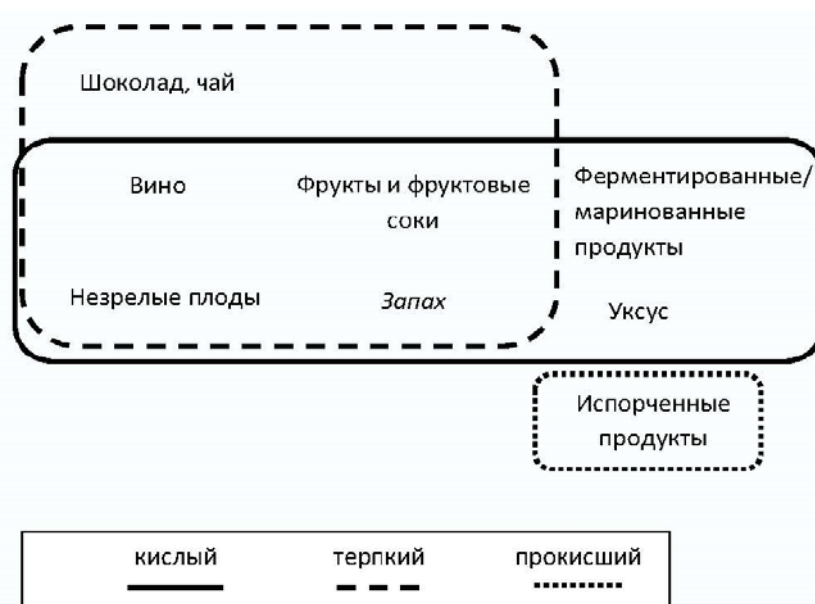

Рис. 1. Фреймовая структура семантического поля кислого вкуса в русском языке

В итальянском языке фрейм «Незрелые плоды» покрывается лексемами *aspro*²², реже *agro*; фрейм «Ферментированные/маринованные продукты» покрывается лексемой *acido*; фрейм «Вино» покрывается лексемой *aspro*; фрейм «Фрукты и фруктовые соки» покрывается лексемами *acido*, *aspro*, реже *acre*; фрейм «Запах» описывается лексемами *acre*, *aspro* и *acido*;

фрейм «Уксус» описывается лексемами *acre*, *acido*; фрейм «Испорченные продукты» описывается лексемами *acido*, *inacidito*, *acre* (рис. 2). Фрейм «Шоколад, чай» не описывается ни одним из итальянских прилагательных данного семантического поля, что свидетельствует о периферийном положении этого фрейма²³.

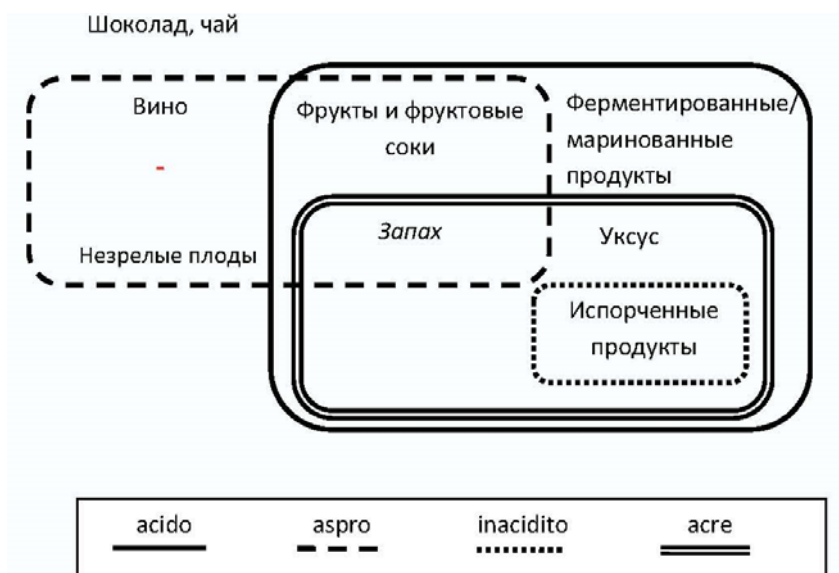

Рис. 2. Фреймовая структура семантического поля кислого вкуса в итальянском языке

Не все продукты питания отражены на представленных семантических картах. Некоторые из них редко бывают кислыми (как, например, печенье), в то время как некоторые бывают кислыми лишь в испорченном состоянии. В последней группе стоит отметить молочные продукты (молоко, сливки и т.п.): их кислый вкус сигнализирует об их испорченности.

Заключение

Было выделено два параметра фреймового членения: параметр тематического класса (шоколад, чай, кофе, вино, йогурт, растительный плод, сок, лимон, яблоко, уксус) и параметр имманентности свойства (зрелость плодов, подверженность ферментации/маринованию и испорченность продуктов).

Важным представляется деление вкусовых качеств на свежие и несвежие. При этом лексема, обозначающая продукты с измененным, испорченным вкусом (например, уксус или йогурт), может употребляться и с существительными, обозначающими продукты со «свежим» вкусом (ит. *acido*, рус. *кислый*); тогда как лексемы, чьим основным значением в данном семантическом поле является «свежий» вкус (ит. *aspro*, рус. *терпкий*), не могут применяться для обозначения вкуса «несвежих» продуктов.

Подводя итоги, мы можем отметить, что при сравнении структуры семантических полей в русском и итальянском языках наблюдается определенная симметрия, что позволяет выделить две пары основных прилагательных в русском (*кислый*, *терпкий*) и итальянском (*acido*, *aspro*) языках. Так, русская лексема *кислый* покрывает примерно те же фреймы, что и итальянская лексема *acido*, а покрытие фреймов русской лексемой *терпкий* примерно соответствует покрытию фреймов итальянской лексемой *aspro*. Одновременно с этим итальянский располагает лексемами, чье упо-

ребление ограничено одним (как в случае с прилагательными *agro*) или двумя фреймами (например, прилагательное *acre*).

Сравнение пар основных прилагательных, обозначающих кислый вкус, также показывает различие в их оценочном восприятии носителями. Если итальянское *aspro* информанты описывали как более приятный вкус, чем *acido*, то в русском *кислый* (условный эквивалент *acido*) оценивался как немного более приятный вкус, чем *терпкий* (условный эквивалент *aspro*).

Заслуживает внимания тот факт, что в диахроническом плане *кислый* и *терпкий* в русском являются отглагольными прилагательными. Если словообразование прилагательного *кислый* подразумевает, что продукт подвергся некому процессу (скисанию), то в случае прилагательного *терпкий* наиболее вероятным представляется, что оно произошло от переживания человеком неприятного вкуса (который нужно было «терпеть»).

Появление значения «кислый» у итальянских прилагательных связано с другим процессом: семантическим сдвигом. Если у слова *acido* этот сдвиг произошел уже в эпоху латинского языка (ОСТРЫЙ → КИСЛЫЙ), а у прилагательных *acre* и *agro* только в итальянском языке (ОСТРЫЙ → КИСЛЫЙ), то у слова *aspro* данный процесс (переход ШЕРШАВЫЙ → КИСЛЫЙ) не завершился, и до сих пор значение «кислый» для него является второстепенным.

В целом для лингвистического исследования сенсорного признака КИСЛЫЙ фреймовый подход оказался довольно плодотворным. В этой работе мы ограничились тем, что сравнили семантическое поле кислого вкуса всего в двух языках – русском и итальянском. Однако даже и на этом небольшом материале мы увидели, насколько непохожа может быть лексическая структура выражения одних и тех же значений, причем в языках, принадлежащих одной языковой семье, и отражающих средневропейский стандарт (SAE).

Примечания

- ¹ Например, в отличие от Европы, где вкусовые ощущения дифференцируются по четырем категориям, в Азии принято деление на пять вкусов (кроме четырех традиционных – горького, сладкого, кислого и соленого – вкус умами) [16].
- ² Это, конечно, не означает, что подобные данные не могут привлекаться для подтверждения или объяснения выводов лингвистических исследований.
- ³ Прилагательные *brusco*, *acerbo*, согласно словарю Треккани, также обозначают кислый вкус, однако опрос носителей показал, что *brusco* в данном значении почти не используется, тогда как для *acerbo* значение ‘кислый’ является побочным.
- ⁴ Подтверждается опросом респондентов и статьей в словаре Треккани. URL: http://www.treccani.it/lingua_italiana/domande_e_risposte/lessico/lessico_186.html
- ⁵ Также словосочетание *latte acido* (букв. ‘кислое молоко’) означает простоквашу, которая образуется в результате скисания молока.
- ⁶ Респондентам было предложено проинтерпретировать словосочетание *bevanda acida* ‘кислый напиток’.
- ⁷ Enciclopedia medica italiana. Seconda edizione. Firenze : USES Edizioni Scientifiche, 1979. P. 974.
- ⁸ Buiatti E. Forma Mentis. Neuroergonomia sensoriale applicata alla progettazione. Milano : FrancoAngeli s.r.l., 2014. P. 194
- ⁹ URL: <http://www.goceano.it/il-goceano.html> (дата обращения: 09.08.2021).
- ¹⁰ URL: [https://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Fittent16_2&tab=advanced&queryselector=cql&cql=%5Bws\(2%2C%20205723173824\)%5D&searchdesc=acre%20%2B%20sapore&selection=%7B%7D&showresults=1](https://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Fittent16_2&tab=advanced&queryselector=cql&cql=%5Bws(2%2C%20205723173824)%5D&searchdesc=acre%20%2B%20sapore&selection=%7B%7D&showresults=1) (дата обращения: 09.08.2021).
- ¹¹ Однако, корневая согласная подверглась озвончению.
- ¹² URL: <http://corpora.ficlit.unibo.it/TCORIS/Context.php?Start=87753075&End=87753076> (дата обращения: 09.08.2021)
- ¹³ URL: [https://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Fittent16_2&tab=advanced&queryselector=cql&cql=%5Bws\(2%2C%20210649416256\)%5D&searchdesc=inacidire%20%2B%20vino&selection=%7B%7D&showresults=1](https://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Fittent16_2&tab=advanced&queryselector=cql&cql=%5Bws(2%2C%20210649416256)%5D&searchdesc=inacidire%20%2B%20vino&selection=%7B%7D&showresults=1) (дата обращения: 09.08.2021).
- ¹⁴ Стоит отметить, что в рамках данного исследования при создании семантических карт коннотация лексем не учитывалась.
- ¹⁵ Для каждого вкуса, обозначенного прилагательными кислый, терпкий, вяжущий, были подсчитаны средние и стандартные отклонения (SD). Для сравнения различий между оценками использовался непараметрический критерий Вилкоксона (W) с указанием уровня значимости (вероятностной ошибки).
- ¹⁶ Светлана Ткачева. Искрящийся золотом напиток (2002) // «100% здоровья». 2002.12.11.
- ¹⁷ С.М. Голицын. Записки уцелевшего (1980–1989). М., 1990.
- ¹⁸ С.В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997). М., 1997.
- ¹⁹ К.В. Арутюнова. У камней есть время (2013) (см.: Арутюнова К.В. Античный путь // Волга. 2015. № 3.
- ²⁰ Также широкоупотребительные только в русском *квас*, *капуста (квашеная)*, *огурец (маринованный)* и *кефир*.
- ²¹ Все фреймы, описываемые прилагательным *кислый*, также описываются прилагательными *кисловатый* и *кисленький*; фрейм, описываемый лексемой *прокисший*, также описывается лексемами *прокислый* и *скисший*.
- ²² Все фреймы, описываемые прилагательным *аспро*, также описываются прилагательными *аспригно*; фреймы, описываемые лексемой *acido*, также описываются лексемой *acidulo*.
- ²³ Отсутствие релевантных словосочетаний в итальянском языке частично объясняется нераспространенностью чая в Италии. С существительным *caffè* ‘кофе’, обозначающим более распространенный в Италии тонизирующий напиток, также обнаружено всего три словосочетания с прилагательными поля. В любом случае кофе, видимо, содержит меньше дубильных веществ и не может встать в один ряд с шоколадом и чаем. Так, в корпусе русского языка найдено лишь одно словосочетание прилагательного *терпкий* с существительным *кофе*.

Список источников

1. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е и зд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. Москва ; Вена, 2004. 488 с.
4. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. М. : Индрик, 2007. 752 с.
5. Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт боль в типологическом освещении / ред. В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская. Киев : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. С. 8–27.
6. Глаголы звуков животных: типология метафор / ред. Т.И. Резникова, А.С. Выренкова, Б.В. Орехов, Д.А. Рыжова ; сост. Е.В. Рахилина. М. : Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
7. Кашкин Е.В., Резникова Т.И., Павлова Е.К., Никифорова С.О. Звуки неодушевленных объектов: к типологии языковой категоризации // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» (26–29.03.2014). Донецьк : ДонНУ, 2014. С. 123–125.
8. Luraghi S. Asymmetries in Italian temperature terminology // М. Koptjevskaja-Tamm (Ed) Linguistics of temperature. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2015. P. 334–353.
9. Блинников Г.Б. Семантические фреймы сенсорных качеств вкуса в русском и итальянском языках // Когнитивное моделирование : Труды Пятого Международного форума по когнитивному моделированию (10–17 сентября 2017 г., Португалия, Кашкайс). Ч. 2. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2017. С. 45–54.
10. Agrillo C., Roberson D. Colour language and colour cognition: Brown and Lenneberg revisited // Visual Cognition. 2009. Vol. 17. P. 412–430.
11. Levinson S.C., Majid A. Differential ineffability and the senses // Mind and Language. 2014. Vol. 29. P. 407–427.
12. Viberg Å. The verbs of perception: A typological study // Explanations for Language Universals / B. Butterworth, B. Comrie, Ö. Dahl (Eds). Berlin : Mouton, 1984. P. 123–162.
13. Vanhove M. Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A cross-linguistic perspective // From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. 2008. P. 341–370.

14. Strik Lievers F., Winter B. Sensory language across lexical categories // *Lingua*. 2018. № 204. P. 45–61.
15. Anderson C., Löbner S. Roles and the compositional semantics of role denoting relational adjectives // U. Sauerland, S. Solt (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2018. Vol. 22. P. 91–108.
16. Raven P., Johnson G. *Biology*. 6th Edition. Boston : McGraw-Hill, 2002. 1453 p.
17. D’Onofrio C. *Il Cucchiaio d’Argento*. Editoriale Domus, 1997. 1189 p.
18. Batali M. *Simple Italian Food: Recipes from My Two Villages*. Clarkson Potter, 1998. 288 p.
19. Sandler M., Pinder R. *Wine: A Scientific Exploration*. CRC Press, 2003. 336 p.
20. Ковалев В.М., Могильный Н.П. *Русская кухня: традиции и обычаи*. М. : Сов. Россия, 1990. 256 с.
21. Goddard C., Wierzbicka A. NSM analyses of the semantics of physical qualities sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp in cross-linguistic perspective // *Studies in Language*. 2007. Vol. 31: 4. P. 765–800.
22. Goddard C., Wierzbicka A. (eds). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam, 1994. 510 p.
23. Majid A., Levinson S.C. Language does provide support for basic tastes [Commentary on A study of the science of taste: On the origins and influence of the core ideas by Robert P. Erickson] // *Behavioral and Brain Sciences*. 2008. № 31. P. 86–87.
24. Myers C.S. The taste-names of primitive peoples // *British Journal of Psychology*. 1904. P. 117–126.
25. Рыжова Д., Кюсева М. Русские прилагательные вкуса в диахронической и типологической перспективах // III Coloquio Internacional Sobre Tipología Léxica (Lext-III). Гранада, 2012: материалы. 2012. С. 255–262.
26. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
27. Словарь русского языка : в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 2985 с.
28. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков. М. : Сов. Энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1935–1940. Т. 1–4.
29. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова*. 24-е изд., испр. М. : Издательский дом «ОНИКС 21 век»; Мир и Образование, 2005. 896 с.
30. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О.Н. Трубачёва*. 4-е изд., стер. М. : Астрель; АСТ, 2004. Т. 1. 588 с.
31. Duro A., Della Valle V. *Il vocabolario Treccani*. Roma : Istituto della Enciclopedia Italiana, 2008. 1169 p.
32. De Mauro T. *Il Dizionario della Lingua Italiana*. Milano : Paravia, 2000. 2998 p.
33. Stoppelli P. *Dizionario Garzanti Italiano*. Milano : French and European Publications Inc., 2007. 1584 p.
34. de Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin: And the Other Italic Languages (Leiden Indo-European Etymological Dictionary) XIV*. Leiden : Brill Academic Pub, 2016. 722 p.
35. Sketch Engine / A. Kilgarriff et al. 2004. URL: <http://www.sketchengine.co.uk> (дата обращения: 09.08.2021).
36. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 09.08.2021).
37. Horne J., John Hayes, Harry T. Lawless. Turbidity as a Measure of Salivary Protein Reactions with Astringent Substances // *Chemical Senses*. 2002. Vol. 27, Is. 7. P. 653–659.

References

1. Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2013) Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [Frame approach to lexical typology]. *Voprosy yazykoznaviya*. 2. pp. 3–31.
2. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. I. 2nd ed. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”; Izdatel’skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN.
3. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *NOSS – Novyy ob’yasnitel’nyy slovar’ sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul’tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh.
4. Maysak, T.A. & Rakhilina, E.V. (eds) (2007) *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of motion in water: lexical typology]. Moscow: Indrik.
5. Bonch-Osmolovskaya, A.A., Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2009) Glagoly boli: leksicheskaya tipologiya i mekhanizmy semanticheskoy derivatsii [Verbs of pain: lexical typology and mechanisms of semantic derivation]. In: Britsyn, V.M. et al. (eds) *Kontsept bol’ v tipologicheskoy osveshchenii* [The concept of pain in typological coverage]. Kyiv: Vidavnicхий Dim Dmitra Burago. pp. 8–27.
6. Reznikova, T.I. et al. (eds) (2015) *Glagoly zvukov zhivotnykh: tipologiya metafor* [Verbs of animal sounds: typology of metaphors]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
7. Kashkin, E.V. et al. (2014) [Sounds of inanimate objects: towards the typology of linguistic categorization]. *Suchasni doslidzheniya movi ta literatury* [Modern studies of language and literature]. Conference Proceedings. 26–29 March 2014. Donetsk: DonNU. pp. 123–125. (In Russian).
8. Luraghi, S. (2015) Asymmetries in Italian temperature terminology. In: Koptjevskaja-Tamm, M. (Ed) *Linguistics of temperature*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. pp. 334–353.
9. Blinnikov, G.B. (2017) [Semantic frames of sensory qualities of taste in Russian and Italian]. *Kognitivnoye modelirovanie* [Cognitive Modeling]. Proceedings of the Fifth International Forum on Cognitive Modeling. 10–17 September 2017. Portugal, Cascais. Part 2. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. pp. 45–54. (In Russian).
10. Agrillo, C. & Roberson, D. (2009) Colour language and colour cognition: Brown and Lenneberg revisited. *Visual Cognition*. 17. pp. 412–430.
11. Levinson, S.C. & Majid, A. (2014) Differential ineffability and the senses. *Mind and Language*. 29. pp. 407–427.
12. Viberg, Å. (1984) The verbs of perception: A typological study. In: Butterworth, B.C. & Dahl, Ö. (eds) *Explanations for Language Universals, B*. Berlin: Mouton. pp. 123–162.
13. Vanhove, M. (2008) Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A cross-linguistic perspective. In: Vanhove, M. (ed.) *From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. John Benjamins Publishing Company. pp. 341–370.
14. Strik Lievers, F. & Winter, B. (2018) Sensory language across lexical categories. *Lingua*. 204. pp. 45–61.
15. Anderson, C. & Löbner, S. (2018) Roles and the compositional semantics of role denoting relational adjectives. In: Sauerland, U. & Solt, S. (eds) *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 22. pp. 91–108.
16. Raven, P. & Johnson, G. (2002) *Biology*. 6th Edition. Boston: McGraw-Hill.
17. D’Onofrio, C. (1997) *Il Cucchiaio d’Argento*. Editoriale Domus.
18. Batali, M. (1998) *Simple Italian Food: Recipes from My Two Villages*. Clarkson Potter.
19. Sandler, M. & Pinder, R. (2003) *Wine: A Scientific Exploration*. CRC Press.
20. Kovalov, V.M. & Mogil’nyy, N.P. (1990) *Russkaya kuhnya: traditsii i obychai* [Russian cuisine: traditions and customs]. Moscow: Sov. Rossiya.
21. Goddard, C. & Wierzbicka, A. (2007) NSM analyses of the semantics of physical qualities sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp in cross-linguistic perspective. *Studies in Language*. 31:4. pp. 765–800.
22. Goddard, C. & Wierzbicka, A. (eds) (1994) *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam.

23. Majid, A. & Levinson, S.C. (2008) Language does provide support for basic tastes [Commentary on A study of the science of taste: On the origins and influence of the core ideas by Robert P. Erickson]. *Behavioral and Brain Sciences*. 31. pp. 86–87.
24. Myers, C.S. (1904) The taste-names of primitive peoples. *British Journal of Psychology*. pp. 117–126.
25. Ryzhova, D. & Kyuseva, M. (2012) Russkie prilagatel'nye vkusa v diakhronicheskoy i tipologicheskoy perspektivakh [Russian adjectives of taste in diachronic and typological perspectives]. In: *III Coloquio Internacional Sobre Tipología Léxica (Lext-III)*. Granada. pp. 255–262.
26. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: A–Ya* [Large explanatory dictionary of the Russian language: A–Z]. St. Petersburg: Norint.
27. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
28. Volin, B.M. & Ushakov, D.N. (eds) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vols 2–4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i natsion. slovarey.
29. Ozhegov, S.I. (2005) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: About 53,000 words]. 24th ed. Moscow: Izdatel'skiy dom "ONIKS 21 vek"; Mir i Obrazovanie.
30. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. = Russisches etymologisches Wörterbuch* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 4th ed. Vol. 1. Moscow: Astrel'; AST.
31. Duro, A. & Della Valle, V. (2008) *Il vocabolario Treccani*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana.
32. De Mauro, T. (2000) *Il Dizionario della Lingua Italiana*. Milano: Paravia.
33. Stoppelli, P. (2007) *Dizionario Garzanti Italiano*. Milano: French and European Publications Inc.
34. de Vaan, M. (2016) *Etymological Dictionary of Latin: And the Other Italic Languages* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary). XIV. Leiden: Brill Academic Pub.
35. Kilgarriff, A. et al. (2004) *Sketch Engine*. [Online] Available from: <http://www.sketchengine.co.uk> (Accessed: 09.08.2021).
36. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (Accessed: 09.08.2021).
37. Horne, J., Hayes, J. & Harry, T. (2002) Lawless. Turbidity as a Measure of Salivary Protein Reactions with Astringent Substances. *Chemical Senses*. 27 (7). pp. 653–659.

Информация об авторе:

Блинников Г.Б. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: georgijblinnikov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.B. Blinnikov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: georgijblinnikov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2021;
одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 19.09.2021;
approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/487/3

Звуки жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции

Марина Павловна Гребнева¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
grmarinagr@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются три группы звуков, имеющих отношение к темам жизни и смерти и представленных в произведениях русских авторов о Флоренции. Первая группа может быть охарактеризована как универсальная. К ней отнесены звуки-мотивы «мольбы – стона – зова», «молчания – говорения», «звона – разговора – ответа – отклика», «речи», «слов – слез», «слов – песен» и др. Вторую группу составляют специфические мотивы поэтической, романтической, гармонической тишины, а также мертвой тишины и нарушающего тишину шума. В третью группу входят музыкальные звуки – светские и церковные.

Ключевые слова: Флоренция, жизнь, смерть, звуки универсальные, специфические, музыкальные.

Для цитирования: Гребнева М.П. Звуки жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 22–29. doi: 10.17223/15617793/487/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/3

Sounds of life and death in works of Russian authors about Florence

Marina P. Grebneva¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, grmarinagr@mail.ru

Abstract. The first group of sounds in the works of Russian authors about Florence is characterized as universal. For A. Pushkin, Florence is the city of death, its call is the call of death. A. Grigoriev, over the sounds of contemporary everyday life, dead Florence with its scream, noise, roar, foresees its past, joins the eternal and poeticizes what he has heard. In I. Annensky's poems, the sounds of death, the sounds of falling flowers are accompanied by motifs of shadows and dreams. One of the Florentine dreams is Michelangelo's tombstone "Night", located in San Lorenzo and able to come to life, speak in a poem by Vyach. Ivanov about it. The conflict between the past and the present, living and dead Florence is presented at the sound level in the memoirs and poems of A. Blok. The signs of real Florence are wheezing, ringing, moaning. In M. Tsvetaeva's works, the sounds of life and death are accompanied by motives of sleep, possible awakening and insomnia. Her dreams are not about death, not about hell, but about life, about paradise. However, the sounds of the sky are less preferable for her than earthly sounds – the sounds of words, songs. O. Mandelstam is closer to the sounds of death, the underworld, and not the sounds of paradise. One of the manifestations of the Florentine energy, in his opinion, is sound. In his "Conversation about Dante" everything that was dear to him is concentrated. Ringing, sounding, speaking are the circles of hell and the hearts of the authors – Dante and Mandelstam. The second group is made up of specific motifs of poetic silence, dead silence and noise disturbing the silence. The Florentine silence, associated with the motif of the inexpressible, is glorified by Z. Gippius, as well as dead silence, a harbinger of ruin and end. For all his affection for everyday sounds in Florence, M. Dobuzhinsky is attracted by the opportunity to be alone, to become related with silence. Silence can be perfect. This is how it appears in the novel *The Risen Gods* by D. Merezhkovsky in the angelic image of Mona Lisa, who was unable to defeat the deadness of the artist and the dead silence that came in the relationship between two people. The singer of Florentine spirituality was B. Zaitsev, who felt it not only in the silence of Fra Beato Angelico's creations, but also in the thorn published by Andrea del Castagno's painting *The Last Supper*. The third group includes musical sounds. V. Likhachev and A. Ostrovsky glorify life and secular everyday sounds of the city of flowers: singing, choir, musical instruments. There is no differentiation of sounds into secular and church sounds in their memoirs. Music in the works of I. Annensky turns out to be the border between life and death, between the past and the present, or it separates life from death. V. Rozanov demonstrates the rejection of loud sounds in the church, the church service in his sketch appears monotonous, devoid of inner beauty, mystery, real life. For N. Antsiferov, memories of Florence at the beginning of the 20th century are associated with harmonious sounds by the organ. For the traveler, sacred music turns out to be the substitute for the city of flowers, the sublime life. For M. Osorgin, the Florentine organ is both a symbol of eternal life and a symbol of inevitable death.

Keywords: Florence, life, death, universal sounds, specific sounds, musical sounds

For citation: Grebneva, M.P. (2023) Sounds of life and death in the works of Russian authors about Florence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/3

Концептосферу флорентийского мифа невозможно представить без концепта под названием звук. Прежде наше внимание привлекали такие концепты, как камень, цвет, сад, цветок, аромат и др. [1–3]. В данной статье из многообразия впечатлений русских авторов о знаменитом итальянском городе мы выбрали те, которые относятся к его звучанию. Нами предпринята попытка осмыслить флорентийский феномен с точки зрения его звуковой организации, представить типологию флорентийских звуков. По сути дела, речь идет о звуковой составляющей картины мира, флорентийского мира. Из всего многообразия звуков мы акцентировали внимание на тех, которые связаны с Флоренцией как городом контрастов, в котором живо прошлое и безжизненно, мертво настоящее. Флоренция – это странство, в котором преодолевается смерть и продолжается жизнь. Оппозиция жизни и смерти является мифологической, а «Город цветов» пробуждает желание ее осмыслить.

Для достижения поставленной цели мы обратились к группам слов со звуковой семантикой, к художественным произведениям, в которых представлены интересующие нас лексемы, имеющие определенное значение, обладающие, по словам В.Е. Хализева, «речевой семантикой» [4. С. 231].

Мы старались создать основу для словаря звуков Флоренции. Как писал Ю.М. Лотман, «составив словарь того или иного стихотворения, мы получим – пусть грубые и приблизительные – контуры того, что составляет мир с точки зрения этого поэта» [5. С. 92]. В нашем случае речь идет о мирах разных поэтов, воспринимавших флорентийскую действительность.

Наше внимание привлекали лексемы, имеющие отношение к сфере звучания в лирических и прозаических произведениях русских авторов XIX–XX вв. Произведения русских писателей, в которых встречается мотив звука, сгруппированы соответственно каждому из выделенных нами типов звука и расположены внутри группы в хронологической последовательности.

Система флорентийских звуков, как нам представляется, универсальна и неизменна как для тех, кто жил и творил в ней, например для Микеланджело, так и для тех, кто посещал город в разные годы и знакомился с ней очно (А. Григорьев, И. Анненский, А. Блок и др.) или представлял ее себе заочно (А.С. Пушкин, М. Цветаева, О. Мандельштам и др.).

Универсальность заключается в том, что с точки зрения звуковой организации Флоренция вызывает похожие мысли и чувства у русских авторов как в XIX, так и в XX в. Все флорентийские звуки можно поделить на три группы: доминирующие универсальные, специфические, привнесенные, связанные с литературным или музыкальным осмыслением флорентийского феномена.

К первой группе мы относим звуки-мотивы «мольбы – стоны – зова», «молчания – говорения», «звона – разговора – ответа – отклика», «речи», «слов – слез», «слов – песен» и др.

Так, для А.С. Пушкина Флоренция – это город смерти, место гибели любви, окончания жизни умершей возлюбленной-флорентинки в стихотворениях «Под небом голубым страны своей родной» (1826) и «Для берегов отчизны дальней» (1830). Оба названных стихотворения, посвященные А. Ризнич, диалогизируют между собой. Соответствия возникают за счет невозможных, бессмысленных словесных укоров по поводу умершей во Флоренции возлюбленной и реально артикулированных словесных предчувствий в воспоминаниях по ее поводу, а также за счет мотивов зова любви (жизни) и зова смерти:

Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени. [6. С. 74]

В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать. [6. С. 255]

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я. [6. С. 74]

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала. [6. С. 255]

Современная Флоренция предстает городом смерти в стихотворении А. Григорьева «Отзвучие карнавала» (1858). Звуковые ассоциации представляются автору очень важными, так как именно благодаря им в название стихотворения вынесено слово «отзвучие», а в самом тексте ключевым оказывается слово «шумел»:

Помню я, как шумел карнавал,
Завиваяся змеем гремучим,
Как он несясь безумно и ярко сверкал,
Как он сердце мое и колотил и сжимал
Своим хоботом пестрым и жгучим. [7. С. 129]

Звуковые мотивы у Григорьева соседствуют с мотивом сна, снов:

Я, пришелец из дальней страны,
С тайной завистью, с злобой немою
Видел эти волшебные-узорные сны,
Эту пеструю смесь полной сил новизны
С непонятно-живой стариною. [7. С. 129]

Благодаря карнавалу, его звукам он приобщается не просто к живому, но к вечно живому в городе цветов: За бытовыми звуками и современной жизнью он прозревает, видит флорентийские сны, приобщается к вечному и поэтизирует увиденное и услышанное:

Но невольню я змею во власть
Отдался, закружен его миром, –
Сердце поняло снова и счастье, и страсть,
И томленье, и бред, и желанье упасть
В упоенье пред новым кумиром. [7. С. 129]

Мотив воспоминания-сна возникает в цикле «Лилии» (1901) И. Анненского, в стихотворении «Падение лилий»:

За тенью исчезает тень,
А сердцу снится тень иная,
И сердце плачет, вспоминая. [8. С. 75]

Воспоминания забываются, они сгорают, вянут, умирают, как лилии, издающие странный звук при конце, при смерти:

А ты, волшебница, налей
Мне капель чуткого забвенья,
Чтоб ночью вянущих лилей
Мне ярче слышать со стеблей
Сухой и странный звук паденья. [8. С. 75]

Воплощением флорентийских снов является статуя «Ночь», созданная Микеланджело и находящаяся во Флоренции, в Сан-Лоренцо, в капелле Медичи. В этой связи интерес вызывает стихотворение В. Иванова «Ночь» из цикла «*Suspìria*», вошедшее в книгу «Кормчие звезды» (1903) [9. С. 143]. Эпиграфом к нему стала строчка из стихотворения Микеланджело «Мне сладко спать, а пуще – камнем быть», послужившего ответом на четверостишие флорентийского гуманиста Д. Строщи.

Как выясняется из диалога двух авторов, флорентийский камень может молчать и говорить, быть мертвым и живым. Скульптурное изваяние Микеланджело, по мнению Строщи, живо, оно дышит, спит. Зрителем актуализируется внутренняя сторона статуи, свидетельствующая о ее жизненности. Строщи привлекает, прежде всего, художественная, а Микеланджело – не только художественная, но и внешняя, социальная сторона статуи. Художественное у Микеланджело поражает своей живостью, вечностью, а социальное – своей мертвенностью, сиюминутностью:

Строщи

Вот эта ночь, что так спокойно спит
Перед тобою, – Ангела созданье.
Она из камня, но в ней есть дыханье:
Лишь разбуди, – она заговорит. [10. С. 207]

Микеланджело

Мне сладко спать, а пуще – камнем быть,
Когда кругом позор и преступленье:
Не чувствовать, не видеть – облегченье,
Умолкни ж, друг, к чему меня будить? [10. С. 207]

Мотив сна соседствует с мотивом пробуждения – желанного или же тягостного.

Тема смерти представлена в первом литературном отклике А. Блока на увиденное в городе цветов, в стихотворении «Умри, Флоренция, Иуда» (май – июнь 1909), вошедшем в цикл, состоящий из семи произведений. Прошлое противопоставляется в этом стихотворении настоящему, Флоренция-красавица – Флоренция-покойнице:

О, Bella, смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовую
Искажены твои черты. [11. Т. 3. С. 69]

Настоящее так относится к прошлому, как жизнь к смерти и в стихотворении, и в очерке Блока «Маски на улице». Признаками настоящей Флоренции оказываются далеко не гармоничные звуки, нарушающие тишину:

Хрипят твои автомобили... [11. Т. 3. С. 69]
Звенят в пыли велосипеды... [11. Т. 3. С. 69]
Гнусавой мессы стон протяжный... [11. Т. 3. С. 69]
«*сипенье*, похожее на *хрип* автомобильного рожка» [11. Т. 5. С. 305]

В стихотворении «Голубоватым дымом...» (1909) поющая Флоренция противопоставлена Флоренции рыдающей, скорбящей, не утратившей связей с прошлым:

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя... [11. Т. 3. С. 72]

Расставить акценты автору помогает звуковой ряд слов: пой, канцоной, струны, бей, бубен гулкий, рыдания. Звуки предстают агрессивными, нарушающими тишину, провоцирующими внутренний конфликт в душе человека, конфликт между Флоренцией прошлой и настоящей.

Звукам жизни и смерти сопутствуют у М. Цветаевой мотивы сна, возможного пробуждения и бессоницы. Именно так обстоит дело в стихотворении «После бессонной ночи слабеет тело» (1916) из цикла «Бессонница». В нем возникают «флорентийские» воспоминания детства с его роскошью звуков: «... в самый мороз, веселые черноокие люди перекатывают огромные, выше себя ростом, квадраты мрамора, похожие на гигантские куски сахара, *под раскатистую речь*, сплошь *на р, крупную и громкую*, как тот же мрамор» [12. Т. 2. С. 9]. Речь итальянцев уподобляется речи ожившего, говорящего камня:

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг. [12. Т. 1. С. 68]

Способность камня оживать и говорить сближает позицию Вяч. Иванова с позицией М. Цветаевой. На этом сходство заканчивается, так как ночи Иванова противопоставляется «после ночи» Цветаевой.

С детскими воспоминаниями Марины Цветаевой связана также «Божественная комедия» прославленного флорентинца. Мотив сна и дантовское произведение соотносятся, связаны друг с другом, дополняют друг друга. Вот только не дантовский ад и сопутствующие ему звуки привлекают внимание поэта. Рай детского жития соотносится с Раем в комедии Данте. В стихотворении «В раю» (1911–1912) М. Цветаева демонстрирует превосходство земной жизни над жизнью райской. Звукам рая она предпочитает земные звуки. Стихотворение организовано за счет мотивов слов – слез, слов – песни. Причем, первая и четвертая строфы стихотворения обращены к здешней жизни, к воспоминаниям, вызывающим слезы:

I
Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю. [12. Т. 1. С. 31]

IV
Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг – я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю! [12. Т. 1. С. 32]

Мотив пробуждения сопутствует раю, но райским снам автор стихотворения предпочитает земные сны и земные звуки. Может быть, поэтому вторая и третья строфы, в которых воспроизводятся приметы райской жизни, обрамлены первой и последней строфой:

II
Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где все покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор. [12. Т. 1. С. 31]

III
Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев! [12. Т. 1. С. 32]

О. Манельштам, автор «Разговора о Данте» (1933), полагал, что автор «Божественной комедии» и его речь порождены Флоренцией: «Он пишет под диктовку, он переписчик, он переводчик... Он весь изогнулся в позе писца, испуганно косящего на иллюминированный подлинник, одолженный ему из библиотеки приора» [13. С. 253]; «Творенье Данте есть прежде всего выход на

мировую арену современной ему итальянской речи – как целого, как системы» [13. С. 219].

О. Мандельштаму, в отличие от М. Цветаевой, ближе звуки смерти, преисподней, а не звуки неба. В этой связи особое внимание привлекает стихотворение «Заблудился я в небе – что делать?» (9–19 марта 1937), которое существует в нескольких вариантах и самым тесным образом связано с «воспоминаниями» автора о Флоренции, в которой он никогда не был.

Круги ада, круги смерти, по мысли автора «Божественной комедии» и Мандельштама, населены флорентийцами. Диски предстают звенящими, т.е. говорящими. Не случайно Мандельштам определял жанр «Божественной комедии» как «путешествие с разговорами» [13. С. 405]. Вопросы, звучащие в произведении, он разделил на две группы: 1) «ты как сюда попал?» (в ад – место смерти. – М.Г.) 2) «что новенького во Флоренции?» [13. С. 405] (в городе цветов – место жизни. – М.Г.).

Звенящим, звучащим, говорящим о Флоренции называется сердце автора

Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть. [13. С. 129]

Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски... [13. С. 129]

Кольцеобразности композиции стихотворения способствует мотив ответа живого, живых и сна мертвого, мертвых. Причем мотив ответа отсутствовал в раннем варианте. Мотив отклика соседствует с мотивом сна:

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – *ответь!* [13. С. 129] –
1-я строфа

Он раздастся и глубже и выше –
Отклик неба – в остывшую грудь. [13. С. 129] –
4-я строфа

Не разнять меня с жизнью: ей *снится*
Убивать и сейчас же ласкать... [13. С. 129] –
2-я строфа

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг... [13. С. 129] –
4-я строфа

Вторую группу звуковых мотивов составляют специфические мотивы поэтической гармонической тишины, мертвой тишины и нарушающего тишину шума. Не только шумы способны быть агрессивными, мертвенными и не вызывающими агрессии, живыми, но и тишина может быть поэтической, живой и непоэтической, мертвой.

Так, герой рассказа З. Гиппиус «Мисс Май» (1895) увидел девушку, напоминающую ангела: «...он заметил с удивлением не знакомую ему женскую фигуру, очень высокую, одетую в белое» [14. С. 304]. Ее появление и присутствие неразрывно связаны с мотивом тишины: «И в этот момент ему показалось, что

кто-то прошел мимо запертой двери. Шаги были совершенно незнакомые, легкие и *тихие до неслышности*, даже не шаги и *не шорох*, а так, движение воздуха, точно что-то скользнуло мимо, провеяло – и *замолкло* [14. С. 311]; «Он поймал себя на том, что соединял *неслышные* шаги с мыслью о девушке в белом платье» [14. С. 312].

За границей происходит встреча героя с прежней мисс Май, проживающей недалеко от города цветов. Героя отличает неумение облечь свои мысли словами, выразить невыразимое. Андрей мучается какой-то недосказанностью, недоговоренностью, пытается обрести свой голос: «Андрей стал рядом с нею, *хотел заговорить, сказать* ей... и не посмел. Она была такая близкая – и такая непостижимо далекая» [14. С. 538]; «А ты любила кого-нибудь? – вдруг *спросил* он» [14. С. 538]; «Май, – *сказал* Андрей *тихо* и точно не сам, точно за него кто-то *должен был это сказать*» [14. С. 538]. Мотивы слова, голоса, разговора оказываются очень важными, передающими внутреннее состояние героев, выявляющими особенности авторской концепции, авторской позиции, авторских предпочтений.

Герой стремится найти слова, объясняющие все происходящее с ним, тем более что Мария, его ангел-хранитель, говорит, что они есть:

Он:

«Май, я, вероятно, люблю тебя. Не оставляй меня. Ты сама *говорила*... Но как же? Что ты хочешь? Я ничего не знаю. Что мне делать? Как жить? Если ты знаешь – *отчего не скажешь?*» [14. С. 538–539].

Она:

«Андрей, ты уедешь, ты будешь опять в России, в деревне. Поезжай, делай, что хочешь, что можешь любить, что тебе кажется справедливым, только делай, делай... И ко всему подходи, помня, что есть... есть *слово*, в котором, если раскрыть его, – все говорит: и жизнь, и любовь, и смерть» [14. С. 539].

Состоянию героя и природы, которая предупреждает его об опасности, соответствует солнечное затмение и связанное с ним состояние мертвой тишины в рассказе «Небесные слова» (1901): «Серые, мертвенно-синие и все мертвеющие деревья *не шевельнули ни разу ни одним листом*. И пепельные листья казались вдруг свернувшимися и поникшими <...> Изредка птица *вскрикивала оборванным криком*, похожим на *всхлипыванье*, – и опять все *притихало* в чернеющем и как будто медленно холодеющем воздухе...» [14. С. 465].

О фольклорном характере фрагмента свидетельствует прием параллелизма, связанный с воскрешением героя и природы: «Воскресение было медленное, едва уловимое: только дышать становилось легче, сердце стукнуло громче, да птицы, еще *робко*, но кое-где *перекликались* с радостным недоумением. Небо выходило из пустоты, возвращалось ко мне» [14. С. 466]. И герой, и природа выходят из состояния мертвой тишины. Тишина во флорентийских произведениях может быть не только благополучной, свидетельствующей о гармонии в жизни героев,

но и наоборот, настороженной, мертвой, свидетельствующей о ее дисгармонии. Звуки могут быть также громкими, нарушающими тишину, бытовыми, не поэтическими, но не лишенными внутренней прелести для путешественника. Так, в воспоминаниях М.В. Добужинского 1923 г. бешенство, торопливость поезда позволяют передать состояние автора, его желание как можно скорее оказаться во Флоренции: «Четыре часа утра, но не спится. Бешено мчится поезд, а в окна вагона смотрит *мирное* утро с зеленой зарей над холодно-синими спящими лесными холмами. Мы в Тоскане» [15. С. 260].

Умиротворенность, тишина, сон тосканской земли контрастирует с нетерпением, шумом поезда и самого автора: «Встает солнце, брызнуло золотом; поезд летит через виадуки, ныряет в туннели, спускается зигзагами в долины, несется *с грохотом и пытением* среди утреннего *покоя* земли» [15. С. 260].

Важно подчеркнуть также, что Добужинский возвращается в старинный, средневековый город с особым укладом жизни, сохранившимся от той давней поры: «Из окна доносится уютный утренний *шум* улицы, *кричит ослик, выкликают продавцы, насвистывают мальчишки*, и, слава богу, *ни одного звука* современного города» [15. С. 260].

При всей приязни к бытовым звукам во Флоренции путешественника привлекает возможность побыть одному, породниться с природой, прохладой и тишиной. Центр города противопоставляется им окраинам, как вечер и ночь – утру и дню: «Когда наступает вечер этого первого дня, едем из города на холм, где на Piazzale Michelangelo стоит новый Давид. Сидя в открытом трамвае, подымаюемся в гору, наслаждаюсь прохладой, рву сухие ветки кипарисов, задевающие меня по рукам, а через деревья внизу мелькают городские огни. Долго сидим наверху, на каменных перилах около статуи; здесь *ни души*» [15. С. 260].

Добужинский явно предпочитает вид на город сверху: «верх» так относится к «низу», как небо – к земле, холмы – к долинам, кипарисы – к домам, прохлада – к огню, тишина – к шуму: «Сейчас весь город устремляется в горящий огнями Centro. Там сияют переполненные кафе, *гремит* Леонковалло, снуют среди толпы мальчишки, *выкрикивая* названия вечерних газет, а здесь – небо, кипарисы и *тишина*» [15. С. 260].

Воспоминания о городе цветов построены на чередовании утренне-дневных, шумных и вечерне-ночных, тихих описаний: «С утра начинаю мои паломничества к любимым местам, хожу по церквам и музеям. Отдыхаю от солнца и *шума улиц* в прохладном Баптистерии...» [15. С. 261].

Вместе с тем тишина может быть идеальной, поэтической, всепоглощающей, подменяющей собой. Такой она предстает в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги» в ангелоподобном образе Джоконды: «*Тихая*, скромная, благочестивая, строго соблюдавшая обряды церкви, милосердная к бедным, была она доброю хозяйкою...» [16. С. 427].

Тихими предстают взаимоотношения героя и героини, которых связывает тайна, способность понимать друг друга без слов: «Джованни чувствовал, что есть у них тайна, которая сближает и уединяет их. Он также знал, что это – не тайна любви, или, по крайней мере, не того, что люди называют любовью» [16. С. 428]; «Она склонила молча голову: видно было, что давно уже привыкли они понимать друг друга почти *без слов*, по одному намеку» [16. С. 429].

Джоконда не смогла победить мертвенность художника, не смогла вернуть его к реальной жизни: «И вдруг он почувствовал, что возвращается в жизнь» [16. С. 446]; «Он знал, что это мгновение для них обоих невосвратимо и вечно, как смерть» [16. С. 447]; «Но теперь ему казалось, что эта *тишина* и ясность подобны тем, какие бывают в улыбке мертвых» [16. С. 447]; «Кругом была *тишина* мертвого летнего полдня, более грозная, чем *тишина* самой глухой, темной полночи» [16. С. 447].

И в жизни, и в творчестве художник не забывал о тишине любимого города. Убежищем от людей можно считать и дом, и двор Леонардо во Флоренции, созданный им маленький рай. Над этим островом – «вечно голубое небо, сияние солнца на холмах, покрытых цветами, и в воздухе такая *тишина*» [16. С. 430].

Тишина царства Венеры, царственной Флоренции воспроизводится во взаимоотношениях героев: «И как будто убаюканная музыкой, огражденная *тишиною* от действительной жизни – ясная, чуждая всему, кроме воли художника, – мона Лиза смотрела ему прямо в глаза с улыбкою, полную тайны, как *тихая* вода, совершенно прозрачная, но такая глубокая, что сколько бы взор ни погружался в нее, как бы ни испытывал, dna не увидит...» [16. С. 430].

Еще одним романтиком, воспевающим тишину Флоренции, был Б.К. Зайцев. Его очерк «Флоренция» (1923) состоит из трех частей. В первой части («Молодость») предвестие чуда, вдохновения, дается, в частности, с помощью мотива тишины: «*в тихеньком местном поезде*» [17. С. 439–440], «*тихо* и черно ночью» [17. С. 440]. Пребывание во Флоренции уподобляется нахождению в Раю. Флоренция райская, христианская в очерке совершенно отчетливо сопоставляется с Флоренцией потенциально адовой, языческой. День в этом городе жарок, многолюден, голосист, шумен. Он господствует на Mercato centrale, на рынке, в швейцарском баре. Он не вызывает у Зайцева, как и у Добужинского, негодования: «Но на этом рынке, среди улиц и стройности внутренней все такое не гнусно» [17. С. 440–441]. Однако сфера бытовой жизни явно соседствует со сферой духовной так же, как сутолока и тишина: «И когда из ловкой суетни уходишь прочь, *в тишайший /ср. в тихоньком местном поезде* [17. С. 439–440]/ монастырь Сан Марко, как непохоже, и как родственно, духовно совместимо» [17. С. 441].

Воплощение тишины духовной – это мир Фра Беато Анджелико: «его художество – светлое, сладостное, как бы *пропетое медогласным певцом*» [17. С. 441]. Рядом расположены три слова, «обличаю-

щие» в Беато художника слова – «*пропетое*» – «*медогласным*» – «*певцом*», а в творчестве живописца присутствует «и *тихий*, и благостный мистицизм итальянский» [17. С. 441].

Зайцев всячески подчеркивает сладостность говорящего искусства Беато – «сладостное художество», «медогласный певец», сладко текущие краски», «сладчайшими Богоматерями», «сладчайший *акафист*» [17. С. 441].

Однако духовный мир Флоренции – это не только Анджелико, но и Андреа дель Кастаньо, его «Тайная вечеря»: «Трудно найти вещь, где бы так резко и *злобно говорили* о Спасителе, его беседе и учениках; где Иуда так похож на разбойника, все искривленные, крючковатые, с клювами, в огненно-черных волосах. О, какой мрак в этой душе; какой внутренний *шип* *издает* вся картина, сколько в ней преступности» [17. С. 441]. Кастаньо *вещает* своей картиной, от нее исходит *шипение*, речь на ней идет о *беседе* Спасителя с учениками, *разговор* о Христе *резкий* и злобный.

Не только Анджелико, Кастаньо, но и сам Зайцев выступает в роли певца Флоренции, он поет ей хвалу, гимн, акафист. Его проза благодаря этому превращается в поэзию.

Стиль Зайцева в «народных», «прозаических» частях текста меняется, он приобретает черты просторечности, не свойственные «стихотворным», «лирическим» фрагментам. В «простой» части города «вокруг *галдят*» [17. С. 443], «толстый доктор в углу рассолодел от кианти и *храпит*» [17. С. 443], посетители «примеряют друг другу шляпы, *гогочут*, *выкликают* чинкванта чинкве центезими» [17. С. 443].

В третью группу входят звуки музыкальные – светские и церковные. Так, Василия Лихачева, посетившего Флоренцию в 1659 г., поразила городская бытовая жизнь, обед у флоренского князя, музыка и музыканты: «...а за тем и *игр, органов, кимвалов и музыки много*; а иные люди *сами играют в органах*, а никто ими не движет [18. С. 333]. Интересно, что уже Лихачева привлекла органная музыка, правда, дифференциации звуков на светские, бытовые и на церковные, духовные здесь пока нет.

Для А.Н. Островского, побывавшего во Флоренции в 1862 г., жизнь в «городе цветов» естественным образом сравнивается с жизнью на родине благодаря услышанным музыкальным звукам: «...слышали по улицам *пенне* и, наконец, *хор*, очень похожий на нашу *песню*: «Любит, любит», только *запев* какой-то странный» [19. С. 399].

Дифференциация звуков и их метафоризация появляются, в частности, в произведениях И. Анненского. С одной стороны, о куполе церковного собора Санта Мария дель Фьоре, как думается, и о прошедшей буре в душе человеческой свидетельствует замерший звук, умерший звук в его стихотворении «Тоска возврата» из книги «Тишина» (1904):

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла... [8. С. 76]

С другой стороны, в очерке Анненского «Сентиментальное воспоминание» (1908) речь идет не просто о юге, речь идет об Италии, возможно, о Флоренции: «Я не dokonчил тогда моих стихов радуге – где-то близко *не то запела, не то заныла* старая итальянская шарманка...» [8. С. 216].

Звук этой обыкновенной шарманки вызвал размышления о прежних музыкальных инструментах: «Те, давние *шарманки* – отчего больше их не делают? Новые, когда они *охрипнут*, ведь это же одна тоска, одна одурь, один надрыв. А те, давние? Самым *хрипом* своим – они лгали как-то восторженно и самозабвенно» [8. С. 216].

В прежнем героя запечатлелось счастье, полнота человеческой жизни, отсутствующая в настоящем: «Господи, что она *играла* тогда, эта коробочка со стеклом, сквозь которое я так любил таинственную красную занавеску, символ тайны между жизнью и *музыкой*...» [8. С. 216]. Музыка здесь фактически оказывается границей между жизнью и смертью или тем, что отделяет жизнь от смерти.

Похожая ситуация представлена в очерке В.В. Розанова «Флоренция» (1909). Церковная служба предстает здесь не связанной с настоящей жизнью: «Она тянулась долго, без красоты, монотонно в смысле однообразия» [20. С. 217]. О чудовищности всего происходящего свидетельствует просторечная лексика, которую использует автор: «...сидели на скамьях едва ли менее 80 патеров и вообще служителей и прямо кричали, *орали*, смелым мужественным голосом...» [20. С. 217]; «Фу – как жрецы Ваала! и так же *орут*» [20. С. 217]; «...сшибут – и перейдут через вас, и пойдут к своим целям, и *заорут*...» [20. С. 217].

Поражает количество священников и отсутствие прихожан в церкви: «И это их равнодушие к тому, что в церкви никого нет, и *громкий голос*, как бы счастливый одиночеством, как бы говорящий: «И никого не надо, одни проживем», почти испугал меня и смутил...» [20. С. 217].

В отличие от Розанова, для Н.П. Анциферова воспоминания о Флоренции начала XX в. неразрывно связаны с гармоничными звуками, издаваемыми органом: «Отсюда, из Фьезоле, Флоренция кажется еще глубже погруженной на дно этой граненой чаши. Солнце уже скрылось за Апенниннами. Ложились густые тени. Сейчас мгла поднималась из долины Арно и окутывала город. А небо над линиями гор еще нежно сияло. Из монастыря лились *звуки органа*. Кипарисы темнели. На небе зажглись первые звезды. В саду проплыли, вспыхивая и угасая, первые светляки» [21. С. 293]. Для путешественника духовная музыка оказывается заместителем города цветов, городом вечной жизни, возвышенной жизни, небесной.

Вечная, бессмертная Флоренция в очерке 1923 г. Осоргина также жива, она звучит – «профиль башни Palazzo Vecchio четок и выразителен, как *музыка*» [22.

С. 299]. Меняются люди, сам автор, но неизменной оказывается музыка Флоренции: «...красавец-монах – удивительный органист. Они *поют в унисон*; сладости нашего церковного пения они не ведают. Но *орган* покрывает *голоса*, наполняет маленький храмик, рвется наружу – благословеньем погружающейся в сумрак Флоренции» [22. С. 350].

Описывая любимую им Флоренцию, Осоргин не забывает о Родине: о нашем церковном пении, наших храмах, наших молящихся людях и о своих душевных страданиях, не утоленных чужбиной: «Как счастливы те, кто умеют молиться! Как им просто жить! Я благодарен глубоко Флоренции за это последнее Ave Maria! Не растопив льда – оно согрело душу» [22. С. 350].

Образ монаха-органиста и звучание его инструмента в очерке оказывается сюжетно организующим, передающим главную мысль Осоргина – изменяется человек, но неизменным остается дух божественной, созданной богом и хранимой богом Флоренции.

Тот же самый флорентийский орган определяет сюжет рассказа «Без событий» (1938). В нем автор пишет о многом – о грибах, рыбной ловле, старых журналах, но главное о том, что во всем этом и заключается полнота человеческого счастья, человеческой жизни. Счастье – это, как выясняется, возможность находиться далеко от Москвы и ничего не делать: «Затем спускаемся по скрипучей и неверной лестнице, довольные и голодные. На обед окуни, грибы в сметане, в настоящей сметане, о какой в Москве не мечтают» [23. С. 224].

В этом контексте Москва отчетливо сопоставляется с Флоренцией: «Я спрашиваю ядовито: «Ну, вы продолжаете мечтать о Флоренции? Хотелось бы вам быть сейчас во Фьезоле и *слушать орган*?» [23. С. 224]. Грандиозной органной музыке, звучанию смерти, противопоставляется любезное уху автора звучание скрипучей лестницы и звуки, издаваемые лягушками. Органный концерт во Фьезоле Осоргин намеренно сравнивает с лягушачьим концертом в деревне: «С рыбной ловли мы возвращаемся по вечерней росе, слушая лягушачий концерт. Если бы произошло какое-нибудь событие, концерт оборвался бы, а с ним и полнота совершенно несомненного нашего счастья» [23. С. 224–225].

Таким образом, первая группа звуков жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции может быть охарактеризована как универсальная. К ней мы относим мотивы «мольбы – стоны – зова», «молчания – говорения», «звона – разговора – ответа – отклика», «речи», «слов – слез», «слов – песен» и др. Вторую группу звуков составляют специфические мотивы поэтической, романтической, гармонической тишины, а также мертвой тишины и нарушающего тишину шума. В третью группу входят звуки музыкальные – светские и церковные.

Список источников

1. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск, 2009.
2. Гребнева М.П. Персональные флорентийские мифы в русской словесности XIX–XX вв. Томск, 2015.

3. Гребнева М.П. Ароматы жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 182–193. doi: 10.17223/19986645/54/11
4. Хализов В.Е. Теория литературы. М., 2000.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1974. Т. 2.
7. Григорьев А. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
8. Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
9. Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедии. СПб., 1995. Кн. 1.
10. Микеланджело. Стихотворения. М., 1992.
11. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1971.
12. Цветаева М. Сочинения : в 2 т. М., 1980.
13. Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1999. Т. 3.
14. Гиппиус З.Н. Сочинения. Л., 1991.
15. Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987.
16. Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). М., 1993.
17. Зайцев Б.К. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1999. Т. 3.
18. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
19. Островский А.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. М., 1978. Т. 10.
20. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. М., 1994.
21. Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992.
22. Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001.
23. Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992.

References

1. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [Conceptosphere of the Florentine myth in Russian literature]. Tomsk.
2. Grebneva, M.P. (2015) *Personal'nye florentiyskie mify v russkoy slovesnosti XIX–XX vv.* [Personal Florentine myths in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Tomsk.
3. Grebneva, M.P. (2018) Fragrances of Life and Death in the Works About Florence by Russian Authors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 182–193. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/54/11
4. Khalizev, V.E. (2000) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow.
5. Lotman, Yu.M. (1996) *O poetakh i poezii* [About poets and poetry]. St. Petersburg.
6. Pushkin, A.S. (1974) *Sobranie sochineniy: V 10-ti t.* [Collected works: In 10 vols]. Vol. 2. Moscow.
7. Grigor'ev, A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow.
8. Annenskiy, I. (1990) *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad.
9. Ivanov, V. (1995) *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragedii* [Verses. Poems. Tragedies]. Book 1. St. Petersburg.
10. Michelangelo. (1992) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from Italian. Moscow.
11. Blok, A. (1971) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Moscow.
12. Tsvetaeva, M. (1980) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow.
13. Mandel'shtam, O. (1999) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow.
14. Gippius, Z.N. (1991) *Sochineniya* [Works]. Leningrad.
15. Dobuzhinskiy, M.V. (1987) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow.
16. Merezhkovskiy, D.S. (1993) *Voskresshie bogi (Leonardo da Vinci)* [Resurrected gods (Leonardo da Vinci)]. Moscow.
17. Zaytsev, B.K. (1999) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 3. Moscow.
18. Likhachev, D.S. (ed.) (1954) *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.* [Travels of Russian ambassadors of the 16th–17th centuries]. Moscow; Leningrad.
19. Ostrovskiy, A.N. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols]. Vol. 10. Moscow.
20. Rozanov, V.V. (1994) *Inaya zemlya, inoe nebo... Polnoe sobranie putevykh ocherkov 1899–1913 gg.* [Another land, another sky ... Complete collection of travel essays of 1899–1913]. Moscow.
21. Antsiferov, N.P. (1992) *Iz dum o bylom. Vospominaniya* [From thoughts about the past]. Moscow.
22. Kara-Murza, A. (2001) *Znamenitые russkie o Florentsii* [Famous Russians about Florence]. Moscow.
23. Osorgin, M. (1992) *Vospominaniya. Povest' o sestre* [Memories. A story about a sister]. Voronezh.

Информация об авторе:

Гребнева М.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: grmarinagr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Grebneva, Dr. Sci. (Philology), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: grmarinagr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2021;
одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 13.08.2021;
approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 81'27
doi: 10.17223/15617793/487/4

Рейтинги вклада модальностей восприятия в семантику слов в отношении к частям речи и лексико-грамматическим разрядам

Зоя Ивановна Резанова¹, Валерия Евгеньевна Владимирова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты проверки гипотезы о том, что в составе групп слов русского языка, собранных по принципу случайной выборки, проявятся различия в рейтингах средних оценок вклада модальностей восприятия в семантику и их корреляций в зависимости от принадлежности групп слов к частям речи и лексико-грамматическим классам слов. Теоретической основой исследования послужили идеи направления «логический анализ языка» и теории воплощенного познания. Исследование проводилось на материале психолингвистической базы данных RuWordPerception с использованием статистических методов.

Ключевые слова: модальности восприятия, теория воплощенного познания, русский язык, лексико-грамматические разряды, рейтинги модальностей, перцептивные компоненты семантики

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Резанова З.И., Владимирова В.Е. Рейтинги вклада модальностей восприятия в семантику слов в отношении к частям речи и лексико-грамматическим разрядам // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 30–41. doi: 10.17223/15617793/487/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/4

Ratings of the perceptual modalities contribution to the semantics of words in relation to parts of speech and lexico-grammatical categories

Zoya I. Rezanova¹, Valeriya E. Vladimirova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² picture_perfect@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an examination of a hypothesis that in the composite groups of words of the Russian language, randomly sampled, there will be differences in the ratings of the average estimates of the contribution of perception modalities to semantics and their correlations, depending on the group sets of words to parts of speech and lexico-grammatical word classes. The theoretical basis of the study was the theoretical ideas in the direction of logical analysis of language and the theory of embodied cognition. RuWordPerception psycholinguistic information data served as the empirical research base. Estimates were analyzed, presented by 111 respondents, native Russian speakers, 90 women, 27 men, mean age 28, SD 12. The total number of reactions is 333,000. The analysis was carried out in Rstudio using the R language, version 4.0.5. The research hypothesis was partially confirmed. The most significant results are the following. (1) Nouns are opposed to predicate classes both in terms of average estimates of the contribution of modalities and the nature of correlations. (2) The class of concrete nouns, which can be characterized as prototypical, shows the described tendency to the fullest extent, strengthening it both in the nature of evaluations and in the types of correlations. (3) A higher level of average ratings in the ratings of modalities of relative adjectives in relation to the ratings of quality adjectives and transitive verbs in relation to intransitive ones is determined by the type of semantic structure – the expression of subject relations and a more complex system of valent subject relations of transitive verbs. (4) The absence of significant and strong correlations (with the exception of gustatory and olfactory connections) in nouns and their presence in predicate classes of words is also, in our opinion, correlated with the property of multidimensionality and heterogeneity of semantics. (5) It seems that the presence of visible coincidences in the tendencies of correlations of relative adjectives with two categories of verbs is correlated with their marginal position, the general type of semantics expressing the type of relations of various aspects. (6) There is a fundamental commonality both in the evaluations of the contribution of modalities of perception and

in the type of correlations between the ratings of modalities not only for lexico-grammatical categories, but for part-of-speech classes of words in the Russian language, which correlates with the data obtained on the material of other languages. These general tendencies are the leading role of visual modality, the marginal role of olfactory and gustatory modalities, and the high level of correlations between these two modalities.

Keywords: modalities of perception, theory of embodied cognition, Russian language, lexical and grammatical categories, ratings of modalities, perceptual components of semantics

Financial support: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority–2030).

For citation: Rezanova, Z.I. & Vladimirova, V.E. (2023) Ratings of the perceptual modalities contribution to the semantics of words in relation to parts of speech and lexico-grammatical categories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 30–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/4

В теории воплощенного познания обосновывается тезис об обусловленности когнитивных процессов всех уровней, в том числе высших, связанных с обработкой языка, перцептивным и моторным опытом человека. Эта теория может быть отнесена в настоящее время к числу весьма разработанных, представленных спектром частных теорий, признающих связь сенсорной и концептуальной систем, но различающихся тем, насколько сильной признается эта связь (см. обзор в [1, 2]).

О разработанности теории свидетельствует и значительное число экспериментальных исследований, направленных на поиск эмпирических доказательств активации моторного и перцептивного опыта при решении разного рода когнитивных задач, в том числе языковых. Существенно важным в этом аспекте считаем упомянуть и множественность используемых частей методов, в том числе не только поведенческих, фиксирующих внешние наблюдаемые показатели когнитивной обработки, но и основанных на фиксации зон активации определенных нейрональных зон мозга в процессах, связанных с обработкой перцептивного и моторного опыта.

Одним из традиционных методов в данной парадигме является создание баз нормативных данных об оценках вклада модальностей восприятия в семантику слова на основе учета мнений носителей языка. Такие базы данных используются, в свою очередь, при проведении других экспериментальных исследований. Эта традиция является также весьма разработанной, старт ее был дан еще в 70-е гг. XX в. [3]. В настоящее время созданы соответствующие психолингвистические базы данных (ПБД) для разных языков: английского [4, 5], испанского [6], русского [7, 8] и др.

Данное исследование выполнено на материале ПБД RuWordPerception, созданной на материале русского языка в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ при участии авторов данной статьи и доступной для исследователей по адресу: <http://clingv.ru:3839/>. Описание ПБД, ее теоретических основ, принципов конструирования, сбора лингвистических и психолингвистических данных, представлено в [9], а также в меньшем объеме на веб-странице БД.

Важно, что при этом словник БД собирался методом случайной выборки слов из академических словарей русского языка, где ограничительным признаком было отнесение лексемы к одной из трех частей речи –

существительным, прилагательным и глаголам, также при отборе материала в результате экспертной оценки были исключены устаревшие, узкоспециальные, просторечные слова. Дополнительные собственно структурные, формальные и семантические фильтры не применялись.

Основная функциональная направленность ПБД – представление данных об оценках вклада модальностей восприятия в семантику слов, которые собирались методом анкетирования респондентов на основе семичленной шкалы Ликерта. Кроме психолингвистических параметров база данных включает формальные и формально-семантические показатели слов (количество букв, количество слогов, количество морфем, деривационных морфем, наличие и тип деривационной основы), а также информацию о их принадлежности к лексико-грамматическим разрядам: у существительных маркируются: единицы конкретные VS абстрактные VS вещественные VS собирательные; у прилагательных – качественные VS относительные; одушевленные и неодушевленные; у глаголов – переходные VS непереходные; возвратные VS невозвратные. Вследствие этого мы можем соотносить на основании ПБД классы слов, объединенных по лингвистически признакам, и усредненные оценки вклада модальностей восприятия в их семантику.

Такой принцип отбора материала дает возможность поставить исследовательский вопрос о влиянии грамматической и лексико-грамматической категоризации на актуализацию перцептивной семантики.

Итак, в статье представлены результаты проверки гипотезы о том, что в составе групп слов, собранных по принципу случайной выборки, проявятся различия в средних оценках и их корреляционных связях в зависимости от принадлежности групп слов к частям речи и лексико-грамматическим классам слов. В сферу исследовательского внимания мы включаем доминирующие средние оценки вклада модальностей восприятия и их корреляционные отношения.

Основанием такой гипотезы являются, на наш взгляд, согласованные данные, полученные как в сфере собственно лингвистической теории, так и в психолингвистических исследованиях.

Лингвистическим основанием выдвижения гипотезы являются классические утверждения о том, что одним из базовых оснований противопоставления

частей речи является оппозиция категориальной семантики, которая детерминирована функционально – ориентацией слов частей речи на выполнение определенных функций в составе высказывания, в основе которого лежит схема логического суждения: субъект – связка – предикат. Как известно, противопоставление категориальной семантики в качестве одного из трех основных дифференциальных признаков базовых частей речи было выделено еще в античности и вследствие своей репрезентативности сохраняется в современных теоретических работах. Логический, когнитивный аспект этого противопоставления был сформулирован еще авторами Грамматики Пор-Рояля, которые обосновали обусловленность категориальной семантики частей речи их функциями в логико-семантической структуре высказывания [10]. В российской лингвистической теории эта концепция развивалась в логико-лингвистических концепциях М.В. Ломоносова и А.А. Потебни. В конце XX в. эти идеи были глубоко проработаны в трудах главы научного направления «Логический анализ языка» Н.Д. Арутюновой [11–13], в работах которой представлен логико-функциональный анализ спектра варьирования категориально-семантических структур лексического состава знаменательных частей речи, от ядерных (в современном терминопотреблении когнитивной науки – прототипических) до периферийных, имеющих значительные пересечения с ядерными значениями оппозиционирующих частей речи.

Базовая функция существительных – замещение субъектной позиции характеризующего суждения, что обуславливает многоаспектность значения, гетерогенность аспектов, отсутствие их функциональной выделенности: идентификация объекта осуществляется на основе совокупности признаков. Базовая функция прилагательных – предикативная – обуславливает моноаспектность семантики (часто семантика прилагательного соотносима с одним из аспектов семантики существительного), ее стремление к монокомпонентности [11]. Продолжая эту традицию в логике грамматистов Пор-Рояля, отметим, что прототипическая характеристика глагола определяется его связочной позицией – выражения связи субъекта и предиката, с включением в структуру семантики информации о предметных связях, что определяет моноаспектность, но многокомпонентность семантики.

Эти теоретические положения могут коррелировать с идеями об отражении в структуре значения перцептивного опыта. Охарактеризуем в заявленной логике анализируемые в статье лексико-грамматические разряды (ЛГР) трех частей речи. Как известно, выделение ЛГР в русской грамматической традиции связано с соотношением типовой лексической семантики и некоего способа грамматического маркирования, в том числе деривационного [14].

ЛГР существительного в системе русской грамматики организуются в иерархическую структуру: противопоставляются собственные и нарицательные имена, а в составе нарицательных далее оппозиционируют

классы абстрактных, конкретных, вещественных, собирательных и выделяемых по другому основанию – одушевленных и неодушевленных существительных.

В этих оппозициях класс конкретных существительных по своим лексико-грамматическим свойствам противопоставлен отвлеченным, вещественным, собирательным как по семантике, так и морфологическому показателю (полнота/ущербность парадигмы по числу, дополнительно – деривационным признакам). Если интерпретировать ЛГР существительных в терминах прототипической семантики, примененных к анализу языка Дж. Лакоффом [15. Р. 59–67], то конкретные существительные предстают как обнаруживающие прототипические эффекты категориальной семантики, обозначая конкретный предмет, воспринимаемый органами чувств непосредственно, отдельный, считаемый (*голубь, роза, плющ*).

В семантическом плане собирательные и вещественные существительные более близки конкретным, так как называют либо совокупность предметов, либо вещества, также воспринимаемые органами чувств (*ботва, хлам, зверье, жир, крупа, гинс*). Имена существительные первых трех ЛГР имеют тип семантической структуры, ориентированной на выполнение функции идентификации в логико-семантической структуре высказывания, чему соответствует тип денотативной семантики, характеризуемый многоаспектностью, гетерогенностью признаков, отраженных в значении, их рядоположенностью. Еще А.А. Потебня, основатель славянской семасиологии, отмечал: «Существительное конкретное есть такое название определенного вместилища признаков, которое не дает возможности определить, какой из этих признаков ближе сознанию» [16. С. 38]. Эти идеи были глубоко проинтерпретированы в работах Н.Д. Арутюновой [13. С. 1–5].

Класс абстрактных существительных в наибольшей степени противопоставлен по семантике конкретным именам, включая слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния: *слава, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег, движение*. Этот разряд существительных в семантическом отношении «соединяет» класс существительных с классами глаголов и прилагательных, называя так называемые опредмеченные действия и признаки (*беда, ум, нрав, страх, мука, печаль, страсть, горе, уют, грусть, сут*). Вследствие этого значительная часть абстрактных существительных является отглагольными и отадективными производными и маркированы деривационными суффиксами (нулевой (*горе-речь*), *-ость* (*трусость*), *-ств(о)* (*ничтожество, визионерство*), *-изм* (*реализм, гуманизм*) и др.). В дискурсивном развертывании деривационный механизм дает предикату возможность занять субъектную позицию, а также переместиться из позиции ремы в тему (*девочка засмеялась – ее смех удивил*). Таким образом, абстрактные имена составляют функционально-семантическую периферию класса существительных, оформляя в грамматических категориях существительного тип семантики, характерный для прилагательных и глаголов.

Отадъективные существительные наследуют монопризнаковость качественных прилагательных. Отглагольные имена несут информацию о прототипических ситуациях, отраженных в структуре событийной глагольной семантики, трансформируя ее в соответствии с категориальным именным значением и функциональным статусом в структуре суждения-высказывания.

Вследствие этого мы предполагаем, что в семантике лексико-грамматических разрядов конкретных и абстрактных существительных будут наблюдаться такие различия в проявлении перцептивных признаков, которые будут сближать абстрактные существительные с глаголами и прилагательными, а с другой стороны, абстрактные существительные могут и в этом аспекте сближаться с глаголами и прилагательными.

В свою очередь, в составе имен прилагательных мы рассматриваем оппозицию лексико-грамматических разрядов качественных и относительных прилагательных, функционально-семантическая оппозиция которых формулируется следующим образом: «выражение свойства, присущего самому предмету или открываемого в нем» VS «наименование признака через отношение к предмету или к другому признаку». При этом качественные прилагательные воплощают собой ядерный (прототипический – в терминологии когнитивной лингвистики) класс, называя такие свойства и качества, которые непосредственно воспринимаются органами чувств: цветовые, пространственные, временные, физические (*красный, синий, горячий, громкий, густой, душистый, круглый, мягкий, теплый*) и другие квалифицирующие признаки, качества характера и склада ума (*плохой, скупой, важный, вредный правильный*), представленные в семантике в отвлечении от своего «носителя» – субъекта. Прототипичность абстрактных прилагательных в грамматическом плане определяется тем, что они, с одной стороны, в наиболее полной форме выражают грамматические категории и морфологические признаки данной части речи, с другой – актуализируют собственно именную категориальную семантику как таковую – выражение качеств и свойств.

Относительные прилагательные¹ представляют качества, свойства через орудийные, пространственные, временные отношения к процессу или предмету (*деревянный < дерево, стальной < сталь, купальный < купание < купаться, вчерашний < вчера*), которые конкретизируются контекстно². Как отмечала Е.А. Земская, сочетание *автомобильные деньги* может отражать любое отношение [17]. И, как и у существительных, оппозиция прототипический VS непрототипический класс маркируется в значительном количестве случаев деривационно. Большинство качественных прилагательных, особенно их прототипическое ядро, непроеизводны, а абсолютное большинство относительных прилагательных производны, являя собой результат перевода предметной и процессуальной семантики в признаковую. Относительные прилагательные, наследуя предметную и процессуальную семантику, таким образом, по нашему предположению,

могут быть проводниками моделей включения перцептивной семантики в структуру прилагательных, характерных для производящих глаголов и имен.

Анализируемые нами в статье классы переходных и непереходных глаголов, как известно, противопоставляются по способности присоединять прямое дополнение, или прямой объект (в качестве морфологического признака отмечается: наличие/отсутствие в парадигме формы страдательного причастия, корреляция с возвратностью – как правило, возвратные глаголы непереходные). Данное категориально-семантическое противопоставление также имеет непосредственное отношение к нашему исследовательскому вопросу, так как переходность расширяет спектр предметных ассоциативных связей в семантике переходного глагола, и, по нашему предположению, это может найти отражение в характере оценок вклада перцептивного опыта разного типа в семантику, а именно в более значительном вкладе перцептивных компонентов в семантику переходных глаголов по сравнению с непереходными.

Материал и методы анализа

Как было отмечено ранее, мы основываемся на собранных данных об оценках вклада модальностей восприятия в семантику слов, собранных по принципу случайной выборки, представленных в базе данных RuWordPerception.

Обработаны оценки, данные 111 респондентами, носителями русского языка как родного (90 женщин, 27 мужчин, средний возраст 28, SD 12). Общее количество реакций 333 000.

Анализ проводился в Rstudio с использованием языка R версии 4.0.5 (31 марта 2021 г.).

Результаты исследования

Мы рассчитали сводную статистику (средние величины и другие базовые показатели) последовательно для всей выборки – 600 слов трех частей речи, затем по частям речи, которые представлены в табл. 1. В табл. 1–2 представлены данные о минимальных и максимальных значениях (min и max), а также медиане (med) и значении среднего (mean). Значения min, max, med в таблицах даются для ознакомления, обсуждаются средние значения.

Во-первых, полученные нами результаты статистического анализа в целом соотносятся с полученными ранее данными на материале английского русского [7, 4, 5], итальянского [18], китайского [19], сербского [20] и других языков.

Напомним, что вклад модальностей восприятия в семантику слов оценивался по семичленной шкале, среднее значение шкалы при этом – 3,5. Как можно видеть, оценки, усредненные по всем словам, не достигают среднего значения шкалы, что свидетельствует об общей тенденции к амодальности лексики.

Рейтинги модальностей восприятия для всей выборки и для существительных, прилагательных и глаголов

Модальность	Все части речи				Прилагательные				Существительные				Глаголы			
	min	med	mean	max	min	med	mean	max	min	med	mean	max	min	Med	mean	max
Вкус.	1.14	1.58	2.08	6.55	1.28	1.75	2.25	6.54	1.14	1.55	2.14	6.55	1.14	1.49	1.83	5.86
Виз.	1.49	3.32	3.39	6.46	1.49	3.31	3.46	6.25	1.89	3.68	3.68	6.29	1.63	2.85	3.05	6.46
Обоняние	1.22	1.82	2.29	6.43	1.35	1.92	2.37	6.04	1.27	2.09	2.53	6.30	1.22	1.67	1.98	6.43
Осязание	1.31	2.65	2.80	6.45	1.45	2.25	2.68	6.04	1.39	2.86	2.92	5.69	1.31	2.63	2.81	6.45
Ауд.	1.21	2.43	2.69	6.69	1.38	2.28	2.55	6.22	1.21	2.40	2.76	6.69	1.31	2.38	2.76	6.29

Также определенно проявлен отмеченный в исследованиях модальностей восприятия на материале других языков более высокий уровень рейтинга визуальной и осязательной модальности при устойчивом доминировании первой [18. Р. 5; 19. Р. 6; 20. Р. 10]. Лексическая семантика в исследованных языках отражает мир прежде всего как видимый и осязаемый. Наименьшие оценки вклада в семантику лексических единиц перцепций обоняния и вкуса выявлены как для всей выборки в целом, так и для отдельных частей речи. При этом сравнении мы видим менее значительные отличия между осязательной и визуальной модальностями, что также соотносится с полученными ранее данными – в разных языках последовательно занимают либо второе, либо третье место, не значительно отличаясь по уровню средних.

Уже описательная статистика свидетельствует о том, что части речи отличаются по рейтингам вклада

модальностей восприятия. Например, высокие рейтинги осязательной и аудиальной модальностей формируются прежде всего за счет «большого вклада» **существительных** в общую среднюю оценку, а **глагол** делает основной «вклад» в рейтинг аудиальной, объединяя в этом классе с **существительными**.

Прилагательные, при общих низких оценках вклада **вкусовой модальности** для слов всех частей речи, имеют более высокий показатель по отношению к существительным и глаголам: 2,25 VS 2,14; 1,83.

В целом **глагольная** лексика может быть названа как в наибольшей степени амодальная.

Анализ данных по лексико-грамматическим разрядам подтвердил нашу гипотезу о том, что данные разряды будут значимо различаться по вкладу модальностей восприятия, что подтвердилось для всех выделенных нами ЛГР. Данные описательной статистики представлены в табл. 2.

Таблица 2

Рейтинг модальностей восприятия по ЛГР трех частей речи

Модальность	Абстрактные существительные				Конкретные существительные			
	min	med	mean	max	min	med	mean	max
Вкус	1.14	1.50	1.87	6.39	1.14	1.54	2.15	6.55
Зрение	1.89	3.47	3.55	6.29	2.11	3.77	3.91	5.71
Обоняние	1.27	1.74	2.10	5.36	1.30	2.19	2.66	6.30
Осязание	1.39	2.53	2.67	5.69	1.52	3.21	3.16	5.25
Звучание	1.21	2.74	2.92	6.69	1.39	2.51	2.89	6.53
	Качественные прилагательные				Относительные прилагательные			
	min	med	mean	max	min	med	mean	max
Вкус	1.28	1.73	2.14	6.37	1.28	1.81	2.42	6.54
Зрение	1.49	3.03	3.25	6.25	1.63	4.01	3.78	6.09
Обоняние	1.35	1.80	2.19	5.62	1.38	2.04	2.63	6.04
Осязание	1.45	2.00	2.59	6.04	1.47	2.59	2.81	5.34
Слух	1.48	2.60	2.74	6.22	1.38	1.87	2.25	5.42
	Непереходные глаголы				Переходные глаголы			
	min	med	min	med	min	med	min	med
Вкус	1.14	1.44	1.56	2.87	1.16	1.53	2.08	5.86
Зрение	1.78	2.72	2.90	6.46	1.63	3.28	3.18	6.37
Обоняние	1.32	1.65	1.77	4.08	1.22	1.72	2.18	6.43
Осязание	1.49	2.29	2.53	4.80	1.31	3.05	3.08	6.45
Слух	1.42	2.61	3.04	6.29	1.31	2.17	2.50	5.81

Как можно видеть, рейтинги четырех модальностей восприятия слов конкретных существительных, относительных прилагательных и переходных глаголов выше, нежели оценки соотношенных с ними лексем абстрактных, качественных и непереходных ЛГР, конкретные существительные имеют более высокие

рейтинги по всем модальностям восприятия за исключением оценок аудиальной модальности.

Отметим особое положение рейтингов аудиальной модальности, более высокие оценки по вкладу данной модальности даны абстрактным существительным,

качественным прилагательным и непереходным глаголам, т.е. в данном случае наблюдается обратное соотношение рейтинга модальности и типа ЛГР.

Имена существительные получают более высокие оценки по всем модальностям восприятия, кроме вкусовой модальности, что, на наш взгляд, соотносится с охарактеризованной Н.Д. Арутюновой особенностью семантики существительных: отражательной, дескриптивной, многоаспектной. Эта же закономерность подтверждается и тем, что прототипический ЛГР – конкретные существительные – имеют более высокий рейтинг во всей выборке – 3.91. Так оценивается вклад визуальной модальности.

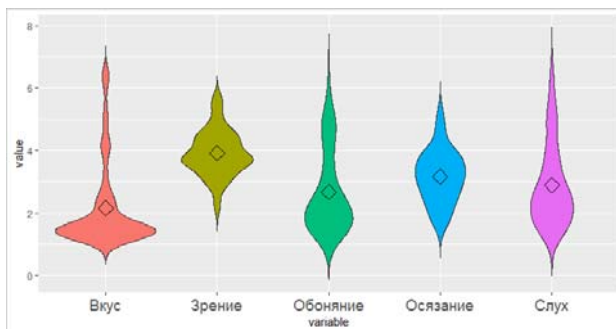
На противоположном полюсе находятся непереходные глаголы, что соотносимо с тем, что, обозначая процессуальный признак как замкнутый на субъекте, непереходные глаголы имеют наименьшие предметные

связи. Именно в этом классе отмечен наименьший рейтинг вклада модальности восприятия в семантику («вкус» 1.56).

Таким образом, в рейтингах вклада модальностей восприятия в семантику слова, с одной стороны, проявляются общие тенденции для словарного состава знаменательных частей речи, с другой – имеют значительное варьирование, в том числе коррелирующее с принадлежностью слов к разным ЛГР.

Далее было произведено попарное сравнение рейтингов модальностей для всех ЛГР трех частей речи с использованием критерия Краскела–Уоллеса с поправкой Бонферрони. Соотношение рейтингов модальностей восприятия для ЛГР конкретных и абстрактных существительных визуализировано в диаграммах размаха на рис. 1.

Конкретные существительные

Абстрактные существительные

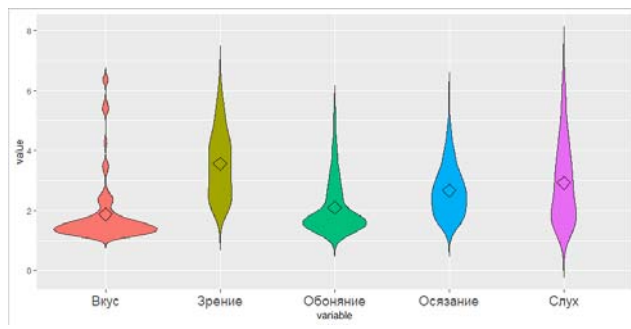

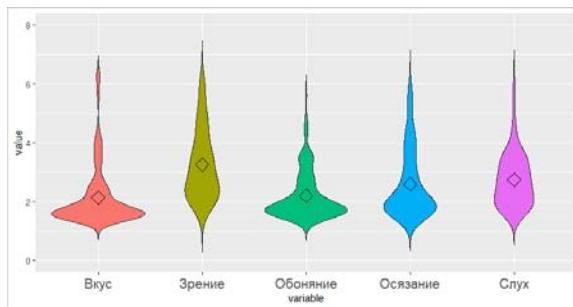
Рис. 1. Диаграммы размаха рейтингов вклада модальностей восприятия для ЛГР конкретных и абстрактных существительных

Попарные сравнения между группами выявили высокий уровень статистической значимости различий в рейтингах вклада модальностей восприятия у **конкретных существительных** между всеми парами ($p < 0.05$) за исключением пары «слух и обоняние» ($p = 0.10$), в то время как у **абстрактных суще-**

ствительных не достигает уровня статистической значимости различие в рейтинге у пары «слух и осязание» ($p = 0.39$).

Соотношение рейтингов модальностей восприятия для ЛГР качественных и относительных прилагательных визуализировано в диаграммах размаха на рис. 2.

Качественные прилагательные

Относительные прилагательные

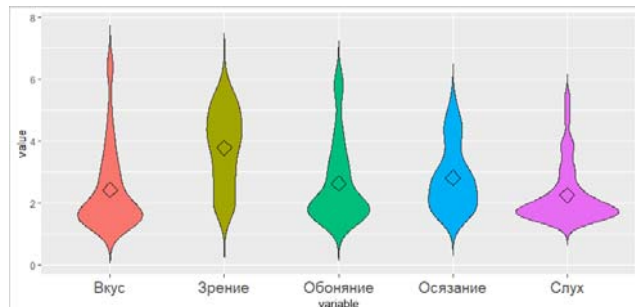

Рис. 2. Диаграммы размаха рейтингов вклада модальностей восприятия для ЛГР качественных и относительных прилагательных

Попарные сравнения между группами выявили высокий уровень статистической значимости различий в рейтингах вклада модальностей у **качественных прилагательных** между всеми парами ($p < 0.05$) за исключением пары «вкус и обоняние» ($p = 0.04$), в то время как у **относительных** прилагательных, наряду с парой «вкус и обоняние» ($p = 0.03$),

отсутствует статистически достоверная значимость различий в парах «осязание и обоняние» ($p = 0.04$), «слух и обоняние» ($p = 0.04$), «слух и вкус» ($p = 0.46$).

Соотношение рейтингов модальностей восприятия для ЛГР переходных и непереходных глаголов визуализировано в диаграммах размаха на рис. 3.

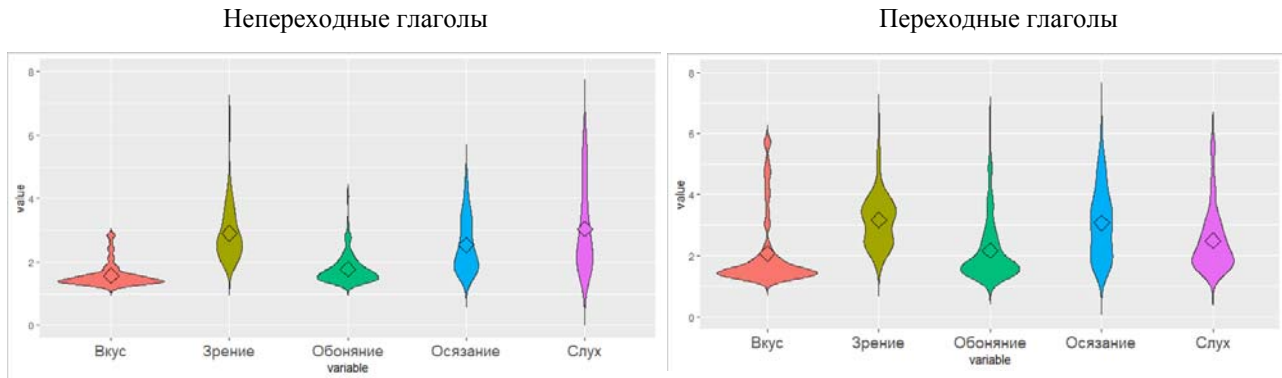

Рис. 3. Диаграммы размаха рейтингов вклада модальностей восприятия для ЛГР переходных и непереходных глаголов

Попарные сравнения между группами выявили высокий уровень статистической значимости различий в рейтингах вклада модальностей у переходных глаголов между всем парами ($p < 0.001$) за исключением пары «вкус и обоняние» ($p = 0.03$) и «зрение и осязание» ($p = 0.08$). У непереходных глаголов не обнаружена статистическая значимость различий в рейтингах модальностей в парах «слух и зрение» ($p = 0.12$), «осязание и слух» ($p = 0.40$).

Таким образом, мы видим значительное своеобразие во вкладе модальностей восприятия в семантику слов, принадлежащих как разным частям речи, так и противопоставленным по принадлежности к ЛГР. Это различие проявляется в рейтингах отдельных модальностей и их попарных соотношениях.

Далее наша гипотеза о том, что противопоставленность способов организации семантики частей

речи, обусловленная типами их функционирования в структуре высказывания, найдет отражение в характере представленности (роли) модальностей восприятия, была проверена с применением корреляционного анализа. Мы предположили, что классы случайно выбранных слов разных частей речи будут характеризоваться разными типами корреляционных связей и эти варианты будут статистическим отражением соотношений функционально обусловленных различий семантических структур трех основных частей речи.

Отношения между модальностями были исследованы с помощью корреляционного анализа Спирмена, результаты которого представлены в табл. 3 (в табл. 3–6 уровень значимости корреляционной связи равный и больший 0.05 обозначен *, равный и больший 0.01 – **).

Таблица 3

Корреляции между средними рейтингами пяти модальностей для всей выборки слов

Модальность	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Все части речи					
Вкус	1	0.1**	0.8**	0.3**	-0.1*
Зрение		1	0.2**	0.4**	-0.2**
Обоняние			1	0.3**	0
Осязание				1	-0.1*
Слух					1
Существительные					
Вкус	1	-0.04	0.72**	0.15*	-0.16*
Зрение		1	0.02	0.14*	-0.07
Осязание			1	0.20**	-0.15*
Обоняние				1	-0.08
Слух					1
Прилагательные					
Вкус	1	0.1	0.8**	0.4**	-0.05*
Зрение		1	0.1	0.4**	-0.4**
Обоняние			1	0.3**	0.1
Осязание				1	-0.2**
Слух					1
Глаголы					
Вкус	1	0.00	0.77**	0.29**	-0.02
Зрение		1	0.16*	0.34**	-0.23**
Обоняние			1	0.31**	-0.09
Осязание				1	-0.08
Слух					1

Данные корреляционного анализа выявляют несколько общих закономерностей.

Ожидаемо наиболее высокий уровень положительной корреляции (увеличение вклада одной модальности соотносится с увеличением другой) выявлен между вкусовой и обонятельной модальностями в оценках респондентов как для всего класса слов ($r = 0,8$ при уровне значимости $\Rightarrow 0,01$), так и для всех трех частей речи (существительных: $r = 0,72^{**}$, прилагательных: $r = 0,8^{**}$, глаголов: $r = 0,77^{**}$).

Степень корреляционной связи между рейтингами других модальностей восприятия значительно ниже и различается у классов единиц всех трех частей речи. У **прилагательных** осязательная модальность связывается положительной корреляционной связью среднего уровня со вкусовой ($r = 0,3^{**}$), визуальной ($r = 0,4^{**}$), обонятельной ($r = 0,3^{**}$). В целом такое же соотношение характерно и для **глаголов**, где близка по уровню значимости положительная корреляционная связь осязательной модальности со вкусовой $r = 0,3^{**}$, визуальной ($r = 0,4^{**}$), обонятельной ($r = 0,3^{**}$).

Также сближаются **прилагательные** и **глаголы** по характеру корреляций аудиальной и визуальной модальностей: отрицательная корреляция среднего уровня (прилагательные $r = -0,4^{**}$; глаголы $r = 0,23^{**}$).

Отрицательные корреляционные связи (при увеличении рейтинга одной модальности рейтинг другой уменьшается) выражены с незначительной силой –

наибольший показатель $r > 0,2$ с уровнем статистической значимости $p < 0,001$ обнаружен между зрительной и аудиальной модальностями.

Полученные данные могут быть проинтерпретированы относительно выдвинутой нами гипотезы. Семантика **существительных** по характеру корреляций оценок вклада модальностей восприятия в наибольшей степени противопоставлена глагольной и адъективной. На наш взгляд, это определяется различным типом организации многоаспектной, гетерогенно организованной семантики существительных, в свою очередь детерминированной их функциональной направленностью на выражение, соответственно, субъектной и предикатной позиции в структуре высказывания. Как представляется, одноаспектность семантики глагола и прилагательного – направленность на преимущественное отражение признаков одного класса – приводит к тому, что устанавливаются более тесные зависимости между признаками. Гетерогенность, независимость признаков в структуре существительных является препятствием для установления корреляционных связей между модальностями, представленными одновременно в семантике существительных, каждое из которых потенциально является полимодальным, т.е. может иметь высокие оценки не по одной модальности восприятия.

Далее был проведен корреляционный анализ рейтингов пяти модальностей восприятия по лексико-семантическим группам трех анализируемых частей речи. Результаты представлены в табл. 4–6.

Таблица 4

Корреляции между средними рейтингами пяти модальностей для ЛГР разрядов конкретных и абстрактных существительных

Модальность	Конкретные существительные				
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	0.04	0.72**	0.21	-0.11
Зрение	0.04	1.00	0.04	0.29	0.01
Обоняние	0.72**	0.04	1.00	0.20	-0.12
Осязание	0.21	0.29	0.20	1.00	0.00
Слух	-0.11	0.01	-0.12	0.00	1.00
Абстрактные существительные					
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	0.00	0.80**	0.11	-0.03
Зрение	0.00	1.00	0.07	-0.03	-0.22*
Обоняние	0.80**	0.07	1.00	0.20	0.13
Осязание	0.11	-0.03	0.20	1.00	-0.17
Слух	-0.03	-0.22*	0.13	-0.17	1.00

Проанализируем далее полученные данные по ЛГР трех частей речи в аспекте обсуждаемой гипотезы.

Проведенный далее корреляционный анализ рейтингов модальностей восприятия по ЛГР выявил также предсказуемый высокий уровень силы корреляционной связи рейтингов вкусовой и обонятельной модальностей ($r > 0,07$) во всех лексико-грамматических группах всех частей речи. В дальнейшем анализе по частям речи эта корреляционная связь не обсуждается.

В ЛГР конкретных существительных сила корреляционных связей является наименьшей по сравнению ЛГР прилагательных и глаголов, уровень статистической значимости $p < 0,05$ не был достигнут ни для одной из пар модальностей, за исключением названной «вкус

и обоняние». Мы считаем, что в этом также находит отражение прототипичность ЛГР конкретных существительных, так как этот класс в наибольшей степени проявляет тенденцию, характеризующую существительные в оппозиции предикатным частям речи.

Выраженная в характере корреляционных связей противопоставленность рейтингов модальностей восприятия конкретных существительных аналогичным данным двух классов предикатных слов проявилась в большей степени, нежели в оппозиции существительные VS прилагательные и глаголы (ср. данные табл. 3 и табл. 4–6).

Рассмотрим далее корреляции между рейтингами модальностей восприятия в ЛГР качественных и относительных прилагательных

Корреляции между средними рейтингами пяти модальностей качественных и относительных прилагательных

Модальность	Качественные прилагательные				
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	-0.05	0.75**	0.28**	-0.15
Зрение	-0.05	1.00	0.00	0.21	-0.39**
Обоняние	0.75**	0.00	1.00	0.16	0.03
Осязание	0.28**	0.21	0.16	1.00	-0.25**
Слух	-0.15	-0.39**	0.03	-0.25**	1.00
Относительные прилагательные					
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	0.06	0.85**	0.25*	-0.12
Зрение	0.06	1.00	0.10	0.48**	-0.32**
Обоняние	0.85**	0.10	1.00	0.23	0.01
Осязание	0.25*	0.48**	0.23	1.00	-0.07
Слух	-0.12	-0.32**	0.01	-0.07	1.00

Сравнение рейтингов вклада модальностей восприятия в группах **качественных** и **относительных** прилагательных выявило общую тенденцию – наличие отрицательной корреляции *аудиальной* и *зрительной* модальностей средней силы ($r = -0.39$ и $r = -0.32$) с высоким уровнем значимости $p < 0.001$, слабой положительной корреляции рейтингов *вкусовой* и *осязательной* модальностей, отличающихся, однако, уровнем значимости, которая выше у качественных прилагательных. Вместе с тем в классе **относительных** прилагательных устанавливается

сильная положительная корреляционная связь ($r = 0.48$) со статистической значимостью $p < 0.001$ между рейтингами *зрительной* и *осязательной* модальностей, отсутствующая у качественных. У качественных – слабая отрицательная корреляционная зависимость ($r = -0.25$) с уровнем значимости $p < 0.001$ между *слуховой* и *осязательной* модальностями, отсутствующая у относительных.

Рассмотрим далее корреляции между рейтингами модальностей восприятия в ЛГР переходных и непереходных глаголов.

Таблица 6

Корреляции между средними рейтингами пяти модальностей переходных и непереходных глаголов

Модальность	Переходные глаголы				
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	-0.07	0.76**	0.25*	0.07
Зрение	-0.07	1.00	0.10	0.42**	-0.16
Обоняние	0.76**	0.10	1.00	0.26**	-0.01
Осязание	0.25*	0.42**	0.26**	1.00	-0.10
Слух	0.07	-0.16	-0.01	-0.10	1.00
Непереходные глаголы					
	Вкус	Зрение	Обоняние	Осязание	Слух
Вкус	1.00	0.03	0.76**	0.27**	0.00
Зрение	0.03	1.00	0.22*	0.16	-0.24*
Обоняние	0.76**	0.22*	1.00	0.33**	-0.12
Осязание	0.27**	0.16	0.33**	1.00	0.05
Слух	0.00	-0.24*	-0.12	0.05	1.00

В классах переходных и непереходных глаголов мы также наблюдаем наличие общих тенденций в характере корреляционных связей рейтингов модальностей восприятия, которая, однако, проявляется вариативно: средняя положительная корреляционная связь между рейтингами *осязательной* и *обонятельной* модальностей у **непереходных** глаголов ($r = 0.33$) и слабая ($r = 0.26$) у **переходных** с уровнем значимости $p < 0.001$, выделяя единицы этого класса всем другим ЛГР. Слабая положительная корреляционная связь между рейтингами *осязательной* и *вкусовой* модальностей у **переходных** глаголов $r = 0.25^*$, но несколько более сильная ($r = 0.27$) и с уровнем значимости $p < 0.001$ у **непереходных глаголов**. Наличие таких показателей корреляционной связи сближает оба разряда глаголов с **относительными** прилагательными.

При этом обнаруживаются и корреляции, противопоставляющие классы переходных и непереходных глаголов.

Существенно важно отметить у **переходных** глаголов наличие положительной корреляционной связи высокого уровня ($r = 0.42$) с уровнем значимости $p < 0.001$ между *зрительной* и *осязательной* модальностями. Данная корреляционная связь, противопоставляя по этому признаку **переходные глаголы** непереходным ($r = 0.16$), сближает их с **относительными прилагательными** ($r = 0.48^{**}$).

Непереходные глаголы противопоставляются переходным наличием отрицательной корреляционной связи между рейтингами *зрительной* и *аудиальной* модальностей с уровнем значимости ($p < 0.05$), что сближает их с **относительными прилагательными**, сила

и уровень корреляционных связей у которых выше ($r = -0.32^{**}$).

Однако следует отметить, что закономерность, выявленная нами в соотношении корреляционных связей конкретных существительных и в классе существительных в целом, в соотношении рейтингов модальностей качественных и относительных прилагательных не проявилась.

При этом отметим значительную степень сходства в характере корреляционных связей относительных прилагательных с рейтингами модальностей ЛГР переходных глаголов.

Обсуждение

В данном исследовании мы соотнесли результаты логико-семантических исследований основных частей речи и данные о вкладе модальностей восприятия в семантику слова, полученные нами на основе применения теоретических положений и методов исследования, сложившихся в теории воплощенного познания.

Наша гипотеза о влиянии грамматической и лексико-грамматической категоризации на оценки вклада модальностей восприятия в семантику слов русского языка подтвердилась в ходе применения статистических метрик к полученным в экспериментальной работе данным.

I. Наиболее значимыми результатами, подтверждающими гипотезу, считаем следующие:

1. Выявлено, что имена существительных частей речи как по средним оценкам вклада модальностей, так и характеру корреляционных связей, при этом конкретные существительные прототипического разряда в наиболее значительной степени проявляют эту тенденцию.

2. Более высокий уровень средних оценок в рейтингах модальностей относительных прилагательных по отношению к рейтингам качественных прилагательных и переходных глаголов по отношению к переходным определяется типом семантической структуры единиц этих классов слов. Относительные прилагательные выражают неопределенно широкий спектр отношений к предмету или действию, что расширяет спектр возможных отсылок к перцептивному опыту, например: *малиновый* > *кустаник*, *малиновое* > *варенье*, *малиновый* > *пиджак*. Одноаспектность семантики качественного прилагательного закономерно сужает предметные ассоциации, как следствие – разнообразие актуализации конкретного перцептивного опыта (*рыжий* > *кустарник*, *рыжее* > *варенье*, *рыжий* > *пиджак*). Переходные глаголы обладают сложной системой валентных предметных связей, каждая из которых может приводить к актуализации перцептивного опыта взаимодействия с соответствующим предметом (например, процесс, названный переходным глаголом *варить*, представляет собой процесс взаимодействия предметов, занимающих субъекта, орудия, продукта (результата), средства глагола, каждый из которых может актуализировать пересекающийся и в то же время разный перцептивный опыт). Непереходный

глагол также может актуализировать разные предметные связи, например, бежать – субъектную и пространственную, однако их спектр существенно уже.

3. Отсутствие значимых и сильных корреляционных связей между модальностями восприятия (за исключением связи вкусовой и обонятельной) у существительных, на наш взгляд, соотносимо со свойством многоаспектности и гетерогенности семантики данных лексико-грамматических классов слов. Гетерогенность, охарактеризованная Н.Д. Арутюновой как базовое свойство семантики прототипических классов существительных, и есть, по сути, отсутствие взаимной связи, взаимообусловленности признаков, т.е. их корреляций.

4. Как представляется, наличие видимых совпадений в тенденциях корреляционных связей относительных прилагательных с двумя разрядами глаголов соотносимо с их маргинальной позицией в структуре соответствующих частей речи, общим типом семантики, выражающей тип разноаспектных отношений.

5. Вместе с тем следует отметить наличие принципиальной общности как в оценках вклада модальностей восприятия, так и в типе корреляционных связей между рейтингами модальностей не только для ЛГР, но и частеречных классов слов русского языка, что соотносится с полученными на материале других языков данными. Объединяют наши результаты с полученными ранее данными выводы о ведущей роли визуальной модальности, маргинальной роли обонятельной и вкусовой модальностей, о высоком уровне корреляционных связей между этими двумя модальностями.

II. Анализ рейтингов модальностей восприятия, устанавливаемых для семантики 600 слов русского языка, отобранных методом случайной выборки, и их соотношений позволил также сделать следующие выводы:

1. Мир, представленный в семантике русских слов, это прежде всего мир видимый: рейтинги этой модальности наиболее высоки во всех частях речи по сравнению с другими модальностями. Совершенно закономерно, что, по оценкам респондентов, вклад визуальной модальности актуализирован в семантике конкретных существительных, представляющих предметный мир наиболее непосредственно. На втором месте по значимости находятся относительные прилагательные и переходные глаголы, отражающие предметный мир более опосредствованно по сравнению с существительными.

2. В отражении семантики русских слов мир видимый – это по преимуществу мир также осязаемый, о чем свидетельствуют корреляционные связи рейтингов вклада визуальной и тактильной модальностей. В целом у всего состава слов корреляция является положительной – увеличению вклада визуальной модальности соответствует и увеличение роли тактильной модальности. Существительные вносят наименьший вклад в формирование этого корреляционного отношения, а наибольший – относительные прилагательные и переходные глаголы.

3. При этом зрительная модальность связана отрицательной корреляционной связью с аудиальной, т.е.

чем больше вклад зрительной модальности в семантику слов, тем меньше – аудиальной. Таким образом, наши данные свидетельствуют в пользу такой тенденции: если какой-то фрагмент мира мы воспринимаем не визуально, есть большая вероятность, что он будет восприниматься аудиально. Важно заметить, что данная отрицательная корреляция не является сильной в проанализированной выборке слов трех частей речи, и наибольший вклад в ее формирование вносят непереходные глаголы, качественные прилагательные и абстрактные существительные.

4. Наши экспериментальные данные, как и другие методы в лексико-семантических, типологических исследованиях, подтверждают наличие тесной связи вкуса и обоняния и отражения этих отношений в регулярных моделях полисемии или типологических соответствиях в разных языках (см., например, [21, 22]). Вместе с тем наши данные свидетельствуют о наличии наиболее тесных связей данной пары модальностей с

тактильной перцепцией, о чем свидетельствует выявленная положительная корреляция, хотя уровень ее значимости значительно ниже, нежели установленный между рейтингами вкуса и запаха.

Объем выборки слов и количество привлеченных респондентов соответствуют сложившимся в данной парадигме исследований нормам, это позволило нам выявить тенденции в рейтингах модальностей восприятия русских слов трех частей речи, их корреляциях, а также зависимости выявленных тенденций от принадлежности слов в разным лексико-грамматическим разрядам. Однако мы полагаем, что расширение выборок лексических единиц, применение других принципов их отбора, а также привлечение более значительного количества респондентов позволят представить другие тенденции, которые в данной статье не были приведены, так как их наличие не было подтверждено на уровне статистической значимости.

Примечания

¹ Относительные прилагательные составляют весьма разветвленную группу, включая подразряды порядковых относительных прилагательных, производных от количественных числительных (три – третий), и местоименных (этот, какой-то). В нашем материале они не представлены.

² Семантическая граница между качественными и относительными прилагательными динамична, относительные прилагательные могут развивать качественные значения.

Список источников

- Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G. Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex*. 2012. Vol. 48, № 7. P. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002
- Wilson M. Six views of embodied cognition // *Psychonomic bulletin review*. 2002. Vol. 9, № 4. P. 625–636.
- Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // *Journal of experimental psychology*. 1968. Vol. 76, № 1. P. 1–25. doi: 10.1037/h0025327
- Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // *Behavior research methods*. 2013. Vol. 45, № 2. P. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0/
- Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 423 object properties // *Behavior Research Methods*. 2009. Vol. 41, № 2. P. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558
- Moreno-Martínez F.J., Montoro P.R., Rodríguez-Rojo I.C. Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts // *Behavior Research Methods*. 2014. Vol. 46, № 4. P. 1088–1097. doi: 10.3758/s13428-013-0435-x
- Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2018. № 47 (3). P. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1
- Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016. № 5 (43). С. 71–92.
- Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 450. С. 49–57. doi: 10.17223/15617793/450/6
- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. 132 с.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. М., 1980. С. 156–249.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 1–5.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. 783 с.
- Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago ; London, 1987. 631 p.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. 536 с.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2011. 328 с.
- Morucci P. Augmented Modality Exclusivity Norms for Concrete and Abstract Italian Property Words / P. Morucci, R. Bottini, D. Crepaldi // *Journal of Cognition*. 2019. № 2 (1). P. 1–14. doi: 10.5334/joc.88
- Chen I.-H., Zhao Q., Long Y. et al. Mandarin Chinese modality exclusivity norms // *Plos ONE*. 2019. Vol. 14, № 2. P. e0211336
- Đurđević D.F., Stijačić M.P., Karapandžić J. A quest for sources of perceptual richness: several candidate // *Studies in Language and Mind / Novi Sad*. 2016. P. 187–238.
- Viberg Å. The verbs of perception: A typological study // *Explanations for Language Universals / B. Butterworth, B. Comrie, Ö. Dahl (Eds)*. Berlin : Mouton, 1984. P. 123–162.
- Strik Lievers F., Winter B. Sensory language across lexical categories // *Lingua*. 2018. № 204. P. 45–61.

References

- Meteyard, L. et al. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 48 (7). pp. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002

2. Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin Review*. 9 (4). pp. 625–636.
3. Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S.A. (1968) Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. *Journal of experimental psychology*. 76 (1). pp. 1–25. doi: 10.1037/h0025327
4. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45 (2). pp. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0/
5. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41 (2). pp. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558
6. Moreno-Martínez, F.J., Montoro, P.R. & Rodríguez-Rojo, I.C. (2014) Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts. *Behavior Research Methods*. 46 (4). pp. 1088–1097. doi: 10.3758/s13428-013-0435-x
7. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47 (3). pp. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1
8. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the Perceptual-Based Component of Language Semantics Using a Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/43/6
9. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) The Perceptual Component of Noun Semantics in the Perception of Native Russian Speakers and Turkic-Russian Bilinguals (Based on the RuWordPerception Psycholinguistic Database). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 49–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/6
10. Arnauld, A. & Lancelot, C. (1990) *Grammatika obshchaya i ratsional' naya Por-Royalaya* [General and rational grammar: The Port-Royal grammar]. Translated from French. Moscow.
11. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow.
12. Arutyunova, N.D. (1980) К проблеме функционал'ных типов лексического значения [On the problem of functional types of lexical meaning]. In: *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic research]. Moscow. pp. 156–249.
13. Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow. pp. 1–5.
14. Shvedova, N.Yu. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
15. Lakoff, G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago; London.
16. Potebnya, A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vols 1–2. Moscow.
17. Zemskaya, E.A. (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow.
18. Morucci, P. (2019) Augmented Modality Exclusivity Norms for Concrete and Abstract Italian Property Words. *Journal of Cognition*. 2 (1). pp. 1–14. doi: 10.5334/joc.88
19. Chen, I.-H. et al. (2019) Mandarin Chinese modality exclusivity norms. *Plos ONE*. 14 (2). p. e0211336
20. Đurđević, D.F., Stijačić, M.P. & Karapandžić, J. (2016) A quest for sources of perceptual richness: several candidate. In: *Studies in Language and Mind*. Novi Sad. pp. 187–238.
21. Viberg, Å. (1984) The verbs of perception: A typological study. In: Butterworth, B., Comrie, B. & Dahl, Ö. (eds) *Explanations for Language Universals*. Berlin: Mouton. pp. 123–162.
22. Strik Lievers, F. & Winter, B. (2018) Sensory language across lexical categories. *Lingua*. 204. pp. 45–61.

Информация об авторах:

Резанова З.И. – зав. кафедрой общей компьютерной и когнитивной лингвистики, зам. зав. лабораторией лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Владимирова В.Е. – аспирант, младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии, ассистент кафедры общей компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: picture_perfect@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Computational and Cognitive Linguistics, deputy head of the Linguistic Anthropology Laboratory, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

V.E. Vladimirova, postgraduate student, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: picture_perfect@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022;
одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 27.09.2022;
approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 81`38
doi: 10.17223/15617793/487/5

Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности

Татьяна Семеновна Садова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
tatsad_90@mail.ru

Аннотация. На основе лингвистического анализа Воинского устава 1796 г., созданного при непосредственном участии Павла I, рассматривается возможность реконструкции языковой личности императора. Уделяется внимание специфике организации текста, тем лексическим и грамматическим его особенностям, которые в той или иной мере характеризуют личность Павла I. Анализируются преимущественно императивные структуры текста, отчетливо отражающие как прагматику жанра, так и содержание властных интенций императора.

Ключевые слова: язык военного устава, император Павел I, языковая личность, императивность, историческая стилистика

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00338.

Для цитирования: Садова Т.С. Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 42–49. doi: 10.17223/15617793/487/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/5

Emperor Paul I in the text of the Military Regulations of 1796: Experience in the reconstruction of a language personality

Tatyana S. Sadova¹

¹ St Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
tatsad_90@mail.ru

Abstract. Each text created in a particular era involuntarily becomes the “seal” of its time, especially if it is a text of state significance, which inevitably captures state symbols, state ideology, and state political priorities. These are the most important constituent texts of the 18th century in Russia; they record the consistent and ever deepening Europeanization of all spheres of Russian society. In the era of absolute monarchy, in the texts of decrees, laws and other administrative documents, a “linguistic portrait” of the emperor is inevitably revealed, on whose behalf this or that document is created. Ego Imperatorskago Velichestva Voinskiy Ustav Polevoy Pekhotnoy Sluzhbb̆ [His Imperial Majesty’s Military Regulations of the Field Infantry Service], created with the direct participation of Paul I and embodying many of his plans to reform the army and Russia as a whole, is an indicative text in this regard. Against the background of very contradictory information about Paul I in the historical studies of famous historians and biographers of the emperor (V.O. Klyuchevskiy, D.F. Kobeko, N.K. Shil’der, etc.), the article attempts to reconstruct the image of the emperor according to the language of a specific text. Taking into account the pragmatics of the genre, special attention is paid to imperative constructions that shape the administrative intention of the main subject of expression of will, Emperor Paul. The lexical intensifiers of imperativeness (*skoro, provorno, bystro, naskol’ko mozno bystreye, vdrug* [soon, nimbly, quickly, as quickly as possible, suddenly], etc.), their combinatorics in the text, functioning and semantics according to the *Slovar’ Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy] (1789–1794) are considered. The author reveals that the semantics of impetuosity, speed and rigor in the execution of orders unites these modifiers of the imperative, in many ways reflecting the spirit of Paul’s transformations – decisive, quick, and simultaneously well thought out. Linguistic data are found that testify not to a blind copying of Prussian military documents, as many historians write, but to a creative arrangement in Paul’s era of foreign-language sources, including the military charter of the field infantry service. Thematically, integral parts of the text, setting out the educational and “pedagogical” duties of officers, testify to the detailed immersion of the authors of the regulations in “the little things of military life”, about the requirement to patiently and intelligently train recruits, the responsibility for the training resting entirely with the commanders. Indicative are examples of a fatherly caring attitude towards the sick and the

wounded, expressed by numerous imperative structures addressed to doctors, officers of different ranks, with characteristic verbs of joy and courting (*smotret'*, *radet'*, *khodit' (za)* [watch, take care, tend]), etc. and the adverbs *strogo* [strictly], *vsegda* [always], *neukosnitel'no* [strictly], etc. In the text of Paul's regulations, in contrast to the *Ustav Voinskiy* [Military Regulations] of Peter I (1716), there is no solemnity of style and artistic tropes. The severity of the presentation of the main orders and the gravitation towards the standard in all areas of military service – such is the pragmatism of this text, apparently reflecting both the spirit of Paul's time and the personality of Emperor Paul himself.

Keywords: language of military regulations, Emperor Paul I, language personality, imperativeness, historical stylistics

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00338.

For citation: Sadova, T.S. (2023) Emperor Paul I in the text of the Military Regulations of 1796: Experience in the reconstruction of a language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 42–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/5

Тема речевого портрета личности, структурируемого на основе анализа языковых фактов авторского текста (как устного, так и письменного), весьма популярна в современной лингвистике [1, 2]. Большая часть работ этой тематики посвящается сегодня речевым портретам современных российских политиков; в качестве материала для исследования в таких случаях выступают, прежде всего, тексты устной публичной речи, реже – письменные, но непременно имеющие отчетливое авторское начало (обращение, заявление, письмо и др.) [3, 4]. Понятно, что письменный текст современного документа, максимально обезличенного, созданного по формальным и содержательным стандартам, не может служить материалом для конструирования речевого портрета личности, даже в том случае, если документ подписан конкретным человеком.

Совершенно очевидно, что во времена абсолютной монархии документные тексты, прежде всего распорядительные, создавались несколько по-иному: писались они от имени государя и нередко при его непосредственном участии. Поэтому в указах, распоряжениях, уставах этой эпохи отчетливо проявляется личность монарха, его идеологические и мировоззренческие предпочтения, что в известной степени позволяет использовать эти тексты в качестве материала для «речевого портретирования» личности самодержца. Исследований такого рода чрезвычайно мало, зачастую речевые портреты российских монархов конструируются лишь на материале художественных текстов, приобретая статус речевого портрета исторического персонажа [5]. Мы же допускаем, что тексты императивных документов содержат интересный и вполне «аутентичный» материал для реконструкции образа императора, каким он запечатлен в языке даже отдельного распорядительного текста.

На основе анализа языка одного воинского устава, созданного в эпоху императора Павла I, рассмотрим возможность такой реконструкции, тем более что участие императора в его создании повсеместно подтверждается его современниками и биографами [6. С. 54; 7. С. 86]. В качестве фонового сопоставительного материала выступит текст «Устава воинского» 1716 г. (УВ), во многом отразивший личность его создателя, первого российского императора Петра I.

Примечательно, что «личность» Павла I в рассматриваемом тексте в известной степени скрыта от адресата вопреки традиции предшествующих времен предвирать царские указы торжественным обращением монарха к своим подданным с неизменным указанием имени государя и царственных его титулов: *Божією милостію, Мы Петръ Первьій, Царь и Самодержецъ Всероссійскій и прочая* <...> (УВ, 1).

В Уставе же 1796 г. имя Павла Петровича не упоминается вовсе, а его «присутствие» обозначается лишь в заглавии текста, причем исключительно статусно: «Его Императорскаго Величества Воинскій Уставъ Полевой Пехотной Службѣ». При этом совершенно понятно, что как самодержец и инициатор военных реформ Павел, несомненно, – главный субъект и источник властных распоряжений, изложенных в уставном документе. Возможно, это не столь значительный факт в деле реконструкции языковой личности российского самодержца, но, как кажется, весьма показательный: Павел I, по мнению ряда историков, никогда не любил «внешней блистательности» [8. С. 328].

При поиске «личностных характеристик» Павла I в тексте созданного им устава следует иметь в виду одно обстоятельство, способное стать существенным препятствием в самой постановке такой исследовательской задачи. Известно, что язык и устройство деловых текстов XVIII в., времени активной европеизации русской канцелярии [9. С. 28], нередко напрямую зависели от переводного источника, в нашем случае – того иноязычного текста, который явился основой устава 1796 г. В исторических исследованиях, посвященных реформаторским деяниям императора Павла I, утверждается, что таким источником стал прусский военный устав 1760 г. [8. С. 86], поскольку с ранних лет сын Екатерины II отличался особенной «привязанностью к Пруссии» [8. С. 290; 10. С. 270; 11. С. 228]. Однако при более тщательном изучении военных регламентов тогдашней Пруссии и павловской России отмечается не слепое копирование, а вдумчивое, творческое переложение иноземных уставов и других военных текстов-образцов на русский лад [6. С. 54].

Творческое участие Павла I в написании устава «по русскому образцу» не могло не отразиться в речевом

оформлении этого текста. Переводной характер исходного текста-образца в этом случае уже не играл существенной роли: речевые предпочтения автора-монарха в желании наиболее точно выразить свою мысль наверняка имели большее значение. Поэтому поиск языковых особенностей рассматриваемого текста, отражающих личность императора Павла, представляется вполне оправданным.

Так, общая строгость и «нехудожественность» распорядительного документа, как кажется, весьма показательны для образа мыслей Павла I, ценившего, по свидетельству его биографов, «простые и ясные решения» [8. С. 328]. Видимо, поэтому в этом тексте почти нет поэтической тропики, что, например, характерно для военных уставов Петра I [12. С. 58; 13. С. 74].

Редкие эпитеты (*смелый отпор, храбрый натиск* и т.д.), высокие, с символическим значением, слова (*честь, долг, вера* и др.) не играют здесь особой стилистической роли и не добавляют патетики уставному тексту, нацеленному более на повседневность военной жизни, чем на «подъем духа». К тому же ко времени Павла I понятие офицерской чести уже вполне сложилось [14], а устойчивые словосочетания с участием слова «честь» (в рамках военного устава) вполне определенно приобретают статус профессионально маркированной речевой формулы:

Наблюдать, чтобы всѣ шефы и Командиры содержали свои полки въ комплектѣ, а о недостающихъ онымъ отвѣчать по присягѣ и чести (ВУП, 45);

Естьли Офицеръ долѣе сего срока въ отпуску пробудеть, то <...> Офицеры находятъ случай привѣщать къ тому, что ни званію ни чести Офицерской не соотвѣтствуютъ (ВУП, 45).

Функциональная сосредоточенность текста на адресате, при которой замечаются «всякие мелкости военной службы» [15. С. 56]¹, – такова прагматика павловского устава, диктовавшая отбор языковых средств.

Показательно стандартно (и вполне «по-павловски») предстают заголовки глав и частей ВУП – либо в виде предложения с вопросительными местоимениями «как» и «что» (*Какъ рота ранжирована и построена быть должна; Что наблюдать караульнымъ офицерамъ*), либо – что чаще – в виде описательной конструкции с характерным предлогом «о» (*О обученіи рекрута*). Лишь три заголовка оформлены как двух- и трехсловные сочетания с указанием основной темы главы (*Команды въ приемахъ; Генеральныя команды*).

Стремление к стандартизации даже «внешней формы» печатного текста – ярчайший признак павловского устава. Весьма примечательно наличие в нем целого ряда образцов документов (рапортов, записок) с полным перечнем обязательных реквизитов и описанием «жанровых правил» организации письменного текста. Таков, например, образец рапорта «Отъ гауптвахты»:

*Посылать рапорты на листѣ, слѣдующей формы:
Рапортъ отъ гауптвахты, число и мѣсто.*

При оттираніи воротъ, на караулахъ и постахъ ничего новаго нѣтъ, дозоры и патрули исправно ходили, пароль былъ А. Главнымъ рундомъ ходить Капитанъ NN въ такомъ то часу <...> (ВУП, 65).

В военных уставах предшествующих эпох подобные структурные компоненты регламентирующего текста еще не имеют столь активного применения.

Многочисленны в ВУП текстовые отсылки и так называемые гиперссылки, обеспечивающие содержательную цельность и лаконичность документа – качества делового текста, которые и по меркам современной функциональной стилистики относятся к разряду конституирующих [16. С. 73]:

Пустое мѣсто наполняется вышеописаннымъ движеніемъ (ВУП, 22);

Маіоръ, который парадъ ведетъ, построитъ баталіонъ такимъ порядкомъ, какъ сказано въ четвертой части, I ѣ главь, III мѣ Артикуль (ВУП, 54).

Наряду со стремлением к экономии пространства письменного текста обращает на себя внимание обратный принцип его организации – если не избыточное, то, по крайней мере, очень подробное и детальное описание, например, каких-либо запретительных и непозволительных действий:

Во время шаржированія наблюдать крайнюю тишину, солдатамъ не дозволять говорить, плевать или шевелиться, и всѣмъ оборачивать головы и глаза на право (ВУП, 27);

Часовымъ на часахъ ничего не дѣлать, ружье изъ рукъ не выпускать, не садиться, не напиваться пьянымъ, не спать, съ постовъ не сходить (ВУП, 59);

Караульному Офицеру не позволяется имѣть постели, ни илафрока, ни тулупа, и еще менѣе раздѣваться, а долженъ онъ во всю ночь быть в мундирѣ (ВУП, 115).

Все эти «мелкости службы», особенно в части запретительных распоряжений, вполне отвечают духу павловского правления, имевшего целью навести строгий порядок в войсках, в которых во времена Екатерины II «офицеры избалованы были легкою придворною службою» [10. С. 312].

Многочисленны в ВУП особые, отсутствующие, например, в Уставе Петра I, разделы под заголовком «Примѣчание», оформленные более мелким, чем основной текст, шрифтом. Очевидно, что служили они развернутому разъяснению сути предшествующей статьи Устава, причем некоторые из них сопровождались сразу тремя-четырьмя примечаниями. Часто в примечаниях указывалось на возможную вариативность при исполнении ряда директивных указаний, зависящую от сложившихся в конкретной ситуации обстоятельств. Складывается впечатление, что таким образом оформляется требование осознанного, а не слепого и безоговорочного исполнения уставных предписаний:

ПРИМЪЧАНІЕ.

Волонтерамъ не дозволяется быть при отданіи паролля, исключая тѣхъ, которые дѣйствительно въ службѣ; за что отвѣчать дежурнымъ Генераламъ (ВУП, 118).

В отличие от Устава Петра I, в котором весьма частотны синтаксические конструкции с функцией объяснения причин, мотивировки тех или иных предписаний и запретов (прежде всего, это сложноподчиненные предложения с книжными союзами «ибо» и «понеже»), в ВУП такие семантико-синтаксические структуры в границах основных инструктивных тезисов весьма редки:

*Болѣе нежели на четыре мѣсяца ни которому Офицеру отпуска не давать: **ибо естли Офицеръ долѣе сего срока въ отпуску пробудетъ, то служба теряетъ, надлежащій порядокъ не наблюдается** (ВУП, 45);*

*Осторожными быть, особливо по вечерней и утренней зорямъ; **ибо обыкновенно непріятель сими часами воспользоваться старается, какъ удобнѣйшими къ сюрпризамъ** (ВУП, 127).*

Возможно, разъяснение сути или причин предписываемых действий полагали избыточным и даже лишним делом. Как указывалось, этой цели в уставе служили специальные «примечания». Основной же текст распорядительного документа предполагал «по-павловски» разумное, четкое следование букве устава с «осознанным чувством силы закона» [8. С. 326].

В качестве отличительной черты ВУП следует считать «неизобретательность» авторов текста (императора в том числе) в части описания возможных наказаний за нарушение уставных предписаний, причем как со стороны офицеров, так и со стороны солдат. Употребляются, как правило, три устойчивые семантико-синтаксические формулы для выражения форм наказаний: «под опасением (чего-либо)»; «подвергнуть наказанию (такому-то)», «наказать в силу Устава воинского»:

*Инспектору **подъ опасеніемъ лишенія чина** отвѣчать, чтобы всѣ полки его инспекціи были комплектны (ВУП, 45);*

*Часовымъ <...> ночью въ 50 шагахъ отъ себя окликать, а въ противномъ случаѣ **подвергаются наказанію сквозь строй** (ВУП, 59);*

*Въ противномъ случаѣ **наказываются въ силу Устава воинскаго** (ВУП, 60).*

Чрезвычайно частотно здесь использование устойчивого сочетания (терминологического характера) для именования экзекуции, применявшейся исключительно для рядовых служащих, – «прогнать сквозь строй». Устав предписывает строгость наказания за особо грубые провинности, например, при пользовании огнестрельным оружием. Привычность и в некоторой степени обычность этой формы экзекуции подтверждается не только частотностью сочетания «прогнать сквозь строй», но и тем, что оно допускает различные трансформации. Например, глагол «прогнать»

используется в разных грамматических и деривационных формах:

*Подъ опасеніемъ **прогнанія сквозь строй** никому неосмѣливаться заряжать примѣромъ или бросать патронъ (ВУП, 28);*

*Солдатамъ отъ мѣсть своихъ не отлучаться и ружья не покидать; въ противномъ же случаѣ **гонять сквозь строй**; и должно всѣмъ имъ быть по мѣстамъ, какъ скоро ударятъ сборъ (ВУП, 105);*

*Часовымъ, **подъ опасеніемъ гонянія сквозь строй**, ни ночью ни днемъ табаку не курить (ВУП, 113).*

Следует заметить, что военная терминология иноязычного происхождения, которая во времена Петра I только формировалась и часто требовала дефиниций (глоссов) внутри текста устава, здесь предстает цельной и вполне освоенной лексической подсистемой. Многочисленные заимствованные термины, особенно наименования военных званий и должностей, не разъясняются, а даются простым перечнем с соответствующими инструкциями для каждой должностной позиции.

Можно было бы предположить, что и в этом случае проявляется личность Павла, при котором, как известно, «строгость к иностраннымъ <словам и сочинениям> доходила до невозможнаго» [17. С. 153]. И все же причины, повлиявшие на использование иноязычной терминологии без толкований, здесь, видимо, иные. Ко времени Павла большая часть специальной военной лексики была уже освоена и хорошо знакома (по крайней мере) российскому офицерскому корпусу как основному адресату уставного текста. Определенным свидетельством этой освоенности может служить тот факт, что многие термины фиксируются «Словарем Академии Российской» (САР) и вышедшими к этому времени военными учебными книгами, созданными русскими авторами, например: «Инструкция полковничья полку пехотному» П.А. Румянцева-Задунайского (1761), «Книга о науке военной» Н.Г. Курганова (1777), «Примечание о воинской службе вообще и о егерской особенно» М.И. Кутузова (1785).

Примечательно, что в разделах, посвященных воспитанию новобранцев, довольно широк перечень глаголов-предписаний, адресованных офицерам, ответственным за боевую выучку рядового состава. Главенствует в этой части устава тема умелого и терпеливого обучения, причем, как ясно из заголовка соответствующего раздела, без лишнего изнурения обучаемых («О лучшемъ способѣ, какъ выучить солдатъ, и привести полкъ въ порядокъ не изнуря людей» (ВУП, 36)):

*Офицерамъ только примѣчать тѣхъ, кои ошиблись, и послѣ ученія, оныхъ **по одиночкѣ учить и поправлять** (ВУП, 29);*

*Офицерамъ и унтер-офицерамъ всегда замѣчать солдатъ, которые **подъ ружьемъ или въ должности ошибались, и таковыхъ послѣ парада или ученія, или когда съ караула смѣняются, учить** (ВУП, 36);*

*Капитанъ замѣчаетъ тѣхъ солдатъ, которые еще не выправлены и в ученіи слабы, Офицерамъ **братъ***

онихъ на квартиру, выправлять, дать видъ солдатской (ВУП, 36) и др.

Этот и подобные разделы ВУП рисуют несколько иные черты личности Павла, чем те, что отмечены в ряде исторических исследований, в которых император представляется как «самовластный, горячий до исступления» [15. С. 302] или «импульсивный в поведении, категоричный в оценках и подверженный резким переменам в поведении» самодержец [18. С. XVI].

Еще более противоречит образ Павла, запечатленный в «педагогических» разделах военного устава, мнению виднейшего русского историка В.О. Ключевского, писавшего о нем как о «нравственно ненормальном царе», не желающем «знать правил человеческого общежития» [19. С. 411]. В тексте же рассматриваемого устава множество фактов, опровергающих эту явно негативную оценку, данную Ключевским, – например, в главах, посвященных правилам ухода за больными в военном лазарете:

Капитанамъ смотрѣть, чтобы для больныхъ и слабыхъ похлебки хорошо сварены были, и прилагать всевозможное стараніе о хорошемъ за больными при-смотре (ВУП, 141);

Онымъ смотрѣть за симъ со всею точностію, дабы больные безъ присмотру не оставались (ВУП, 141);

Въ каждой ротѣ, полагается деньщикъ особый для больныхъ; и в каждой ротѣ быть 8 особымъ одѣяламъ для больныхъ (ВУП, 141).

Если верно то, что устав писался в точном соответствии с устроением императора и его жизненными принципами, то содержание этого текста с очевидностью опровергает тезис о его «нежелании знать правил человеческого общежития». Напротив, главы о наказаниях, правилах расположения войск среди гражданского населения, об обучении рекрутов и другие ясно свидетельствуют о глубоком понимании этих правил, а также о большом желании их скорейшего улучшения и совершенствования.

Семантику стремительности и неукоснительности исполнения приказа отчетливо выражает именно инфинитив как «более категоричная форма выражения приказа, чем <даже> повелительное наклонение» [20. С. 82]. Поэтому не случайно, что в тексте ВУП инфинитивные конструкции преобладают над всеми другими формами выражения императивности.

Следует заметить, что конструкций «не + инфинитив» (с неизбежной запретительной семантикой) в тексте ВУП значительно меньше, чем повелительных сочетаний без отрицания. Характерным фактом усиления императивного значения инфинитивных конструкций в таких случаях является присутствие так называемых интенсификаторов или актуализаторов категоричности повеления. Прежде всего, речь идет о местоимениях и местоименных группах «никогда», «никто», «все», «ни при каких случаях», а также бинарных фор-

мулах категоричности, выраженных с помощью двойного отрицания *ни* (*ни днем ни ночью, ни при зорѣ ни ввечеру* и т.д.):

Алебарду же ни когда не держатъ у ноги, когда солдаты ружья держатъ на плечь (ВУП, 24);

Офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и всему баталіону при строеніи онаго стоять недвижимо, не говорить, порядочно держатъ эспантоны, Алебарды и ружья, и не шевелиться никому стоя на своемъ мѣстѣ (ВУП, 24);

Офицерамъ полевыхъ и унтеръ-офицерамъ палочныхъ карауловъ отъ своихъ карауловъ ни днем ни ночью не отлучаться (ВУП, 114).

Примечательно также и то, что «предостерегательные» или «пожелательные» оттенки императивных конструкций [20. С. 483], используемые, например, в УВ нечасто, но довольно регулярно, в тексте павловского устава представлены единичными примерами, что также вряд ли можно считать случайностью:

Не худо иногда посылать унтеръ-офицеровъ патрулемъ; дабы часовые тѣмъ осторожнѣе были, опасаясь ихъ, болѣе нежели ефрейторовъ (ВУП, 71);

Желательно, чтобы очередь въ плутонгахъ не терялась (ВУП, 134).

Павловский устав требует строгой иерархии и жесткого распределения функций между участниками военной коммуникации, – эти качества служебного общения император ценил чрезвычайно.

Весьма показательны многочисленные наречия и наречные слова (при императивных глаголах-инфинитивах), которые, как кажется, отчетливо выражают «скорость власти», столь характерную для правления Павла [8. С. 326], его желание в кратчайшие сроки «привить законность» всем сферам жизни российского общества, военной прежде всего [10. С. 239].

Так, наиболее частотны слова-актуализаторы императивности, которые можно включить в группу интенсификаторов временной семантики: *скоро, вдруг, проворно, коротко, тотчас, как можно скорее* и др.:

Всѣ приемы дѣлать скоро и коротко по флигельману; флигельману при томъ также дѣлать скоро, но съ размашкою (ВУП, 6);

Какъ можно скоряе схватишь ружье съ плеча, и схватить лѣвою рукою за ружье (ВУП, 7);

Скоро и проворно вынести патронъ правую рукою на четверть отъ рта (ВУП, 8);

Вдругъ и проворно снять штыки съ дула (ВУП, 11).

Плутонгамъ или дивизионамъ тотчасъ по командѣ изгтовляться прикладываться или отставлять, а Офицерамъ командовать громко и коротко (ВУП, 28).

Ряд указанных слов требует отдельных замечаний. Наречие «вдруг», по данным САР, имеет в языке XVIII в. два значения, первое из которых (правда, опо-

средованно) сопряжено с временной семантикой. Второе заключает в себе значение совместного действия/бытия/состояния: «1) нечаянно, неожиданно; 2) совокупно» [21. Т. 1. С. 517]. Отмеченные значения реализуются в рассматриваемом тексте, однако в различных сочетаемостных вариантах слово «вдруг» проявляет дополнительные семантические оттенки или, что чаще, синкретно выражая временное и качественное значения, актуализирует в зависимости от контекста одно из них.

Наречие «вдруг» при инфинитиве употребляется часто – как в роли одиночного обстоятельного слова, так и в разных сочетаемостных вариантах:

*Держать лъвую руку почти вытянутою, а правую руку **вдруг** откинуть* (ВУП, 47);

*Лъвою рукою **схватить вдруг** за древко противъ праваго плеча, и **вынести** обьими руками знамя передъ себя* (ВУП, 48).

В составе контактной пары синонимов (в сочетании с наречиями «скоро», «проворно»), актуализирующей, прежде всего, временную семантику и отчасти – качественно-характеризующую, слово «вдруг» усиливает значение стремительности, повышенной (сверх обычной) скорости выполняемого действия:

***Проворно и вдруг** выдернуть штыкъ изъ ножонъ, вынести оный на четверть отъ дула въ верхъ нарочно съ ружьемъ* (ВУП, 12);

*Правую рукою поворотить поттокъ Алебарды **скоро и вдруг** въ верхъ, лъвою рукою схватить за копье, а правую руку опустить къ лъвой* (ВУП, 47).

Любопытно, что чрезвычайно частотное в тексте ВУП слово «проворно» в САР не зафиксировано, в то время как в словаре В.И. Даля оно (в качестве производного слова) включается в гнездо прилагательного «проворный» и определяется широким синонимическим рядом слов различной семантики, и не только временной: «скорый, быстрый, бойкий, прыткий, расторопный, инж. моторный, поворотливый, живой, всюду поспѣвающій» [22. С. 474]. Отметим также, что парным сочетанием «вдруг и проворно», помимо временных, передаются и дополнительные семантические оттенки – ‘умело, расторопно’, ‘четко и точно’. Неслучайно при «проворно» часто используется наречие «очень», усиливающее интенсивность семы ‘умело, расторопно’. В той же функции, видимо, употребляется усилительная частица «же». Интересно, что такие сочетания встречаются преимущественно в разделах, описывающих обучение новобранцев правилам обращения с огнестрельным оружием:

***Проворножь** въ прежнемъ положеніи **вынести** патронъ противъ рта* (ВУП, 8);

***Вдруг и очень проворно** оттолкнуть ружье отъ тѣла* (ВУП, 10).

В сочетании же со словом «скоро» наречие «вдруг» актуализирует и усиливает исключительно временную семантику, так как у слова «скоро» в САР отмечаются три значения, и все – временные: «1) Шибко, прытко, быстро; 2) Употребляя малое время; 3) Въ непродолжительномъ времени» [21. Т. 5. С. 492].

*Перенестъ **вдруг и скоро** Алебарду обороченную на плечо, при томъ держатъ лъвую руку почти вытянутою* (ВУП, 47).

В контактной же паре с наречием «крѣпко» слово «вдруг» обнаруживает целый ряд содержательных оттенков – ‘тотчас’, ‘жестко, твердо’, ‘уверенно’. Заметим, что слово «крѣпко», выступающее в этой паре семантическим «мотиватором» общего значения, имеет три весьма показательных значения, зафиксированных в САР: «1. Твердо, плотно, прочно. 2. Неробко, отважно, съ ревностію. 3. Жестоко, сильно. 4. То же значить что *весьма, очень*» [21. Т. 3. С. 1052]:

***Вдруг и крѣпко** схватить правую рукою за дуло* (ВУП, 11);

***Крѣпко и вдруг** приступить правую ногою передъ лъвую* (ВУП, 11).

«Вдруг» в значении ‘незамедлительно и ловко’ в купе с «крѣпко» со значением ‘жестко и сильно’ задают модальную рамку императивных инфинитивных конструкций, полную той экспрессии, которую можно считать выражением авторской интенции, о которой шла речь выше.

Парных сочетаний наречных слов, выступающих в роли интенсификаторов императивных структур, в тексте ВУП несколько. Часто они сочетаются с другими единичными интенсификаторами, выраженными и местоимениями, и целыми формулами, создавая цепочные соединения семантически близких речевых единиц, призванных усилить, «укрупнить» значение инфинитивов-императивов.

***Какъ можно проворнѣе** однимъ темпомъ опустить шомполь въ свое мѣсто* (ВУП, 8);

***Проворно всѣмъ вмѣстѣ** отступить правую ногою позади лъвой ноги на четверть, **какъ можно проворно** дернуть въ низъ ружье, а прикладу быть противъ лъваго колѣна <..>; при чемъ **крѣпко** держатъ дуло* (ВУП, 9);

*Сіи послѣднія два слова **скоро и коротко** командовать* (ВУП, 16);

*Фланговымъ унтеръ-офицерамъ **маршировать точно прямо** на то мѣсто* (ВУП, 22).

И каждая из пар (в разной комбинаторике часто одних и тех же слов), каждая из цепочек выстраивающихся слов-интенсификаторов явно и ярко передают стремительный, нетерпеливый дух государственных преобразований Павла, его «кратковременного царствования, столь обильного событиями» [10. С. 327].

Таким образом, предположение о том, что в тексте императорского воинского устава неизбежно проявляется личность его создателя (и вдохновителя), как видим, не лишено сугубо лингвистических оснований.

Языковая личность императора Павла I, формируемая в рамках одного функционально значимого текста конкретным набором языковых средств, предстает как многосложный, но цельный образ. Строгость стиля, лаконичность изложения, отсутствие ярких художественных средств, что отличает, например, воинские уставы Петра I, – все эти качества текста ВУП вполне согласуются с историческими данными о характере и манере правления Павла I, как указывалось, не любившего во всем дисциплину и службу «в согласии с фундаментальными законами воспитания» [10. С. 133]. К тому же отмечалось не раз, что Павел писал и другие «государственные записки» преимущественно «сухим и скучным языком» [8. С. 328].

Инфинитивные формулы императивности (как конституирующие синтаксические структуры для жанра устава), актуализированные многочисленными лексическими интенсификаторами с общим значением стремительности, быстроты, ловкости (*проворно, скоро, вдруг, как можно скорѣе* и др.), – яркая лексико-грамматическая особенность текста ВУП, довольно точно передающая личность «нетерпеливого императора»,

действовавшего по принципу «пусть век мой будет короток, да хоть чем-то славен» [8. С. 322].

Языковая личность, создаваемая комплексом «языковых свидетельств» о характере, поведении, намерениях лица, нередко вступает в противоречие с его историческим прототипом. Так, в главах ВУП, посвященных устройству лечебного дела в армии, активно используется лексика с семантикой заботы, тщания (при уходе за больными), а в главах о воспитании новобранцев офицерам предписывается быть терпеливыми и настойчивыми в обучении вчерашних крестьян, не наказывать солдата без должного основания – все эти языковые данные плохо соотносятся с довольно распространенным мнением о Павле I как о «нравственно ненормальном царе» [19. С. 411]. Иными словами, состав языковых средств устава 1796 г., функционально нацеленных на выражение воли Павла I в пору реформирования им российской армии, формирует языковую личность императора, по ряду признаков вполне соотносимую с личностью исторической, но в некоторых чертах способную быть ей противопоставленной.

Примечание

¹ Показателен в этом отношении заголовок одной из глав: «О мѣлких мундирныхъ вещахъ» (ВУП, 90).

Источники

ВУП – Его Императорского Величества Воинскій Уставъ Полевой Пехотной Службѣ. СПб. : Печатанъ при Сенатѣ, 1797. 144 с.
УВ – Книга Устав Воинской: О должности Генераловъ, Фельдмаршаловъ, и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежить быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и тенденціяхъ, что каждому чинить должно. СПб. : Имп. АН, 1755. 265 с.

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Крысин. Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. Вып. 1. С. 90–106.
3. Руженцева Н.Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 57–63.
4. Асташова О.И. Речевой портрет Н.Ю. Бельх: динамический аспект // Политическая лингвистика. Вып. 3 (37). 2011. С. 64–68.
5. Ибрагимова Дж.Р. Языковой портрет императора Николая II в романе А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 41–46.
6. Гавриленко Е.В. Военная реформа Павла I // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (85). С. 53–56.
7. Ковалев К.С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 3. С. 85–91.
8. Песков А.М. Павел I. М. : Молодая гвардия, 2005. 422 с.
9. Петрунин В.О. Из истории письменной-деловой речи (существительные со значением отвлеченного действия на *-ние/-ение* и качества на *-ость, -ство* в юридических кодексах Древней Руси и Петровской эпохи) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. / отв. ред. В.В. Замкова. Л. : Наука, 1984. С. 5–30.
10. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): Историческое исследование. СПб. : Лига Плюс, 2001. 352 с.
11. Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича, 1796–1801 // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 227–260; 574–623.
12. Пушкарева Н.В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 57–64.
13. Садова Т.С. Язык военных уставов Петровского времени // Вопросы русской грамматики и исторической стилистики : к 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Замира Курбановича Тарланова. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 2021. С. 64–76.
14. Кондратьев А.Н. Этикет офицера русской армии XVIII – начала XX в. : историографическое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 253 с.
15. Шильдер Н.К. Императоръ Павелъ Первый. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1901. 688 с.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожина. М. : Наука ; Флинта, 2011. 696 с.
17. Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I. 1796–1801 // Исторический вестник. 1885. Т. 22, № 10. С. 151–160.
18. Томсинов В.А. Император Павел Первый (1754–1801) : государственный деятель и законодатель // Законодательство императора Павла I / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2008. С. XV–LXIV.
19. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. V. М. : Мысль, 1989. 476 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л. : Гос. уч.-пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. 621 с.

21. Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Императорская Академия Наукъ, 1789–1794. Т. 1. 1789. 1140 с.; Т. 3. 1792. 1388 с.; Т. 5. 1794. 1082 с.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : Русский язык, 2003. 555 с.

References

1. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.
2. Krysin, L.P. (2001) *Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta* [Modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1. pp. 90–106.
3. Ruzhentseva, N.B. (2019) *Portrety politikov: tipologiya i rechevaya organizatsiya* [Portraits of politicians: typology and speech organization]. *Politicheskaya lingvistika*. 5 (77). pp. 57–63.
4. Astashova, O.I. (2011) *Rechevoy portret N.Yu. Belykh: dinamicheskiy aspekt* [Speech portrait of N.Yu. Belykh: a dynamic aspect]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (37). pp. 64–68.
5. Ibragimova, Dzh.R. (2014) *Yazykovoy portret imperatora Nikolaya II v romane A.I. Solzhenitsyna "Avgust Chetyrnadtsatogo"* [Language portrait of Emperor Nicholas II in the novel "August the Fourteenth" by A.I. Solzhenitsyn]. *Vestnik RUDN*. 1. pp. 41–46.
6. Gavrilenko, E.V. (2008) *Voennaya reforma Pavla I* [Military reform of Paul I]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 12 (85). pp. 53–56.
7. Kovalev, K.S. (2016) *Voennye reformy Pavla I v otsenkakh istorikov i memuaristov* [Military reforms of Paul I in the assessments of historians and memoirists]. *Vestnik TvGU*. 3. pp. 85–91.
8. Peskov, A.M. (2005) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Petrunin, V.O. (1984) *Iz istorii pis'menno-delovoy rechi (sushchestvitel'nye so znacheniem otvlechnogo deystviya na –nie/-enie i kachestva na –ost', –stvo v yuridicheskikh kodeksakh Drevney Rusi i Petrovskoy epokhi)* [From the history of written and business speech (nouns with the meaning of an abstract action ending in –nie/-enie and quality ending in –ost', –stvo in the legal codes of Ancient Rus' and the Petrine era)]. In: Zamkova, V.V. (ed.) *Funktsional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII v.* [Functional and social varieties of the Russian literary language of the 18th century]. Leningrad: Nauka, pp. 5–30.
10. Kobeko, D.F. (2001) *Tsesarevich Pavel Petrovich (1754–1796): Istoricheskoe issledovanie* [Tsesarevich Pavel Petrovich (1754–1796): Historical research]. St. Petersburg: Liga Plyus.
11. Lebedev, P.S. (1877) *Preobrazovateli russkoy armii v tsarstvovanie imperatora Pavla Petrovicha, 1796–1801* [Reformers of the Russian army during the reign of Emperor Paul I, 1796–1801]. *Russkaya starina*. 18. pp. 227–260; 574–623.
12. Pushkareva, N.V. (2021) *Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste "Ustava Morskogo" 1720 goda* [Features of imperativeness in the text of the Maritime Charter of 1720]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43 (6). pp. 57–64.
13. Sadova, T.S. (2021) *Yazyk voennykh ustavov Petrovskogo vremeni* [The language of military regulations of the Petrine time]. In: *Voprosy russkoy grammatiki i istoricheskoy stilistiki: k 85-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii Zamira Kurbanovicha Tarlanova* [Issues of Russian grammar and historical style: to the 85th anniversary of Zamir Kurbanovich Tarlanov, an honored scholar of the Russian Federation]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 64–76.
14. Kondrat'ev, A.N. (2011) *Etiket ofitsera russkoy armii XVIII – nachala XX v.: istoriograficheskoe issledovanie* [Etiquette of a Russian army officer in the 18th – early 20th centuries: a historiographic study]. History Cand. Diss. Moscow.
15. Shil'der, N.K. (1901) *Imperator "Pavel" Pervyy* [Emperor Paul I]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
16. Kozhina, M.N. (ed.) (2011) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Nauka, Flinta.
17. Karatygin, P.P. (1885) *Tsenzura vremen imperatora Pavla I. 1796–1801* [Censorship under Emperor Paul I. 1796–1801]. *Istoricheskiy vestnik*. 22 (10). pp. 151–160.
18. Tomsinov, V.A. (2008) *Imperator Pavel Pervyy (1754–1801): gosudarstvennyy deyatel' i zakonodatel'* [Emperor Paul I (1754–1801): statesman and legislator]. In: Tomsinov, V.A. *Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I* [Legislation of Emperor Paul I]. Moscow: Zertsalo, S. XV–LXIV.
19. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 volumes]. Vol. V. Moscow: Mysl'.
20. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Leningrad: Gos. uch.-ped. izd-vo narkomprosa RSFSR.
21. Imperial Academy of Sciences. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy: in 6 volumes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
22. Dahl, V.I. (2003) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

Информация об авторе:

Садова Т.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tatsad_90@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.S. Sadova, Dr. Sci. (Philology), professor, St Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.01.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 14.01.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.02.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.31
doi: 10.17223/15617793/487/6

Сознание и аффект в антропологическом дискурсе

Федор Иванович Гиренок¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
girenok@list.ru

Аннотация. Исследуется вопрос о соотношении аффекта и сознания. Цель статьи состоит в том, чтобы показать встречу аффекта и сознания в том пространстве, которое в классической философии называется пространством целей, а в терминологии, используемой в статье, – галлюцинозом. Основываясь на кантовской теории желаний, автор предпринимает попытку обосновать новое понимание сознания, аффекта и сингулярности. Вводится понятие сознания как способа существования человека во времени, а также обосновывается различие между аффектом и чувством.

Ключевые слова: сенсоризм, желание, сингулярность, гуманизм, бессознательное, время, биоценоз, конечность, трансгуманизм

Для цитирования: Гиренок Ф.И. Сознание и аффект в антропологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 50–54. doi: 10.17223/15617793/487/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/6

Consciousness and affect in anthropological discourse

Fedor I. Girenok¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*
girenok@list.ru

Abstract. In modern philosophy the idea of overcoming a human is popular. This idea was formulated by Nietzsche. Anthropologies created in the twentieth century believed that a human has his own place in the world, and they were looking for this place, believing that it was determined by the organismic structure of a person. Overcoming a human began to be thought of as overcoming his organic nature. The most prominent critic of the organic was Deleuze. His “body without organs” blurred the boundary between the living body and non-living body, between the living body and the conscious body. As a result, the idea of a posthuman gained popularity. The essence of the posthuman was conceived technically. If the essence of the posthuman is technology, then an adequate way of human existence is the way by which he defines himself in a world based on numbers. The aim of the article is to show that, by giving up our organic nature, we are giving up the most fundamental property of the living, namely, the ability to dream. A dream is a self-revealing essence of a person. A human is first of all a *Homo hallucinatus*. From this perspective, it makes no sense to look for a human’s place in the world. A person creates his own imaginary world. Consciousness is just a property of a human’s life in time. Influencing oneself in time, a person creates a new reality because he gives existence to objects of his dreams. As a result, being becomes real from an unreal predicate. If a person’s life in space triggers affects, then life in time establishes emotional connections between people. The article explores the question of the relationship between affect and consciousness. In the scientific literature, affect is understood as a natural phenomenon, and consciousness as a social one. The task is to show the meeting of affect and consciousness in the space that classical philosophy calls the space of goals and the terminology used in the article hallucinosis. Based on Kant’s theory of desires, the author attempts to substantiate a new understanding of consciousness, affect and singularity. The article introduces the concept of consciousness as a way of human existence in time and also substantiates the difference between affect and feeling. If affect serves a person’s attitude to things, then feeling serves a person’s attitude to oneself. The former is included in the order of biocenosis, the latter in the order of hallucinosis.

Keywords: sensorium, desire, singularity, humanism, unconscious, time, biocenosis, finiteness, transhumanism

For citation: Girenok, F.I. (2023) Consciousness and affect in anthropological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 50–54. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/6

В XX в. философы попытались найти в человеке «humanitas». Для Хайдеггера в «Письме о гуманизме» человеческое в человеке связано с возможностью услышать голос бытия [1]. Сартр в эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» прямо говорит о том, что быть гуманистом – значит быть атеистом [2]. Деррида оставляет вопрос открытым: «Кто это мы?», – говорит он, завершая свою работу «Концы человека» [3]. Все они отклоняют мысль Маркса, что человеческое человека находится в обществе. Где же оно находится? На этот вопрос я и попытаюсь ответить.

Аффект

С чего начинается человеческое в человеке? С аффективных токов. Что такое аффект? Это реакция живого существа на цвет, звук и запах другого существа. Без цвета, звука и запаха ни один живой организм не сможет удержаться в колее своей жизни. Живое тело аффективно. Но что происходит с аффектом в поле сознания человека? Кант полагает, что аффект отличается от страсти. Аффект служит для мобилизации действия в пространстве. Страсть (эмоция) – для организации действия во времени. Аффект взрывается, страсть длится во времени. Аффективные токи энергии не совпадают с эмоциональными. И даже могут быть направлены в разные стороны [4]. Что говорит об аффекте Спиноза? «Под аффектом я, – говорит Спиноза, – разумею испытываемые телом ощущения, которыми способность действия нашего тела... увеличивается или уменьшается, усиливается или задерживается, а вместе с тем и идеи этих ощущений» [5. С. 159].

Спиноза говорит об «ощущениях тела». Но что здесь имеется в виду? На этот вопрос можно ответить двояким образом: либо то, что ощущает всякое тело, либо то, что ощущает живое тело. В объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана принимается первый вариант и отклоняется второй [6]. В чем суть этой онтологии? В том, чтобы убрать различие между аффектом и эмоцией, или, как говорит Кант, страстью. Эта онтология состоит в утверждении независимости одного объекта от другого. Если принять эту мысль о независимости, то тогда мы ничего не сможем узнать о свойствах и качествах объекта, ибо он проявляет их только в отношении к другому объекту. Более того, Харман полагает, что объекты независимы от качеств, которые они проявляют в пространстве и времени. Если бы дело обстояло так, как говорят философы объектно-ориентированной онтологии, то объекты, о которых они говорят, не должны занимать место в пространстве. А если они занимают его, то тогда их свойства зависят от объекта. Все это делается также для того, чтобы поставить под сомнение отличие живого тела от неживого, а также для того, чтобы отклонить мысль о привилегированном существовании человека и утвердить мысль о том, что все объекты равны, и все они реальны [7]. При этом восприятие объекта искажает объект, равно как и любое воздействие на него тоже искажает его. К чему мы пришли в процессе этих

рассуждений? К тому, что сознательное восприятие ничем не отличается от объект-объектных отношений. Теория объект-объектных отношений пытается понять, каким образом связаны живое вещество и неживое в одной системе. Сама эта система представляется в виде горизонтальных сетей.

Дело в том, что другой язык описания этих систем был придуман еще В. Вернадским в учении о биогеоценозе и в концепте биосферы. При этом никакой надобности в приписывании аффектов телам Вернадский не видел. Он полагал, что атомную модель мира нужно согласовывать с существованием в мире живого вещества [8]. Почему? Потому что жизнь, как утверждает Вернадский, вечна. Иную стратегию мысли изобрал Ж. Делез.

В книге «Спиноза» Жиль Делез предлагает нам обесценить сознание, всякие ценности и мрачные состояния духа, чтобы по-новому помыслить аффект. Следуя за Спинозой, Делез говорит нам, что если есть действие, то отличить по этому действию душу и тело нельзя, а если их отличить нельзя, то они есть одно и то же [9].

Делез обратил внимание в этом высказывании Спинозы на способность действия тела и не обратил внимания на то, что речь идет о нашем, т.е. о человеческом теле. Он также обратил внимание на способность действия уменьшаться и увеличиваться, но он не обратил внимание на то, что Спиноза отождествил ощущения и идеи ощущений. В свою очередь, это отождествление не случайно. Если идею и ощущение рассматривать локально, то они не совпадают. Не может совпадать вещь и подобие вещи. Если их рассматривать глобально, т.е. в горизонте абсолюта, то они в нем совпадают. При этом абсолюта может восприниматься как абсолюта вне зависимости от того, мыслит он или нет. А это значит, что атрибут мышления требует времени. Но этого атрибута у Спинозы как раз нет и быть не может. Иначе природу нужно было бы в каждый момент времени представлять мыслящей этот момент. Абсолюта потому и абсолюта, что он не мыслит. И Спиноза, и Делез, рассуждая о мышлении абсолюта, имеют в виду человеческое мышление. Но человеческое мышление не помещается в форму атрибута. Оно из него выпадает. И это «выпадение» мы можем заметить в рассуждениях Делеза об аффекте и идеях.

Идея, как говорит Делез, есть репрезентативный модус мысли. Но мышление – атрибут абсолюта. Из этого следует, что мысль не связана с человеком, а сам абсолюта должен мыслить непрерывно. При этом его мысль не может претендовать на репрезентацию, ибо эта презентация ставит под вопрос атрибутивность мышления. Почему? Потому что репрезентация допускает то, что находится за пределами мысли. И это относится к самой идее как модусу мысли. Для того чтобы получилась репрезентация, нам надо допустить, что есть мысль и еще есть что-то вне мысли. И тогда мысль может это что-то репрезентировать. Спиноза решает эту проблему просто. Он говорит, что ощущение

и идея ощущения одно и то же. Но если это так, то тогда что же идея репрезентирует? Ведь она может представлять то, что находится вне ее. Но вне абсолюта ничего нет. Делез не замечает этого изъяна в мысли о репрезентации идеи. Необходимо обратить внимание также на то, что идея тоже нуждается в репрезентации. Спиноза полагал, что идеи и мысли не нуждаются в репрезентации абсолюта. Они и есть абсолют и поэтому сами себя себе показывают. Вот это странное свойство идеи «саму себя себе показывают» является решающим в теории аффекта и Спинозы, и Делеза. Спиноза отказался его объяснять, сославшись на тождество «вещи» и «идеи» вещи. А Делез ничего не мог предложить кроме этого тождества и поэтому сделал вид, что не заметил проблему. Почему он сделал вид? Потому что обесценил сознание. А сознание и есть то, что само себя себе показывает. То есть сознание закрывает проблему репрезентации. Делез пишет: «Короче, модель тела, по Спинозе, подразумевает не просто обесценивание мышления в отношении протяженности, но что более важно – обесценивание сознания в отношении мышления: открытие бессознательного, открытие бессознательного в мышлении... столь же глубоко, сколь и неопознанное в теле...» [9. С. 338–339]. Что делает Делез? Он раскрывает тайну нового материализма. Эта тайна содержится в идее двойной редукции, а именно в редукции мышления к протяженности и редукции сознания к мышлению.

Цвет, звук и запахи аффецируют тела живых существ. Их сенсориум резонирует на интенсивность воздействия посредством увеличения или уменьшения способности к действию. Способность к действию меняется в зависимости от ситуации, или, как говорит Спиноза, аффекции. Но неизменным остается сам организм, который тождественен самому себе и не может выйти за свои пределы. Почему? Потому что выходение за свои пределы означало бы и выходение за пределы аффективного действия цвета, звука и запаха. За пределами аффект превращается в эмоцию, ибо эмоция – это такой аффект, который реагирует на слово. «Потоками множественного» Делез пытается стереть границу между живым и неживым, живым и сознательным. Но перед ним возникает трудноразрешимая проблема.

Дело в том, что в микромире нет ни цвета, ни звука, ни запахов. Распад организма на атомы прекращает всякое действие аффективных токов. Пока существует организм, существуют и аффективные действия на цвет, звук и запах, которые возникают только в точке их восприятия организмом. Сами по себе они не существуют. Но аффективное действие – действие организма в пространстве. В качестве чего выступает здесь аффект? Он выступает в качестве трамплина для мобилизации действия в пространстве. Нуждается ли организм в аффекте-трамплине для действия во времени? Он в нем не нуждается, ибо живет вне времени. В отличие от животного человек живет во времени и поэтому ему необходимо относиться к самому себе. Относиться к себе может то, что не совпадает с самим собой. Причиной аффективного тока у человека является его несовпадение с самим собой. Это несовпадение с

собой превращает аффект в эмоцию. Факт превращения не отменяет некультурных, невербальных аффективных токов в человеке. Усиление или ослабление этого тока зависит уже не только от цвета, звука и запаха, но и от образов, посредством которых люди действуют на себя во времени. К этим двум уровням действия аффекта у человека нужно прибавить еще и третий, связанный со словом. Взаимная связь трех перечисленных уровней и организует аффективные и эмоциональные токи энергии в человеке.

Наши перцепции, как, впрочем, и перцепции любого существа, меняются. Стоит лишь только нам повернуть голову, чтобы они изменились. С поворотом головы не меняются наши апперцепции. Теория аффекта Делеза на все это не обращает внимания. Делез упрекает Спинозу в том, что тот не заметил внутри себя некоей атомарной вариативности. Но сам Делез не заметил, что аффективные токи у людей происходят в галлюцинозе.

Галлюциноз

Что такое галлюциноз? Ответ на этот вопрос определен тем, что в галлюцинации совпадают бытие и мысль о бытии. Галлюциноз – это не галлюциноз, не психотическое расстройство. В «галлюцинозе» соединены два слова: «галлюцинация» и «циноз». Для чего? Для того чтобы напомнить, что галлюцинации соединяются во времени так же, как соединяются живые организмы, образуя биоциноз. Биоциноз – сообщество организмов в пространстве. Галлюциноз – это сообщество грезящих людей, объединенных во времени. Сознание есть как свойство жизни людей во времени. Следовательно, аффективные токи у человека не могут не пересекаться с сознанием. Быть живым – не значит для нас все время быть в сознании. Иногда мы его можем терять в своих аффективных токах. Эту утрату мы можем переживать как ощущение недостаточности сознания для осознания каких-то вещей.

Устройство галлюциноза передается И. Кантом в теориях царства целей и «черного золота» морали. Что следует из этих теорий? Во-первых, человек принужден не быть собой, а быть актером, играя самого себя. «Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры» [4. С. 175]. Чем больше люди актеры, тем меньше в них аффективных токов, вызываемых цветом, звуком и запахами. Во-вторых, то, что природа делает при помощи аффектов, человек делает при помощи ума. Что делает природа? Она играет чувствами удовольствия и неудовольствия. А это значит, что аффекты могут делать, играя чувствами, то, что не может сделать ум, и, наоборот, разум помогает сделать то, что не могут сделать аффекты. В-третьих, в человеческих делах важен не личный ум, а умно устроенная институция или практика. В-четвертых, кроме тока аффектов, человек использует силу иллюзий. Аффект отсылает его к природе, иллюзия отсылает к воображаемому. Каждый человек нуждается в иллюзиях, в свободном полагании реальности предметов воображения.

Разум хитер, а склонности многообразны. Для чего человеку ум? Самому по себе человеку ум не нужен.

Он нужен другому, то есть обществу, которое выращивает в нас ум, чтобы сделать нас послушными. Одну нашу склонность ум пытается совместить с другой. Например, человек зол и одновременно ленив. Его неутомимая злоба сама по себе могла бы причинить много вреда людям. Но злоба уравновешена ленью, любовью к пассивному отдыху. Если бы люди не были ленивы, то их злоба могла бы причинить страдания многим людям. Люди трусливы. Но если бы мы не были трусливы, то в жажде крови давно бы уже погубили человечество. Или лицемерие людей. Если бы его не было, то люди не смогли бы жить в обществе. Чтобы жить в обществе, нужно учиться управлять токами своих аффектов. Но как ими управлять, если причиной аффектов является природа, которая управляет нами посредством цвета, звуков и запахов? Несовпадение человека с самим собой является причиной существования аффектов. Чем завершается поток аффектов? Сознанием.

Сознание

Есть сознание как осознание, и еще есть сознание как различие. В чем между ними сходство и различие? Их различие определено различием между синтезом и анализом. Сходство состоит в ремиссии, в постепенном ослаблении сил. «Сознание, – говорит Кант, – всегда имеет степень, которая может быть еще уменьшена...» [10. С. 316]. Например, ты хочешь что-то вспомнить и не можешь. У тебя есть сознание, но его недостаточно для воспоминания, хотя его достаточно для того, чтобы узнать в стакане стакан. Что из этого следует? То, что сознание нельзя, как вещь, превратить в ничто путем деления, но его можно превратить в ничто путем ослабления. Что для этого нужно сделать? Для этого нужно ужать возможности для осознания. Каким образом? Например, перестать читать философские тексты или художественную литературу. А поскольку осознаются предметы внутреннего чувства, постольку ослабление осознания ведет к их исчезновению. Внутренний мир человека сокращается. Сознание как осознание может исчезнуть полностью, и мы можем этого даже не заметить, ибо у нас еще будет какое-то время существовать сознание как различие. Но это сознание может быть заменено интеллектуальными системами, способными к распознаванию предметов. Замещение сознания интеллектом приводит к столкновению двух разных сенсориев.

Сенсориум

Один сенсориум обеспечивает отношение человека к вещам. В него входят органы чувств. Эти чувства встроены в порядок биогенеза. Другой сенсориум обеспечивает отношение человека к самому себе. В него входят чувственно-сверхчувственные вещи и

сверхчувственные. Палеолитические Венеры, наскальная живопись – это чувственно-сверхчувственные вещи, т.е. такие вещи, которые отсылают не к другой вещи, а к внутренней жизни человека. Ум – сверхчувственная субстанция. К сенсориуму сверхчувственного относятся внутреннее чувство, или чувство времени, а также чувство самого себя, чувство реальности и чувство бога. Этот сенсориум встроен в галлюциноз.

Что объединяет нас во времени? Согласованные галлюцинации, т.е. образы. Как происходит их согласование? Посредством сознания. Что делает сознание? То же, что оно делает и при счете, состоящем в прибавлении единицы, или при восприятии музыкального произведения. Если бы при счете мы забывали, что единицы постепенно прибавлялись нами друг к другу, то мы ничего бы не узнали о возникновении их суммы и, следовательно, ничего бы не узнали, по словам Канта, о числе. То есть суть дела здесь не в памяти, а в сознании. Почему? Потому что понятие числа состоит в осознании синтеза единиц. Когда мы мыслим, мы осознаем существование того, что учреждаем в мысли. Что же мы осознаем? То, что соединяем, т.е. синтезируем. Синтезируем что? Синтезируем объект чувства и существование. Что нам дает этот синтез? Расширение реальности. Галлюциноз и есть это расширение, в котором существует то, что значимо, и не существует то, что не значимо. Правило галлюциноза состоит в следующем: не может быть так, чтобы душа чувствовала объект, а он был не таким, каким она его чувствует. Чувство лишает существование возможности быть нереальным предикатом своего объекта. В галлюцинозе чувство расширяет реальность. В нем несуществующий талер – это уже талер.

Заблуждения натурализма не преодолеваются тем, что над сущим надстраивается бытие, равно как не преодолеваются они и тем, что над телом надстраивается душа, дух и экзистенция.

Резюме

Если бы человек был частью мира, в котором он живет, то его можно было бы еще раз воспроизвести по законам этого мира. Но человек не что иное, как сингулярное существо, т.е. к нему нельзя прийти, следуя законам. Почему нельзя? Потому что непреодолимым является сам факт извлечения человеком самого себя из своих галлюцинаций.

В природном мире аффективные токи управляются инстинктом. В человеческом мире они управляются сознанием. Человеческие эмоции отличаются от животных аффектов тем, что возникают в результате действия человека на самого себя во времени. Тогда как причиной аффекта является всегда внешняя причина. В философии Спинозы, как, впрочем, и Делеза, нет места времени, а есть место только для протяженности. Мы показали, почему нельзя называть сознанием умно устроенное тело.

Список источников

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

3. Деррида Ж. Поля философии. М. : Академический проект, 2012. 376 с.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 2002. 471 с.
5. Спиноза Б. Этика. СПб. : Азбука, 2001. 352 с.
6. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 152 с.
7. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии. М. : Проспект, 2020. 176 с.
8. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. М. : Наука, 1980. 320 с.
9. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М. : Per Se, 2001. 475 с.
10. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2007. 736 с.

References

1. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
2. Sartre, J.-P. (1989) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. Translated from French. In: Yakovleva, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
3. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii projekt.
4. Kant, I. (2002) *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
5. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Translated from Latin. St. Petersburg: Azbuka.
6. Harman, G. (2018) *Immateralizm. Ob'ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism. Objects and social theory]. Translated from English. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
7. Rostova, N.N. (2020) *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt.
8. Vernadskiy, V.I. (1980) *Problemy biogeokhīmii* [Problems of biogeochemistry]. Moscow: Nauka.
9. Deleuze, G. (2001) *Empirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and subjectivity: Hume's experience of human nature. Critical philosophy of Kant: the doctrine of abilities. Bergsonism. Spinoza]. Translated from French. Moscow: Per Se.
10. Kant, I. (2007) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Гиренок Ф.И. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: girenok@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.I. Girenok, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/15617793/487/7

Память миграционных сообществ в принимающем обществе: модели мнемонической адаптации и режимы видимости

Андрей Александрович Линченко^{1, 2, 5}, Даниил Александрович Аникин^{3, 4, 6}

¹ Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

² Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

³ Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

⁴ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵ AALinchenko@fa.ru

⁶ dandee@list.ru

Аннотация. Раскрывается важное значение пространства коллективной памяти как среды взаимодействия принимающего общества и внешних мигрантов в рамках публичного дискурса, а также теоретические возможности использования нового термина «мнемоническая адаптация». На основе разработанных ранее четырех сценариев динамики культурной памяти анализируются четыре модели мнемонической адаптации. Проанализированы ключевые визуальные темы публичного дискурса, которые определяют особенности режима видимости мигрантов как сообществ памяти применительно к каждой модели мнемонической адаптации.

Ключевые слова: миграционные сообщества, культурная память, мнемоническая адаптация, режимы видимости, динамика культурной памяти, транснационализм, гибридная идентичность

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Для цитирования: Линченко А.А., Аникин Д.А. Память миграционных сообществ в принимающем обществе: модели мнемонической адаптации и режимы видимости // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 55–64. doi: 10.17223/15617793/487/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/7

Memory of migrant communities in the host society: Models of mnemonic adaptation and regimes of visibility

Andrei A. Linchenko^{1, 2, 5}, Daniil A. Anikin^{3, 4, 6}

¹ Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation

² Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

³ Saratov State University, Saratov, Russian Federation

⁴ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁵ AALinchenko@fa.ru

⁶ dandee@list.ru

Abstract. In this article, based on the methodology of transnationalism, the theoretical possibilities of using the new term “mnemonic adaptation” in relation to both the host society and communities of migrants were revealed. The importance of collective memory as an environment for interaction between the host society and external migrants within the framework of public discourse was also analyzed. Based on four scenarios of the dynamics of cultural memory in the situation of migration flows, the authors identified and analyzed four models of mnemonic adaptation, where two indicators act as the main criteria for typology: the gradient as the degree of difference between the country of origin for migrants and the host society (both in terms of economic indicators and on the basis of the similarity or difference of cultural patterns of behavior) and density as the degree of awareness by migrants of their collective identity (regardless of how much this commonality took place in the conditions of country of origin). Accordingly, such models were analyzed as: 1) “weak gradient – low density”; 2) “strong gradient – low density”; 3) “weak gradient – high density”; 4) “strong gradient – high density”. The authors found that the derivative of the selected indicators is the degree of actorship of the migrant community

in the social space, which in turn sets the appropriate regime of visibility of migrants in the public discourse of the host society. The article analyzed the key visual themes of public discourse that determine the features of the regime of visibility of migrants as communities of memory in relation to each model of mnemonic adaptation. In each model, the regime of visibility is set by a combination of visual themes presented in different ways in public discourse and related to the reflection of the policy of incorporating the collective memories of migrants in the host society, the presence in public discourse of images of the past of the country of origin, its traditions and elements of festive culture, ways of resolving conflict situations that arise between communities of memory of migrants and the host society, as well as self-representation of the voices of autobiographical and family memory of migrants in the host society.

Keywords: migrant communities, cultural memory, mnemonic adaptation, regimes of visibility, cultural memory dynamics, transnationalism, hybrid identity

Financial support: The study was supported by Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00503.

For citation: Linchenko, A.A. & Anikin, D.A. (2023) Memory of migrant communities in the host society: models of mnemonic adaptation and regimes of visibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 55–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/7

Всякий, кто берется писать о современных обществах, не может не учитывать важную роль глобальных миграционных процессов в современной социальной динамике. Совершенно уместной в этой связи представляется трактовка современных обществ как «миграционных», когда проблемы интеграции внешних мигрантов играют все большую роль во внутренней политике страны. Сама интеграция мигрантов является дифференцированной, где одними из наиболее сложных признаются проблемы культурной интеграции. Транснациональная парадигма и ее отказ от методологического национализма заставляют современных исследователей перенаправлять «исследовательскую оптику с групп, обладающих четкой локализованностью, на группы, чьи члены вовлечены в кросс-границные и мультилокальные процессы и практики» [1. С. 16]. Еще одним следствием транснационального подхода оказывается одновременное изучение как принимающего общества, так и страны исхода, перенаправление исследовательского фокуса на транснациональные социальные пространства и сообщества. Например, вне всяких сомнений, что таким транснациональным пространством является современный музей, который, выступая одним из важнейших институтов культурной памяти, оказывается одновременно и эффективным инструментом символической и интеграционной политики современных миграционных обществ. Следует согласиться с Лоуренс Гурьевидис, которая подчеркивает, что современные музеи в странах Евросоюза и Северной Америки все больше сталкиваются с целым рядом вызовов: 1) влиянием публичных дискурсов и политик разнообразия на то, как история мигрантов представлена в музеях; 2) ролью музеев как агентов социальных изменений и слома парадигмы методологического национализма; 3) изменением мемориальной функции музеев как медиаторов признания и инклюзии [2. Р. 2]. Обозначенные вызовы явно выходят за пределы музеологии и свидетельствуют об актуальности социально-философского подхода, где вопрос о готовности музеев, равно как и других институтов культурной памяти, выступать в качестве агентов культурной интеграции мигрантов переносится в плоскость

обсуждения мнемонической адаптации принимающего общества и иммигрантов по отношению друг к другу. Именно этому и будет посвящена данная статья, целью которой является теоретическая рефлексия об основных моделях мнемонической адаптации современных обществ, о месте и роли в процессах мнемонической адаптации сообществ мигрантов как акторов политики памяти в принимающем обществе, а также о применении данных выводов в контексте обсуждения режимов видимости мигрантов в публичном дискурсе принимающего общества.

Изучение взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества как динамики коммеморативных практик требует соответствующей теоретической интерпретации понятия «культурная память», переноса акцента с изучения его структуры на изучение его динамики. В наших недавних публикациях нам уже приходилось писать о важном значении критики концепта «культурная память» в контексте перехода к изучению множественных мемориальных культур или культур воспоминаний (Erinnerungskulturen) [3]. Однако тезис о множественности мемориальных культур является только предпосылкой для более широкой социально-философской постановки вопроса о динамике культурной памяти, вариант осмысления которой был также предложен нами в одной из недавних статей [4]. Специфика изучения современной культурной памяти была проанализирована нами сквозь призму трансформации пространственной методологии. Мы постарались показать, что на смену метафорам региона и сети приходит метафора потока, которая позволяет сосредоточить внимание исследователей на непрерывных процессах конструирования прошлого в процессе взаимодействия различных сообществ. В этой связи в контексте критериев направленности, плотности и интенсивности миграционных потоков [5] нами были выявлены и проанализированы четыре сценария влияния миграционных потоков на трансформацию представлений о прошлом: 1) слабый градиент – низкая плотность; 2) сильный градиент – низкая плотность; 3) слабый градиент – высокая плотность; 4) сильный градиент – высокая плотность [4]. Примечательно, что каж-

дый из описанных выше сценариев создает свою особую ситуацию гибридной идентичности, по-разному актуализирующую формы коллективной памяти представителей принимающего общества и сообществ мигрантов. Наиболее подходящей трактовкой идентичности в этой связи оказывается интерпретация идентичности, данная Р. Брубейкером. Как показывает Р. Брубейкер, более уместным представляется говорить не об идентичности, а об идентификации: «Она призывает нас определить агентов, которые производят идентификацию <...> то, как человек идентифицирует себя и как он идентифицируется другими, может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными» [6. С. 90]. Он резюмирует: «...идентификация привлекает внимание к сложным (и часто амбивалентным) процессам, тогда как термин «идентичность», обозначающий скорее положение, чем процесс, с излишней легкостью предполагает соответствие между индивидуальным и социальным» [6. С. 94]. Процессуальный характер гибридной идентичности сохраняет актуальность понятия «адаптация» в сфере изучения миграционных процессов. О различных видах адаптации в зарубежной и отечественной науке написаны, без преувеличения, сотни книг и тысячи статей [7, 8]. В свете интересующей нас темы мы хотели бы привлечь внимание читателя к непривычному термину «мнемоническая адаптация», проанализировать возможности его использования в словаре понятий теории миграции, определить его содержание и выявить основные характеристики.

В современных исследованиях миграционных процессов давно уже используется вполне устоявшийся термин «культурная адаптация» (или «социокультурная адаптация») как разновидность более широкой в логическом отношении социальной адаптации. Не является ли в этой связи использование нового термина «мнемоническая адаптация» избыточным? Ведь помимо социальной адаптации мигрантов, являющейся предметом широкого круга дисциплин, изучающих миграцию, важную роль в деле изучения адаптации мигрантов, вынужденных переселенцев и беженцев играют психологи, в среде которых давно уже используется множество эффективных методик коррекции негативных и травмирующих воспоминаний. Например, отечественный психолог В.В. Константинов, выделяя шесть типов социально-психологической адаптации (адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный), говорит о ностальгическом типе адаптации как одном из негативных вариантов вследствие того, что мигранты оказываются склонными к деструктивным стратегиям аккумуляции (сепарация, маргинализация) [9]. В таком случае память мигранта оказывается своеобразным психологическим барьером к его успешной адаптации и интеграции. Здесь также можно было бы вспомнить и о явлении депривации, когда домиграционные ожидания оказываются неоправданными и способствуют кризису личности или даже социальной/этнической

группы. Однако в зарубежных исследованиях наличествует и иная точка зрения. Так, в предисловии к междисциплинарному сборнику «Память и миграция: мультидисциплинарные подходы исследований памяти» Джулия Крит отмечает, что «память, во всех своих формах, физическая, психологическая, культурная и семейная играет ключевую роль в отношении контекстов миграции, иммиграции, переселения и диаспор <...> память обеспечивает преэминентность дислокациям индивидуальной и социальной идентичности» [10. Р. 3]. На этот же факт указывают редакторы еще одного международного сборника статей Елена Тосич и Моника Палмбергер, отмечая, что «воспоминания соединяют места, защищают и устанавливают новые формы социальных отношений. Прошлое играет особенно заметную роль во времена мобильности и биографических разрывов» [11. Р. 1]. Как видится, проблема лежит не только в особенностях разделения психологической и социокультурной адаптации, имеющих свою специфику интерпретации, на что в свое время еще верно указывали Д. Берри и К. Уорд [12, 13]. На наш взгляд, более правильным будет говорить как о конструктивном, так и о деструктивном характере влияния памяти мигрантов (автобиографической, групповой, культурной) на их интеграцию в принимающее общество и формы взаимодействия с ним. Вопрос, следовательно, лежит в тех социальных рамках, в которых память мигрантов будет иметь конструктивный или деструктивный смысл для их адаптации.

Под культурной интеграцией мигрантов обычно понимается процесс усвоения ими государственного языка, а также основных характеристик взаимодействия с местными сообществами. При этом практически игнорируется мемориальный аспект миграционных процессов, т.е. речь идет о том, что мигранты должны быть интегрированы в новое сообщество, причем по умолчанию предполагается, что это сообщество останется прежним по своим социально-психологическим и культурным характеристикам. На самом деле любой миграционный процесс в современном обществе запускает механизмы взаимодействия различных мемориальных практик, что может привести к непредвиденным последствиям, поскольку несовпадение представлений об определенных исторических событиях может послужить дополнительным фактором развития межкультурных или межэтнических конфликтов. Именно поэтому принципиально важным является выяснение точек соприкосновения между миграционными потоками и траекториями развития культурной памяти, определения форм взаимовлияния между ними. В таком случае выделение отдельного направления в рамках адаптации мигрантов, связанного с памятью, представляется вполне уместным. При этом здесь надо понимать, что, с одной стороны, мнемоническая адаптация является частью более широкой психологической/социокультурной адаптации мигранта, а с другой стороны, вследствие фундаментального значения памяти для развития как отдельной личности, так и общества она оказывается условием любой формы и вида адаптации человека. В этом смысле мы могли бы

перефразировать известную поговорку «Время лечит» в высказывание «Память адаптирует».

Каким же образом можно было бы определить мнемоническую адаптацию мигрантов, учитывая, во-первых, психологический и социокультурный контекст, а во-вторых, понимание адаптации и как процесса, и как результата? Мы могли бы определить мнемоническую адаптацию как процесс включения индивидуальных и коллективных воспоминаний мигрантов в структуру культурной памяти принимающего сообщества с целью формирования гибридной идентичности. Говоря более расширительно, речь идет о процессе освоения личностью мигранта/сообществом мигрантов новой социокультурной ситуации и о включении в принимающее общество. Как видится, данный процесс освоения предполагает совокупность индивидуальных и культурных стратегий и практик формирования смысла жизни мигранта / смысла существования сообщества мигрантов, способствующих формированию гибридной идентичности и использующих как исторический опыт страны исхода, так и исторический опыт страны поселения. Говоря проще, мнемоническая адаптация – это изменение конфигурации пространства памяти отдельного человека или сообщества мигрантов, превращающее память в источник созидания нового смысла, а не в барьер, в инструмент его разрушения.

Мнемоническая адаптация является не только процессом, происходящим в индивидуальной памяти, но и возможна как коллективная практика. Если в случае индивидуальной памяти акцент делается на создание автобиографического нарратива и осмысление человеком уникальности прожитого жизненного пути, то в случае коллективной / культурной памяти речь идет о конструировании нового образа прошлого посредством медиа, общественных коммемораций, а также использования институтов культурной памяти как инструментов подобной адаптации. Также было бы ошибкой говорить об одностороннем процессе, поскольку изменяется и культурная память принимающего общества. В данном случае мнемоническая адаптация предполагает постепенную деконструкцию «параллельных» сообществ памяти и создание условий для культурного обмена. Уже цитировавшийся выше В.В. Константинов справедливо отмечает, что «в процессе адаптации происходит, с одной стороны, формирование адаптивной природы личности, а с другой – создается среда адаптации. Результатом столкновения личности адаптанта с носителями новой культуры является актуализация дуального свойства открытости/сопротивления к культурным феноменам среды адаптации, что выражается в приспособлении или противостоянии при выборе способа реагирования на те или иные воздействия среды адаптации. Как следствие, личность и принимающая среда, обогащая друг друга, определяют новые контексты взаимодействия, тем самым изменяя содержание реальных взаимодействий мигранта с окружающим его миром» [9. С. 9]. Становится понятно, что адаптация

необходима и принимающему обществу. Также следует заметить, что в среде самих мигрантов трудно выделить какой-либо единый и универсальный механизм мнемонической адаптации. В соответствии с этим необходимо конкретизировать представленное выше абстрактное толкование мнемонической адаптации в виде описания ряда ее моделей. Теоретической основой для классификации данных моделей для нас будут являться четыре сценария влияния миграционных потоков на трансформацию представленной о прошлом, обозначенные выше.

В качестве основных критериев типологизации выступают два показателя: градиент как степень различия между исходным для мигрантов обществом и принимающим обществом (как с точки зрения экономических показателей, так и на основании сходства или различия культурных моделей поведения) и плотность как степень осознания мигрантами своей коллективной идентичности (вне зависимости от того, насколько эта общность имела место в условиях общества исхода). Важной производной от указанных показателей является степень акторности миграционного сообщества в социальном пространстве, которая, однако, зависит не столько от характеристик мигрантов, сколько от взаимосвязи миграционных сообществ (в данном случае мы используем это понятие как характеристику совокупности мигрантов в определенном обществе, а не как свидетельство наличия сформированной коллективной идентичности) и принимающего сообщества. Само понятие «актор» в контексте жарких социологических дискуссий второй половины XX в. характеризуется в весьма широком диапазоне от индивидуалистической трактовки в феноменологическом или этнометодологическом ключе до производной от социальной структуры в теории действия А. Турена. В рамках данного исследования стоит говорить об акторности в рамках трех существенных характеристик – обладание определенной коллективной идентичностью (это снимает противоречие между индивидуальным и групповым пониманием актора), способность к совершению социального действия, а также обязательное наличие других социальных акторов, относительно которых происходит как выстраивание идентичности, так и конкуренция за распределение или присвоение ресурсов в конкретном сегменте социального пространства. Специфика исследования миграционных сообществ предполагает, что возможность рассмотрения их как акторов должна дополняться конституированием принимающего сообщества также как социального актора (либо совокупности акторов).

В случае модели «слабый градиент – низкая плотность» мы говорим о личных предпочтениях мигрирующих индивидов, что связано с низким влиянием мигрантов на принимающее общество. На повседневном уровне это означает горизонтальную социальную мобильность, которая не сопровождается кардинальными изменениями в культурной памяти, поскольку, как правило, само подобное перемещение осуществляется

между регионами с близкими культурными показателями. Соответственно, разрыв между мемориальными практиками сообществ – исходного для мигрантов и принимающего оказывается несущественным. В условиях современной российской действительности примером реализации данной модели является внутренняя миграция между регионами, которая оказывается обусловлена в большей степени личными причинами (вступление в брак) либо индивидуальными траекториями профессионального самоопределения (переезд в другой регион, где может быть сильнее востребован профессиональный опыт индивида, но при этом общий уровень социально-экономического развития приблизительно совпадает). В таком случае мнемоническая адаптация состоит не только в приспособлении к культурной памяти принимающего общества, но и в определенной презентации нетипичности своего опыта прошлого в сравнении с социальным окружением. Мнемоническая адаптация в данном случае необходима прежде всего мигранту, чтобы не потерять свой личный автобиографический опыт. Конфликтность в таком случае проявляется в виде несогласия с отдельными традициями и ценностями культурной памяти принимающего общества. С точки зрения акторности такая модель характеризуется достаточно слабыми характеристиками как миграционного, так и принимающего сообщества. В силу отсутствия принципиальных различий между исходными и принимающими обществами исчезает основание для формирования конкурирующих коллективных идентичностей, а потенциальная конфликтогенность оказывается связанной, скорее, с особенностями индивидуальной мнемонической адаптации, автобиографическая траектория – с новым социокультурным контекстом. Данная модель демонстрирует низкую степень видимости миграционного сообщества, поскольку его контуры оказываются размытыми и не противопоставленными принимающему сообществу, особенно в тех случаях, когда условием перемещения являлось изначально наличие родственных или дружеских связей.

В случае модели мнемонической адаптации «Сильный градиент – низкая плотность» мигранты из-за политико-правовых причин не могут массово перемещаться в интересующие их общества. Такая модель миграции возникает в тех ситуациях, когда различие в экономическом уровне не сказывается на увеличении количества мигрантов в силу политических, культурных или языковых препятствий. Относительно немногочисленные мигранты, которые оказались способны преодолеть установленные барьеры, максимально заинтересованы в интеграции в инокультурное пространство, что предполагает их готовность к усвоению чужих мемориальных практик. Учитывая отсутствие возможности создания устойчивых миграционных сообществ, индивиды включаются в уже существующие практики, при этом достаточно легко отказываясь от собственных образов культурной памяти. В таком случае селективность миграционной политики принимающего общества не позволяет сформироваться устойчивым сообществам

памяти мигрантов, создавая предпосылки конформного поведения. Конфликты культурной памяти мигрантов и принимающего общества возможны, но в большей мере протекают в неявной форме и в виде защитного конфликта. Мнемоническая адаптация в данном случае уже не оказывается только частью автобиографической работы личности, но приобретает характер культурной практики. Однако в большей мере она оказывается необходима именно мигрантам, поскольку противостоять традициям и ценностям культурной памяти принимающего общества они оказываются способны лишь на уровне отдельных тактик (в смысле идей М. де Серто).

Естественно, что наиболее характерным примером данной модели является перемещение мигрантов из исходного общества, уже склонного к атомизации и слабости социальных связей, в принимающее общество, которое отличается превалирующими экономическими и культурными характеристиками, что сразу становится существенным препятствием если не для сохранения связей с исходным сообществом, то для сохранения у конкретных мигрантов представлений о временности пребывания. Например, если первая модель описывала систему перемещения между близлежащими или схожими по базовым характеристикам российскими регионами, то вторая – перемещение индивида из провинции в столичный регион, характеризующийся не только более высоким уровнем жизни, но и специфическими культурными практиками, требующим включенности и миметичности. Слабая акторность миграционного сообщества совмещается с наличием сильного актора (или акторов) в сообществе принимающем, что приводит к искажению визуального ряда. Мигранты (именно как отдельные индивиды, а не представители сообщества) могут становиться «видимыми», но только в том случае, если они демонстрируют следование практикам принимающего сообщества, включенность в доминирующий мнемонический дискурс.

В случае модели «Слабый градиент – высокая плотность» мы наблюдаем формирование полноценных сообществ памяти, воспроизводящих культурные практики и традиции страны исхода. Принимающее общество не демонстрирует тотального экономического или культурного доминирования, поэтому миграционные сообщества не пытаются интегрироваться в имеющуюся структуру мемориальных практик, а стремятся к сознательной пространственной сегрегации, выделению своих повседневных практик в замкнутый сегмент социального пространства. Соответственно, степень конфликтности с принимающим обществом возрастает и принимает явные формы, а также может выражаться не только в защитном, но и в статусном типе конфликта. В отношении мнемонической адаптации ситуация усложняется, поскольку приспособляться приходится как мигрантам, так и принимающему обществу. Если в предыдущем случае адаптационная активность направлена преимущественно со стороны мигрантов в сторону принимающего общества, то в дан-

ной модели мы говорим о взаимной адаптационной активности, что становится залогом сохранения гражданской стабильности. Разумеется, выбор такого сценария мнемонической адаптации является достаточно затруднительным именно в силу осознания миграционными сообществами своего автономного положения и высокой конкурентоспособности с местным населением. Высокая плотность в такой модели необязательно связана с особенностями исходного общества (коллективизм, родовое мышление, доминирование «сильных» связей и т.д.), а может возникать как конкурентное преимущество по отношению к гетерогенному и атомизированному принимающему сообществу уже в условиях эмиграции. Усиление акторности миграционных сообществ может выражаться в различных формах – от формирования полноценных диаспор (прежде всего, в условиях иноязычного социума) до складывания достаточно аморфных «землячеств». Несформированность или слабость принимающих акторов приводит к достаточно резкому визуальному выделению именно миграционных сообществ, которые нуждаются не только в сохранении собственных мемориальных практик, но и в их репрезентации, и даже продвижении в общем культурном пространстве.

И, наконец, в случае четвертой модели «сильный градиент – высокая плотность» речь идет как о трансформации принимающего общества, усилении его неоднородности, так и о размывании коллективной идентичности мигрантов в силу того, что миграционный поток распадается на отдельные локальные сообщества, вырабатывающие собственные стратегии встраивания в отдельные локации пространства памяти. В таком случае конфликтность не исчезает, но изменяет свои базовые параметры. Линия конфликта лишь изначально проходит между мигрантами и принимающим сообществом, в дальнейшем она усложняется и может включать в себя конфликтные ситуации уже между теми мигрантами, которые встроились в социальную структуру принимающего общества, и «новыми» мигрантами, претендующими на ту же экономическую нишу. Речь идет не столько о противостоянии внутреннего (принимающее общество) и внешнего (мигранты), сколько о конфликтности внутри каждого из сообществ культурного взаимодействия (принимающее общество и мигранты). Как правило, именно в рамках данной модели происходит всплеск фундаменталистских мировоззрений в миграционной среде, что отражается в расслоении поколенческих мемориальных практик на умеренные (адаптирующиеся к принимающему сообществу) и радикальные (конструирующие определенную историческую идентичность, отсылающую к изначальному месту проживания мигрантов). Соответственно, мнемоническая адаптация оказывается направленной не только по отношению к другим, но и происходит внутри самих сообществ. Она оказывается реакцией на трансформацию самого сообщества и изменение структуры памяти и статуса в коммеморативном пространстве культуры. Другими словами, изменяться и приспосабливаться приходится всем.

Самое интересное, что в данной модели акторность миграционного сообщества существенно ослабевает, что связано, однако, не с особенностями самого сообщества, а с общим плюралистическим рельефом социального пространства, в силу чего равноправными участниками транснационального взаимодействия оказываются самые различные культурные, социальные, этнические группы. Мигранты просто теряются на фоне общего многообразия, утрачивая свою исходную противопоставленность принимающему сообществу как единому актору. Наиболее характерной чертой режима видимости миграционного сообщества в данной ситуации становится своеобразное «визуальное мерцание», при котором сообщество обладает возможностями демонстрации своей акторности в публичном пространстве, но выступает лишь в качестве одного из сегментов плюралистического социума. Очень точно данную ситуацию отражает агонический подход к нарративам мигрантов, в последние годы развиваемый Хансом Лауге Хансеном. Он подчеркивает, что «агонистические нарративы миграции – это истории, способные одновременно противостоять двум взаимодополняющим и гегемонистским дискурсам о миграции, антагонистическому, неонационалистическому дискурсу, представляющему мигранта как угрозу, и гуманитарному дискурсу, представляющему мигранта в качестве жертвы. Вместо этого агонистические нарративы нацелены на формирование альянсов посредством протеста и действий против неравенства и дискриминации» [14. Р. 1].

Критически настроенный читатель, по-видимому, будет ждать от нас далее описания конкретных примеров стран, которые могли бы проиллюстрировать соответствующие модели миграции и мнемонической адаптации. Однако, на наш взгляд, говорить о страновой специфике реализации данных моделей было бы не самым продуктивным шагом. Это связано с тем, что даже в рамках отдельной страны (например, Германии) мы могли бы увидеть в исторической перспективе все представленные модели мнемонической адаптации мигрантов. Говоря другими словами, модели мнемонической адаптации ситуативны и контекстуальны, а значит, в первую очередь реагируют на динамику политики памяти принимающего общества. И здесь как раз публичный дискурс оказывается важным индикатором, позволяющим зримо увидеть наличие или отсутствие процессов мнемонической адаптации как в принимающем обществе, так и в сообществах мигрантов. В этой связи важным методологическим шагом оказывается анализ тех визуальных тем, которые задают особенности режима видимости мигрантов как сообществ памяти применительно к каждой модели мнемонической адаптации.

Современные исследователи в России и за рубежом склонны анализировать формы присутствия или отсутствия тех или иных социальных явлений в публичном дискурсе в контексте различных режимов видимости, которые оказываются более чувстви-

тельным инструментом анализа общественных репрезентаций и саморепрезентаций [15–18]. Не является исключением и миграционная тема в публичном дискурсе, уже неоднократно становившаяся предметом изучения за рубежом [19–22]. Категория «видимость» осмысливается сегодня как социальный процесс, сочетающий в себе области эстетики и политики, когда различные социокультурные символы используются в качестве ресурсов воспроизводства и оспаривания тех или иных социальных позиций. Подчеркивается, что подобный процесс предполагает модусы социальной видимости, невидимости и гипервидимости [23. С. 125]. Вместе с тем вряд ли приходится сегодня говорить о наличии какой-либо единой схемы анализа режимов видимости в публичном дискурсе, поскольку сами режимы видимости, во-первых, производны от акторов, а во-вторых, от специфики самой проблемной ситуации и окружающего социального контекста. Так, например, в работе Элис Массали, посвященной режимам видимости сирийских беженцев в репрезентации негосударственных организаций стран Евросоюза, анализировались четыре основные визуальные темы, позволяющие классифицировать различные режимы видимости: 1) отражение политической ситуации и политических символов в визуальных материалах о беженцах; 2) видимость и невидимость протестов беженцев в их оспаривании своих гражданских прав; 3) видимость и невидимость угроз для беженцев на их пути из Сирии в принимающие страны, равно как и угроз для них в принимающих странах; 4) видимость голосов отдельных беженцев в гуманитарной коммуникации [19. Р. 169].

В нашем случае требуется выявление иных визуальных тем, которые учитывали бы в первую очередь перспективу транснационального подхода и его анализа коммеморативных практик, а также были бы ориентированы на предложенные нами выше модели мнемонической адаптации.

Первая визуальная тема является отражением в публичном дискурсе самой политики инкорпорирования коллективных воспоминаний мигрантов в принимающем обществе, уровня участия сообщества памяти мигрантов в символической циркуляции образов прошлого. При этом важно учитывать проведенное М. Бэнксом различие между двумя составляющими визуального образа – контентом и контекстом, что задает принципиально различные ракурсы исследовательского анализа, которые, однако, нуждаются во взаимном дополнении [24]. С одной стороны, мы анализируем содержание конкретного визуального образа, касающегося исторической памяти конкретного мигранта, приписывая ему определенное значение. Но проблема заключается в том, что это значение зачастую является очевидным лишь для наблюдающего субъекта с совершенно иным культурным и интеллектуальным бэкграундом, нежели сам представитель миграционного сообщества. Поэтому, с другой стороны, необходима рефлексия и над контекстом возникновения визуального образа, сопровождающаяся выясне-

нием подробностей по поводу того, кто именно сформулировал данный образ и с какой целью. Например, музейная экспозиция, содержащая в себе визуальные образы прошлого, должна рассматриваться не только как объективная репрезентация прошлого, но и как продукт деятельности конкретного куратора, реализующего поставленную перед ним задачу и в этом смысле формирующего набор визуальных образов, каждый из которых обретает смысл лишь в контексте построенной экспозиции.

Вторая визуальная тема указывает на присутствие в публичном дискурсе образов прошлого страны исхода, ее традиций и элементов праздничной культуры. И здесь тоже важным элементом формирования режима видимости оказывается вопрос о том, кто участвует в формировании визуального контента – сами мигранты или какие-либо внешние акторы. Разница между акторами задает весьма существенные отличия между самими режимами видимости, поскольку набор визуальных образов для самого мигранта будет представлять собой сложную комбинацию индивидуальных и коллективных предпочтений, отражающих его отношение к самым различным сообществам – от семьи до нации. Как отмечает А. Печурина, «окружая себя значимыми материальными объектами, индивид чувствует и выражает свою принадлежность к определенной нации. Он будто вольно или невольно организует свою повседневную жизнь согласно неформальным правилам: тому, как “там” принято делать что-то “по-нашему”». Таким образом, материальные предметы выступают своеобразными «жизненными документами», изображающими и репрезентирующими повседневную культуру мигрантов» [25. С. 213].

Третья визуальная тема указывает как на использование образов прошлого в конфликтных ситуациях, возникающих между сообществами мигрантов и принимающим обществом, так и на их применение для поиска возможных путей разрешения конфликтов. В рамках данной темы также репрезентируются общественный и политический активизм мигрантов и их сообществ на поле политики памяти принимающего общества. Можно сказать, что данная тема является наименее «видимой» с точки зрения государственных акторов политики памяти именно в силу своего конфликтного характера, провоцирующего использование стратегий замалчивания или реинтерпретацию данных образов прошлого в контексте, который оказывается наиболее выгоден для подчеркивания продуктивного совместного функционирования. Хотя не стоит исключать и обратный эффект – политическое формирование такого режима видимости, который будет лишь подчеркивать конфликтность миграционных образов прошлого для обоснования неприемлемости либо самого миграционного сообщества, либо способов его сосуществования с принимающим обществом. То есть в рамках данной визуальной темы можно наблюдать конкуренцию различных режимов видимости, зачастую сопровождающуюся прямыми

столкновениями по поводу применения/исключения визуальных образов прошлого.

Наконец, четвертая визуальная тема, как и в случае, описанном в работе Элис Массали, связана с саморепрезентацией голосов автобиографической и семейной памяти мигрантов в принимающем обществе. В каком-то смысле она является наиболее интересной, поскольку демонстрирует многообразие различных стратегий совмещения «первичных» и «вторичных» образов прошлого, в контексте которого даже само различие этих образов утрачивает значение. По сути, любая подобная визуальная репрезентация ориентируется на тот исключительный социальный и культурный контекст, в который включен конкретный мигрант, но именно выявление общности за мишурой индивидуальных стратегий и представляется наиболее важным в контексте социальных исследований современных миграционных процессов.

Данные темы оказываются своеобразными индикаторами для каждого конкретного режима видимости, присущего соответствующей модели мнемонической адаптации, что в итоге позволяет нам сравнивать эти режимы между собой. Другими словами, в каждой модели мнемонической адаптации режим видимости задается комбинацией данных визуальных тем, по-разному представленных в публичном дискурсе: в музеях, средствах массовой информации, интернет-сообществах, кинематографе, литературе и театре. Однако анализ специфики каждой комбинации в конкретном медиуме – дело дальнейших исследований, выходящее за пределы данной теоретической статьи.

Таким образом, транснациональная парадигма и ее отказ от методологического национализма заставляют современных исследователей перенаправлять исследовательскую оптику на кросс-границные и мультилокальные процессы и практики, учитывать сложность самого принимающего общества и важную роль культуры и традиций страны исхода в повседневных практиках сообществ мигрантов. В дан-

ной статье было раскрыто важное значение пространства коллективной памяти как среды взаимодействия принимающего общества и внешних мигрантов в рамках публичного дискурса, а также теоретические возможности использования нового термина «мнемоническая адаптация» применительно как к принимающему обществу, так и к сообществам мигрантов. На основе четырех сценариев динамики культурной памяти в ситуации миграционных потоков нами были выявлены и проанализированы четыре модели мнемонической адаптации, где в качестве основных критериев типологизации выступают два показателя: градиент как степень различия между исходным для мигрантов обществом и принимающим обществом (как с точки зрения экономических показателей, так и на основании сходства или различия культурных моделей поведения) и плотность как степень осознания мигрантами своей коллективной идентичности (вне зависимости от того, насколько эта общность имела место в условиях исходного общества). Было выявлено, что производной от указанных показателей является степень акторности миграционного сообщества в социальном пространстве, которая, в свою очередь, задает соответствующий режим видимости мигрантов в публичном дискурсе принимающего общества. В каждой модели мнемонической адаптации режим видимости задается комбинацией визуальных тем, по-разному представленных в публичном дискурсе и связанных с отражением политики инкорпорирования коллективных воспоминаний мигрантов в принимающем обществе (образы прошлого страны исхода, ее традиции и элементы праздничной культуры, пути разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между сообществами памяти мигрантов и принимающего общества, представленные в публичном дискурсе), а также саморепрезентацией голосов автобиографической и семейной памяти мигрантов в принимающем обществе.

Список источников

1. Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслочальность / под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
2. Gourievidis L. History, diversity and the politics of memory // *Museums and migration. History, memory, politics* / ed. by L. Gourievidis. London : Routledge, 2014. P. 1–25.
3. Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // *Диалог со временем*. 2019. № 66. С. 5–18.
4. Аникин Д.А. Трансфер прошлого: культурная память в условиях миграционных потоков // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 66–72. doi: 10.17223/15617793/452/7
5. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 8–16.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
7. Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов. М. : «Дашков и Ко», 2015. 219 с.
8. Дмитриев А.В., Воронов В.В. Адаптация и интеграция полиэтничного пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М. : Новый Хронограф, 2017. 184 с.
9. Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2018. 329 с.
10. Creet J. Introduction: The Migration of Memory and Memories of Migration // *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies* / ed. by Julia Creet and Andrea Kitzmann. Toronto : University of Toronto Press, 2011. P. 1–30.
11. Tošić J., Palmberger M. Introduction: Memories on the Move—Experiencing Mobility, Rethinking the Past // *Memories on the Move Experiencing Mobility, Rethinking the Past* / M. Palmberger, J. Tošić (Eds.). London : Palgrave MacMillan, 2012. P. 1–15.
12. Berry J.W. Acculturation and Psychological Adaptation // *Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien* / K.J. Bade (Hg.). IMIS-Schriften, Bd.1. Osnabruck, 1996. S. 171–186.
13. Ward C. Acculturation // *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA : Sage, 1996. P. 124–147.

14. Hansen H.L. On Agonistic Narratives of Migration // *International Journal of Cultural Studies*. 2020. № 1. P. 1–17.
15. Dimitrov R. Silence and invisibility in public relations // *Public Relations Review*. 2015. № 41 (5). P. 636–651.
16. Ericson R.V., Haggerty K.D. *The new politics of surveillance and visibility*. Toronto : University of Toronto Press, 2006. 400 p.
17. Coombs D., Park H.-Y., Fecho B. A silence that wants to be heard: Suburban Korean American students in dialogue with invisibility // *Race Ethnicity and Education*. 2014. № 17 (2). P. 242–263.
18. Jones R.D., Robinson J., Turner J. *The politics of hiding, invisibility, and silence: Between absence and presence*. London : Routledge, 2016. 126 p.
19. Massari A. *Visual Securitization. Humanitarian representations and migration governance*. Cham : Springer, 2021. 204 p.
20. Falk F. Invasion, infection, invisibility: An iconology of illegalized immigration // *Images of illegalized immigration: Towards a critical iconology of politics*. Bielefeld : Transcript, 2010. P. 83–100.
21. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. The visual dehumanisation of refugees // *Australian Journal of Political Science*. 2013. № 48 (4). P. 398–416.
22. Sigona N. The politics of refugee voices: Representations // *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies* / E. Fiddian-Qasmieh, G. Loescher, K. Long, N. Sigona (Eds.). New York : Oxford University Press, 2013. P. 369–376.
23. Хабидулина З.Р. Ислам и гендер в интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 119–137.
24. Banks M. *Visual Methods in Social Research*. London : Sage, 2001. 212 p.
25. Печурина А. «Там русский дух...»: вещи в доме как способ визуализации идентичности мигрантов в Великобритании // *Визуальная антропология: настройка оптики* / под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 212–228. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

References

1. Kapustina, E. & Borisova, E. (2021) Obzor teoreticheskoy diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A review of the theoretical discussion on the concept of transnationalism]. In: Brednikova, O. & Abashin, S. (eds) “*Zhit’ v dvukh mirakh*”: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’ [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 14–29.
2. Gourievdis, L. (2014) History, diversity and the politics of memory. In: Gourievdis, L. (ed.) *Museums and migration. History, memory, politics*. London: Routledge. pp. 1–25.
3. Buller, A. & Linchenko, A.A. (2019) Kul’turnaya pamyat’ kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural memory as a subject of philosophical reflection]. *Dialog so vremenem*. 66. pp. 5–18.
4. Anikin, D.A. (2020) Transfer of the past: Cultural memory in the context of migration flows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 66–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/7
5. Ivanov, D.V. (2012) K teorii potokovykh struktur [On the theory of flow structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 8–16.
6. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost’ bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
7. Nesterova, A.A. & Suslova, T.F. (2015) *Konstruktivistskiy i sotsial’no-psikhologicheskii podkhody k izucheniyu faktorov zhiznesposobnosti i adaptatsii migrantov* [Constructivist and socio-psychological approaches to the study of the factors of migrants’ viability and adaptation]. Moscow: Izdatel’sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko”.
8. Dmitriev, A.V. & Voronov, V.V. (2017) *Adaptatsiya i integratsiya polietnicheskogo prostranstva regionov Rossii: problemy, rekomendatsii* [Adaptation and integration of the multi-ethnic space of Russian regions: problems, recommendations]. Moscow: Novyy Khronograf.
9. Konstantinov, V.V. (2018) *Sotsial’no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v prinimayushchem polikul’turnom obshchestve* [Socio-psychological adaptation of migrants in the host multicultural society]. Psychology Dr. Diss. Saratov.
10. Creet, J. (2011) Introduction: The Migration of Memory and Memories of Migration. In: Creet, J. & Kitzmann, A. (eds) *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press. pp. 1–30.
11. Tošić, J. & Palmberger, M. (2012) Introduction: Memories on the Move—Experiencing Mobility, Rethinking the Past. In: Tošić, J. (ed.) *Memories on the Move Experiencing Mobility, Rethinking the Past*. London: Palgrave MacMillan. pp. 1–15.
12. Berry, J.W. (1996) Acculturation and Psychological Adaptation. In: Bade, K.J. (ed.) *Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien*. Bd. 1. Osnabruck: IMIS-Schriften. pp. 171–186.
13. Ward, C. (1996) Acculturation. In: Landis, D., Bennett, J.M. & Bennett, M.J. (eds) *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 124–147.
14. Hansen, H.L. (2020) On Agonistic Narratives of Migration. *International Journal of Cultural Studies*. 1. pp. 1–17.
15. Dimitrov, R. (2015) Silence and invisibility in public relations. *Public Relations Review*. 41 (5). pp. 636–651.
16. Ericson, R.V. & Haggerty, K.D. (2006) *The new politics of surveillance and visibility*. Toronto: University of Toronto Press.
17. Coombs, D., Park, H.-Y. & Fecho, B. (2014) A silence that wants to be heard: Suburban Korean American students in dialogue with invisibility. *Race Ethnicity and Education*. 17 (2). pp. 242–263.
18. Jones, R.D., Robinson, J. & Turner, J. (2016) *The politics of hiding, invisibility, and silence: Between absence and presence*. London: Routledge.
19. Massari, A. (2021) *Visual Securitization. Humanitarian representations and migration governance*. Cham: Springer.
20. Falk, F. (2010) Invasion, infection, invisibility: An iconology of illegalized immigration. In: Bischoff, C., Falk, F. & Kafehsy, S. (eds) *Images of illegalized immigration: Towards a critical iconology of politics*. Bielefeld: Transcript. pp. 83–100.
21. Bleiker, R. et al. (2013) The visual dehumanisation of refugees. *Australian Journal of Political Science*. 48 (4). pp. 398–416.
22. Sigona, N. (2013) The politics of refugee voices: Representations. In: Sigona, N. et al. (eds) *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies*. New York: Oxford University Press. pp. 369–376.
23. Khabibulina, Z.R. (2021) Islam i gender v internete: zhenshchiny, rezhim vidimosti i bor’ba so stereotipami [Islam and Gender on the Internet: Women, the Mode of Visibility and the Fight Against Stereotypes]. *Etnografiya*. 4 (14). pp. 119–137.
24. Banks, M. (2001) *Visual Methods in Social Research*. London: Sage.
25. Pechurina, A. (2009) “Там русский дух...”: veshchi v dome kak sposob vizualizatsii identichnosti migrantov v Velikobritanii [“There is a Russian spirit ...”: things in the house as a way to visualize the identity of migrants in the UK]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Vizual’naya antropologiya: nastroyka optiki* [Visual anthropology: tuning optics]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 212–228.

Информация об авторах:

Линченко А.А. – канд. филос. наук, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия); доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Аникин Д.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: dandee@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Linchenko, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); associate professor, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

D.A. Anikin, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.01.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 23.01.2023;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.334.5
doi: 10.17223/15617793/487/8

Загрязнение пластиком: социологические подходы к решению проблемы

Татьяна Сергеевна Мартыненко¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ts.martynenko@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается проблема загрязнения окружающей среды пластиком, описаны ее масштабы и обозначены основные риски. Особое внимание уделяется типологии социологических подходов к решению этой проблемы: натуралистическому и технократическому, критическому, ресурсно-ориентированному и другим. Продемонстрированы особенности каждого подхода, эволюция социологических взглядов и обозначены дальнейшие перспективы изучения данной проблематики.

Ключевые слова: инвайронментальная социология, экологический риск, загрязнение пластиком, экологическая культура, ресурсно-ориентированный подход

Для цитирования: Мартыненко Т.С. Загрязнение пластиком: социологические подходы к решению проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 65–73. doi: 10.17223/15617793/487/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/8

Plastic pollution: Sociological approaches to solving the problem

Tatiana S. Martynenko¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ts.martynenko@gmail.com*

Abstract. The article discusses the problem of environmental pollution with plastic and sociological approaches to solving this problem. The consequences of plastic pollution for nature and humans are very catastrophic: from the clogging of water communications in cities, the release of carbon dioxide during its production (and, accordingly, the negative impact on climate change), plastic poisoning of animals to the creation of a breeding ground for the spread of malaria mosquitoes and the impact on human reproductive health. The aim of the article is to present a typology of the main approaches to the study of the problem of plastic pollution and ways to solve it based on a comparative analysis of modern sociological concepts of pollution. Currently, various ways to combat plastic pollution are being developed, affecting to varying degrees the behavior of the producer and the consumer. These methods include the development of alternative products designed to replace single-use plastic products, a decrease in consumer demand for single-use plastic through various sanctions (both positive and negative), as well as the impact on the manufacturer through additional responsibility in relation to the packaging material and the entire cycle of its processing. For modern Russia, the problem of plastic pollution is also relevant due to the increased amount of waste. In recent years, our country has simultaneously applied solutions in the field of creating infrastructure for waste processing and the formation of an ecological culture of the population. Sociological approaches to solving the problem of plastic pollution can be structured based on several criteria: the conceptualization of the concept of waste (and, accordingly, pollution as such); the analysis of the “society – nature” system, which can be represented as a continuum from categorical opposition to the actual recognition of equality and equivalence. Based on the author’s perspective of the analysis, she identified three groups of approaches with different interpretations of pollution, including plastic, and appropriate ways to solve this problem. The author analyzes naturalistic and technocratic approaches, critical tradition, and a resource-oriented perspective. The proposed typology does not pretend to describe all approaches existing in the social sciences but captures the main trajectories of their transformation and differences in the interpretation of environmental pollution problems. Therefore, in the author’s opinion, it can be useful as a starting point for further study of environmental problems, on the one hand, and will expand the understanding of the problem of pollution, on the other.

Keywords: environmental sociology, environmental risk, plastic pollution, environmental culture, resource-oriented approach

For citation: Martynenko, T.S. (2023) Plastic pollution: Sociological approaches to solving the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 65–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/8

Введение

Экологические проблемы являются одним из ключевых вызовов современности. Являясь совокупностью взаимосвязанных процессов, таких как загрязнение окружающей среды, глобальное потепление и др., эти проблемы формируют новую политическую, экономическую и социальную повестку дня. Как отмечают современные исследователи, «последствия хозяйственной деятельности человека для природной среды к настоящему времени хорошо изучены, документированы и, если можно так выразиться, “оцифрованы”» [1. С. 10]. Действительно, не вызывает вопросов тот факт, что от решения экологических проблем во многом зависит дальнейшая возможность существования не только современных обществ с присущими им характеристиками, но и большинства людей. Потому принципиальную роль начинают играть вопросы о том, как возможно (и возможно ли?) изменение текущего положения дел.

Количество твердых бытовых отходов существенно возросло в начале XXI в. Основными факторами стали не только особенности потребления, рост населения (преимущественно в развивающихся странах), но и пандемия, заставившая нас все чаще использовать сервисы доставки, одноразовые маски и перчатки и подобное. Одним из материалов, потребление которого выросло под воздействием этих факторов, стала пластмасса. Таким образом, пластик стал источником загрязнения, создающим значительные риски не только для природы, но и для здоровья человека. Несмотря на интерес социальных наук к экологическим проблемам, в современной социологии почти нет работ, обобщающих или систематизирующих основные подходы к проблеме загрязнения. Потому цель статьи – на основе сравнительного анализа современных социологических концепций загрязнения представить типологию основных подходов к изучению проблемы пластикового загрязнения, а также способов ее решения.

«Всё на свете из пластмассы, и вокруг пластмассовая жизнь»

Важным шагом при анализе пластикового загрязнения является рассмотрение истории его появления и текущего масштаба. Сегодня мы настолько привыкли к пластику, что нас не удивляет его повсеместное распространение: дома, на работе, в общественных местах и транспорте. Сложно представить, что до XX в. пластика не существовало¹, и лишь в 20–30-е гг. XX в. он стал постепенно появляться в повседневной жизни. Свойства пластика предполагают множество вариантов его использования, например, пластмассовые элементы или изделия применяются в строительстве, для изготовления потребительских товаров, электроники и

т.д. Долговечность, дешевизна и химическая стойкость пластмассы определяет ее популярность и востребованность. Тем не менее ни один из широко используемых видов пластика не поддается биологическому разложению. При этом важно обратить внимание на тот факт, что, по данным за 2015 г., 42% (или 146 млн т) пластика было использовано при производстве упаковки и лишь 19% (или 65 млн т) – в строительстве. И если пластиковые детали, использованные при строительстве зданий или промышленных объектов, могут использоваться десятилетиями, то срок службы пластиковой упаковки в редких случаях превышает один год, а чаще всего измеряется в месяцах или даже часах [2].

Исследователи рассчитали, что если тенденция по производству пластика во все больших масштабах сохранится, то до 2050 г. около 12 000 млн т пластика будет выброшено (на организованные свалки или в природную среду), столько же будет сожжено и лишь 9 000 млн т переработано [2].

Поэтому неудивительно, что сокращение использования и загрязнения окружающей среды пластиком сегодня является одной из приоритетных задач большинства экологических организаций и движений. В 2018 г. Всемирный день окружающей среды был посвящен борьбе с пластиком и негативными последствиями его использования. По состоянию на июль 2019 г., по данным ЮНЕП – программы ООН по окружающей среде, более 90 стран (прежде всего развивающихся) запретили использование одноразовых пластиковых пакетов, некоторые страны пытаются регулировать распространение пластика через систему налоговых сборов и пошлин [3]. Индия предполагает отказаться от использования одноразового пластика до 2022 г. [4]. Европейский союз с 2021 г. прекращает использование пластиковых столовых приборов и еще ряд изделий из этого материала (например, трубочки для напитков, палочки для чистки ушей и др.) [5].

Борьба с пластиком сопровождается введением дополнительных правовых и экономических решений. ООН в лице исполнительного директора ЮНЕП И. Андерсена обращает внимание на то, что сражение с пластиковым загрязнением должно развиваться по четырем направлениям: во-первых, сокращение использования одноразового пластика, что должно привести к снижению объемов производства пластмассы в принципе, во-вторых, переход на замкнутый цикл производства пластика, в-третьих, переработка отходов, в-четвертых, разработка мер по законодательному регулированию использования пластика [6].

Если обобщить все меры, предлагаемые для регулирования и сокращения пластикового загрязнения, то можно выделить несколько групп в зависимости от того, чье поведение предполагается менять – производителя или потребителя. Во-первых, замена альтернативными и/или биоразлагаемыми материалами. Этот

способ предполагает прямые запреты на использование пластика и предложение альтернативных товаров. Здесь затронуто поведение и производителя, который начинает выпуск совершенно новой продукции, и потребителя, который должен менять свои повседневные привычки (и чаще всего в сторону их усложнения, например, не забывая взять многоразовую сумку из дома вместо покупки пластикового пакета). В этом контексте важно отметить, что не все существующие сегодня способы замены пластика эффективны. Так, по результатам исследований, источником более 90% микропластика в Мировом океане являются различные средства личной гигиены. При этом попытки населения сократить свой экологический след при помощи использования биоразлагаемых товаров не всегда могут увенчаться успехом, поскольку около 50% подобной продукции фактически обладает этим свойством условно или не обладает вовсе². Таким образом, «зеленая» маркировка является еще одним способом увеличения продаж [7].

В то же время в этом направлении есть серьезные наработки. В последние годы почти все используемые в повседневной жизни товары из пластика обрели свой экологичный аналог (или хотя бы предмет, в меньшей степени влияющий на загрязнение окружающей среды). Металлические трубочки для напитков, многоразовые ушные палочки из силикона, тканевые сумки в качестве замены одноразовых пакетов, термосы для напитков и т.д. – это далеко не полный перечень доступных сегодня предметов, изготовленных без использования пластмассы или предполагающих долговременное использование.

Во-вторых, меры, направленные на регулирование поведения потребителей. В этом контексте можно отметить различные способы его регулирования: от положительного подкрепления желаемого (например, различные виды поощрений в форме денежного вознаграждения, билетов на культурно-массовые мероприятия и подобное) до негативных санкций за поведение, которое не соответствует требуемому (штрафы, взыскания и др.). Сегодня широко используются все варианты.

В-третьих, меры воздействия на производителей, на которых ложится бремя ответственности и дополнительных материальных затрат, связанных с утилизацией или переработкой пластика. Здесь важно отметить многочисленные требования к производству упаковки, которая должна быть перерабатываемой, ее маркировке и т.д.

Наконец, существуют альтернативные способы борьбы с пластиковым загрязнением, которые не затрагивают предпочтения потребителя и связаны с переработкой пластика. В частности, в последние годы все чаще говорят о возможности разведения бактерий, способных поедать пластмассы [8]. Тем не менее на данный момент этот способ переработки пластика не используется, поскольку требует дополнительных работ, связанных как минимум с изменением состава того вида пластмассы, который эта бактерия может переработать, а также со снижением стоимости этого средства, увеличением скорости его действия и разработкой мер контроля над его применением [8].

Способы снижения загрязнения окружающей среды в современной России

В России с недавнего времени также уделяется большое внимание экологическим проблемам, в том числе переработке твердых бытовых отходов. Тем не менее процесс идет несколько медленнее, чем в некоторых других странах. Причины этого заключаются не только в том, что Россия позже приступила к реализации, например, так называемой «мусорной реформы», но и в отношении россиян к экологическим проблемам. Например, согласно данным Европейского социального исследования, лишь 82,2% россиян считают, что климат меняется (или скорее всего меняется). Это самый низкий показатель среди европейских стран. Для сравнения: в Финляндии этот показатель 94%, в Германии – 95,4%, в Португалии – 97, а в Исландии (и это самый высокий показатель) – 97,7% [9. Р. 4]. Скептически (на фоне европейских соседей) в России относятся и к вопросу о том, насколько климатические изменения связаны с деятельностью человека: 83,8% респондентов согласны с этим утверждением (наивысший результат у Испании – 95,7% опрошенных) [9. Р. 4]. Тем не менее при обсуждении экологических проблем необходимо учитывать их специфику. В частности, загрязнение окружающей среды, несомненно, оказывает влияние на здоровье человека, но не всегда мгновенно, чаще всего имеется накопительный эффект, а потому довольно сложно человеку (не имеющему специальных приборов или знаний) выявить причинно-следственные связи. В то же время проблемы бедности или экономического неравенства ощущаются людьми более остро.

Основой для современного экологического нигилизма в России и других странах во многом становится распространение ценностей общества потребления. В некотором смысле пластик стал символом «одноразовой» жизни, где вещи и люди быстро сменяются и уже не представляют особой ценности. Как отмечает А.Б. Вебер, «потребительское общество, ориентированное на максимизацию материальных благ и развлечений, создает постоянный запрос на поддержание темпов экономического роста, а это неизбежно ведет к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду» [1. С. 17]. Несомненно, Россия обладает специфической экологической культурой, о чем писали многие отечественные и зарубежные ученые [10, 11]. Анализируя экологическую культуру, важно учитывать, что некоторое сопротивление россиян реализации концепции устойчивого развития и других экологических проектов не является полностью сознательным, поскольку, как пишет А.Б. Вебер, «здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психологии, вековые традиции и привычки, частные интересы, будь то личные, групповые или национальные» [1. С. 21]. Несмотря на то что масштабы России и доступность природных ресурсов не способствовали формированию экономного отношения к природе, социологи И.Ю. Трушкова, Т.Я. Ашихмина и Л.В. Кондакова считают, что славянская культура имеет потенциал для

развития экологического сознания и экологической культуры в современном российском обществе [12].

Согласно указу Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», национальный проект «Экология» является одним из 12 приоритетных проектов для нашей страны [13. С. 2]. Если обратиться непосредственно к тексту документа, то становится ясно, что направлен он преимущественно на создание инфраструктуры, которая должна способствовать сохранению биоразнообразия, сокращению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, повышению качества окружающей среды (питьевой воды, воздуха и др.) [13. С. 8–9]. В новом Указе о национальных целях развития России до 2030 г., подписанном в июле 2020 г., особое внимание по-прежнему уделяется системе обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО), в отношении которых предполагается создание системы, обеспечивающей «сортировку отходов в объеме 100 процентов и снижение объема отходов, направляемых на полигоны, в два раза», а также снижение загрязнения окружающей среды [14].

Сегодня решение экологических проблем становится фактором социально-экономического развития. Согласно «Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», мировая экономика сталкивается с демографическими и экологическими ограничениями [15. С. 11]. Одним из основных направлений государственной политики в области экологического развития нашей страны до 2030 г. становится «формирование экологической культуры, развитие экологического образования и воспитания», а также «обеспечение эффективного участия граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций и бизнес-сообщества в решении вопросов, связанных с охраной [экологии]» [15. С. 147].

Попытки оказать влияние на формирование экологического сознания и экологической культуры больше всего заметны в крупных российских городах, прежде всего в столице. Отметим два интересных мероприятия: акция «Искусство ради экологии» и созданный в 2010 г. Международный фестиваль зеленого документального кино. Последний прошел в 2021 г. в онлайн-формате и предложил зрителям десятки фильмов и ряд дискуссий по экологической проблематике. В рамках проекта «Искусство ради экологии» участник мог сдать бытовые отходы на переработку, в том числе и пластик, и получить «экобилет» на культурные мероприятия столицы.

Таким образом, если обратиться к ключевым документам нашей страны, связанным с экологией, то можно увидеть, что внимание уделяется и инфраструктуре (например, созданию системы переработки отходов и мерам по сокращению загрязняющих выбросов), и формированию экологической культуры (экологического сознания) и развитию волонтерской деятельности в области охраны окружающей среды и природопользования.

Подходы к решению проблемы пластикового загрязнения в современных социальных науках

Проблема пластикового загрязнения привлекла и социологов, которые предлагают различные способы ее решения. В социальных науках по понятным причинам уделяется внимание двум аспектам пластикового загрязнения [16]: отсутствие структурных условий для реализации экологических программ и решения экологических проблем, в том числе утилизации и переработки пластиковых отходов (в этом случае акцент обычно на роли государства), а также отсутствие экологического сознания и экологической культуры (здесь анализируются особенности экологической культуры и те факторы, которые могут способствовать функционированию инфраструктуры или, наоборот, затруднять его). Соответственно, специалисты по-разному оценивают роль первого и второго фактора в решении экологических проблем, обычно сдвигаясь в сторону одного из них.

Тем не менее особенность изучения проблемы пластикового и иного загрязнения не сводится лишь к способу ее решения, но отличается двумя важнейшими критериями. Во-первых, это ответ на вопрос о том, что представляют собой отходы и загрязнение как их следствие. Во-вторых, подходы различным образом рассматривают систему «общество – природа»: от категорического противопоставления до фактически признания равнозначности и равноценности.

Как пишет О.Н. Яницкий, «загрязнение» и подобные понятия, заимствованные социологией из естественных и технических наук, имплицитно предполагают, что: 1) общество имеет дело с социально и пространственно локализуемыми процессами, 2) с обратимыми процессами («загрязнили – ликвидировали опасность»), 3) источник проблемы и ее решения лежат в сфере не-социальных наук и технологий». [17. С. 71]. Таким образом, в самом общем виде мы наблюдаем постепенный переход от натуралистических подходов, для которых, во-первых, общество оторвано от природы, а, во-вторых, отходы представляют собой опасность, к перспективам, которые, во-первых, подчеркивают социальный характер загрязнения, во-вторых, рассматривают отходы в качестве ресурса, возможности для общества и даже действующего лица. Исходя из выбранной нами перспективы анализа, мы выделили три группы подходов, в рамках которых можно увидеть различную трактовку загрязнения, в том числе пластикового, и зафиксировать соответствующие способы решения этой проблемы. В данной работе отдельное внимание будет уделено натуралистическим и технократическим подходам, критической традиции и ресурсно-ориентированной перспективе. Предложенная типология не претендует на описание всех существующих в социальных науках подходов, но фиксирует основные траектории их трансформации и различия в трактовке проблем загрязнения окружающей среды, и поэтому, на наш взгляд, может быть полезна, с одной стороны, как отправная

точка для дальнейшего изучения инвайронментальных проблем, а с другой – позволит расширить представление о проблеме загрязнения.

Исторически первыми для социальных наук и по-прежнему одними из самых распространенных в социологии являются *натуралистические* и *технократические подходы*. Эти подходы предполагают некоторую обособленность человека от природы, поэтому в основном речь идет о разработке методов предотвращения негативных последствий этого загрязнения. В рамках подобных подходов авторы подчеркивают, что основная сложность в осмыслении экологических проблем на уровне потребителей связана с тем, что довольно сложно соотнести результаты своих индивидуальных повседневных действий с глобальным пластиковым загрязнением: сложно представить, что один стакан кофе, бутылка воды и несколько упаковок превращаются в мусорное пятно в Тихом океане. Таким образом, авторы, придерживающиеся подобного взгляда на проблему загрязнения, призывают к переработке отходов, ответственности производителей и т.д. О популярности этого взгляда свидетельствует и постановка вопроса о пластиковом загрязнении в программе ЮНЕП. Так, на заседании в марте 2022 г. обсуждение проблемы пластика прошло именно в контексте снижения загрязнения, запрете перемещения отходов и др. [18].

Рассмотрим некоторые из предлагаемых в социологии способов решения проблемы пластикового загрязнения. Так, Л. Хендерсон предполагает, что решение проблем с пластиком должно быть связано не только с законодательными мерами, но и с доступностью альтернативных продуктов (например, не содержащих микропластик), а также изменением поведения через регулярные призывы к ответственному потреблению. Тем не менее, несмотря на большое количество альтернативных повседневных товаров, они по-прежнему не пользуются особой популярностью [19].

П. Шрёдер в своих работах предложил общий взгляд на сложившуюся с пластиком ситуацию. Он считает, что решение проблемы пластикового загрязнения должно включать, как минимум, три элемента. Во-первых, эту проблему необходимо решать при помощи трансдисциплинарного подхода, который даст возможность объединять представителей разных научных направлений. Это позволит, с одной стороны, понять, как возможно регулировать повседневное поведение с точки зрения сокращения потребления пластика или активного участия населения в его переработке. С другой стороны, позволит разрабатывать способы замены пластика, изменения его состава или переработки с технической точки зрения. Во-вторых, для решения проблемы необходимо активное участие государства с точки зрения контроля за процессами производства и использования пластика. В-третьих, необходимо использовать «трансформирующий потенциал» социальных наук для анализа поведения [20] (т.е. возможность изменить поведение), но отметим, что конкретных мер П. Шрёдер не предлагает.

В связи с невозможностью человеком осознать собственное влияние на природу, многие специалисты в

области социальных наук предлагают чаще демонстрировать людям эти последствия. Изначально Л. Хендерсон исходила из того, что наиболее действенным способом воздействия на людей будет демонстрация тех негативных последствий, которые следуют за пластиковым загрязнением планеты. Подобно тому, как они указываются на упаковках сигарет [21]. Тем не менее результаты исследований зафиксировали, что люди довольно быстро отделяют негативные последствия от самого процесса, а потому, как пишет Л. Хендерсон, «кадры отравленных пластиком животных и птиц оказывают, вероятнее всего, лишь незначительный по времени эффект на поведение людей» [19].

В этом контексте часто упускается еще одна причина, связанная с особенностью восприятия пластика. Причиной популярности пластика для потребителя является, прежде всего, его стоимость, а также те неоспоримые свойства этого материала, о которых мы говорили выше. Тем не менее представляется, что в сознании потребителя изделия из пластика обладают еще одним важным качеством, которое не вполне соответствует реальности. Речь идет о «стерильности» и «чистоте» пластиковых изделий по причине их одноразовости в отличие от предметов многократного использования. Несмотря на наше представление о безопасности и чистоте пластиковых предметов и поверхностей, ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 г. доказала ошибочность этой «веры». Так, по результатам исследований, на пластике вирус способен сохраняться до 72 часов, что существенно выше, чем предполагалось ранее и чем, например, на картоне или медных поверхностях [22]. При этом в период пандемии резкую критику встретило до этих пор активно популяризирующееся использование многократных сумок, кружек, бутылок и других предметов вместо пластиковых. Таким образом, на наш взгляд, чтобы сократить использование пластика, необходимо изменить представление о нем и его безопасности и чистоте.

Другой значимой традицией в рассмотрении экологических проблем является *критическая*. Основы были заложены еще в рамках Франкфуртской школы, но значительный вклад в рассмотрение именно экологических проблем внесло экоанархистское движение, в том числе социальная экология М. Букчина [23]. По мнению представителей данного подхода, причина всех экологических проблем заключена в природе капитализма и его основных характеристиках, т.е. в самой логике развития современных обществ. Следовательно, здесь мы уже не видим жесткого противопоставления общества и природы, поскольку последняя должна быть включена в общественные отношения. В рамках критического подхода решение проблемы загрязнения пластиком (как и любого другого) связано с разрушением характерных для капитализма отношений господства и эксплуатации. Свержение доминирования человека над человеком изменит характер всей общественной системы. До этого локальные попытки преобразить окружающую среду и решить проблему загрязнения не принесут заметного результата, поскольку представляют собой лишь поверхностное решение, не затрагивающее основ общественной жизни.

Также в рамках данного направления выделяются различные трактовки марксизма. Так, концепция органического марксизма, разработанная Ф. Клейтоном и Дж. Хайнцкером [24], предполагает необходимость внедрения синтоистского подхода к природе³ в план по преодолению ключевых факторов текущего экологического кризиса. То есть здесь предполагается, что изменение самого отношения к окружающей среде может стать толчком для преодоления капитализма.

Резюмируя содержание критической традиции к пластиковому загрязнению, отметим, что в рамках этого подхода все предлагаемые сегодня решения (будь то запрет пластика, сортировка мусора и подобное) являются бессмысленной тратой времени и ресурсов и не сократят масштабов текущих экологических проблем. Важным является указание на социальный характер загрязнения, чего периодически не хватает натуралистическим и технократическим подходам.

Современный взгляд на проблему загрязнения, в том числе пластикового, связан с распространением концепции устойчивого развития и представления о том, что любая экологическая проблема одновременно тесно связана с экономическими и социальными аспектами. Этот подход мы обозначим как *ресурсно-ориентированный*, поскольку это название фиксирует его сущность – отходы представляют собой ресурс, потенциальный источник энергии, в некоторых социологических подходах рассматриваются в качестве субъекта общественных отношений.

Основу для формирования ресурсно-ориентированных подходов составляет концепция устойчивого развития, в рамках которой в начале XXI в. ООН предложила анализировать взаимосвязь «вода – продовольствие – энергия» в качестве ключевой при изучении экологических проблем [25]. В этом контексте рассматривается взаимозависимость между этими тремя элементами, следовательно, любой материал, для производства которого затрачивается вода или энергия, включен в эту систему и связан с вопросами продовольственной и энергетической безопасности, а значит, рассматривается в качестве ресурса.

В социологии одним из подходов, оказавших влияние на формирование этой группы концепций, является акторно-сетевая теория. Представители данного широкого направления, такие как Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло и др., предложили существенным образом пересмотреть социологический взгляд на материальные объекты и фактически обвинили предшествующую социологию в человекоцентризме. По мнению Б. Латура, действующим лицом следует считать «актанта». Это понятие было заимствовано французским социологом из структуралистской теории А.-Ж. Греймаса. «Актант понимается как предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся действию» [26. С. 103]. В связи с этим существенно меняется и представление об обществе, а значит, и о свойствах объектов, которые мы считаем отходами. «Прилагательное “общественный” теперь означает не субстанцию, не сферу реальности (противоположную, например, естественному,

или техническому, или экономическому), а способ связывания вместе гетерогенных узлов, способ превращения сущностей одного типа в другой... Артефакты не “отражают” общество так, словно “отраженное” общество пребывало в каком-то ином месте и состояло из какой-то иной материи. Они в значительной мере представляют собой то самое вещество, из которого складывается “социальность”» [27].

Продолжают традицию акторно-сетевого анализа представители так называемого материалистического витализма в лице, например, Дж. Беннетт [28]. По мнению авторов, относящих себя к этому направлению, необходимо отдать должное силе самих вещей и прекратить попытки человечества навязать себе особый статус в материальном мире, в том числе отказаться от попыток господства над природой и вместо этого вступить с ней в диалог. Целью подобного пересмотра картины мира является создание более устойчивых отношений с природой [28. С. 8–9]. Ревизии необходимо подвергнуть не только мусор, который может стать источником опасности, но и продукты питания (например, рассматривая их с точки зрения энергии), на электричество и многое другое.

Таким образом, здесь пластиковое загрязнение рассматривается как часть социальной реальности, включающей как *живые*, так и *не-живые* элементы в качестве субъектов общественных отношений. Авторы не только указывают на социальный характер экологических проблем, в том числе загрязнения, но и меняют представление об активных участниках социальной жизни. В этом контексте мусор не только опасен и возможен, но полноправный субъект. Например, из выброшенного на землю или свезенного на полигон мусора способны выделяться опасные вещества, которые будут оказывать влияние на здоровье человека, т.е. причинять вред. И не просто оказывать влияние, но и, по мнению представителей данного направления, *действовать*. В этом отношении и продукты питания должны рассматриваться в качестве некоторого количества энергии, которую уже затратили на производство, а также той, которую можно получить. По мнению Дж. Беннет, эти проявления предметности (в том числе и в отношении мусора) не должны рассматриваться в системе «субъект – объект», поскольку такой взгляд не позволяет увидеть то, как в полной мере проявляют себя материальные объекты, а именно – вмешиваются в нашу жизнь в качестве почти полноправных членов. Соответственно, снижение негативного влияния мусора возможно только в том случае, если мы признаем, что действует не только человек, и начнем рассматривать нематериальные объекты, учитывая все возможные аспекты проявления их *деятельности* в отношении нас. В противном случае негативное влияние мусорного загрязнения будет лишь усиливаться. Следовательно, решение проблемы пластикового загрязнения должно исходить из формирования новой картины мира, где не будет противопоставления между человеком и природой, а материальные объекты будут наделены социальными качествами.

Таким образом, несмотря на широкое обсуждение проблемы пластикового загрязнения, в том числе на

международной арене, необходимо отметить, что в настоящее время социальные науки лишь начинают построение разработок в этой сфере. Проведенный анализ позволил не только типологизировать некоторые подходы к изучению загрязнения, но и проследить их эволюцию: переход от натуралистических подходов к конструктивистским. Эта эволюция указывает на социальный характер загрязнения, что приводит к существенной трансформации восприятия в социальных науках отношений в системе «общество – природа», а также к изменению методов минимизации негативных социальных последствий. Именно выбор перспективы исследования влияет на те меры, которые могут стать ключевыми при решении современных социально-экологических проблем. Можем предположить, что в текущих условиях дефицита ресурсов и постепенного снижения способностей планеты к восстановлению (с учетом роста мирового населения) наиболее эффективным будет ресурсно-ориентированный подход, в рамках которого все материальные объекты будут рассматриваться в качестве ресурсов и/или источников энергии (наделение субъектностью не является обязательным условием применения этого подхода). Реализация данного под-

хода возможна, на наш взгляд, при сочетании ряда действий. Во-первых, создание новых технологических решений для переработки материалов, т.е. способов, которые позволят более продуктивно использовать материалы повторно. Во-вторых, внедрение новых инфраструктурных решений, которые станут промежуточным звеном между переработкой и, например, потребителями (сюда можно отнести и то, что появляется сейчас, например, экоцентры Собиранора⁴ и подобное). В-третьих, разработка новых образовательных программ (начиная с самого младшего возраста), которые будут способствовать формированию нового представления о реальности, где использованные по назначению материалы (например, упаковка) не мусор или отходы, а ресурс для создания нового продукта (при соответствующих достижениях техники и в домашних условиях) или источник энергии (например, тепла для обогрева дома, которое вырабатывается после сжигания, и т.д.).

Тем не менее возможны и другие решения проблемы пластикового загрязнения при помощи достижений других подходов, потому предполагается, что обращение представителей социальных наук к вопросам методологии является сегодня приоритетным.

Примечания

¹ Речь идет о первом полностью синтетическом пластике, для изготовления которого не использовались растительные или животные материалы.

² Для разложения биоразлагаемого пластика часто нужны конкретные условия, включающие температуру, влажность и другие факторы, соблюдение которых, естественно, не всегда возможно. Более того, полностью биоразлагаемого пластика на данный момент не существует, поскольку в зависимости от материала есть свои допущения и ограничения. «Биоразлагаемость» скорее призвана отличить обычную пластмассу от той, которая имеет более дружественные для окружающей среды характеристики.

³ Синтоизм является религией Японии и предполагает бережное отношение к природе, связанное с ее обожествлением, населением окружающего мира божествами разного порядка (*ками*), в том числе душами предков.

⁴ Подробнее о проектах и центрах можно посмотреть на официальном сайте Собиранора (<https://sobirator.ru/ekocentr/>).

Список источников

- Вебер А.Б. Почему социальное развитие приводит к разладу человека с природой // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 1. С. 9–26. doi: 10.19181/snsp.2020.8.1.7092
- Geyer R., Jambeck J.R., Lavender Law K. Production, use, and fate of all plastics ever made // Science Advances. 2017. Vol. 3, № 7. Art. e1700782. doi: 10.1126/sciadv.1700782. URL: <https://advances.sciencemag.org/content/3/7/e1700782/tab-pdf>
- Paying with plastic // The Economist. July 2019. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/07/24/ever-more-countries-are-banning-plastic-bags> (дата обращения: 10.05.2022).
- Нести действия по охране окружающей среды в сердца людей. Ежегодный доклад 2018 года. ООН Программа по окружающей среде // UN Environment Programme. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27689/AR2018_RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 24.12.2021).
- ЕС запретил с 2021 года одноразовую пластиковую посуду и ватные палочки // Интерфакс. 28.03.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/656050> (дата обращения: 10.05.2022).
- Пластик – тройная угроза планетарного масштаба // Организация Объединенных Наций. 02.09.2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409292> (дата обращения: 15.04.2022).
- Исследование: 90% микропластика в Мировом океане – остатки салфеток и тампонов // Плюс Один. 25.06.2020. URL: <https://plus-one.ru/news/2020/06/25/issledovanie-90-mikroplastika-v-mirovom-okeane-ostatki-salfetok-i-tamponov> (дата обращения: 15.06.2022).
- Революция в утилизации отходов: бактерия, пожирающая пластик // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43796698> (дата обращения: 10.12.2021).
- European Attitudes to Climate Change and Energy. Topline Results from Round 8 of the European Social Survey. ESS Topline Results Series. Issue 9. September 2018. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS8_toplines_issue_9_climatechange.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
- Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: ВШЭ, 2014.
- Яницкий О.Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161.
- Трушкова И.Ю., Ашихмина Т.Я., Кондакова Л.В. Этноэкология славянского мира: прикладное значение на евразийском пространстве // Теоретическая и прикладная экология. 2019. № 1. С. 111–115.
- Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года // Правительство Российской Федерации. 29.09.2018. URL: <http://static.government.ru/media/files/ne0vGNJuk9SQjIGNNsXIX2d2CpCho9qS.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
- Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Президент России. 21.07.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 15.05.2022).

15. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство экономического развития. Москва, Март, 2013. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 13.04.2022).
16. Урри Дж. Как выглядит будущее? М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
17. Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 70–84.
18. Исторический день для кампании по борьбе с пластиковым загрязнением: государства обязуются разработать соглашение // ООН. Программа по окружающей среде. 02.03.2022. URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/istoricheskiy-den-dlya-kampanii-po-borbe-s-plastikovym-zagryazneniem> (дата обращения: 15.06.2022).
19. Henderson L. Sociological perspectives on plastic pollution // British Sociological Association. March 2019. URL: <https://www.britisoc.co.uk/about/latest-news/2019/march/sociological-perspectives-on-plastic-pollution/> (дата обращения: 15.06.2022).
20. Schröder P. Ocean plastic pollution – what role can social science play? // Institute of Development Studies. 29.11.2017. URL: <https://www.ids.ac.uk/opinions/ocean-plastic-pollution-what-role-can-social-science-play/> (дата обращения: 15.06.2022).
21. Henderson L. Is tackling plastic pollution a task for social scientists? // European Plastic Product Manufacturer. 01.02.2018. URL: <https://www.eppm.com/industry-news/is-tackling-plastic-pollution-a-task-for-social-scientists/> (дата обращения: 15.06.2022).
22. Van Doremalen N., Bushmaker T., Morris D.H., etc. Aerosol and Surface Stability of SARS-CoV-2 as Compared with SARS-CoV-1 // *The New England Journal of Medicine*. 2020. № 382 (16). P. 1564–1567. doi: 10.1056/NEJMc2004973
23. Bookchin M. What Is Social Ecology? // Institute for Social Ecology. URL: <http://social-ecology.org/wp/1986/01/what-is-social-ecology/> (дата обращения: 13.06.2022).
24. Clayton Ph., Heinzekehr J. *Organic Marxism: An Alternative to Capitalism and Ecological Catastrophe*. California: Process Century Press, 2014.
25. Water, Food and Energy // UN Water. URL: <https://www.unwater.org/water-facts/water-food-and-energy/> (дата обращения: 14.06.2022).
26. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115.
27. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
28. Беннет Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь : Гиле Пресс, 2018.

References

1. Veber, A.B. (2020) Why social development leads to discord between man and nature. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 8 (1). pp. 9–26. (In Russian). doi: 10.19181/snsp.2020.8.1.7092
2. Geyer, R., Jambeck, J.R. & Lavender, L.K. (2017) Production, use, and fate of all plastics ever made. *Science Advances*. 3 (7). Art. e1700782. doi: 10.1126/sciadv.1700782. [Online] Available from: <https://advances.sciencemag.org/content/3/7/e1700782/tab-pdf>
3. *The Economist*. (2019) Paying with plastic. July. [Online] Available from: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/07/24/ever-more-countries-are-banning-plastic-bags> (Accessed: 10.05.2022).
4. UN. (2018) *Nesti deystviya po okhrane okruzhayushchey sredy v serdtsa lyudey. Ezhegodnyy doklad 2018 goda. OON Programma po okruzhayushchey srede* [Carry environmental protection action to people's hearts. Annual Report 2018. UN Environment Program]. [Online] Available from: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27689/AR2018_RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y (Accessed: 24.12.2021).
5. Interfax. (2019) *ES zapretit s 2021 goda odnorazovuyu plastikovuyu posudu i vatnye palochki* [The EU has banned disposable plastic utensils and cotton buds from 2021]. 28 March 2019. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/world/656050> (Accessed: 10.05.2022).
6. UN. (2021) *Plastik – troynaya ugroza planetarnogo masshtaba* [Plastic – a triple threat on a planetary scale]. 02 September 2021. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409292> (Accessed: 15.04.2022).
7. Plyus Odin. (2020) *Issledovanie: 90% mikroplastika v Mirovom okeane – ostatki salfetok i tamponov* [Research: 90% of microplastics in the oceans are the remains of napkins and tampons]. 25 June 2020. [Online] Available from: <https://plus-one.ru/news/2020/06/25/issledovanie-90-mikroplastika-v-mirovom-okeane-ostatki-salfetok-i-tamponov> (Accessed: 15.06.2022).
8. BBC. (2021) *Revolyuitsiya v utilizatsii otkhodov: bakteriya, pozhirayushchaya plastik* [The Waste Revolution: Plastic Eating Bacteria]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-43796698> (Accessed: 10.12.2021).
9. *ESS Topline Results Series*. (2018) European Attitudes to Climate Change and Energy. Topline Results from Round 8 of the European Social Survey. Issue 9. September 2018. [Online] Available from: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS8_toplines_issue_9_climatechange.pdf (Accessed: 15.06.2022).
10. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power. A Global History of the Environment]. Translated from English. Moscow: HSE.
11. Yanitskiy, O.N. (2005) *Ekologicheskaya kul'tura Rossii XX veka: ocherk sotsiokul'turnoy dinamiki* [Ecological culture of Russia in the 20th century: an essay on sociocultural dynamics]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 136–161.
12. Trushkova, I.Yu., Ashikhmina, T.Ya. & Kondakova, L.V. (2019) *Etnoekologiya slavyanskogo mira: prikladnoe znachenie na evraziyskom prostranstve* [Ethnoecology of the Slavic world: applied significance in the Eurasian space]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya*. 1. pp. 111–115.
13. Government of the Russian Federation. (2018) *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii do 2024 goda* [Main activities of the Government of the Russian Federation until 2024]. 29 September 2018. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/ne0vGNJuk9SQjIGNNsXIX2d2CpCho9qS.pdf> (Accessed: 01.06.2022).
14. President of Russia. (2020) *Ukaz o natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossii do 2030 goda* [Decree on the national development goals of Russia until 2030]. 21 July 2020. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Accessed: 15.05.2022).
15. RF Ministry of Economic Development. (2013) *Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (Accessed: 13.04.2022).
16. Urry, J. (2018) *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the future?]. Translated from English. Moscow: Delo; RANEPА.
17. Yanitskiy, O.N. (1994) *Al'ternativnaya sotsiologiya* [Alternative sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1. pp. 70–84.
18. UN. (2022) *Istoricheskiy den' dlya kampanii po bor'be s plastikovym zagryazneniem: gosudarstva obyazuyutsya razrabotat' soglasenie* [Historic Day for Plastic Pollution Campaign: States Commit to Develop Agreement]. 02 March 2022. [Online] Available from: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/istoricheskiy-den-dlya-kampanii-po-borbe-s-plastikovym-zagryazneniem> (Accessed: 15.06.2022).
19. Henderson, L. (2019) *Sociological perspectives on plastic pollution*. British Sociological Association. March [Online] Available from: <https://www.britisoc.co.uk/about/latest-news/2019/march/sociological-perspectives-on-plastic-pollution/> (Accessed: 15.06.2022).
20. Schröder, P. (2017) *Ocean plastic pollution – what role can social science play?* Institute of Development Studies. 29 November 2017. [Online] Available from: <https://www.ids.ac.uk/opinions/ocean-plastic-pollution-what-role-can-social-science-play/> (Accessed: 15.06.2022).
21. Henderson, L. (2018) *Is tackling plastic pollution a task for social scientists?* European Plastic Product Manufacturer. 01 February 2018. [Online] Available from: <https://www.eppm.com/industry-news/is-tackling-plastic-pollution-a-task-for-social-scientists/> (Accessed: 15.06.2022).

22. Van Doremalen, N. et al. (2020) Aerosol and Surface Stability of SARS-CoV-2 as Compared with SARS-CoV-1. *The New England Journal of Medicine*. 382 (16). pp. 1564–1567. doi: 10.1056/NEJMc2004973
23. Bookchin, M. (1986) *What Is Social Ecology?* Institute for Social Ecology. [Online] Available from: <http://social-ecology.org/wp/1986/01/what-is-social-ecology/> (Accessed: 13.06.2022).
24. Clayton, Ph. & Heinzekehr, J. (2014) *Organic Marxism: An Alternative to Capitalism and Ecological Catastrophe*. California: Process Century Press.
25. UN Water. (2022) *Water, Food and Energy*. [Online] Available from: <https://www.unwater.org/water-facts/water-food-and-energy/> (Accessed: 14.06.2022).
26. Vakhshayn, V.S. (2005) Vozvrashchenie material'nogo. "Prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoy teorii [The return of the material. "Spaces", "networks", "flows" in the actor-network theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 4 (1). pp. 94–115.
27. Latour, B. (2003) When things strike back. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 3. pp. 20–39. (In Russian).
28. Bennett, J. (2018) *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Vibrant matter]. Translated from English. Perm: Gile Press.

Информация об авторе:

Мартыненко Т.С. – канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры современной социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ts.martynenko@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.S. Martynenko, Cand. Sci. (Sociology), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ts.martynenko@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2022;
одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 23.06.2022;
approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 327.5
doi: 10.17223/15617793/487/9

Национальные интересы Италии в Южном Средиземноморье: проблемы и вызовы на фоне Ливийского кризиса

Норайр Аветикович Сараджян¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
norair.saradzhian@gmail.com*

Аннотация. Исследуются возможности Италии как средней державы достигать внешнеполитических целей и в полной мере реализовывать свои национальные интересы в контексте Ливийского кризиса. Проанализированы действия итальянского правительства как до возникновения конфликта, так и во время вспыхнувших друг за другом двух гражданских войн. Выявлены основные внешнеполитические проблемы Италии в Южном Средиземноморье и причины их возникновения.

Ключевые слова: Италия, Ливия, Ливийский кризис, национальные интересы, ЕС, НАТО

Для цитирования: Сараджян Н.А. Национальные интересы Италии в Южном Средиземноморье: проблемы и вызовы на фоне Ливийского кризиса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 74–83. doi: 10.17223/15617793/487/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/9

Italy's national interests in the Southern Mediterranean: Problems and challenges against the background of the Libyan crisis

Norair A. Saradzhian¹

¹ *MGIMO University, Moscow, Russian Federation
norair.saradzhian@gmail.com*

Abstract. The article explores Italy's opportunities to achieve foreign policy goals and fully realize its national interests in the context of the Libyan crisis. The source base of the article covers a number of scientific works of domestic and foreign researchers on Italian foreign policy, as well as an extensive number of news publications in Russian and Middle Eastern media. The official websites of the state bodies of the Italian Republic were used as additional sources. This study is based on two key components: the concept of national interest and the concept of middle power. In the first case, the definition given in the framework of the theory of political realism is used, whose supporters believe that this term is based on the geographical location of the state and the resulting features of its economic, political and cultural development. In the second concept, the constructivist approach to the theory of the middle power, its special model of behavior is followed, which also makes it possible to apply the concept of a behavioral model to the study of Italian foreign policy. Based on the results of the study, the author infers that Italy quite successfully solves its problems within the framework of exclusively bilateral cooperation and also achieves significant results owing to the actions of individual political leaders of the country. Within the framework of international problems, the Italian Republic does not show sufficient confidence, not willing to jeopardize its authority within the framework of international organizations and unions in which it is a member, which clearly fits into the behavioral model of a middle power. The ambitions of Rome to maintain a dominant position in Libya prompted Italy to take an active part in the process of resolving the conflict. At first, Italian diplomacy acted quite effectively, as it encouraged the initiative to create a single government with the direct support of the UN. However, uncertainty about the further successes of the new Libyan government and the growth of French influence forced Italy to stick to the policy of equidistance, which significantly worsened the relationship between the parties of the conflict, on the one hand, and Rome, on the other. Attempting to remain neutral, Italy made a serious mistake, which turned out to be unforgivable to the country with direct interests in Libya. Later, the Italian authorities returned to the policy of supporting the government again; however, they found out that Turkey had already taken the place of the main ally for Tripoli, which, unlike Italy, was much more determined in its intentions to help the western side of the conflict. Thus, it can be summarized that the Italian Republic, in the course of solving larger regional problems, acts much more effectively as a participant in the processes initiated by various international institutions, while its individual attempts to resolve conflicts are shattered by a low level of organization and lack of powerful authority in world politics.

Keywords: Italy, Libya, Libyan crisis, national interests, EU, NATO

For citation: Saradzhan, N.A. (2023) Italy's national interests in the Southern Mediterranean: Problems and challenges against the background of the Libyan crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 74–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/

История отношений Ливии и Италии представляет собой достаточно интересный пример постепенной трансформации процессов взаимодействия между бывшей колонией и ее метрополией. Изначально натянутые отношения между странами, связанные с болезненным прошлым Итальянской Ливии и высылкой проживающих в Джамахирии итальянцев по приказу Каддафи, со временем переросли в довольно тесное и плодотворное сотрудничество, в ходе которого Италия смогла закрепиться в Южном Средиземноморье как политически, так и экономически. Однако события, развернувшиеся в арабских странах, в том числе и Ливии, поставили итальянское влияние в регионе под угрозу. Возникла ситуация, в ходе которой Италии необходимо было одновременно попытаться и защитить свои национальные интересы, и сохранить свой авторитет в рамках тех международных союзов и организаций, в которых она состояла. Учитывая указанные обстоятельства и такую конфигурацию объектов исследования, действия Италии и ее попытки реализации национальных интересов, описанные в данной статье, будут рассматриваться через призму концепции «средней державы».

Понятие «национальный интерес» в данной статье будет определяться в рамках теории политического реализма, сторонники которого считают, что данный термин основывается на географическом положении государства и вытекающих из этого особенностях его экономического, политического и культурного развития.

Среди всех концепций, рассматривающих проблематику «средней державы» и пытающихся дать характеристику данному термину, наиболее подходящим для описания Италии является конструктивистский подход. Данная концепция была выбрана в связи с тем, что сама Итальянская Республика в рамках национальной политической науки неоднократно именовалась «средней державой». Однако самоидентификация Италии в качестве средней державы предопределила и ее поведение на международной арене, что позволяет также применить для изучения ее внешней политики и концепцию поведенческой модели, в рамках которой держава среднего уровня пытается опираться на политику международных организаций и временами стремится к консенсусу во избежание нарушений мирового порядка.

Цель данного исследования – определить, в какой мере Италии как средней державе удастся реализовать свои национальные интересы в Южном Средиземноморье на фоне Ливийского кризиса.

Тандем Берлускони–Каддафи: расцвет итало-ливийского сотрудничества

Начало XXI в. ознаменовало собой новый виток развития для итало-ливийских отношений. Их переход

на качественно новый уровень связан с деятельностью бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони, в период премьерства которого делалась ставка на более тесную двустороннюю дипломатию и межличностные отношения лидеров государств [1. С. 281]. Такой принцип построения внешней политики привел к тому, что Сильвио Берлускони стал единственным европейским лидером, которого Муаммар Каддафи называл своим «близким другом», что, в свою очередь, позволило итальянскому премьер-министру извлечь из этого определенную выгоду и продвинуться в решении наиболее острых для Италии вопросов [2. С. 87].

Ключевыми проблемами в рамках итало-ливийского взаимодействия являлись нелегальная миграция и экономическое сотрудничество. В первом случае двумя сторонами был подписан Протокол 2007 г. о сдерживании нелегальной иммиграции, который вслед за Соглашением по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией 2000 г. стал основополагающим инструментом для сдерживания незаконных потоков мигрантов, идущих на Апеннины со всего Африканского континента. Помимо совместного патрулирования ливийских и международных вод, данный документ предусматривал также поиск и спасение нелегальных мигрантов, неуспешно попытавшихся пересечь Средиземное море. Несмотря на то что действие протокола вскоре было приостановлено ливийской стороной из-за недовольства происходящими в Италии внутривнутриполитическими процессами, данный документ внес серьезный вклад в борьбу с нелегальной миграцией. В свою очередь, экономические вопросы имели принципиально важный характер в связи с поставками энергоресурсов из Ливии в Италию и наличием весомого ливийского капитала в финансовых учреждениях Итальянской Республики [2. С. 88].

Апогеем итало-ливийских отношений стало подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между правительствами Италии и Ливии. 30 августа 2008 г. в городе Бенгази премьер-министр Италии Сильвио Берлускони и ливийский лидер Муаммар Каддафи договорились забыть колониальное прошлое и подписали документ, согласно которому стороны должны были усилить сотрудничество в ряде важных сфер, таких как наука, культура, экономика и энергетика [3. С. 43]. Договор также предусматривал инвестиции со стороны Италии в размере 5 млрд долларов, основную часть которых планировалось направить на обновление ливийской инфраструктуры. В свою очередь, Ливия взяла на себя обязательство возобновить действие всех соглашений, касающихся совместной борьбы с нелегальной миграцией. Помимо всего прочего, согласно подписанному документу стороны брали на себя обязанность оказывать друг другу военную помощь в случае опасности и возникновения существенных угроз [2. С. 91].

С началом вооруженных восстаний на Ближнем Востоке, получивших название «арабская весна», история Ливийской Арабской Джамахирии стала постепенно приближаться к своему завершению. Гражданская война, разразившаяся между сторонниками и противниками Муаммара Каддафи, послужила поводом для военной интервенции стран НАТО и их союзников в североафриканское государство с целью поддержки восставших против режима повстанцев [2. С. 92]. Главным инициатором вмешательства в Европейском союзе являлась Франция, чья военная авиация начала операцию [4]. Италия, в свою очередь, несмотря на подписанный с Ливией договор и полную растерянность итальянского истеблишмента, в конечном счете приостановила действия всех соглашений и предоставила семь своих военных баз для вооруженных сил других стран Североатлантического альянса [2. С. 92].

Военная интервенция в Ливийскую Арабскую Джамахирию и решение, принятое Италией, абсолютно не соответствовали ее национальным интересам. Государственный режим Муаммара Каддафи, несмотря на все свои недостатки, обеспечивал экономическое присутствие Рима в Ливии и в какой-то мере сдерживал потоки мигрантов, пытавшихся перебраться в Европу через Средиземное море. Однако статус Италии как средней державы, который в данном случае представляет из себя определенную поведенческую модель, определил ее выбор в пользу крупных международных союзов, членом которых она является. В отличие от Франции, которая взяла инициативу в свои руки, Италия, опасаясь лишиться своего влияния в постконфликтной Ливии, не предприняла никаких серьезных дипломатических шагов для того, чтобы повлиять на подготовку своих союзников к военной операции, и решила не рисковать своим положением как в ЕС и НАТО, так и в Южном Средиземноморье. В конечном итоге внешнее вмешательство еще больше усугубило ситуацию в стране, которая фактически распалась на множество государственных образований, управляемых различными местными племенами.

Новые реалии в Ливии и попытки Италии сохранить свое влияние в Южном Средиземноморье

После свержения и убийства Муаммара Каддафи дипломатическое признание в качестве единственного легитимного правительства в Ливии получил выступивший против него Переходный национальный совет. Новая власть в стране в какой-то мере состояла из бывших соратников лидера павшей Джамахирии, что позволило министру иностранных дел Италии Франко Фраттини еще в период конфликта получить от лидера совета Мустафы Абделя Джалиля подтверждение о выполнении в дальнейшем всех ранее заключенных между Италией и Ливией договоров. В январе 2012 г. между сторонами начались переговоры о пересмотре некоторых пунктов Договора о дружбе и сотрудничестве, заключенного в 2008 г. в Бенгази. Усилия, приложенные итальянской дипломатией для восстановления

дружеских отношений с Ливией, привели к подписанию Триполитанской декларации, согласно которой Италия обязалась помочь своему южному соседу в вопросах демократизации страны. Однако, несмотря на все старания Рима, действие Договора о дружбе и сотрудничестве так и не было восстановлено [5. С. 69].

В июле 2012 г. в Ливии прошли первые всенародные выборы, в результате которых был избран новый законодательный орган, получивший название Всеобщий национальный конгресс [6]. Именно ему позже передана власть Переходный национальный совет. Всеобщий национальный конгресс был избран для формирования Конституционной ассамблеи, которая в свою очередь должна была написать основной закон страны. Однако Переходный национальный совет принял решение сформировать ассамблею путем всенародного голосования. В феврале 2014 г. в Ливии выбрали Конституционную ассамблею, которая существует и по сей день [7]. В это же время генерал Халифа Хафтар объявил о низложении правительства Ливии и потребовал роспуска Всеобщего национального конгресса, так как председатель парламента Сахмейн был заподозрен в связях с исламистами [8].

Официально новая фаза гражданской войны началась в мае 2014 г., когда генерал Хафтар объявил о старте военной операции под названием «Достоинство», которая была направлена на ликвидацию исламистских группировок. В связи с недоверием к парламенту, наличием в нем большого количества исламистов и продолжением военных действий, Всеобщий национальный конгресс был распущен. Выборы в новый парламент были назначены на июнь 2014 г. Новый законодательный орган страны получил название Палата представителей Ливии. На этих выборах победу одержали светские партии, что, в свою очередь, вызвало недовольство у исламистских. Проигравшие под руководством Сахмейна с помощью вооруженных группировок взяли под контроль столицу Ливии – Триполи и организовали свой собственный парламент, получивший название Новый Всеобщий национальный конгресс [9. С. 195].

В связи с захватом Триполи Палата представителей Ливии была вынуждена провести свое первое заседание в городе Тобруке [10]. Получилось так, что в Ливии на тот момент начинают работать сразу два парламента: один в Тобруке, а второй в захваченном исламистами Триполи. Параллельно с созданием Нового Всеобщего национального конгресса в Триполи начинает работу так называемое Правительство национального спасения во главе с Омар аль-Хаси, позже его место занял Халифа аль-Гави [11]. В это же время в Тобруке действовало правительство премьер-министра Абдалла ат-Тани [12]. Таким образом, в стране одновременно существовало два парламента и два правительства. В марте 2015 г. генерал Хафтар был назначен главнокомандующим Ливийской национальной армией [13], которая и сегодня защищает интересы Палаты представителей Ливии. В свою очередь, правительство в Триполи находилось под защитой боевиков-исламистов.

Параллельно с конфликтом, нарастающим между Тобруком и Триполи, в Ливии начала действовать вооруженная ячейка, присягнувшая в верности террористической группировке ДАИШ. Появлением третьей крупной стороны конфликта решила воспользоваться итальянская дипломатия во главе с министром иностранных дел республики Паоло Джентилони, которая попыталась объединить между собой два противоборствующих парламента страны, инициировав создание единого правительства. 8 апреля 2015 г. Джентилони на встрече с председателем Палаты представителей Ливии Агилой Салихом Иса Гувейдером заявил, что «основанное на широком консенсусе правительство необходимо для того, чтобы международное сообщество смогло полностью включиться в процесс восстановления и стабилизации страны и противодействия терроризму» [14]. В октябре того же года было объявлено о формировании правительства национального согласия при поддержке ООН [15]. 13 декабря 2015 г. на конференции с участием представителей 17 стран в Риме было заявлено о готовности двух противоборствующих группировок в Ливии подписать документ о создании единого правительства [16]. Через четыре дня в марокканском городе Схират между Палатой представителей Ливии и Новым Всеобщим национальным конгрессом при поддержке ООН было подписано соглашение, которое обязывало обе стороны сформировать правительство национального согласия сроком на год. В соответствии с документом также был сформирован Президентский совет, функциями которого стали утверждение решений Совета министров, назначение послов и представителей Ливии в международных организациях, а также высокопоставленных чиновников внутри государства [17. С. 63]. Помимо нового правительства и Президентского совета, был создан Высший государственный совет Ливии, который должен был выступить в роли консультативного органа. В него вошли члены Нового и старого Всеобщего национального конгресса [18].

Главой Правительства национального согласия, сформированного по условиям Схиратского соглашения, стал Фаиз Сарадж [19]. 31 декабря 2015 г. председатель Палаты представителей Ливии в Тобруке Агила Салах Иса заявил, что поддерживает новое правительство [20], однако позже он отозвал свое решение и вступил с ним в конфликт [21]. Генерал Халифа Хафтар и глава парламента Иса не могли принять тот факт, что Триполи продолжал контролироваться группой боевиков-исламистов, и обвинили Сараджа в связях с террористами. Министр иностранных дел Италии Паоло Джентилони, напротив, в ходе своего визита в Триполи 12 апреля 2016 г. поддержал новое правительство и выразил надежду, что в скором будущем ситуация в Ливии улучшится [22]. Однако кабинет министров, возглавляемый Фаизом Сараждем, не получил вотум доверия Палаты представителей Ливии в Тобруке [23], что еще больше усилило противостояние и дало начало новому витку конфликта между двумя сторонами.

Несмотря на всю ту неуверенность, которую Рим проявил в ходе интервенции стран НАТО в Ливию, Италия довольно быстро адаптировалась к тому хаосу, в котором ее бывшая колония в конечном итоге оказалась. На протяжении двух гражданских войн в Ливии объекты инфраструктуры, принадлежащие итальянской энергетической компании ENI, никогда не становились мишенью для вооруженных группировок и сторон конфликтов. Это стало возможным благодаря решению Италии заключить соглашение по обеспечению безопасности с местными группами ополченцев, и компания ENI довольно быстро возобновила свою деятельность на территории Ливии. Аналогичный подход был применен и в ходе миграционного кризиса, начавшегося в 2014 г. Позиция Италии, которая изначально надеялась на совместную работу с новым правительством по этому вопросу, а также всецело доверилась безрезультатной миссии ЕС по приграничной помощи Ливии под названием «София», постепенно трансформировалась в более практичную и самостоятельную стратегию, в ходе которой министр внутренних дел страны Марко Миннити предложил выплачивать деньги представителям ополченцев, чтобы последние задерживали беженцев, а не переправляли их [24].

Разобравшись с миграционными потоками беженцев, Италия сконцентрировалась на урегулировании внутривосточной ситуации в Ливии, используя дипломатический инструментарий и свое влияние в регионе. В отличие от Франции, которая оказывала безоговорочную поддержку генералу Халифе Хафтару и Палате представителей Ливии, Италия старалась придерживаться другой стороны конфликта и неоднократно высказывала свою уверенность в деятельности Правительства национального согласия во главе с Фаизом Сараждем. Так, перед конференцией в Вене, прошедшей 16 мая 2016 г., на которой поднимался вопрос снятия эмбарго с поставок оружия в Ливию, министр иностранных дел Италии Паоло Джентилони заявил, что «этот процесс должен идти параллельно с укреплением ливийских сил безопасности под руководством правительства национального согласия во главе с Фаизом ас-Сараждем» [25]. В конечном счете запрос ливийского правительства в ООН об ослаблении эмбарго был отклонен из-за опасений бесконтрольного распространения оружия по региону [26].

Франко-итальянское дипломатическое противостояние разгорелось с новой силой спустя два года в ходе «битвы конференций». 29 мая 2018 г. в Париже состоялась встреча, организованная по инициативе президента Франции Эмманюэля Макрона и посвященная возможному сближению двух противоборствующих сторон ливийского конфликта. В ходе конференции, на которой присутствовали представители 20 государств, Фаиз Сарадж и Халифа Хафтар договорились о проведении парламентских и президентских выборов, ликвидации параллельного правительства и создании единых правоохранительных и армейских структур при посредничестве ООН. Эмманюэль Макрон, председательствующий на конференции, назвал ее «исторической» [26].

В ответ на инициативу Франции Италия в ноябре 2018 г. организовала конференцию в Палермо, которая по своим масштабам превосходила встречу в Париже. На Сицилию приехало 38 иностранных делегаций, 10 из которых были представлены на уровне глав государств и премьер-министров. Во встрече также приняли участие Фаиз Сарадж и Халифа Хафтар. В ходе конференции премьер-министр Италии Джузеппе Конте уделил достаточно большое внимание генералу Хафтару, что не могло не разочаровать главу Правительства национального согласия, считавшего Италию близким партнером. Действия Рима, весьма вероятно, были обусловлены достижениями Ливийской национальной армии и ее успешной борьбой против террористов. Однако решение Италии занять равноудаленную от сторон конфликта позицию только ослабило ее авторитет в Ливии, а конференция в Палермо в итоге оказалась безрезультатной [27].

Тем не менее Италия не оставляла попыток повысить свою роль в процессе урегулирования ливийского конфликта и в январе 2020 г. попыталась организовать в Риме встречу между представителями двух противоборствующих сторон. Однако, узнав о том, что премьер-министр Италии Джузеппе Конте проводит переговоры с генералом Хафтаром, Фаиз Сарадж принял решение не участвовать в римской встрече и вернулся в Триполи [28]. Позже глава российской контактной группы по ливийскому урегулированию Лев Денюгов в интервью российским СМИ сообщил, что встреча была провалена в связи с неудачной организацией с итальянской стороны [29].

Еще одной страной, попытавшейся взять на себя роль арбитра в ходе данного конфликта, была Германия. При посредничестве Ангелы Меркель 19 января 2020 г. была организована Берлинская конференция, которая стала апогеем так называемого берлинского процесса, начавшегося после просьбы специального представителя ООН Гасана Саламе к канцлеру ФРГ [24]. Германия, в отличие от Италии, достигла по данному вопросу гораздо большего прогресса и смогла добиться согласования итогового документа по результатам встречи. В нем предлагалось разбить процесс урегулирования в Ливии на шесть «корзин»: прекращение огня, выполнение оружейного эмбарго, политический процесс, реформа сектора безопасности, экономическая реформа, соблюдение норм гуманитарного права и прав человека [30]. Реализация достигнутых в Берлине соглашений началась с создания Совместной военной комиссии 5+5, в которую вошли по пять представителей от каждой стороны конфликта [31]. Данная инициатива должна была запустить процесс переговоров о полномасштабном прекращении огня в Ливии, однако очередное обострение в зоне военного противостояния завело в тупик процесс мирного урегулирования.

Несмотря на возобновление боевых действий весной 2020 г., Европейский союз для обеспечения выполнения оружейного эмбарго объявил о начале операции

IRINI, мандат которой позволял осуществлять инспекцию судов в Центральном Средиземноморье. Штаб-квартира операции была размещена в Риме, а командующим операцией был назначен контр-адмирал итальянских ВМС Ф. Агостини, что подчеркивает главенствующую роль Италии в реализации миссии. В течение первых девяти месяцев проведения операции были запрошены данные 1 560 судов и досмотрены 68 кораблей, а один танкер и вовсе был отконвоирован в греческий порт для конфискации груза в связи с нарушением эмбарго [32].

К осени 2020 г. силы Правительства национального согласия при поддержке Турции нанесли Ливийской национальной армии ряд крупных поражений и смогли оттеснить войска Хафтара от Триполи. В связи со сложившейся ситуацией участники конфликта согласились на перемирие, и 23 октября 2020 г. представители двух противоборствующих сторон подписали в Женеве соглашение о введении постоянного режима прекращения огня [33]. В ходе Форума ливийского политического диалога, работавшего в Швейцарии с 1 по 5 февраля 2021 г., был избран новый кабинет министров, получивший название Правительство национального единства. Кресло премьер-министра Ливии занял Абдель Хамид Дбейба, а пост председателя Президентского совета страны получил Мухаммед аль-Манфи [34].

Параллельно со сменой правительства в Ливии в феврале 2021 г. начал работу и новый Совет министров Итальянской Республики во главе с Марио Драги [35]. Обновленное итальянское правительство отошло от политики равноудаленности и предприняло попытку сблизиться с новым кабинетом министров Ливии. Уже в апреле того же года премьер-министр Италии посетил с официальным визитом Триполи, где встретился со своим ливийским коллегой. В ходе встречи Драги и Дбейба отметили важность подписания соглашений о сотрудничестве и восстановления авиасообщений между странами. Также были подняты вопросы о необходимости упрощения визовых процедур и об обмене опытом в сфере энергетики. Премьер-министр Ливии отдельно подчеркнул проблему нелегальной миграции в Средиземном море, назвав Ливию транзитным пунктом для беженцев [36].

Спустя месяц после встречи в Триполи состоялся ответный визит премьер-министра Ливии Абделя Хамида Дбейбы в столицу Итальянской Республики. В ходе своей поездки в Рим глава Правительства национального единства провел встречу со своим итальянским коллегой, в рамках которой Марио Драги заявил, что Италия продолжит поддерживать Ливию в этот сложный для североафриканской страны период. Председатель Совета министров отметил важность соблюдения режима прекращения огня и определения конституционной основы Ливии. По мнению Драги, осуществление вышесказанных пунктов могло бы содействовать успешному проведению выборов в стране, что, в свою очередь, стало бы толчком для реализации национального перемирия. В ходе встречи

Драги и Дбейба также обсудили вопросы сотрудничества в области здравоохранения, энергетики, миграции, а также строительства прибрежной дороги, соединяющей восточную и западную границы Ливии. Однако, по словам итальянского премьера, реализация вышеперечисленных проектов невозможна без национального примирения, а оно, в свою очередь, является недостижимым без поддержки Европейского союза [37].

Намерения Италии сблизиться с новым правительством Ливии были еще раз подчеркнуты визитами главы МИД республики Луиджи ди Майо в Триполи в августе и октябре того же года. В ходе октябрьской встречи итальянский министр подчеркнул готовность Рима к сотрудничеству в вопросах вывода из Ливии всех наемников и иностранных боевиков, а также организации выборов 24 декабря 2021 г. [38]. Правительство национального единства, которое должно было управлять страной до проведения президентских и парламентских выборов, не смогло организовать плебисцит в нужные сроки, и процедура волеизъявления ливийского народа так и не состоялась. 10 февраля 2022 г. Палата представителей Ливии проголосовала за назначение бывшего министра внутренних дел Фатхи Башага на пост главы Правительства национального единства. Адбель Хамид Дбейба выступил против данного решения и отказался покидать премьерское кресло. Выбор альтернативного премьер-министра и нежелание Дбейбы сложить свои полномочия вновь вернули Ливию во времена двоевластия [39].

Арабская весна и смерть Муаммара Каддафи пошатнули как авторитет Италии в Ливии, так и безопасность республики и ее экономическое присутствие в Южном Средиземноморье. Попытки итальянской дипломатии восстановить действие Договора о дружбе и сотрудничестве привели к подписанию формальной Триполитанской декларации, которая подразумевала лишь кооперацию в области демократии. Однако Италия достаточно быстро адаптировалась к ситуации, которая сложилась в Ливии в дальнейшем. Прагматичная политика итальянского правительства, заключающаяся в прямом взаимодействии с местными ливийскими группами ополченцев, позволила Италии обезопасить свои объекты инфраструктуры и решить проблему незаконной миграции, не оглядываясь на миссию ЕС «София».

Тем не менее в политической плоскости Рим так и не смог добиться значительных успехов. Поощрив инициативу по созданию единого правительства и оказав новому кабинету министров свою поддержку, Италия в конечном итоге обнаружила, что позиция Франции в Ливии намного улучшилась. Усиление влияния Парижа было связано с поддержкой Халифа Хафтара, который в ходе гражданской войны добился значительных успехов. Попытки Рима наладить связь с генералом Хафтаром ухудшили отношения Италии с правительством Фаиза Сараджа и привели итальянскую дипломатию к позиции равноудаленности по отношению к сторонам конфликта. Такая политика еще

больше подорвала авторитет Италии в Ливии и не привела к каким-либо существенным результатам. В данном случае Рим в своем стремлении выступить в качестве посредника уступил Берлину, где прошла итоговая конференция, которая заложила основы для дальнейшего урегулирования конфликта. Статус Италии и отсутствие сильного международного авторитета не позволили ей провести успешные переговоры между сторонами конфликта в рамках ее политики равноудаленности, в то время как Германия в этом вопросе добилась достаточно больших результатов. Несмотря на ошутимый провал на дипломатическом фронте, Италия заняла главенствующую роль в ходе выполнения операции IRINI, которая была начата по инициативе ЕС. Активность Рима в ходе данной миссии еще раз подтверждает, что в рамках международных организаций Италия способна действовать намного эффективнее. Параллельно с началом операции IRINI в Ливии продолжались военные действия, в ходе которых Правительство национального согласия смогло добиться значительных успехов, что в конечном счете подтолкнуло обе стороны конфликта к перемирию. Изменение ситуации заставило Италию пересмотреть свой подход к ливийскому вопросу и вновь попытаться сблизиться с Триполи, но и для Фаиза Сараджа, и для сменившего его Правительства национального единства во главе с Абделем Дбейбой ключевым партнером в ходе постконфликтного урегулирования стала Турция, которая ранее сама же и помогла западным ливийцам переломить ситуацию на фронте в свою пользу.

Заключение

Южное Средиземноморье и непосредственно Ливия всегда занимали достаточно весомое место во внешней политике итальянского государства. Вопросы безопасности, проблема незаконной миграции и обеспечение экономического присутствия Рима в регионе вот уже долгие годы обуславливают актуальность данного направления для Итальянской Республики. Наибольшего прогресса в реализации вышеперечисленных пунктов смог добиться Сильвио Берлускони в период своего премьерства. Внешняя политика итальянского премьера, строившаяся на межличностных отношениях первых лиц государств, помогла ему сблизиться с лидером Ливийской Джамахирии Муаммаром Каддафи. Дружба Берлускони и Каддафи постепенно привела Италию к дипломатическим успехам, которые были материализованы в виде ряда очень важных соглашений, апогеем которых стал Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный лидерами стран в 2008 г. Однако дальнейшие события, произошедшие в Южном Средиземноморье и ставшие причиной гражданской войны в Ливии, поставили итало-ливийское взаимодействие под угрозу. Ситуация ухудшалась еще и тем, что Франция достаточно активно подталкивала Североатлантический альянс к военной интервенции в североафриканскую страну. Италия, взявшая в 2008 г. на себя обязательство оказывать военную поддержку Ливии в случае

опасности, фактически оказалась в тупике. После долгих раздумий итальянского истеблишмента Рим все же решил поддержать НАТО и предоставил свои базы союзникам по блоку для дальнейшей атаки на Ливию. Как уже было сказано ранее, действия Италии очень четко вписываются в логику концепции средней державы, во главе угла которой ставится поведенческая модель государства. Боязнь остаться в стороне от политических и экономических процессов в постконфликтной Ливии побудила Италию пожертвовать своими национальными интересами и принять сторону международных организаций, членом которых она является. В отличие от Франции, которая сыграла главенствующую роль в процессе принятия решения о начале военной операции, Италия даже не попыталась остановить подготовку к военной интервенции, используя свои дипломатические возможности.

Гражданская война в Ливии и последовавшая за ней военная интервенция НАТО ввергли страну в хаос и стали причиной распада бывшей Джамахирии на несколько частей, каждая из которых была под контролем местной вооруженной группы племен. Попытки Италии провести переговоры с новыми официально признанными властями страны с целью восстановить действие Договора о дружбе и сотрудничестве не принесли значительных результатов. Однако Италия смогла адаптироваться к сложившейся ситуации, решив проблему сохранности своих объектов инфраструктуры и вопрос незаконной миграции, игнорируя миссию ЕС, благодаря прагматичным действиям министра внутренних дел Марко Миннити, но, как и в случае с Берлускони, это была инициатива одного человека.

В политическом плане у Италии дела обстояли не так успешно. Придерживаясь линии создания единого правительства при поддержке ООН в Ливии, Рим смог наладить с новым кабинетом министров хорошие отношения и был готов оказать ему поддержку, однако обнаружил, что авторитет Франции в регионе значительно вырос. Успехи Парижа были связаны с военными продвижениями генерала Хафтара, которого Пятая Республика безоговорочно поддерживала. Попытки Италии сблизиться с лидером Ливийской национальной армии испортили ее отношения с правительством Фаиза Сараджа и привели республику к политике равноудаленности. Дальнейшая погоня Италии и Франции за влиянием в Ливии привела их дипломатическое противостояние к «битве конференций».

Для Франции, как и для Италии, Ливия имеет особое значение. К бывшей итальянской колонии в Париже относятся как к стране, которая смогла избежать включения во Франсафрику и выскользнула из-под рук французского колониализма. В тот момент, когда Италия занимала в Ливии главенствующее положение, президент Пятой республики Николя Саркози сделал все, чтобы Североатлантический альянс начал военную операцию против Джамахирии. Именно поэтому дипломатическое противостояние Парижа и Рима в рамках Ливийского кризиса имело для обеих сторон принципиальную важность. Однако политика Франции в Южном Средиземноморье, в отличие от Италии,

была более последовательной. Позиция равноудаленности вынудила итальянские власти приложить немалые дипломатические усилия для организации переговоров между двумя сторонами ливийского конфликта. И если конференция, организованная Францией, в итоге привела хоть к каким-то договоренностям, то встреча в итальянском Палермо полностью провалилась, как и последовавшая за ней попытка премьер-министра Италии провести переговоры между Хафтаром и Сараджем в Риме. Тем не менее добиться успеха в ходе переговорного процесса все же получилось, однако ключевую роль в этом уже сыграла Германия. В данном случае решающее значение сыграли позиции страны в мировой политике и ее по-настоящему нейтральный статус в ходе конфликта.

Италия отошла от политики равноудаленности и вернулась к поддержке официального правительства после перевеса чаши весов на сторону западных ливийцев в военном противостоянии с Хафтаром и формирования нового кабинета министров по итогам переговоров о прекращении огня. Однако, к удивлению итальянского истеблишмента, роль ключевого партнера для правительства уже играла Турция, при поддержке которой Триполи смог добиться значительных успехов в ходе военных действий.

Подводя итог, можно сделать вывод, что Италия достаточно успешно решает свои проблемы в рамках исключительно двухстороннего сотрудничества, а также добивается серьезных результатов благодаря действиям отдельных политических лидеров страны, как это было в случае с Берлускони и Миннити. В рамках же международных проблем и конфликтов Итальянская Республика не проявляет достаточную уверенность, не желая рисковать своим авторитетом в рамках международных организаций и союзов, в которых она состоит, что четко вписывается в поведенческую модель средней державы.

Желание Рима сохранить главенствующее положение в Ливии побудило Италию принять активное участие в процессе урегулирования конфликта. Поначалу итальянская дипломатия действовала довольно результативно, так как поощряла инициативу создания единого правительства при непосредственной поддержке ООН. Однако неуверенность в дальнейших успехах нового ливийского правительства и рост французского влияния привели Италию к политике равноудаленности, которая значительно ухудшила отношение сторон конфликта к Риму. Итальянским властям не удалось организовать успешную встречу Хафтара и Сараджа в связи с падением своего влияния в регионе и отсутствием сильных позиций в мировой политике. Попытавшись занять нейтралитет, Италия допустила серьезную ошибку, которая оказалась непростительной для страны, имеющей прямые интересы в Ливии. Позже итальянские власти вновь вернулись к политике поддержки правительства, однако обнаружили, что место главного союзника для Триполи уже заняла Турция, которая в отличие от Италии была намного решительнее в своих намерениях помочь западной стороне конфликта.

Таким образом, можно резюмировать, что Итальянская Республика в ходе решения более масштабных региональных проблем гораздо эффективнее действует в качестве участника процессов, инициированных различными международными институтами, в то время как ее единоличные попытки урегулировать конфликты разбиваются об низкий уровень

организации и отсутствие сильного авторитета в мировой политике. На сегодняшний день кризис в Ливии все еще не завершен, а попытки его политического урегулирования продолжают, однако роль Италии в разрешении конфликта значительно ослабла и вопрос возвращения былого влияния Рима в регионе остается открытым.

Список источников

1. Brighi E. 'One Man Alone'? A Longue Durée Approach to Italy's Foreign Policy under Berlusconi // *Government and Opposition*. 2006. Vol. 41, Is. 2. P. 278–297. doi: 10.1111/j.1477-7053.2006.00179.x
2. Маслова Е.А. Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // *Научный диалог*. 2012. № 4. С. 86–96.
3. Васильков В.В. Ливийский вызов для внешней политики Италии на современном этапе // *Журнал международного права и международных отношений*. 2021. № 3 (98). С. 43–47.
4. Бабич Д. Ливийская война Николая Саркози и его советчиков // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20110826/424506784.html> (дата обращения: 10.06.2022).
5. Кочетов Д.В. Италия – Ливия: эволюция отношений (2008–2016 гг.) // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 1. С. 66–71.
6. Солянская К. Первый урок ливийской демократии // *Газета.Ru*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/07/07_a_4673273.shtml?updated (дата обращения: 11.06.2022).
7. В Ливии пройдут выборы Конституционной ассамблеи // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/986149> (дата обращения: 11.06.2022).
8. Gaffey C. Who Is Khalifa Haftar, Libya's Divisive General? // *Newsweek*. URL: <https://www.newsweek.com/khalifa-haftar-isis-libya-muammar-el-qaddafi-483246> (дата обращения: 11.06.2022).
9. Видясова М.Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и «120 воюющих сторон»? // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. № 4. С. 184–209.
10. В Ливии депутаты нового парламента принесли присягу // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1359041> (дата обращения: 11.06.2022).
11. Kirkpatrick D. Provisional Government in Libyan Capital Forces Out Its Own Prime Minister // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2015/04/01/world/middleeast/provisional-government-in-libyan-capital-forces-out-its-own-prime-minister.html> (дата обращения: 11.06.2022).
12. Парламент Ливии поручил действующему премьеру ат-Тани сформировать новое правительство // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1413275> (дата обращения: 11.06.2022).
13. Libyan parliament names General Khalifa Haftar army chief // *Al Bawaba*. URL: <https://www.albawaba.com/news/libyan-parliament-names-general-khalifa-haftar-army-chief-663626> (дата обращения: 11.06.2022).
14. Италия поддержала создание правительства национального единства Ливии // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20150408/1057382871.html> (дата обращения: 11.06.2022).
15. Куделев В.В. Ситуация в Ливии: октябрь 2015 г. // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26533> (дата обращения: 11.06.2022).
16. Керри: конференция по Ливии поддержит создание правительства единства // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20151213/1341468540.html> (дата обращения: 11.06.2022).
17. Васецова Е. Ливия: пять лет без Каддафи // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 8 (302). С. 59–69.
18. Schleifer A. Libyan deal on course, but who is on board? // *Al Arabiya English*. URL: <https://english.alarabiya.net/views/news/middle-east/2015/12/25/Libyan-deal-on-course-but-who-is-on-board/> (дата обращения: 12.06.2022).
19. Главой правительства Ливии стал Фаиз Сарадж, назначены трое вице-премьеров // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2331479> (дата обращения: 12.06.2022).
20. Zaptia S. Ageela Salah now supports UN-brokered Skhirat agreement: Kobler // *Libya Herald*. URL: <https://www.libyaherald.com/2016/01/ageela-salah-now-supports-un-brokered-skhirat-agreement-kobler/> (дата обращения: 12.06.2022).
21. Парламент Ливии на востоке не признает правительство нацсогласия // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20160518/1435794149.html> (дата обращения: 12.06.2022).
22. Lewis A. Italian foreign minister meets new leaders in Libya, pledges support // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-italy-idUSKCN0X9006> (дата обращения: 12.06.2022).
23. Тобрукский парламент выразил вотум недоверия правительству Ливии // *ИА REGNUM*. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2169931.html> (дата обращения: 12.06.2022).
24. Мергиси Т., Кузнецов В. Политика европейских государств и России в отношении Ливии // *Bibliothek der Friedrich-Ebert-Stiftung*. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16453.pdf> (дата обращения: 12.06.2022).
25. Глава МИД Италии: международная конференция по Ливии пройдет в Вене 16 мая // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20160510/1430698491.html> (дата обращения: 12.06.2022).
26. Хронология международных конференций по Ливии // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/info/7553007> (дата обращения: 12.06.2022).
27. Мануков С. Саммит в Палермо: победители и проигравшие // *EADaily*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/18/sammit-v-palermo-pobediteli-i-proigravshie> (дата обращения: 12.06.2022).
28. Премьер Италии Конте и фельдмаршал Хафтар обсудили совместное заявление глав РФ и Турции // *ТАСС*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7483911> (дата обращения: 13.06.2022).
29. Деньгов: в Риме сорвалась встреча Сарраджа, Хафтара и Конте // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20200108/1563197197.html> (дата обращения: 13.06.2022).
30. Участники конференции по Ливии согласовали текст итогового документа // *NEWS.ru*. URL: <https://news.ru/world/uchastniki-konferencii-po-livii-soglasovali-tekst-itogovogo-dokumenta/> (дата обращения: 13.06.2022).
31. The 5+5 Libyan Joint Military Commission starts its meeting in Geneva today // *UNSMIL*. URL: <https://unsmil.unmissions.org/55-libyan-joint-military-commission-starts-its-meeting-geneva-today> (дата обращения: 13.06.2022).
32. Попцов Д. Операция IRINI: основные итоги 2020 года // *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/operatsiya-irini-osnovnye-itogi-2020-goda/> (дата обращения: 13.06.2022).
33. В Женеве подписали соглашение о постоянном перемирии в Ливии // *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/world/733865> (дата обращения: 14.06.2022).

34. Стали известны имена нового премьер-министра Ливии и трех членов президентского совета // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/02/1395982> (дата обращения: 14.06.2022).
35. Марио Драги согласился возглавить новое правительство Италии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10691655> (дата обращения: 14.06.2022).
36. Il Presidente Draghi in visita in Libia // Governo Italiano. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/il-presidente-draghi-visita-tripoli/16543> (дата обращения: 14.06.2022).
37. Incontro con il Primo Ministro libico Dabaiba, le dichiarazioni del Presidente Draghi // Governo Italiano. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/incontro-con-il-prim-ministro-libico-dabaiba-le-dichiarazioni-del-presidente-draghi/16964> (дата обращения: 14.06.2022).
38. Италия готова содействовать выводу наемников из Ливии – глава МИД // Anadolu. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/италия-готова-содействовать-выводу-наемников-из-ливии-глава-мид/2399503> (дата обращения: 14.06.2022).
39. В Ливию вернулось двоевластие // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5207549> (дата обращения: 14.06.2022).

References

1. Brighi, E. (2006) 'One Man Alone'? A Longue Durée Approach to Italy's Foreign Policy under Berlusconi. *Government and Opposition*. 41 (2). pp. 278–297. doi: 10.1111/j.1477-7053.2006.00179.x
2. Maslova, E.A. (2012) Italiya – Liviya: slozhnosti vzaimootnosheniy i perspektivy sotrudnichestva [Italy – Libya: the complexity of relationships and prospects for cooperation]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 86–96.
3. Vasil'kov, V.V. (2021) Liviyskiy vyzov dlya vneshney politiki Italii na sovremennom etape [The Libyan Challenge for Italy's Foreign Policy at the Present Stage]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 3 (98). pp. 43–47.
4. Babich, D. (2011) *Liviyskaya voyna Nikolaya Sarkozy i ego sovetchikov* [The Libyan war of Nicolas Sarkozy and his advisers]. RIA Novosti. [Online] Available from: <https://ria.ru/20110826/424506784.html> (Accessed: 10.06.2022).
5. Kochetov, D.V. (2017) Italiya – Liviya: evolyutsiya otnosheniy (2008–2016 gg.) [Italy – Libya: the evolution of relations (2008–2016)]. *Aziya i Afrika segodnya*. 1. pp. 66–71.
6. Solyanskaya, K. (2012) Pervyy urok liviyskoy demokratii [The first lesson of Libyan democracy]. *Gazeta.Ru*. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2012/07/07_a_4673273.shtml?updated (Accessed: 11.06.2022).
7. TASS. (2022) *V Livii proydet vybory Konstitutsionnoy assamblei* [Elections to the Constitutional Assembly will be held in Libya]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/986149> (Accessed: 11.06.2022).
8. Gaffey, C. (2022) Who Is Khalifa Haftar, Libya's Divisive General? *Newsweek*. [Online] Available from: <https://www.newsweek.com/khalifa-haftar-isis-libya-muammar-el-qaddafi-483246> (Accessed: 11.06.2022).
9. Vidyasova, M.F. (2018) Evropa i grazhdanskaya voyna v Livii: kuda idet strana 140 plemen i "120 voyuyushchikh storon"? [Europe and the civil war in Libya: where is the country of 140 tribes and "120 belligerents" going?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 4. pp. 184–209.
10. TASS. (2022) *V Livii deputaty novogo parlamenta prinesli prisyagu* [In Libya, the deputies of the new parliament took the oath]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1359041> (Accessed: 11.06.2022).
11. Kirkpatrick, D. (2015) Provisional Government in Libyan Capital Forces Out Its Own Prime Minister. *The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2015/04/01/world/middleeast/provisional-government-in-libyan-capital-forces-out-its-own-prime-minister.html> (Accessed: 11.06.2022).
12. TASS. (2022) *Parlament Livii poruchil deystviyushchemu prem'eru at-Tani sformirovat' novoe pravitel'stvo* [The Libyan Parliament instructed the current Prime Minister al-Thani to form a new government]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1413275> (Accessed: 11.06.2022).
13. AlBawaba. (2022) *Libyan parliament names General Khalifa Haftar army chief*. [Online] Available from: <https://www.albawaba.com/news/libyan-parliament-names-general-khalifa-haftar-army-chief-663626> (Accessed: 11.06.2022).
14. RIA Novosti. (2015) *Italiya podderzhala sozdanie pravitel'stva natsional'nogo edinstva Livii* [Italy supported the creation of the government of national unity of Libya]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20150408/1057382871.html> (Accessed: 11.06.2022).
15. Kudelev, V.V. (2022) *Situatsiya v Livii: oktyabr' 2015 g.* [Situation in Libya: October 2015]. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=26533> (Accessed: 11.06.2022).
16. RIA Novosti. (2015) *Kerri: konferentsiya po Livii podderzhit sozdanie pravitel'stva edinstva* [Kerry: conference on Libya will support the creation of a unity government]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20151213/1341468540.html> (Accessed: 11.06.2022).
17. Vasetsova, E. (2017) Liviya: pyat' let bez Kaddafi [Libya: five years without Gaddafi]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 8 (302). pp. 59–69.
18. Schleifer, A. (2015) Libyan deal on course, but who is on board? *Al Arabiya English*. [Online] Available from: <https://english.alarabiya.net/views/news/middle-east/2015/12/25/Libyan-deal-on-course-but-who-is-on-board-> (Accessed: 12.06.2022).
19. TASS. (2022) *Glavoy pravitel'stva Livii stal Faiz Saradz, naznacheny troe vitse-prem'erov* [Faiz Saraj became the head of the government of Libya, three deputy prime ministers were appointed]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2331479> (Accessed: 12.06.2022).
20. Zaptia, S. (2016) Ageela Salah now supports UN-brokered Skhirat agreement: Kobler. *LibyaHerald*. [Online] Available from: <https://www.libyaherald.com/2016/01/ageela-salah-now-supports-un-brokered-skhirat-agreement-kobler/> (Accessed: 12.06.2022).
21. RIA Novosti. (2016) *Parlament Livii na vostoke ne priznaet pravitel'stvo natsoglasiya* [The Libyan Parliament in the East does not recognize the government of national accord]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20160518/1435794149.html> (Accessed: 12.06.2022).
22. Lewis, A. (2022) *Italian foreign minister meets new leaders in Libya, pledges support*. Reuters. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-libya-italy-idUSKCN0X9006> (Accessed: 12.06.2022).
23. IA REGNUM. (2022) *Tobrukskiy parlament vyrazil votum nedoveriya pravitel'stvu Livii* [Tobruk parliament voted no confidence in the government of Libya]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2169931.html> (Accessed: 12.06.2022).
24. Megerisi, T. & Kuznetsov, V. (2022) *Politika evropeyskikh gosudarstv i Rossii v otnoshenii Livii* [The policy of European states and Russia towards Libya]. Bibliothek der Friedrich-Ebert-Stiftung. [Online] Available from: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16453.pdf> (Accessed: 12.06.2022).
25. RIA Novosti. (2016) *Glava MID Italii: mezhdunarodnaya konferentsiya po Livii proydet v Vene 16 maya* [Italian Foreign Minister: an international conference on Libya will be held in Vienna on May 16]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20160510/1430698491.html> (Accessed: 12.06.2022).
26. TASS. (2022) *Khronologiya mezhdunarodnykh konferentsiy po Livii* [Chronology of international conferences on Libya]. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/7553007> (Accessed: 12.06.2022).
27. Manukov, S. (2018) Sammit v Palermo: pobediteli i proigravshie [Summit in Palermo: winners and losers]. *EADaily*. [Online] Available from: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/18/sammit-v-palermo-pobediteli-i-proigravshie> (Accessed: 12.06.2022).
28. TASS. (2022) *Prem'er Italii Conte i fel'dmarshal Khaftar obsudili sovместное zayavlenie glav RF i Turtsii* [Italian Prime Minister Conte and Field Marshal Haftar discussed a joint statement by the heads of the Russian Federation and Turkey]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7483911> (Accessed: 13.06.2022).

29. RIA Novosti. (2020) *Den'gov: v Rime sorvalas' vstrecha Sarradzha, Khaftara i Konte* [Dengov: the meeting of Sarraj, Haftar and Conte broke down in Rome]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200108/1563197197.html> (Accessed: 13.06.2022).
30. NEWS.ru. (2022) *Uchastniki konferentsii po Livii soglasovali tekst itogovogo dokumenta* [Participants of the conference on Libya agreed on the text of the final document]. [Online] Available from: <https://news.ru/world/uchastniki-konferencii-po-livii-soglasovali-tekst-itogovogo-dokumenta/> (Accessed: 13.06.2022).
31. UNSMIL. (2022) *The 5+5 Libyan Joint Military Commission starts its meeting in Geneva today*. [Online] Available from: <https://unsmil.unmissions.org/55-libyan-joint-military-commission-starts-its-meeting-geneva-today> (Accessed: 13.06.2022).
32. Poptsov, D. (2020) *Operatsiya IRINI: osnovnye itogi 2020 goda* [Operation IRINI: main results of 2020]. RSMD. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/operatsiya-irini-osnovnye-itogi-2020-goda/> (Accessed: 13.06.2022).
33. Interfax. (2022) *V Zheneve podpisali soglasenie o postoyannom peremirii v Livii* [An agreement on a permanent truce in Libya was signed in Geneva]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/world/733865> (Accessed: 14.06.2022).
34. UN. (2021) *Stali izvestny imena novogo prem'er-ministra Livii i trekh chlenov prezidentskogo soveta* [The names of the new Prime Minister of Libya and three members of the Presidential Council became known]. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2021/02/1395982> (Accessed: 14.06.2022).
35. TASS. (2022) *Mario Dragi soglasilsya vozglavit' novoe pravitel'stvo Italii* [Mario Draghi agreed to head the new Italian government]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10691655> (Accessed: 14.06.2022).
36. Governo Italiano. (2022) *Il Presidente Draghi in visita in Libia*. [Online] Available from: <https://www.governo.it/it/articolo/il-presidente-draghi-visita-tripoli/16543> (Accessed: 14.06.2022).
37. Governo Italiano. (2022) *Incontro con il Primo Ministro libico Dabaiba, le dichiarazioni del Presidente Draghi*. [Online] Available from: <https://www.governo.it/it/articolo/incontro-con-il-primo-ministro-libico-dabaiba-le-dichiarazioni-del-presidente-draghi/16964> (Accessed: 14.06.2022).
38. Anadolu. (2022) *Italiya gotova sodeystvovat' vyvodu naemnikov iz Livii – glava MID* [Italy is ready to contribute to the withdrawal of mercenaries from Libya – Foreign Minister]. [Online] Available from: <https://www.aa.com.tr/ru/imir/italiya-gotova-sodeystvovat'-vyvodu-naemnikov-iz-livii-glava-mid/2399503> (Accessed: 14.06.2022).
39. Kommersant®. (2022) *V Liviyu vernulos' dvoevlastie* [Dual power returned to Libya]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5207549> (Accessed: 14.06.2022).

Информация об авторе:

Сараджян Н.А. – аспирант кафедры интеграционных процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: norair.saradzhian@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Saradzhian, postgraduate student, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: norair.saradzhian@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 15.07.2022;
approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 662.3:930.23:94 (47) “1725/1800”
doi: 10.17223/15617793/487/10

Пороховое производство России в постпетровский период XVIII в.: результаты изучения и оценки отечественных исследователей

*Тимофей Владимирович Алексеев*¹

¹ Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия
timson15121967@mail.ru

Аннотация. На основе анализа работ отечественных исследователей рассматривается проблема развития порохового производства как составной части военной промышленности России во второй-четвертой четвертях XVIII в. Показаны основные тенденции данного процесса, главной из которых было постепенное увеличение роли казенного сектора в отрасли. Обращено внимание на состояние производства главных компонентов пороха – селитры и серы, влияние на него правительственной политики, степень обеспечения ими отечественного пороходелия.

Ключевые слова: порох, пороховое производство, селитра, производство селитры, сера, химическая промышленность, военная промышленность, пороховой завод, огнестрельное оружие

Для цитирования: Алексеев Т.В. Пороховое производство России в постпетровский период XVIII в.: результаты изучения и оценки отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 84–93. doi: 10.17223/15617793/487/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/10

Gunpowder production in Russia in the post-Petrine period of the 18th century: Results of domestic researchers' studies and evaluation

*Timofey V. Alekseev*¹

¹ A.F. Mozhaysky Military Space Academy, Saint Petersburg, Russian Federation
timson15121967@mail.ru

Abstract. The article explores the problem of the development of gunpowder production as an integral part of the Russian military industry in the second to fourth quarters of the 18th century. The objectives are to identify key trends in this process, including the manufacture of the most important components of gunpowder – saltpeter and sulfur, and to consider the further strengthening of the state-owned sector in the industry and the impact of production, logistics and military-strategic factors on this. The work is based on the analysis of works by domestic researchers of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods using the necessary set of general philosophical, general scientific and special historical methods, such as ascent from the concrete to the abstract, historical-genetic, problem-chronological and perspective analysis. The article shows the course of evolution of three types of gunpowder factories that developed back in the Petrine era – state-owned, private and factories located in Little Russia. At the same time, the leading trend in the development of gunpowder production was the steady increase in the share of the state sector in it, which was very ambiguously assessed by domestic researchers. On the one hand, during the wars, state-owned enterprises demonstrated a fairly high potential of their production capabilities and the ability to largely satisfy the needs of the army and navy for gunpowder. On the other hand, the regulation of all aspects of the activities of factories and the paternalistic policy towards workers had a negative impact on their economic performance. Among other trends in the development of gunpowder production in the period under study, one can note the further centralization of the organization of technological processes at enterprises, the improvement of the qualifications of their personnel, and the establishment of a system for accepting finished products to the treasury. The article shows that the emergence of two new state-owned gunpowder factories in Little Russia and the Volga region occurred under the influence of a number of production and logistics, and military-strategic factors. From the analysis of the works of domestic researchers, it follows that, during the period under study, the level of influence on the domestic powder production of foreign technical experience, which was so characteristic of the era of Peter I, significantly decreased. In the production of saltpeter and sulfur, the previously established practice of concentrating them in private hands was finally instituted. Throughout the entire period, there were repeated fluctuations in government policy towards private producers, which

had very ambiguous consequences for the state of the industry as a whole. Sometimes this had a negative effect on the provision of gunpowder production with saltpeter of domestic origin, although in this area the situation as a whole was quite favorable. At the same time, strong dependence on external sources remained in the supply of sulfur, which could not but create additional risks for the domestic gunpowder production.

Keywords: gunpowder, gunpowder production, saltpeter, saltpeter production, sulfur, chemical industry, military industry, gunpowder factory, firearms

For citation: Alekseev, T.V. (2023) Gunpowder production in Russia in the post-Petrine period of the 18th century: Results of domestic researchers' studies and evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 84–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/10

Производство пороха и его компонентов на всех этапах истории России являлось важной составной частью ее военной промышленности, от уровня развития которой во многом зависела способность государства обеспечивать свои национальные интересы. Обращение к постпетровскому периоду XVIII в. в истории данного производства актуализируется следующими обстоятельствами. Во-первых, данный период сам по себе интересен с той точки зрения, что в нем нашли свое продолжение ряд тенденций в развитии отрасли, наметившихся в эпоху петровских преобразований. Во-вторых, на примере порохового производства можно наглядно рассмотреть процесс трансформации отраслей военной промышленности в имперской России, направленной на доминирование в них казенного сектора. В-третьих, в историографии пороходелия, несмотря на наличие капитальных трудов П.М. Лукьянова [1. С. 177–199, 380–395; 2. С. 212–267; 3. С. 82–130], отсутствуют работы обобщающего характера, позволяющие сопоставить точки зрения исследователей различных периодов и проследить эволюцию взглядов на рассматриваемую проблему.

Исходя из перечисленных обстоятельств, задачами настоящей статьи ставятся: выявление ключевых тенденций в развитии производства пороха и его компонентов, сохранившихся с петровских времен на протяжении всего исследуемого периода; рассмотрение процесса дальнейшего укрепления казенного сектора в пороходелии и влияния на него производственно-логистических и военно-стратегических факторов; освещение и сопоставление точек зрения исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов на различные аспекты развития отрасли в исследуемый период и получение на этой основе более полной историографической картины.

Вторая-четвертая четверти XVIII в., которые мы и будем именовать постпетровским периодом, в историографии различных отраслей отечественной военной промышленности, как правило, рассматриваются как самостоятельный этап в их развитии. По традиции, положенной Н.Е. Бранденбургом [4], а затем и П.М. Лукьяновым [1–3], такой подход утвердился и в отношении пороходелия.

Авторитетный дореволюционный исследователь Н.Е. Бранденбург замечал, что в первые десятилетия после смерти Петра I своеобразие положения в пороховом производстве выражалось в существовании предприятий трех видов: частных, казенных, а также располагавшихся в Малороссии и находившихся в ведении местных гетманов [5. С. 1].

По крайней мере до начала правления Екатерины II (1762–1796) частные пороховые заводы, размещавшиеся в окрестностях Москвы, оставались наиболее значимыми поставщиками пороха в казну. Авторами отмечалось, что до 1754 г. артиллерийским ведомством было определено ежегодно производить на казенных заводах 14 500 пуд., а на частных – 15 500 пуд. пороха [6. С. 24]. По утвержденным в феврале 1754 г. новым штатам пороховых заводов удельный вес частного сектора в производстве пороха возрос – до 18 тыс. пуд., в то время как казенные стали давать меньше – 8 тыс. пуд. [7. С. 146] (согласно П.М. Лукьянову – 13 тыс. пуд.). Причины подобного перекоса П.М. Лукьянов пояснял так: «Себестоимость пороха, вырабатывавшегося на казенных заводах, всегда была выше, чем у частных владельцев. Этим и объясняется понижение выработки на казенных и повышение производства на частных заводах» [2. С. 218]. Нельзя не отметить, что данным сведениям противоречит утверждение Л.Г. Бескровного о том, что уже во второй четверти XVIII в. Охтенский завод становится главной базой для изготовления пороха [8. С. 97].

О значимости частных заводов свидетельствовали упоминавшиеся еще М.Д. Чулковым нормативные акты, регламентировавшие отношения казны с пороховыми уговорщиками¹. Так, сенатский указ от 7 декабря 1725 г. предусматривал повышение цены за сданный порох, страхование имущества уговорщиков от казны в размере трети понесенных убытков [9. С. 51], обеспечение заводов селитрой и серой из казенных запасов и даже кадрами рабочих и мастеровых [9. С. 52]. После окончания контрактов они снова возобновлялись, как правило, по просьбам самих владельцев заводов. Пошлины с пороха, согласно указу еще 1717 г., не взимались, но и правила приемки и испытания пороха были довольно строгими и точными. Исследователями отмечались случаи выдачи беспроцентных ссуд из казны на перестройку заводов, а также предоставление льгот в случае взрывов на предприятиях [6. С. 23]. П.М. Лукьянов также подчеркивал большое внимание, которое в середине XVIII в. стало уделяться контролю качества пороха, поставляемого частными заводчиками. Показателем этого автор считал внедрение специальной системы проставления «литер» на бочках с продукцией [2. С. 224].

Что касается численности частных заводов, то К.И. Каменев к концу второй четверти XVIII в. выделял три наиболее крупных из них, относившихся к

московской группе: завод потомков А. Рутхера, производивший по контракту 1736 г. ежегодно по 10 тыс. пуд. пороха; потомков Ф. Аникиева на р. Клязьме, контракт с которым от 1744 г. предусматривал ежегодную поставку 6 тыс. пуд. [7. С. 129]; купца Ф. Пороховщикова близ Москвы, основанный в 1733 г. [6. С. 24] и перешедший после смерти владельца к его сестре Марковой, а в 1744 г. в целях безопасности перенесенный в Московский уезд на р. Вору. Мощность последнего определялась в 4 тыс. пуд., хотя реальные объемы поставок с завода чаще всего превышали эту цифру [7. С. 130].

Современные исследователи С.И. Сметанин и М.В. Конотопов, как представляется, весьма верно охарактеризовали положение частного пороходелия в условиях жесткого государственного регламентирования. Рассуждая о количестве частных заводов в постпетровский период и говоря об упоминании в источниках о 2–3 крупных заводах, они писали: «...пороховой завод не мог существовать сам по себе, без казенных заказов: свободная торговля порохом не допускалась. Поэтому или заведение выполняло казенный “наряд”, или его не было вообще» [10. С. 346]. При этом подчеркивался сдерживающий развитие производства характер казенной регламентации, усилившейся в 1720-е гг. Упомянутый выше сенатский указ 1725 г., помимо прочего, предусматривал наличие в штате частных заводов 75 человек с установленными казной жалованием и нормами выработки. «Это абсурдное требование практически исключало развитие частного предпринимательства, поскольку мелкие предприятия оказывались вне закона, а крупные не могли увеличивать производство» [10. С. 348–349].

История частных пороховых заводов во второй половине XVIII в. в работах исследователей отражена довольно слабо. Авторы записки Военного ведомства в адрес Государственного совета отмечали существование в начале правления императрицы Екатерины II трех предприятий в подмосковном районе, принадлежавших Амстелю, Ключеву и Марковой [6. С. 24]. К.И. Каменев показал историю правопреемства этих заводов.

Первый из них, размещавшийся в урочище Обухово Богородского уезда, ранее принадлежал А. Рутхеру, затем последовательно переходил в руки его вдовы, его зятя Амстеля, аптекаря Меера, дочери Рутхера М. Раушерт и, наконец, в 1788 г. – дочери последней Е. Неддергоф [7. С. 243]. П.М. Лукьянов «вклинивал» в эту цепочку некоего А. Беренса, который якобы приобрел предприятие в 1779 г. [2. С. 244].

Второй завод, располагавшийся в урочище Успенском того же Богородского уезда, ранее принадлежал Ф. Аникиеву, затем был продан купцу Ключеву, несколько раз переходил в руки других владельцев, пока в 1788 г. не был также приобретен Е. Неддергоф [7. С. 243].

Что касается завода Марковой, то исследователями его история не прослеживалась далее 1760-х гг. [7. С. 244]. Только П.М. Лукьянов предполагал, что он существовал вплоть до конца XVIII в. [2. С. 247].

Впрочем, большинство исследователей полагали существование к концу XVIII в. в подмосковном районе только двух частных заводов. В 1793 г. завод в

Успенском был продан именитому гражданину М. Губину, а предприятие в Обухово после 1797 г. – братьям Беренс. Оба предприятия поставляли для артиллерийского ведомства ежегодно по 8 тыс. пуд. пороха [6. С. 25–26]. Существование частных заводов в условиях сформированного к тому времени довольно сильного казенного сектора авторы записки в адрес Госсовета объясняли: относительной дешевизной пороха, производимого на частных заводах (в 1792–1793 гг. разница с ценой казенных заводов составляла 18%); необходимостью поддержания запасов пороха в условиях резкого роста потребностей армии и флота; выгодностью казенных подрядов для самих заводчиков; качеством производимого частными заводами пороха [6. С. 26]. Впрочем, по поводу качества пороха Н.Е. Бранденбург обмолвился в плане предпочтительности продукции казенных предприятий [5. С. 12]. П.М. Лукьянов указывал на проблемы частных заводов с рабочей силой, так как вольнонаемные работники неохотно шли туда. Порою к решению этой проблемы вынуждено было подключаться и правительство, как, например, в 1764 г., когда на московские заводы были откомандированы мастеровые с Охтенского завода [2. С. 247].

Казенные заводы, располагавшиеся в Санкт-Петербурге и его окрестностях, по утверждению К.И. Каменева, в постпетровский период находились в весьма плачевном состоянии. Причины этого автор видел в поспешности при строительстве предприятий, нехватке материалов и людей в только что завоеванном и неустроенном крае. При этом вместо коренных улучшений в условиях хронической нехватки средств практиковались мелкие исправления. Подобную практику исследователь считал главным бичом казенного заводского строительства: «Поверхностными исправлениями – строения заводские доводятся до полного разрушения; затем, только внешние причины... заставляют невольно обратить внимание на пороховые заводы; начинается сразу возобновление всего завода, затрачиваются большие суммы денег, но все делается поспешно, к сроку, и, следовательно, не так обдуманно, как можно было бы сделать в обыкновенное время» [7. С. 68].

После назначения Х.А. Миниха генерал-фельдцейхмейстером в 1729 г. была проведена перестройка Санкт-Петербургского завода на р. Карповке [7. С. 72], а в 1734–1735 гг. и Охтенского завода, благодаря чему его мощность возросла с 1 500–2 000 пуд. до 5 000 пуд. пороха в год [7. С. 91]. Еще ранее, в 1733 г., была проведена оптимизация производственных мощностей на Охте, выразившаяся в упразднении малого порохового завода на р. Луппе [7. С. 88]. Впрочем, как отмечал К.И. Каменев, положение Охтенских заводов оставалось ненормальным, так как артиллерийское ведомство держало здесь помимо порохового еще целый ряд иных производств, для нужд которых использовался один и тот же водяной двигатель. В результате, в случае нехватки воды, прежде всего останавливали работу именно порохового завода [7. С. 72].

История Сестрорецкого порохового завода, начавшего работу в интересах флота в 1725 г., оказалась недолгой. За 1725–1731 гг. предприятие изготовило для

морского ведомства более 23 тыс. пуд. пороха, производя в среднем около 3 300 пуд. в год [11. С. 122], что было вполне сопоставимо с производительностью других казенных заводов. Однако уже в 1732 г. Военская морская комиссия внесла представление в Сенат о передаче предприятия в ведение Канцелярии артиллерии, мотивируя это дороговизной содержания завода, излишней мощностью для удовлетворения потребностей флота и задействованием кадров, необходимых для флота в другом качестве [5. С. 2; 12. С. 9]. Предложение было поддержано сенатским указом в июне 1732 г., но встречено «в штыки» артиллерийским ведомством. Началась длительная бюрократическая волокита, подробно описанная К.И. Каменевым и А. Орфеевым. Только в конце 1736 г. Сестрорецкий завод был принят Канцелярией артиллерии в свое ведение [7. С. 116; 11. С. 127], а в 1741–1742 гг. его оборудование было переведено на Охтенский завод [4. С. 72]. Официальное обоснование такого решения звучало так: «Пороховые фабрики, поступившие в 1736 году в Артиллерийское ведомство, стесняли оружейный завод и сверх того, будучи построены на песчаном месте, угрожали всегдашней опасностью» [13. С. 8].

Однако К.И. Каменев тонко подметил в этом деле ряд субъективных моментов, сыгравших ключевую роль: «Морское ведомство, устроив для себя отдельные пороховые заводы, сделало большую ошибку, расплату за которую хотело возложить на артиллерию. Притом последнее было сделано в довольно резкой форме, настолько не деликатно, что это не могло не задеть самолюбия артиллерийского ведомства» [7. С. 117]. Учитывая уровень технического оборудования Сестрорецкого завода и его мощность было даже целесообразно закрыть Санкт-Петербургский завод или оставить все три казенные заводы, отказавшись от услуг пороховых уговорщиков. «Вместо этого Сестрорецкие пороховые заводы... с 1732 г. в продолжении восьми лет были заброшены... совершенно не поддерживались, после чего уже пришли в достаточно ветхое состояние, чтобы можно было их признать негодными для своего назначения» [7. С. 119].

Помимо трех санкт-петербургских заводов, согласно данным Н.Е. Бранденбурга, существовал небольшой казенный завод в Павловске Воронежской губернии, работавший еще в 1739 г. и занимавшийся только переделкой старого пороха [5. С. 4]. Судя по тому, что в Павловске размещались верфи, где строились суда для Донской флотилии, данное предприятие, по-видимому, работало в ее интересах.

Некое промежуточное положение в пороходелии занимали заводы в Малороссии. Историограф Шостенского завода писал: «Малороссийские привилегии, дозволявшие Гетману содержать особую войсковую артиллерию, устройству ландмилицких и слободских полков, близость польской и турецко-татарской границ – все это заставляло Правительство не касаться пока независимости малороссийского порохового промысла...» [14. С. 9]. Более того, правительство порою даже «заботилось об расширении порохового производства в Малороссии», о чем свидетельствовали указы 1734, 1736, 1738 и 1739 гг. [14. С. 9–10].

Н.Е. Бранденбург отмечал существование в 1736 г. порохового завода при хуторе Шкирмановском в 30 верстах от Глухова [5. С. 6]. А в 1739 г. в Глуховском уезде был основан завод на р. Шостке [14. С. 10]. Однако уже в октябре 1742 г. именным указом содержание пороховых заводов в Малороссии было запрещено. Обосновывалось такое решение низким качеством пороха на этих заводах, отсутствием единства в технологии с казенными заводами, отсутствием должного контроля за ними из-за удаленности, а главное – «необходимостью селитренными заводам быть ведомыми всем в одном месте, в Артиллерии, и на одном основании и кондициях – и не допускать распространения секрета о приготовлении пороха и литровании селитры голландским способом, которым действовали казенные и ставящие в артиллерийское ведомство порох партикулярные (подмосковные) заводы» [14. С. 11]. Исследователи предполагали еще одну причину, а именно происки подмосковных пороховых уговорщиков, стремившихся избежать конкуренции со стороны малороссийских заводов [14. С. 11].

Впрочем, гетманские власти, ссылаясь на свои привилегии, продолжали содержать по крайней мере три завода вплоть до 1764 г. [5. С. 9], когда очередным именованным указом они были упразднены окончательно. П.М. Лукьянов связывал этот шаг правительства с его опасениями по поводу возможных волнений на Украине [15. С. 115].

Однако буквально через год «сосредоточие войск на турецкой и польской границах и затруднительность дальнейшей перевозки, заставили обратиться к изысканию средств к усилению порохового производства» [14. С. 12]. Генерал-губернатор Малороссии П.А. Румянцев представил доклад на имя императрицы Екатерины II об учреждении казенного порохового завода, который был утвержден, но не исполнен. Возвратились к нему только в 1771 г., чему, по мнению исследователей, способствовало сокращение производства пороха на подмосковных заводах, численность которых к тому времени сократилась до двух предприятий. Указом от 22 марта 1771 г. бывший Шостенский завод с хуторами Шкирмоновским и Мироновским и селением Фастовецким были переданы в ведение Канцелярии Главной артиллерии [14. С. 13]. Работы по изготовлению пороха на новом предприятии начались уже в 1772 г., однако окончательно завод был оборудован к 1777 г. и пущен в ход [14. С. 17]. При этом Шостенский завод, помимо собственно изготовления пороха, стал выполнять важную функцию – прием селитры от частных производителей, ее литрование (очищение) и снабжение ею других казенных заводов [14. С. 26; 16. С. 1].

Во второй половине XVIII в. правительство обратилось и к вопросу создания промышленной базы пороходелия в восточной части России. Уже в первых работах, упоминавших о создании завода в Казани, в качестве причины такого шага указывалось неудобство доставки пороха в восточные и юго-восточные регионы из столицы [17. С. 8]. Работы казанских краеведов и других исследователей ограничивались констатацией самого факта основания порохового завода в Казани в

1786 г. и описанием его текущего состояния [5. С. 12; 18. С. 93; 19. С. 73–75; 20. С. 21–28]. И только А.С. Глинским к столетнему юбилею завода была подготовлена «историческая записка», подробно освещающая историю предприятия [16]. Как отмечал автор, результаты начавшихся в 1782 г. изыскательских работ были утверждены указом от 29 мая 1786 г., предписывавшим князю Баратаеву приступить к строительству завода [16. С. 3]. С помощью опытных пороховщиков, прибывших из Санкт-Петербурга, в 1788 г. предприятие начало выпуск продукции [16. С. 6]. Подробности строительства завода уже в постсоветский период изложил в юбилейном издании В.С. Казаков [21. С. 6–7]. В.С. Михайлов более определенно обосновывал необходимость строительства завода в Казани, отмечая огромные расходы государства на транспортировку вначале сырья (селитры) в Санкт-Петербург из малороссийских губерний, а затем готового пороха в восточные районы империи [22. С. 212]. И.З. Файзрахманов в числе предпосылок строительства завода именно в Казани видел наличие неподалеку от города селитренных промыслов («завод» помещика Т. Ледаговского в с. Болгары), а также залежей горючей серы [23. С. 132]. А.С.Г. Белов и О.Н. Коршунова, обобщив выводы предшественников, считали, что «основой для выбора Казани в качестве места базирования этого предприятия являлись не только стратегическое положение города, наличие доступной сырьевой базы и удобных речных транспортных путей, но и вековые традиции порохового дела в Казанском крае» [24. С. 338].

Таким образом, к концу XVIII в. сформировалось ядро казенных заводов, ставших основными поставщиками пороха для армии и флота вплоть до 1917 г. Во второй половине XVIII в. происходил процесс постепенного увеличения удельного веса казенного пороходелия в общем объеме поставок для нужд обороны. По штатам 1766 г. мощность Охтенского завода была определена в 13 тыс. пуд., а Санкт-Петербургского в 5 тыс. пуд. пороха в год [7. С. 166]. Проектная мощность Шостенского завода составляла 8 тыс. пуд. [14. С. 21], а Казанского – 4 тыс. пуд. [16. С. 3].

Однако сложная военно-политическая обстановка в конце 1780-х гг. вынудила правительство пойти на беспрецедентное увеличение нарядов: на 1789 г. он составил 100 тыс. пуд. (согласно К.И. Каменеву – 150 тыс. [7. С. 186]) вместо обычных 35 тыс. пуд. [14. С. 28]. Соответственно увеличились и размеры нарядов для всех заводов, что потребовало принятия экстраординарных мер, таких как строительство дополнительных пороховых фабрик [7. С. 187], увеличение числа работников и размера их заработной платы, введение круглосуточного режима работы [14. С. 28]. И хотя полные наряды в большинстве случаев не были выполнены, но тем не менее казенные заводы продемонстрировали большой потенциал своих производственных возможностей. Например, Охтинский завод сумел увеличить объемы производства до 20–30 тыс. пуд. [7. С. 190]. Шостенский завод изготовил в 1789 г. 12 тыс. пуд., в 1790 – 20 тыс. пуд., а в 1791 г. до 30 тыс. пуд. по-

роха [14. С. 28]. Только что построенный Казанский завод при наряде в 15 тыс. пуд. смог сдать в 1789 г. всего 8 402 пуд. продукции [16. С. 8].

Важное значение для повышения качества продукции казенных заводов имела произведенная к концу XVIII в. унификация состава пороховой смеси. Как отмечал Н.Е. Бранденбург, еще в 1721 г. в ходе заграничной командировки майора Брунца им был описан состав смеси, применявшийся в Голландии. Однако вплоть до 1782 г. на отечественных заводах пропорции в составе смеси не были строго определены, что объяснялось «разнообразием качеств употреблявшейся в дело селитры» [5. С. 4]. Только в 1778 г. артиллерийское ведомство сочло нужным установить для всех заводов общую норму состава пороха, для чего были проведены сравнительные испытания образцов продукции всех казенных заводов [5. С. 7]. По результатам этих испытаний определениями Канцелярии Главной артиллерии 1782 и 1783 гг. для казенных предприятий была установлена единая пропорция в составе пороховой смеси селитры, серы и угля [5. С. 8]. При этом, как утверждал советский исследователь А. Позднев, авторство установления наилучшего состава черного дымного пороха принадлежало самому М.В. Ломоносову [25. С. 158].

Для общей характеристики пороходелия России в постпетровский период XVIII в., и особенно во второй половине столетия, можно использовать ряд заключений исследователей. Так, известный советский специалист в области социально-экономической истории П.Г. Любомиров, называл пороховые заводы «настоящими централизованными мануфактурами, притом с постоянным применением движущей силы воды, ветра или лошадей» [26. С. 189]. Еще один советский исследователь В.Н. Сперанский был склонен называть процесс, происходивший во второй половине XVIII в. в пороховой отрасли, как «огосударствление» производства: «Намерение правительства всемерно развивать казенное пороходелие и совершенно не зависеть от частновладельцев несомненно» [27. С. 12]. Целый ряд характерных черт пороховой промышленности выделял и Л.В. Забелин: создание прочного казенного сектора, начатое Петром I и подхваченное Екатериной II; закрепление за казенными заводами роли проводников новых технологий; превращение пороходелия из кустарного производства в заводское со строго регламентированной технологией, рецептурой, порядком испытания готовой продукции, нормированием безопасных приемов работы и устройством производственных зданий; введение новых сортов пороха; приход к управлению заводами офицеров, прошедших специальную подготовку [28. С. 68].

Не остались без внимания исследователей и негативные последствия «огосударствления» пороховой отрасли. С.И. Сметанин и М.В. Конотопов, отмечая циклический характер работы казенных пороховых заводов (увеличение производства в военное время и сокращение до минимального уровня в периоды между

войнами), указывали на такую особенность государственного хозяйствования, как сохранение численности рабочих даже в периоды сокращения [10. С. 348], что неизбежно вело к росту непроизводительных расходов по их содержанию. Государственная регламентация всех сторон деятельности, тягостная для частных заводов, для казенных заводов шла еще дальше, следствием чего авторы и полагали относительную дороговизну их продукции [10. С. 348–349].

Исследователи дореволюционного периода по-разному оценивали положение с обеспечением пороховых заводов селитрой в постпетровский период XVIII в. П. Майков, исходя из многочисленности правительственных указов, посвященных вопросам селитроварения, делал вывод о неблагополучии в этой сфере [29. С. 650]. К.И. Каменев отмечал, что при Петре I селитру ввиду ее недостатка импортировали только однажды в 1718 г. В 1730 г. новый сенатский указ подтвердил запрещение на продажу этого продукта за границу и поставку ее исключительно на отечественные пороховые заводы. Учрежденная в 1740 г. комиссия для улучшения артиллерии постановила развивать селитренное производство в разных частях империи, привлечь к разработке селитренных земель частных лиц. Ввиду того, что таких желающих появилось достаточно, от строительства казенных заводов было решено воздержаться [7. С. 23]. Существовавшие еще с петровских времен казенные заводы в Астраханской губернии в 1750 г. были переданы купцу Кобякову [29. С. 650]. И хотя исследователи упоминали позднее строительство казенных заводов, в частности в 1774 г., для обеспечения потребностей Шостенского завода (в Новгороде-Северском и близ Шостки) [14. С. 20], но явление это не приобрело массового характера.

Авторы указывали на меры стимулирования частных производителей селитры, принимавшиеся правительством. А.И. Ходнев упоминал указ 1738 г. об освобождении волов и лошадей заводчиков от гужевой повинности, предоставлении казенной земли, освобождении селитроваров от постоев и службы [30. С. 785]. Е. Трифильев отмечал, что на них распространялись привилегии, предусмотренные Берг-привилегией и Берг-регламентом: освобождение их самих и их детей от любой службы, право обращаться в Главную артиллерию для помощи, право владения крестьянами для тех, кто таким правом не обладал [31. С. 18]. При Екатерине II указом 1764 г. селитренные заводчики вместо десятинной подачи стали платить сбор в размере 5 коп. с каждого пуда сдаваемой продукции [29. С. 650].

Е. Трифильев показал, как в течение XVIII в. изменялась в сторону упорядочения система взаимодействия между казной и селитренными производителями. В первой половине столетия селитра продавалась в казну по мере ее выварки на каждом заводе. Это создавало неудобство для казны, так как пороховые заводы часто простаивали из-за отсутствия сырья. Подобная неопределенность не позволяла планировать заготовку пороха, «в случае настоятельной необходимости в нем государство оказывалось в беспомощном положении» [31. С. 15]. Для заводчиков такое положение

тоже было неудобно, так как они продавали селитру артиллерийскому ведомству или представителям пороховых уговорщиков по свободным ценам, которые могли часто изменяться и не соответствовать затратам на производство. Для исправления такого положения с середины XVIII в. стала практиковаться система контрактов, которые определяли объемы поставок заводчиков и условия таких поставок. В случае неисполнения ежегодных объемов заводчик подвергался штрафу [31. С. 16]. Селитра поставлялась в Москву или на Шостенский завод, транспортные расходы оплачивали заводчики, но им за это полагалась компенсация. Такие условия контрактов были выгодны и для казны, и для заводчиков [31. С. 17].

Все это способствовало достаточно устойчивому росту производства селитры. Тот же Е. Трифильев отмечал, что только в Харьковском полку к середине XVIII в. по сравнению с 1730-ми гг. количество заводов возросла с двух до 30, а объем производимой продукции с 500 до 10 тыс. пуд. [31. С. 22]. П. Майков основным поставщиком селитры в казну называл так называемую Опошенскую компанию, сформировавшуюся из заводчиков Полтавской губернии [29. С. 650]. А.И. Ходнев замечал концентрацию селитроварения в малороссийских губерниях – Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской, а также Курской и Воронежской. В то же время упоминавшееся в течение XVIII в. изготовление селитры в таких губерниях, как Подольская, Волынская, Таврическая, Херсонская, Астраханская, Оренбургская и Самарская, постепенно сворачивалось: «...здесь промысл этот, по недостатку выгодного сбыта селитры, мало-помалу совершенно уничтожился» [30. С. 784].

Относительно благополучное положение с производством селитры к середине XVIII в., по мнению К.И. Каменева, способствовало, с одной стороны, стремлению правительства заработать на импорте этого сырья, а с другой стороны, либерализации политики в отношении сбыта продукции частных заводчиков. С 1755 г. Главная канцелярия артиллерии и фортификации стала заниматься перепродажей селитры, скупленной у частных заводчиков, за границу. Таким образом, за период с 1755 по 1782 г. было продано более 200 тыс. пуд. на сумму 332 875 руб. А в 1782 г. всем частным лицам было разрешено вывозить селитру за границу. «Это распоряжение сразу отразилось неблагоприятно на интересах казны» [7. С. 24]. Начавшийся во второй половине 1780-х гг. период войн вынудил правительство обратиться к импорту селитры по ценам, значительно превышающим заготовительные внутри страны. Так, с 1788 по 1797 г. было приобретено 167 152 пуд. сырья на сумму более 1,5 млн руб., которые можно было бы сэкономить в случае создания запасов в предыдущие мирные годы. К тому же такое положение ставило отечественную пороховую промышленность в зависимость от зарубежных рынков, что в военное время было сопряжено с большими рисками [7. С. 25].

В результате в конце XVIII в. «маятник» государственной политики в отношении селитроварения качнулся в обратную сторону. Еще в 1789 г. были несколько повышены закупочные цены на селитру, а в 1795 г. очередной указ запретил ее экспорт. Еще один указ от 16 июня 1799 г. возобновлял действие актов 1716, 1720 и 1730 гг. о запрещении продажи селитры в частные руки и за границу. Одновременно заводчикам были предоставлены беспроцентные ссуды и обеспечена выдача дров с казенных дач [32. С. 95].

П.М. Лукьянов, проанализировав все имевшиеся в его распоряжении сведения о ходе селитренного производства при приемниках Петра I, в целом подтвердил основные выводы дореволюционных исследователей, дополнив их отдельными деталями. Так, он подчеркнул роль Х.А. Миниха в расширении селитренного производства, назвав его инициатором нормативных актов в этой сфере, принимавшихся при императрице Анне Иоанновне (1730–1740) [1. С. 182, 186]. Политику правительства в отношении казенных заводов автор комментировал так: «Некоторые селитряные заводы принадлежали казне, которая, однако, испытывала большие трудности при их эксплуатации. Себестоимость селитры вследствие неумелой организации производства и хищений была высока. Поэтому правительство стремилось передать свои заводы частным лицам, регламентируя договорами определенный масштаб выработки селитры и ее цены» [3. С. 84]. В результате переданные астраханскому купцу Ф. Кобякову казенные предприятия в Астраханской губернии были не только сохранены новым собственником, но и существенно расширены, проработав еще длительное время [1. С. 191].

Период правления Екатерины II с его многочисленными войнами и внутренними конфликтами вызвал существенный рост потребности в селитре. Размеры его, например, в 1770 г. П.М. Лукьянов определял в 33 750 пуд. для производства пороха и 3 000 пуд. для аптек, монетного производства и стекольных заводов. Для политики императрицы было характерно всяческое поощрение создания компаний, в том числе и по эксплуатации селитренных заводов [1. С. 193]. А.М. Пономарев в связи с этим подчеркивал значение Опшмянской селитренной компании на Левобережной Украине, включавшей около 20 представителей казацкой старшины. Компания занимала привилегированное положение среди селитренных производителей, являлась крупнейшим поставщиком селитры в казну [33. С. 11]. В своей докторской диссертации исследователь уточнил многие аспекты деятельности этой компании. В частности, уточнил дату основания – 1737 г., показал объемы ежегодных поставок: 7 500–8 000 пуд. в казну и до 2 000 пуд. в Генеральную войсковую канцелярию для нужд гетманской артиллерии, а также выяснил причины ликвидации, которая была вызвана попытками компанейщиков диктовать свои условия сбыта селитры в казну [34. С. 18].

П.М. Лукьянов не был склонен порицать проводимую в 1780-е гг. политику правительства по либерализации режима сбыта селитры частными производите-

лями. Он писал, что «этот вывоз регулировался правительством и находился в тесной связи с внешней политикой России. Разрешения на вывоз сменялись строгими запрещениями» [1. С. 198]. Начало ввоза селитры из-за границы, кстати, всячески ограничиваемого иностранными государствами, П.М. Лукьянов датировал 1790 г. А для иллюстрации объемов этого ввоза привел сведения о поставках в 1792 г. казенным Шостенским заводом и частными заводчиками 90 200 пуд. при потребном количестве только на нужды пороходелия 110 тыс. пуд. [1. С. 199].

Исследователями были выявлены организационно-технологические особенности селитренной промышленности XVIII в., впрочем, не сильно изменившиеся и в следующем столетии. П.Г. Любомиров по этому поводу писал следующее: «Оригинальную картину бродячего предприятия дает нам селитренное производство. Нехитрое снаряжение завода, позволявшее переносить место действия без особых хлопот, и широкое распространение на юге “селитренной земли”, или “матицы”, из которой вываривалась селитра, приводили к передвижению производства по мере исчерпания исходного материала. Завод даже не имел строений и работал только по летам» [26. С. 188]. С.И. Сметанин и М.В. Конотопов считали «кочевой» характер селитренного производства основным препятствием для определения численности заведений, занимавшихся этим промыслом [10. С. 352].

Отмечены исследователями и последствия особого характера отношений правительства к селитроварению. А.М. Пономаревым небезосновательно было подмечено, что монополизация всей закупки селитры казной, слабые связи селитренной промышленности с рынком отрицательным образом сказывались на состоянии отрасли [34. С. 19]. К подобному же выводу пришли С.И. Сметанин и М.В. Конотопов, распространяя его и на производство серы: «Волевые усилия Петра I и его сподвижников вызвали рождение и развитие производства до определенных пределов, но затем государственная регламентация, практика заключения контрактов на поставку строго определенного количества продукции исключали стимул к расширению производства» [10. С. 354]. Попутно отметим, что этими же авторами высказано несколько неожиданное мнение о том, что в конце XVIII в. основными поставщиками селитры для пороходелия были казенные предприятия, несмотря на закрытие крупнейших казенных промыслов в Астраханской губернии [10. С. 372].

Что касается состояния серного производства в рассматриваемый период, то, по сути дела, единственным исследователем данного вопроса был П.М. Лукьянов. Он полагал, что этой проблеме уделялось достаточно пристальное внимание при всех правителях России после Петра I. В 1730 г. был сооружен завод И. Макеевым близ Калуги, в 1735 г. – кушом Афончиковым в Медынском уезде [1. С. 380], в 1736 г. – «компанейщиками» во главе с Шеханиным близ Нерехты в Костромском уезде, в 1738 г. – посадскими людьми Ф. Полушкиным и Т. Шабунинным возле Ярославля [1. С. 381], в 1747 г. – завод в Елатье [3. С. 86], 1753 г. – началось

изготовление серы на Кончезерском железоделательном заводе в Олонецком крае [3. С. 87]. Однако автор был вынужден признать, что «на протяжении всего XVIII в. в России наблюдался недостаток серы. Этот недостаток был большим или меньшим в зависимости от войн» [1. С. 385]. Несмотря на попытки строительства новых заводов при Елизавете Петровне и Екатерине II, большая часть серы была импортной [1. С. 387]. Причем если в 1776 г. ввоз оценивался в 19 000 руб., то в 1791 г. уже в 58 415 руб. [1. С. 392].

Таким образом, отечественными исследователями убедительно показано, что в постпетровский период XVIII в. в производстве порохов и его компонентов получили устойчивый характер ряд тенденций, наметившиеся еще в период правления императора Петра I. К их числу можно отнести дальнейшую централизацию организации технологических процессов на пороховых заводах, налаживание системы приемки готовой продукции, совершенствование кадрового состава предприятий. Однако главной чертой в развитии отрасли стал неуклонный процесс ее «огосударствления» на протяжении всего исследуемого периода, так что к его концу казенный сектор стал в ней преобладающим. Причем отмеченный процесс шел несмотря на то, что порою он вступал в противоречие с реальными потребностями армии и флота в порохе.

Создание двух новых центров казенного пороходелия – в Малороссии и Поволжье, несомненно, имело

своей целью приближение производственной базы, с одной стороны, к источникам сырья, а с другой – к перспективным театрам внешнеполитической активности государства.

Вместе с тем нельзя не заметить, что если в петровскую эпоху большинством исследователей подчеркивалось активное использование в отечественном пороходелии иностранного технического опыта, то в рассматриваемый период подобного рода заимствования фактически не фиксировались.

Что касается производства важнейших компонентов пороха – селитры и серы, то здесь закрепились начатая еще Петром I практика его концентрации в частных руках. При этом если в отношении селитры проблема самообеспечения была в принципе решена, то в поставках серы сохранилась сильная зависимость от внешних рынков, что не могло не создавать дополнительных рисков для отечественного пороходелия в целом.

Представляется, что рассмотренный в статье период истории отечественного производства пороха и его компонентов и история всего дореволюционного пороходелия нуждаются в новых капитальных исследованиях, призванных дополнить труды П.М. Лукьянова, используя при этом и накопленные за прошедшее с момента их издания время новые знания в данной отрасли военной промышленности, и новые методологические подходы в исторической науке.

Примечание

¹ Уговорщиками в рассматриваемый период называли частных поставщиков пороха для казны.

Список источников

1. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. М. : АН СССР, 1949. Т. II. 732 с.
2. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. М. : АН СССР, 1961. Т. V. 704 с.
3. Лукьянов П.М. Краткая история химической промышленности СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 464 с.
4. Бранденбург Н.Е. Черты из истории пороходелия в России, в XVIII столетии // Оружейный сборник. 1890. № 1. Отд. II. С. 57–75.
5. Бранденбург Н. Материалы для истории пороходелия в России // Оружейный сборник. 1885. № 2. Отд. III. С. 1–16.
6. Представление военного министра по проектам Положения о частных пороховых заводах, Правил об устройстве сих заводов и выделке пороха и Постановления о наказаниях за нарушение означенных Положения и Правил. СПб., 1875. 85 с.
7. Каменев К.И. Историческое описание Охтенского порохового завода. Период первый (1715–1815 гг.). СПб. : Тип. «Арт. журнала», 1891. 412 с.
8. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М. : Воениздат, 1958. 646 с.
9. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. М. : Универ. тип. у Н. Новикова, 1786. Т. VI. Кн. II. 680 с.
10. Сметанин С.И., Конотопов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. М. : Академический проект, 2000. 470 с.
11. Орфеев А. История Сестрорецкого оружейного завода // Оружейный сборник. 1900. № 2. Отд. I. С. 41–139.
12. Мартынов В. Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 1. Отд. I. С. 1–47.
13. Записки офицеров, командированных в 1834 году, для практического образования в разные артиллерийские заведения. СПб. : Тип. Штаба Отд. корп. внут. стражи, 1837. Ч. II. 442 с.
14. Столетие Шостенского порохового завода. СПб. : Тип. Майкова, 1871. 126 с.
15. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. М. : АН СССР, 1948. Т. I. 544 с.
16. Глинский А.С. 100 лет Казанского порохового завода. СПб. : Тип. «Арт. журнала», 1888. 160 с.
17. Материалы для истории нашей артиллерии. Исторические сведения о наших пороховых заводах // Артиллерийский журнал. 1842. № 1. С. 1–8.
18. Баженов Н. Казанская история : в 3 ч. Казань : Тип. Л. Шевица, 1847. Ч. II. 150 с.
19. Рыбушкин М. Краткая история города Казани : в 2 ч. 3-е изд. Казань : Тип. Л. Шевиц, 1849. Ч. 2. 301 с.
20. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. I: Казанская губерния. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1850. 180 с.
21. Казаков В.С. 210 лет на службе Родины: Казанский пороховой завод. Казань : Экополис, 1998. 368 с.
22. Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности / генерал В.С. Михайлов 1875–1929: документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М. : РОССПЭН, 2007. С. 83–411.

23. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 208 с.
24. Белов С.Г., Коршунов О.Н. Пороховое производство в Казанском крае: к истории формирования химической промышленности на территории Татарстана (вторая половина XVI – первая половина XVIII вв.) // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 9. С. 337–339.
25. Позднев А. Творцы отечественного оружия. М. : Воениздат, 1955. 452 с.
26. Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М. : ОГИЗ, 1947. 764 с.
27. Сперанский В.Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1968. 27 с.
28. Забелин Л.В. Пороховая промышленность России до Октябрьской революции 1917 г. (Исторический очерк). Пермь, 1997. 74 с.
29. Майков П. О заготовке селитры для пороховых заводов // Артиллерийский журнал. 1864. № 9. Отд. неофиц. С. 643–705.
30. Ходнев А. Селитряное производство в России, по отношению к государству вообще и к военному ведомству в особенности // Артиллерийский журнал. 1862. № 9. Отд. II. С. 781–810.
31. Трифильев Е. Очерки по истории промышленности Слободской Украины. Ч. 1. Селитроварение. XVII–XIX вв. Харьков : Тип. Губ. правл., 1894. 37 с.
32. Ходнев А.И. Селитряный промысел в России // Артиллерийский журнал. 1858. № 1. Отд. ученый и техн. С. 91–128.
33. Пономарев А.М. Промышленность Левобережной Украины во второй половине XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1953. 16 с.
34. Пономарев А.М. Мануфактурная промышленность Украины в XVIII веке (Левобережье, Слобожанщина, Юг) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1971. 48 с.

References

1. Luk'yanov, P.M. (1949) *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoy promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [History of chemical crafts and chemical industry in Russia until the end of the 19th century]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
2. Luk'yanov, P.M. (1961) *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoy promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [History of chemical crafts and chemical industry in Russia until the end of the 19th century]. Vol. 5. Moscow: USSR AS.
3. Luk'yanov, P.M. (1959) *Kratkaya istoriya khimicheskoy promyshlennosti SSSR* [Brief history of the chemical industry of the USSR]. Moscow: USSR AS.
4. Brandenburg, N.E. (1890) Cherty iz istorii porokhodeliya v Rossii, v XVIII stoletii [Notes from the history of powder making in Russia, in the 18th century]. *Oruzheynyy sbornik*. 1 (II). pp. 57–75.
5. Brandenburg, N. (1885) Materialy dlya istorii porokhodeliya v Rossii [Materials for the history of powder making in Russia]. *Oruzheynyy sbornik* 2 (III). pp. 1–16.
6. Milyutin, D.A. (ed.) (1875) *Predstavlenie voennogo ministra po proektam Polozheniya o chastnykh porokhovyykh zavodakh, Pravil ob ustroystve sikh zavodov i vydylke porokha i Postanovleniya o nakazaniyakh za narusheniye oznachennykh Polozheniya i Pravil* [Representation of the Minister of War on the draft Regulations on private gunpowder factories, the Rules on the arrangement of these factories and the manufacture of gunpowder and the Decree on penalties for violation of the said Regulations and Rules]. St. Petersburg.
7. Kamenev, K.I. (1891) *Istoricheskoe opisaniye Okhtenskogo porokhovogo zavoda. Period pervyy (1715–1815 gg.)* [Historical description of the Okhten gunpowder factory. The first period (1715–1815)]. St. Petersburg: Tip. "Art. zhurnal".
8. Beskrovnyy, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki)* [Russian army and fleet in the XVIII century (Essays)]. Moscow: Voениzdat.
9. Chulkov, M.D. (1786) *Istoricheskoe opisaniye rossiyskoy kommersii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nyne nastoyashchego, i vsekh preimushchestvennykh zakoneniy po onoy gosudarya imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno tsarstvuyushchey gosudaryni imperatritsy Ekateriny Velikoy* [Historical description of Russian trade with all ports and borders from ancient times to the present, and all the prevailing legalizations on trade by sovereign Emperor Peter the Great and the now prosperously reigning empress, Empress Catherine the Great]. Vol. 6. Moscow: Univer. tip. u N. Novikova.
10. Smetanin, S.I. & Konotopov, M.V. (2000) *Razvitiye promyshlennosti v krepostnoy Rossii* [The development of industry in serf Russia]. Moscow: Akademicheskii projekt.
11. Orfeev, A. (1900) *Istoriya Sestroretskogo oruzheynogo zavoda* [History of the Sestroretsk arms factory]. *Oruzheynyy sbornik*. 2 (I). pp. 41–139.
12. Mart'yanov, V. (1890) *Istoricheskii ocherk razvitiya oruzheynogo dela na Sestroretskom zavode* [Historical outline of the development of weapons at the Sestroretsk plant]. *Oruzheynyy sbornik*. 1 (I). pp. 1–47.
13. Solovtsov. (1837) *Zapiski ofitserov, komandirovannykh v 1834 godu, dlya prakticheskogo obrazovaniya v raznyye artilleriyskie zavedeniya* [Notes of officers sent in 1834 for practical education in various artillery establishments]. Part 2. St. Petersburg: Tip. Shtaba Otd. korp. vnut. strazhi.
14. Barantsov, A.A. (ed.) (1871) *Stoletie Shostenskogo porokhovogo zavoda* [Centenary of the Shosten gunpowder factory]. St. Petersburg: Tip. Maykova.
15. Luk'yanov, P.M. (1948) *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoy promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [History of chemical crafts and chemical industry in Russia until the end of the 19th century]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
16. Glinskiy, A.S. (1888) *100 let Kazanskogo porokhovogo zavoda* [100 years of the Kazan gunpowder factory]. St. Petersburg: Tip. "Art. zhurnal".
17. Khatov, V.I. (ed.) (1842) *Materialy dlya istorii nashoy artillerii. Istoricheskie svedeniya o nashikh porokhovyykh zavodakh* [Materials for the history of our artillery. Historical information about our powder factories]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 1. pp. 1–8.
18. Bazhenov, N. (1847) *Kazanskaya istoriya: v 3 ch.* [Kazan history: in 3 parts]. Part 2. Kazan: Tip. L. Shevitsa.
19. Rybushkin, M. (1849) *Kratkaya istoriya goroda Kazani: v 2 ch.* [Brief history of Kazan]. 3rd ed. Part 2. Kazan: Tip. L. Shevits.
20. Romishevskiy. (1850) *Voенно-statisticheskoe obozreniya Rossiyskoy imperii* [Military statistical review of the Russian Empire]. Vol. V (I). St. Petersburg: Tip. Dep. Gen. shtaba.
21. Kazakov, V.S. (1998) *210 let na sluzhbe Rodiny: Kazanskiy porokhovoy zavod* [210 years in the service of the motherland: Kazan powder factory]. Kazan: Ekopolis.
22. Mikhaylov, V.S. (2007) *Ocherki po istorii voennoy promyshlennosti* [Essays on the history of the military industry]. In: *General V.S. Mikhaylov 1875–1929: dokumenty k biografii. Ocherki po istorii voennoy promyshlennosti* [General V.S. Mikhailov, 1875–1929: documents for a biography. Essays on the history of the military industry]. Moscow: ROSSPEN. pp. 83–411.
23. Fayzrakhmanov, I.Z. (2013) *Razvitiye manufakturnoy promyshlennosti Kazanskogo kraya vo vtoroy polovine XVIII v.* [The development of the manufacturing industry of the Kazan region in the second half of the 18th century]. Kazan: In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
24. Belov, S.G. & Korshunov, O.N. (2014) *Porokhovoe proizvodstvo v Kazanskom krae: k istorii formirovaniya khimicheskoy promyshlennosti na territorii Tatarstana (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XVIII vv.)* [Gunpowder production in the Kazan region: on the history of the formation of the chemical industry on the territory of Tatarstan (the second half of the 16th – the first half of the 18th centuries)]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 17 (9). pp. 337–339.
25. Pozdnev, A. (1955) *Tvortsy otechestvennogo oruzhiya* [Creators of domestic weapons]. Moscow: Voениzdat.

26. Lyubomirov, P.G. (1947) *Ocherki po istorii russkoy promyshlennosti. XVII, XVIII i nachalo XIX veka* [Essays on the history of Russian industry. 17th, 18th and early 19th centuries]. Moscow: OGIZ.
27. Speranskiy, V.N. (1968) *Voенно-экономическая подготовка России к бор'бе с Наполеоном в 1812–1814 гг.* [Military and economic preparation of Russia for the fight against Napoleon in 1812–1814]. Abstract of History Cand. Diss. Gorky.
28. Zabelin, L.V. (1997) *Porokhovaya promyshlennost' Rossii do Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 g. (Istoricheskiy ocherk)* [Powder industry in Russia before the October Revolution of 1917 (Historical essay)]. Perm: [s.n.].
29. Maykov, P. (1864) O zagotovke selitry dlya porokhovykh zavodov [On stocking saltpeter for gunpowder factories]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 9. Unofficial Part. pp. 643–705.
30. Khodnev, A. (1862) Selitryanoe proizvodstvo v Rossii, po otnosheniyu k gosudarstvu voobshche i k voennomu vedomstvu v osobennosti [Saltpeter production in Russia, in relation to the state in general and to the military department in particular]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 9 (II). pp. 781–810.
31. Trifil'ev, E. (1894) *Ocherki po istorii promyshlennosti Slobodskoy Ukrainy* [Essays on the history of industry in Sloboda Ukraine]. Part 1. Kharkiv: Tip. Gub. pravl.
32. Khodnev, A.I. (1858) Selitryanny promysel v Rossii [Saltpeter industry in Russia]. *Artilleriyskiy zhurnal*. 1. pp. 91–128.
33. Ponomarev, A.M. (1953) *Promyshlennost' Levoberezhnoy Ukrainy vo vtoroy polovine XVIII v.* [Industry of the Left-bank Ukraine in the second half of the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Kiev.
34. Ponomarev, A.M. (1971) *Manufakturnaya promyshlennost' Ukrainy v XVIII veke (Levoberezh'e, Slobozhanshchina, Yug)* [Manufacturing industry of Ukraine in the 18th century (Left-bank, Sloboda, South Ukraine)]. Abstract of History Dr. Diss. Kyiv.

Информация об авторе:

Алексеев Т.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: timson15121967@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Alekseev, Dr. Sci. (History), professor, A.F. Mozhaysky Military Space Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: timson15121967@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023;
одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 13.01.2023;
approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 94 (100)
doi: 10.17223/15617793/487/11

Полпред А.А. Трояновский в Японии (1928–1933 гг.)

Борис Степанович Жигалов¹, Елена Владимировна Хахалкина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *conhist@mail.tsu.ru*

² *ekhakhalkina@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается дипломатическая деятельность Александра Антоновича Трояновского в Японии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Это период, когда мирное развитие советско-японских отношений было взорвано японской агрессией в Маньчжурии в сентябре 1931 г. Возникла угроза непосредственного военного столкновения СССР и Японии. Советская дипломатия и лично полпред в Токио Трояновский, имевший обширные связи и контакты во влиятельных кругах правящей элиты Японии, сыграли важную роль в сохранении мирных отношений двух государств и в урегулировании ряда спорных вопросов.

Ключевые слова: советско-японские отношения, А.А. Трояновский, Маньчжурский кризис 1931 г., КВЖД

Для цитирования: Жигалов Б.С., Хахалкина Е.В. Полпред А.А. Трояновский в Японии (1928–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 94–101. doi: 10.17223/15617793/487/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/11

Plenipotentiary Alexander Troyanovsky in Japan (1928–1933)

Boris S. Zhigalov¹, Elena V. Khakhalkina²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *conhist@mail.tsu.ru*

² *ekhakhalkina@mail.ru*

Abstract. Among the galaxy of Soviet diplomats who worked in Japan in the interwar period, the most striking person was Alexander Antonovich Troyanovsky (1882–1955), who headed the USSR embassy in Tokyo in the late 1920s and early 1930s. His undoubted merits in the development of Soviet-Japanese relations are noted in Russian literature, although in general there are few publications devoted to him personally and his activities in world historiography. Diplomatic relations between the USSR and Japan were established in 1925. Until the end of the 1920s they developed smoothly and calmly. Viktor Kopp became the first Soviet plenipotentiary in Tokyo, but the problem of replacing him soon arose, and Troyanovsky became such a replacement. The article examines Troyanovsky's diplomatic activities in Japan in the late 1920s and early 1930s. This period deserves special attention. The global economic crisis that began in 1929 hit Japan hard. The volume of foreign trade decreased sharply, relations with other countries worsened, the internal political situation was complicated. In July 1929, the Tanaka government fell; in the next two years, three cabinets replaced each other in power. Expansionist tendencies in foreign policy were growing. As a result, in the early 1930s the peaceful development of Soviet-Japanese relations was blown up by the Japanese aggression against Manchuria in September 1931. The ruling circles of Japan came to the conclusion that the then going Civil War in China, the break in Soviet-Chinese relations, the distraction of the European powers and the United States by their own internal problems created favorable conditions for expansion in China. In September 1931, the relatively calm development of Soviet-Japanese relations was disrupted by the invasion of the Japanese army in Manchuria. A direct threat was created to the interests of the USSR in this region of China, and the danger of an armed clash between Japan and the USSR appeared. All this significantly affected the entire work of the Soviet embassy. There was a threat of a direct military clash between the USSR and Japan. From that moment on, opposition to the aggressive anti-Soviet policy of the Japanese government became the main activity of the Soviet plenipotentiary. Troyanovsky met with Japanese ministers, parliamentarians and journalists, proving that such an aggressive policy is detrimental to Japan. Soviet diplomacy and personally Troyanovsky, who had extensive connections and contacts in influential circles of the ruling elite of Japan, ultimately played an important role in maintaining peaceful relations between the two neighboring states and in settling a number of contentious issues.

Keywords: Soviet-Japanese relations, Alexander Troyanovsky, Manchurian Crisis of 1931, Chinese Eastern Railway

For citation: Zhigalov, B.S. & Khakhalkina, E.V. (2023) Plenipotentiary Alexander Troyanovsky in Japan (1928–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 94–101. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/11

Среди плеяды советских дипломатов, работавших в Японии в межвоенный период, наиболее яркой личностью был Александр Антонович Трояновский (1882–1955), возглавлявший полпредство СССР в Токио в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Его несомненные заслуги в развитии советско-японских отношений отмечены в отечественной литературе [1. С. 213], хотя в целом в зарубежной историографии посвященных ему работ или как-то его упоминающих почти нет [2–4]. Японская сторона организовала весьма торжественные проводы Трояновского в январе 1933 г. при его отъезде на родину: подарки от императора Японии (две вазы) с надписью «За выдающиеся заслуги в развитии японо-советских отношений», торжественный обед с участием премьер-министра Сайто и других видных государственных деятелей. Министр иностранных дел Японии Утида говорил, что японский народ «навсегда сохранит память о результатах его деятельности в Японии» [5. С. 55]. В свою очередь, японский посол в Москве Ота говорил замнаркому Л. Карахану, что «Япония прощается с Трояновским с большим сожалением, что он оставил о себе очень хорошую память» [6. С. 121].

Когда через несколько месяцев после возвращения из Японии Трояновский прибудет в Вашингтон в качестве полпреда СССР, то на вокзале, помимо американских официальных лиц, его будет встречать посол Японии в США. В беседе после вручения Трояновским верительных грамот президент Рузвельт упомянет об успешной его работе в Японии.

Но это будет потом. В начале биографии Трояновского ничто не предвещало его будущей успешной дипломатической деятельности. Окончив военное училище, служил в армии, участвовал в русско-японской войне, в чине поручика вышел в отставку и ушел в революцию. Примкнул к большевикам, арестовывался, ссылался, по фальшивому паспорту уехал за границу. Трояновский умел зарабатывать, и его семья не испытывала особых материальных трудностей в эмиграции. И тут произошел тот случай, который иногда определяет всю дальнейшую жизнь человека. В декабре 1913 г. в квартире Трояновского в Вене появился постоялец из России – «чудесный грузин» (выражение Ленина). Супруги Трояновские заботливо отнеслись к квартиранту. Как пишет сын героя нашего очерка, «тем несколькими неделям, которые он провел в Вене, суждено было сыграть решающую роль в жизни А. Трояновского» [5. С. 25].

Начавшаяся Первая мировая война привела к расхождению Трояновского с большевиками. Для него, боевого офицера русской армии, был неприемлем ленинский лозунг поражения своего государства в войне. Трояновский переходит к меньшевикам-оборонцам и быстро продвигается в руководство партии меньшевиков. После Февральской революции он возвращается в Россию и по списку партии меньшевиков проходит в

состав Учредительного собрания. Трояновский был одним из немногих, кому довелось выступить на первом и единственном заседании Учредительного собрания 25 января 1918 г., где он критиковал позицию большевиков на переговорах в Брест-Литовске. После Октябрьской революции Трояновский дважды арестовывался, но с 1919 г. служил в Красной армии.

В начале 1921 г. фортуна вновь повернулась лицом к Трояновскому. Он случайно встретил на улице Москвы Сталина, который пригласил его на работу в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, руководимый тогда им. В 1923 г. Трояновский был принят в ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа и стал быстро продвигаться по административно-хозяйственной лестнице. В мае 1924 г. он уже председательствовал в Госторге РСФСР, структуры, занимавшейся внешней торговлей, и член коллегии Наркомата внутренней и внешней торговли. Ставший тогда наркомом торговли А.И. Микоян вспоминал: «Трояновский по своей хватке не уступал американским бизнесменам. Он успешно организовывал дело, хорошо руководил аппаратом, совершенствовал методы его работы» [7. С. 41].

В середине 1920-х гг. происходит определенная корректировка внешнеполитического курса СССР. С экономической и политической стабилизацией капитализма на Западе возрастает значение стран Востока, где разворачивается мощное антиколониальное движение. Поэтому дальневосточное направление приобретает большое значение во внешней политике СССР. Конкретно речь шла о взаимоотношениях с Китаем и Японией.

Дипломатические отношения между СССР и Японией были установлены в 1925 г. До конца 1920-х гг. они развивались ровно и спокойно. Первым советским полпредом в Токио стал В. Копп, но скоро возникла проблема его замены. Работавший тогда советником полпредства Г. Беседовский в своих воспоминаниях оставил колоритную зарисовку нравов в тогдашнем полпредстве: «в токийском полпредстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе Янель. Жизнь полпредства была совершенно отравлена. Сотрудники глядели друг на друга зверьми, писали доносы» [7. С. 178]. Даже с учетом того, что будущий «невозвращенец» мог сгущать краски, обстановка в полпредстве была ненормальной и требовала изменений.

Решение проблемы назначения нового полпреда в Японию осложнялось острыми разногласиями и соперничеством руководителей Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова. Каждый из них стремился иметь «своих» людей на постах в аппарате Наркомата и за рубежом. Копп принадлежал к «литвиновцам», и поэтому в

НККИД сложилась парадоксально ситуация: руководители НККИД не могли договориться о кандидатуре нового представителя в Японии. Коллегия НККИД несколько раз обсуждала этот вопрос. Об этом Литвинов поведал Сталину 30 ноября 1926 г.: «Коллегия НККИД, однако, не смогла остановиться ни на одном из работников НККИД и поручила мне просить ЦК наметить своего кандидата в полпреда в Японию» [8. С. 68].

Политбюро, выражаясь шахматным языком, просто произвело рокировку: В. Копп 7 января 1927 г. был переведен на должность полпреда в Швецию, а В. Довгалевский – из Швеции в Японию. Но через несколько месяцев по состоянию здоровья Довгалевский был отозван из Токио. Пост полпреда в Японии снова оказался вакантным.

В дипломатической практике частая смена послов отнюдь не свидетельствует о хороших отношениях между странами. Поэтому Литвинов, комментируя освобождение 21 октября 1927 г. Довгалевского от обязанностей полпреда в Токио, писал: «Очень частая смена полпредов вообще является минусом для отношений с какой-либо страной. Отзывание Довгалевского через несколько месяцев после его назначения, несомненно, оставит неприятный осадок у японцев». Он отмечал возрастание значимости поста полпреда в Японии, ибо «после подписания Рыболовны конвенции нам предстоит вести переговоры с Японией о торговом договоре и, может быть, о пакте о ненападении» [8. С. 178].

Проблема снова решалась на высшем уровне. 3 ноября 1927 г. постановлением Политбюро полпредом в Японию был утвержден Трояновский. Он не был карьерным дипломатом и не стремился к этой работе. Он всегда подчеркивал, что ему ближе и понятнее хозяйственная работа, а не дипломатическая. Сам Трояновский спустя несколько лет в письме Сталину вспоминал об обстоятельствах его перехода на дипломатическую работу: «...желая уйти из Госторга в связи с возникшими у меня тогда разногласиями с Наркомторгом относительно дальнейшей судьбы Госторга, я согласился поехать полпредом в Японию» [8. С. 365].

Но, обладая большим опытом руководящей работы, будучи ответственным и требовательным руководителем, Трояновский смог самым достойным образом возглавить полпредство в Японии на протяжении пяти лет. Кроме того, что очень важно, на протяжении всей его дипломатической работы (в Токио или позднее в Вашингтоне) у Трояновского сохранялись хорошие отношения со Сталиным, который ему доверял. Трояновский мог через голову наркома непосредственно обращаться к вождю, что ставило его несколько в особое положение в НККИД. В своих письмах Сталину Трояновский обращался к нему доверительно «Дорогой Иосиф Виссарионович!», тогда как нарком и другие руководители НККИД обращались официально «Уважаемый т. Сталин».

13 января 1928 г. Трояновский прибыл в Токио. Полпредство тогда возглавлял временный проверенный в делах И.М. Майский, у которого сложились хорошие деловые отношения с полпредом. Как вспоминал впоследствии Майский, «Трояновский наилучшим

образом представлял советский народ». Японцам импонировало «его внимательное отношение к японской культуре, к японским нравам, обычаям, традициям» [9. С. 173]. Прибыв в Японию, Трояновский сообщал в Москву: «Начинаю понемногу входить в свои обязанности». Приятной неожиданностью для него оказался теплый прием у императора Японии после вручения верительных грамот. «Сегодня был с вручением верительных грамот у императора... Затем представлялся императрице. Сегодняшний прием был очень любезным, и я бы даже сказал, милым со стороны этих двух молодых людей, какими являются теперешний японский император и японская императрица» [10. С. 19].

Но Трояновского неприятно поразили два факта, о чем он подробно написал члену тогдашнего Политбюро Н.И. Бухарину. Первое. «Я прихожу в полное отчаяние по поводу отсутствия какой бы то ни было информации из НККИД относительно текущей нашей политики в отношении Японии. О подписании Рыболовны конвенции (подписана 26 января 1928 г. – Б.Ж., Е.Х.) я узнал от премьера Танаки... В Москве были Кухара и Гото. До моего приезда сюда полпредство не получило ни слова о том, какие были с ними переговоры (Гото дважды встречался со Сталиным. – Б.Ж., Е.Х.). Конечно, это не способствует поднятию авторитета здесь, причем не только авторитета посла, но и авторитета правительства, у которого так плохо поставлено дело информации» [10. С. 20–21].

Второе. Тягостное материальное положение сотрудников полпредства и торгпредства. «Жизнь здесь значительно дороже американской и английской... Условия жизни здесь весьма похожи на условия жизни в ссылке. Особенно тяжелое положение семейных сотрудников». Заканчивается это письмо обращением – «Очень прошу Вас, Николай Иванович, двинуть это дело» [10. С. 20–21].

После вручения верительных грамот и обязательных протокольных визитов началась для Трояновского обычная трудовая жизнь главы советского диппредставительства. Энергичный, с большим хозяйственным опытом, коммуникабельный советский полпред быстро становится заметной фигурой в дипломатическом корпусе японской столицы.

Первая неформальная встреча Трояновского с премьер-министром Японии генералом Танака, который одновременно занимал посты министра иностранных дел и министра колоний, состоялась в марте 1928 г. в помещении советского полпредства. Танака до революции бывал в России, ему нравилась русская кухня, особенно блины. Вот «на блины» он и пришел к Трояновскому, пешком, как подчеркивал премьер. Беседа продолжалась два часа. Предваряя беседу, премьер говорил Трояновскому: «Я хотел бы иметь с г. послом неофициальный, совершенно частный и совершенно открытый разговор. Я просил бы его говорить мне все, что он думает по поводу русско-японских отношений, как приятное, так и неприятное» [11. С. 137].

Трояновский, в свою очередь, сформулировал проблемы, которые, по его мнению, являлись актуальными на данный момент и которыми он намеревался заниматься. Первое. Рыболовны дела. Переговоры о

разработке Рыболовной конвенции велись более года. Она была подписана, но еще не ратифицирована. Предстояла ратификация и практическое воплощение в жизнь. Второе. «У нас на очереди стоит вопрос о торговом договоре... Торговые отношения не могут успешно развиваться без торгового договора» [11. С. 138]. По мнению Трояновского, переговоры о торговом договоре лучше вести в Москве. «Я не хотел бы себя загружать этой работой, так как мне необходимо еще как следует ознакомиться с Японией». Третье. Взаимоотношения СССР и Японии в Маньчжурии. «Я не имею никаких указаний на этот счет от своего правительства. Но существуют довольно натянутые отношения между КВЖД и ЮМЖД». Эти дороги конкурируют между собой. «И я хотел бы сделать что-нибудь, чтобы немного разрядить отношения... Никаких особых интересов в Маньчжурии мы не имеем. У нас там большое имущество, которое нам приходится охранять. Для этого КВЖД должна получить возможность спокойно работать». Четвертое. «Пришла пора говорить относительно пакта о ненападении». Полпред напомнил, что подобное предложение было сделано правительством СССР еще в 1926 г [11. С. 139–144]. Японский премьер воспринял эту программу деятельности Трояновского положительно, за исключением последнего пункта о пакте о ненападении. По этому вопросу Танака заявил: «Для этого не пришло еще время» [11. С. 144].

Энергичный и напористый Трояновский берет на себя решение всех основных проблем, встающих перед полпредством. Сужается сфера деятельности советника полпредства Майского, который в одном из писем с грустью констатировал: «Политической работы мало, на двоих не хватает» [12. С. 163]. Имея поддержку Сталина, Трояновский нередко действовал самостоятельно, выходя за рамки своих полномочий. Так получилось с организацией гастролей в СССР японского театра «Кабуки», культового для Японии творческого коллектива. Из-за бюрократических проволочек с советской стороны возникла проблема оплаты проезда «Кабуки» до границы СССР. Трояновский самовольно перевел часть средств, выделенных на ремонт здания полпредства (70 тыс. иен), на эти цели, получив за это выговор из Москвы.

Но он считал эти гастроли важным фактором в развитии советско-японских культурных связей. Трояновский писал Чичерину: «учтите, что к нам едут знаменитые артисты, пользующиеся в Японии колоссальной славой, их впечатление от поездки будет иметь большое значение» [11. С. 339]. Гастроли театра «Кабуки» прошли в июле-августе 1928 г. в Москве и Ленинграде с огромным успехом, и это действительно способствовало позитивным сдвигам в японском общественном мнении в отношении СССР.

Тем не менее Трояновскому пришлось оправдываться перед Сталиным от тех «неудовольствий», которые высказывались в его адрес со стороны НКВД. Трояновский объяснял многие свои действия, несанкционированные НКВД, «медлительностью, которая часто проявляется в НКВД, и отсутствием ответов на

запросы, которые отсюда посылаются» [8. С. 265]. Далее он довольно резко пишет о заброшенности токийского полпредства, невнимании к нему со стороны НКВД. Нас плохо информируют. Мы имеем очень редкую и очень скудную общую информацию... Мы здесь работаем в очень тяжелых условиях: во враждебной обстановке, вдали от Москвы, с редкой диппочтой. Неаккуратность НКВД очень осложняет всю работу... Меня очень удивляет стремление НКВД все сколько-нибудь серьезные переговоры вести обязательно в Москве. Сюда передаются лишь мелкие и кляузные, совершенно безнадежные дела. В Токио японцы были бы поставлены в худшие условия, а мы – в лучшие. Что касается умения в ведении переговоров, то я не думаю, что у полпреда здесь было бы его меньше, чем у руководителей НКВД». Завершает свое письмо Сталину Трояновский словами: «Я уверен, что упреков по поводу моей политической деятельности сделать мне нельзя» [8. С. 265].

Помимо НКВД, Трояновскому приходилось за свои инициативы время от времени получать нагоняй от более высокой инстанции – Политбюро. Так, весной 1928 г. японское правительство активизирует свою политику в Китае, введя войска в Шаньдунскую провинцию с целью вмешательства в гражданскую войну. Эта акция вызвала протесты в Китае. Трояновский предложил присоединиться к этим протестам. Но, стремясь не раздражать Японию, советское руководство отвергло это предложение полпреда. 10 мая 1928 г. Политбюро постановило: «Считать нецелесообразным предложение т. Трояновского об официальном протесте правительства СССР против военных действий Японии в Китае. Предложить НКВД указать т. Трояновскому, что он таких вопросов не должен решать самостоятельно, без указаний из Центра» [13. С. 49].

Некоторые инициативы Трояновского еще более жестко пересекались из Москвы. Летом 1929 г. в период советско-китайского конфликта на КВЖД Политбюро приняло специальное постановление «О товарище Трояновском» (25 июня 1929 г.). В нем говорилось: «Констатировать, что т. Трояновский грубо нарушил директивы ЦК ВКПб, вступив с японским мининделом в переговоры об условиях ликвидации конфликта и о посредничестве Японии в конфликте на КВЖД. Поставить на вид т. Трояновскому его недопустимый поступок» [13. С. 50–51].

Обстоятельно ознакомившись с состоянием японо-советских отношений и в целом с обстановкой на Дальнем Востоке, Трояновский направляет 7 декабря 1928 г. аналитическую записку Сталину, где излагает свое видение ситуации и просит «дорогого т. Сталина» дать необходимые рекомендации. Трояновский пишет об опасности войны на Тихом океане между Японией и США. «Военный флот Японии энергично готовится именно к войне с Америкой». Для Японии в этих условиях возрастает значение сахалинской нефти. «Сахалинская нефть становится важнейшим моментом в приближающейся мировой войне». В этих условиях исключен захват Японией Северного Сахалина и советского Дальнего Востока. «Мы вынуждены будем

воевать с Японией». Японцы боятся сближения СССР и США. Тогда у нас с Америкой будет общий враг. Мы должны использовать малейшие противоречия между капиталистическими державами в их борьбе между собой. «Резко отталкивать сейчас японцев мы не должны. Разговоры о соглашении между нами и японцами, сама мысль о возможности такого соглашения может ускорить наше сближение с Америкой и Китаем» [8. С. 266–271]. «Я очень прошу Вас продумать нашу тактику, наши маневры, чтобы разрешить эти проблемы, имеющие важное значение не только для отношений с Японией, но и всей нашей международной политики» [8. С. 271].

Неизвестна реакция Сталина на эти предложения Трояновского. Но, думается, имеется определенная связь между этим письмом и постановлением Политбюро от 20 декабря 1928 г. «О Японии», где говорилось о создании комиссии во главе с А. И. Микояном, которой поручалось «рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с нашими взаимоотношениями с Японией в настоящий момент и выработать конкретные предложения о нашей политике по отношению к Японии в настоящее время». Примечателен последний пункт этого постановления: комиссии «вести работу чрезвычайно конспиративно и документов не размножать» [8. С. 272]. Это при том, что все документы Политбюро имели гриф «секретно». Устанавливалась некая двойная секретность, дабы не допустить какой-либо утечки информации.

В повседневной работе полпредства за весь период пребывания Трояновского в Японии большое место занимали вопросы рыболовства. Хотя была подписана и вступила в силу Рыболовная конвенция, японская сторона выдвигала новые требования, касающиеся распределения рыболовных и краболовных участков, квот вылова и сроков аренды, размеров арендной платы и соотношения курсов иены и рубля. Переговоры по этим вопросам шли и в Москве, и в Токио.

По сведениям полпредства, в рыболовные дела были вовлечены, помимо малого и среднего бизнеса, крупные корпорации типа «Мицубиси». Начавшиеся переговоры шли долго и трудно. Ссылаясь на донесения Трояновского, Карахан информировал председателя СНК Молотова, что рыболовные споры усиливают антисоветские настроения в Японии. Японцы настаивают на пересмотре условий Конвенции 1928 г., подчеркивают, что мы не оценили в должной мере благоприятную позицию Японии во время советско-китайского конфликта [5. С. 374].

Трояновский активно участвует в спорах и дискуссиях по вопросам рыболовства, доказывая, что Конвенция 1928 г. дала Японии больше, чем Конвенция 1907 г., подписанная царским правительством после поражения в Русско-японской войне. В доказательство он приводил данные статистики. Так, в 1929 г. доля Японии в добыче рыбы и морепродуктов в советских дальневосточных водах составила 74,5 %, доля СССР – 25,5 % [8. С. 321]. Полпред активно пытается найти компромиссное решение с претензией Японии, что получает поддержку в Москве на высшем уровне. 14 августа 1931 г. Сталин пишет Кагановичу: «С японцами

можно заключить соглашение по рыбе на базе предложений Трояновского» [14. С. 43]. Но ничего из этого не получилось.

Расширение японской агрессии в Маньчжурии, угроза непосредственного военного столкновения толкали правительство СССР на уступки Японии по ряду вопросов, включая проблему рыболовства. В начале августа 1932 г. Сталин дает указание подписать соглашение по спорным рыболовным вопросам на японских условиях [13. С. 96]. В соответствии с этим указанием 13 августа 1932 г. Карахан и посол Хирота подписали Соглашение по спорным рыболовным вопросам [15. С. 468–471]. Другой проблемой, занимавшей важное место в работе Трояновского, было развитие торговых отношений с Японией. Он считал, что «рыболовство и сахалинские концессии» связывают недостаточно две державы. Действительно, торговые отношения СССР и Японии в конце 1920-х гг. находились на очень низком уровне. Главными торговыми партнерами СССР тогда были Германия и США. Так, в 1928 г. импорт СССР из Германии составил 448,4 млн руб., из США – 187,7 млн, а из Японии – только 5,4 млн руб. Доля Японии в импорте СССР составляла 0,9%, в экспорте – 1,6% [11. С. 687; 15. С. 715, 720].

Трояновский развернул активную деятельность, стремясь стимулировать японский бизнес на развитие торговли с советскими организациями. Как вспоминал впоследствии Майский, «Трояновский беседовал с промышленниками и купцами, с моряками, он бывал на фабриках и в редакциях газет, в парламенте и токийском муниципалитете, в порту Иокогама» [9. С. 172].

6 марта 1930 г. Трояновский пишет письмо членами Политбюро, в котором подчеркивает необходимость расширения торговых и финансовых отношений с Японией. Из Японии можно импортировать чай, медь, электротехнические товары. Потребительские товары (текстиль, сахар) выгоднее экспортировать из европейской части страны на Ближний и Средний Восток, а Сибирь и Дальний Восток, где проживает более 2 млн чел., обеспечивать этими товарами, импортируя их из Японии. Импорт из Японии можно довести до 50 млн иен (в 1930 г. он составлял 15 млн иен). «С цифрой в 50 млн иен импорта из Японии в соединении с концессиями, рыбной ловлей на Камчатке – это было бы солидной базой для устойчивых и хороших взаимоотношений с Японией» [8. С. 374].

Трояновский фиксирует косность и неповоротливость в работе торгпредства в Токио, что вызывало недовольство японских коммерсантов, и добивается снятия торгпреда А.Н. Асаткина, бывшего председателя Дальневосточного крайисполкома, который формально полпреду не подчинялся. Но торговый договор разработать не удалось, а в связи с японской агрессией в Маньчжурии в 1931 г. товарооборот двух стран сократился в три раза [16. С. 480].

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис сильно ударил по Японии. Резко сократился объем внешней торговли, обострились отношения с другими

странами. Осложнилась внутривластная ситуация. В июле 1929 г. пало правительство Танаки, в последующие два года у власти сменили друг друга три кабинета; нарастали экспансионистские тенденции во внешней политике.

Правящие круги Японии приходят к выводу, что продолжающаяся Гражданская война в Китае, разрыв советско-китайских отношений, отвлеченность европейских держав и США на свои внутренние проблемы создают благоприятные условия для расширения экспансии в Китае. В сентябре 1931 г. сравнительно спокойное развитие советско-японских отношений было нарушено вторжением японской армии в Маньчжурию. Создавалась непосредственная угроза интересам СССР в этом районе Китая и опасность вооруженного столкновения Японии и СССР.

Все это существенным образом сказалось на всей работе советского полпредства. В сентябре 1931 г. Трояновский находился в отпуске в Москве. Вернувшись в Токио и ознакомившись с ситуацией, он сообщил в Москву: «Япония пока не стремится к осложнению отношений с нами. Но среди военных имеются весьма агрессивные настроенные элементы» [5. С. 48]. В январе 1932 г. он более уверенно сообщал НКВД: «В военных кругах бродят мысли о захвате Сахалина, Приморья, Камчатки» [16. С. 16].

С этого момента противодействие агрессивной антисоветской политике правящих кругов Японии становится главным в деятельности советского полпреда. Трояновский встречается с японскими министрами, парламентариями и журналистами, доказывая пагубность для Японии подобной агрессивной политики. Так, выступая 10 января 1932 г. перед представителями ведущих японских газет, он говорил: «Военный конфликт будет тяжелее русско-японской войны и будет иметь тяжелые последствия для Японии и неизвестно, кто и как им воспользуется» [16. С. 20].

В Японии исторически сложилась ситуация, когда в формировании внешней политики страны важную роль играли вооруженные силы: армия и флот, внешнеполитическая ориентация которых не всегда совпадала. Так, на рубеже 1920–1930-х гг. армия в лице военного министра генерала Араки выступала за экспансию на азиатском континенте и войну с Китаем и СССР. Флот в лице морского министра адмирала Като рассматривал в качестве потенциального противника США.

Эти обстоятельства Трояновский использовал в своей работе. Сын героя нашего очерка свидетельствовал в своих мемуарах: «У отца сложились очень хорошие отношения с рядом крупных чиновников в военно-морских силах Японии, которые в беседах с ним были весьма откровенны» [5. С. 50]. Японские газеты писали, что Трояновский умеет хорошо играть на противоречиях армии и флота, что советский посол «лучший друг» адмирала Като.

В своем донесении в НКВД 19 августа 1932 г. Трояновский приводит слова известного японского журналиста Фусе: «Моряки и главным образом адмирал Като

сыграли крупную роль в предотвращении вооруженного конфликта между СССР и Японией». При этом полпред подчеркивал: «Конечно, не только адмирал Като, но и ряд других лиц и групп сыграли свою роль в этом отношении. Работа посольства в этом направлении дала свои плоды» [16. С. 474].

Действительно, активная пропагандистская работа полпреда давала положительные результаты. По рекомендации Сталина Трояновский встречался с представителями крайне правых, милитаристские кругов японской правящей элиты. Он сообщал в Москву о своих встречах с принцем Канъин (начальник генерального штаба армии), принцем Фусима (начальник генерального штаба ВМФ) и лидером радикальных милитаристских кругов генералом Араки. Выводы, которые Трояновский делал из этих встреч, свидетельствовали, что «окружение императора против войны с нами, правительства в своем большинстве не разделяет взглядов военного министра Араки» [13. С. 464, 479].

Дело до непосредственного военного конфликта тогда не дошло. Решающую роль в этом сыграли решительные меры по укреплению обороноспособности Дальнего Востока, предпринятые советским правительством. Но не пропали даром и усилия советской дипломатии в лице полпреда Трояновского.

В последние месяцы пребывания Трояновского в Японии на первый план в советско-японских отношениях выходит вопрос о продаже КВЖД. Это было обусловлено установлением Японией контроля над всей Маньчжурией и созданием ею в марте 1932 г. марионетного государства Маньчжоу-Го. Японцы установили фактический контроль над КВЖД и ее подсобными предприятиями, а также заявили, что все права Китая на КВЖД отныне переходят к властям Маньчжоу-Го.

Реальным выходом из создавшейся ситуации могла стать продажа КВЖД, что, по мнению Москвы, могло устранить опасный источник напряженности в советско-японских отношениях. 26 марта 1932 г. Политбюро сообщило Трояновскому о готовности СССР продать КВЖД и обсуждать условия этой продажи [13. С. 79]. Это был ответ на сообщение Трояновского о его встрече с японским промышленником Ямомото, который в «частном порядке» выдвинул идею «амальгации» КВЖД и ЮМЖД в одно акционерное общество, принадлежавшее совместно СССР, Японии и Маньчжоу-Го. Идея «амальгации» была отвергнута, но подчеркивалось, что при продаже КВЖД СССР мог бы пойти на определенные уступки, «если бы Япония согласилась заключить с СССР соглашение о безусловном взаимном воздержании о всякой военной агрессии и безусловном сохранении мира между нашими странами». Но, подчеркивалось в директивах Москвы, переговоры должны вестись в «официальном порядке».

Ничего из этого не вышло, хотя 17 апреля 1932 г. Трояновский получил новое указание из Москвы: «Не надо навязываться, но и не следует избегать встреч с японскими деятелями» [13. С. 83].

В мае 1932 г. Трояновский имел ряд встреч с японским промышленником Фудзивара. Речь шла об условиях продажи КВЖД. Не всем в Москве нравилась активная инициативная деятельность Трояновского по вопросу продажи КВЖД. 23 июня 1932 г. Каганович с возмущением пишет Сталину: «Трояновский делает глупости. Несмотря на запрещение, он ведет переговоры с Фудзиварой о выкупе японцами КВЖД и об отказе японцев от японских рыболовных прав и т.д., думаем послать ему резкую телеграмму, чтобы он прекратил эти разговоры» [14. С. 189].

Через два дня Каганович снова пишет Сталину относительно деятельности полпреда в Японии: «Трояновский ведет разговоры обо всех сторонах наших отношений с Японией с Фудзивара... Основная тема разговора – КВЖД. Трояновский, вопреки директивам ЦК, продолжает говорить с японцами о возможности компенсации нам за КВЖД отказом от своих рыболовных прав. Мы считаем необходимым осудить поведение Трояновского» [14. С. 192].

Но Сталин поддержал полпреда, хотя и отверг его предложение о том, что чтобы японцы заплатили за КВЖД полным отказом от своих рыболовных прав в водах советского Дальнего Востока.

Официальные переговоры о продаже КВЖД между представителями СССР и Маньчжоу-Го при посредничестве Японии начались в Токио уже при преемнике Трояновского и завершились в 1935 г. подписанием соответствующего соглашения.

За годы своей работы в Японии Трояновский несколько раз обращался к Сталину с просьбой об отзыве. Помимо отмеченной выше специфики функционирования полпредства в Токио, имели свое значение и непривычность японского климата, и назойливость японской полиции, следящей за каждым шагом советских дипломатов.

Первый раз Трояновский обратился со своей просьбой об отзыве уже в июне 1929 г. Он писал: «Я здесь скоро буду уже два года. Срок пребывания для тяжелых условий, в которых здесь приходится работать, особенно условий климатических, довольно-таки порядочный... Мне уже угрожает опасность стать дуайеном дипломатического корпуса. Сейчас я здесь второй по старшинству после английского посла. Я думаю, нам вряд ли пристала роль дуайена при необходимости выступать со всякого рода приветствиями по отношению к императору во время официальных церемоний.

Пишу Вам это для того, чтобы напомнить о себе, и для того, чтобы Вы вспомнили обо мне, когда окажется какая-либо подходящая для меня работа в СССР, а в крайнем случае в другой стране в Европе» [8. С. 291]. Второй раз он обратился к Сталину 8 августа 1930 г.: «...я здесь уже нахожусь почти три года. Срок достаточный и не нарушающий никаких дипломатических

приличий... Кроме того, я больше чувствую склонность к хозяйственной работе, чем дипломатической. Я здесь себя чувствую почти как в ссылке и вообще не в своей тарелке. Очень прошу Вас... оказать содействие по отзыванию меня в СССР» [8. С. 365–366].

В сентябре 1932 г. Трояновский снова обратился к Сталину с просьбой об отзыве из Японии. Он писал: «Желания дипломатической работы не имею. Прошу дать интересную хозяйственную работу, на которой буду более полезен» [5. С. 53]. Но Сталин просил Трояновского остаться в Токио еще на 8–10 месяцев. «Мы не хотим терять те связи, которые завелись у Вас с деятелями Японии» [5. С. 54]. Однако Трояновский настоял на своем и в феврале 1933 г. покинул Японию.

Хотя уже в те годы отказ выполнить «просьбу» Сталина был чреват серьезными неприятностями, для Трояновского это не имело последствий. Вернувшись из Японии, он выступил на заседании Политбюро, был принят Сталиным, а осенью 1933 г. был направлен полпредом в США, где проработал около пяти лет.

Все, как известно, познается в сравнении. На излете своей жизни Трояновский признавал, что работать в Японии ему было значительно легче, чем в США, и что «японский период» остается для него «звездным часом» [5. С. 56].

Успешность Трояновского на посту полпреда в Японии была обусловлена, как представляется, двумя основными факторами.

1. В конце 1920-х гг. Япония была единственной из тогдашних великих держав, имевшей хорошие отношения с СССР. Прибывший осенью 1927 г. в Токио после разрыва англо-советских отношений в качестве советника полпредства Майский был удивлен политическим климатом японской столицы. «Здесь, по крайней мере, внешне, к нам относятся как к великой державе и притом как к дружественной великой державе. Странно и непривычно после Англии» [17. С. 284, 292]. В Москве дорожили достигнутым уровнем взаимодействия с Японией и старались их сохранять и развивать. Трояновский был убежденным сторонником развития многосторонних отношений с Японией.

2. Трояновский, как никто другой из советских дипломатов, смог «подружиться» с влиятельными представителями правящей элиты Японии. Благодаря своим личностным качествам, коммуникабельности у него сложились дружественные связи и контакты, начиная от императорского двора до журналистов, бизнесменов, крупных чиновников ряда ведомств. Поэтому Сталин дорожил этими налаженными Трояновским контактами и не хотел отпускать его из Японии.

Иными словами, полпред Трояновский – это человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

Список источников

1. Очерки истории Министерства иностранных дел России : в 3 т. Т. 2 (1917–2002). М., 2002. 617 с.
2. Etkind A. Disenchantment // Etkind A. Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt. University of Pittsburgh Press, 2017. P. 165–178. doi: 10.2307/j.ctv8j4g0.17

3. Solomon H. Soirees to Spies // Solomon H. *Such Splendid Prisons: Diplomatic Detainment in America during World War II*. University of Nebraska Press, 2020. P. 32–42. doi: 10.2307/j.ctvr7fc56.9
4. Costigliola F. Kennan and the descent into war, 1937–1939 // Kennan: A Life between Worlds. Princeton University Press, 2023. P. 197–223.
5. Трояновский О. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. 383 с.
6. Документы внешней политики СССР : в 24 т. (далее ДВП). Т. XVI. М., 1970. 920 с.
7. Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997. 459 с.
8. Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля : сб. док. в 2 кн. 1921–1931. Кн. 2. М., 2007. 460 с.
9. Майский И.М. Люди. События. Факты. М., 1973. 216 с.
10. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. 519 с.
11. ДВП. М., 1966. Т. XI. 692 с.
12. Хахалкина Е.В., Жигалов Б.С. И.М. Майский и советско-японские отношения в 1927–1929 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 159–167.
13. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001. 880 с.
14. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. 798 с.
15. ДВП. Т. XII. М., 1967. 816 с.
16. ДВП. Т. XV. М., 1969. 867 с.
17. Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. М., 2005. 580 с.

References

1. Ivanov, I.S. et al. (eds) (2002) *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii: v 3 t.* [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia: in 3 vols]. Vol. 2 (1917–2002). Moscow: OLMA-Press.
2. Etkind, A. (2017) Disenchantment. In: *Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt*. University of Pittsburgh Press. pp. 165–178. doi: 10.2307/j.ctv8j4g0.17
3. Solomon, H. (2020) Soirees to Spies. In: Solomon H. *Such Splendid Prisons: Diplomatic Detainment in America during World War II*. University of Nebraska Press. pp. 32–42. doi: 10.2307/j.ctvr7fc56.9
4. Costigliola, F. (2023) Kennan and the descent into war, 1937–1939. In: *Kennan: A Life between Worlds*. Princeton University Press. pp. 197–223.
5. Troyanovskiy, O. (1997) *Cherez gody i rasstoyaniya. Istoriya odnoy sem'i* [Through years and distances. History of a family]. Moscow: Politizdat.
6. Politizdat. (1970) *Dokumenty vneshney politiki SSSR: v 24 t.* [Documents of the foreign policy of the USSR: in 24 volumes]. Vol. XVI. Moscow: Politizdat.
7. Besedovskiy, G.Z. (1997) *Na putyakh k termidoru* [On the way to Thermidor]. Moscow: Nauka.
8. Sevost'yanov, G.N. (ed.) (2007) *Moskva – Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya: sb. dok. v 2 kn.* [Moscow – Tokyo. Politics and diplomacy of the Kremlin: Documents in 2 books]. Book 2. 1921–1931. Moscow: Nauka.
9. Mayskiy, I.M. (1973) *Lyudi. Sobytiya. Fakty* [People. Events. Data]. Moscow: Nauka.
10. Kвашонкин, A.V. et al. (eds) (1999) *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg.* [Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN.
11. Politizdat. (1966) *Dokumenty vneshney politiki SSSR: v 24 t.* [Documents of the foreign policy of the USSR: in 24 volumes]. Vol. XI. Moscow: Politizdat.
12. Khakhalkina, E.V. & Zhigalov, B.S. (2019) I.M. Mayskiy i sovetsko-yaponskie otnosheniya v 1927–1929 gg. [I.M. Maisky and Soviet-Japanese Relations in 1927–1929]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 3. pp. 159–167.
13. G. Adibekov, Kh. Vada. (2001) *VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg.* [VKP(b), Comintern and Japan. 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN.
14. Khlevniyuk, O.V. et al. (2001) *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow: ROSSPEN.
15. Politizdat. (1967) *Dokumenty vneshney politiki SSSR: v 24 t.* [Documents of the foreign policy of the USSR: in 24 volumes]. Vol. XII. Moscow: Politizdat.
16. Politizdat. (1969) *Dokumenty vneshney politiki SSSR: v 24 t.* [Documents of the foreign policy of the USSR: in 24 volumes]. Vol. XV. Moscow: Politizdat.
17. Mayskiy, I.M. (2005) *Izbrannaya perepiska s rossiyskimi korrespondentami* [Selected correspondence with Russian correspondents]. Book 1. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Жигалов Б.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: conhist@mail.tsu.ru

Хахалкина Е.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.S. Zhigalov, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conhist@mail.tsu.ru

E.V. Khakhalkina, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conhist@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/15617793/487/12

Строительство Китайской Восточной железной дороги и возвышение Харбина

Линь Ли^{1, 2}

¹ Институт международного образования Шеньянского политехнического университета, Шеньян, Китай

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1, 2} 13940309208@139.com

Аннотация. Представлен исторический обзор обстоятельств строительства Китайской Восточной железной дороги, а также анализируется ее роль и значение в становлении Харбина как современного многонационального мегаполиса.

Ключевые слова: Китайская Восточная железная дорога, северо-восток Китая, Харбин, колонизация

Для цитирования: Ли Линь. Строительство Китайской Восточной железной дороги и возвышение Харбина // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 102–107. doi: 10.17223/15617793/487/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/12

Construction of the Chinese Eastern Railway and the rise of Harbin

Lin Li^{1, 2}

¹ Shenyang Polytechnic University, Shenyang, China

² National Research Tomsk State University, Russian Federation

^{1, 2} 13940309208@139.com

Abstract. The article provides an overview of the circumstances of the construction of the Chinese Eastern Railway (CER), as well as analyzes its role and significance in the formation of Harbin as a modern multinational metropolis. Historically, Harbin was a little-known fishing village, and the Railway Construction and Design Department, as well as Russian research groups, first established dwellings near the Tianjiashaoguo, and, thanks to the construction of the railway, the nameless village turned into a world-famous metropolis in less than 30 years, laying the foundations of modern Harbin. The availability of water transport and geographical location were the determining factors due to which Harbin was chosen for the construction of the CER. The location in the middle reaches of the Sungari, the flat terrain and the relatively high population density facilitated the transportation of materials necessary for the construction of the railway and the search for labor. After the opening of the CER in 1903, Harbin became the center of Northeast Asia, a bridge between Europe and Asia. With the influx of Russian capital, modern industry was born in Harbin. Tsarist Russia invested in factories, breweries, powder factories, printing houses, monopolizing industries such as shipbuilding, cigarette production, grain and oil. A large number of residential areas and more than a dozen landmark buildings were built here during several years. On 30 May 1904, Dalian was occupied by the Japanese; it was a year of bloodshed that led thousands of miles of fertile land in Northeast China to an unprecedented catastrophe. The war brought a flow of people and resources to Harbin, and the city, which was built as a railway junction, became a pillar of Russia in the Russian-Japanese war. The rise of Harbin attracted the increasing attention of the UK, Japan and a number of other imperialist countries. Dissatisfied with the Russian influence on Harbin, foreigners migrated to Harbin, imported capital here, competed for resources, opened their factories here, hoping to get their share of the benefits. Under external pressure, in January 1907, the Qing court approved the opening of Harbin for trade. With the influx of investments from different countries and immigrants, the territories along the railway were largely commercialized. Soybeans, corn and other crops were sold directly to Europe, America, Asia, and to other countries, and Harbin gained worldwide fame, became an international trade center. Foreign capital was imported on a huge scale, a number of foreign banks were opened in Harbin, consulates of the UK, France, the USA, Germany and other countries were established, the city continued to develop. The CER was the result of a dubious contract, but at the same time it was an advanced means of production that contributed to the economic development and cultural prosperity of northern China, turning the wild Northeast into the most developed region of the 1920s and 1930s in a few decades and establishing the region as the base of heavy industry of our time.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Northeast China, Harbin, colonization

For citation: Li, Lin. (2023) Construction of the Chinese Eastern Railway and the rise of Harbin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 102–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/12

В конце XIX в. на отдаленных, но плодородных землях приграничных территорий Северо-Восточного Китая собирались миллионы переселенцев из других регионов. Мигранты занимались охотой и рыболовством, мирно жили общинами в горах и процветали. Среди них были люди, спасающиеся от бедствий, заключенные, сосланные на приграничные территории, и даже авантюристы, занятые здесь незаконной добычей полезных ископаемых. В течение долгих лет сюда постоянно прибывали люди, вынужденные переселиться в результате различных природных и техногенных катастроф. Переселенцы перенимали навыки выживания местных жителей, и в то же время привносили из своих родных мест передовые методы земледелия, плавки металлов и строительства. История дала этой особой группе китайцев имя – 闯关东 – «прорвавшиеся в Гуаньдун». Упорный труд и отвага сделали поколением потомков тех, кто совершил этот «прорыв», настоящими хозяевами щедрой и плодородной земли [1].

В марте 1895 г., после поражения Китая в Китайско-японской войне, царская Россия совместно с Францией и Германией вынудила Японию вернуть Ляодунский полуостров, чтобы предотвратить чрезмерное усиление Японии и завоевать доверие Китая. Для того чтобы выплатить огромные репарации Японии, правительство Цин обратилось за поддержкой, и император Николай II согласился предоставить кредит под низкий процент. Была определена стратегия «связи с Западом и сдерживания Востока». 3 июня 1896 г. Ли Хунчжан и С.Ю. Витте подписали в Москве от имени своих правительств Союзный договор между Россией и Китаем – секретный русско-китайский договор, который содержал шесть статей: во-первых, объединение против Японии; во-вторых, запрет переговоров о мире с врагом без согласования с другой стороной; в-третьих, разрешение русским кораблям заходить во все китайские порты в случае войны; в-четвертых, разрешить Китаю построить железную дорогу в Хэйлунцзяне и Цзилине; в-пятых, разрешить России использовать железную дорогу в любое время для перевозки военных грузов; и в-шестых, срок действия договора составит пятнадцать лет [2. С. 28].

Пока Россия и Китай вели переговоры об условиях договора, на северо-востоке Китая уже кипела работа: группы российских геодезистов пересекали российско-китайскую границу и прибывали в Цицикар, Ниндоту и Большой Хинган для проведения полевых исследований, а горные инженеры и ботаники из геодезических групп исследовали угольные и лесные ресурсы вдоль маршрута. Постепенно люди, живущие на берегах реки Сунгари, открыли для себя, что эти специалисты скрупулезно разметили и описали все места, которые посетили. Очевидно, что они приехали подготовленными, но у них было мало контактов с местным населением и очень мало контактов с правительством,

и в тот момент было сложно представить, какие глобальные изменения ждали этот регион. Несмотря на тяжелейшие условия, отсутствие дорог и прочие трудности, работы по изысканию на территории порядка 4 700 км были осуществлены с невероятной скоростью – около трех лет [3. С. 64].

Китайцы того времени были плохо знакомы с понятием географической экспедиции, во времена династии Цин существовало всего несколько книг по географии, в том числе «Карта провинции Хэйлунцзян» Ту Ци и «Важнейшие сведения о восточной окраине Сибири» Цао Тинцзе. Но члены Российской императорской академии наук, научные исследователи, каждую зиму отправлялись на исследования Сибири и Дальнего Востока, так как летом по болотам и озерам было непросто передвигаться. Однако китайцы лучше знали свои собственные горы, реки и земли, в то время как каждый год здесь замерзали отдельные участники российских экспедиций.

Исследовательским экспедициям того времени, двигавшимся вверх по течению реки Сунгари, когда они проходили через место под названием Харбин, встречались такие деревни, как Фуцзядянь и Сицзяцзы, расположенные близко к берегу реки, а также прибрежный рынок, переправа и военный лагерь со знаменами с изображением дракона (императорский штандарт династии Цин) на южном берегу, большой водочный завод «Тяньцзяшаогуо» с окружающими домами в густом лесу, а недалеко вверх по течению, на северном берегу реки находился речной знаменный отряд Цин. Простая, нарисованная от руки карта сохранилась в истории, и дает нам представление о Харбине, каким он был более ста лет назад.

Исторически Харбин был малоизвестным рыбацким поселком без каких-либо признаков городского планирования. Управление строительства и проектирования железных дорог, а также исследовательские группы сначала установили простые жилища возле «Тяньцзяшаогуо». Это место стало известно как Старый Харбин, сегодняшний район Харбина – Сяньфан. Этот поселок стал городом благодаря строительству Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), которая стала важным подспорьем для урбанизации Харбина. Железная дорога «тянула» за собой этот город, железнодорожные пути с поездами стали его неотъемлемой частью. Город быстро вырос из безымянной деревни и менее чем за 30 лет превратился во всемирно известный мегаполис, заложив основы современного Харбина. Своим возникновением Харбин обязан строительству КВЖД и русским строителям. Один из многочисленных русских журналистов, оказавшихся в Харбине во время Русско-японской войны, дал очень точное описание развития города: «По своей идее, по своему географическому положению Харбин задуман превосходно. Немного найдется таких искусственно

созданных городов, которые в 5–8 лет своего существования успели бы вырасти из никому не известной деревушки в огромный город и зажечь собственно широкою торговою жизнью. Правда, Харбин был озолочен сперва постройкой железной дороги, а затем пребыванием в Маньчжурии миллионной русской армии. Какова бы ни была дальнейшая судьба Маньчжурии, Харбин навсегда останется важным торговым и административным центром благодаря своему блестящему положению на перекрестке различных водных, сухих, железных и торговых дорог» [4. С. 16].

Наличие водного транспорта и географическое положение были определяющими факторами, благодаря которым Харбин был выбран для строительства КВЖД. Расположение в среднем течении реки Сунгари, равнинная местность и относительно большая плотность населения облегчали транспортировку необходимых для строительства железной дороги материалов и поиск рабочей силы. Железная дорога должна была пройти из Маньчжурии через Хайлар, Цицикар, Харбин, Муданьцзян, Суйфэньхэ во Владивосток. В марте 1898 г. между Россией и Китаем была подписана русско-китайская конвенция, которая предусматривала передачу России в аренду на 25 лет залива Дальяньван и прилегающих вод в районе Люйшуньюку и разрешала строительство ветки КВЖД, идущей в район Люйшуньюку [5. Р. 66].

КВЖД, центральным узлом которой был Харбин, простиралась в трех направлениях: на восток, запад и юг. Согласно данным того времени, общая длина всех трех веток КВЖД составляла 2 380 верст (или 2 522,8 км). Железнодорожные пути пересекали весь северо-восток Китая, и здесь возникла особая зона – полоса отчуждения вдоль железной дороги. По этой причине Китай столкнулся с потерей ряда полномочий на обширной территории вдоль железнодорожной линии. Полоса отчуждения КВЖД – это узкая полоса земли вдоль железнодорожной линии на расстоянии 10–15 километров слева и справа от нее. Вдоль всей железнодорожной линии располагалось множество станций, каждая из которых имела большую территорию, управляемую железной дорогой. Полоса отчуждения была особой формой усиления царской России на Дальнем Востоке с использованием железной дороги, условия использования полосы отличалась от аренды в строгом юридическом смысле. Это было «государство в государстве»: со своими границами и территорией, многонациональным населением, законодательной (правление КВЖД) и исполнительной (управление КВЖД) властями, своими министерствами (земельный отдел), своими полицией и армией (Заамурский округ пограничной стражи), судом и муниципальным управлением, собственной системой образования и здравоохранения и т.д. [3. С. 71].

2 октября 1901 г. поезд медленно проехал по только что построенному первому мосту через реку Сунгари под одобрительные возгласы толпы. Мост официально открыли, через месяц вся КВЖД была временно открыта для движения, а спустя четыре дня Ли Хунчжан умер в Пекине после продолжительной

болезни. Конец его жизни ознаменовал конец последней феодальной династии в истории страны, и в это время на просторах северного Китая появилась железная дорога – символ современной индустриальной цивилизации, с серией станций разного класса вдоль железнодорожной линии [6].

Во время строительства КВЖД основная часть инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих была из управления Российской железной дорогой, а тяжелым физическим трудом занималась в основном местные китайские дорожные строители. К лету 1900 г. число китайских дорожных строителей достигло 17 тыс. человек. Самая ранняя железнодорожная станция в Харбине появилась на территории современного района Харбина Сянфан, где в 1898 г. впервые разместилось строительное управление железной дороги.

Империалисты делили сферы влияния в Китае, а иностранные миссионеры повсюду бесчинствовали, вызывая ожесточенное сопротивление масс. Только утихли реформы года у-суй (1898 г.) («Сто дней реформ»), как крестьянство и городские народные низы начали «борьбу с агрессией». В 1900 г. правительство Цин неожиданно издает указ об объявлении войны 11 имперским державам, включая Великобританию, США, Францию и Россию. Сразу после этого люди по всему Китаю присоединились к восстанию под лозунгом «поддержим Цин, уничтожим иноземцев», возникло движение ихэтуаней (1899–1901 гг.) – Боксёрское восстание. 3 августа 1900 г. направленное царской Россией подкрепление прибыло в Харбин, а династия Цин наконец завершила свою болезненную и запутанную борьбу и пала, чтобы никогда больше не подняться. В ходе восстания была разрушена большая часть железнодорожного полотна (из 1 400 км осталось только 430 км). Общая сумма убытков составила 71 млн руб. После подавления восстания русские приложили огромные усилия для скорейшего восстановления разрушенных участков дороги [3. С. 65].

В то время в колыбели императорского дома (так говорили о Маньчжурии во времена династии Цин) полным ходом шел сбор людей и товаров. Железнодорожное строительство притягивало в Харбин, к берегам реки Сунгари, бесчисленное количество людей, товаров со всех сторон. И в конце года высшей точкой города стал золотой православный крест [7]. Согласно российскому плану, православный собор был воздвигнут на самой высокой точке холма Циньцзяган, недалеко от железнодорожной станции. От храма в разных направлениях расходились крупные проспекты. Этот ранний план города и сегодня можно увидеть в центральном районе Харбина Наньган, храм же был достопримечательностью города до 1966 г., когда был разрушен.

Храм назывался Никольским или Свято-Николаевским. Планы церкви были привезены из далекого Санкт-Петербурга, а древесина для строительства – *Pinus koraiensis* – была завезена через океан из Канады. Элементы внутреннего убранства церкви – ее великолепные иконы и утварь были созданы в европейской части России. Семь больших колоколов второго этажа

привезены из Тюмени. Большой образ святителя Николая на иконостасе написал безымянный русский мастер, остальные иконы были написаны художником Д.И. Глушенко. Многие искусные местные китайские мастера выполняли большую часть детальной резьбы и декоративных работ в церкви. С тех пор экзотическое для Китая религиозное сооружение возвышалось над Харбином. Скромные китайские храмы неподалеку, где возжигались благовония, выглядели более мрачно в годы упадка благосостояния страны.

После открытия КВЖД в 1903 г. Харбин стал центром Северо-Восточной Азии, мостом между Европой и Азией, его географическое преимущество было явным. С притоком российского капитала в Харбине зародилась современная промышленность. Наибольшая доля российских инвестиций приходилась на КВЖД. В 1914 г. из общего объема инвестиций 925,8 млн руб. (92%) были вложены в экономику северо-востока, и большая их часть в КВЖД [8]. Но вплоть до Первой мировой войны КВЖД была нерентабельна, что связано с недостаточным уровнем экономического развития, к тому же не была сформирована инфраструктура региона. Хотя железная дорога приносила прибыль, но были убыточными вспомогательные предприятия (лесные концессии, электростанции, мастерские, угольные копи и т.д.). Инвестиции России в Китай были огромны, в период 1895–1914 гг. они значительно превосходили вывоз русских товаров в Китай [8]. Царская Россия инвестировала в заводы, пивоварни, пороховые фабрики, железнодорожные типографии, монополизировав такие отрасли, как судостроение, производство сигарет, зерна и масла. Инвестиции шли и в строительство жилья. В 1909 г. российская недвижимость Харбина оценивалась в 60 млн руб., не включая КВЖД [9. С. 645]. Большое количество жилых районов и более десятка знаковых зданий и сооружений, таких как Управление КВЖД, торговый дом Чурина, Харбинский железнодорожный вокзал, железнодорожная гостиница, Русско-Китайский банк, гостиница «Модерн», кладбище эмигрантов семи стран и т.д., были построены здесь очень быстро, в течение нескольких лет. Обществом КВЖД было создано Морское пароходство, которое должно было связать конечные пункты железных дорог – города Дальний и Владивосток – с портами Китая, Японии, Кореи.

30 мая 1904 г. Далянь был оккупирован японцами, что стало в этот год кровопролития причиной беспрецедентной катастрофы для тысячи миль плодородных земель северо-востока Китая. Однако вместе с историческими катастрофами возникают и благоприятные возможности. Война привела в Харбин поток людей и ресурсов, и город, строившийся как железнодорожный узел, стал опорой России в Русско-японской войне. Красивый железнодорожный вокзал Харбина и новые пристройки на Станционной улице, госпиталь КВЖД заполняли ранеными с фронта, а затем и гостиница КВЖД на Станционной площади и даже коммерческое училище КВЖД были превращены во временные тыловые госпитали с поднятыми над ними флагами Красного Креста, а русское кладбище к востоку от улицы Дачжицзе продолжало расти.

Возвышение Харбина привлекало все большее внимание Великобритании, Франции, Германии, Японии и ряда других империалистических стран. Недовольные российским влиянием на Харбине, иностранцы из других стран мигрировали в Харбин, ввозили сюда капитал, конкурировали за ресурсы, открывали здесь свои заводы и т.д., рассчитывая получить свою долю выгоды. Под внешним давлением в январе 1907 г. цинский двор одобрил открытие Харбина для торговли. С притоком инвестиций из разных стран и иностранных иммигрантов территории вдоль железной дороги были в значительной степени коммерциализированы, что привело к развитию торговли в Харбине. Соевые бобы, кукуруза и другие культуры продавались напрямую в Европу, Америку, Азию и др. Харбин приобретает мировую известность, становится международным торговым центром. В огромных масштабах ввозится иностранный капитал, открывается ряд иностранных банков. Учреждены консульства Великобритании, Франции, США, Германии и других стран, город продолжает развиваться.

Открытие КВЖД оказало большое влияние на городское строительство Харбина, его политику, экономику, культуру, архитектуру и религию, в результате этого Харбин быстро вошел в число современных городов. В 1907 г. открытие торгового порта не только способствовало развитию международной торговли Харбина, но и ускорило темпы всестороннего развития Харбина, способствовало подъему и развитию современной промышленности и торговли в Харбине. В результате значительных инвестиций царской России и западных капиталистических стран социально-экономическое развитие Харбина было стремительным, городское строительство – разнообразным, облик Харбина преобразился. В конце концов Харбин стал известен в современной истории Китая как «*东方小巴黎* – «Маленький восточный Париж», или «*东方莫斯科* – Восточная Москва», что свидетельствует об уникальности для Китая его городского ландшафта и городской культуры [10. С. 61]. Столь стремительное возвышение Харбина было явлением уникальным.

Русские предприниматели внесли огромный вклад в развитие промышленности региона. Они принесли в регион передовые методы производства и заложили основы многих отраслей промышленности: мукомольной, переработки сои, винокуренной и пивоваренной, сахарной, колбасной, табачного дела, лесной промышленности, угольной промышленности [8].

В 30-е гг. XX в. в Харбине выделялась фигура Чурина – русского, в жилах которого текла кровь настоящего торговца, не импульсивного, но смело шедшего на риск. В результате «грабительской» торговли в Северо-Восточном Китае его компания быстро сколотила мощный капитал, а благодаря прямой торговой связи магазинов и фабрик его продукция не имела себе равных, и он стал известен как «король универмагов». Промышленность и торговля в районах, связанных с железной дорогой, активно развивались, что отмечали и китайцы, и по мере того, как железная дорога связывала северо-восточную часть Китая, по ней на север

двигалось все большее количество национального капитала, а также бесчисленное множество людей, стремящихся изменить судьбу страны и условия своей жизни. В непосредственной близости от железной дороги появлялось все больше китайских торговцев, все больше лавок и магазинов как китайских, так и иностранных.

Харбин развивался вместе с движением эпохи, это был современный город, где раньше остальных появлялись новинки – конные экипажи скорой помощи сменили автомобили, пожарные команды вместо ведер и лошадей были оснащены немецкими пожарными машинами с подъемными лестницами, муниципальные власти начали вводить карантинный контроль на мясо и вакцинировать скот, а спортивные соревнования и конкурсы красоты стали зрелищными и грандиозными. Люди, входящие и выходящие из кинотеатра, никогда не испытывали недостатка в темах, которые были предметом обсуждения в России, Европе и Америке. Новые типы дорожных катков увеличили скорость строительства дорог. Повсюду стояли автобусы с огромной рекламой, а по городу с грохотом проносились трамваи. С тех пор как российский купец польского происхождения Иван (Ян) Михайлович Врублевский открыл первый в Китае пивоваренный завод, мягкий солодовый запах повис над городом. Завод находился на улице Хуаюань в современном районе Наньган, и телеги, тянущие деревянные бочки, бодро мчались по улице постоянно меняющегося города. Все больше и больше пивоварен предоставляли людям выбор, история пивоварения в этом городе насчитывает почти 122 года [11].

В то время здания, построенные в европейском стиле и распространявшиеся от территорий, прилегающих к КВЖД на улице Синьши и в районе Бутуо до Фуцзядяня в Давае, преобразовывали. И для них, уже украшенных замысловатыми китайскими узорами, появилось свое название – «китайское барокко». В Харбине повсюду были церкви, храмы с благовониями, оживленными храмовыми ярмарками, уединенные парки, школы и частные учебные заведения, ипподромы и ночные клубы, огромные рынки, иностранные фирмы, а также и лоточники, торгующие прямо на улице.

Чжу Цзыцин, известный поэт, ученый и педагог своего времени, говорил, что большинство людей здесь говорили по-русски, как высшие, так и низшие слои общества, владение иностранным языком было естественной тенденцией жизни, а не роскошью, иностранный язык был «для всех», а не для «высшего общества».

Для строительства КВЖД Россия направила огромный поток инвестиций в северо-восточный регион Китая, и не только в строительство железной дороги, но и жилищное строительство, торговлю и промышленность. При этом КВЖД стала орудием проведения политики на Дальнем Востоке, рычагом давления. КВЖД была результатом сомнительного договора, но в то же время это было передовое средство производства, которое способствовало экономическому развитию и культурному процветанию Северного Китая, всего за несколько десятилетий превратило пустынный северо-восток в самый развитый регион 1920–1930-х гг. и утвердило регион в качестве базы тяжелой промышленности современности. Благодаря строительству КВЖД возник и возвысился Харбин, его стремительное превращение из небольшой деревушки в современный мегаполис было уникальным феноменом. Большое количество развитых капиталистических стран инвестировали в регион и открывали заводы в Харбине, и китайская и западная культуры слились здесь воедино, оказывая значительное влияние на мышление и идеологию внутри страны. Строясь вдоль КВЖД также запечатлели исторические особенности Харбина: здание управления КВЖД на улице Дажицзе в Харбине, дымовая труба и водонапорная башня которого демонстрируют, что уже в то время оно имело независимое водоснабжение и отопление, а прочная конструкция стен шириной в один метр позволила ему простоять более 120 лет, там и сейчас находится Харбинское управление железной дороги [12]. И сегодня КВЖД продолжает играть важную роль, богатые ресурсы северо-востока транспортируются с ее помощью, поддерживая строительство страны и торговлю с Россией. КВЖД навсегда изменила мировой ландшафт и внесла свой неизгладимый вклад в историю.

Список источников

1. Документальный фильм CCTV «Китайская восточная железная дорога». 2013. Эпизод 1. URL: <https://tv.cctv.com/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (дата обращения: 20.10.2022).
2. Ли Ж. Китайская восточная железная дорога // История Хэйлунцзяна. 2020. № 7. С. 28.
3. Аблова Н.Е. История КВЖД и российские колонии в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. (1896–1917 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3. С. 62–72.
4. Гончаренко О.Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. 255 с.
5. Чжан Ш. Борьба великих держав в Северо-Восточном Китае и историческая эволюция владения КВЖД // Russian Central Asian Eastern European Studies. 2007. № 5. Р. 66.
6. Документальный фильм CCTV «Китайская восточная железная дорога». 2013. Эпизод 3. URL: <https://tv.cctv.com/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Социальные изменения вдоль северной линии КВЖД, фотографическая история. URL: <https://www.docin.com/p-1854473122.html> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Романова Г.Н. Российские инвестиции и предпринимательство как внешний фактор модернизации Северо-Восточного Китая (рубеж XIX–XX вв.) // Общество и государство в Китае. 2017. № 1. С. 675–684.
9. Кун Ц. Экономическая история Северо-Восточного Китая в период династии Цин. Харбин, 1990.
10. Сюй Л. Строительство современного города Харбин под влиянием железной дороги : дис. Пекин : Пекинский университет Цзяотун. 61 с.
11. Как следует понимать многообразие современной винной культуры Харбина. URL: <https://www.imharbin.com/> (дата обращения: 20.10.2022).
12. Ли Я. Носитель особой истории и свидетель столетия превратностей – история КВЖД // Jilin Daily Local History. 2018. № 10. URL: <http://culture.cnjiwang.com/ccws/201911/2998025.html> (дата обращения: 20.10.2022).

References

1. CCTV. (2013) *CCTV documentary "China Eastern Railway"*. 2013 Episode 1. [Online] Available from: <https://tv.cctv.com/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (Accessed: 20.10.2022). (In Chinese).
2. Li, Zh. (2020) Chinese Eastern Railway. *History of Heilongjiang*. 7. (In Chinese).
3. Ablova, N.E. (1998) Istoriya KVZhD i rossiyskie kolonii v Man'chzhurii v kontse XIX – nachale XX v. (1896–1917 gg.) [History of the Chinese Eastern Railway and Russian colonies in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries. (1896–1917)]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 3. pp. 62–72.
4. Goncharenko, O.G. (2009) *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. Moscow: Veche.
5. Zhang, Sh. (2007) The Struggle of the Great Powers in Northeast China and the Historical Evolution of the Ownership of the Chinese Eastern Railway. *Russian Central Asian Eastern European Studies*. 5. pp. 66. (In Chinese).
6. CCTV. (2013) *CCTV documentary "Chinese Eastern Railway"*. 2013 Episode 3. [Online] Available from: <https://tv.cctv.com/2013/07/23/VIDA1374548777882707.shtml> (Accessed: 20.10.2022). (In Chinese).
7. Docin.com. (2022) *Social changes along the northern line of the CER, photographic history*. [Online] Available from: <https://www.docin.com/p-1854473122.html> (Accessed: 20.10.2022). (In Chinese).
8. Romanova, G.N. (2017) Rossiyskie investitsii i predprinimatel'stvo kak vneshniy faktor modernizatsii Severo-Vostochnogo Kitaya (rubezh XIX–XX vv.) [Russian investments and entrepreneurship as an external factor in the modernization of Northeast China (the turn of the 20th century)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 1. pp. 675–684.
9. Kun, Ts. (1990) *Economic history of Northeast China during the Qing Dynasty*. Harbin. (In Chinese).
10. Xu, L. (n.d.) *Construction of the modern city of Harbin under the influence of the railway: dissertation*. Beijing Jiaotong University. (In Chinese).
11. Imharbin.com. (2022) *How to understand the diversity of modern wine culture in Harbin*. [Online] Available from: <https://www.imharbin.com/> (Accessed: 20.10.2022). (In Chinese).
12. Li Ya. (2019) A bearer of a special history and a witness to a century of vicissitudes - the history of the Chinese Eastern Railway. *Jilin Daily Local History*. 10. [Online] Available from: <http://culture.cnjwang.com/ccws/201911/2998025.html> (Accessed: 20.10.2022). (In Chinese).

Информация об авторе:

Ли Линь – магистр филологических наук, секретарь парткома Института международного образования Шеньянского политехнического университета (Шеньян, Китай); аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 13940309208@139.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lin Li, MA (Philology), Shenyang Polytechnic University (Shenyang, China); postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 13940309208@139.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2022;
одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 25.11.2022;
approved after reviewing 22.12.2022; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 94(510)(=091)+(045)
doi: 10.17223/15617793/487/13

История реализации политики Китая по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с Россией

*Светлана Борисовна Макеева*¹

¹ *Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
msbmag9581@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена история формирования и реализации политики КНР по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с российскими городами и регионами в разрезе деятельности китайских правительственных органов, Китайской ассоциации дружбы с зарубежными странами и Китайского международного общества породненных городов. Заключается, что сформированная система сыграла важную роль в расширении дружеских связей и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией.

Ключевые слова: политика Китая, Россия, история межрегионального взаимодействия, побратимское сотрудничество, региональное развитие, города-побратимы, регионы-побратимы, торгово-экономические связи

Для цитирования: Макеева С.Б. История реализации политики Китая по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 108–117. doi: 10.17223/15617793/487/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/13

The history of the implementation of China's policy on the development of interregional "sister cities" cooperation with Russia

*Svetlana B. Makeeva*¹

¹ *Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
msbmag9581@yandex.ru*

Abstract. From 1973 to the present, China's policy of establishing a system of inter-regional and inter-municipal "sister-city" cooperation with various countries has gradually involved more than 400 Chinese cities, all provinces, autonomous regions of the PRC, excluding Taiwan Province and the special administrative regions of Hong Kong and Macau. The Chinese policy for the development of inter-regional "sister-city" cooperation is consistent with the goals and objectives of the socio-economic regional development of the main large regions of the PRC: the North-Eastern, Eastern, Western and Central regions. At the beginning of the 21st century, China's spatial development was consistent with the goals of modernizing and transforming the socio-economic situation of Chinese macro-regions in accordance with the strategy of coordinated regional development. The policy to maintain inter-regional "sister-city" cooperation with the countries of the world took into account the potential, current state and problems of the regional infrastructure of each Chinese sister city and sister region, and, accordingly, the selection of a match in a foreign country was strictly regulated. The main direction of interaction between sister cities and sister regions of China and Russia in the 1990s was humanitarian and trade and economic cooperation. In the 2000s Chinese policy for the development of inter-regional "sister-city" cooperation with Russia was aimed at involving cities and provinces of the Central region of the PRC in the system of Chinese-Russian interaction, and the main direction of cooperation was trade and economic relations, as well as the expansion of cultural and educational ties. In the 2010s Chinese cities in the Eastern region showed particular activity in the development of "twin" cooperation, in addition to trade and economic ties, unprecedented tourism interaction expanded. Assessing the role of sister cities and sister regions in the development of Sino-Russian interregional cooperation in the period from 1988 (the year of the establishment of the first twinning ties) to the present, the author notes that, over the entire period, 122 agreements on the establishment of twinning ties were signed, among them 31 agreements between sister regions; and 91 agreements between sister cities. The system of Chinese-Russian inter-regional sister city cooperation built over the past decades has played an important role in deepening mutual understanding, expanding friendly ties and mutually beneficial cooperation between China and Russia.

Keywords: Chinese policy, Russia, interregional cooperation, twinning cooperation, regional development, sister cities, sister regions, trade and economic ties

For citation: Makeeva, S.B. (2023) The history of the implementation of China's policy on the development of interregional "sister cities" cooperation with Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 108–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/13

Значительную роль в развитии межрегионального и межмуниципального двустороннего сотрудничества России и Китая в период с 1990-х гг. играла система взаимодействия на уровне регионов-побратимов и городов-побратимов. В процессе развития системы межрегионального побратимского сотрудничества, помимо основного направления в области гуманитарных связей, активно развивались торгово-экономические отношения, взаимодействие в области туризма.

История «побратимского» движения в мире связана с образованием в 1957 г. Всемирной федерации городов-побратимов (联合城镇组织). В Китайской Народной Республике процесс развития межрегионального побратимского сотрудничества регулировался на протяжении всего времени со стороны правительственных органов власти, а основные исполнительные функции реализовывала Китайская ассоциация дружбы с зарубежными странами (中国人民对外友好协会), созданная 3 мая 1954 г. [1]. Активную деятельность по установлению межрегионального и межмуниципального сотрудничества на уровне городов-побратимов и регионов-побратимов китайская сторона начала осуществлять с 1973 г. Более сотни пар городов-побратимов и регионов-побратимов были образованы между КНР и различными странами мира к началу 1990-х гг. По инициативе Китайской ассоциации дружбы с зарубежными странами в марте 1992 г. было образовано Китайское международное общество породненных городов (中国国际友好城市联合会) [2]. Первыми китайскими провинциями и городами, присоединившимися ко Всемирной федерации городов-побратимов, стали Шанхай, Гуанчжоу и провинция Хунань. В 1999 г. Китайская ассоциация дружбы с зарубежными странами и Китайское международное общество породненных городов вошли в состав Всемирной федерации городов-побратимов.

Политика Китая по формированию системы межрегионального и межмуниципального побратимского сотрудничества с различными странами с 1973 г. по настоящее время постепенно вовлекла более 400 китайских городов, все провинции, автономные районы КНР, исключая провинцию Тайвань и специальные административные районы Гонконг и Макао. В настоящее время региональные отделения Китайской ассоциации дружбы с зарубежными странами и Китайского международного общества породненных городов присутствуют во всех провинциях, городах и уездах Китая [3]. Под руководством председателя Ассоциации господина Линь Сунтяня и руководителя Китайского общества городов-побратимов Ли Сяолина ежегодно проводится планомерная работа по установлению новых связей и поддержанию прежних по линии побратимства со всем миром.

Анализ нормативно-правовых документов Китайской ассоциации дружбы с зарубежными странами и Китайского международного общества породненных городов показывает, что основными целями и задачами политики Китая по развитию межрегионального и межмуниципального побратимского сотрудничества с зарубежными странами выступают следующие: координация механизма поддержания связей со странами мира; четкое регулирование деятельности китайских местных органов власти в процессе установления и развития побратимского сотрудничества с зарубежными странами на основе принципов равенства и взаимной выгоды; организация участия китайских делегаций в международных обменах и создание информационной платформы для контактов между китайскими и зарубежными городами и регионами; разрешение трудностей и проблем при работе международных городов-побратимов [2].

Китайская политика по развитию межрегионального побратимского сотрудничества согласована с целями и задачами социально-экономического регионального развития основных крупных регионов КНР: Северо-Восточного, Восточного, Западного и Центрального Китая. В начале XXI в. пространственное развитие Китая соответствовало целям модернизации и трансформации социально-экономического положения китайских макрорегионов в соответствии со стратегией скоординированного регионального развития «区域协调发展战略 (1999–2012)» [4]. Политика по поддержанию межрегионального побратимского сотрудничества со странами мира учитывала потенциал, современное состояние и проблемы региональной инфраструктуры каждого китайского города-побратима и региона-побратима, соответственно, и подбор пары в зарубежной стране был строго регламентирован. Особое внимание уделялось схожим культурно-историческим, производственно-экономическим, природно-географическим, геополитическим, этническим факторам развития китайских и российских городов при установлении побратимских связей. Следовательно, система китайского межрегионального побратимского сотрудничества представляет собой механизм взаимодействия с зарубежными странами, за счет которого на основе взаимодополнения по отдельным направлениям двусторонних связей решаются внутренние проблемы китайских городов-побратимов и регионов-побратимов.

В современной отечественной историографии в работах М.В. Александровой, В.Л. Ларина, А.В. Ломанова уделяется особое внимание изучению китайской политики по отношению к российским регионам [5–7]. Стоит отметить рост числа публикаций китайских авторов по китайско-российскому межрегиональному экономическому сотрудничеству: Ху Жэнься,

Тянь Чуньшэн, Гэ Синьжун, Тао Янь, Не Пинь [8–11]. Китайские ученые Чжу Сяньпин, Чжэн Юй и Пан Чанвэй, Янь Вэй, Се Вэньсинь, Бай Гэньсюй, Дин Хуэй, Чжао Цин, Ли Бинь, Юй Чуньлин исследуют сотрудничество Китая и России в энергетической и нефтегазовой сферах [12–17]. Китайские исследователи Ло Лань, Сунь Фан, Чжан Гофэн и Чжун Япин, Ми Цзюнь проводят комплексный сравнительный анализ развития России и Китая [18–21]. Особый интерес у китайских авторов вызывает изучение системы сотрудничества китайских городов и регионов по линии побратимства [22]. В работе группы китайских исследователей Гу Сяюаня, Ли Цзяшаня, Чжу Сяюня представлена история сотрудничества китайской столицы города-побратима Пекина с зарубежными городами [23]. Внешние международные связи китайских городов нашли отражение в работе Цзинь Ли [24].

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции механизма реализации китайской политики в рамках установления, развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества с Россией на с 1990-х гг. по настоящее время на основе изучения китайязычного материала и нормативно-правовых данных 122 пар российских и китайских городов-побратимов и регионов-побратимов.

От образования первой пары городов-побратимов Шанхай – Ленинград до формирования системы межрегионального китайско-российского побратимского сотрудничества. В конце XX в. китайско-российское межрегиональное сотрудничество было связано с использованием важного компонента народной дипломатии – института побратимских связей. С одной стороны, улучшение межгосударственных китайско-российских отношений, нормативно-правовое оформление принципов добрососедского партнерства Китая и России, а с другой стороны, подписание 50 соглашений о развитии побратимских связей между городами и регионами двух соседних стран позволило с конца 1980-х и на протяжении 1990-х гг. развивать межмуниципальное и межрегиональное партнерство, укрепляя торгово-экономические, культурные и образовательные связи.

Первой парой городов-побратимов, подписавших соглашение о сотрудничестве 15 декабря 1988 г., являлись Шанхай и Ленинград (Санкт-Петербург). У данных городов имелся значительный опыт поддержания межрегиональных советско-китайских связей в 1950–1960-е гг. В рамках восстановления дружественных межрегиональных отношений в 1986 г. именно в Шанхае и Ленинграде были открыты Генеральные консульства, что благоприятно сказалось на возрождении китайско-российских отношений и запуске нового формата взаимодействия – побратимского сотрудничества. Восстановление межпартийных китайско-советских связей в 1989 г., а также визит президента СССР М.С. Горбачева в Китай благоприятно повлияли на использование потенциала побратимских связей в китайско-советских отношениях. С 1989 г. начинается активная подготовка и ведутся взаимные переговоры между десятком китайских и советских городов для

дальнейшего подписания соглашений о сотрудничестве по линии побратимства. 12 августа 1990 г. на официальном уровне были установлены побратимские связи между китайским городом Шэньян и советским городом Иркутск. 1990 г. также является периодом начала межрегионального побратимского сотрудничества между отдельными регионами двух стран. 11 сентября 1990 г. было подписано первое соглашение о развитии сотрудничества между китайско-советскими регионами-побратимами – между автономным районом Внутренняя Монголия и Читинской областью, 19 ноября 1990 г. – между провинцией Цзилинь и Приморским краем. Стоит отметить, что первыми регионами-побратимами, подписавшими соглашение о сотрудничестве, выступали приграничные территории двух государств, так как перспективы в развитии побратимских связей были связаны не только с культурным взаимодействием, но и в первую очередь с торгово-экономическим партнерством китайского и советского приграничья.

После распада Советского Союза в 1991 г. наступает новая эпоха отношений между двумя странами. 27 декабря 1991 г. КНР заявила о признании Российской Федерации правопреемницей СССР. Данные события активизировали китайско-российское межрегиональное побратимское сотрудничество. В 1991 г. городами-побратимами становятся Харбин и Свердловск (Екатеринбург) (22 апреля 1991), Цзилинь и Находка (16 июля 1991). Екатеринбург выступал одним из вторых российских городов, не являвшимся приграничным, который установил побратимские связи с Китаем. По мнению китайских экспертов, «Свердловская область являлась одним из лидеров межрегионального сотрудничества с Китаем» («斯维尔德洛夫斯克地区是与俄罗斯联邦进行国际区域间合作的领导者之一») [25]. Ключевыми направлениями сотрудничества первых китайско-российских городов-побратимов выступали сельское хозяйство, экономика и торговля, здравоохранение и образование.

В первой половине 1990-х гг. состоялись взаимные визиты лидеров Китая и России и были подписаны важные межгосударственные соглашения, регулирующие различные направления сотрудничества. 1992 г. в развитии побратимских связей был одним из самых результативных, так как в период с апреля по октябрь 1992 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между 11 парами городов-побратимов Китая и России: Чаоян – Сургут (26 апреля 1992), Байчэн – Барнаул (30 апреля 1992), Дацин – Тюмень (24 июня 1992), Тунхуа – Магадан (1 июля 1992), Хайлар – Чита (14 июля 1992), Сыпин – Махачкала (15 июля 1992), Аншань – Липецк (20 июля 1992), Ляоян – Кемерово (15 августа 1992), Далянь – Владивосток (10 сентября 1992), Яньцзи – Южно-Сахалинск (22 сентября 1992), Ляоюань – Череповец (28 октября 1992). В этом же году были официально установлены побратимские связи на уровне регионов-побратимов между провинцией Хэбэй и Ленинградской областью (30 июля 1992 г.). В 1993 г. развитие китайско-российских межрегиональных побратимских связей продолжилось и

было подписано 6 соглашений между городами-побратимами (Муданьцзян – Уссурийск (12 апреля 1993 г.), Харбин – Хабаровск (15 июня 1993 г.), Маньчжурия – Краснокаменск (28 июня 1993 г.), Дандун – Астрахань (14 июля 1993 г.), Хэньян – Подольск (20 сентября 1993 г.), Чунцин – Воронеж (20 октября 1993 г.) и 2 соглашения между регионами-побратимами (провинция Ляонин – Новосибирская область (4 августа 1993 г.) и провинция Цзилинь – Волгоградская область (8 декабря 1993 г.). Всего за 1994 г. было установлено 7 соглашений между китайскими и российскими городами-побратимами (Цзилинь – Волгоград (22 февраля 1994 г.), Синтай – Сунтар (28 апреля 1994 г.), Цзямусы – Комсомольск-на-Амуре (11 июня 1994 г.), Инкоу – Тверь (26 июня 1994 г.), Мянъянь – Новосибирск (18 августа 1994 г.), Тайюань – Сыктывкар (1 сентября 1994 г.), Цзинань – Нижний Новгород (23 сентября 1994 г.). Между регионами-побратимами было заключено соглашение 20 марта 1994 г. на уровне провинции Ляонин и Иркутской области, а также 1 июня 1994 г. китайский город Дэян подписал соглашение с Владимирской областью [2].

Во второй половине 1990-х гг. система китайско-российского межрегионального сотрудничества значительно расширилась. С каждым годом подписывались новые соглашения между городами-побратимами и регионами-побратимами. Развивалось торгово-экономическое, культурно-образовательное сотрудничество между многочисленными городами и регионами Китая и России. Переход от простой нормализации межгосударственных отношений к добрососедскому партнерству в первой половине 1990-х гг. заложил прочный фундамент для дальнейшего развития межрегионального китайско-российского взаимодействия. 1995 г. вошел в историю межрегионального взаимодействия подписанием соглашения об установлении побратимских связей между столицами двух дружественных государств – Пекином и Москвой (16 мая 1995 г.), а также подписанием соглашений между стратегически важными приграничными регионами Китая и России. Провинция Хэйлунцзян 14 мая 1995 г. подписала соглашение о развитии побратимских связей с Амурской областью, а 19 мая 1995 г. – с Хабаровским краем. Это придало важное значение расширению системы межрегионального сотрудничества двух государств и закрепило перспективные направления соразвития столиц двух государств, а также китайско-российского приграничья. В 1995 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между следующими городами-побратимами: Цзиньчжоу – Ангарск (15 июля 1995 г.), Цзыбо – Великий Новгород (12 ноября 1995 г.), Тайюань – Саратов (8 декабря 1995 г.). 18 октября 1996 г. происходит официальное оформление межрегионального побратимского сотрудничества между городами-побратимами Вэйхай и Сочи.

Межрегиональное китайско-российское сотрудничество закрепляется подписанием в 1997 г. соглашений о развитии связей между регионами-побратимами: провинция Хэнань – Самарская область (19 марта 1997 г.), Гуанси-Чжуанский автономный район – Воронежская

область (16 декабря 1997 г.). На уровне взаимодействия городов-побратимов 28 декабря 1997 г. было подписано соглашение между китайским городом Ляньюньган и российским городом Волжский. Система межрегионального китайско-российского сотрудничества в 1998 г. расширилась за счет подписания соглашений между городами-побратимами Суйчжоу – Рязань (13 мая 1998 г.), Ланьчжоу – Пенза (20 сентября 1998 г.), Хэйхэ – Красноярск (19 августа 1999 г.), Маньчжурия – Чита (28 сентября 1999 г.). Были установлены официальные отношения на уровне регионов-побратимов: провинция Цзянсу – Московская область (20 августа 1999 г.) и Синьцзян-Уйгурский автономный район – Алтайский край (22 августа 1999 г.).

Китайско-российское побратимское движение, зародившееся в 1988 г., обладало значительным потенциалом в усилении межрегионального сотрудничества, предоставляло возможности для обмена народно-хозяйственным опытом, определяло дальнейшее развитие экономики и различных сфер общественной жизни городов-побратимов и регионов-побратимов Китая и России. Анализ процесса установления китайско-российских побратимских межрегиональных связей в период с 1988 по 1999 г. показывает, что особую активность в развитии данного вида сотрудничества в КНР проявлял Северо-Восточный регион, так как 22 города и 3 провинции (Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь) подписали соглашения о дальнейшем развитии отношений с породненными регионами и городами России. Все провинции северо-востока Китая стали дважды регионами-побратимами российских областей и краев, а город Харбин выступил городом-побратимом российских городов Екатеринбург и Хабаровска. Ведущая роль в развитии межрегионального сотрудничества с Россией принадлежала также Северному Китаю (Автономному району Внутренняя Монголия, провинциям Хэбэй, Шаньси, городам центрального подчинения Пекину и Тяньцзиню). Система межрегионального побратимского сотрудничества воспринималась китайским правительством как определенная возможность в использовании торгово-экономического потенциала Северо-Восточного и Северного регионов КНР в сотрудничестве с Россией, кроме того, значительное влияние оказывало приграничное положение данных китайских регионов, так как в реализации межрегиональных проектов особое значение отводилось транспортной доступности.

Решению проблем неравномерности регионального развития КНР, усилившихся в 1990-е гг., и отставания в темпах экономического роста Северо-Восточного Китая от восточных прибрежных регионов способствовали не только разработка внутренних программ поддержки отсталых регионов, но и система побратимских связей в продвижении политики открытости в северном направлении и получении преимуществ от заключения новых соглашений о сотрудничестве с городами и регионами России. С российской стороны ведущая роль отводилась столицам административных субъектов РФ, преимущественно европейской части России. Стоит отметить, что все субъекты, основные города Дальневосточного региона также поддержали

побратимское движение и выступили в качестве городов-побратимов и регионов-побратимов Северо-Восточного и Северного Китая. Практически все столицы областей, краев России устанавливали межрегиональные побратимские связи, стараясь привлекать китайскую сторону в различных направлениях сотрудничества, не ограничиваясь культурным взаимодействием. При этом географический фактор в интенсификации межрегионального сотрудничества в период с 1988 по 1999 г. не играл особой роли. Сложная экономическая ситуация во всей России в 1990-е гг. побуждала российские города и регионы к развитию торгово-экономических связей с КНР, поэтому главы администраций рассматривали побратимские связи с Китаем не только в классическом восприятии побратимства – как историко-культурное взаимодействие, а больше всего как новую возможность в заключении торгово-экономических соглашений. Поэтому институт побратимства в конце XX в. в истории китайско-российских отношений превратился в современную прагматичную форму партнерства регионов и городов двух стран-соседей.

Если китайско-российское межрегиональное сотрудничество со стороны КНР рассматривалось как механизм в использовании потенциала Северо-Восточного и Северного Китая и решения внутренних проблем неравномерности пространственного развития, то российско-китайское межрегиональное сотрудничество со стороны РФ было направлено на обеспечение российского населения группой товаров широкого потребления, произведенных в северо-восточных и северных районах Китая. Кроме того, значительную роль сыграл исторический фактор в расширении побратимских связей по линии северо-восток КНР – регионы и города РФ. Китайское правительство пыталось использовать опыт китайско-советского сотрудничества 1950-х гг., когда усиление позиций северо-востока Китая и формирование ведущих промышленных баз на данной территории достигалось за счет полноценного научно-технического и торгово-экономического сотрудничества с СССР.

Китайско-российское «побратимское» сотрудничество в первое десятилетие XXI в. Вступая в новый век, Китай и Россия продолжили расширять сотрудничество как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровнях. Подписание 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ определило начало нового этапа в развитии отношений двух стран. Китайско-российские межрегиональные побратимские связи расширялись с каждым годом, вовлекая в свою систему все новые города и регионы Китая и России. В 2000 г. были подписаны соглашения об установлении сотрудничества между регионами-побратимами провинцией Шэньси и Калужской областью (8 августа 2000 г.), городами-побратимами Тачэн – Рубцовск (24 февраля 2000 г.), Лоян – Тольятти (25 апреля 2000 г.), Чанчунь – Улан-Удэ (27 сентября 2000 г.), Мянъян – Обнинск (17 октября 2000 г.), Пиндиншань – Сызрань (28 ноября 2000 г.), Хух-Хото – Улан-Удэ (6 декабря 2000 г.),

Сяньян – Калуга (15 декабря 2000 г.). В 2001 г. побратимские связи официально были установлены между провинцией Шаньси и Ульяновской областью (17 июля 2001 г.), китайским городом Сяньфан и Костромской областью (17 июля 2001 г.), между городами Хэйхэ и Якутском (2001 г.). В 2002 г. еще 2 пары городов-побратимов установили отношения: Синин – Ижевск (13 июня 2002 г.), Гуанчжоу – Екатеринбург (9 апреля 2002 г.), а также регионы-побратимы провинция Хэбэй – Саратовская область (04 декабря 2002 г.). В 2003 г. были подписаны соглашения между городами-побратимами Ханчжоу – Казань (16 октября 2003 г.), Хэган – Биробиджан (2003 г.).

С 2006 г. начинают осуществляться два инновационных направления китайско-российских отношений: первое – заседания совместных межпарламентских комиссий, созданных Государственной думой и Советом Федерации РФ совместно с Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП); второе – проведение тематических годов, в которых участвовали города-побратимы и регионы-побратимы Китая и России. 2006 год был объявлен Годом России в Китае, а 2007 г. – Годом Китая в России. Между городами-побратимами Цитайхэ – Артём (14 сентября 2004 г.), Чжанцзяган – Вязьма (11 октября 2004 г.), Лхаса – Элиста (27 октября 2004 г.), Лицзян – Казань (15 октября 2006 г.), Янчжоу – Балашиха (2006 г.) были официально установлены отношения. В ноябре 2004 г. китайский городской район Юйчжун (г. Чунцин) и город Владимир в марте 2005 г. – провинция Цзянси и Ярославская область подписали соглашение о развитии побратимских связей [3].

В 2007 г. были установлены побратимские отношения между следующими парами городов: Циндао – Санкт-Петербург, Цзыбо – Братск, Суйчан – Кинель, Чжаньцзян – Серпухов, Харбин – Якутск. В этом же году Чанцзи-Хуэйский автономный округ подписал соглашение о сотрудничестве по линии побратимства с городом Барнаул, а китайский автономный район Внутренняя Монголия установил побратимские отношения с Республикой Тыва. В 2008 г. город Харбин установил побратимские отношения с городом Краснодар, а китайская провинция Шаньдун подписала соглашение о сотрудничестве с Республикой Татарстан на уровне регионов-побратимов, такое же соглашение было заключено между городом Шэньчжэнь и Самарской областью. В 2009 г. были заключены соглашения о развитии побратимских связей между городами-побратимами Хэйхэ – Благовещенск, Кайфэн – Омск. В 2010 г. китайский город Шиян и российский город Энгельс официально стали городами-побратимами, а китайская провинция Хэйлунцзян установила побратимские отношения с Еврейской автономной областью [26].

Развитие китайско-российских межрегиональных отношений в первое десятилетие XXI в. было закреплено еще 26 соглашениями между городами-побратимами и 11 соглашениями между регионами-побратимами. Система межрегионального побратимского взаимодействия была ориентирована на решение разных целей в области соработы китайских и российских

городов и регионов в сферах торгово-экономического, культурно-образовательного сотрудничества, расширяя контакты в области науки, спорта, здравоохранения. Стратегическое значение в межрегиональном сотрудничестве двух стран отводилось прежде всего приграничным территориям Китая и России, а также близко расположенным к КНР российским регионам, не имеющим общей границы с Китаем. Первой попыткой систематизации и официального оформления намерений, целей, задач сотрудничества регионов двух стран в конкретный план, программу совместной деятельности являлось принятие в 2009 г. Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Восточного Китая до 2018 г. Прочную основу в межрегиональном российско-китайском сотрудничестве заложили мероприятия в рамках проведения Года русского языка в Китае (2009 г.) и Года китайского языка в России (2010 г.).

Анализ процесса установления китайско-российских межрегиональных побратимских связей в период с 2000 по 2010 г. показывает, что особую активность в развитии данного вида сотрудничества в КНР проявлял не только Северо-Восточный регион, но и Центральный регион. Среди северо-восточных провинций и городов в поддержании межрегионального сотрудничества с Россией был особенно заинтересован город Харбин, так как он имел 4 пары побратимских связей с российскими городами. В систему китайско-российского побратимского межрегионального сотрудничества добавились такие города Северо-Восточного Китая, как Сянфань, Цитайхэ, Хэган. Если в 1990-е гг. города и провинции Центрального региона почти не проявляли повышенный интерес к развитию межрегионального сотрудничества с Россией по линии побратимства, то в 2000-е гг. города одной из центральных провинций Хэнань, а именно ведущие города Кайфэн, Лоян, Сюйчан, Пиндиньшань, стали лидерами в развитии китайско-российских межрегиональных связей, наряду с северо-восточными китайскими городами. Постепенно в систему межрегионального сотрудничества по линии побратимства с Россией включались южные, западные и северо-западные города и провинции Китая, хотя эти примеры были единичными случаями и не имели таких масштабов сотрудничества, как на северо-востоке КНР. Сохранение приоритетных позиций северо-востока КНР в развитии побратимских связей с Россией и расширение числа участников системы межрегионального сотрудничества со стороны северо-восточных районов и городов до 37 к 2010 г. свидетельствовали о влиянии на развитие Северо-Восточного региона Китая расширяющегося с каждым годом сотрудничества с различными городами и регионами России. При этом значительная роль по-прежнему отводилась потенциалу северо-восточных провинций Хэйлуцзян, Цилинь и Ляонин в области торгово-экономического сотрудничества, а также географической близости к территории РФ. С российской стороны ведущая роль по-прежнему отводилась городам административных субъектов РФ преимущественно европейской части России. Только 3 города Дальнего Востока России (Благовещенск, Биробиджан и

Артем) вошли в систему российско-китайского межрегионального побратимского взаимодействия в 2000-е гг. Основу отношений китайских и российских городов-побратимов, как и в 1990-е гг., составляло торгово-экономическое сотрудничество. Но именно в 2000-е гг. активизируется сотрудничество в образовательной сфере между регионами двух стран. Было открыто свыше 20 Институтов Конфуция в основных городах-побратимах России, которым отводилась значительная роль в осуществлении культурно-образовательных связей, популяризации китайского языка и культуры среди русского населения.

Заинтересованность китайских городов и регионов в сотрудничестве с Россией (2010-е гг. по настоящее время). В 2010-е гг. межрегиональные китайско-российские отношения характеризовались расширением и дальнейшим нормативно-правовым оформлением системы взаимодействия городов-побратимов и регионов-побратимов двух стран. В период с 2011 по 2014 г. проводится значительная подготовительная работа по созданию специализированных комиссий, подкомиссий, регулирующих различные направления сотрудничества Китая и России. Одним из основных механизмов сотрудничества между Китаем и Россией являлась деятельность китайско-российской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств, а также 12 отраслевых подкомиссий. 2012 и 2013 гг. были объявлены тематическими годами туризма в России и в Китае. За период с 2011 по 2014 г. были подписаны новые соглашения об установлении побратимских связей, вовлекая тем самым в систему китайско-российского побратимства новые города и регионы. Городами-побратимами в период с 2011 по 2014 г. стали: Ичунь – Биробиджан (2011 г.), Цзяньинь – Владимир (2011 г.), Гуюань – Калининград (2011 г.), Линьцан – Дубна (2011 г.), Карамай – Искитим (2011 г.), Шэньян – Уфа (2011 г.), Чэнду – Волгоград (2011 г.), Чжухай – Жуковский (2012 г.), Хуайань – Магнитогорск (2012 г.), Чжэнцзян – Ставрополь (2012 г.), Шанжао – Суздаль (2012 г.), Фукан – Бердск (2013 г.), Шуаньшань – Магадан (2013 г.), Шэньян – Новосибирск (2013 г.), Гуандун – Санкт-Петербург (2014 г.), Алтай – Новоалтайск (2014 г.), Чанчжоу – Ставрополь (2014 г.), Вэйнань – Комсомольск-на-Амуре (2014 г.), город Цзиси – Новосибирский район (21 июня 2014 г.), Биньчжоу – Калуга (15 июля 2015 г.). Система китайских и российских регионов-побратимов за эти 4 года также расширилась. Китайская провинция Гуандун установила побратимские отношения с Хабаровским краем в 2012 г. В 2014 г. китайская провинция Аньхой установила побратимские отношения с Нижегородской областью, а провинция Хэйлуцзян с Сахалинской областью [27].

Развитие китайско-российских межрегиональных отношений, в том числе при активном участии городов-побратимов и регионов-побратимов, повлияло на важное событие, произошедшее в 2014 г. Между Министерством регионального развития РФ и Государственным комитетом КНР по развитию и реформам

20 мая 2014 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества [28]. Новая пара городов-побратимов Цицикар – Уфа была образована в 2015 г. Побратимские отношения в 2016 г. продолжили устанавливать российские города и регионы: Бицзе – Звенигород, Харбин – Мурманск, Сянтань – Ульяновск, Хэфэй – Уфа, Наньчан – Уфа, район Футянь города Шэньчжэнь – Тольятти. В 2017–2019 гг. особую активность в развитии межрегионального сотрудничества по линии регионов-побратимов проявила Нижегородская область, подписав соглашения о побратимских связях с провинциями Хунань (2017 г.) и Хубэй (2019 г.). Кроме того, провинция Хэйлунцзян в 2018 г. установила побратимские отношения с Калужской областью. В 2020 г. соглашения о побратимстве подписывают города Цюйцзин и Волгоград [3].

За второе десятилетие XXI в. было подписано 27 соглашений о сотрудничестве между городами-побратимами и 6 соглашений между регионами-побратимами КНР. Анализ процесса установления китайско-российских побратимских межрегиональных связей в период с 2010 г. по настоящее время показывает, что особую активность в развитии данного вида сотрудничества в КНР проявлял не только Северо-Восточный регион, но и Восточный регион. В систему китайско-российского побратимского межрегионального сотрудничества были включены такие города северо-востока Китая, как Ичунь, Шуаньшань. Если в 1990–2000-е гг. города и провинции Восточного региона почти не проявляли повышенного интереса к развитию межрегионального сотрудничества с Россией по линии побратимства, то в 2010-е гг. ведущие города Чанчжоу, Чжэцзян, Хуайань, Цзяньинь одной из восточных провинций Цзянсу стали лидерами в развитии китайско-российских межрегиональных связей, наряду с северо-восточными китайскими городами. В систему межрегионального сотрудничества по линии побратимства с Россией в 2010-е гг. включались города южной китайской провинции Гуандун, хотя эти примеры были единичными случаями и не имели таких масштабов сотрудничества, как на северо-востоке КНР. С российской стороны ведущая роль по-прежнему отводилась городам административных субъектов РФ преимущественно европейской части России. В систему межрегионального побратимского сотрудничества вступают такие города Дальнего Востока России, как Мурманск и Магадан, а отношения по линии регионов-побратимов начинает поддерживать Сахалинская область. Основу отношений китайских и российских городов-побратимов и регионов-побратимов, как и в 1990–2000-е гг., составляло торгово-экономическое сотрудничество. Но именно в 2010-е гг. активизируется сотрудничество в области туризма между регионами двух стран.

Во второй половине 2010-х гг. начинается активная подготовка к реализации тематических годов. В 2018–2019 гг. были проведены года российско-китайского межрегионального сотрудничества, направленные на укрепление взаимовыгодных связей между двумя странами [29]. В рамках развития дальнейшего китайско-

российского межрегионального сотрудничества в 2018 г. была подписана Программа развития китайско-российского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. В 2018 г. Минэкономразвития России и Минкоммерции Китая заключили Меморандум о сотрудничестве в области торговли услугами, в этом же году был подписан план развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Восточного Китая. А в 2020 г. была принята Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. [30]. Определенный интерес к институту побратимских связей со стороны правительственных органов Китая и России был проявлен в 2021 г., когда руководитель Канцелярии по международному военному сотрудничеству Центрального военного совета КНР Ци Говэй и руководитель Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны России Александр Кшимовский подписали Меморандум об установлении побратимских отношений.

В заключение подведем основные итоги. Политика КНР по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с российскими городами и регионами контролировалась со стороны китайских правительственных органов и реализовывалась в рамках деятельности Китайской ассоциации дружбы с зарубежными странами и Китайского международного общества породненных городов. Поддержание данного вида межрегионального и межмуниципального взаимодействия со стороны Китая выстраивалось на основе принципов равенства и взаимной выгоды, а также соответствовало стратегии скоординированного регионального развития КНР. В 1990-е гг. особую активность в формировании системы межрегионального побратимского сотрудничества с Россией проявил Северо-Восточный регион Китая, 22 города и 3 провинции которого подписали соглашение о сотрудничестве как с приграничными российскими городами и регионами, так и с муниципалитетами, краями/областями, расположенными в европейской части России. Основным направлением взаимодействия городов-побратимов и регионов-побратимов Китая и России в 1990-е гг. являлось гуманитарное и торгово-экономическое сотрудничество. В 2000-е гг. китайская политика по развитию межрегионального побратимского сотрудничества с Россией была направлена на вовлечение городов, провинций Центрального региона КНР в систему китайско-российского взаимодействия, а основным направлением сотрудничества выступали торгово-экономические отношения, а также расширение культурно-образовательных связей. В 2010-е гг. китайские города Восточного региона проявили особую активность в развитии побратимского сотрудничества, помимо торгово-экономических связей расширилось беспрецедентное туристическое взаимодействие. Оценивая роль городов-побратимов и регионов-побратимов в развитии китайско-российского межрегионального сотрудничества в

период с 1988 г. (год установления первых побратимских связей) по настоящее время, необходимо отметить, что за весь период было подписано 122 соглашения об установлении побратимских связей, среди них 31 соглашение между регионами-побратимами и 91 соглашение между городами-побратимами. Система

китайско-российского межрегионального побратимского взаимодействия, выстроенная за последние десятилетия, сыграла важную роль в углублении взаимопонимания, расширении дружественных связей и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией [2].

Список источников

1. Чжунго жэньмин дуй вай юхао сехуэй (Китайская ассоциация дружбы с зарубежными странами). URL: <https://www.cpaffc.org.cn/index/index/index/lang/1.html> (дата обращения: 21.03.2022).
2. Чжунго гоцзи юхао чэнши лянхэ хуэй чжанчэн (Китайское международное общество породнённых городов). URL: https://www.xsbn.gov.cn/wsqw/53131.news.detail.dhtml?news_id=884280 (дата обращения: 04.11.2022).
3. Чжунго гоцзи юхао чэнши цуцзинь хуэй цзюцзянь сянгунь чжуань вэйюаньхуэй цзичжэ хуэй цзайцзин цзюсин (В Пекине состоялась пресс-конференция, посвященная созданию специализированного комитета Китайской ассоциации содействия международным связям городов-побратимов). URL: https://www.sohu.com/a/358324715_100123282 (дата обращения: 01.11.2022).
4. Макеева С.Б. Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 4. С. 196–206.
5. Александрова М.В. Российско-китайское приграничное и межрегиональное сотрудничество // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021. М., 2022. С. 326–334.
6. Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 64, № 12. С. 5–14.
7. Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18.
8. Ху Жэнься. Чжунго дунбэй юй Элосы юандун цюйюй цзинци хэцзо яньцзю (Исследование регионального экономического сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России). Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2014. 212 с. (на кит. яз.)
9. Тянь Чуньшэн. Элосы цзинци вайцзю юй Чжун Э хэцзо моши (Российская экономическая дипломатия и модель китайско-российского сотрудничества). Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2014. 418 с. (на кит. яз.)
10. Гэ Синьжун. Элосы цюйюй цзинци чжэньцэ яньбянь цзи цзи дуй Чжун Э диюй хэцзо дэ инсян яньцзю (Исследование влияния региональной экономической политики России на китайско-российское межрегиональное сотрудничество). Харбин : Изд-во Харбинского ун-та, 2020. 304 с. (на кит. яз.)
11. Тао Юань, Не Пинь. Чжунго хэ Элосы жэньвэнь цзюлю ши (17 шицзи чжицзинь) (История гуманитарного взаимодействия Китая и России с XVII в. по настоящее время). Пекин : Наука, 2019. 240 с. (на кит. яз.)
12. Чжу Сяньпин. Элосы дунбу цзи нэньюань кайфа юй Чжунго дэ худун хэцзо (Взаимодействие и сотрудничество Востока России и Китая в сфере разработки энергетических ресурсов). Чанчунь : Чанчунское изд-во, 2009. 257 с. (на кит. яз.)
13. Чжэн Юй, Пан Чанвэйю. Элосы нэньюань вайцзю юй Чжун Э юйи хэцзо (Российская энергетическая дипломатия и китайско-российское нефтегазовое сотрудничество). Пекин : Мировые знания, 2003. 427 с. (на кит. яз.)
14. Янь Вэй. Элосы нэньюань чжаньлюэ юй Чжун Э нэньюань хэцзо яньцзю (Исследование энергетической стратегии России и китайско-российского энергетического сотрудничества). Шэньян : Изд-во Северо-Восточного ун-та, 2013. 146 с. (на кит. яз.)
15. Се Вэньсинь. Диюань шицзю ся Чжунго юй Элосы цзи чжун я гэгэ дэ нэньюань хэцзо (Энергетическое сотрудничество Китая, России и стран Центральной Азии с геополитической точки зрения). Пекин : Изд-во Синьхуа, 2013. 287 с. (на кит. яз.)
16. Бай Гэньсюй, Дин Хуэй, Чжао Цин, Ли Бинь. Чжун Э юйи хэцзо: сяньчжуан юй шиши (Китайско-российское нефтегазовое сотрудничество: современная обстановка и новые мысли). Пекин : Нефтяная промышленность, 2013. 421 с. (на кит. яз.)
17. Юй Чуньлин. Элосы нэньюань вайцзю чжэньцэ яньцзю (Исследование внешней политики России в области энергетики). Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2012. 318 с. (на кит. яз.)
18. Ло Лань. Чжунго дэ цзюэци юй Элосы дэ шуайло (Возвышение Китая и закат России). Чжэцзян : Изд-во Чжэцзянского ун-та, 2012. 400 с. (на кит. яз.)
19. Сунь Фан. Элосы дэ Чжунго синсян (Образ Китая в России). Пекин : Народное изд-во, 2010. 268 с. (на кит. яз.)
20. Чжун Япин, Чжан Гофэн. Сулянь-Элосы: кэци юй цзююй фачжань (Советский Союз – Россия: развитие науки, техники и образования). Пекин : Просвещение, 2003. 341 с. (на кит. яз.)
21. Ми Цзюнь. Элосы цзиньжун гайгэ хуэйю юй чжаньван (Ретроспектива и перспектива финансовой реформы в России). Пекин : Изд-во литературы по общественным наукам, 2012. 360 с. (на кит. яз.)
22. Хэнань шэн гоцзи юхао чэнши саньши нянь. (Тридцать лет международным отношениям городов-побратимов провинции Хэнань). Хэнань : Народное изд-во провинции Хэнань, 2011. 499 页. (на кит. яз.)
23. Гу Сяюань, Ли Цзяшань, Чжу Сяюнь. Бэйцзин гоцзи юхао чэнши яньцзю (Исследование международных связей Пекина и городов-побратимов). Пекин : Туристическое образование, 2020. 304 с. (на кит. яз.)
24. Цзинь Ли. Чэнши дуй вайцзю ван юй гоцзя жуань шили (Внешние связи городов и мягкая сила государства). Пекин : Мировые знания, 2020. 264 с. (на кит. яз.)
25. 20 шицзи мочжи 21 шицзи Сывэйэрдэлофусыкэ чжоу юй Хэйлуцзян шэн дэ вэньхуа хэцзо (Культурное сотрудничество Свердловской области и провинции Хэйлуцзян с к. XX в. по н. XXI в.). URL: <https://www.fx361.com/page/2019/0627/5258296.shtml> (дата обращения: 22.11.2022).
26. Чжунго гоцзи юхао чэнши лянхэхуэй дисы цзе цюаньго лишихуэй биму (Завершилось Четвертое заседание общегосударственного совета Китайского международного общества породнённых городов). URL: <https://www.chinanews.com.cn/news/2005/2005-09-12/8/624840.shtml> (дата обращения: 01.11.2022).
27. Чжунго гоцзи юхао чэнши лянхэхуэй диу цзе цюаньго лишихуэй чжаокай (Проведение Пятого заседания общегосударственного совета Китайского международного общества породнённых городов). URL: http://www.gov.cn/gzdt/2014-08/24/content_2209837.htm (дата обращения: 06.12.2022).
28. Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Министерством регионального развития Российской Федерации и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по развитию и реформам (Шанхай, 20 мая 2014 г.). URL: <https://base.garant.ru/70699054/> (дата обращения: 01.11.2022).
29. Об образовании организационного комитета по проведению Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества. URL: <http://government.ru/docs/33364/> (дата обращения: 06.12.2022).

30. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 г. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24092020-n-2464-r/natsionalnaia-programma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-dalnego/> (дата обращения: 02.12.2022).

References

1. *China Foreign Friendship Association*. [Online] Available from: <https://www.cpaffc.org.cn/index/index/index/lang/1.html> (Accessed: 21.03.2022). (In Chinese).
2. *China International Sister Cities Society*. [Online] Available from: https://www.xsbn.gov.cn/wsqw/53131.news.detail.dhtml?news_id=884280 (Accessed: 04.11.2022). (In Chinese).
3. Sohu.com. (2022) *A press conference was held in Beijing to establish a specialized committee of the China Sister Cities International Relations Association*. [Online] Available from: https://www.sohu.com/a/358324715_100123282 (Accessed: 01.11.2022). (In Chinese).
4. Makeeva, S.B. (2020) Istoricheskiy opyt realizatsii strategiy prostranstvennogo regional'nogo razvitiya v KNR (1949-2019) [Historical experience in implementing spatial regional development strategies in the PRC (1949–2019)]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 4. pp. 196–206.
5. Aleksandrova, M.V. (2022) Rossiysko-kitayskoe prigranichnoe i mezhtsestvennoye sotrudnichestvo [Russian-Chinese border and interregional cooperation]. In: *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2019–2021* [People's Republic of China: politics, economics, culture. 2019–2021]. Moscow. pp. 326–334.
6. Larin, V.L. (2021) Rossiya v planakh i programmakh prigranichnykh territoriy Kitaya [Russia in the plans and programs of the border areas of China]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 64 (12). pp. 5–14.
7. Lomanov, A.V. (2017) Novye kontseptsii kitayskoy vneshney politiki [New concepts of Chinese foreign policy]. *Aziya i Afrika segodnya*. 12. pp. 8–18.
8. Hu Renxia. (2014) *Research on regional economic cooperation between Northeast China and the Russian Far East*. Beijing: Social Sciences Literature Publishing House. (In Chinese).
9. Tian Chunsheng. (2014) *Russian Economic Diplomacy and the Model of Sino-Russian Cooperation*. Beijing: Social Sciences Literature Publishing House. (In Chinese).
10. Ge Xinrong. (2020) *A study of the impact of Russia's regional economic policy on Sino-Russian interregional cooperation*. Harbin: Harbin University Press. (In Chinese).
11. Tao Yuan & Nie Ping (2019) *History of humanitarian interaction between China and Russia from the 17th century to the present*. Beijing: Science. (In Chinese).
12. Zhu Xianping (2009) *Interaction and cooperation between the East of Russia and China in the development of energy resources*. Changchun: Changchun Publishing House. (In Chinese).
13. Zheng Yu & Pang Changweiyu. (2003) *Russian Energy Diplomacy and Sino-Russian Oil and Gas Cooperation*. Beijing: World Knowledge. (In Chinese).
14. Yan Wei. (2013) *Research on Russia's Energy Strategy and Sino-Russian Energy Cooperation*. Shenyang: Northeastern University Press. (In Chinese).
15. Xie Wenxin. (2013) *Energy cooperation between China, Russia and the countries of Central Asia from a geopolitical point of view*. Beijing: Xinhua Publishing House. (In Chinese).
16. Bai Genxu et al. (2013) *Sino-Russian oil and gas cooperation: current situation and new thoughts*. Beijing: Oil industry. (In Chinese).
17. Yu Chunling. (2012) *Study of Russia's foreign energy policy*. Beijing: Social Sciences Literature Publishing House. (In Chinese).
18. Lo Lan. (2012) *The rise of China and the decline of Russia*. Zhejiang: Zhejiang University Press. (In Chinese).
19. Sun Fang. (2010) *Image of China in Russia*. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese).
20. Zhong Yaping & Zhang Guofeng. (2003) *Soviet Union – Russia: the development of science, technology and education*. Beijing: Education. (In Chinese).
21. Mi Jun. (2012) *Retrospective and Perspective of Financial Reform in Russia*. Beijing: Social Sciences Literature Publishing House. (In Chinese).
22. Henan People's Press. (2011) *Thirty Years of International Relations of Henan Sister Cities*. Henan: Henan People's Press. (In Chinese).
23. Gu Xiaoyuan, Li Jiashan & Zhu Xiaoyun. (2020) *Study of International Relations of Beijing and Twin Cities*. Beijing: Tourism Education. (In Chinese).
24. Jin Li. (2020) *Foreign relations of cities and soft power of the state*. Beijing: World Knowledge. (In Chinese).
25. Fx361.com. (2019) *Cultural cooperation between the Sverdlovsk region and Heilongjiang province from the end of the 20th century to the present*. [Online] Available from: <https://www.fx361.com/page/2019/0627/5258296.shtml> (Accessed: 22.11.2022). (In Chinese).
26. China News. (2005) *The Fourth Meeting of the National Council of the China International Twin Cities Society ended*. [Online] Available from: <https://www.chinanews.com.cn/news/2005/2005-09-12/8/624840.shtml> (Accessed: 01.11.2022). (In Chinese).
27. Gov.cn. (2014) *The Fifth Meeting of the National Council of China International Twin Cities Society*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/gzdt/2014-08/24/content_2209837.htm (Accessed: 06.12.2022). (In Chinese).
28. Garant. (2014) *Memorandum of Understanding in the field of interregional and cross-border cooperation between the Ministry of Regional Development of the Russian Federation and the State Committee for Development and Reforms of the People's Republic of China* (Shanghai, May 20, 2014). [Online] Available from: <https://base.garant.ru/70699054/> (Accessed: 01.11.2022). (In Russian).
29. Government.ru. (2022) *On the Formation of an Organizing Committee for the Years of Russian-Chinese Interregional Cooperation*. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/33364/> (Accessed: 06.12.2022). (In Russian).
30. Sudact.ru. (2020) *National program for the socio-economic development of the Far East for the period up to 2024 and for the future up to 2035*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24092020-n-2464-r/natsionalnaia-programma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-dalnego/> (Accessed: 02.12.2022). (In Russian).

Информация об авторе:

Макеева С.Б. – канд. ист. наук, зав. отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2953-0411

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Makeeva, Cand. Sci. (History), head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: msbmag9581@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2953-0411

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2023;
одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 07.02.2023;
approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/487/14

Как аукнется, так и откликнется? Отношение студентов-лингвистов к взаимооцениванию и обратной связи

Светлана Викторовна Боголепова¹, Мария Александровна Кирсанова²,
Анна Алексеевна Пивоварова³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *sbogolepova@hse.ru*

² *mkirsanova@hse.ru*

³ *aapivovarova@edu.hse.ru*

Аннотация. Исследование выявляет отношение студентов к взаимооцениванию и обратной связи. Рассматриваются практики в предоставлении обратной связи и взаимодействие с ней, предпочтения в формате получения обратной связи на письменные работы. Обнаружены неоднородность мнений студентов относительно взаимооценки, слабый уровень грамотности в вопросе обратной связи и однозначное предпочтение к получению обратной связи в цифровой среде. Обсуждаются влияние социокультурных факторов и пути преодоления выявленных трудностей.

Ключевые слова: взаимооценивание, взаимооценка, обратная связь, грамотность в вопросе обратной связи, взаимодействие с обратной связью

Для цитирования: Боголепова С.В., Кирсанова М.А., Пивоварова А.А. Как аукнется, так и откликнется? Отношение студентов-лингвистов к взаимооцениванию и обратной связи // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 118–128. doi: 10.17223/15617793/487/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/14

As you give, you will receive? Language students' attitudes to peer-assessment and feedback

Svetlana V. Bogolepova¹, Maria A. Kirsanova², Anna A. Pivovarova³

^{1, 2, 3} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *sbogolepova@hse.ru*

² *mkirsanova@hse.ru*

³ *aapivovarova@edu.hse.ru*

Abstract. This study is aimed at determining the attitude of Russian university students of linguistics to peer-assessment and peer-feedback, as well as their general level of feedback literacy. The data were collected through an electronic survey based on the framework proposed by E. Molloy, D. Boud and M. Henderson (2020). The participants of the survey were 137 third-year bachelor students of Higher School of Economics who study linguistics and have experience of giving feedback on their peers' writing in English. The survey consisted of both close-ended items (statements to evaluate on the Likert scale) and open-ended items, in which the participants were asked to describe the challenges they encounter and the feelings they have when giving peer-feedback online. The data collected from close-ended questions in the survey were then subjected to descriptive and cluster analyses, and the responses to open-ended questions were thematically analysed. The data analysis has led to several inferences. Firstly, the results have shown that students' attitudes to peer-feedback are mixed. Though the students are aware of the purpose of peer-assessment and feedback, they are not sure their feedback motivates or allows their peers to improve their works, showing a preference for feedback received from an instructor. Although two clusters with opposite attitudes to peer-feedback can be identified, overall, Russian university students do not fully appreciate and recognise the value of peer-feedback and their own active role in the feedback-giving and feedback-receiving process. As for how Russian students engage with peer-feedback they receive, the majority merely read through feedback without making any corrections or improvements to their work. Secondly, the participants demonstrated a strong preference for giving peer-feedback online, as the online environment allows for more time to analyse a peer's paper and to draft a commentary. Other preferences include the presence of a rubric and explication of errors. Thirdly, feedback-giving is a challenge for the students because they feel that they lack the necessary qualifications and competence to do it or they are afraid of offending their peers. The participants often struggle to identify and correct language mistakes and to formulate precise

feedback comments. These challenges and preferences may be influenced by the collectivistic nature of Russian culture and its high power distance indicator. It can be inferred that the feedback literacy of Russian university students is generally low and is in need of purposeful improvement.

Keywords: peer-assessment, peer-feedback, feedback, feedback literacy, feedback engagement, attitude to peer-assessment, attitude to peer-feedback

For citation: Bogolepova, S.V., Kirsanova, M.A. & Pivovarova, A.A. (2023) As you give, you will receive? Language students' attitudes to peer-assessment and feedback. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 118–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/14

Введение

В последнее время в зарубежной и отечественной научной литературе обсуждаются различные аспекты формирующего оценивания, а также инструменты самооценки и обратной связи (ОС) как его неотъемлемые элементы [1–5 и др.]. Активно исследуется понятие грамотности в вопросе ОС (англ. *feedback literacy*), подразумевающее отношение к ней, готовность дать ОС или учесть полученную ОС для корректировки своей деятельности, обладание соответствующими умениями [6, 7]. В контексте стремительной цифровизации высшего образования оценивание и ОС переходят в онлайн-среду, что также привлекает внимание исследователей [8, 9].

В контексте российского высшего образования и, в частности, в отношении университетских языковых дисциплин и цифрового формата их предоставления проблемы самооценки и ОС исследованы мало. Данная работа ставит целью выявить:

- отношение студентов-лингвистов к самооценке и ОС от преподавателя и сверстников;
- восприятие ОС и опыт студентов в качестве дающих ОС;
- форматы взаимодействия с ОС на письменные работы по иностранному языку (ИЯ);
- предпочтения в формате и среде получения ОС на письменные работы по ИЯ.

На основе полученных данных исследователи делают вывод об отношении студентов к самооценке, уровне грамотности в вопросе ОС и их предпочтениях в форматах получения ОС.

Анализ литературы

В педагогических исследованиях ОС чаще всего рассматривается через призму контроля образовательных результатов и формирующего оценивания [10]. Понятие ОС было введено в науки об образовании Б. Блумом, описавшим преимущества регулярной реакции на учебную деятельность учащихся, являющейся индикатором успешности усвоения ими учебного материала и пробелов, которые необходимо заполнить [11]. А.А. Корнев определяет ОС как информацию, получаемую учащимися в ответ на определенные действия в процессе образования и соотносимую с результатами обучения [4. С. 125]. Важность ОС в контексте формирующего оценивания обуславливается усилением мотивации, подкреплением и конкретизацией информации, полученной на уроках и используе-

мой в ответах обучающихся [12]. ОС способствует интеграции обучения и оценивания, что приводит к улучшению образовательных результатов [13].

Исследователи в области методики обучения иностранным языкам сходятся во мнении, что ОС особенно важна при обучении письму на английском языке [14, 15]. Хотя студенты отдают предпочтение ОС от преподавателя, как более надежному источнику, самооценивание также может быть полезно, так как обеспечивает вариативность ОС [16. Р. 2].

Конструктивная ОС актуальна, основана на фактах, специфична, побуждает к действию, язык ОС имеет уважительный тон [17]. Иными словами, чтобы иметь эффект, ОС должна своевременно выявлять сильные стороны и то, что необходимо скорректировать, обозначать варианты улучшения, преподнося информацию в уважительном и мотивирующем ключе.

Учет предложений, данных в ОС, и корректировка своей деятельности или работы в соответствии с ними являются индикаторами взаимодействия с ОС (англ. *feedback engagement*, подробнее см. [18]). Важно, чтобы учащиеся понимали преимущества ОС для обучения и свою ответственность при взаимодействии с ней [19. Р. 230]. Отношение к ОС как к процессу влияет и на ее качество, и на уровень взаимодействия с предоставленной ОС [20. Р. 90].

Самооценивание определяется как неотъемлемая часть формирующего оценивания, подразумевающая оценку деятельности сверстников или ее продуктов [21. Р. 4; 22. Р. 280]. В качестве результата оно может иметь выставление отметки или ОС в форме, например, устных или письменных комментариев [23. Р. 482]. При взаимном оценивании преподаватель направляет процесс ОС и опосредованно руководит им. Для того чтобы сделать ОС более надежной и объективной, необходимо предоставить критерии оценивания [24. Р. 9; 25]. Однако студенты подчеркивают, что критерии ограничивают их когнитивную деятельность и сводят ОС к ответам на вопросы [26. Р. 627].

Самооценивание имеет несомненные преимущества. Оно позволяет студентам проанализировать процесс выполнения того или иного задания и получить иное представление о том, как оно может быть выполнено. Кроме того, взаимное оценивание и предоставление ОС другим студентам позволяет улучшить способность диагностировать и устранять собственные ошибки [27; 28. Р. 51].

Тем не менее отношение учащихся к самооценке и получению ОС от сверстников нельзя назвать однозначно положительным. Учащиеся могут считать, что их

сверстники недостаточно квалифицированы, чтобы оценивать работы и давать качественную ОС [29. Р. 387]. Неуверенность в собственной компетенции и скепсис по отношению к ОС от сверстников, а также предпочтение к получению ОС от преподавателя особенно проявляется в культурах с высоким индикатором дистанции власти [15; 30. Р. 46].

Онлайн-среда позволяет эффективно организовать процессы взаимооценки и ОС [8. Р. 270; 31]. Студенты ценят возможность получать и давать ОС в структурированном пространстве [8. Р. 269]. Цифровая среда создает условия для эффективного взаимодействия с ОС [9, 32].

Исследования отношения учащихся к ОС и взаимооценке в контексте российского образования немногочисленны. Показано, что российские подростки воспринимают обратную связь, с одной стороны, как навязанный извне стимул, подразумевающий реакцию с их стороны («бихевиористское» отношение), с другой – обратная связь воспринимается в русле социального конструктивизма как приглашение к диалогу и способ поддержки [3. С. 207]. С.А. Домышева и Н.В. Копылова [33], исследуя влияние культурных факторов на отношение к обратной связи, получили противоречивые результаты. С одной стороны, студенты, принимавшие участие в исследовании, в большинстве согласились с тем, что им проще давать обратную связь анонимно или незнакомым сверстникам, что могло свидетельствовать как в пользу коллективистской природы социальных отношений, при которых поддержка других членов социальной группы является платой за их лояльность [34], так и нежелания испортить их критикой. С другой стороны, студенты отметили, что не воздерживаются от критических замечаний, если работа, на которую дается обратная связь, того заслуживает. Несмотря на высокий индекс дистанции власти, свойственный российской культуре, т.е. неравное распределение прав и обязанностей между зависимым и вышестоящим в социальной иерархии индивидом [34], студенты воспринимают преподавателя как направляющего, а не как авторитарную фигуру, а обратную связь от него/нее – в конструктивистском ключе, нежели чем в бихевиористском.

В данном исследовании предпринята попытка оценить уровень грамотности в вопросах взаимооценки ОС студентов-лингвистов, будущих специалистов в преподавании иностранных языков и межкультурной коммуникации, обучающихся в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Помимо этого, исследователи проследили влияние культурных факторов на отношение к взаимооценке и ОС, а также выявили предпочтения студентов относительно среды для предоставления и получения ОС.

Методология исследования

Данные были собраны путем проведения опроса в электронной среде. В опросе приняли участие 137 студентов третьего курса образовательной программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» (направление 45.03.02 «Лингвистика») НИУ

ВШЭ. Студенты могли получить дополнительный балл к отметке за письменную работу, что мотивировало их к заполнению опроса.

Опрос базировался на рамке, предложенной Molloy, Boud и Henderson [7]. Вопросы касались:

- отношения студентов к обратной связи от преподавателя и сверстников;
- процесса предоставления обратной связи сверстникам;
- опыта и умений во взаимооценке и обратной связи;
- форматов работы с обратной связью на письменные работы по иностранному языку;
- предпочтений в формате предоставления и получения обратной связи.

Первые вопросы на множественный выбор (B1, B2) касались опыта студентов в предоставлении обратной связи и их понимания понятия конструктивной обратной связи. Следующая группа вопросов (B3–B13) выявляла отношение респондентов к обратной связи от преподавателей и сверстников. Студент должен был определить свою позицию на шкале Ликерта (от 1 – совершенно не согласен до 5 – полностью согласен). Таким же образом студенты реагировали на вопросы, связанные с восприятием процесса предоставления ОС и опытом в этом вопросе (B14–B19), взаимодействием с ОС и предпочтениями в формате ее получения (B20–B24). Другая группа вопросов с множественным выбором касалась предпочтений в среде получения и предоставления ОС, стратегий взаимодействия с ней, и факторов, определяющих реакцию на получаемую ОС (B25–B28). В финальном открытом вопросе (B29) студентов просили описать трудности, которые они испытывают при предоставлении обратной связи на письменные работы в онлайн-среде.

Дескриптивная статистика использована для анализа и описания данных по закрытым вопросам. Для выявления однородных кластеров в когорте респондентов был применен кластерный анализ. Вербальные данные были проанализированы тематически: после знакомства с данными исследователи сформировали начальные темы и подтемы, после вторичного анализа они были финализированы [35].

Результаты

Большинство студентов имели опыт само- и взаимооценки (72,3% в обоих случаях), больше половины участников давали сверстникам обратную связь в письменной или устной форме, а также в электронной среде (55,5, 61,3 и 53,3% соответственно).

Для большинства студентов конструктивная обратная связь объясняет, что автору нужно сделать, чтобы улучшить свою работу (88,3%), при этом чуть менее половины студентов (46,7%) считают, что такая обратная связь просто исправляет ошибки. Для более половины ответивших конструктивная обратная связь должна быть уважительной (59,9%) и релевантной (54%). Только для 11,7% студентов конструктивная обратная связь должна иметь позитивный тон, для 7,3% – даваться вовремя.

Особенности восприятия студентами ОС от преподавателей и сверстников отражает табл. 1. Хотя студенты понимают цель заданий на взаимооценивание ($M = 4$) и ценность взаимооценки ($M = 4$), они не уверены в том, что ОС от сверстников дает им возможность улучшить свои работы или мотивирует их к такому улучшению ($M = 3$). При этом студенты полно-

стью согласны с тем, что ОС от преподавателя способствует развитию умений в области письма ($M = 5$), и в большинстве согласны, что это задача преподавателя – указать им на то, как они могут улучшить свою работу ($M = 4$). В то же время студенты редко обращаются как к преподавателям ($M = 3$), так и к сверстникам ($M = 2$) за ОС на свои письменные работы.

Таблица 1

Отношение к обратной связи от преподавателей и сверстников

№ п/п	Утверждение	Средняя	Медиана	Станд. откл.
3	ОС от сверстников позволяет мне улучшить мои работы	3,387	3	1,05
4	ОС от сверстников ценна для меня	3,555	4	1,05
5	ОС от сверстников бесполезна, так как она не способствует улучшению результатов	2,635	3	1,224
6	Я прошу сверстников дать ОС на некоторые аспекты моей работы	2,598	2	1,227
7	ОС от сверстников мотивирует меня улучшить мою работу	3,146	3	1,24
8	Я воспринимаю критическую ОС в штыки	2,584	2	1,116
9	Я чувствую себя комфортно, когда получаю ОС от сверстников	3,693	4	1,054
10	ОС от преподавателей способствует улучшению моих умений письма	4,372	5	0,795
11	Сообщить мне, как я могу улучшить свою работу, – задача преподавателя,	3,97	4	0,866
12	Я прошу преподавателей дать ОС на некоторые аспекты моей работы	3,314	3	1,123
13	Я понимаю цель заданий на взаимооценивание	3,898	4	1,086

В табл. 1 обращают на себя внимание величины стандартных отклонений для некоторых вопросов, которые сигнализируют о разбросе мнений студентов. По результатам анализа ответов студентов удалось выявить следующие тенденции (табл. 2). Студентов можно разделить на два кластера: тех, кто сомневается в ценности ОС от сверстников (Кластер 1), и тех, кто осознает ценность взаимооценки (Кластер 2). Необходимо заметить, что группы по численности отличаются слабо: кластер 1 включает 61 студента, а кластер 2 состоит из 76 студентов. Студенты, входящие в кластер 1, полагают, что ОС в целом бесполезна с точки зрения

улучшения собственных результатов ($Me = 4$). Они указывают, что ОС в целом не влияет на качество их работ ($Me = 3$) и не мотивирует студентов улучшать работы ($Me = 2$). Кроме того, большинство студентов данного кластера чувствуют себя некомфортно, получая ОС от сверстников ($Me = 3$). В отличие от кластера 1, студенты, входящие в кластер 2, видят ценность ОС для улучшения качества своих собственных работ. ($Me = 4$). Кроме того, студенты данного кластера обращаются за ОС к своим сокурсникам ($Me = 5$) и чувствуют себя достаточно комфортно, получая ОС от одногруппников ($Me = 4$).

Таблица 2

Кластерный анализ (кластер 1 – $n = 61$, кластер 2 – $n = 76$)

Утверждение	Средняя	Медиана (Кластер 1)	Медиана (Кластер 2)
ОС от сверстников позволяет мне улучшить мои работы	3,387	3	4
ОС от сверстников ценна для меня	3,555	3	4
ОС от сверстников бесполезна, так как она не способствует улучшению результатов	2,635	4	2
Я прошу сверстников дать ОС на некоторые аспекты моей работы	2,598	3	5
ОС от сверстников мотивирует меня улучшить мою работу	3,146	2	4
Я чувствую себя комфортно, когда получаю ОС от сверстников	3,693	3	4

Часть опроса, посвященная предоставлению обратной связи (табл. 3), показала, что студенты в целом считают, что они не уверены в своих умениях давать ОС и в ее качестве ($Me = 3$). Студенты также признают, что им не хватает обучения по предоставлению обратной связи ($Me = 3$), сложно оценить качество работ своих сверстников и они не чувствуют себя комфортно

при взаимооценке ($Me = 3$). При этом студенты считают, что предоставление обратной связи сверстникам помогает им развивать свои собственные умения письма ($Me = 4$).

В связанном по тематике вопросе с множественным выбором (B25) студенты выбирали факторы, определяющие их реакцию на обратную связь. Хотя большин-

ство респондентов отметили, что не воспринимают критику в штыки (B8), их реакция на обратную связь в первую очередь зависит от ее тона (70,1%) и совпадения

ОС с ожиданиями получателя (51,1%). Игруют роль также отношения с человеком, дающим обратную связь (29,2%).

Таблица 3

Восприятие и опыт предоставления обратной связи

№ п/п	Утверждение	Среднее	Медиана	Станд. откл.
14	Моя ОС сверстникам помогает им улучшить умения письма	3,328	3	0,916
15	Меня обучили давать конструктивную обратную связь	3,38	3	1,255
16	Предоставление обратной связи моим сверстникам позволяет мне улучшить мои собственные работы	3,496	4	1,201
17	Когда меня просят дать ОС, мне сложно оценить качество работы моих сверстников	3,219	3	1,083
18	Я уверен, когда даю обратную связь	3,306	3	1,48
19	Я чувствую себя комфортно, когда даю ОС своим сверстникам	3,24	3	1,185

Величины стандартных отклонений опять же сигнализируют о разбросе мнений по некоторым вопросам. Кластерный анализ показывает наличие двух групп отвечающих. Представители первой (n = 76) в основном согласны с тем, что ОС с их стороны способствует улучшению письменных работ сверстников, они обучены в предоставлении ОС, уверены и чувствуют себя комфортно, когда делают это (все M = 4). Респонденты из второй группы (n = 61) не чувствуют полной уверенности и комфорта при предоставлении обратной связи сверстникам (M = 3).

Группа вопросов, касающихся взаимодействия с обратной связью на письменные работы (табл. 4), выявила, что студенты осознают свою ответственность за внесение полученных в ОС корректировок (M = 4), однако чаще просто прочитывают комментарии (M = 4), чем переписывают работы на их основе (M = 3). Ответ

на вопрос с множественным выбором (B26) также отражает слабый уровень взаимодействия студентов с ОС. Есть студенты, которые выписывают исправленные фразы, чтобы запомнить их (21,9%), или просматривают письменную обратную связь на предыдущие работы при выполнении подобных (60%), однако треть респондентов не используют никаких стратегий работы с обратной связью.

Студенты высказывают явные предпочтения к получению эксплицитной обратной связи (M = 5), основанной на критериях оценивания письменных работ (M = 4). Согласно ответам на B27, абсолютное большинство студентов предпочитает давать обратную связь в электронном формате (81%), всего 10,9% респондентов делают это на бумаге и всего 2,2% ответивших выбирают устный формат предоставления обратной связи.

Таблица 4

Взаимодействие с ОС и предпочтения в формате ее получения

№ п/п	Утверждение	Среднее	Медиана	Станд. откл.
20	Работать с полученной ОС – моя обязанность	4,044	4	1,077
21	Я предпочитаю ОС на основе критериев оценки	3,905	4	1,028
22	Я предпочитаю ОС, явно выделяющую и корректирующую мои ошибки	4,358	5	0,82
23	Я читаю ОС на письменные работы	4,226	4	0,883
24	Я переписываю работы с учетом ОС	3,27	3	1,234

Вопросы со статистически значимыми корреляциями ответов демонстрирует табл. 5. Из табл. 5 можно сделать вывод, что уверенность в своих силах,

осознание ценности обратной связи и ощущение комфорта при ее предоставлении могут быть связаны друг с другом.

Таблица 5

Вопросы со статистически значимыми корреляциями ответов

Утверждение	Утверждение	Коэф. коррел.
Моя ОС сверстникам помогает им улучшить умения письма	ОС от сверстников позволяет мне улучшить мои работы	0,61
Моя ОС сверстникам помогает им улучшить умения письма	ОС от сверстников ценна для меня	0,65
ОС от сверстников ценна для меня	ОС от сверстников позволяет мне улучшить мои работы	0,71
Я чувствую себя уверенным, когда даю ОС своим сверстникам	Я чувствую себя комфортно, когда получаю ОС от сверстников	0,78
Я чувствую себя комфортно, когда получаю ОС от сверстников	Я чувствую себя комфортно, когда даю ОС своим сверстникам	0,61

В еще одном вопросе (B28) студенты выбирали чувство, которое они испытывают при предоставлении и получении ОС в цифровой среде, а также комментировали свой выбор (табл. 6). Треть респондентов (33,6%) активно вовлечены в предоставление обратной связи и хотят помочь сверстникам улучшить свою работу, в комментариях подчеркивая долговечность комментариев, наличие времени на тщательный анализ работы сверстника и формулировку предложений. Однако ОС в онлайн-формате вызывает у респондентов не только позитивные реакции. Более трети ответивших (38,7%) чувствуют нервозность и неуверенность в

своей компетенции, объясняя свои чувства неуверенностью в правильности корректировок, недостаточной компетенцией по сравнению с преподавательской, ненадежностью техники, невозможностью обсудить работу и аргументировать предложенные исправления. Риски возможной мискоммуникации и недопонимания отмечают и студенты, выбравшие вариант «не уверен в результате» (12,4%). 11,7% респондентов заинтересованы во взаимной обратной связи из-за неуверенности в своих умениях и в том, что реципиенты будут работать с предоставленной обратной связью.

Таблица 6

Тематический анализ открытых ответов (чувства при предоставлении ОС на письменные работы в цифровой среде и причины их возникновения)

Когда мне приходится давать ОС на работы сверстников в онлайн-среде, я...	%	n	Темы	Примеры
Нервничая и не уверен в своих умениях	38,7	50	Отсутствие опыта и специальных знаний	Боюсь, что моя оценка будет бесполезной, так как я не эксперт и только учусь, поэтому не имею права оценивать других. Речь идет только об уровне языка: иногда у моего сверстника язык лучше, чем у меня, поэтому поправить его или ее мне сложно
			Обнаружение ошибок	Я боюсь либо быть слишком критичным, либо вообще не заметить ошибок. Я также перепроверяю все, потому что я боюсь исправить то, что было на самом деле правильным
			Слишком сильный акцент на критику	Я боюсь быть слишком резким и субъективным. Если в работе появится излишняя критика, это может обидеть друга
Полностью вовлечен в процесс и готов дать конструктивную обратную связь	33,6	44	Помощь сверстникам	Я чувствую, что могу по-настоящему помочь кому-то в их работе, и мне приятно, когда люди благодарны за мой вклад. Я хочу, чтобы моя обратная связь помогла коллеге улучшить работу, поэтому я отношусь к ней серьезно и полностью вовлечена
			Преимущество формата	Иногда кажется, что проще оставить отзыв онлайн, так как такой формат позволяет сосредоточиться только на самой работе, исключая такие препятствия, как особенности почерка. Я чувствую себя более сосредоточенным на задаче, так как меня никто не отвлекает, и я могу перечитывать работу несколько раз, чтобы исправить ошибки
			Развитие собственных умений	Давая обратную связь о работе своих сокурсников, я имею возможность получить дополнительный опыт, который пригодится мне в будущем
Не уверен в результате	12,4	16	Ненадежность системы	Раньше у меня были проблемы с эссе в онлайн-формате (как с загрузкой, так и с отзывами), поэтому я обычно беспокоюсь о качестве используемых платформ и о том, как это может повлиять на наши оценки
			Дистанция	Обратная связь в онлайн-формате обычно кажется отдаленной, вы не уверены, что автор получает или видит ее вовремя. Я чувствую себя более уверенным в том, что буду понят, когда обратная связь предоставляется в офлайн-режиме и обсуждается
Не заинтересован и не включен в процесс	11,7	16	Отсутствие авторитета	Я думаю, что в целом студенты, которые учатся в вузе, желают получить обратную связь от компетентного преподавателя, а не от своих сверстников, так как каждый хочет максимально продуктивно использовать свое учебное время, а не тратить его на часто неточные и предвзятые комментарии со стороны одногруппников
			Бесполезность обратной связи	Не думаю, что моя обратная связь будет принята во внимание. Обычно ее никто не слушает / не читает, как и я
			Отсутствие необходимых знаний	Иногда я не уверен, является ли мой отзыв беспристрастным или объективным. Я не думаю, что достаточно образован, чтобы оценивать работу других студентов

В финальном открытом вопросе (B29) студенты перечислили вызовы, с которыми они сталкиваются при предоставлении сверстниками обратной связи на письменные работы в формате онлайн. Эти ответы были проанализированы тематически (табл. 7). Опять же, студенты испытывают трудности при обнаружении

ошибок или отмечают склонность замечать только их. Как и в предыдущем вопросе, респонденты озвучивают неуверенность в своей компетентности и умении использовать критерии оценки. Студенты боятся обидеть сверстников и испытывают трудности при формулировке комментариев и выборе тона.

Таблица 7

Тематический анализ открытых ответов (трудности при предоставлении обратной связи)

Тема	Подтемы	Примеры
Ошибки (22 ответа)	Трудность в обнаружении	Мне сложно обнаружить грамматические и лексические ошибки. Боюсь, что ошибки, которые я замечаю, – вовсе не ошибки
	Фиксация на ошибках	Я имею склонность концентрироваться на грамматике и словах, полностью упуская идеи. Самый большой вызов для меня – не исправлять каждую ошибку
Комментарии (11 ответов)	Понимание того, что нужно исправлять	Могут быть разные подходы к выполнению задания, и мне нужно объяснение, почему сверстник написал что-то определенным образом
	Выбор тона	Я всегда задумываюсь о том, достаточно ли конструктивна моя обратная связь, нейтральна ли она по отношению к автору работы. Бывает сложно сформулировать рекомендации автору работы, чтобы не демотивировать, не обидеть его/ее.
Компетентность (19 ответов)	Формулировка комментария	Иногда сложно сформулировать обратную связь, потому что нельзя просто сказать «это хорошо или не очень хорошо», необходимо объяснить почти все детали
	Неуверенность в своей компетентности	Я не преподаватель, и люди, которым я даю обратную связь, владеют английским на том же уровне, что и я, поэтому я не уверена, что мой фидбэк приведет к значительному улучшению их работ
Чувства (21 ответ)	Применение критериев	Для меня наибольшими трудностями являются корректное применение критериев, уверенность в своих действиях и знания в данной области. Сложно развести персональный стиль письма и предложенные критерии
	Боязнь задеть чувства другого	Мне неудобно сильно критиковать человека, особенно если в работе много ошибок. Отношения с человеком, которого я оцениваю. Я боюсь обидеть его/ее своим фидбэком
Интерес (4 ответа)	Отсутствие интереса	Я нахожу это скучным и энергозатратным. Мне не нравится читать работы, которые мне не интересны
Время (2 ответа)	Временные затраты	Обычно требуется время для того, чтобы персонализировать обратную связь, решить, как ты будешь подсвечивать слабые стороны работы и хвалить автора

Обсуждение

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод, что студенты не в полной мере понимают ценность, значимость и собственную роль в ОС и самооценивании, несмотря на то, что относятся к ним в среднем положительно. Они не всегда знают, как применить информацию, полученную в ОС. Кроме того, студенты считают, что им не хватает знаний и умений, чтобы предоставлять качественную обратную связь, также они опасаются обидеть получателя ОС. При этом наблюдается достаточно четкое деление студентов на две группы, одна из которых осознает необходимость и пользу ОС, а другая считает ее достаточно бесполезной.

Участники исследования обозначили опасения по поводу самооценки и ОС от сверстников, свойственные представителям коллективистских культур с большой дистанцией власти [36, 37]. Они предпочитают получать ОС от преподавателя, так как считают сверстников недостаточно компетентными в вопросах оценивания. Студенты боятся обидеть сверстника при предоставлении ОС и признаются, что их реакция на ОС зависит в первую очередь от тона ОС и того, совпадает ли она с ожиданиями получателя. Отмечено,

что представителям коллективистских и высококонтекстных культур сложнее выбрать тон и сформулировать четкие комментарии в ОС [38]. В данном исследовании респонденты также отмечали трудности с выбором тона и формулировкой комментариев.

Выявленные трудности, которые респонденты испытывают при предоставлении обратной связи сверстникам, а именно определение и исправление ошибок, недостаточные умения и опыт, в том числе в работе с критериями оценивания и формулировкой комментариев, возможность обидеть сверстника, были задокументированы и в других контекстах (см.: [39]). Обращает на себя внимание некоторая фиксация респондентов на ошибках, особенно языковых, что, возможно, является отголоском чрезмерного акцента на грамотности, до сих пор присутствующего в языковом образовании в России. Неуверенность и недоверие студентов могут быть, хотя бы частично, сняты вовлеченностью преподавателя в процесс самооценки в формате инструкций и консультаций [40]. Регулярное использование самооценки позволяет сформировать доверие студентов к ней [41].

Несмотря на опасения и трудности, студенты осознают потенциал и пользу ОС для развития умений письма. При этом студенты отмечают, что развитию

навыков способствует не только получение ОС от сверстников, но и предоставление ОС, что подтверждается и другими исследованиями (например, [42]). Некоторые респонденты движимы внутренним желанием помочь сверстникам. Нельзя сказать, что мнения студентов относительно самооценки и ОС единообразны. Обучающиеся, находящиеся в одном социокультурном контексте, существуют под влиянием разнообразных факторов, таких как индивидуальные цели и мотивы, опыт получения и предоставления обратной связи, личностные характеристики [27. С. 25].

Участники опроса предпочитают давать однокурсникам обратную связь в онлайн-формате, так как это позволяет им тщательнее проанализировать работу и сформулировать комментарии. Эти плюсы отмечают студенты и в других контекстах [31. Р. 2; 40. Р. 71]. При этом студенты осознают ограничения системы, такие как невозможность обсудить причины выбора того или иного языкового средства, неуверенность в том, что ОС будет верно интерпретирована или дойдет до реципиента. Решением проблемы может быть организация самооценки и ОС в диалогическом конструктивистском ключе [9. Р. 328], что позволяет делать многие современные цифровые платформы. Как и в других контекстах, студенты-лингвисты предпочитают ОС на письменные работы, основанную на критериях оценивания [20. Р. 93], выявляющую ошибки и эксплицирующую действия для улучшения работы [43. Р. 9].

Приходится констатировать, что, несмотря на опыт получения и предоставления ОС, грамотность студентов, принимавших участие в исследовании, в отношении ОС невысока. Отсутствие грамотности в вопросе ОС препятствует эффективному взаимодействию с ней [44; 45. Р. 1058]. Взаимодействие респондентов с получаемой ОС на письменные работы можно назвать поверхностным: студенты преимущественно только прочитывают ее. Для решения этой проблемы самооценка и ОС должны стать неотъемлемой частью университетских занятий. Умения самооценки и грамотность в вопросе ОС требуют регулярного целенаправленного развития [46].

Выводы

В данной статье были проанализированы отношения студентов-лингвистов к самооценке и ОС от преподавателя и сверстников, их опыт в качестве дающих ОС, форматы взаимодействия с ОС на письменные работы. Отношение студентов к ОС от сверстников можно назвать неоднородным. Студенты понимают ценность самооценки и ОС от сверстников, но предпочитают ОС от преподавателя. Студенты не уверены, что при существующих умениях и уровне языка они

способны давать полезную ОС сверстникам. Что касается взаимодействия с обратной связью, оно преимущественно состоит из просмотра полученных комментариев. Выявлено, что студенты предпочитают получать ОС в онлайн-среде, при этом осознавая ее ограничения.

Преподаватели иностранных языков, как нам видится, могут предпринять некоторые шаги для преодоления выявленных проблем. Постепенное внедрение элементов самооценки и ОС в университетские курсы иностранного языка позволит студентам приобрести соответствующие умения и уверенность в своих действиях. Начать можно с использования самооценки по предоставленным преподавателем критериям, что даст студентам опору и основу для комментариев. Задачей преподавателя будет продемонстрировать, каким образом происходит оценка по критериям и на какие аспекты обращается внимание. Для того чтобы поощрить студентов к работе с ОС, преподаватель может включить требования к качеству взаимодействия с ОС в финальную оценку за работу.

Стоит учитывать предпочтение студентов к получению ОС в онлайн-среде. Для преодоления отмеченных студентами недостатков возможно использование функций комментариев и обсуждений при самооценке и ОС на цифровых платформах для совместной работы (например, GoogleDocs, Miro). Глубина и содержательность ОС и конструктивного диалога, построенного вокруг нее, могут быть объектом оценивания со стороны преподавателя по соответствующим критериям.

Как же это осуществить, если даже преподаватели испытывают трудности при предоставлении ОС и формулировке комментариев [47. Р. 1246]? Будущие преподаватели также должны осваивать техники самооценки и ОС, что особенно важно в контексте подготовки преподавателей иностранных языков [48]. Практика самооценки и ОС позволит не только развить соответствующие умения, но и сформировать позитивное отношение к процессу. И не стоит забывать, что преподаватели во многом учат студентов своим примером, в том числе и в вопросе предоставления ОС и работы с ней [49].

Дальнейшие исследования могут быть направлены на экспериментальное изучение практик и стратегий самооценки и студенческой обратной связи в цифровой среде, а также на исследование эффективности предложенных решений. Расширение выборки и включение в нее студентов других вузов поможет понять, возможно ли распространить сделанные выводы на другие когорты российских студентов.

Список источников

1. Wanner T., Palmer E. Formative self-and peer assessment for improved student learning: the crucial factors of design, teacher participation and feedback // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2018. № 43. Р. 1–16. doi: 10.1080/02602938.2018.1427698
2. Winstone N., Boud D., Dawson P., Heron M. From feedback-as-information to feedback-as-process: a linguistic analysis of the feedback literature // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2022. Vol. 47, № 2. Р. 213–230. doi: 10.1080/02602938.2021.1902467
3. Азбель А.А., Илюшин Л.С., Морозова П.А. Обратная связь в обучении глазами российских подростков // *Вопросы образования*. 2021. № 1. С. 195–212. doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-195-212
4. Корнев А.А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // *Rhema (Рема)*. 2018. № 2. С. 112–127.

5. Пинская М.А. Формирующее оценивание и качество образования // Народное образование. 2010. № 1. С. 179–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formiruyushee-otsenivanie-i-kachestvo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.08.2022).
6. Carless D. From teacher transmission of information to student feedback literacy: Activating the learner role in feedback processes // *Active Learning in Higher Education*. 2022. Vol. 23, № 2. P. 143–153. doi: 10.1177/1469787420945845
7. Molloy E., Boud D., Henderson M. Developing a learning-centred framework for feedback literacy // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. Vol. 45, № 4. P. 527–540. doi: 10.1080/02602938.2019.1667955
8. Donia M., Mach M., O'Neill T., Brutus S. Student Satisfaction with Use of an Online Peer Feedback System // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2022. Vol. 47, № 2. P. 269–283. doi: 10.1080/02602938.2021.1912286
9. Wood J. Making peer feedback work: the contribution of technology-mediated dialogic peer feedback to feedback uptake and literacy // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2022. Vol. 47, № 3. P. 327–346. doi: 10.1080/02602938.2021.1914544
10. Lipnevich A.A., Panadero E. A Review of Feedback Models and Theories: Descriptions, Definitions, and Conclusions // *Frontiers in Education*. 2021. № 6. doi: 10.3389/educ.2021.720195
11. Bloom B.S. *Handbook on Formative and Summative Evaluation of Student Learning*. New York, N. Y. : McGraw-Hill, 1971. 923 p.
12. Kulhavy R.W., Wager W. Feedback in programmed instruction: Historical context and implications for practice // Dempsey J.V., G.C. Sales (Eds.), *Interactive instruction and feedback*. Englewood Cliffs, N. J. : Educational Technology Publications, 1993. P. 3–20.
13. Johnson G.M. Self-regulation of learning and preference for written versus audio-recorded feedback by distance education students / G.M. Johnson, A. Cooke // *Distance Education*. 2016. № 37. P. 107–120.
14. Niu R., Zhang R. A case study of focus, strategy and efficacy of an L2 writing teacher's written feedback // *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2018. Vol. 41, № 3. P. 91–99.
15. Wu W., Huang J., Han C., Zhang J. Evaluating peer feedback as a reliable and valid complementary aid to teacher feedback in EFL writing classrooms: A feedback giver perspective // *Studies in Educational Evaluation*. 2022. Vol. 73, № 101140. doi: 10.1016/j.stueduc.2022.101140
16. Yao Y., Guo N. S., Li C., McCampbell D. How university EFL writers' beliefs in writing ability impact their perceptions of peer assessment: Perspectives from implicit theories of intelligence // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. P. 1–17. doi: 10.1080/02602938.2020.1750559
17. Ovando M.N. Constructive Feedback: A Key to Successful Teaching and Learning // *International Journal of Educational Management*. 1994. Vol. 8, № 6. P. 19–22. doi: 10.1108/09513549410069185
18. Price M., Handley K., Millar J. Beyond 'DOing time': Investigating the concept of student engagement with feedback // *Oxford Review of Education*. 2011. Vol. 37. P. 543–560. doi: 10.1080/03054985.2011.604951
19. Henderson M., Ryan T., Boud D., Dawson P., Phillips M., Molloy E., Mahoney P. The usefulness of feedback // *Active Learning in Higher Education*, 2019. Vol. 22, № 3. P. 229–243. doi: 10.1177/1469787419872393
20. Wang W. Students' perceptions of rubric-referenced peer feedback on EFL writing: A longitudinal inquiry // *Assessing Writing*. 2014. Vol. 19. P. 80–96. doi: 10.1016/j.asw.2013.11.008
21. Black P., William D. Developing the Theory of Formative Assessment // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2009. Vol. 21. P. 5–31. doi: 10.1007/s11092-008-9068-5
22. Liu N., Carless D. Peer feedback: The learning element of peer assessment // *Teaching in Higher Education*, 2006. Vol. 11. P. 279–290. doi: 10.1080/13562510600680582
23. Double K.S., McGrane J.A., Hopfenbeck T.N. The Impact of Peer Assessment on Academic Performance: A Meta-analysis of Control Group Studies // *Educational Psychology Review*. 2020. Vol. 32. P. 481–509. doi: 10.1007/s10648-019-09510-3
24. Chang C.Y.H. Teacher modelling on EFL reviewers' audience-aware feedback and affectivity in L2 peer review // *Assessing Writing*. 2015. Vol. 25. P. 2–21. doi: 10.1016/j.asw.2015.04.001
25. Zheng L., Cui P., Li X., Huang R. Synchronous discussion between assessors and assesseees in web-based peer assessment: Impact on writing performance, feedback quality, meta-cognitive awareness and self-efficacy // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2018. Vol. 43, № 3. P. 500–514. doi: 10.1080/02602938.2017.1370533
26. Zhan Y. What matters in design? Cultivating undergraduates' critical thinking through online peer assessment in a Confucian heritage context // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2021. Vol. 46, № 4. P. 615–630. doi: 10.1080/02602938.2020.1804826
27. Yu Sh., Hu G. Understanding university students' peer feedback practices in EFL writing: Insights from a case study // *Assessing Writing*. 2017. Vol. 33. P. 25–35. doi: 10.1016/j.asw.2017.03.004
28. Yu S. Learning from giving peer feedback on postgraduate theses: Voices from Master's students in the Macau EFL context // *Assessing Writing*. 2019. Vol. 40. P. 42–52.
29. Kaufman J.H., Schunn C.D. Students' perceptions about peer assessment for writing: their origin and impact on revision work // *Instructional Science*. 2011. Vol. 39. P. 387–406. doi: 10.1007/s11251-010-9133-6
30. Hu G. *Culture and Peer Feedback // Feedback in Second Language Writing*. Cambridge University Press, 2019. P. 45–63. doi: 10.1017/9781108635547.005
31. Ene E., Upton T. Synchronous and Asynchronous Teacher Electronic Feedback and Learner Uptake in ESL Composition // *Journal of Second Language Writing*. 2018. Vol. 41. P. 1–13. doi: 10.1016/j.jslw.2018.05.005
32. Parkin H., Hepplestone S., Holden G., Irwin B., Thorpe L. A role for technology in enhancing students' engagement with feedback // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2012. Vol. 37, № 8. P. 963–973. doi: 10.1080/02602938.2011.592934
33. Domyшева S.A., Копылова N.V. Peer review in EFL writing classrooms at Russian universities: cultural factors // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25, № 3. С. 139–147. doi: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-139-147
34. Russia // *Hofstede Insights*. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country/russia/> (дата обращения: 12.08.2022).
35. Maguire M., Delahunt B. DOing a Thematic Analysis: A Practical, Step-by-Step Guide for Learning and Teaching Scholars // *All Ireland Journal of Teaching and Learning in Higher Education* 2017. Vol. 9, № 3351.
36. Kim S., Chang Ch.-H. Japanese L2 learners' translanguaging practice in written peer feedback // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2022. Vol. 25, № 4. P. 1363–1376. doi: 10.1080/13670050.2020.1760201
37. Kurniawati H.N. Students' perceptions and challenges on peer feedback of EFL university students' writing // *Research on English Language Teaching in Indonesia*. 2021. Vol. 9, № 2. P. 179–185.
38. Van Rompay-Bartels I., Geessink J. Exploring peer feedback on behaviour in the international classroom: a case study on students' experiences and perceptions // *Journal of International Education in Business*. 2023. Vol. 16, № 1. P. 1–17. doi: 10.1108/JIEB-07-2020-0063
39. Goldstein L. Feedback and revision in second language writing: Contextual, teacher, and student variables // Hyland K., Hyland F. (Eds.). *Feedback in Second Language Writing: Contexts and Issues*. 1st ed. Cambridge, England : Cambridge University Press, 2012. P. 185–205. doi: 10.1017/CBO9781139524742.012
40. Astrid A., Rukmini D., Fitriati S. W., Syafrudin. Experiencing the Peer Feedback Activities with Teacher's Intervention through Face-to-Face and Asynchronous Online Interaction: The Impact on Students' Writing Development and Perceptions // *Journal of Language and Education*. 2021. Vol. 7, № 2. P. 64–77. doi: 10.17323/jle.2021.10585
41. Joh J., Plakans L. Peer assessment in EFL teacher preparation: A longitudinal study of student perception // *Language Teaching Research*. 2021. doi: 10.1177/13621688211060776

42. Topping K. Self and peer assessment in school and university: Reliability, validity and utility // Segers M., Dochy F., Cascaller E. (Eds.). *The Netherlands Optimising new modes of assessment: In search of qualities and standards*. Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 55–87.
43. Zhang T., Chen X., Hu J., Ketwan P. EFL Students' Preferences for Written Corrective Feedback: Do Error Types, Language Proficiency, and Foreign Language Enjoyment Matter? // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12, № 660564. doi: 10.3389/fpsyg.2021.660564
44. Lam R. Teacher assessment literacy: Surveying knowledge, conceptions and practices of classroom-based writing assessment in Hong Kong. *System* // 2019. Vol. 81. P. 78–89. doi: 10.1016/j.system.2019.01.006
45. Lee I. The development of feedback literacy for writing teachers // *TESOL Quarterly*. 2021. Vol. 55, № 3. P. 1048–1059. doi: 10.1002/tesq.3012
46. Mercader C., Ion G., Díaz-Vicario A. Factors influencing students' peer feedback uptake: instructional design matters // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. Vol. 45, № 8. P. 1169–1180. doi: 10.1080/02602938.2020.172628
47. Henderson M., Ryan T., Phillips M. The challenges of feedback in higher education // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2019. Vol. 44, № 8. P. 1237–1252. doi: 10.1080/02602938.2019.1599815
48. Ершова Т.А. Педагогические условия развития профессионально-коммуникативных умений письменной обратной связи у будущих учителей и преподавателей иностранных языков // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 189. С. 48–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-razvitiya-professionalno-kommunikativnyh-umeniy-pismennoy-obratnoy-svyazi-u-buduschih-uchiteley-i> (дата обращения: 12.08.2022).
49. Han Y., Xu Y. The development of student feedback literacy: the influences of teacher feedback on peer feedback // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. Vol. 45, № 5. P. 680–696. doi: 10.1080/02602938.2019.1689545

References

1. Wanner, T. & Palmer, E. (2018) Formative self-and peer assessment for improved student learning: the crucial factors of design, teacher participation and feedback. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 43. pp. 1–16. doi: 10.1080/02602938.2018.1427698
2. Winstone, N. et al. (2022) From feedback-as-information to feedback-as-process: a linguistic analysis of the feedback literature. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 47 (2). pp. 213–230. doi: 10.1080/02602938.2021.1902467
3. Azbel', A.A., Ilyushin, L.S. & Morozova, P.A. (2021) Perceptions of Feedback Among Russian Adolescents. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 195–212. (In Russian). doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-195-212
4. Korenev, A.A. (2018) Obratnaya svyaz' v obuchenii i pedagogicheskom obshchenii [Feedback in learning and pedagogical communication]. *Rhema (Rema)*. 2. pp. 112–127.
5. Pinskaya, M.A. (2010) Formiruyushchee otsenivanie i kachestvo obrazovaniya [Formative evaluation and quality of education]. *Narodnoe obrazovanie*. 1. pp. 179–185.
6. Carless, D. (2022) From teacher transmission of information to student feedback literacy: Activating the learner role in feedback processes. *Active Learning in Higher Education*. 23 (2). pp. 143–153. doi: 10.1177/1469787420945845
7. Molloy, E., Boud, D. & Henderson, M. (2020) Developing a learning-centred framework for feedback literacy. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 45 (4). pp. 527–540. doi: 10.1080/02602938.2019.1667955
8. Donia, M. et al. (2022) Student Satisfaction with Use of an Online Peer Feedback System. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 47 (2). pp. 269–283. doi: 10.1080/02602938.2021.1912286
9. Wood, J. (2022) Making peer feedback work: the contribution of technology-mediated dialogic peer feedback to feedback uptake and literacy. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 47 (3). pp. 327–346. doi: 10.1080/02602938.2021.1914544
10. Lipnevich, A.A. & Panadero, E. (2021) A Review of Feedback Models and Theories: Descriptions, Definitions, and Conclusions. *Frontiers in Education*. 6. doi: 10.3389/educ.2021.720195
11. Bloom, B.S. (1971) *Handbook on Formative and Summative Evaluation of Student Learning*. New York, N. Y.: McGraw-Hill.
12. Kulhavy, R.W. & Wager, W. (1993) Feedback in programmed instruction: Historical context and implications for practice. In: Dempsey, J.V. & Sales, G.C. (eds) *Interactive instruction and feedback*. Englewood Cliffs, N.J.: Educational Technology Publications. pp. 3–20.
13. Johnson, G.M. (2016) Self-regulation of learning and preference for written versus audio-recorded feedback by distance education students. *Distance Education*. 37. pp. 107–120.
14. Niu, R. & Zhang, R. (2018) A case study of focus, strategy and efficacy of an L2 writing teacher's written feedback. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 41 (3). pp. 91–99.
15. Wu, W. et al. (2022) Evaluating peer feedback as a reliable and valid complementary aid to teacher feedback in EFL writing classrooms: A feedback giver perspective. *Studies in Educational Evaluation*. 73 (101140). doi: 10.1016/j.stueduc.2022.101140
16. Yao, Y. et al. (2020) How university EFL writers' beliefs in writing ability impact their perceptions of peer assessment: Perspectives from implicit theories of intelligence. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 46 (1). pp. 1–17. doi: 10.1080/02602938.2020.1750559
17. Ovando, M.N. (1994) Constructive Feedback: A Key to Successful Teaching and Learning. *International Journal of Educational Management*. 8 (6). pp. 19–22. doi: 10.1108/09513549410069185
18. Price, M., Handley, K. & Millar, J. (2011) Beyond 'DOing time': Investigating the concept of student engagement with feedback. *Oxford Review of Education*. 37. pp. 543–560. doi: 10.1080/03054985.2011.604951
19. Henderson, M. et al. (2019) The usefulness of feedback. *Active Learning in Higher Education*. 22 (3). pp. 229–243. doi: 10.1177/1469787419872393
20. Wang, W. (2014) Students' perceptions of rubric-referenced peer feedback on EFL writing: A longitudinal inquiry. *Assessing Writing*. 19. pp. 80–96. doi: 10.1016/j.asw.2013.11.008
21. Black, P. & William, D. (2009) Developing the Theory of Formative Assessment. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 21. pp. 5–31. doi: 10.1007/s11092-008-9068-5
22. Liu, N. & Carless, D. (2006) Peer feedback: The learning element of peer assessment. *Teaching in Higher Education*, 11. pp. 279–290. doi: 10.1080/13562510600680582
23. Double, K.S., McGrane, J.A. & Hopfenbeck, T.N. (2020) The Impact of Peer Assessment on Academic Performance: A Meta-analysis of Control Group Studies. *Educational Psychology Review*. 32. pp. 481–509. doi: 10.1007/s10648-019-09510-3
24. Chang, C.Y.H. (2015) Teacher modelling on EFL reviewers' audience-aware feedback and affectivity in L2 peer review. *Assessing Writing*. 25. pp. 2–21. doi: 10.1016/j.asw.2015.04.001
25. Zheng, L. et al. (2018) Synchronous discussion between assessors and assesseees in web-based peer assessment: Impact on writing performance, feedback quality, meta-cognitive awareness and self-efficacy. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 43 (3). pp. 500–514. doi: 10.1080/02602938.2017.1370533
26. Zhan, Y. (2021) What matters in design? Cultivating undergraduates' critical thinking through online peer assessment in a Confucian heritage context. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 46 (4). pp. 615–630. doi: 10.1080/02602938.2020.1804826
27. Yu Sh. & Hu G. (2017) Understanding university students' peer feedback practices in EFL writing: Insights from a case study. *Assessing Writing*. 33. pp. 25–35. doi: 10.1016/j.asw.2017.03.004
28. Yu, S. (2019) Learning from giving peer feedback on postgraduate theses: Voices from Master's students in the Macau EFL context. *Assessing Writing*. 40. pp. 42–52.

29. Kaufman, J.H. & Schunn, C.D. (2011) Students' perceptions about peer assessment for writing: their origin and impact on revision work. *Instructional Science*. 39. pp. 387–406. doi: 10.1007/s11251-010-9133-6
30. Hu, G. (2019) Culture and Peer Feedback. In: *Feedback in Second Language Writing*. Cambridge University Press. pp. 45–63. doi: 10.1017/9781108635547.005
31. Ene, E. & Upton, T. (2018) Synchronous and Asynchronous Teacher Electronic Feedback and Learner Uptake in ESL Composition. *Journal of Second Language Writing*. 41. pp. 1–13. doi: 10.1016/j.jslw.2018.05.005
32. Parkin, H. et al. (2012) A role for technology in enhancing students' engagement with feedback. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 37 (8). pp. 963–973. doi: 10.1080/02602938.2011.592934
33. Domysheva, S.A. & Kopylova, N.V. (2019) Peer review in EFL writing classrooms at Russian universities: cultural factors. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 25 (3). pp. 139–147. doi: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-139-147
34. Hofstede Insights. (2022) *Russia*. [Online] Available from: <https://www.hofstede-insights.com/country/russia/> (Accessed: 12.08.2022).
35. Maguire, M. & Delahunty, B. (2017) DOIing a Thematic Analysis: A Practical, Step-by-Step Guide for Learning and Teaching Scholars. *All Ireland Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. 9 (3351).
36. Kim, S. & Chang, Ch.-H. (2022) Japanese L2 learners' translanguaging practice in written peer feedback. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 25 (4). pp. 1363–1376. doi:10.1080/13670050.2020.1760201
37. Kurniawati, H.N. (2021) Students' perceptions and challenges on peer feedback of EFL university students' writing. *Research on English Language Teaching in Indonesia*. 9 (2). pp. 179–185.
38. Van Rompay-Bartels, I. & Geessink, J. (2023) Exploring peer feedback on behaviour in the international classroom: a case study on students' experiences and perceptions. *Journal of International Education in Business*. 16 (1). pp. 1–17. doi: 10.1108/JIEB-07-2020-0063.
39. Goldstein, L. (2012) Feedback and revision in second language writing: Contextual, teacher, and student variables. In: Hyland, K. & Hyland, F. (eds) *Feedback in Second Language Writing: Contexts and Issues*. 1st ed. Cambridge, England: Cambridge University Press. pp. 185–205. doi: 10.1017/CBO9781139524742.012
40. Astrid, A., Rukmini, D. & Fitriati, S.W. (2021) Syafrudin. Experiencing the Peer Feedback Activities with Teacher's Intervention through Face-to-Face and Asynchronous Online Interaction: The Impact on Students' Writing Development and Perceptions. *Journal of Language and Education*. 7 (2). pp. 64–77. doi: 10.17323/jle.2021.10585
41. Joh, J. & Plakans, L. (2021) Peer assessment in EFL teacher preparation: A longitudinal study of student perception. *Language Teaching Research*. doi: 10.1177/13621688211060776
42. Topping, K. (2003) Self and peer assessment in school and university: Reliability, validity and utility. In: Segers, M., Dochy, F. & Cascaller, E. (eds) *The Netherlands Optimising new modes of assessment: In search of qualities and standards*. Kluwer Academic Publishers. pp. 55–87.
43. Zhang, T. et al. (2021) EFL Students' Preferences for Written Corrective Feedback: Do Error Types, Language Proficiency, and Foreign Language Enjoyment Matter? *Frontiers in Psychology*. 12 (660564). doi: 10.3389/fpsyg.2021.660564
44. Lam, R. (2019) Teacher assessment literacy: Surveying knowledge, conceptions and practices of classroom-based writing assessment in Hong Kong. *System*. 81. pp. 78–89. doi: 10.1016/j.system.2019.01.006
45. Lee, I. (2021) The development of feedback literacy for writing teachers. *TESOL Quarterly*. 55 (3). pp. 1048–1059. doi: 10.1002/tesq.3012
46. Mercader, C., Ion, G. & Díaz-Vicario, A. (2020) Factors influencing students' peer feedback uptake: instructional design matters. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 45 (8). pp. 1169–1180. doi: 110.1080/02602938.2020.172628
47. Henderson, M., Ryan, T. & Phillips, M. (2019) The challenges of feedback in higher education. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 44 (8). pp. 1237–1252. doi: 10.1080/02602938.2019.1599815
48. Ershova, T.A. (2020) Pedagogical Conditions of the Development of Language Teachers' Professional Communicative Skills of Written Feedback. *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki*. 189. pp. 48–57. (In Russian).
49. Han, Y. & Xu, Y. (2020) The development of student feedback literacy: the influences of teacher feedback on peer feedback. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 45 (5). pp. 680–696. doi: 10.1080/02602938.2019.1689545

Информация об авторах:

Боголепова С.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: sbogolepova@hse.ru

Кирсанова М.А. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mkirsanova@hse.ru

Пивоварова А.А. – учебный ассистент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aapivovarova@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Bogolepova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sbogolepova@hse.ru

M.A. Kirsanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mkirsanova@hse.ru

A.A. Pivovarova, teaching assistant, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aapivovarova@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/487/15

Организация работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков

Яна Борисовна Емельянова¹

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Нижегород, Россия
yemelyanova2007@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость целенаправленной и профессионально-ориентированной работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков. Предложен комплекс упражнений, апробированный на занятиях по практике иностранного языка со студентами-переводчиками. В качестве положительных результатов отмечаются повышение грамотности и уверенности студентов в использовании синонимов; приобретение ими необходимых навыков работы с данным типом лексических единиц; перенос соответствующей последовательности действий, составляющих оптимальный алгоритм работы с синонимами, в самостоятельную работу студентов.

Ключевые слова: синонимы, перевод, обучение иностранному языку

Для цитирования: Емельянова Я.Б. Организация работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 129–137. doi: 10.17223/15617793/487/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/15

Working with synonyms in the process of teaching foreign languages to translation students

Yana B. Emelyanova¹

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
yemelyanova2007@yandex.ru

Abstract. The article examines the importance of a systematic and professionally-oriented approach to the acquisition and practice of synonyms in the process of teaching foreign languages to translation students. The translator should possess a thorough knowledge of the nuances of meaning of synonyms and the ability to b) use them appropriately; c) relate synonyms and synonymic chains in two languages and establish similarities and differences between them; d) find translation equivalents; e) collect the necessary information about synonyms. Based on the relevant studies a number of problems relating to the acquisition and use of synonyms as well as approaches to working with them were identified. The first group included: a) vague knowledge of the differences in meaning between synonyms; b) difficulties with choosing a synonym for a particular context; c) false belief that synonyms are interchangeable; d) interference from L1; e) lack of knowledge of collocations of synonyms. The second group comprised the following problems: a) exclusive reliance on dictionary definitions; b) vague knowledge of the types of information about synonyms required for their adequate use; c) possible lack of motivation to study synonyms; d) lack of knowledge about relevant reference materials and skills required to use them. Taking into consideration the above-mentioned information, the author developed a complex of exercises with the aim of a) increasing the effectiveness of working with synonyms in teaching foreign languages to translation students and b) ensuring students' acquisition of the algorithm for working with synonyms independently. It was tested as part of the English language course for 3rd and 4th year trainee translators. The complex included three parts aimed at: 1) collection and systematization of information about similarities, differences and contexts of use of synonyms; 2) initial consolidation of this information; 3) the use of synonyms in communicative contexts in speaking and writing tasks. It was expected that these exercises will help to focus students' attention on the: a) types of information about synonyms required for their adequate use; b) steps involved in collecting it; c) necessary reference materials and their distinctive features, as well as d) ensure the acquisition of relevant skills and abilities. The results indicate that students: a) have become more confident and proficient in using synonyms; b) have acquired the necessary skills and abilities; c) have mastered the algorithm for working with synonyms and can use it independently. Overall, the obtained results testify to the effectiveness of the proposed approach which has a twofold aim: 1) to achieve the current training objectives in terms of improving the effectiveness of working with synonyms in class and at home; 2) to pave the way for achieving far-reaching goals, i.e., ensuring that students master the skills and strategies required for working with synonyms and solving similar problems independently both in their studies and in their professional careers.

Keywords: synonyms, translation, foreign language teaching

For citation: Emelyanova, Ya.B. (2023) Working with synonyms in the process of teaching foreign languages to translation students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 129–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/15

Введение

Явление синонимии является одним из важных аспектов владения языком, который заслуживает отдельного внимания в контексте иноязычной подготовки переводчика. Поскольку синонимы – это слова, «позволяющие уточнять мысль и отношение к высказываемому» [1. С. 293], уяснение авторской интенции, а также содержания и смысла текста оригинала невозможны без знания всех оттенков значения языковых средств, использованных автором. С другой стороны, в процессе создания перевода отсутствие четкого знания о различиях синонимов может приводить к потере элементов смысла в тексте перевода, снижая его качество.

Несмотря на наличие одного или нескольких сходных значений, различительно-дифференцирующим оттенкам значения синонимов принадлежит ведущая роль, так как именно они определяют специфику их функционирования [2. С. 69]. При этом различия между синонимами наблюдаются и в соотношении синонимических рядов в двух языках. Нередки случаи их несовпадения по причине разного видения конкретного явления действительности представителями разных культур. Это также может создавать трудности в переводе [3].

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что явление синонимии в иностранном языке является причиной от 26 [4] до 40% [5] всех лексических ошибок, в том числе и у студентов продвинутого уровня владения иностранным языком [6]. К основным проблемам использования синонимов можно отнести:

- 1) размытость знаний о различиях синонимов – около 20% всех лексических ошибок [7–9];
- 2) затруднения с выбором нужного синонима в конкретном контексте [10–13];
- 3) ложное представление о взаимозаменяемости синонимов [14, 15];
- 4) интерференция из Я1 в силу несовпадения объемов значений синонимов и самих синонимических рядов [16–18];
- 5) незнание особенностей сочетаемости слов-синонимов [19] – до 33% всех лексических ошибок [7].

От переводчика помимо грамотного использования также требуются умения сопоставлять объемы значений слов-синонимов в двух языках в поисках адекватных соответствий в переводящем языке и самостоятельно собирать необходимую информацию о них. Исследования показывают, что трудности в усвоении и использовании синонимов могут быть обусловлены некорректным подходом к работе с ними, что может включать:

1. Опору исключительно на словарные дефиниции. Известно, что «многие семантические компоненты

слова не фиксируются словарными дефинициями, но регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова» [20. С. 23]. Соответственно, в ряде случаев опора на словарные дефиниции:

- а) не позволяет увидеть тонкие нюансы различий между словами-синонимами [6, 21, 22], поскольку формулировки часто отличаются обтекаемостью [23], абстрактностью и размытостью [6];
- б) не дает информации о типичных контекстах их функционирования [16, 22];
- в) не всегда и не обязательно обеспечивает исчерпывающее знание значения слова и его грамотное использование в речи [6, 24];
- г) может приводить к неправильным выводам относительно значений слов, создавать ложное чувство уверенности в своих знаниях [6].

2. Размытость представлений о параметрах, по которым нужно владеть информацией о синонимах.

3. Возможное отсутствие мотивации у студентов целенаправленно учить синонимы, поскольку: а) они не видят необходимости учить несколько слов со сходными значениями и обходятся доминантой; б) изучение и использование таких слов требует дополнительных усилий [15, 17].

4. Отсутствие знаний о необходимых для работы с синонимами справочных ресурсах и навыков работы с ними.

Обозначенные трудности и проблемы свидетельствуют о необходимости профессионально-ориентированной работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков, с одной стороны, и формирования системы навыков самостоятельной работы с данной группой лексических единиц – с другой, что обусловило *цель* данного исследования. Она предполагает разработку и апробацию комплекса упражнений, направленного:

- 1) на повышение эффективности работы с синонимами в процессе иноязычной подготовки переводчиков;
- 2) обучение студентов алгоритму работы с синонимами, который может быть использован ими при самостоятельной работе как в процессе обучения, так и в профессиональной переводческой деятельности.

Практическая значимость исследования обусловлена разработкой конкретного инструмента, позволяющего оптимизировать процесс работы с синонимами в аудиторных и внеаудиторных условиях.

Теоретическое значение исследования состоит в уточнении и описании подхода к организации иноязычной подготовки переводчиков за счет разработки рекомендаций, видов и последовательности заданий для работы синонимами, обеспечивающих ее эффективность и профессиональную направленность.

Методология исследования

В эксперименте принимали участие студенты 3-х и 4-х курсов, обучающиеся на программе специалитета по направлению «Перевод и переводоведение» (41 чел.). **Первый этап** эксперимента включал следующие шаги:

1. Обобщение наблюдений, сделанных нами в течение нескольких лет преподавания иностранного языка студентам-переводчикам, свидетельствующих о повторяющихся трудностях студентов в работе с синонимами.

2. Опрос студентов с целью выявления их отношения к вопросу. Ответы студентов можно обобщить следующим образом:

- а) знают разницу между синонимами «скорее интуитивно»;
- б) не всегда уверены, как правильно использовать синоним;
- в) в случае затруднений с выбором отдают предпочтение доминанте;
- г) не всегда видят разницу между синонимами на основе анализа дефиниций из толковых словарей;
- д) не всегда знают, где можно найти недостающую информацию.

3. Определение ожидаемых результатов, а именно:

- а) повышение эффективности работы с синонимами в процессе обучения, что будет выражаться:
  - в более четком представлении студентов о специфике значений и контекстах функционирования изучаемых синонимов;
  - их свободном и грамотном употреблении студентами в речи;
  - оптимизации процесса сбора и анализа информации о синонимах;
- б) обучение студентов воспроизводимому алгоритму, который обеспечит эффективность их действий и надежность получаемых результатов в процессе самостоятельной работы с синонимами.

Второй этап предполагал апробацию разработанного нами комплекса упражнений. С целью последующего сравнения результатов апробации с исходными было решено выполнить упражнения 1, 2, 3, являющиеся формами контроля в нашем эксперименте (см. описание третьего этапа) по окончании изучения темы 1, где комплекс упражнений не использовался.

Комплекс упражнений состоит из трех блоков. При организации упражнений мы руководствовались тем, что работа с лексикой осуществляется в три этапа, которые называются: 1) ознакомление с новым материалом; 2) первичное закрепление; 3) развитие навыков и

умений использования лексики в разных формах устного и письменного общения [25].

Цель первого блока – сбор и систематизация информации: а) об общих и дифференцирующих признаках и б) о контекстах употребления синонимов, входящих в конкретный синонимический ряд (даны студентам изначально). Для сбора информации студентам были рекомендованы следующие типы словарей и справочных источников:

1. Толковые словари английского языка – не менее четырех (Oxford Advanced Learner’s Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English).

2. Двухязычные (англо-русские) словари. Многие английские синонимы могут иметь сходный перевод на русский язык. Работа с англо-русскими словарями позволит привлечь внимание к данной проблеме и подчеркнуть недостаточность опоры исключительно на такие словари при работе с синонимами.

3. Комбинаторные словари (Oxford Collocation Dictionary, The BBI Combinatory Dictionary of English).

4. Онлайн-ресурсы (SKELL, лингвистическая поисковая система Ludwig.guru и др.).

Мы не рекомендовали студентам корпусы и онлайн-конкордансеры (для обязательного использования), поскольку, несмотря на их положительные стороны, работа с этими источниками представляет собой амбициозную задачу и должна быть предметом отдельного исследования, так как сопряжена со значительными сложностями, а потенциальные нежелательные результаты при недостаточно серьезном подходе могут перевешивать достоинства.

Несмотря на то что в рамках эксперимента не предполагался самостоятельный поиск синонимов, тем не менее студентам были рекомендованы словари синонимов/тезаурусы, в частности Collins English Thesaurus, Thesaurus by Merriam-Webster, Macmillan Thesaurus.

Для оптимизации работы студентов со справочной литературой мы обсудили со студентами специфику каждого типа словаря:

- а) возможности, которые он предоставляет пользователю;
- б) структуру словарной статьи;
- в) потенциальные слабые стороны и возможные трудности, связанные с его использованием;
- г) важность и подходы к анализу, сопоставлению и обобщению информации из различных источников.

Для систематизации собранной информации об общих и дифференцирующих признаках синонимов студентам было предложено заполнить специально разработанную таблицу.

Информация об общих и дифференцирующих признаках синонимов

Синоним (на англ. яз.)	Перевод на рус. яз.	Общие компоненты значения	Дифференцирующие признаки			
			Дополнительные оттенки значения	Экспрессивные/ оценочные признаки	Стилистическая принадлежность	Синтаксическое поведение

На наш взгляд, использование таблицы обеспечивает:

- а) четкие параметры поиска информации о синонимах и организацию процесса работы с ними;
- б) конкретность и наглядность информации;
- в) условия для сопоставления сходств и различий синонимов;
- г) предпосылки для выявления недостающей информации – каждый синоним должен иметь хотя бы один дифференцирующий признак; отсутствие таких в таблице может означать, что информация не была найдена студентом;
- д) формирование процедурных знаний за счет регулярного повторения конкретных действий.

Изучение контекстов употребления синонимов предполагало сбор информации: а) о лексической сочетаемости, т.е. способности слова вступать в сочетания только с определенными словами, определяемой его лексическим значением; б) о грамматических конструкциях, в которых они употребляются.

Для оптимизации анализа лексической сочетаемости синонимов студентам были предложены модели сочетаемостных возможностей различных частей речи, составленные на основе статей комбинаторных словарей английского языка. Они отражают так называемые правую и левую валентности слова, которые наполняются конкретным языковым материалом:

- 1) глагол/наречие + прилагательное; прилагательное + существительное;
- 2) прилагательное/глагол + существительное; существительное + глагол/существительное;
- 3) глагол + наречие/существительное.

Учитывая возможность многозначности синонимов, мы говорим о реализации валентностей и сочетаемости конкретного лексико-семантического варианта многозначного слова-синонима, актуализованного в конкретном контексте.

Целью второго блока было первичное закрепление собранной информации. Для закрепления информации о дифференцирующих признаках предлагались упражнения, которые строятся в зависимости от специфики конкретного синонимического ряда. Цель этих упражнений – обеспечить совершение различных умственных операций с синонимами с опорой на имеющуюся информацию. Это могут быть упражнения:

- 1) на соотнесение синонимов с их дифференцирующими признаками из представленного списка;
- 2) подбор синонима под обозначенные дифференцирующие признаки;
- 3) градацию синонимов по степени интенсивности признака/эмоции, продолжительности/кратковременности действия и т.д.;
- 4) разделение синонимов по наличию положительной/нейтральной/отрицательной коннотации;
- 5) последовательную подстановку в одно предложение нескольких синонимов и анализ изменений в выражаемом смысле (для синонимов, выражающих эмоции, оценку, степень интенсивности, образа действия);

б) замену доминанты синонимом в предложении с целью выражения различных оттенков смысла (сделать утверждение более/менее категоричным, дать положительную/отрицательную оценку и пр.).

Для первичного закрепления информации о контекстах функционирования синонимов студентам предлагалось:

- 1) выбрать из предложенного списка слова, с которыми сочетается/не сочетается данный синоним;
- 2) соотнести синонимы со словами на основе сочетаемости;
- 3) найти, исправить и объяснить (при наличии) ошибки сочетаемости/грамматических конструкций, в которых употреблены синонимы;
- 4) составить предложения, иллюстрирующие сочетаемость/грамматические конструкции.

Третий блок упражнений был направлен на использование синонимов в конкретных коммуникативных контекстах и предполагал:

- 1) выбор подходящего синонима из заданного синонимического ряда для использования в предложении/тексте;
- 2) заполнение пропусков в предложении словами, соответствующими контексту (выбор из слов, входящих в разные синонимические ряды);
- 3) замену в предложениях доминанты на синоним с более узким значением, соответствующий контексту;
- 4) соотнесение синонимов с предложенными внеязыковыми ситуациями, составление соответствующих предложений/мини-высказываний;
- 5) соотнесение синонимов с ситуациями из своей жизни/друзей/знакомых/героев книг и пр., составление примеров предложений/мини-высказываний;
- б) перевод русских предложений/текстов, содержащих соответствия изученным синонимам, на английский язык;
- 7) составление мини-высказываний, рассказов, диалогов, целенаправленно используя максимальное количество заданных слов-синонимов.

Следует отметить, что многие из описанных упражнений не являются оригинальными и используются в том или ином виде в практике преподавания иностранных языков. В данном случае ценность, на наш взгляд, представляет:

- а) их уточнение и систематизация в виде комплекса, обеспечивающего сбор и использование на практике информации о синонимах;
- б) группировка в определенном порядке, задающем последовательность действий, образующих алгоритм работы с синонимами.

Также ожидалось, что систематическое выполнение определенных шагов в заданной последовательности по сбору и закреплению информации о синонимах будет способствовать постепенному овладению алгоритмом работы с синонимами (рис. 1), который в дальнейшем будет основой самостоятельной работы с данным типом лексических единиц.

Рис. 1. Алгоритм самостоятельной работы с синонимами

На **третьем этапе** осуществлялся контроль полученных результатов. Он состоял из двух частей. *Целью первой части* была проверка эффективности разработанного комплекса. Для этого студентам было предложено выполнить три упражнения, уже известные им по второму этапу эксперимента. Использование справочной литературы не предполагалось.

Упражнение 1. Поиск и исправление ошибок на употребление изученных слов-синонимов в предложениях (10 предложений/20 мин./в аудитории/письменно).

Упражнение 2. Составление своих предложений, иллюстрирующих использование заданных слов-синонимов (10 предложений/30 мин./в аудитории/письменно).

Упражнение 3. Перевод предложений на английский язык (10 предложений/30 мин./в аудитории/письменно).

Упражнения выполнялись по итогам изучения двух тем и оценивались преподавателем следующим образом. При оценке упражнения 1 за каждый правильный ответ студент получал 0,5 балла (макс. 5). Упражнение 2 (свои предложения/мини-высказывания) и упражнение 3 (перевод) оценивались по следующим критериям: 1) лексическая сочетаемость; 2) грамматическая правильность; 3) адекватность экстралингвистическому контексту; 4) количество использованных синонимов. За каждое задание студент мог получить 1–5 баллов.

Очевидно, что грамматическая правильность речи в целом также оценивалась преподавателем, однако данный параметр не связан напрямую с целями контроля результатов апробации комплекса упражнений и не вынесен в качестве отдельного критерия. При этом грамматические и лексические ошибки, связанные с употреблением синонимов, отражены в критериях 1 и 2.

Целью второй части контроля была проверка овладения студентами алгоритмом работы с синонимами. Для этого предполагалась самостоятельная проработка синонимических рядов в рамках одной темы. Далее они снова выполняли упражнения 1, 2, 3 для контроля результатов работы.

Студентам также было предложено в свободной форме прокомментировать следующие аспекты:

- 1) положительные стороны работы с комплексом упражнений;
- 2) трудности, с которыми они столкнулись;
- 3) возможность самостоятельного использования алгоритма.

Результаты исследования

Результаты представлены по каждому упражнению (рис. 2, 3, 4) по трем точкам оценивания – до эксперимента, после эксперимента (первая часть контроля) и результаты самостоятельной работы (вторая часть контроля). Анализ выявленных тенденций и изменений и комментарии к ним даны ниже.

Сравнение показателей «До» и «После» свидетельствует о повышении результатов после апробации разработанного комплекса, что подтверждает его эффективность. Однако наблюдается различная динамика положительных изменений в зависимости от типов заданий:

- 1) отсутствует резкий контраст между результатами выполнения упражнения 2 («До» и «После»);
- 2) более значительная разница между баллами «До» и «После» при выполнении упражнений 1 и 3;
- 3) результаты «После» по упражнениям 1 и 3 ниже баллов «После» за упражнение 2.

На наш взгляд, выявленные различия объясняются спецификой самих заданий. Составление своих предложений/мини-высказываний предполагает использование лексики в более комфортных для студента условиях, возможность уклониться от употреблений, в которых они не уверены. Напротив, при выполнении упражнений 1 и 3 студенты работают в заданных условиях, аналогичных переводческим; упражнение 3 также предполагает соотнесение синонимических рядов в русском и английском языках. Выполнение данных упражнений показывает более объективную картину владения изученными синонимами, и, возможно, разработанный комплекс требует доработки за счет увеличения доли упражнений данного типа.

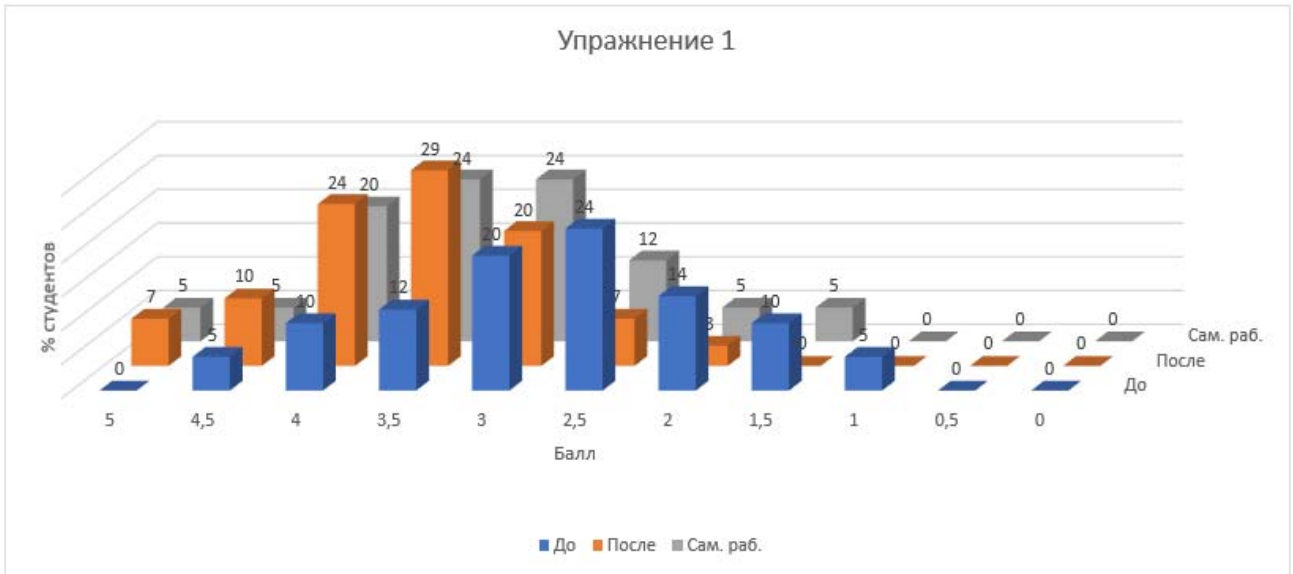

Рис. 2. Результаты выполнения упражнения 1

Рис. 3. Результаты выполнения упражнения 2

Рис. 4. Результаты выполнения упражнения 3

Что касается пункта 2, то более значительная разница между баллами «До» и «После» при выполнении упражнений 1 и 3 показывает, что работа с комплексом упражнений позволяет студентам овладеть информацией, необходимой для адекватного выполнения таких заданий, что транслируется в более высокие показатели по сравнению с изначальными.

Сравнение результатов «После» и «Самостоятельная работа» показывает некоторое снижение показателей во втором случае. Это свидетельствует о большей эффективности работы в аудитории при участии преподавателя. Однако показательным, на наш взгляд, является более высокий уровень результатов «Самостоятельная работа» по сравнению с показателями «До», что подтверждает факт формирования алгоритма в результате работы с комплексом и его (алгоритма) эффективность.

Анализ результатов опроса студентов показал следующее. В числе положительных аспектов (пункт 1) были отмечены:

а) большая легкость и уверенность в использовании синонимов;

б) более четкое понимание шагов, которые необходимо предпринять для нахождения необходимой информации, что, по словам студентов, избавило их от большого количества действий наугад или наудачу;

в) знакомство с различными видами справочных ресурсов, приобретение и отработка навыков работы с ними. Особо были отмечены словари сочетаемости и их полезность не только для работы с синонимами, но и в целом при составлении высказываний на иностранном языке;

г) удобные наглядные инструменты (таблица, схемы сочетаемости возможностей частей речи);

д) наличие упражнений на перевод как возможность применить приобретенные знания в контексте, приближенном к профессиональному, проверить свои знания.

Что касается трудностей (пункт 2), были отмечены:

а) значительные временные затраты;

б) значительные усилия по работе с большим количеством различных источников информации;

в) необходимость обработки и систематизации большого объема информации – многие обращали внимание на то, что приходится собирать информацию «по кусочкам» из разных источников, сравнивать ее;

г) сложность самостоятельного анализа аутентичных предложений – студенты отмечали, что не всегда могут оперативно идентифицировать релевантные модели употребления и сочетаемости, затрудняются в решении о том, являются ли они типичными для конкретного синонима;

д) большую сложность выполнения упражнений на перевод и поиск ошибок по сравнению с другими заданиями. Основной проблемой студенты называли неуверенность в правильности подбора синонима под данный контекст предложения.

В комментариях к пункту 3 (возможность самостоятельного использования) были высказаны различные мнения. С одной стороны, было много утвердительных

ответов. С другой – ряд студентов усомнились в необходимости столь тщательной работы с синонимами (и соответствующих временных затрат) и посчитали ее излишней. Также было высказано мнение о ненужности анализа и сравнения дефиниций из нескольких словарей, поскольку, по мнению ряда студентов, каждый словарь является надежным источником информации и содержащиеся в нем данные не нуждаются в проверке и являются исчерпывающими.

Заключение

Целью нашего исследования была разработка и апробация комплекса упражнений, направленного на повышение эффективности работы с синонимами на занятиях по практике иностранного языка в процессе иноязычной подготовки переводчиков. Также ожидалось, что систематическая работа с данным комплексом будет способствовать усвоению студентами алгоритма работы с синонимами, который они смогут использовать при самостоятельной работе как в процессе обучения, так и в дальнейшем в профессиональной переводческой деятельности.

Полученные результаты и наблюдения позволяют сделать вывод об эффективности предложенного комплекса упражнений. Во-первых, можно констатировать, что внедрение данного комплекса способствовало:

1) повышению грамотности и уверенности студентов в использовании синонимов за счет приобретения и тренировки четко структурированной информации;

2) систематизации и повышению эффективности аудиторной и домашней работы с синонимами, приобретению студентами навыков работы с необходимыми инструментами.

Во-вторых, результаты второй части контроля, а также опроса студентов показывают, что регулярное выполнение заданий способствовало «присвоению» студентами необходимых принципов и подходов, а также переносу соответствующей последовательности действий, составляющих оптимальный алгоритм работы с синонимами, в самостоятельную работу студентов.

Результаты реализации комплекса упражнений позволяют говорить об эффективности подхода к иноязычной подготовке переводчиков, при котором одновременно обеспечивается достижение не только текущих целей обучения, но и более перспективных результатов в виде формирования у студентов умений и стратегий самостоятельной работы для осуществления аналогичных целей или преодоления трудностей в рамках профессиональной деятельности.

Были выявлены некоторые проблемные аспекты, заслуживающие отдельного внимания. С одной стороны, это дополнительные требования к преподавателю в виде: а) разработки соответствующих упражнений; б) разработки инструкций для студентов; в) необходимости планирования аудиторной и домашней работы студентов с учетом внедрения комплекса упражнений.

С другой стороны, проблемным аспектом может быть и отношение студентов. Как показали результаты

опроса, ряд студентов не считают необходимым тратить дополнительное время на сбор исчерпывающей информации о синонимах и выполнение дополнительных упражнений. Очевидно, что подобные мнения будущих переводчиков представляют собой печальный факт, тем не менее требующий учета. Принципиально, чтобы работа с синонимами, которая действительно требует определенных временных затрат, осуществлялась студентами не формально, а с пониманием ее важности не только для овладения иностранным языком,

но и для осуществления переводческой деятельности. И здесь мы снова возвращаемся к роли преподавателя, от которого ожидается трансляция данного посыла.

В качестве направления для дальнейшей работы в данной области нам кажется целесообразной доработка комплекса упражнений за счет увеличения доли упражнений с заданными условиями, а также создание условий для повышения результатов самостоятельной работы студентов по использованию алгоритма.

Список источников

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 376 с.
2. Брагина А.А. Синонимы и их истолкование // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 63–73.
3. Sigacheva N., Baranova A., Vakhitova D., Gulkanyan M., Gainanova D. Scientific communication and translation problems with synonyms, antonyms, homonyms in construction sphere // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 890 (1). P. 1–7.
4. Hemchua S., Schmitt N. An analysis of lexical errors in the English compositions of Thai learners // Prospect. 2006. Vol. 21 (3). P. 3–25.
5. Shalaby N.A., Yahya N., El-Komi M. Analysis of lexical errors in Saudi college students' compositions // Journal of the Saudi Association of Languages and Translation. 2009. Vol. 2 (3). P. 65–93.
6. Lee Ch-Y. Effects of Collocation Information on Learning Lexical Semantics for Near-Synonym Distinction // Computational Linguistics and Chinese Language Processing. 2009. Vol. 14 (2). P. 205–220.
7. Григорьева А.К. Речевые ошибки и уровни языковой компетентности // Филологическое образование. 2005. № 1/2. С. 209–216.
8. Wafa I.S. Lexical errors of third year undergraduate students // English Language Teaching. 2018. Vol. 11 (11). P. 161–168.
9. Kim M.A. Qualitative Analysis of EFL Learners' Discrimination of Near-Synonyms in a Data-Driven Learning Task // English Teaching. 2020. Vol. 75 (3). P. 25–47.
10. Yevchuk A. An Empirical Study of Near-synonym Choice: A Comparison of Advanced EFL Learners to L1 English Speakers // Taikomoji kalbotyra. 2022. Vol. 17. P. 79–94.
11. Khazaal E. Investigating and analyzing ESP college students' errors in using synonyms // International Journal of English Linguistics. 2019. Vol. 9 (5). P. 328–339.
12. Majed A. The comprehension of synonyms by Saudi EFL learners: Acquisition and pedagogical implications // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2017. Vol. 6 (3). P. 58–70.
13. Liu D., Zhong S. L2 vs. L1 use of synonymy: An empirical study of synonym use/acquisition // Applied Linguistics. 2014. Vol. 37 (2). P. 239–261.
14. Thornbury S. How to teach vocabulary. Longman, 2002. 192 p.
15. Webb S. The effects of synonymy on second-language vocabulary learning // Reading in a Foreign Language. 2007. Vol. 19 (2). P. 120–136.
16. Liu D. Salience and construal in the use of synonymy: A study of two sets of near-synonymous nouns // Cognitive Linguistics. 2013. Vol. 24. P. 67–113.
17. Alanazi M. On the Production of Synonyms by Arabic-Speaking EFL Learners // International Journal of English Linguistics. 2017. Vol. 7 (3). P. 17–28.
18. Jung Y. A corpus-based study on the use of adverb synonyms 'Entirely, Totally, and Wholly' // Linguistic Research. 2009. Vol. 26 (2). P. 85–101.
19. Phoocharoen S. A genre and collocational analysis of 'consequence', 'result', and 'outcome' // 3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2020. Vol. 26 (3). P. 1–16.
20. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
21. Edmonds P., Hirst G. Near-Synonymy and Lexical Choice // Computational Linguistics. 2002. Vol. 28 (2). P. 105–144.
22. Huang Chieh-Yang, Chen Mei-Hua, Ku Lun-Wei Towards a Better Learning of Near-Synonyms: Automatically Suggesting Example Sentences via Filling in the Blank // WWW'17 Companion. 2017. P. 293–302.
23. Tognini-Bonelli E. Corpus linguistics at work. Amsterdam : John Benjamins, 2001. 224 p.
24. Cotter J. Teasing apart near synonyms in the ESL/EFL classroom. Master of Arts in Teaching English to Speakers of Other Languages, 2019. URL: https://www.academia.edu/42573815/Teasing_Apart_Near_Synonyms_in_the_ESL_EFL_Classroom (accessed: 08.08.2022).
25. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 336 с.

References

1. Arnol'd, I.V. (2012) *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. posobie* [Lexicology of modern English: textbook]. 2nd ed. Moscow: FLINTA; Nauka.
2. Bragina, A.A. (1978) *Sinonimy i ikh istolkovanie* [Synonyms and their interpretation]. *Voprosy yazykoznaviya*. 6. pp. 63–73.
3. Sigacheva, N. et al. (2020) Scientific communication and translation problems with synonyms, antonyms, homonyms in construction sphere. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 890 (1). pp. 1–7.
4. Hemchua, S. & Schmitt, N. (2006) An analysis of lexical errors in the English compositions of Thai learners. *Prospect*. 21 (3). pp. 3–25.
5. Shalaby, N.A., Yahya, N. & El-Komi, M. (2009) Analysis of lexical errors in Saudi college students' compositions. *Journal of the Saudi Association of Languages and Translation*. 2 (3). pp. 65–93.
6. Lee, Ch-Y. (2009) Effects of Collocation Information on Learning Lexical Semantics for Near-Synonym Distinction. *Computational Linguistics and Chinese Language Processing*. 14 (2). pp. 205–220.
7. Grigor'eva, A.K. (2005) *Rechevye oshibki i urovni yazykovoy kompetentnosti* [Speech errors and levels of language competence]. *Filologicheskoe obrazovanie*. 1/2. pp. 209–216.
8. Wafa, I.S. (2018) Lexical errors of third year undergraduate students. *English Language Teaching*. 11 (11). pp. 161–168.
9. Kim, M.A. (2020) Qualitative Analysis of EFL Learners' Discrimination of Near-Synonyms in a Data-Driven Learning Task. *English Teaching*. 75 (3). pp. 25–47.
10. Yevchuk, A. (2022) An Empirical Study of Near-synonym Choice: A Comparison of Advanced EFL Learners to L1 English Speakers. *Taikomoji kalbotyra*. 17. pp. 79–94.

11. Khazaal, E. (2019) Investigating and analyzing ESP college students' errors in using synonyms. *International Journal of English Linguistics*. 9 (5). pp. 328–339.
12. Majed, A. (2017) The comprehension of synonyms by Saudi EFL learners: Acquisition and pedagogical implications. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 6 (3). pp. 58–70.
13. Liu, D. & Zhong, S. (2014) L2 vs. L1 use of synonymy: An empirical study of synonym use/acquisition. *Applied Linguistics*. 37 (2). pp. 239–261.
14. Thornbury, S. (2002) *How to teach vocabulary*. Longman.
15. Webb, S. (2007) The effects of synonymy on second-language vocabulary learning. *Reading in a Foreign Language*. 19 (2). pp. 120–136.
16. Liu, D. (2013) Salience and construal in the use of synonymy: A study of two sets of near synonymous nouns. *Cognitive Linguistics*. 24. pp. 67–113.
17. Alanazi, M. (2017) On the Production of Synonyms by Arabic-Speaking EFL Learners. *International Journal of English Linguistics*. 7 (3). pp. 17–28.
18. Jung, Y. (2009) A corpus-based study on the use of adverb synonyms 'Entirely, Totally, and Wholly'. *Linguistic Research*. 26 (2). pp. 85–101.
19. Phoocharoensil, S. (2020) A genre and collocational analysis of 'consequence', 'result', and 'outcome'. *3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 26 (3). pp. 1–16.
20. Sternin, I.A. & Salomatina, M.S. (2011) *Semanticheskiy analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of the word in context]. Voronezh: Istoki.
21. Edmonds, P. & Hirst, G. (2002) Near-Synonymy and Lexical Choice. *Computational Linguistics*. 28 (2). pp. 105–144.
22. Huang Chieh-Yang, Chen Mei-Hua & Ku Lun-Wei (2017) Towards a Better Learning of Near-Synonyms: Automatically Suggesting Example Sentences via Filling in the Blank. *WWW'17 Companion*. pp. 293–302.
23. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus linguistics at work*. Amsterdam: John Benjamins.
24. Cotter, J. (2019) *Teasing apart near synonyms in the ESL/EFL classroom*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/42573815/Teasing_Apart_Near_Synonyms_in_the_ESL_EFL_Classroom (accessed: 08.08.2022).
25. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2005) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages: Linguodidactics and methodology]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".

Информация об авторе:

Емельянова Я.Б. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: yemelyanova2007@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.B. Emelyanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: yemelyanova2007@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022;
одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 19.10.2022;
approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/487/16

Мультиязыковой музейный проект как средство формирования межкультурной компетенции

Виктория Ивановна Иванова¹, Сергей Александрович Пуханов², Анастасия Сергеевна Опанасец³

^{1, 2, 3} Тульский государственный университет, Тула, Россия

¹ vik2662009@yandex.ru

² spukhanov@mail.ru

³ nastia2894@gmail.com

Аннотация. Описана реализация музейного проекта «Музей как транслятор исторических реалий мультикультурного мира». Применен междисциплинарный подход к организации проектной деятельности. Доказана эффективность применения метода проектов в процессе формирования межкультурной компетенции будущих лингвистов. Эмпирическим путем выявлена динамика уровня осведомленности о взаимосвязи истории и традиций стран изучаемых языков, отмечено повышение уровня знаний студентов в области истории зарубежного искусства.

Ключевые слова: педагогическая технология, метод проектов, музейный проект, междисциплинарный подход, межкультурная компетенция

Для цитирования: Иванова В.И., Пуханов С.А., Опанасец А.С. Мультиязыковой музейный проект как средство формирования межкультурной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 138–146. doi: 10.17223/15617793/487/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/16

Multilingual museum project as a means of forming intercultural competence

Viktoria I. Ivanova¹, Sergey A. Pukhanov², Anastasia S. Opanasets³

^{1, 2, 3} Tula State University, Tula, Russian Federation

¹ vik2662009@yandex.ru

² spukhanov@mail.ru

³ nastia2894@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to prove the effectiveness of the implementation of the museum project Museum as a Translator of the Historical Realities of the Multicultural World in the process of forming the intercultural competence of students who major in linguistics. The competence-based approach was chosen as the methodological basis of the study. Methods of theoretical study, empirical knowledge, and statistical data processing were used. The experimental study was carried out as part of the study of the History and Culture of the Countries of the Studied Language discipline. The sample of subjects consisted of control and experimental groups – a total of 72 second-year students in the Linguistics training course (field of study). Based on the results of performing a series of diagnostic tasks (lexical substitution exercises, multiple choice tests and questions for written answers), students of both control (CG) and experimental (EG) groups stated a predominance of medium (50% CG, 47.22% EG) and low (8.34% CG, 5.56% EG) levels of proficiency in cultural information and lexical units within the framework of the subject under study. This necessitated the work on the formation of intercultural competence. As a method of formation, the effectiveness of which was supposed to be proved, the project-based method was used. Within the framework of the project Museum as a Translator of the Historical Realities of the Multicultural World, the following three museum projects were carried out on the premises of the Tula Branch of the State Historical Museum: Peter I in England, Dürer and His Epoch, Faberge and Court Jewelers. The projects included excursions to museum expositions, lectures in English on the topics studied, interactive forms of learning (brainstorming, quizzes, translation assignments, etc.) using an interdisciplinary approach. The results of performing a series of diagnostic tasks similar to the ascertaining stage demonstrated that the dynamics of indicators in the experimental group was more pronounced than in the control group: the number of students at the medium level decreased from 47.22% to 2.78% in the experimental group and from 50% to 30.56% in the control group. The number of high-level students increased from 47.22% to 97.22% in the experimental group and from 41.66% to 61.11% in the control group. The increase in the level of proficiency in cultural information and lexical units within the framework of the topic under study and the statistical significance of differences

between the compared values is evidenced by $t_{emp} = 7.2$ according to Student's t-test. The study proved the effectiveness of the applied method in the formation of intercultural competence. An increase in the level of students' awareness of the relationship between the history and traditions of the countries of the studied languages was achieved; additional knowledge in the field of art history of the countries of the studied languages was mastered.

Keywords: pedagogical technology, project-based method, museum project, interdisciplinary approach, intercultural competence

For citation: Ivanova, V.I., Pukhanov, S.A. & Opanasets, A.S. (2023) Multilingual museum project as a means of forming intercultural competence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 138–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/16

Введение

Метод проектов как педагогическая технология ведет свою историю с начала XX в. Его сторонники выступали за практикоориентированное обучение и воспитание, за побуждение учащихся к выполнению трудовой деятельности и считали, что учебный процесс во многом должен основываться на приобретении и последующем использовании практического опыта. Предметом научных исследований является применение метода проектов в тех или иных аспектах учебного процесса.

Так, например, Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров говорят о направленности метода проектов на решение проблемы посредством обращения к интегрированным знаниям и соответствующим им умениям из различных областей науки [1]. Н.Ю. Пахомова предлагает использовать его в рамках классно-урочной системы, так как он, по ее мнению, является важным элементом образовательного процесса и не выходит за рамки традиционной формы обучения. Положительной чертой данной педагогической технологии выступает применение учащимися на практике имеющихся знаний и сформированных умений [2].

В современных исследованиях анализируется историческое развитие метода проектов в отечественной и зарубежной литературе [3]. Рассматриваются вопросы: формирования компонентов проектной культуры учащихся [4]; готовности педагога к организации проектной деятельности школьников [5]; развития гражданских качеств молодежи, участвующей в социально-проектной деятельности [6]; интеграции учебной и внеучебной деятельности в ходе развития проектной компетентности [7]; проектной деятельности как части студентоцентрированного образовательного процесса [8] и т.д. Анализируется использование метода проектов при обучении иностранному языку в условиях инклюзивного обучения и воспитания слепых и слабовидящих [9]. Акцентируется внимание на поиске путей эффективного включения современных учащихся в проектную деятельность [10]. Исследуется подготовка переводчиков в рамках международного межвузовского партнерства, и описывается процесс осуществления двухсторонних переводческих проектов [11].

В современной высшей школе метод проектов характеризуется направленностью на развитие познавательных способностей студентов, самостоятельного

характера мышления и инициативности. Данная технология позволяет им проявлять креативность, мыслить нестандартно (out of the box), работать с уже имеющимися знаниями и извлекать новую информацию в рамках заданной тематики. Помимо этого, в ходе изучения иностранного языка с помощью метода проектов становятся возможными создание условий, приближенных к аутентичной языковой среде, и имитация реальных ситуаций общения с представителями иноязычных лингвокультурных сообществ, в которых студенты могут излагать свою точку зрения на иностранном языке, подкрепляя ее необходимой аргументацией.

Изучив различные определения понятия «межкультурная компетенция», мы отметили, что авторы трактуют ее как готовность и способность узнавать, понимать и интерпретировать картины мира родной и иноязычной культур в их взаимодействии [12]; осуществлять иноязычное взаимодействие с представителями иной профессиональной культуры [13]; толерантно взаимодействовать с инофонными партнерами по межкультурной коммуникации [14]. В нашей работе под межкультурной компетенцией мы будем понимать способность к принятию ценностей и реалий мультикультурного мира. Одним из важных ее компонентов является осведомленность об исторических реалиях не только зарубежной, но и родной культуры. Участники коммуникативного процесса должны обладать знаниями о наличии схожих и различных особенностей родной и иностранной культур, воспринимать эти отличия, избегая субъективности суждений на основе сформированных стереотипов, и устанавливать, таким образом, эффективный контакт.

Следует отметить, что тема культурного взаимодействия России и Великобритании, имевшего место на протяжении длительного исторического периода, лишь эпизодически затронута в классических учебниках по страноведению Великобритании и США. Некоторые пособия освещают в общих чертах исторические и культурные особенности взаимоотношений Российской Федерации и Великобритании [15–17]. Более глубокое изучение аспектов экономического, культурного взаимодействия между странами представляется важным, так как оно оказало определенное влияние на развитие нашей страны.

Но биография и деятельность известных исторических личностей, в немалой степени способствующих

развитию отношений между двумя странами, в частности Петра I, рассматривается, скорее, в курсах истории России. При этом биографические аспекты, связанные с пребыванием российского правителя за рубежом, практически остаются без внимания.

Также недостаточное внимание уделяется, на наш взгляд, и освоению искусствоведческих знаний, изучению истории искусств стран изучаемых языков. Помимо расширения общего кругозора, запас этих знаний будет способствовать формированию межкультурной компетенции студентов, их приобщению к культурно-историческим реалиям мирового сообщества.

При планировании проектной деятельности мы посчитали необходимым учесть следующий факт. В курсе дисциплины «История и культура стран изучаемого языка» рассматриваются историко-культуроведческие аспекты англоговорящих стран. Ограниченное количество учебных часов по программе бакалавриата не позволяет выделить отдельно страноведческую дисциплину для второго иностранного языка, что влечет за собой определенный пробел в формировании межкультурной компетенции в целом. Поэтому мы сочли необходимым реализовать мультязыковой музейный проект (русский, английский, немецкий языки).

Целью работы явилось формирование межкультурной компетенции студентов, а конкретными задачами – повышение уровня осведомленности обучающихся о взаимосвязи истории и традиций стран изучаемых языков, расширение знаний в области истории искусств стран изучаемых языков.

Мы предположили, что именно метод проектов станет эффективным средством повышения уровня сформированности межкультурной компетенции будущих лингвистов.

Местом реализации проекта был определен филиал Государственного исторического музея (ГИМ) в Туле. Согласимся с мнением И.А. Сизовой в том, что в наше время культурно-образовательная деятельность стала выходить в музеях на ведущие позиции, что особенно актуально в условиях непрерывного образования. Неоспоримым преимуществом является то, что получение познавательной информации через индивидуальный опыт музейного посетителя позволяет получать новые знания и навыки и лучше их усваивать [18].

Исходя из востребованности изучения образовательного потенциала музея, актуальными становятся исследования в междисциплинарной области научного знания – в сфере музейной педагогики. Речь идет об изучении целей и задач, принципов, содержания, методов, форм реализации образовательной деятельности музеев, ориентированной на передачу культурного опыта. Так, исследователями описывается применение музейно-педагогических технологий как эффективного средства приобщения к культуре в непрерывном образовании [19, 20], освоения культурного наследия [21], формирования социокультурной ответственности [22].

Несмотря на то что музей наделен просветительскими и образовательными функциями, реализация его

образовательного потенциала возможна лишь при создании специальных педагогических условий. В качестве таковых мы определили проведение внеаудиторных занятий в рамках музейного проекта.

Под музейным проектом мы понимаем проведение ряда мероприятий (внеаудиторных занятий) на базе музея как многофункционального образовательного центра культуры и искусства. Имеется в виду, что музей выступает в роли хранилища культурного наследия, его экспонирования и в то же время площадки по реализации проектной деятельности культурно-просветительской и образовательной направленности. Практика организации проектной деятельности в музеях является все более распространенной, и это способствует актуализации и популяризации культурного наследия среди различных социально-возрастных групп населения, в том числе среди студентов.

Мультязыковой музейный проект в рамках нашей работы направлен не только на повышение уровня осведомленности студентов об истории и традициях стран изучаемых языков, но и на установление существующей их взаимосвязи с родным языком и культурой (историей, традициями и т.д.). Данный проект способствует расширению культурологических знаний, в частности, в области истории искусства родной страны и стран изучаемого языка.

Научная новизна исследования состоит в теоретическом обосновании и экспериментальном подтверждении эффективности реализации мультязыкового музейного проекта как педагогической технологии, обеспечивающей повышение уровня владения культурологической информацией при формировании такого значимого профессионально-личностного качества будущих лингвистов, как межкультурная компетенция.

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы исследования нами был выбран компетентностный подход при обучении иностранному языку. Применялись методы теоретического познания: синтез, анализ, обобщение; использовались методы эмпирического познания: интервьюирование, анкетирование, метод педагогического наблюдения, метод экспертной оценки, метод статистической обработки данных.

Так, в частности, проведены анализ научно-педагогического опыта в области формирования межкультурной компетенции, обобщение педагогического опыта в сферах организации проектной деятельности и музейной педагогики, а также анкетирование студентов и преподавателей на предмет выявления компонентного состава межкультурной компетенции. Применялось педагогическое наблюдение за текущей работой студентов. Проводилась экспертная оценка учебных достижений обучающихся. На констатирующем этапе и по окончании формирующего использовались методы статистической обработки данных.

Эмпирическое исследование имело целью мониторинг динамики уровня владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках

изучаемой тематики. В качестве диагностических заданий были предложены лексические упражнения на подстановку, тестовое задание на множественный выбор и вопросы для письменных ответов.

Результаты исследования

Экспериментальное исследование проводилось в течение семестра в рамках изучения дисциплины «История и культура стран изучаемого языка». Выборку испытуемых составили контрольная и экспериментальная группы – всего 72 студента второго курса направления подготовки «Лингвистика» (возраст участников 18–21 год).

Контрольная группа работала только в рамках аудиторных занятий в университете. Экспериментальная группа в дополнение к аудиторным занятиям принимала участие в мероприятиях в музее. На базе филиала Государственного исторического музея в Туле преподавателями кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета был организован культуроведческий проект «Музей как транслятор исторических реалий мультикультурного мира», состоящий из нескольких занятий. Мы предположили, что реализация данного проекта будет способствовать формированию межкультурной компетенции студентов.

Для подтверждения данной гипотезы было решено сопоставить уровень владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках изучаемой тематики до и после реализации проекта в контрольной и экспериментальной группах.

Констатирующий этап

На этапе констатирующего эксперимента обеим группам было предложено упражнение на подстановку. Его выполнение предполагало владение фактической информацией в области истории и традиций Англии и России, а также в области истории искусств стран изучаемых языков. Ниже приведен фрагмент данного упражнения.

1.1. *Russia and Britain fought together against _____ in the early-19th century.*

1.2. *Both countries once had a _____ family.*

1.3. *Russia and Britain fought against each other in the _____ War of the 1850s.*

1.4. *In 1553 Richard Chancellor went to Moscow where he was presented to _____, who was the Tsar of Russia at that time.*

1.5. *The _____ of 1917 strained relations between Russia and Britain.*

Далее студентам обеих групп был дан тест (задания на множественный выбор), направленный на определение уровня владения фактической информацией по тематикам планируемых музейных занятий: «Петр I в Англии», «Альбрехт Дюрер и его эпоха», «Карл Фаберже, Британская королевская коллекция».

Приведем примеры заданий из теста.

2.1. *When did the first relations between England and Kievan Rus start?*

A. *II-nd century BC*

B. *VII-th century*

C. *XI-th century*

D. *XV-th century*

2.2. *Who was the ruler of Muscovy State when Queen Elizabeth I “reestablished” the relations between the countries?*

A. *Ivan III*

B. *Ivan III The Terrible*

C. *Tsar Alexey Mickailovich*

D. *Peter I*

2.3. *How long did Peter the Great stay in England?*

A. *five days*

B. *two weeks*

C. *more than a year*

D. *about three months*

2.4. *What is Dürer’s home town?*

A. *Antwerp*

B. *Rothenburg*

C. *Nuremberg*

D. *Bamberg*

2.5. *The inscription on the famous print describes this animal as “fast, impetuous and cunning”. What animal does this description refer to?*

A. *a rhinoceros*

B. *an elephant*

C. *a horse*

D. *a giraffe*

Следующей составляющей диагностики был письменный опрос студентов, предполагавший ответы на вопросы по предлагаемым тематикам, например:

3.1. *What is Old English Court, located within a few minutes’ walk from the Moscow Kremlin, famous for?*

3.2. *Why did Tsar Alexey Mickailovich banish all the English merchants from Russia?*

3.3. *Why did Peter decide to go to England during the Great Embassy although it was not originally planned?*

3.4. *What is the Print and Drawing Department of the British Museum most famous for?*

3.5. *Why was the result of the Dürer’s drawing of a rhinoceros so staggeringly inaccurate?*

3.6. *Dürer accompanied his print with a detailed inscription in vernacular German. What does this inscription tell?*

3.7. *Why did the importance of the Dürer’s engraving fall in the middle-end of the XVIII century?*

3.8. *Why did Emperor Nicholas II, when he came to the throne, request to make two Easter eggs every year instead of one as it had originally been ordered?*

3.9. *Why were two final Imperial Easter eggs never delivered nor paid for?*

3.10. *What was the most distinctive feature of an Imperial Easter Egg?*

Сумма полученных баллов – максимум 50 (лексическое упражнение на подстановку (состояло из 10 предложений; максимальный балл –10); тестовое задание (состояло из 20 вопросов; максимальный балл – 20); письменный опрос (состоял из 10 вопросов; максимальный балл – 20)) – позволила выявить уровень владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках изучаемой тематики, – одного из компонентов межкультурной компетенции, от которого зависит успешность ее формирования.

Оценивая задание с открытым ответом, мы учитывали развернутость письменного высказывания, использование средств логической связи и количество предложений. Таким образом, 2 балла в письменном задании можно было получить, если ответ развернут (от 6 до 8 предложений) и полностью раскрывает содержание вопроса, используются средства логической связи; 1 балл – ответ дан частично (от 3 до 5 предложений), аспекты раскрыты частично, имеются ошибки в использовании средств логической связи; 0 баллов – ответ полностью отсутствует или он абсолютно неверный.

Таким образом, 34–50 баллов свидетельствовали о высоком уровне (ВУ) владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках изучаемой тематики, 17–33 – о среднем (СУ), 0–16 – о низком уровне (НУ).

Изучив бланки ответов студентов до начала проведения проекта и проанализировав развернутые ответы с учетом вышеупомянутых признаков, мы подсчитали процентное соотношение количества студентов с разным уровнем владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках заданной тематики. Были выявлены следующие результаты: 6,94% испытуемых набрали от 0 до 16 баллов, что свидетельствовало о низком уровне, 48,62% – до 33 баллов – показатель среднего уровня, 44,44% – до 50 баллов, т.е. высокий уровень (контрольная группа: НУ – 8,34%, СУ – 50%, ВУ – 41,66%; экспериментальная группа: НУ – 5,56%, СУ – 47,22%, ВУ – 47,22%). Задание с развернутым ответом вызвало затруднения у 65% респондентов, что связано со значительными пробелами во владении фактической информацией в рамках рассматриваемых тем.

В ходе анализа развернутых письменных ответов на вопросы был сделан вывод о недостаточной осведомленности студентов относительно некоторых фактических аспектов по тематике предполагаемых проектов. Например, учащиеся владеют общеизвестными фактами о Петре I, его биографии, но о его поездке в Англию часть студентов слышала впервые. Малая часть студентов знакома с творчеством и тем более с фактами из жизни Альбрехта Дюрера. Студенты владеют информацией о Британских коронационных регалиях и знают в общих чертах о работах Карла Фаберже, однако не осведомлены о более детальных аспектах, например вкладе Фаберже в Британскую королевскую коллекцию.

Сформированность межкультурных знаний, а именно оперирование фактической информацией по рассматриваемой проблеме, является одним из основных критериев сформированности межкультурной компетенции. Низкий и средний уровни владения знаниями в рамках заданной тематики являются свидетельством недостаточного уровня сформированности межкультурной компетенции. Результаты диагностики на констатирующем этапе обусловили необходимость проведения дальнейшей работы в рамках педагогического эксперимента. Мы предположили, что целесообразным будет использование метода проектов как педагогической технологии.

Формирующий этап

В рамках проекта «Музей как транслятор исторических реалий мультикультурного мира» было проведено три музейных занятия.

Тематика первого занятия: «Петр I в Англии». Его проведение было приурочено к проходящей в это время в музее выставке «Романовы». Чтобы объяснить студентам целесообразность выбора темы первого занятия, им было предложено объединиться в пары и посредством использования метода мозгового штурма и обсуждения на иностранном языке составить список из 10 известных им фактов о Петре I, в частности его поездках в Великобританию. Преподаватель в это время выступал в роли координатора и наблюдателя, направляя студентов в случае необходимости. И преподавателем, и студентами был сделан вывод о недостаточной осведомленности относительно международной деятельности Петра I.

Следующим этапом музейного занятия была экскурсия, имевшая целью ознакомление с уникальными памятниками эпохи Романовых: реликвиями представителей династии, различными автографами, документами, медалями и т.д., взятыми из фондов Государственного исторического музея.

Далее студентам была прочитана лекция на английском языке «Peter the Great in England».

Развернутый план лекции выглядит следующим образом:

– *A Change in the Great Embassy's Itinerary, the Decision to Visit England.*

– *Peter I and William III.*

– *At the Deptford shipyards.*

– *A Visit to the English Parliament and Westminster Hall.*

– *Friendship with Peregrine Osborne, Marquess of Carmarthen.*

– *Tobacco business.*

– *Royal Transport – the Great-grandfather of the Russian Fleet.*

– *English Exhibits for the Chamber of Oddities and Curiosities.*

– *Theatrical Life in London. Letitia Cross.*

– *Everyday Life of the Russian Small Embassy in Sayes Court.*

– *Sea Maneuvers in Portsmouth, and a Night in Godalming.*

– *Visits to the Tower of London. Did Peter meet Sir Newton?*

– *Peter and Edmund Halley.*

– *Peter Meets the Representatives of the Anglican Church and Quakers.*

Студенты не просто пассивно воспринимали материал, но и принимали активное участие в лекции. Это участие было направлено на отработку переводческих навыков, для чего заранее была разработана серия заданий. Например, задание состояло в том, что одни студенты зачитывали небольшие цитаты Петра Великого о впечатлениях от поездки в Англию и впечатления знаменитых англичан о Петре Великом, а другие студенты переводили материал. Это позволило применить междисциплинарный подход: в процессе

получения исторической, культуроведческой информации отрабатывались переводческие навыки, традиционно формируемые в ходе изучения таких дисциплин, как «Практический курс перевода», «Практикум по переводу». По окончании лекции студенты смогли задать преподавателю интересующие их вопросы.

Второе занятие в рамках музейного проекта было приурочено к выставке «Дюрер и его эпоха», проходящей в филиале ГИМ в Туле.

Занятие состояло из двух частей. Первая часть представляла мини-лекцию на английском языке «Fast, Impetuous and Cunning: the Most Famous European Animal of the Renaissance». Лекция была посвящена гравюре великого мастера из собрания Британского музея, которую, пользуясь современным языком, можно назвать первым «вирусным изображением» в искусстве, более 250 лет поражающим умы европейских ученых. Ниже представлен краткий план лекции:

- *Ganda: The Pope's Rhinoceros.*
- *The Life of Albrecht Dürer.*
- *Dürer the Printmaker: How Dürer Took Prints to a New Level.*
- *Dürer and his Circle.*
- *The Art of Woodcut Prints and Engravings.*

Во второй части студенты делали доклады на немецком языке о жизни и творчестве Дюрера, его учеников и последователей, а также об эволюции и особенностях художественных техник: от натурализма до импрессионизма. Подробнее познакомиться с творчеством Альбрехта Дюрера и окунуться в мир его картин помогла викторина на немецком языке.

Третье музейное занятие было приурочено к выставке «Фаберже и придворные ювелиры», проходящей в филиале ГИМ в Туле. Лекция состояла из двух частей: «Изделия Карла Фаберже в Британской королевской коллекции» и «Сокровища Британской короны». План лекции:

- *The House of Fabergé and Their Jewelry Firm.*
- *Carl Fabergé, the Supplier of the Imperial Court.*
- *Fascinating Fabergé Eggs: Symbols of Craftsmanship, Prestige and Tragedy.*
- *The Life of the Fabergé Family after the October Revolution.*
- *The Fabergé Jewelry Firm in London.*
- *Works of Carl Fabergé in the British Royal Collection.*
- *The British Crown Jewels.*
- *An Attempt to Steal the Crown Jewels.*

В конце занятия прошла викторина среди студенческих команд, которая помогла закрепить полученную информацию.

По окончании музейного проекта занятия продолжались в аудиторном формате. На семинарских занятиях студентам (как контрольной, так и экспериментальной групп) был представлен перечень дополнительных тем в рамках изученного материала. Каждый мог выбрать понравившуюся и интересующую тему, которую он хочет изучить подробнее и подготовить по

ней доклад. Ниже представлен перечень докладов, освещающих детали поездки Петра I в Англию, по итогам первого музейного занятия.

- *Why did England impress the Russian tsar?*
- *Two great reformers: Peter I and Newton. Did they really meet?*
- *Places in England associated with Peter I.*
- *Whom did Peter bring back home from? Their lives and careers in Russia.*
- *The famous yacht of the Russian emperor "Royal Transport".*
- *Peter's interest in church affairs.*
- *English roots of the Russian fleet.*

Далее в ходе проведения семинара по дисциплине «История и культура стран изучаемого языка» студенты экспериментальной и контрольной групп представляли небольшие доклады, сопровождая выступление презентацией в PowerPoint. Во время их выступлений остальные формулировали вопросы по содержанию докладов. Докладчикам были заданы вопросы, организовано их обсуждение, направленное на уточнение или разъяснение различных аспектов. После того как все доклады были презентованы, преподавателем анализировалась работа студентов: положительные стороны и недочеты во время защиты работ, участие в обсуждениях других работ и т.д. Защита докладов не входила в расчеты показателей по итоговой диагностике (так как по этому виду работ не было результатов для сравнения на констатирующем этапе), однако она позволила вынести дополнительные суждения в плане сформированности межкультурной компетенции студентов контрольной и экспериментальной групп.

Контрольный этап

На заключительном этапе предстояло оценить работу каждого студента при выполнении проектной деятельности и эффективность примененного метода при формировании межкультурной компетенции. Студентам было вновь предложено письменно выполнить задания, аналогичные тем, что были предложены на подготовительном этапе реализации проекта.

Результаты тестирования в экспериментальной группе значительно улучшились по сравнению с теми, которые были получены ранее: 2,78% студентов набрали до 33 баллов, что свидетельствовало о среднем уровне владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках изучаемой тематики, 97,22% – до 50 баллов, т.е. вышли на показатель высокого уровня. Целесообразно отметить, что 95% студентов справились с выполнением заданий на подстановку и множественный выбор, 83% сумели составить правильные развернутые высказывания в письменном задании с открытыми ответами.

У контрольной группы наблюдалось незначительное улучшение показателей по сравнению с результатами входного тестирования. Изучение учебного материала этой группой проходило в рамках аудиторных занятий (8,33% испытуемых набрали от 0 до 16 баллов (НУ), 30,56% – до 33 баллов (СУ), 61,11% – до 50 баллов (ВУ)). Тематические аспекты,

рассмотренные в рамках музейных проектов, в курсе лекций были представлены в достаточно усеченном виде. Повысить уровень осведомленности студенты в определенной мере могли за счет подготовки докладов и участия в их обсуждении.

С целью оценки эффективности проведенной работы и используемых методик мы решили провести диагностику уровня сформированности межкультурных знаний, а именно владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках заданной тематики. Для этого был использован t-критерий

Стьюдента, с помощью которого становится возможным оценка различий величин средних значений двух независимых выборок, в нашем случае это экспериментальная группа (ЭГ) и контрольная (КГ). Исходя из количества студентов в данных группах число степеней свободы равно 70 (рассчитано по формуле $f = (n_1 + n_2) - 2$, где n_1 это КГ, а n_2 – ЭГ), а критическое значение t-критерия – 1.994 (при уровне значимости $p \leq 0,05$).

Сравнительные результаты, полученные до и после проделанной работы, представлены в таблице ниже.

Таблица

Сравнительные результаты групп (по t-критерию Стьюдента)

Выборка	До экспериментальной работы		После экспериментальной работы	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Сумма баллов за тестирование	1196	1189	1542	1206
Средний балл за тестирование	33.22	33.03	42.83	33.5
$t_{\text{мп}}$	0.1		7.2	

Исходя из полученных результатов, можно отметить, что эмпирическое значение ($t_{\text{мп}}$) до экспериментальной работы было меньше критического значение t-критерия и, следовательно, находилось в зоне незначимости. Это свидетельствовало о том, что различия сравниваемых величин были статистически не значимы. После проведенной экспериментальной работы мы отметили значительное увеличение суммы баллов и среднего балла за тестирование у экспериментальной группы, что привело к увеличению эмпирического значения ($t_{\text{мп}}$) по сравнению с критическим значением t-критерия и переходу в уровень значимости. Данные результаты свидетельствуют о статистической значимости различий между сравниваемыми величинами. Это, в свою очередь, приводит к выводу о том, что используемая в экспериментальной работе педагогическая технология (метод проектов) является эффективной и способствует увеличению уровня сформированности межкультурных знаний, а именно владения культурологической информацией и лексическими единицами в рамках заданной тематики, как компонента межкультурной компетенции студентов.

Дополнительным фактором, подтверждающим сформулированный вывод, являются результаты защиты докладов студентами на семинарах. Если содержание докладов (подготовленных заранее с использованием различных источников) было, как правило, достаточно информативным, то в плане ответов на дополнительные вопросы, участия в обсуждениях, демонстрации осведомленности по изученным тематикам в целом более подготовленными и активными проявили себя студенты экспериментальной группы.

Заключение

Данные результаты подтвердили эффективность выдвинутой гипотезы и доказали эффективность метода проектов в развитии такого значимого профессионально-личностного качества будущих лингвистов, как межкультурная компетенция. Проект «Музей как транслятор исторических реалий мультикультурного мира» представляется актуальным, так как в нем удалось применить междисциплинарный, мультиязыковой подход с целью формирования межкультурной компетенции будущих лингвистов. Было достигнуто повышение уровня осведомленности обучаемых о взаимосвязи истории и традиций стран изучаемых языков, освоены дополнительные знания в области истории искусств стран изучаемых языков.

Проведенная работа позволила определить направление дальнейших теоретических исследований, а также практической реализации проектов в области музейной педагогики. Перспективными могут явиться проекты: «История дипломатических отношений: от Ивана Грозного до Петра I» – проект с выездной экскурсией в музей «Старый английский двор» (Old English Court), г. Москва; «Великий бард Уильям Шекспир» – проект на базе Государственного института искусствознания, г. Москва; «История одной картины» – проект на базе Тульского художественного музея; «История английского портрета» – проект с филиалом ГИМ в Туле, способствующие увеличению у студентов уровня владения культурологической информацией и формированию межкультурной компетенции.

Список источников

1. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие / под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 2002. 272 с.
2. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении : пособие для учителей и студ. пед. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : АРКТИ, 2005. 112 с.
3. Пеньковских Е.А. Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2010. № 4. С. 307–318.

4. Тарапата В.В. Формирование проектной культуры школьников средствами образовательной робототехники : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020. 24 с.
5. Фарафонова И.В. Формирование готовности будущего учителя начальных классов к организации проектной деятельности младших школьников при изучении математики : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2021. 24 с.
6. Пастухова Л.С. Социально-проектная деятельность как пространство развития гражданской идентичности молодежи : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2019. 43 с.
7. Пикалова А.А., Шершнева В.А. Развитие проектной компетентности будущих бакалавров инженерных направлений подготовки на основе интеграции учебной и внеучебной деятельности // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 4 (46). С. 138–151.
8. Мишин И.Н. Реализация проектной деятельности в системе студентоцентрированного обучения // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31, № 3. С. 140–151.
9. Макарова Т.С., Матвеева Е.Е., Молчанова М.А., Морозова Е.А., Буренина Н.В. Руководство проектной деятельностью слепых и слабовидящих, изучающих английский язык // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21, № 4. С. 609–622.
10. Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: неиспользуемые возможности // *Вопросы образования*. 2015. № 3. С. 292–307.
11. Новикова Э.Ю., Митягина В.А., Вальтер Ш. Межвузовское международное сотрудничество: проектная деятельность в подготовке переводчиков // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28, № 6. С. 75–85.
12. Tareva E.G., Tarev B.V. Intercultural education as a "soft power" tool // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2017. Т. 10, № 3. P. 432–439.
13. Куклина С.С., Шевченко А.И. Опыт-экспериментальная проверка методики формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде вуза // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 464. С. 216–224. doi: 10.17223/15617793/464/24
14. Барышников Н.В., Бернштейн В.Л. Формирование профессиональной коммуникативной межкультурной компетенции: обобщение опыта, поиск методических решений // *Язык и культура* 2018. № 43. С. 136–147. doi: 10.17223/19996195/43/9
15. Голицынский Ю.Б. Великобритания : пособие по страноведению. СПб. : КАРО, 2019. 480 с.
16. Заболотный В.М. История, география и культура стран изучаемого языка. *English-speakingWorld* : учеб. пособие. М. : Евразийский открытый институт, 2011. 552 с.
17. Митрошкина Т.В., Савинова А.И. Английский язык. Страноведение : учеб.-метод. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2011. 287 с.
18. Сизова И.А. Музей – активный участник рынка непрерывного образования // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 464. С. 225–231. doi: 10.17223/15617793/464/25
19. Троянская С.Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности : учеб. пособие. Ижевск : Ассоциация «Научная книга», 2007. 140 с.
20. Троянская С.Л. Использование музейно-педагогических инновационных технологий в непрерывном образовании // *Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития* : материалы XVII междунар. конф. / под ред. В.П. Галенко, Н.А. Лобанова. СПб., 2019. С. 495–498.
21. Яковлева Т.Г., Подгорнова С.В. Музейно-педагогические технологии в естественнонаучном образовании // *Физика в школе*. 2021. № 4. С. 51–58.
22. Столяров Б.А. Задачи и формы образовательной деятельности современного музея // *Герценовские чтения. Начальное образование*. 2012. Т. 3, № 3. С. 91–98.

References

1. Polat, E.S. et al. (2002) *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow: Akademiya.
2. Pakhomova, N.Yu. (2005) *Metod uchebnogo proekta v obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Training project method in an educational institution: a guide for teachers and students]. 3rd ed. Moscow: ARKTI.
3. Pen'kovskikh, E.A. (2010) *Metod proektov v otechestvennoy i zarubezhnoy pedagogicheskoy teorii i praktike* [The project method in domestic and foreign pedagogical theory and practice]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*. 4. pp. 307–318.
4. Tarapata, V.V. (2020) *Formirovanie proektnoy kul'tury shkol'nikov sredstvami obrazovatel'noy robototekhniki* [Formation of the project culture of schoolchildren by means of educational robotics]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
5. Farafonova, I.V. (2021) *Formirovanie gotovnosti budushchego uchitelya nachal'nykh klassov k organizatsii proektnoy deyatel'nosti mladshikh shkol'nikov pri izuchenii matematiki* [Formation of the readiness of the future primary school teacher to organize the project activities of younger students in the study of mathematics]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Oryol.
6. Pastukhova, L.S. (2019) *Sotsial'no-proektnaya deyatel'nost' kak prostranstvo razvitiya grazhdanskoj identichnosti molodezhi* [Socio-project activity as a space for the development of youth civic identity]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
7. Pikalova, A.A. & Shersheva, V.A. (2020) *Razvitie proektnoy kompetentnosti budushchikh bakalavrov inzhenernykh napravleniy podgotovki na osnove integratsii uchebnoy i vneuchebnoy deyatel'nosti* [Development of project competence of future bachelors of engineering training based on the integration of educational and extracurricular activities]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 4 (46). pp. 138–151.
8. Mishin, I.N. (2022) *Realizatsiya proektnoy deyatel'nosti v sisteme studentotsentrirovannogo obucheniya* [Implementation of project activities in the system of student-centered learning]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 31 (3). pp. 140–151.
9. Makarova, T.S. et al. (2017) *Rukovodstvo proektnoy deyatel'nosti yu slepykh i slabovidyashchikh, izuchayushchikh angliyskiy yazyk* [Management of project activities of the blind and visually impaired students of English]. *Integratsiya obrazovaniya*. 21 (4). pp. 609–622.
10. Lazarev, V.S. (2015) *Proektnaya deyatel'nost' v shkole: neispol'zuemye vozmozhnosti* [Project activities at school: unused opportunities]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 292–307.
11. Novikova, E.Yu., Mityagina, V.A. & Walter, S. (2019) *Mezhvuzovskoe mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: proektnaya deyatel'nost' v podgotovke perevodchikov* [Interuniversity international cooperation: project activities in the preparation of translators]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 28 (6). pp. 75–85.
12. Tareva, E.G. & Tarev, B.V. (2017) *Intercultural education as a "soft power" tool*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 10 (3). pp. 432–439.
13. Kuklina, S.S. & Shevchenko, A.I. (2021) *Experimental Verification of Methods for the Intercultural Competence Formation in the Professionally Oriented Informational Educational Environment of the University*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 216–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/24
14. Baryshnikov, N.V. & Bernshteyn, V.L. (2018) *The Formation of Professional Communicative Intercultural Competence: Summarising the Experience and Searching for New Didactic Solutions*. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 136–147. doi: 10.17223/19996195/43/9
15. Golitsynskiy, Yu.B. (2019) *Velikobritaniya: posobie po stranovedeniyu* [The UK: a guide to country studies]. St. Petersburg: KARO.
16. Zabolotnyy, V.M. (2011) *Istoriya, geografiya i kul'tura stran izuchaemogo yazyka*. *English-speaking World*. Moscow: Evraziyskiy otkrytyy institut.
17. Mitroshkina, T.V. & Savinova, A.I. (2011) *Angliyskiy yazyk. Stranovedenie* [English language. Country studies]. Minsk: TetraSistems.

18. Sizova, I.A. (2021) Museum as an Active Participant in Continuing Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 225–231. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/25
19. Troyanskaya, S.L. (2007) *Muzeynaya pedagogika i ee obrazovatel'nye vozmozhnosti v razvitiy obshchekul'turnoy kompetentnosti* [Museum Pedagogy and Its Educational Opportunities in the Development of General Cultural Competence]. Izhevsk: Assotsiatsiya "Nauchnaya kniga".
20. Troyanskaya, S.L. (2019) [The use of museum-pedagogical innovative technologies in lifelong education]. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepre-rывnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya* [Education through life: lifelong education for sustainable development]. Proceedings of the XVII International Conference. St. Petersburg. pp. 495–498. (In Russian).
21. Yakovleva, T.G. & Podgornova, S.V. (2021) *Muzeyno-pedagogicheskie tekhnologii v estestvennonauchnom obrazovanii* [Museum-pedagogical technologies in natural science education]. *Fizika v shkole*. 4. pp. 51–58.
22. Stolyarov, B.A. (2012) *Zadachi i formy obrazovatel'noy deyatel'nosti sovremennogo muzeya* [Tasks and Forms of Educational Activities of the Modern Museum]. *Gertsenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie*. 3 (3). pp. 91–98.

Информация об авторах:

Иванова В.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой лингвистики и перевода Тульского государственного университета (Тула, Россия). E-mail: vik2662009@yandex.ru

Пуханов С.А. – канд. филол. наук, зам. директора Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия). E-mail: spukhanov@mail.ru

Опанасец А.С. – соискатель кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета (Тула, Россия). E-mail: nastia2894@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Ivanova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Linguistics and Translation Department, Tula State University (Tula, Russian Federation). E-mail: vik2662009@yandex.ru

S.A. Pukhanov, Cand. Sci. (Philology), deputy director of the Institute of Social and Human Sciences, Tula State University (Tula, Russian Federation). E-mail: spukhanov@mail.ru

A.S. Opanasets, external postgraduate student, Tula State University (Tula, Russian Federation). E-mail: nastia2894@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.09.2022;
одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 29.09.2022;
approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 796.412 (37.037)
doi: 10.17223/15617793/487/17

Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в.

Андрей Викторович Мутьев¹

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
dsport76@mail.ru

Аннотация. Рассматривается распространение сокольской гимнастики в учебных заведениях Крыма. Сокольская гимнастика на полуострове появилась благодаря директору Ялтинской мужской гимназии А.Г. Готалову-Готтлибу и распространилась после 1905 г. в учебных заведениях Крыма в виде гимнастических кружков, а позже – как обязательный предмет. Как итог внедрения сокольской гимнастики отмечались улучшение здоровья учеников, развитие школьного спорта, участие школьников в гимнастических мероприятиях всероссийского и международного уровней.

Ключевые слова: Крым, сокольская гимнастика, учебные заведения, А.Г. Готалов-Готтлиб, физическое воспитание

Для цитирования: Мутьев А.В. Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 147–154. doi: 10.17223/15617793/487/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/17

The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century

Andrey V. Mutiyev¹

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
dsport76@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of spreading of Sokol gymnastics for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century. General historical and theoretical research methods were used. As a result of the research, the author established that the Sokol gymnastic movement in Crimea arose by to the innovative pedagogical activities of Artemiy Gotalov-Gotlib, the director of the Yalta Alexander's Gymnasium. Since 1901, Gotalov-Gottlieb took part in the work of the committee on the reform of the secondary school and the committee that developed the charter of the secondary school. This kept him informed about the main priorities of the state policy in the field of education and helped make necessary decisions and implement them. Sokol gymnastics spread after 1905 in the gymnasiums of Kerch, Sevastopol, Yevpatoria, Feodosia as a gymnastics section, and later as a compulsory school subject. Teachers were either retired officers who conducted gymnastics according to the mixed “military-Sokol” system, or Czech instructors who were invited by benefactors to work in educational institutions. The result of this implementation of the Sokol gymnastics system was the improvement of students’ health, the development of school sports, the expansion of students’ social mobility. An important result of the activities of school gymnastics clubs was that high school students could, if they desired, additionally receive special training from a gymnastics instructor. In the future, this training gave the opportunity to apply their skills working as instructors of children’s outdoor games and exercises on the sea beaches of Crimea or as private gymnastics teachers. Crimean schoolchildren took an active part in various gatherings, competitions, shows and gymnastic festivals of the All-Russian and international levels. Crimean Sokol organizations participated in the sports life of Crimea, but not in All-Russian events and competitions of adult athletes.

Keywords: Crimea, Sokol gymnastics, educational institutions, Artemiy Gotalov-Gotlib, physical education

For citation: Mutiyev, A.V. (2023) The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 147–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/17

Актуальность

Различные аспекты развития системы физического воспитания и спортивного движения в нашей стране много лет продолжают оставаться в поле зрения историков, педагогов, социологов. Самый активный период их становления пришёлся на конец XIX – начало XX в. В идеях и подходах к проблемам физического воспитания, спорта, господствовавших в это время, немало рационального, интересного, поучительного [1. С. 13]. Помимо шведской и немецкой систем гимнастики, в начале XX в. широкое распространение в России получило чешское гимнастическое движение «Сокол», основанное в 1862 г. Мирославом Тыршем в рамках идей панславизма [2. С. 1]. Первые сокольские организации возникли в России уже в 1870-х гг. на Волыни в местечке Мирогощи и в русской части Польши. Царское правительство не препятствовало их созданию, но и не поощряло их деятельность, поскольку, идеи сокольского движения носили антиавстрийский характер, что противоречило внешней политике государства. С 1900-х гг. физкультурные организации в ряде городов Российской империи (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Тифлис, Ташкент, Харьков, Одесса и др.) практиковали сокольскую систему физических упражнений и при этом не имели в своём названии слов «сокол» или «сокольские», являясь таковыми по структуре, идеологии и гимнастической терминологии, разработанной М. Тыршем. Лишь в 1907 г. указ П. Столыпина (в связи с изменениями во внешнем курсе Российской империи) разрешил этим гимнастическим обществам иметь в своём названии слово «сокол. Вскоре после этого сокольская гимнастика получает рекомендации для внедрения в гражданские и военные учебные заведения, армию, активно используется для физической подготовки в скаутских отрядах и других молодежных организациях Российской империи. Сокольская система становится одним из ведущих средств физического воспитания и ложится в основу развития массового спорта в России в начале XX в. [3. С. 4; 4. С. 61–62; 5. С. 328].

Анализ работ, посвящённых вопросам истории сокольского движения в России, показал, что авторы рассматривают его в двух аспектах: во-первых, в качестве социального движения и воспитательной системы, как исторический опыт объединения, интеграции и формирования патриотических мировоззренческих установок, ориентированных на идеи единения славянских общин [2, 3, 6]; во-вторых, как систему физического воспитания в гражданских и военных учебных заведениях, армии, в спортивных кружках и обществах Российской империи [4; 7–9].

Вместе с тем до сих пор нет исследований, посвящённых изучению распространения этой системы в Крыму, что определило основную цель данной работы: проследить особенности возникновения и распространения сокольской гимнастики в Крыму как средства физического воспитания в начале XX в. Были использованы общетеоретические и общ исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Длительное время в учебных заведениях Российской империи преподавания физических упражнений не велось. Исключение составляли только кадетские корпуса, где по инициативе главы военно-учебного ведомства великого князя Михаила Павловича преподавалась шведская гимнастика. Лишь в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. новые уставы мужских и женских гимназий и прогимназий рекомендовали включать в программу гимнастику как дополнительный необязательный предмет и предписывали каждому заведению иметь для ее проведения гимнастические снаряды. В учебных заведениях в этот период применялись военизированные физические упражнения, шведская или немецкая системы гимнастики.

В начале XX в. происходит активное распространение сокольской гимнастической системы. Одной из реформ П. Столыпина после революционных событий 1905–1907 гг. стало ее включение программы учебных заведений. Этот процесс затронул подавляющее большинство городов и губерний Российской империи в 1909–1915 гг. Так, в 1909 г. сокольская гимнастика стала активно преподаваться в учебных заведениях Екатеринодара, Могилевской губернии, в 1910 г. – в Вятской, Пензенской, Курской, Саратовской, Уфимской губерниях, в 1911 г. – Псковской губернии. В качестве преподавателей выступали либо отставные офицеры, проводившие гимнастику по смешанной «военно-сокольской» системе, либо чешские «инструктора-соколы», которых «выписывали» меценаты для работы в учебных заведениях [7. С. 28; 8. С. 130; 9. С. 153; 10. С. 179].

В учебных заведениях Крыма сокольская гимнастика получила своё развитие на несколько лет раньше, чем в большинстве городских и уездных российских школ, гимназий и институтов, благодаря деятельности профессора Артемия Григорьевича Готалова-Готлиба, занимавшего с 1903 по 1908 г. пост директора Ялтинской мужской гимназии имени Александра III.

С 1901 г. А.Г. Готалов-Готлиб принимал участие в работе комиссии по реформированию средней школы и комиссии, разрабатывавшей устав средней школы, что позволило ему быть в курсе основных приоритетных направлений государственной политики в области образования, принимать необходимые решения и реализовывать их на практике. По решению министерства народного просвещения Артемий Григорьевич с 1900 по 1912 г. неоднократно отправлялся в командировки во Францию, Швейцарию, Австрию, Германию, Италию и Чехию для изучения системы образования в странах Западной Европы [11. С. 58–59]. Этот опыт позволил внедрить ряд передовых новаторских идей по оздоровлению и физическому воспитанию в работу вверенной ему гимназии в Ялте, а впоследствии в Кимшине и Пскове (рациональное сочетание режима обучения и отдыха, дополнительное питание и широкое внедрение физических упражнений и подвижных игр, организация гимнастического кружка, работавшего по сокольской системе) [12. С. 92].

Кружок сокольской гимнастики, насчитывавший 70–80 старшеклассников Ялтинской Александровской

гимназии, был создан в 1905 г. Занятия проводились два раза в неделю по 50 мин во внеурочное время по отдельному расписанию под обязательным контролем педагогических и медицинских работников. Преподавание гимнастики было построено строго в соответствии с методическими принципами учета возраста занимающихся и местных климатических условий [13. С. 11]. Как результат – врачи зафиксировали у гимназистов значительное увеличение силы мышц, улучшение осанки и показателей обмена веществ. Особенно значимые изменения регистрировались у учеников, которые имели серьезные проблемы со здоровьем.

Кроме того, у всех занимающихся были отмечены улучшение эмоционального состояния, повышение успеваемости. Приобретенные двигательные умения, навыки и качества меняли в положительную сторону отношение детей к физическому труду [12. С. 87; 13. С. 134].

Система работы кружка строилась таким образом, что общее руководство занятием осуществлял учитель гимнастики, отбравший 10–15 инструкторов и помощников из числа наиболее подготовленных учеников. Инструкторы и их помощники работали с небольшими группами учащихся. Занятия в кружке были организованы по стандартной «сокольской» схеме. Первая часть посвящена выполнению упражнений небольшими группами на перекладине, параллельных брусьях и гимнастическом коне под наблюдением инструкторов. Вторая часть отводилась для коллективного выполнения строевых, вольных, групповых упражнений (пирамиды), подвижным или спортивным играм. Третья часть занятия была посвящена методической работе. Преподаватель (а иногда и сам директор гимназии) проводил анализ работы учеников. Обсуждались результаты выполнения упражнений, делались замечания и давались методические указания. Завершающая часть занятия была предназначена для самостоятельной работы учащихся на гимнастических снарядах или проведения бесед на спортивно-гимнастическую тематику [14. С. 227–228].

Важным итогом деятельности гимнастического кружка было то, что гимназисты по желанию могли дополнительно получить специальную подготовку как инструкторы гимнастики, что в дальнейшем позволяло им работать инструкторами на пляжах и детских площадках для игр и упражнений либо применять свои навыки в качестве частных преподавателей сокольской гимнастики. С будущими инструкторами работал учитель, углубленно передававший теоретические и практические основы сокольской гимнастики. Для этих занятий было отведено дополнительное время. Успешно окончившим дополнительный курс сокольской гимнастики выдавалось удостоверение, содержащее сведения о перечне усвоенных умений и навыков [13. С. 134].

Благодаря передовым для того времени педагогическим методикам, гимназия в Ялте стала одним из лучших учебных заведений Российской империи начала XX в., а ее директор за свои педагогические труды был отмечен серебряной медалью на Всемирной выставке, проходившей в Льеже в 1905 г. [12. С. 92].

Уже после получения официального статуса государственной системы физического воспитания в Российской империи сокольская гимнастика распространяется в других казенных и частных учебных заведениях Крыма.

Гимнастика как обязательный предмет входила в программу Феодосийского учительского института и Керченского Кушниковского девичьего института, готовивших педагогические кадры для учебных заведений Крыма. Так, Феодосийский учительский институт имел хорошо оборудованный кабинет для физических упражнений. По-видимому, будущие учителя изучали различные методики физических упражнений, в том числе и сокольскую систему, получившую широкое распространение в начале XX в. Более того, в рамках учебного курса педагогики обязательно изучался раздел «физическое воспитание», включавший изучение естественных и искусственных средств для правильного физического воспитания, основы гигиены и основные детские болезни [14. С. 27]. Выпускники института в дальнейшем могли преподавать физические упражнения.

Сокольская система преподавалась также в крымских мужских классических гимназиях в Керчи, Феодосии, Евпатории и Севастополя.

В Керченской мужской гимназии сокольская гимнастика и строевые упражнения были введены в 1911 г., чтобы организовать досуг учащихся и повысить уровень их здоровья. Занятия проводились ежедневно на гимназическом дворе во время большой перемены и продолжались 30 мин. Несколько раз в неделю гимнастические упражнения выполнялись всеми учениками под музыку гимназического оркестра. С 1912 г. гимнастика стала обязательным предметом во всех классах. Помимо этого, ученики старших классов занимались упражнениями на гимнастических снарядах и фехтованием. Занятиями руководил штабс-капитан 52-го Виленского его Императорского Высочества Великого князя Кирилла Владимировича полка Николай Теофилович Макаревич [15. С. 104].

Примерно в это же время сокольская гимнастика была введена в Евпаторийской мужской гимназии. Евпаторийская мужская гимназия докладывала, что с 1910 г. преподаётся чешский «сокол», в штаты, как и рекомендовалось ранее, «введён преподаватель гимнастики на равных с преподавателем рисования» [16. С. 132]. Автобиографические произведения ее выпускников свидетельствуют о «повальном увлечении чешской соколиной гимнастикой, которой была охвачена вся гимназия».

Специально для этого был приглашен специалист, чех по происхождению, К. Поспешиль. Выпускник гимназии Лааман Оттомар писал: «Спортивными и гимнастическими занятиями руководил преподаватель, чех по происхождению. Он принёс в нашу школу чешскую, так называемую соколиную, гимнастику и вообще спортивные увлечения... Гимнастические упражнения были и летом на снарядах во дворе, где оборудование было соответственно установлено» [17]. Развитие сокольской гимнастики в гимназиях Евпато-

рии было во многом обязано деятельности выдающегося общественного деятеля Крыма Семена Эзровича Дувана. Журнал «Караимская жизнь» за 1911 г. писал о нем: «... своими ежегодными взносами даёт возможность учебному начальству пригласить из-за границы «сокола» для правильной постановки физического воспитания наших детей, то принимает на свой счет обмундирование и командировку на Высочайший смотр 15 учеников, он же на личные средства экипировал всех служащих...» [18. С. 130].

Успешно развивалась сокольская гимнастика в Севастопольской мужской гимназии и Севастопольском Константиновском реальном училище. В Константиновском реальном училище для занятий во дворе были установлены гимнастические лестницы, брусья, кольца. Занятия проводились под руководством преподавателя штабс-капитана А.Н. Гоманя [19. С. 219–220].

В мужских частных гимназиях Крыма гимнастика преподавалась факультативно для желающих, были обустроены залы для занятий физическими упражнениями, а в штате каждой из них был учитель гимнастики.

В частности, в Симферопольской частной гимназии М.А. Свищева проводились занятия по «военно-сокольской» гимнастической системе. Гимназисты под руководством отставного офицера изучали строевые, боевые, снарядовые, групповые и массовые упражнения. В гимназии были зал для гимнастики и «гимнастические приборы». Император Николай II, осматривая гимназию в июле 1911 г., отмечал: «... блестящие результаты обучения детей военному строю и гимнастическим занятиям, бодрый и здоровый вид юных отрядов, вполне усвоивших военную дисциплину». В 1914–1915 гг. гимнастика стала обязательным предметом. Ее преподавал Н. Ильинский. С 1 по 4 класс гимнастике отводилось по 2 урока в неделю, а с 5 по 8 классы по 1 уроку. Всего на этот предмет было отведено 5% от учебного плана гимназии [20. С. 370].

Получила распространение сокольская система упражнений и в женских учебных заведениях Крыма. Она вызывала интерес среди девушек, поскольку многие упражнения подражали трудовым процессам, содержали стилизованные движения народных или бальных танцев и выполнялись под музыку. Многократное скучное повторение однообразных движений было заменено отдельными красивыми движениями. Как в балете, от девушек требовалось тянуть носок, «оформлять» пальцы рук и делать плавные переходы между движениями. Включались упражнения как вольные, так и с самыми различными предметами – палками, булавами, флажками, шарфами, палицами, пиками. Эти упражнения, созданные специально для женщин и приближенные к танцу, а также упражнения с предметами позволяли им принимать участие в смотрах-соревнованиях.

Так, в Карасубазарской женской гимназии обучали танцам и гимнастике. Гимнастикой занимались во всех классах в свободное от учебных предметов время. В трех младших классах была введена шведская гимнастика, а с 4-го по 7-й – сокольская, в последнем классе преподавались оба вида [21. С. 21].

Гимнастические упражнения и общие игры на воздухе в Ялтинской женской гимназии проводились на большой перемене между третьим и четвертым уроками. Для этого в штате гимназии была предусмотрена должность учительницы гимнастики и танцев. На фотографиях, относящихся к началу XX в., запечатлены моменты выполнения девушками вольных упражнений, упражнений с булавами и флажками по сокольской системе. Они выполнялись ученицами как младших классов, так и старшеклассницами.

В Евпаторийской женской гимназии гимнастика, под руководством учительницы гимнастики А.И. Хршановской, по плану преподавалась в 1–4-м классах по 4 ч в неделю, в 5–6-х классах – по 2 ч в неделю, в 7–8-х классах – по 1 ч. Чтобы укрепить здоровье учениц, педагоги решили «употребить гимнастический двор в 350 кв. саженей» [16. С. 78, 95].

По всей видимости, по такой же схеме преподавалась гимнастика и в других казенных женских гимназиях в Симферополе, Феодосии и Керчи.

Несмотря на то, что сокольские организации основывались на гимнастическом методе физического воспитания, они обязательно в свою программу включали элементы спорта. Практически в каждом сокольском обществе развивались различные виды спорта.

Причем анализ внеурочной спортивной деятельности среди учащихся крымских учебных заведений в начале XX в. показал, что наибольшее распространение спорт получил именно в тех учреждениях, где для физического воспитания использовалась сокольская система гимнастики.

В Крыму на основе занятий гимнастикой (преимущественно сокольской) получают развитие такие виды спорта, как езда на велосипеде, футбол, фехтование, легкая атлетика, лаун-теннис, борьба и др. Для занятий организуются ученические кружки, команды и товарищества, которые становятся первыми формами детской спортивной самостоятельности. «Увлечение всеми видами спорта совершенно заполняло весь мой досуг, – вспоминал выпускник Керченской гимназии 1914 г. С.А. Векшинский. – Я играл в теннис, футбол, гонял на велосипеде, бродил по Крыму, много занимался гребным спортом...» [22. С. 16].

В первую очередь в учебных заведениях Крыма, большинство из которых находилось в прибрежных городах, получили развитие водные виды спорта. Еще с 1902 г. министерством народного просвещения делались попытки внедрить морской и другой спорт в летний период времени для укрепления здоровья и с социально-профилактическими целями. Занятия водным и другими видами спорта в 1903 г. не проводятся в гимназиях Севастополя и Евпатории, а с 1905 г. – в Керчи, однако широкое распространение они получили лишь после 1909 г. вместе с открытием кружков сокольской гимнастики. К 1913 г. занятия греблей и парусным спортом введены уже в четырех гимназиях Крыма: Керченской Александровской, Севастопольской, Ялтинской Александровской и Феодосийской, а также Феодосийском

учительском институте и Севастопольском Константиновском реальном училище. Значительно возросло количество занимающихся во всех учебных заведениях, укреплялась материально-техническая база гребного и парусного спорта. Крымские учащиеся принимают участие в местных гонках судов, окружных спортивных обзорах и соревнованиях в Одессе, Высочайших смотрах в Санкт-Петербурге [23. С. 21–22].

Фехтование преподавалось в мужских гимназиях Ялты, Феодосии, Керчи, Севастополя. В Евпаторийской мужской гимназии был принят в штат учитель – поручик Анджеевский, преподававший еще и фехтование.

Особой популярностью среди учащейся молодежи в начале XX в. пользовался футбол. При учебных учреждениях организуются команды и проводятся футбольные матчи. Во время обучения в гимназии известный советский физик С.А. Векшинский стал «героем» одного из первых междугородних товарищеских футбольных матчей 30 июля 1913 г. в Керчи, забив два гола в ворота команды гостей из Феодосии [22. С. 17]. Известно также, что в 1915 г. футбольная команда Севастопольского Константиновского реального училища завоевала переходящий серебряный Кубок Севастополя, который вручался чемпиону города по футболу, став его первым обладателем [24. С. 254]. 30 марта 1919 г. на ливадийском поле был сыгран первый официальный матч в Ялте. В рамках «весеннего праздника» на земляной площадке сразились учащиеся средне-учебных заведений [24. С. 12].

Среди учащихся гимназий и училищ набирали популярность и легкоатлетические упражнения. В 1912 г. в Севастополе группой офицеров 13-й Артиллерийской бригады даже была издана брошюра для войск и старших классов средних учебных заведений под названием: «Руководство по лёгкой атлетике и игре "Футбол"» [24. С. 253].

Велосипедный спорт, появившийся в Крыму еще в конце XIX в., также пользовался успехом среди гимназистов. При учебных заведениях устраивались площадки для игры в лаун-теннис. Этот вид спорта был средством активного развлечения, которым увлекались как юноши, так и девушки.

Для учащихся учебных заведений в городах Крыма стали проводиться спортивно-гимнастические праздники. В 1913 и 1914 гг. такие праздники прошли в Феодосии для учащихся мужских и женских гимназий. Мероприятия проходили в торжественной обстановке, в присутствии городского начальства и большого количества публики. Участники продемонстрировали строевую подготовку и упражнения с ружьями. Разнообразная программа праздников включала также фехтование, упражнения на гимнастических снарядах, подвижные игры и легкоатлетические виды спорта. Победителям вручались награды и призы [25. С. 118].

Несмотря на существование в Крыму самостоятельных организаций с названием «Сокол», не удалось найти сведения об их активном участии в общероссийских и международных съездах, слетах и состязаниях.

При этом на местном уровне они активно участвовали в спортивной жизни полуострова. Так, председателем гимнастического общества «Сокол» в Феодосии был г-н. Калинин [26], а газета «Южные ведомости» от 10 июля (27 июня) 1913 г. анонсировала на 29 и 30 июня матч команды общества «Сокол» с симферопольской футбольной командой в Феодосии, на площадке у дачи Рукавишниковой [24. С. 64].

Успехи крымских гимнастов были замечены и на всероссийском уровне, что проявлялось в регулярном их участии во всероссийских состязаниях и Высочайших смотрах.

Важнейшими событиями в истории Евпаторийской мужской гимназии были поездки гимназистов в Одессу и Москву для участия в состязаниях чешских «соколов» и гимнастов на смотрах «потешных» организаций.

Документом от 3 апреля 1912 г. за № 10190 на имя директора Евпаторийской гимназии сообщалось: «Государь Император Высочайше соизволил вызвать в июле 1912 г. на Высочайший смотр «потешные» организации...». Число участников от гимназии было определено в 10 строевых и 2 гимнастов, для которых приобрели единую форму. Все члены команды были обязаны знать «три урока сокольнических вольных движений и три фразы движений с ружьями». В Одессе команда в полном составе принимала участие в разучивании и построении живых пирамид [16. С. 130]. Осенью 1912 г. Евпаторийская гимназия получила информацию, что государь император благодарил участников за образцовую организацию команд «потешных» [16. С. 131].

Гимнасты-соколы Севастопольской мужской гимназии были замечены на всероссийском уровне и выступали с показательной программой на II Всероссийской Олимпиаде (Рига, 1914 г.) [27. С. 84].

В 1907 г. ялтинские гимназисты вместе со своим директором и другими российскими «соколами» были приглашены в чешскую Прагу для участия в международных спортивно-гимнастических состязаниях – V Всесокольском слете. В специальном издании, посвящённом этому событию, писалось: «...24 июля в 7 часов утра уже прибыли из русской гимназии в Ялте, что на Крымском полуострове, под руководством директора А.Г. Готлиба и профессора М. Соболевского». Команда ялтинских гимназистов получила диплом и венок, а четыре человека удостоились личных наград [27. С. 85].

Ученики Евпаторийской мужской гимназии были приглашены для участия в I Всеславянском слёте в июне 1912 г. в Праге [16. С. 131], однако поездка не состоялась, по-видимому по причине материальных трудностей.

Состав крымского населения в начале XX в. был многонационален, однако, несмотря на панславянский характер сокольского движения, в кружки свободно принимались представители самых различных этнических групп и конфессий. Своими основными целями «Соколы» считали физическую подготовку молодежи и ее духовное воспитание. Главной сущностью движения провозглашались демократизм, любовь к ближнему, альтруизм, осознание гражданского и общественного долга [6. С. 61].

С началом Первой мировой войны сокольское движение направляется в общественно-патриотическое русло и всячески содействует военно-физической подготовке и мобилизации. Учебным заведениям Крыма было предписано «...немедленно озаботиться устройством военно-спортивных комитетов». В Евпаторийской гимназии в двух старших классах ввели преподавание военного строя по 3 ч в неделю вместо спортивной гимнастики. По воскресениям привлекали учащихся выпускных классов на двухчасовые занятия военным строем. В июне 1915 г. были введены учебные стрельбы гимназистов под руководством преподавателя гимнастики и военного строя ротмистра Н.П. Арнольди. Помимо учебных занятий стрельбой, была введена и «состязательная стрельба на призы». Осенью 1916 г. установили занятия по допризывной подготовке для учеников 8-го и 7-го классов гимназии. За два года юноши получали в учебном заведении серьёзную военно-физическую подготовку, т.е. почти военное образование [16. С. 136]. В Ялтинской гимназии в 1915 г. также было введено обучение военному строю. Гимназисты занимались в военных казармах в Ливадии. Их обучали стрелять

из винтовок, экономно расходовать патроны, объясняли принципы современной войны. Многие члены сокольских кружков отправлялись добровольцами на фронт.

Преподавание сокольской гимнастики прекратилось с закрытием гимназий в ноябре 1920 г. после полного установления в Крыму советской власти.

Заключение

Таким образом, сокольское гимнастическое движение в Крыму возникло благодаря новаторской педагогической деятельности директора Ялтинской Александровской мужской гимназии *А.Г. Готалова-Готлиба* и распространилось с 1905 г. в учебных заведениях Керчи, Севастополя, Евпатории, Феодосии в виде гимнастических кружков, а позже – как обязательный школьный предмет. Итог внедрения сокольской системы гимнастики – улучшение здоровья учеников, развитие школьного спорта, расширение социальной мобильности учащихся вследствие их участия в разнообразных слетах, состязаниях, смотрах и гимнастических праздниках как всероссийского, так и международного уровня.

Список источников

1. Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. М. : Советский спорт, 2001. 664 с.
2. Федотова О.Д., Спивак И.А., Карпова Г.Ф. Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN122.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).
3. Качулина Н.Н. Развитие сокольского движения в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. URL: https://online-science.ru/m/products/istori_science/gid2775/pg0/ (дата обращения: 28.11.2022).
4. Качулина Н.Н., Мягкова С.Н., Литвинов С.В. Особенности становления и развития национальной модели физического образования и воспитания в конце XIX – начале XX в. // Обзор педагогических исследований. 2022. Т. 4. № 2. С. 60–64.
5. Сироткина И. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. № 2. С. 320–339.
6. Егоров В.В., Стоякина Т.Г. Сокольское молодежное движение в России в конце XIX – начале XX в. // Экономика, управление и право: тенденции и перспективы развития. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2017. С. 57–62.
7. Бусько С.И. Система подготовки учителей гимнастики в Виленском учебном округе накануне первой мировой войны // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2019. № 19-1. С. 25–30.
8. Кружков Д.А., Кладова Т.А. Развитие гимнастики в учебных заведениях Екатеринодара на рубеже XIX–XX веков // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма : сб. науч. тр. Краснодар, 2018. № 1. С. 130–131.
9. Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Развитие физкультурно-спортивного движения в Курской губернии в дореволюционный период // Известия Юго-Западного государственного университета. История и право. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 147–157.
10. Смирнов М.А. Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 4-3(80). С. 178–182.
11. Левченко В.В. Новые штрихи к просопографическому портрету Одесского ученого-историка А.Г. Готалова-Готлиба // Вестник Одесского национального университета. Серия: Библиотекосведение, библиографоведение, книговедение. 2018. Т. 23, № 1 (19). С. 57–84
12. Головань Т.М. Новаторская педагогическая деятельность А.Г. Готалова-Готлиба в Ялте в начале XX века // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 44 (2). С. 85–92.
13. Готлиб А. Физическое воспитание учащихся в Ялтинской Александровской гимназии // Русская школа. 1909. № 2. С. 132–158
14. Костылева Е.В. Профессиональная подготовка в Феодосийском учительском институте (1874–1918) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 1 (37). С. 24–32.
15. Федоров П.М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913). Историческая записка. Керчь : Типография Х.Н. Лаго, 1914. 117 с.
16. Никифорова Л.Л. Мир держится устами учеников: историко-архивный сборник. Симферополь : ИТ «Ариал», 2022. 300 с.
17. Никифорова Л. «Mälestused Krimmist» о Евпаторийской мужской гимназии // Российские вести. Федеральный еженедельник. Исторический очерк. 2017. № 1 (2192). URL: <http://rosvesty.ru/2192/krymskie-estoncy/10546-istoricheskiy-ocherk> (дата обращения: 15.11.2022).
18. Хроника. Вокруг имени С.Э. Дувана // Караимская жизнь. 1911. № 5-6. 147 с.
19. Новикова Е.В. Константиновское реальное училище в г. Севастополе (Из истории народного образования в Крыму) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52, Т. 2. С. 217–223.
20. Шелягова А.А. Симферопольская частная мужская гимназия Е. И. Свищева: ретроспективный анализ // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-1. С. 367–373.
21. Шелягова А.А. Карасубазарская женская гимназия: историко-педагогический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 1 (40). С. 18–25.
22. Борисов В.П. Сергей Аркадьевич Векшинский / науч. ред. В.Н. Кеменов, 2-е изд. М. : МПК «Интелвак», 2002. 176 с.

23. Вербицкий В.А. Развитие физкультуры и спорта в учебных заведениях Юга Украины (начало XX ст.) // Исторический архив. Научные студии: Сб. науч. тр. Николаев : Изд. МДГУ имени Петра Могилы, 2008. Вып. 2. С. 116–122.
24. Балаян Б.С., Мутьев А.В., Сапожников Е.И. Летопись крымского футбола. Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. 396 с.
25. Приходько Г. Деятельность ученических кружков и товариществ физкультурной направленности в школах Украины в конце XIX – в начале XX ст. // Проблемы подготовки современного учителя. 2012. № 5 (Ч. 1). С. 225–232.
26. Гейман В.Д. Спутник приезжего. Справочник-путеводитель по Феодосии и окрестностям. Феодосия : Тип. Натковича и Виниковича, 1911. 63 с.
27. Мутьев А.В. Становление и развитие гимнастики в образовательных учреждениях Крыма с середины XIX до начала XX столетия // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. Т. 7, № 3. С. 80–87.

References

1. Sunik, A.B. (2001) *Rossiyskiy sport i olimpiyskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vekov* [Russian sports and the Olympic movement at the turn of the 20th century]. Moscow: Sovetskiy sport.
2. Fedotova, O.D., Spivak, I.A. & Karpova, G.F. (2022) Vliyanie panslavistskikh idey Miroslava Tyrsha na prosvetitel'skuyu deyatelnost' rossiyskikh obshchestvennykh organizatsiy nachala XX veka [The Influence of Miroslav Tyrsh's Pan-Slavist Ideas on the Educational Activities of Russian Public Organizations at the Beginning of the 20th Century]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 10 (1). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN122.pdf> (Accessed: 11.11.2022).
3. Kachulina, N.N. (2015) Razvitiye sokol'skogo dvizheniya v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX v. [The development of the Sokol movement in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 6-1. [Online] Available from: https://online-science.ru/m/products/istori_sciense/gid2775/pg0/ (Accessed: 28.11.2022).
4. Kachulina, N.N., Myagkova, S.N. & Litvinov, S.V. (2022) Osobennosti stanovleniya i razvitiya natsional'noy modeli fizicheskogo obrazovaniya i vospitaniya v kontse XIX – nachale XX v. [Features of the formation and development of the national model of physical education and upbringing in the late 19th – early 20th centuries]. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy*. 4 (2). pp. 60–64.
5. Sirotkina, I. (2017) Natsional'nye modeli fizicheskogo vospitaniya i sokol'skaya gimnastika v Rossii [National models of physical education and Sokol gymnastics in Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2. pp. 320–339.
6. Egorov, V.V. & Stoyakina, T.G. (2017) [Sokol youth movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Ekonomika, upravlenie i pravo: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Economics, management and law: trends and development prospects]. Conference Proceedings. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. pp. 57–62. (In Russian).
7. Bus'ko, S.I. (2019) Sistema podgotovki uchiteley gimnastiki v Vilenskom uchebnom okruge nakanune pervoy mirovoy voyny [The system of training teachers of gymnastics in the Vilna educational district on the eve of the First World War]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskoe i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 19-1. pp. 25–30.
8. Krzhkov, D.A. & Kladova, T.A. (2018) [The development of gymnastics in educational institutions of Yekaterinodar at the turn of the 20th century]. *Materialy nauchnoy i nauchno-metodicheskoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma* [Proceedings of the conference of the Kuban State University Faculty of Physical Culture, Sports and Tourism]. Vol. 1. Krasnodar. pp. 130–131. (In Russian).
9. Tsukanova, O.M. & Karpova, G.G. (2017) Razvitiye fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kurskoy gubernii v dorevolutsionnoy period [The development of physical culture and sports movement in Kursk Province in the pre-revolutionary period]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i pravo*. 7:2 (23). pp. 147–157.
10. Smirnov, M.A. (2013) Sokol'skaya gimnastika kak fenomen razvitiya fizicheskoy kul'tury na territorii Rossiyskoy imperii v nachale XX veka [Sokol gymnastics as a phenomenon of the development of physical culture on the territory of the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. 4-3(80). pp. 178–182.
11. Levchenko, V.V. (2018) Novye shtriki k prosopograficheskomu portretu Odesskogo uchenogo-istorika A.G. Gotalova-Gotliba [New touches to the prosopographic portrait of the Odessa historian A.G. Gotalov-Gotlib]. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Bibliotekovedenie, bibliografovedenie, knigovedenie*. 23:1 (19). pp. 57–84.
12. Golovan', T.M. (2014) Novatorskaya pedagogicheskaya deyatelnost' A.G. Gotalova-Gotliba v Yalte v nachale XX veka [Innovative pedagogical activity of A.G. Gotalov-Gotlib in Yalta at the beginning of the twentieth century]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 44 (2). pp. 85–92.
13. Gotlib, A. (1909) Fizicheskoe vospitanie uchashchikhsya v Yaltinskoy Aleksandrovskoy gimnazii [Physical education of students in the Yalta Alexander Gymnasium]. *Russkaya shkola*. 2. pp. 132–158.
14. Kostyleva, E.V. (2020) Professional'naya podgotovka v Feodosiyskom uchitel'skom institute (1874–1918) [Vocational training at the Feodosia Teachers' Institute (1874–1918)]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14:1 (37). pp. 24–32.
15. Fedorov, P.M. (1914) *Pyatidesyatiletie Kerchenskoy Aleksandrovskoy gimnazii (1863–1913)*. *Istoricheskaya zapiska* [The fiftieth anniversary of the Kerch Alexander Gymnasium (1863–1913). Historical note]. Kerch: Tipografiya Kh.N. Lago.
16. Nikiforova, L.L. (2022) *Mir derzhitsya ustami uchenikov: istoriko-arkhivnyy sbornik* [The world is held by the lips of students: a historical and archival collection]. Simferopol: IT "Ariall".
17. Nikiforova, L. (2017) "Mälestused Krimmist" o Evpatoriyskoy muzhskoy gimnazii ["Mälestused Krimmist" about the Evpatoria male gymnasium]. *Rossiyskie vesti. Federal'nyy ezhenedel'nik. Istoricheskiy ocherk*. 1 (2192). [Online] Available from: <http://rosvesty.ru/2192/krymskie-estoncy/10546-istoricheskij-ocherk> (Accessed: 15.11.2022).
18. *Karaimskaya zhizn'*. (1911) Khronika. Vokrug imeni S.E. Duvan [Around the name of S.E. Duvan]. 5-6.
19. Novikova, E.V. (2004) Konstantinovskoe real'noe uchilishche v g. Sevastopole (Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Krymu) [Konstantin real school in Sevastopol (From the history of public education in Crimea)]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 52 (2). pp. 217–223.
20. Shelyagova, A.A. (2016) Simferopol'skaya chastnaya muzhskaya gimnaziya E.I. Svisheva: retrospektivnyy analiz [E.I. Svisheva: retrospective analysis]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 52-1. pp. 367–373.
21. Shelyagova, A.A. (2020) Karasubazarskaya zhenskaya gimnaziya: istoriko-pedagogicheskiy aspekt [Karasubazar Women's Gymnasium: Historical and Pedagogical Aspect]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 1 (40). pp. 18–25.
22. Borisov, V.P. (2002) *Sergey Arkad'evich Vekshinskiy*, 2nd ed. Moscow: MPK "Intelvak". (In Russian).
23. Verbitskiy, V.A. (2008) Razvitiye fizkul'tury i sporta v uchebnykh zavedeniyakh Yuga Ukrainy (nachalo XX st.) [Development of physical culture and sports in educational institutions of the South of Ukraine (early 20th century)]. In: *Istoricheskiy arkhiv. Nauchnye studii* [Historical archive. Scientific studies]. Vol. 2. Nikolaev: Izd. MDGU imeni Petra Mogily. pp. 116–122.
24. Balayan, B.S., Mut'ev, A.V. & Sapozhnikov, E.I. (2018) *Letopis' krymskogo futbola* [Chronicle of the Crimean football]. Simferopol: IT "Ariall".
25. Prikhod'ko, G. (2012) Deyatelnost' uchenicheskikh kruzhkov i tovarishchestv fizkul'turnoy napravlenosti v shkolakh Ukrainy v kontse XIX – v nachale XX st. [Activities of student circles and associations of physical education in schools of Ukraine in the late 19th – early 20th centuries]. *Problemy podgotovki sovremennogo uchitel'ya*. 5 (1). pp. 225–232.
26. Geyman, V.D. (1911) *Sputnik pryezhego. Spravochnik putevoditel' po Feodosii i okrestnostyam* [Visitor's companion. Reference guide to Feodosia and its environs]. Feodosiya: Tip. Natkovicha i Vinikovicha.

27. Mut'ev, A.V. (2019) Stanovlenie i razvitie gimnastiki v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Kryma s serediny XIX do nachala XX stoletiya [Formation and development of gymnastics in educational institutions of the Crimea from the middle of the 19th c. to the beginning of the 20th c.]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*. 7 (3). pp. 80–87.

Информация об авторе:

Мутъев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 26.12.2022;
approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 37
doi: 10.17223/15617793/487/18

Анализ реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края

Ольга Сергеевна Наумова^{1,3}, Елена Валериановна Дробная^{2,4}

¹ Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

² Институт развития образования Забайкальского края, Чита, Россия

³ olga.naumova.72.72@mail.ru

⁴ Drobnayelena@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа актуального состояния реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края на основе анализа условий преподавания предметных областей «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России», изучения мнения педагогов различных дисциплин и классных руководителей. В рамках исследования определены теоретико-методологические подходы, проблемы и достижения реализации духовно-нравственного воспитания на различных уровнях образования, определены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, образовательная практика, мониторинг, анкетирование, мнение педагогов

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке гранта 326-ГР «Духовно-нравственное воспитание личности в условиях информационно-цифрового общества», получившего поддержку в конкурсе научных грантов Забайкальского государственного университета в 2021 г.

Для цитирования: Наумова О.С., Дробная Е.В. Анализ реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 155–167. doi: 10.17223/15617793/487/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/18

Analysis of the implementation of spiritual and moral education in the educational practice of the Trans-Baikal Territory

Olga S. Naumova^{1,3}, Elena V. Drobnaya^{2,4}

¹ Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

² Institute for the Development of Education of the Trans-Baikal Territory, Chita, Russian Federation

³ olga.naumova.72.72@mail.ru

⁴ Drobnayelena@yandex.ru

Abstract. The problem of the research was the study of the theoretical foundations of spiritual and moral education of the younger generation and the analysis of the current state of the implementation of spiritual and moral education in the Trans-Baikal Territory. The research materials were the results of the monitoring of teaching conditions in the Trans-Baikal Territory's educational institutions in the subject areas Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics (ORCSE) and Basics of the Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia (ODNKNR), and a survey of teachers on the problems of spiritual and moral education of the individual. In the course of the research, the following methods were used: analysis of scientific literature on the problems of spiritual and moral education, monitoring and analysis of its results; study of teachers' opinions on the problems of the implementation of spiritual and moral education by means of a questionnaire. The authors of the study analyzed the works of modern scientists on the problem of spiritual and moral education in domestic and foreign pedagogy, revealed the essence and content of theoretical and methodological approaches to the implementation of spiritual and moral education: philosophical-anthropological, cultural, system-activity, competence-based. The authors analyzed the results of monitoring of the implementation of the conception of spiritual and moral education of a person and the development of a citizen of Russia and a survey of teachers of educational organizations of the Trans-Baikal Territory on the implementation of spiritual and moral education, which was attended by representatives of 240 schools in the region. The authors found a contradiction between the importance of the ORCSE and ODNKNR subject areas for achieving the goals of spiritual and moral education and the poor quality of their teaching, and an insufficient differentiation of the concepts "spiritual and moral education" and "moral education" by teachers. Teachers are aware of the importance of implementing spiritual and moral education in teaching all general education disciplines and in the practice of classroom management. The authors draw

conclusions about the need (1) to improve the organizational and managerial mechanisms for the implementation of courses, methods of teaching them, and educational and methodological support, including the search for effective forms, methods, means and technologies for the implementation of spiritual and moral education in an information and digital society (based on a system-activity approach); (2) to expand the teaching of courses on the basics of religious cultures and secular ethics and the foundations of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia from the first to the ninth grade on the basis of continuity; (3) to create conditions for the basic training of teachers of these courses at the bachelor's and master's levels in pedagogical universities.

Keywords: spiritual and moral education, educational practice, monitoring, questioning, teachers' opinion

Financial support: The article was prepared with the support of Grant 326-GR, Spiritual and Moral Education of the Individual in an Information and Digital Society, which won the competition of scientific grants of the Trans-Baikal State University in 2021.

For citation: Naumova, O.S. & Drobnaya, E.V. (2023) Analysis of the implementation of spiritual and moral education in the educational practice of the Trans-Baikal Territory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 155–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/18

Духовно-нравственное воспитание личности является приоритетной государственной задачей и стержневым направлением, в рамках которого должны рассматриваться вопросы развития ценностных представлений личности о самой себе, людях, Родине, истории и культуре своей страны. От эффективности решения этой задачи зависит уровень духовно-нравственной культуры российского социума как основы различных отношений, определяющих будущее Отечества. Эти задачи обозначены в государственных документах: указах Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) [1–3].

В современной отечественной педагогике уделяется большое внимание проблемам духовно-нравственного воспитания личности и подготовке будущего учителя к реализации данного направления воспитания в образовательной практике. За период конца XX – начала XXI в. защищено значительное количество диссертаций на соискание ученой степени доктора педагогических наук по данной проблематике: В.А. Беляевой (Теория и практика духовно-нравственного становления и развития личности учителя в светской и православной педагогической культуре, 1999 г.); Е.И. Артамоновой (Философско-педагогические основы развития духовной культуры учителя, 2000 г.); Т.А. Костюковой (Профессиональное самоопределение будущего педагога в традиционных российских ценностях, 2002 г.); А.В. Роговой (Идея воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: вторая половина XIX – первая половина XX в., 2004 г.); Е.В. Шестуна (Православные традиции духовно-нравственного становления личности: историко-теоретический аспект, 2006 г.); Т.В. Скларовой (Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях, 2008 г.); С.Ю. Дивногорцевой (Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России, 2012 г.);

В.В. Мороз (Аксиологические основы развития креативности студентов, 2015 г.); А.М. Гущиной (Аксиолого-педагогическая концепция и модель воспитания нравственности будущего учителя, 2019 г.) и др. Ключевыми направлениями проведенных исследований явилось обращение к накопленному культурно-историческому опыту в области духовно-нравственного воспитания личности и подготовке будущего педагога к реализации данного направления в образовательной практике, а также рассмотрение аксиологических аспектов данной проблематики. Следует отметить, что за последние пять лет защищено достаточно большое количество кандидатских диссертаций по проблемам духовно-нравственного воспитания, которые, в свою очередь, также требуют фундаментального анализа и обобщения. Перспективным направлением педагогических исследований является изучение особенностей духовно-нравственного воспитания личности в условиях информационно-цифрового общества.

Результаты проведенных исследований в области духовно-нравственного воспитания отражены в публикациях современных ученых. Раскрывается содержание ценностных основ жизни российского общества, актуализируются значение национального образовательного идеала как цели образования и его значение для будущего России, а также требования к современному педагогу как носителю и транслятору ценностей культуры [4]. Поднимается чрезвычайно важная проблема аксиологической неоднородности современного российского общества и ее отражение в содержании современного образования [5]. На наш взгляд, ее необходимо рассматривать также в контекстах мировоззренческих установок действующих и будущих педагогов, реализующих духовно-нравственное воспитание, с условием четкого разграничения понятий «духовность» и «нравственность», а также решения проблемы воспитания детей в семье. Базовые традиционные ценности с позиции различных типов мировоззрения и решения вопросов аксиологического воспитания школьников на уроках основ религиозных культур и светской этики и литературы в рамках интегративного подхода были рассмотрены ранее [6, 7].

Исследуются значение, место и консенсус светского и религиозного компонентов в современном школьном образовании, предлагаются механизмы их взаимодействия на основе диалога культур; подчеркивается «гуманитарный флюид высокой духовности, света, морали, красоты и блага», который может нести религия, выявляется значение культурологического подхода к решению задач духовно-нравственного воспитания [8]. В этой связи ученые обращаются к изучению проблемы личностной готовности будущего педагога к работе с ценностями православной культуры, решением которой, по их мнению, должно стать «личностное вхождение учителя в пространство православной культуры» на основе овладения теологическими, религиозно-философскими, культурологическими, антропологическими и психологическими знаниями [9]. Предлагаются различные подходы, формы, методы и средства подготовки будущих педагогов к реализации ценностей духовно-нравственной культуры в различных психолого-педагогических исследованиях, как в рамках изучения конкретных учебных дисциплин (например, «Педагогики») [10], так и специальных курсов [11]. Проблема подготовки будущих педагогов к духовно-нравственному воспитанию в процессе реализации магистерской программы рассмотрена в исследовании [12]. В зарубежной педагогике уделяется внимание подготовке педагогических кадров к решению задач нравственного развития личности [13, 14].

Необходимость воспитания подрастающих поколений, способных обеспечить устойчивое и успешное развитие нашей Родины с опорой на национальный идеал и базовые национальные ценности, акцентируется в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, являющейся его методологической основой (далее – Концепция) [15]. В Концепции рассмотрен генезис идеи национального воспитательного идеала, представлены его особенности на современном этапе; обозначены цель и задачи, раскрыты принципы, условия и особенности реализации духовно-нравственного развития и воспитания; дана характеристика базовым национальным ценностям, составляющим основу культуры многонационального народа России и воспитания. Другим документом, который позволяет школе на современном этапе выстраивать воспитательный процесс на основе системного подхода с учетом особенностей конкретной образовательной организации (далее – ОО) уровней начального, основного и среднего общего образования, является примерная программа воспитания [16].

Несмотря на меры, принимаемые со стороны государства в области решения задач духовно-нравственного воспитания (принятия стратегических документов, активной разработки этого направления воспитания учеными и педагогами), в современной образовательной практике этого направления существует значительное количество вопросов, требующих решения.

Реализация духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения происходит сегодня в

особых общественно-экономических и политических условиях, когда быстрое технологическое развитие, информатизация и цифровизация общества не только открывают новые возможности, но и обуславливают ряд проблем в современной образовательной практике: повреждение внутреннего, духовного мира формирующегося человека; манипулирование сознанием и экстремизм у подростков, интернет-зависимость, доступность негативной информации и ее разрушительное влияние на личность и др. В этой связи новым направлением является изучение влияния информационно-цифрового пространства на внутренний мир личности, определение возможностей применения информационно-коммуникационных технологий для решения задач духовно-нравственного воспитания [17, 18]. В тоже время следует констатировать отсутствие комплексного подхода к изучению состояния духовно-нравственного воспитания, в том числе широкого исследования мнения учителей общеобразовательных организаций по данной теме, что является проблемой настоящего исследования.

Целью предложенного исследования является анализ реализации духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в Забайкальском крае на современном этапе.

Для достижения данной цели были использованы следующие методы исследования:

- анализ научной литературы по проблемам духовно-нравственного воспитания;
- мониторинг реализации Концепции в ОО Забайкальского края и анализ его результатов;
- изучение мнения педагогов о проблемах реализации духовно-нравственного воспитания методом анкетирования.

Настоящее исследование строится на основе философско-антропологического, культурологического, системно-деятельностного и компетентностного подходов. В основе философско-антропологического подхода, основоположником которого является великий русский педагог К.Д. Ушинский, лежат представления о месте человека в мире, идеи о его сущности и назначении, смысле жизни, приоритетном значении духовных и нравственных ценностей. Философско-антропологический подход строится на основе синтеза различных наук о человеке, позволяет комплексно рассматривать проблемы воспитания человека. Широкое признание и дальнейшую разработку эти идеи получили в зарубежной педагогике в работах М. Шелера и др. В современной отечественной педагогике к идеям философско-антропологического подхода обращаются Т.И. Петракова [19], В.С. Шубинский и др. Идеи культурологического подхода в отечественной педагогике связаны с работами ученых XIX в. (Н.А. Бердяев, К.Д. Ушинский и др.). В рамках этого подхода были заложены фундаментальные основы духовно-нравственного воспитания, ядром которых являются ценности и традиции национальной культуры. В современной педагогике широко используются идеи культурологического подхода, позволя-

ющие рассматривать проблемы духовно-нравственного воспитания в культурологическом аспекте [20]. Системно-деятельностный подход позволяет рассмотреть организацию процесса духовно-нравственного воспитания с позиции взаимосвязи его отдельных компонентов: целевого, содержательного, организационно-деятельностного и аналитико-результативного. Изучению системного подхода посвящены труды В.А. Караковского, Л.И. Новиковой и др. Деятельностный подход разрабатывали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.И. Слободчиков и др. Реализация системно-деятельностного подхода в условиях цифровизации образования приобретает новый характер, предполагающий включение цифрового пространства в качестве образовательной среды, взаимодействие субъектов образовательного процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий. Учет этих особенностей позволяет подойти к решению проблемы духовно-нравственного воспитания личности с новых позиций. Использование компетентностного подхода (разработчики – В.А. Болотов, В.А. Сластёнин и др.) дает возможность оценить готовность педагогов к реализации духовно-нравственного воспитания в современной образовательной практике.

Важным ресурсом для решения задач духовно-нравственного воспитания в России являются традиционные ценности и нормы, которые сохраняются и транслируются носителями ее многонационального народа (христианские, прежде всего, в форме русского православия, исламские, иудаистские, буддист-

ские). Обеспечить духовно-нравственное и социокультурное развитие обучающихся, способствовать становлению их гражданской идентичности призваны новые федеральные государственные образовательные стандарты начального общего и основного общего образования (далее – ФГОС НОО и ФГОС ООО), разработанные с учетом особенностей национальной культуры народов России [21, 22]. ФГОС включают обязательные для изучения школьниками комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ) и предметную область «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (далее – ОДНКНР).

Анализ предметных результатов ОРКСЭ и ОДНКНР, на наш взгляд, позволяет утверждать, что они по своему содержанию во многом сближаются с личностными результатами обучения. Примеры коррелирующих личностных результатов обучения (согласно обновленных ФГОС НОО и ФГОС ООО) и предметных результатов ОРКСЭ и ОДНКНР представлены в табл. 1.

В Забайкальском крае реализация ОРКСЭ в 4-х классах ОО началась с 2012 г. [23], а с 1 сентября 2015 г. в соответствии с введенным ФГОС реализуется обязательная предметная область ОДНКНР для обучающихся основного общего образования. Изучение мнения забайкальских педагогов о состоянии практики и условий преподавания в Забайкальском крае ОРКСЭ и ОДНКНР как факторов, способствующих духовно-нравственному воспитанию школьников на уровне начального и основного общего образования, является важным для настоящего исследования.

Таблица 1

Сравнение личностных результатов обучения на уровнях начального общего и основного общего образования с предметными результатами обучения ОРКСЭ и ОДНКНР

Личностные результаты обучения (п. 41 ФГОС НОО, п. 42 ФГОС ООО)	Предметные результаты обучения ОРКСЭ/ОДНКНР
Уровень начального общего образования (ОРКСЭ, п. 43.6)	
Первоначальные представления о человеке как члене общества, о правах и ответственности, уважении и достоинстве, о нравственно-этических нормах поведения и правилах межличностных отношений	Формирование умений анализировать и давать нравственную оценку поступкам, отвечать за них, проявлять готовность к сознательному самоограничению в поведении
Уважение к своему и другим народам	Овладение навыками общения с людьми разного вероисповедания. Осознание, что оскорбление представителей другой веры есть нарушение нравственных норм поведения
Признание индивидуальности каждого человека	Понимание ценности человеческой жизни, человеческого достоинства, честного труда людей на благо человека, общества
Проявление сопереживания, уважения и доброжелательности; Неприятие любых форм поведения, направленных на причинение физического и морального вреда другим людям	Открытость к сотрудничеству, готовность оказывать помощь; осуждение любых случаев унижения человеческого достоинства в обществе
Уровень основного общего образования (ОДНКНР, п. 45.8. ФГОС ООО)	
Представление об основных правах, свободах и обязанностях гражданина, социальных нормах и правилах межличностных отношений в поликультурном и многоконфессиональном обществе	Формирование уважительного отношения к национальным и этническим ценностям, религиозным чувствам народов Российской Федерации

Личностные результаты обучения (п. 41 ФГОС НОО, п. 42 ФГОС ООО)	Предметные результаты обучения ОРКСЭ/ОДНКНР
Осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России	Формирование представлений об образцах и примерах традиционного духовного наследия народов Российской Федерации. Поддержка интереса к традициям собственного народа и народов, проживающих в Российской Федерации. Понимание вклада представителей различных народов России в формирования ее цивилизационного наследия. Осознание ценности межнационального и межрелигиозного согласия
Ценностное отношение к достижениям своей Родины – России, к науке, искусству, спорту, технологиям, боевым подвигам и трудовым достижениям народа. Уважение к символам России, государственным праздникам, историческому и природному наследию и памятникам, традициям разных народов, проживающих в родной стране. Восприимчивость к разным видам искусства, традициям и творчеству своего и других народов, понимание эмоционального воздействия искусства; осознание важности художественной культуры как средства коммуникации и самовыражения. Понимание ценности отечественного и мирового искусства, роли этнических культурных традиций и народного творчества	Понимание ценности многообразия культурных укладов народов, Российской Федерации

Достижение результатов обучения, закрепленных в образовательных стандартах, требует наличия в образовательной организации целого комплекса мер и ресурсов, на выявление которых был направлен мониторинг реализации Концепции в рамках комплексного учебного курса ОРКСЭ и предметной области ОДНКНР, проведенный ГУ ДПО «Институт развития образования Забайкальского края» (далее – ИРО) в сентябре 2021 г. В мониторинге приняли участие 198 образовательных организаций из 31 района Забайкалья, что составляет 34% от ОО края. Причинами невысокого охвата мониторингом образовательных организаций края могут быть как объективные – проведение в начале учебного года, так и субъективные – недостаточно внимательное отношение к его заполнению – факторы.

Анализ результатов мониторинга, включавшего 12 вопросов по нескольким направлениям, показал, что планы работы по реализации Концепции подготовлены в 75% образовательных организаций края, рабочие группы (ответственные) по реализации Концепции имеются только в 58%, положение ОО о мероприятиях среди учителей и учащихся, направленных на реализацию Концепции, создано в 54% образовательных организаций края. Последние значения свидетельствуют о том, что почти в половине ОО недооценивают важность духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания школьников и не обеспечивают системность и целенаправленность этой деятельности на уровне плана работы образовательной организации.

Реализации Концепции в ОО может способствовать преподавание ОРКСЭ и ОДНКНР, выстроенное в соответствии с требованиями. Анализ результатов мониторинга подтверждает, что в большинстве образовательных организаций края уделяют внимание участию родителей в выборе модуля ОРКСЭ (проведение родительских собраний по выбору модуля включены в план работы 86%). Вместе с тем мониторинг выявил, что ОРКСЭ как отдельный предмет не преподается в трех образовательных организациях (1,5%), а ОДНКНР – в 35 (19%). Отсутствие преподавания ОДНКНР в данном случае может быть связано с необязательностью ее преподавания именно в 5-м классе или по причине интегрирования курса в другие предметы.

Население Забайкалья включает более ста национальностей, основными из которых являются русские, буряты и эвенки, поэтому многонациональность и поликонфессиональность региона не может не сказаться на выборе родителями модуля ОРКСЭ для изучения младшими школьниками. В силу социокультурных причин наиболее востребованными участниками образовательных отношений в Забайкальском крае являются модули «Основы светской этики», «Основы православной культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы мировых религиозных культур». Согласно данным мониторинга, в 2019/20, 2020/21 учебных годах родителями обучающихся начальной школы был сделан следующий выбор модулей ОРКСЭ (табл. 2):

Таблица 2

Выбор модулей ОРКСЭ родителями обучающихся начальной школы в 2019/20, 2020/21 учебных годах

Модуль ОРКСЭ	Процент выбора в 2019/20 учебном году	Процент выбора в 2020/21 учебном году
Основы светской этики	59,82	43,0
Основы православной культуры	18,67	22,4
Основы буддийской культуры	4,55	4,95
Основы мировых религиозных культур	16,96	29,65

Таким образом, следует отметить, что в крае в течение 2019/20 и 2020/21 учебных годов наиболее востребованным у родителей обучающихся оставался модуль «Основы светской этики» (59,82% и 43,0% соответственно). При этом в 2020/21 учебном году наблюдалось повышение интереса к модулям «Основы мировых религиозных культур» (на 12,69%), «Основы православной культуры» (на 3,73%), «Основы буддийской культуры» (на 0,4%).

Данные о преподавании в средней школе тех или иных учебных курсов предметной области ОДНКНР

претерпевают существенное изменение. Поскольку результаты мониторинга отражают ситуацию преподавания предметной области ОДНКНР в образовательных организациях Забайкальского края в 2020/21 учебном году, корректным будет сравнение динамики выбора учебных курсов ОДНКНР с данными о преподавании модулей ОРКСЭ за 2019/20 г., так как в этом случае речь будет идти о соблюдении принципа преемственности при переходе одних и тех же обучающихся из начальной школы в основную (табл. 3):

Таблица 3

Обеспечение преемственности в преподавании ОРКСЭ и ОДНКНР в ОО Забайкальского края в 2019/20, 2020/21 учебных годах

Учебный курс	Процент выбора учебных модулей / учебных курсов	
	Начальное общее образование, ОРКСЭ, 2019/20 учебных год	Основное общее образование, ОДНКНР, 2020/21 учебный год
Основы светской этики	59,82	33
Основы православной культуры	18,67	17
Основы буддийской культуры	4,55	0,5
Основы мировых религиозных культур	16,96	33

Таким образом, самыми популярными для реализации направлениями ОДНКНР, наряду с Основами светской этики (33% ОО края), становятся Основы мировых религиозных культур, преподавание которых увеличивается в образовательных организациях с 16,96% (ОРКСЭ) до 33%, причем увеличение количества школ, преподающих Основы мировых религиозных культур, происходит за счет отказа от преподавания Основ светской этики и Основ православной культуры – преподавание последних в рамках ОДНКНР ведется в 17% образовательных организаций края. Снижение наблюдается и в реализации Основ буддийской культуры, преподавание которых в рамках ОДНКНР сохраняется в одной школе края (согласно данным мониторинга).

Причинами изменения направлений изучения ОРКСЭ при переходе в среднюю школу могут быть отсутствие квалифицированных (прошедших специальную подготовку) кадров, наличие в образовательных организациях учебников только по конкретному учебному курсу ОДНКНР, что в целом приводит к нарушению преемственности в преподавании данных предметных областей.

Ведение педагогами предметных областей ОРКСЭ и ОДНКНР предполагает ряд значительных изменений в их профессиональной деятельности: постановку принципиально новых задач педагогической деятельности, построение нетрадиционной системы взаимодействия педагога и обучающихся, образовательной организации и семей обучающихся, освоение педагогом нового предметного содержания; освоение и применение на практике новых методических подходов, установление и реализацию взаимодействия с централизованными религиозными организациями и многое другое.

Кадровый потенциал преподавателей ОРКСЭ в Забайкальском крае предсказуемо представлен в боль-

шинстве своем учителями начальной школы (69%), поскольку они получают специальные знания в процессе базового обучения в вузе (например, курс «Методика реализации предметной области ОДНКНР» в ФГБОУ ВО ЗабГУ), дающего право на преподавание дисциплин не только в начальной, но и в основной школе. Преподавателями ОДНКНР в среднем звене являются, прежде всего, учителя истории и обществознания (абсолютное большинство, 36%) и учителя русского языка и литературы (15%), а также учителя начальной школы (11%) и педагоги практически всех школьных дисциплин, ЗДУВР, педагоги-психологи и педагоги-библиотекари. Следствием этого становится отсутствие преемственности в преподавании модулей ОРКСЭ, востребованных в начальной школе: если учителя начальной школы изучают методику преподавания и содержание модулей предметной области ОРКСЭ при обучении в вузе и при прохождении обязательных курсов повышения квалификации, то учителя истории и обществознания в реализации ОДНКНР ориентируются, прежде всего, на вузовские курсы философии и истории религий (религиоведческий курс, опирающийся на принципы научного атеизма и рассматривающий религию в первую очередь как социальное явление), что подтверждает выявленное мониторингом увеличение преподавания направлений «Основы светской этики», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Согласно анализу данных мониторинга, кадровый состав учителей ОРКСЭ и ОДНКНР в ОО края представлен педагогами высшей (14%) и первой категорий (25%), которые соответствуют занимаемой должности (62%). Эти значения свидетельствуют о нежелании (или затруднениях) педагогов подтвердить квалификацию, что может быть следствием как неуверенности в

себе, так понимания своей недостаточной компетентности в преподавании предмета. Повышать свои профессиональные компетенции забайкальские учителя, преподающие ОРКСЭ и ОДНКНР в образовательных организациях края, предпочитают на базе ИРО (78%), ГАУ ДПО «Агинский институт повышения квалификации работников социальной сферы Забайкальского края» (11%), ФГБОУ ВО ЗабГУ (9%), ФГАОУ ДПО «Академия реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации» (8%).

Преподавание ОРКСЭ и ОДНКНР в образовательных организациях Забайкальского края на момент проведения мониторингового исследования (сентябрь 2021 г.) осуществлялось с использованием следующих цифровых платформ: РЭШ (33%), региональная система АИС «Сетевой город. Образование» (59 %); 4% образовательных организаций края на начало 2021 г. стали пользоваться платформой «Сферум». Кроме того, при подготовке уроков и для коммуникации с обучающимися учителя ОРКСЭ и ОДНКНР указали следующие электронными ресурсы: российская онлайн-платформа Учи.ру (5%), платформа электронного образования ЯКласс (0,5%), а также различные ресурсы сети Интернет. В последнем случае проблема состоит том, что использование непроверенных или нерекондованных материалов при преподавании предметов духовно-нравственного содержания, какими являются ОРКСЭ и ОДНКНР, может привести к формированию искаженных представлений о ценностях и нанести вред духовному здоровью и безопасности обучающихся.

Таким образом, анализ результатов мониторингового исследования по реализации Концепции в рамках ОРКСЭ и ОДНКНР, проведенного ИРО, позволяет констатировать наличие противоречия между значением ОРКСЭ и ОДНКНР для духовной безопасности общества и государства, российской системы образования, воспитательной ролью этих предметов и недостаточно высоким качеством их преподавания, а также определить факторы, препятствующие повышению эффективности преподавания ОРКСЭ и ОДНКНР в образовательных организациях Забайкалья. Исследование выявило необходимость решения ряда задач, направленных на создание условий для достижения обучающимися максимальных результатов образования по данным предметам, а именно: совершенствование организационно-управленческих механизмов реализации ОРКСЭ, ОДНКНР и Концепции в ОО Забайкальского края; последовательное обновление учебно-методического обеспечения реализации курса и обогащение методики его преподавания; повышение профессионального мастерства педагогов, преподающих ОРКСЭ и ОДНКНР в образовательных организациях края, своевременное подтверждение и повышение квалификационных категорий учителями, преподающими предметы, ориентированные на духовно-нравственное воспитание обучающихся (в том числе ОРКСЭ и ОДНКНР); совершенствование мониторинговых процедур, сопровождающих преподавание курса и др.

Духовно-нравственное воспитание не может быть ограничено отдельными предметными областями школьной программы, какими являются ОРКСЭ и ОДНКНР, а должно реализовываться в рамках интегративного подхода к преподаванию различных предметов школьного курса и системно-деятельностного подхода к организации образовательного процесса в школе (воспитания и обучения), что отражено в Концепции и примерной программе воспитания [15, 16]. Базовые положения указанных документов раскрывают цели и задачи духовно-нравственного воспитания, содержание, принципы и условия его реализации. Они были взяты нами за основу при составлении вопросов анкеты для выявления мнения учителей о реализации духовно-нравственного воспитания в Забайкальском крае.

Вопросы 1–4 анкеты связаны с особенностями педагогической деятельности респондентов (место работы, стаж, преподаваемая дисциплина, осуществление классного руководства). В исследовании приняли участие 55 респондентов – учителя городских и сельских школ из 10 районов Забайкальского края. Стаж работы респондентов в школе составил от 2 месяцев до 35 лет. Из них 15 являются начинающими педагогами (стаж работы до 3 лет); 16 респондентов имеют стаж работы 15 и более лет; 32 респондента являются классными руководителями. Дисциплины, которые преподают респонденты: предметы начальной школы, ОРКСЭ, русский язык и литература, история и обществознание, английский язык, информатика, изобразительное искусство, музыка.

На вопрос № 5 «Что Вы понимаете под духовно-нравственным воспитанием?» большинство опрошенных педагогов (65%) ответили, что сущность понятия «духовно-нравственное воспитание» связана с идеей формирования гармоничной личности и развитием ее ценностно-смысловой сферы; 5% респондентов относят к духовно-нравственному воспитанию развитие общечеловеческих, национальных, духовных и нравственных ценностей; 30% – воспитание нравственных чувств (совесть, вера, долг, ответственность, любовь к Родине, уважение и бережное отношение к культуре и истории своей страны, ее традициям, уважение всех религий и всех народов, любви к семье, уважения и почитания старших), воспитание нравственной позиции (готовность преодоления нравственных испытаний), воспитание нравственного облика (терпение, милосердие, кротость), нравственных качеств (патриотизм, гражданственность, милосердие, справедливость, доверие, толерантность, стремление к знаниям, ценность семьи и труда), нравственного поведения (готовность служению людям и Отечеству) и др. Кроме того, под духовно-нравственным воспитанием респонденты понимают формирование нравственно-моральных принципов, культурной основы, национального самосознания, поликультурного мышления, способности сознательного выстраивания личности отношения к себе, обществу, государству и миру в целом на основе общепринятых норм и нравственных идеалов.

Анализ ответов на вопрос № 6 «Отличаются ли, на Ваш взгляд, понятия “духовно-нравственное воспитание” и “нравственное воспитание”? Поясните, пожалуйста, Ваш ответ» позволяет разделить респондентов на группы на основе понимания сущности духовно-нравственного воспитания. Первая (большая) часть (75%) считает духовно-нравственное воспитание синонимом нравственного воспитания и относит к нему, прежде всего, воспитание таких нравственных качеств, как совесть, вера, долг, ответственность, патриотизм (любовь к Родине), уважение и бережное отношение к культуре и истории своей страны и ее традициям; любовь к семье; уважение и почитание старших и др. Нравственную позицию личности некоторые из них определяют как готовность преодоления нравственных испытаний. В основе нравственного облика человека, по мнению респондентов этой группы, должны быть такие личностные качества, как терпение, милосердие, кротость, справедливость, доверие, толерантность, стремление к знаниям, гражданственность и др., а в основе нравственного поведения – готовность служить людям и Отечеству. Респонденты считают, что для этого необходимо реализовывать воспитание личности на основе нравственно-моральных принципов, культуры, национальном самосознании и поликультурном мышлении, формировать способность человека «сознательно выстраивать отношение к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом на основе общепринятых моральных норм и нравственных идеалов». В ответах на вопрос № 6 также прозвучала идея духовно-нравственного воспитания личности, «которая ценит и уважает все религии и народы, не только родных и близких, но и совершенно чужих людей...».

Во вторую (меньшую) группу (25%) могут быть объединены ответы, в которых респонденты связывают духовно-нравственное воспитание с идеями развития общечеловеческих, национальных, духовных и нравственных ценностей; с передачей знаний, «которые формируют духовность и нравственное начало на основе традиций и ценностей жизни»; с процессом, направленным на «воспитание православных ценностей и правил поведения в обществе», разграничивая при этом понятия «духовное» и «нравственное» воспитание.

Тот факт, что многие педагоги не разделяют понятия «духовно-нравственное» и «нравственное» воспитание, используют их как синонимы, подтверждает общение с учителями забайкальских школ в ходе круглых столов, секций научно-практических конференций. Подобное смешение может быть проявлением «аксиологической неоднородности» как следствия инерции советской традиции в отечественной педагогике, в которой понятие «духовность» не рассматривалось, а нравственное воспитание связывалось с воспитанием у школьников отношения к самому себе, к людям, к окружающему миру, к Родине.

Следует отметить, что 52% ответивших на вопрос № 6 не смогли раскрыть содержание понятия «духовность». Различие понятий «духовность» и «нравственность» констатировали 48% респондентов, которые связали духовно-нравственное воспитание с

религиозным воспитанием, показали их иерархичность, в которой духовность определяет нравственность: «Духовность – это глубже, чем нравственность», «В духовно-нравственном воспитании происходит воспитание не только нравственных начал, но и духовного начала, духа», «Нравственное воспитание формирует черты характера, поведение, а духовно-нравственное воспитание – это система социального воспитания, формирование духовного мира», «Понятие “духовный” имеет большее отношение к ценностным и мировоззренческим установкам, а нравственность больше определяется поведением человека», «Духовно-нравственное воспитание чаще всего связывается с религиозным воспитанием, а нравственное – с проблематикой общечеловеческих ценностей», «Нравственное воспитание – это воспитание гуманного отношения к миру, духовно-нравственное воспитание предполагает изменение личности через православные ценности: семейные, национальные, общечеловеческие. В основе здесь – отношение к Богу как к Творцу жизни».

На вопрос № 7 «Решаете ли Вы задачи духовно-нравственного воспитания на своих уроках? Каким образом?» утвердительно ответили, прежде всего, учителя русского языка и литературы, которые подчеркнули, что задачи духовно-нравственного воспитания им помогает решать анализ произведений русской классики, в которых затрагиваются нравственные темы, выполнение творческих работы на нравственные темы. В ответах респондентов звучат идеи: «Практически каждый урок литературы, изобразительного искусства, музыки, русского языка несет в себе воспитательные цели. Именно литература воспитывает человека в духовном, нравственном, моральном плане», «Обучая, воспитываю. Учю правильному поведению, отношению друг к другу. Подбираю воспитывающие тексты. Ориентирую на помощь друг другу, учу работать в команде», «Безусловно, на каждом уроке. Соприкасаясь с сокровищницей русской, мировой литературы. На уроках русского языка... дети учатся любить, ценить Родину, культуру через понимание текста», «Да, пытаюсь. Анализ литературных текстов помогает решить задачу духовно-нравственного воспитания. Также на уроках развития речи при анализе текстов рассматриваются нравственные темы».

При ответе на вопрос № 8 «Насколько это эффективно? Почему?» мнения учителей русского языка и литературы разделились. Одни респонденты считают свою деятельность эффективной, поскольку «литература учит детей аналитическому прочтению текстов, способствует развитию всех УУД (универсальных учебных действий)». Другие определяют эффективность решения задач духовно-нравственного воспитания в учебном процессе уровнем компетентности педагога: «В нашем современном мире вводится много нововведений на уроках русского языка и литературы по духовно-нравственному воспитанию. Чтобы все было интересно и познавательно, учитель должен знать все азы воспитания в целом и вызывать нравственность в сердцах детей». Третьи отмечают недостаточную эффективность, отмечая решающую роль семьи в духовно-нравственном воспитании школьников:

«Эффективно не всегда, поскольку очень много детей мыслят так, как и их родители. Я считаю, что в семье при воспитании ребенка очень малую роль отводят духовно-нравственному воспитанию», «Нравственные основы все-таки дает семья. В школе учитель дополняет, корректирует».

Учителя музыки и изобразительного искусства подчеркнули воспитательные возможности своих предметов по воспитанию нравственных качеств (толерантности, доброты, внимательности, художественного вкуса и т.п.) средствами музыкальных технологий, «через чувственный мир, связь музыки с жизнью», через знакомство школьников с традициями, обычаями русского народа – «Прививаю любовь к музыке, искусству, знакоблю детей с традициями, обычаями русского народа, с русскими народными песнями», через «формирование художественной культуры детей как неотъемлемой части культуры духовной, формирование нравственно-эстетической отзывчивости на прекрасное и безобразное в жизни и в искусстве – зоркости души ребенка». Высказываясь об эффективности своей деятельности, учителя музыки и изобразительного искусства также подчеркнули роль обстановки в семье и отметили значение профессионализма педагога, выражающегося в выборе методик обучения, подборе обучающего материала. Критерием успешности работы учителя музыки и изобразительного искусства назвали раскрепощенность, уравновешенность и спокойствие детей на уроках – «Музыка обладает силой изменять и улучшать, воспитывать ребенка через эмоциональный отклик на любые музыкальные произведения», а также прочность усвоения материала – «Дети знают шедевры русской культуры, проявляют интерес к ее изучению. Когда группы бывают на экскурсиях в Москве и Санкт-Петербурге, то экскурсоводы отмечают и знания школьников, уровень поведения в музее, и то, с каким интересом дети слушают экскурсовода».

Учителя начальных классов отметили эффективность преподаваемых ими дисциплин для решения задач духовно-нравственного воспитания личности: «Данные задачи решаются практически на каждом уроке. Это тема семьи, поведения, религии, любви к животным, растениям, родине и т.д.», «Да, я решаю задачи духовно-нравственного воспитания через уроки, проведенные мною. Внедряю в уроки литературного чтения произведения, в которых прослеживаются события, где рассматриваются обычаи, традиции, взаимоотношения друг с другом и т.д.», «Развиваю через уроки технологии, окружающего мира, математики. Воспитываю патриотизм, эстетический вкус, трудолюбие, творческое отношение к труду, жизни, природе, окружающей среде». Учителя начальных классов уверены, что реализация духовно-нравственного воспитания на уроках в начальной школе создает «первооснову культурной личности, что способствует саморазвитию, адаптации к сложной окружающей действительности с социальными проблемами», а также полагают, что «дети младшего школьного возраста, как губка, впитывают все и реагируют на все положительно». Педагоги также уделяют внимание использованию технических средств

обучения для наглядного представления изучаемого материала.

Учителя истории и обществознания в своих ответах подчеркнули особую роль своих уроков в воспитании патриотизма и гражданственности: «Каждый урок, особенно урок обществознания, включает в себя воспитательный элемент, ситуационные задачи, проблемные вопросы, рассуждения над мыслями знаменитых людей и т.д.». Степень эффективности деятельности, по мнению одного из учителей истории, «варьируется в зависимости от разных составляющих: уровня эмпатии педагогов и обучающихся, актуальности поднятой проблемы и т.д.».

На уроках иностранных языков задачи духовно-нравственного воспитания решаются в процессе знакомства с культурой, обычаями, традициями зарубежных государств при изучении тем, связанных с культурой, историей, семьей, этикетом, природой, здоровым образом жизни. Свою деятельность в области духовно-нравственного воспитания учителя иностранных языков считают достаточно эффективной, поскольку обучающиеся в процессе изучения материала «представляют себя на месте другого человека, учатся сопереживать кому-то».

Учитель информатики при ответе на вопрос № 8 анкеты отметил, что его задача «на уроках информатики не только научить применению информационных технологий, но и приобщить к духовным ценностям, создать условия приобретения личных смыслов». По поводу эффективности решения задач духовно-нравственного воспитания на уроках информатики была выражена такая позиция: «устанавливаются широкие человеческие контакты, знакомство с родной культурой...».

Таким образом, следует отметить, что большинство педагогов-предметников понимают возможности своего предмета для решения задач духовно-нравственного воспитания личности и стремятся к их реализации. К сожалению, встречались ответы, в которых указано, что задачи духовно-нравственного воспитания педагогами решаются только на классных часах.

При ответе на вопрос № 9 «Как Вы решаете задачи духовно-нравственного воспитания личности с позиции классного руководителя?» респонденты, являющиеся классными руководителями, рассказали о различных методах и формах, используемых в процессе воспитания: беседы, классные часы, общение с родителями, различные внеклассные мероприятия, волонтерские проекты, организация встреч с интересными людьми, знакомство с достопримечательностями района, округа, края, с произведениями местных авторов и др.

При ответе на вопрос № 10 «Насколько эффективен такой подход? Почему?» классные руководители назвали критерии эффективности применения различных форм и методов в деятельности по духовно-нравственному воспитанию: «раскрепощенную обстановку», атмосферу взаимопонимания и взаимопомощи, искренности, доверия друг другу, проявление способности к сочувствию и оказание помощи людям, сплочение коллектива. В то же время они указывают

на такую проблему в реализации духовно-нравственного воспитания, как отсутствие поддержки семьи.

На вопрос № 11 «Какие проблемы духовно-нравственного воспитания личности в современной школе Вы можете назвать?» среди проблем при организации духовно-нравственного воспитания в современной школе респонденты из районов края перечислили такие факторы, как недоступность учреждений культуры, отсутствие специализированных спортивных клубов, разрушение семьи: «У детей мало возможностей общаться с родителями, бабушками, дедушками. В районе нет музеев, театра, концертного зала, выставочных залов»; «Современные дети не получают должного воспитания в семье по разным причинам, в семье детям не уделяется должного внимания, детей воспитывает Интернет. Огромную роль играет социум со своими ценностями». В ответах поднимается проблема бездуховности (отсутствие четких положительных жизненных ориентиров, обесценивание нравственных ценностей, ориентированность на материальное благополучие, подражание обычаям и традициям других стран, реклама алкоголя и табачной продукции, пропаганда в СМИ жестокости и насилия), а также подчеркнута кадровая проблема: «Иногда отсутствует духовность самих педагогов»; «Молодые педагоги, приходящие в школу, не умеют и не желают заниматься внеурочной деятельностью с учащимися. В большинстве своем – это “урокодатели”. Духовно-нравственное воспитание поддерживают педагоги среднего и старшего возраста».

На вопрос № 12 «Какие, на Ваш взгляд, необходимы условия для решения этих проблем?» респонденты ответили, что для решения задач духовно-нравственного воспитания в современной школе необходимо выделять больше часов на изучение гуманитарных наук и предметов эстетического направления, вызывать детей на «живой» диалог, уделять больше времени внеклассной работе и взаимодействию с семьей, проводя круглые столы на тему общения, семьи и традиций. Важным фактором для решения задач духовно-нравственного воспитания является смена приоритетов: «учащиеся нацелены на сдачу ОГЭ, ЕГЭ, поэтому много времени уделяется на механическую подготовку к экзаменам», нужно «возрождать традиции; больше времени родителям проводить с детьми, вести беседы, не заменять себя гаджетами». Особое внимание учителя вновь уделили необходимости обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров.

На вопрос № 13 «Какое значение имеют, на Ваш взгляд, традиции в духовно-нравственном воспитании?» респонденты акцентировали роль традиций в духовно-нравственном воспитании, указав, что они «залог передачи опыта человечества». Опрашиваемые учителя назвали традиции основой жизни: «Это наша связь с национальной культурой, теряя традиции, мы теряем связь с культурой своей страны»; «Традиции организуют связь поколений, на них держится духовно-нравственная жизнь города и в них заложены общие идеи, ценности общества»; «Духовно-нравственное воспитание детей посредством традиций – важная составляющая их социализации и подготовки к самостоятельной жизни. Творческой созидательной деятельности».

Отвечая на вопрос № 14 «Какие традиции Вы могли бы назвать, которые играют важную роль в духовно-нравственном воспитании детей?», респонденты указали национальные, православные и семейные традиции, а также традиции школы, праздники своего края и страны.

При ответе на вопрос № 15 «Какие проблемы современного общества негативно сказываются на решении задач духовно-нравственного воспитания?» респонденты перечислили большое количество факторов – это и «размытость и искаженность духовно-нравственных ориентиров», и недостаточная заинтересованность общества в духовно-нравственном воспитании детей, и отсутствие интереса к культуре своего народа, семьи, и создание фальшивых ценностей, и экономическая нестабильность, негативно влияющая на обстановку в семье, и атомизация общества. Была поднята проблема компьютерной зависимости: «В современном обществе, особенно среди детей и молодежи, зависимость от компьютеров и телефонов. А также от игр и социальных сетей»; «Компьютеризация. Дети имеют игровую зависимость, не читают книги, не играют с друзьями на улице».

При ответе на вопрос № 16 «Какие новые возможности, на Ваш взгляд, появились для решения задач духовно-нравственного воспитания в настоящее время в Российской системе образования?» респонденты отметили «возрождение патриотического воспитания, воспитания гражданственности, здорового образа жизни через дисциплину ОДНКНР (желательно ввести эту дисциплину по 11 класс включительно)», появление новых педагогических технологий (например, технология схематизации в исследовательской педагогике Н.В. Громыко), внедрение ИКТ-технологий, широкое сетевое взаимодействие, а также обращение в обучении и воспитании к региональному компоненту, к проектной и исследовательской деятельности, изучение родного языка и родной литературы, возрождение патриотического движения и волонтерства и т.п. Наряду с отмеченными положительными факторами было выражено иное мнение: «Никаких. Это зависит только от воспитания в семье и окружающих!». Важно отметить, что 50% респондентов уклонились от ответа на этот вопрос.

На основании анализа проведенного анкетирования педагогов забайкальских школ можно сделать вывод, что большинство учителей занимают равнодушную позицию по отношению к духовно-нравственным проблемам современного общества и необходимости их решения в образовательной практике, понимают возможности преподаваемых дисциплин для их решения и значение реализации внеурочной деятельности. Использование новых информационно-цифровых технологий респонденты осознают, с одной стороны, как возможность для реализации духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, а с другой – как фактор негативного влияния на внутренний мир детей. Перед учеными и педагогами-практиками встает необходимость предотвратить разрушительное воздействие информационно-цифрового мира и использовать новейшие достижения в области развития

технологий для решения образовательных задач. К сожалению, современные учителя, воспитанные в советских традициях, а также родители школьников часто недооценивают значение в духовно-нравственном воспитании личности православной культуры.

Анализ практической реализации духовно-нравственного воспитания в Забайкальском крае, проведенный на основе мониторинга реализации Концепции и анкетирования педагогов забайкальских школ, показал:

1. Ведущими методологическими подходами к реализации духовно-нравственного воспитания являются философско-антропологический, культурологический, системно-деятельностный и компетентностный. Философско-антропологический подход определяет духовную направленность целостного образовательного процесса и духовно-нравственного воспитания как его компонента. Культурологический подход позволяет раскрыть ценностное содержание образовательного процесса и духовно-нравственного воспитания на основе традиций отечественной культуры. Системно-деятельностный подход позволяет рассмотреть все компоненты (целевой, содержательный, организационно-деятельностный, аналитико-результативный) как образовательного процесса в целом, так и духовно-нравственного воспитания – его неотъемлемой части – в единстве, взаимосвязи и целостности. На основе компетентностного подхода можно сформулировать требования к определению уровня готовности педагога к реализации духовно-нравственного воспитания.

2. Анализ результатов мониторинга реализации Концепции духовно-нравственного воспитания и развития гражданина России в рамках ОРКСЭ и ОДНКНР, проведенного ИРО Забайкальского края в сентябре 2021 г., позволяет констатировать наличие противоречия между значением ОРКСЭ и ОДНКНР для реализации духовно-нравственного воспитания и недостаточно высоким качеством их преподавания, которое определяют, в частности, недочеты организационно-управленческого сопровождения реализации Концепции на уровне создания и деятельности рабочих групп (ответственных) по ее реализации. В рамках анализа результатов мониторинга указаны социокультурные основания выбора родителями модулей ОРКСЭ, востребованных в начальных классах, а также определено нарушение преемственности их преподавания в основной школе, связанное с кадровым обеспечением реализации ОДНКНР. Кроме того, мониторинг позволил выявить недостаточный уровень квалификации учителей ОРКСЭ и ОДНКНР края и сделать вывод о необходимости системного повышения их профессиональных компетенций (предметных, методических, информационно-коммуникационных) с одновременным обновлением учебно-методического обеспечения

реализации курсов и обогащением методики их преподавания и др.

3. Результаты анкетирования педагогов Забайкальского края на предмет определения проблем реализации духовно-нравственного воспитания в школьной образовательной практике выявили недостаточное различие педагогами понятий «духовно-нравственное воспитание» и «нравственное воспитание», что указывает на слабую педагогическую подготовку, отсутствие знаний о значении философско-антропологического подхода для решения задач воспитания, знаний в области истории отечественной педагогики, традиций педагогической практики. Среди положительных результатов анкетирования необходимо отметить: осознание педагогами необходимости реализации духовно-нравственного воспитания в процессе изучения всех общеобразовательных дисциплин и в практике классного руководства, что подтверждает понимание значимости и практическую реализацию ими системно-деятельностного подхода в образовании и воспитании; понимание педагогами роли традиций, в том числе религиозных, для успешной реализации духовно-нравственного воспитания в рамках культурологического подхода, значения взаимодействия семьи и школы для успешного решения задач воспитания. На наш взгляд, является целесообразным создание условий для базовой подготовки преподавателей курсов ОРКСЭ и ОДНКНР на уровнях бакалавриата и магистратуры в педагогических вузах.

4. Практическая значимость исследования заключается в выявлении актуального состояния реализации духовно-нравственного воспитания в образовательной практике Забайкальского края; определении проблем и достижений его реализации на различных уровнях образовательной системы.

Перспективами исследования являются:

– изучение проблемы подготовки педагогических кадров к реализации духовно-нравственного воспитания, в том числе овладение компетенциями в области реализации духовно-нравственного воспитания, знаниями истории и культуры России, религиозных традиций и традиций духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания в отечественной педагогике, повышение культуры использования информационно-коммуникационных технологий;

– поиск эффективных форм, методов, средств и технологий реализации духовно-нравственного воспитания в условиях информационно-цифрового общества;

– исследование влияния цифровой образовательной среды на решение задач духовно-нравственного воспитания и внутренний мир личности.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.11.2022).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 19.11.2022).

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 19.11.2022).
4. Слободчиков В.И., Остапенко А.А., Рыбаков С.Ю. Базовые смыслы национально-ориентированного образования Российской Федерации // *Непрерывное образование*. 2019. № 2. С. 6–9. EDN: HUXLNB
5. Склярлова Т.В. Ценностные ориентиры духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся // *Сибирский педагогический журнал*. 2017. № 5. С. 13–19. EDN: ZRESQJ
6. Наумова О.С., Дробная Е.В. Постановка и решение аксиологических проблем воспитания школьников в учебниках религиозных культур и светской этики // *Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология*. 2022. № 1. С. 22–31.
7. Наумова О.С., Дробная Е.В. Интегративный подход к развитию аксиологических представлений о мире у школьников на уроках литературы // *Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология*. 2022. № 3. С. 31–41.
8. Костоюкова Т.А., Петрова Г.И., Шапошникова Т.Д. Социокультурные основания и особенности взаимодействия светского и религиозного компонентов в современном российском образовании // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2020. № 6 (212). С. 191–198.
9. Казанцев Д.А., Костоюкова Т.А. Философские основы становления личностной готовности учителя к работе с ценностями православной культуры // *Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии*. 2022. № 1. С. 88–93. EDN: PYOSDX
10. Наумова О.С. Подготовка будущих учителей к реализации ценностей духовно-нравственной культуры // *Гуманитарный вектор*. 2015. № 1 (41). С. 67–71.
11. Истомина И.П. Профессиональная подготовка будущих педагогов к формированию духовно-нравственных ценностей обучающихся // *Вестник Нижегородского государственного университета*. 2019. № 1. С. 58–65.
12. Козлова А.Г. Реализация магистерской программы «Духовно-нравственное воспитание» как ответ на вызовы современности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 9 (142). С. 93–99.
13. Morris A.B., Clark A., Potter H. The spiritual, moral, social and cultural development of pupils in Catholic schools in England // *International Journal of Children's Spirituality*. 2012. Vol. 17, Is. 2. P. 117–135.
14. Martin-Raugh M., Tannenbaum R.J., Tocci C.M., Reese C. Behaviorally anchored rating scales: An application for evaluating teaching practice // *Teaching and Teacher Education*. 2016. Vol. 59. P. 414–419. doi: 10.1016/j.tate.2016.07.026
15. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
16. Примерная программа воспитания. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию. Протокол от 2 июня 2020 г. № 2/20 // Реестр примерных основных общеобразовательных программ Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://fgosreestr.ru/пооп/primernaja-programma-vospitanija> (дата обращения: 19.11.2022).
17. Наумова О.С. Духовно-нравственное воспитание личности студентов в условиях информационно-цифрового общества: проблемы, возможности, перспективы // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2021. Т. 16, № 5. С. 30–41.
18. Bayanov D.I., Novitskaya L.Yu., Panina S.A., Paznikova Z.I., Martynenko E.V., Ilkevich K.B., Karpenko V.L., Allalyev R.M., Ksenofontova A.N., Chelapchenko T.V., Nevzorov M.N. Digital Technology: Risks or Benefits in Student Training? // *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. Vol. 7, Is. 4. P. 659–663.
19. Петракова Т.И. Некоторые моменты антропологического характера в процессе духовно-нравственного воспитания в условиях общеобразовательной школы // *Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2008. № 1 (8). С. 75–83.
20. Рогова А.В. Роль православия и образования в культурно-цивилизационном развитии человечества // *Вестник Донецкого педагогического института*. 2017. № 2. С. 321–328.
21. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64100) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028> (дата обращения: 19.11.2022).
22. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 19.11.2022).
23. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 20.11.2022).

References

1. President of Russia. (2021) *Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (Accessed: 19.11.2022). (In Russian).
2. President of Russia. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (Accessed: 19.11.2022).
3. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015, N 996-r "On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025". [Online] Available from: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (Accessed: 19.11.2022). (In Russian).
4. Slobodchikov, V.I., Ostapenko, A.A. & Rybakov, S.Yu. (2019) *Bazovye smysly natsional'no-orientirovannogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii* [Basic Meanings of Nationally Oriented Education in the Russian Federation]. *Nepreryvnoe obrazovanie*. 2. pp. 6–9.
5. Sklyarova, T.V. (2017) *Tsennostnye orientiry dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya obuchayushchikhsya* [Value-based orientations of spiritual and moral development and education of students]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 5. pp. 13–19.
6. Naumova, O.S. & Drobnaia, E.V. (2022) *Postanovka i reshenie aksiologicheskikh problem vospitaniya shkol'nikov v uchebnikakh religioznykh kul'tur i svetskoy etiki* [Statement and solution of axiological problems of education of schoolchildren in textbooks on religious cultures and secular ethics]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 1. pp. 22–31.
7. Naumova, O.S. & Drobnaia, E.V. (2022) *Integrativnyy podkhod k razvitiyu aksiologicheskikh predstavleniy o mire u shkol'nikov na urokakh literatury* [An integrative approach to the development of axiological ideas about the world among schoolchildren in literature lessons]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 3. pp. 31–41.

8. Kostyukova, T.A., Petrova, G.I. & Shaposhnikova, T.D. (2020) Sotsiokul'turnye osnovaniya i osobennosti vzaimodeystviya svetskogo i religioznogo komponentov v sovremennom rossiyskom obrazovanii [Socio-cultural foundations and features of the interaction of secular and religious components in modern Russian education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (212). pp. 191–198.
9. Kazantsev, D.A. & Kostyukova, T.A. (2022) Filosofskie osnovy stanovleniya lichnostnoy gotovnosti uchitelya s tsennostyami pravoslavnoy kul'tury [Philosophical foundations for the formation of the personal readiness of a teacher with the values of Orthodox culture]. *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoy dukhovnoy seminarii*. 1. pp. 88–93. EDN: PYOSDX.
10. Naumova, O.S. (2015) Podgotovka budushchikh uchiteley k realizatsii tsennostey dukhovno-nravstvennoy kul'tury [Preparation of future teachers for the implementation of the values of spiritual and moral culture]. *Gumanitarnyy vektor*. 1 (41). pp. 67–71.
11. Istomina, I.P. (2019) Professional'naya podgotovka budushchikh pedagogov k formirovaniyu dukhovno-nravstvennykh tsennostey obuchayushchikhsya [Professional training of future teachers for the formation of spiritual and moral values of students]. *Vestnik Nizhnevar'tovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 58–65.
12. Kozlova, A.G. (2019) Realizatsiya masterskoy programmy "Dukhovno-nravstvennoe vospitanie" kak otvet na vyzovy sovremennosti [Implementation of the master's program "Spiritual and moral education" as a response to the challenges of our time]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (142). pp. 93–99.
13. Morris, A.B., Clark, A. & Potter, H. (2012) The spiritual, moral, social and cultural development of pupils in Catholic schools in England. *International Journal of Children's Spirituality*. 17 (2). pp. 117–135.
14. Martin-Raugh, M. et al. (2016) Behaviorally anchored rating scales: An application for evaluating teaching practice. *Teaching and Teacher Education*. 59. pp. 414–419. doi: 10.1016/j.tate.2016.07.026
15. Danilyuk, A.Ya., Kondakov, A.M. & Tishkov, V.A. (2009) *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo vospitaniya rossiyskikh shkol'nikov* [The concept of spiritual and moral education of Russian schoolchildren]. Moscow: Prosvetshchenie.
16. Fgosreestr.ru. (2020) *Exemplary educational program. Approved by the decision of the federal educational and methodological association for general education. Protocol dated June 2, 2020, No. 2/20*. [Online] Available from: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaya-programma-vospitaniya> (Accessed: 19.11.2022). (In Russian).
17. Naumova, O.S. (2021) Dukhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti studentov v usloviyakh informatsionno-tsifrovogo obshchestva: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Spiritual and moral education of students' personality in the conditions of the information-digital society: problems, opportunities, prospects]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 16 (5). pp. 30–41.
18. Bayanov, D.I. et al. (2019) Digital Technology: Risks or Benefits in Student Training? *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 7 (4). pp. 659–663.
19. Petrakova, T.I. (2008) Nekotorye momenty antropologicheskogo kharaktera v protsesse dukhovno-nravstvennogo vospitaniya v usloviyakh obshcheobrazovatel'noy shkoly [Some moments of an anthropological nature in spiritual and moral education in a general education school]. *Vestnik pravoslavnogo Syvato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 1 (8). pp. 75–83.
20. Rogova, A.V. (2017) Rol' pravoslaviya i obrazovaniya v kul'turno-tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva [The role of Orthodoxy and education in the cultural and civilizational development of humankind]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta*. 2. pp. 321–328.
21. Publication.pravo.gov.ru. (2021) *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021, No. 286 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Primary General Education" (Registered on July 5, 2021, No. 64100)*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028> (Accessed: 19.11.2022). (In Russian).
22. Publication.pravo.gov.ru. (2021) *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated December 17, 2010, No. 1897 "On approval of the federal state educational standard for basic general education"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (Accessed: 19.11.2022). (In Russian).
23. Garant. (2010) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 17, 2010, No. 1897 "On approval of the federal state educational standard for basic general education"*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (Accessed: 20.11.2022). (In Russian).

Информация об авторах:

Наумова О.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: olga.naumova.72.72@mail.ru

Дробная Е.В. – канд. культурологии, зам. директора Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Института развития образования Забайкальского края (Чита, Россия). E-mail: Drobnayelena@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.S. Naumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Transbaikalian State University (Chita, Russian Federation), E-mail: olga.naumova.72.72@mail.ru

E.V. Drobnaya, Cand. Sci. (Cultural Studies), deputy director of the Center for Continuous Professional Development of Teachers, Institute for the Development of Education of the Trans-Baikalian Territory (Chita, Russian Federation), E-mail: Drobnayelena@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 796.33
doi: 10.17223/15617793/487/19

Сравнительный анализ философии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии

Александр Сергеевич Сидоренко¹

¹*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия
thesis@internet.ru*

Аннотация. Исследуются основные различия в развитии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии, начиная с глубокой древности до настоящего времени. Рассматриваются древнегреческий, римский, флорентийский и английский этапы развития футбола в Европе, а также период зарождения игры в ножной мяч в Древнем Китае и Японии. Резюмируется, что азиатский вариант игры заключается в отсутствии контактной борьбы, невысоком темпе игры, умении владеть своим телом, высоком уровне технического мастерства владения мячом, преобладании индивидуальных действий над коллективными.

Ключевые слова: философия футбола, эпискирос, кальчо, сепактакрау, чжу-кэ, кэмари, спорт в Юго-Восточной Азии

Для цитирования: Сидоренко А.С. Сравнительный анализ философии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 168–175. doi: 10.17223/15617793/487/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/19

Comparative analysis of the philosophy of football in Europe and Southeast Asia

Alexander S. Sidorenko¹

¹*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation
thesis@internet.ru*

Abstract. Despite the fact that football is currently the most widespread and popular sports game on our planet, other variants of the football game are traditionally more popular among young people in the countries of the Asia-Pacific region, including several modifications under the general name sepaktakraw. They are very different from classic football in their philosophy, and they are not spread in other regions of the world. In this article, the author attempts to identify the main differences in the development of the football game in the countries of Southeast Asia in comparison with European football, from ancient times to the present, and to understand the reasons for the popularity of national ball games among modern youth in Asian countries. The ancient Greek, Roman, Florentine and English stages of football development in Europe are considered, as well as the period of the origin of the foot ball game in Ancient China and Japan. The analysis allowed determining the factors that formed the foundations of the Asian version of football: the features of the ancient Eastern philosophy of sports, based on the principles of harmony of form and spirit, unity with nature to obtain the necessary vital energy and aimed at the internal physical improvement of a person; the peculiarities of religion, mentality and traditions of the local population. The anthropometric and racial differences of the inhabitants of the Asia-Pacific region allow them to achieve high coordination of movements and control of their body and make Asian sepaktakraw strikingly light and artistic compared to the more forceful and heavyweight classic football. The main differences of the Asian versions of the football game in comparison with the European one are the absence of contact play, a low tempo, an emphasis on the accuracy and clarity of individual elements and the ability to control body, a high level of technical skill in possession of the ball, the predominance of individual actions over collective ones. European football turns out to be much more forceful, energy-consuming, dynamic and emotional. At the same time, the ancient Asian versions of the football game managed to preserve their identity and traditions and have come down to us almost unchanged, while the ball game in Europe was subject to frequent transformations and largely depended on the current political system and social needs of the population.

Keywords: philosophy of football, episkyros, calcio, sepaktakraw, chzhu-ke, kemari, sports in Southeast Asia

For citation: Sidorenko, A.S. (2023) Comparative analysis of the philosophy of football in Europe and Southeast Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 168–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/19

Введение. Практически у всех народов мира во все времена игры с мячом являлись наиболее популярным и востребованным видом развлечения молодежи. При этом наибольший интерес традиционно вызывали игры, в которых можно было бить по мячу и перемещать его при помощи ног, т.е. аналог современного футбола. Согласно историческим хроникам подобные игры в древности были распространены на территориях современных Египта, Греции, Италии, Центральной Америки [1, 2]. В игру, похожую на футбол, под названием Кила играли и в Древнем Новгороде на территории нашей страны. Считается, что самое раннее упоминание об игре в мяч ногами относится к Древнему Китаю [3].

Если сравнивать правила и принципы проведения игр в ножной мяч в разные исторические периоды в различных регионах мира, то их сходство заключается в том, что большинство этих игр предполагало жесткую, а часто грубую контактную борьбу с наличием силовых приемов, с большим количеством игроков на полях относительно большого размера с целью любым способом забить, занести или затолкать тряпичный мяч за зачетную линию (в ворота, в город, в кольцо) команды противника. При этом игрокам разрешалось играть в мяч как ногами, так и руками.

Особняком стоит только Азиатско-Тихоокеанский регион, где наибольшую популярность среди знати и обычного населения приобрели бесконтактные игры в ножной мяч на ограниченном участке площадки через сетку или в круг. Они предполагали, в первую очередь, совершенную технику владения мячом без проявления силовых способностей, перемещений по площадке и касания мяча руками [4].

Изменяясь и эволюционируя, футбол принял свои современные очертания в середине XIX в. в Англии, к началу XX в. распространился практически по всем континентам, а во второй его половине стал спортом номер один в мире. И только страны Юго-Восточной Азии остались тем регионом, где у молодежи большей популярностью по-прежнему пользуются исторически сложившиеся национальные виды игры в ножной мяч, разительно отличающиеся по своей философии от футбола классического, которые практически не находят распространения в других регионах мира.

Для того чтобы понять причины данного явления, следует более глубоко проанализировать историю зарождения и развития спорта в целом и игры в ножной мяч в частности в разных регионах мира с точки зрения религии, местных традиций, взглядов на вопросы физического воспитания.

К сожалению, достоверных сведений о том, по каким правилам и законам проходили игры, аналогичные футболу, в Древнем Египте, Месопотамии, Доколумбовой Америке, недостаточно для понимания всех их особенностей. Как правило, они проводились для подготовки воинов, в качестве развлечения молодежи, для исполнения религиозных и магических ритуалов [5]. Эти древние варианты игры исторически потеряны и не культивируются в настоящее время. Для сравнения

и сопоставления следует ограничиться рассмотрением истории европейских вариантов игры, трансформировавшихся в современные футбол и регби, и вариантов восточно-азиатских, которые представлены сегодня несколькими вариантами сепактакрау.

Данное сравнение полезно еще и с точки зрения интереса к восточной системе физического воспитания и самосовершенствования, который во все времена прогрессивное человечество проявляло к нетрадиционным средствам и методам физической подготовки в комплексе с восточной медициной, лечебной гимнастикой, массажем.

Исследовательская часть. В Европе одно из первых упоминаний об игре ногами в мяч относится к периоду Античной Греции. В это время на территории Греции формируются первые известные системы физического воспитания – спартанская и афинская [6]. Первая из них имела сугубо прикладной характер, нацеленный исключительно на военную физическую подготовку в ущерб умственной, что было продиктовано особенностью проживания местного населения по принципу военного лагеря в условиях постоянных военных столкновений и подавления восстаний рабов. Все это и нашло свое отражение в распространенной в Спарте игре *эпскирос*. В игре принимали участие 2 команды численностью по 12–14 человек, которые должны были любым способом переместить мяч за зачетную линию противника. Это было жесткое противостояние, в котором разрешались практически любые приемы контактной борьбы, а от играющих требовались, в первую очередь, развитая мускулатура, умение вести силовую борьбу, хорошая координация движений при минимальном владении техникой. Основная задача заключалась в том, чтобы в процессе игры совершенствовать те умения и навыки, которые в дальнейшем могут пригодиться молодым людям на поле боя. Согласно некоторым источникам в игре принимали участие и юные спартанки [7].

Афинская система физического воспитания была антиподом спартанской, ее основная цель – воспитание гармонически развитой личности, что прослеживается в трудах Сократа, Платона, Аристотеля, Демокрита, Пифагора, а также в работах величайшего врача древности Гиппократ. При этом физическое воспитание предполагало гармонию трех составляющих: физическое развитие (палестрика), красота движений (орхестрика) и красота тела (эстетика). Тренировки древнегреческих атлетов были направлены на формирование хорошо развитой мускулатуры, сильного тела и выдержанных пропорций [8]. В спортивных пристрастиях греков проявлялся соревновательный характер, а физические упражнения отличались рациональным подходом, т.е. были направлены на совершенствование тела и улучшение функционирования сердечно-сосудистой и других систем организма [9].

При распространении афинской версии эпскироса на всей территории Греции в игре снизился уровень жесто-

кости, стали цениться быстрота и красота движений, важное значение приобрела техника владения мячом, в том числе техника ударов по мячу ногами, чему посвящены изображения на сохранившихся до нашего времени барельефах (рис.1). На экспонате, представленном в Национальном археологическом музее в Афинах, изображен древнегреческий спортсмен, набивающий мяч передней

поверхностью бедра перед своим маленьким зрителем, на личном примере обучая его искусству футбола. Это изображение датируется примерно 400–375 гг. до н. э. [10]. Именно данный эпизод спортивной истории воспроизведен на Кубке Европейских чемпионов, самом престижном современном трофее европейского клубного футбола.

Рис. 1. Игра в эпискирос. Изображение на древнегреческом сосуде (Национальный археологический музей, Афины)

Первоначально мячи для эпискироса выполнялись из льна или шерсти, обматывались веревкой и сшивались. Другая техника создания мячей подразумевала измельчение морских губок и оборачивание их тканью и веревками. Такие мячи практически не отскакивали от поверхности, что сказывалось на технике игры (усиливался ее силовой компонент). Позднее греки разработали технологию выполнения мячей из надутого мочевого пузыря свиньи, плотно обернутого кожей или замшей, что придавало снаряду большую упругость и подвижность и способствовало расширению технических возможностей игроков [11].

В Римской империи физические упражнения стали средством удовлетворения личных потребностей и формой развлечения. Отличительная черта любых спортивных мероприятий – максимальная зрелищность и предельная жестокость. Гарпастум, одна из популярных игр с мячом, латинизированная версия эпискироса, на протяжении почти 700 лет являлась одним из видов военной тренировки легионеров [5]. Две команды численностью от 5 до 12 человек каждая играли маленьким тяжелым мячом, набитым пухом. Каждая команда должна была сохранять мяч на своей половине поля как можно дольше, в то время как противник

пытался захватить его и пробиться на свою сторону. Римский философ и медик Гален в своем трактате «Об упражнениях с малым мячом» отмечал, что гарпастум «лучше борьбы или бега, поскольку он укрепляет все части тела одновременно, не занимает много времени, ничего не стоит, развивает стратегическое мышление и позволяет отрабатывать многие борцовские захваты». Гален описывает игру как очень тяжелое и энергичное упражнение, требующее проявления всех физических качеств [12].

Эпоха Средневековья характеризовалась в Европе многочисленными религиозными запретами в отношении физических упражнений, особенно игр, поэтому только в середине XIII в. появляется игра в мяч, которая получает широкую известность. Речь идет о флорентийском кальчо (рис. 2), игре, напоминающей современное регби с предельным уровнем жестокости. В Кальчо допускалась атака игроков команды противника, не владеющего мячом, с использованием приемов борьбы и кулачного боя, так что травмы и кровь были обычным явлением. Две команды по 27 человек в каждой противостояли друг другу с целью любым способом забить противнику как можно больше голов [13].

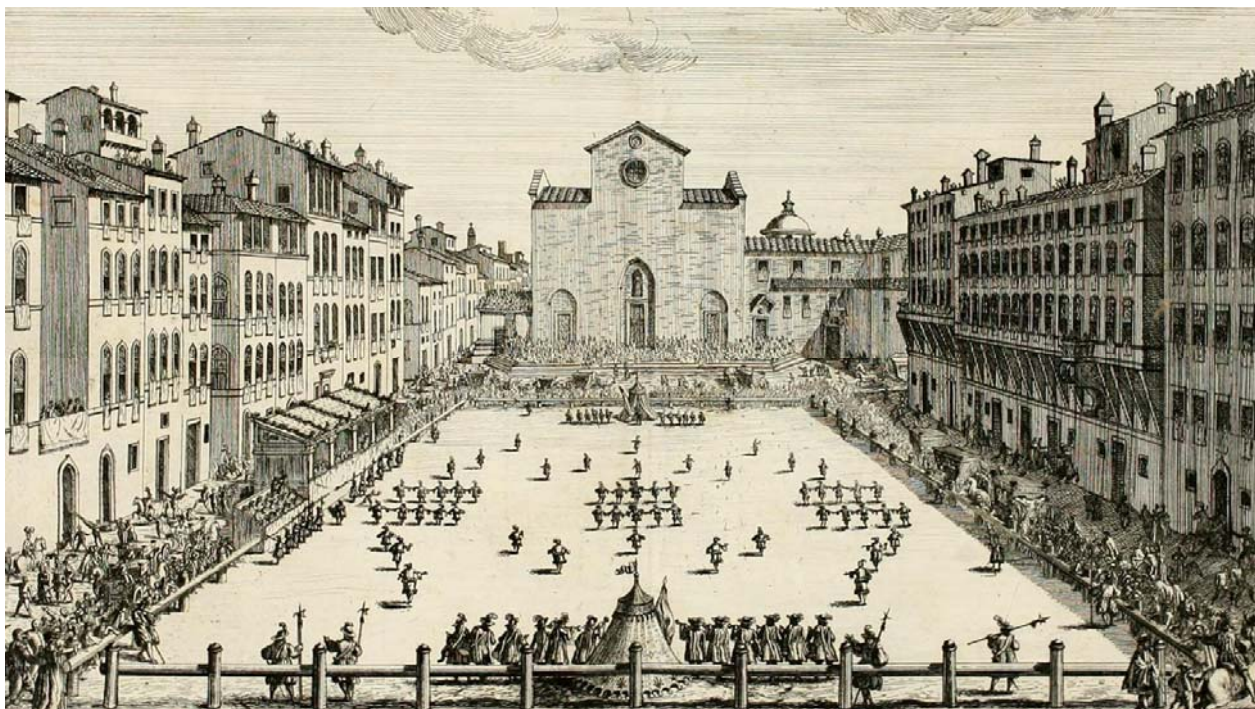

Рис. 2. Игра в кальчо на площади во Флоренции, 1688 г.

В XIV в. наблюдается активное распространение футбола на территории Англии. Этому во многом способствовали уходящие своими корнями в прошлое языческие обычаи «изгнания дьявола». По традиции в конце праздника Масленицы или в Вербное воскресенье все жители от мала до велика изгоняли тряпичный мяч, олицетворяющий абсолютное зло, как можно дальше за пределы своей деревни, поочередно толкая и пиная его ногами. При этом особое удовольствие доставляло перемещение данного объекта поближе к соседнему населенному пункту, что вызывало противодействие его жителей; так и начиналась игра деревня на деревню, вызывающая восторг всех участников [5]. Ритуал вызывал крайне отрицательное отношение со стороны церкви, что препятствовало распространению футбола в больших городах. Поэтому народный футбол распространялся по большей части в деревнях, а матчи, как правило, совпадали с проведением сельских ярмарок.

После отмены запретов футбол принимает массовый характер и перемещается на площади городов, вовлекая в игру всех желающих. Это предопределяет и особенности английского футбола того времени: примитивные правила, большое число играющих, хаотичность, скученность игроков около мяча, отсутствие какой-либо тактики. Футбол увлекает всех, от простолюдинов до королей. Генрих VII и Генрих VIII – страстные поклонники игры в мяч. При дворе были оборудованы специальные площадки, на которых короли играли вместе с придворными и богатыми горожанами. А в середине XV в. в Англии была создана первая специальная мануфактура по производству мячей.

Серьезным толчком в развитии футбола послужило включение игры в качестве обязательного элемента в учебный процесс по физической культуре в школах и

колледжах в середине XIX в. В 1863 г. происходит разделение футбола и регби, формируется единый свод футбольных правил, запрещающий полевым игрокам любое касание мяча руками и регламентирующий контактную борьбу [14].

Таким образом, можно выделить следующие особенности европейского футбола с учетом его исторических преобразований: соперничество двух команд на поле относительно большого размера; игроки одной из команд, чтобы добиться успеха, т.е. забить гол, в контактной силовой борьбе должны преодолевать сопротивление игроков соперника; хорошо развитые физические качества (сила, быстрота, координация) оказываются не менее значимым фактором успеха, чем техника владения мячом; общекомандные действия в целом оказываются важнее и эффективнее индивидуальных; поддерживается относительно высокий темп игры. Футбол становится всенародной игрой, в которую, благодаря доступной технике и простым правилам, может играть каждый желающий и которая собирает на трибунах большое число зрителей, становясь неотъемлемой частью досуга населения.

Физическая культура на территории Юго-Восточной Азии формировалась под влиянием религиозных взглядов конфуцианства, даосизма и буддизма, а также традиционной восточной философии, в основном древнекитайской. Основная цель упражнений – физически укрепить человека и помочь ему прожить долгую жизнь. Физические нагрузки и спорт являлись одним из важнейших лекарственных средств в мире и должны были играть важную роль в поддержании здоровья и регулировании основных функций организма.

В основе спортивной тренировки использовались упражнения, направленные на достижение объединения Инь и Ян, т.е. на поиск «золотой середины».

Кроме развития физической силы, важно было добиться красоты и привлекательности через овладение тонкими искусными движениями тела и поиск гармонии между человеком и природой [15].

Большое значение на развитие физической культуры Востока оказали естественно-философские воззрения и медицинские знания, полученные на основе научных экспериментов. Восточная система физических упражнений изначально была направлена на укрепление тела и самосовершенствование через структуру двигательных действий, имитирующих различные движения животных, отличающихся статическим и динамическим равновесием, твердостью и мягкостью двигательных действий, выполня-

емых с различными темпо-ритмовыми характеристиками [16].

Все вышесказанное находит свое отражение и в особенностях местных спортивных игр. Первые сведения об одной из наиболее известных игр в ножной мяч в Древнем Китае – игре чжу-кэ – относятся ко времени правления династии Хань (III–I вв. до н.э.). В переводе с китайского *чжу* обозначает бить ногой, а *кэ* – кожаный мяч. Небольшое игровое поле, сопоставимое по размерам с современной волейбольной площадкой, было разделено на две равные части сеткой, натянутой на высоте около 4 м между двумя вкопанными в землю бамбуковыми палками. В верхней части сетки было вырезано отверстие диаметром 60 см, которое и являлось воротами (рис. 3).

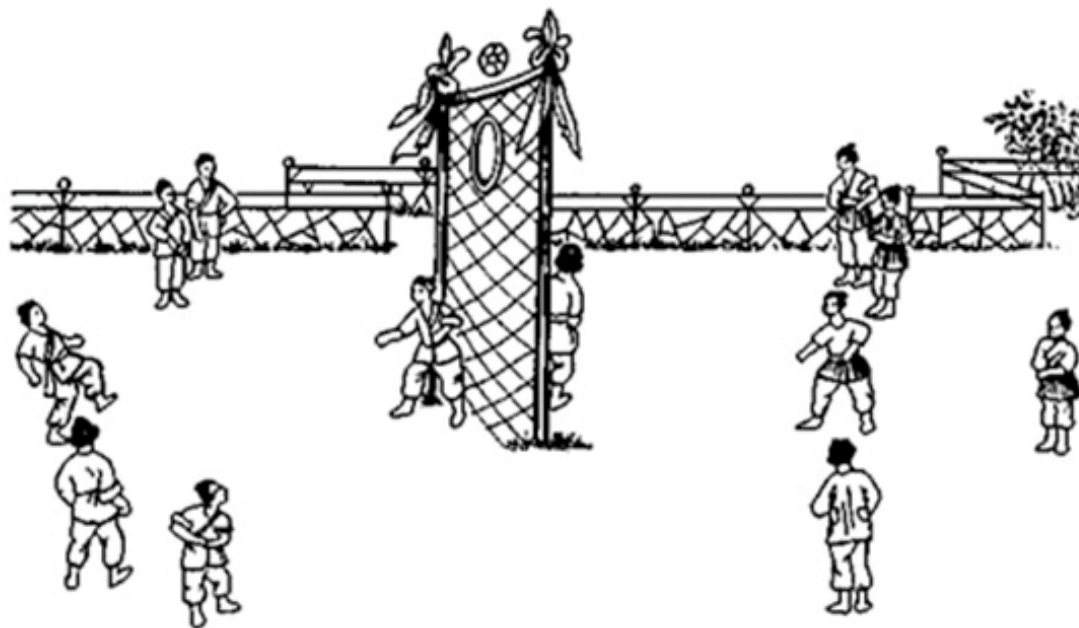

Рис. 3. Древнекитайская игра чжу-кэ

Игроки двух команд численностью 5–7 человек каждая располагались с разных сторон сетки и не могли вступать в физический контакт друг с другом. Задача игроков заключалась в том, чтобы, касаясь мяча любой частью тела (головой, плечами, грудью, спиной), за исключением рук, передавать его друг другу и совершать удары с целью перевести его через отверстие в сетке на сторону противника. Судя по древним рукописям, молодые люди проводили игры в присутствии императоров и придворных, а самый важный матч проходил в день рождения императора, что говорит о популярности игры. Победителей награждали дорогими фарфоровыми вазами и вином, а игроки проигравшей команды подвергали-

лись телесному наказанию. Наиболее важными составляющими игры были филигранная техника владения мячом и точность ударов [17]. В 2004 г. Международная федерация футбола официально признала чжу-кэ самой древней версией футбола.

Другая игра с мячом – кэмари, известная с VII в. н. э., стала первым повсеместно развитым видом спорта в Японии. В игре участвовало до 8 человек. Цель команды – стоя по кругу на ровной земляной площадке сохранять мяч в воздухе как можно дольше, применяя различные стили ударов. Игроки могли самостоятельно жонглировать мячом или передавать его партнеру, касаясь головой, ступнями, коленями, спиной, иногда разрешалось играть плечами (рис. 4).

Рис. 4. Древнеяпонская игра кэмари

Мяч для игры либо сшивали из двух кожаных полушаров, внутрь которых туго набивался конский волос, либо сначала изготавливали бамбуковый каркас, внутри которого помещалась камера, заполненная воздухом, а затем вся конструкция обтягивалась кожей. Иногда мяч набивался опилками.

Изначально кэмари была игрой аристократии со всеми атрибутами величия. Затем игра распространилась и на низшие слои общества. Ее философия такова, что в ней нет победителей и побежденных, нет соперников, а есть только партнеры. В кэмари играли для получения удовольствия, основной целью было совершенствование технического мастерства и соблюдение игрового этикета [18].

Первым, кто познакомил европейцев с кэмари, был в конце XIII в. путешественник Марко Поло, однако данная забава в Европе так и не прижилась [4]. Европейцы посчитали игру скучной и незаинтересованной, к тому же им было тяжело освоить сложную технику владения мячом, которую демонстрировали азиатские игроки [19].

Чжу-кэ и кэмари на протяжении веков не утратили своей популярности, дошли до нас практически в неизменном виде и востребованы азиатской молодежью в настоящее время. Этому способствовали восточное умение сохранять и уважать традиции предков и Буддизм как основная религия востока, которая поддерживала занятия физическими упражнениями. Сегодня данные игры представляют собой несколько вариантов Сепактакрау (sepak в Малайзии, Сингапуре и Индонезии означает удар ногой, takraw – в Таиланде означает кожаный мяч). Вместо того чтобы попадать в отверстие в сетке, как в чжу-кэ, современные игроки перебивают мяч через бадминтонную сетку (игра регу). А кэмари трансформировалась в игру хуптакрау, в которой задача играющих заключается не только в том, чтобы удерживать мяч в воздухе, но и попадать в подвешенные над площадкой обручи в виде гнезда [20]. Основные типы ударов по мячу сохранились с глубиной древности.

Уникальность азиатских игр в ножной мяч заключается в их статичности, практическом отсутствии перемещения игроков по площадке, невысоком темпе игры, отсутствии силовой нагрузки и противодействия соперников. Именно техника владения мячом, а не развитые физические качества, определяют стратегию игры. Индивидуальные способности отдельных игроков оказываются важнее командной работы. То есть игра полностью отражает философию восточного понимания физической активности, в которой ценится точность и размеренность движений, умение концентрироваться на конкретном двигательном действии и управлять своим телом. В отличие от футбола игра сепактакрау требует специальной подготовки, без которой новичок не сможет проявить себя на площадке.

Существенное отличие сепактакрау от классического футбола заключается в хорошо развитой гибкости и координации азиатских игроков, что позволяет им совершать технически очень сложные удары по мячу в прыжке, ножницами через себя, с поворотом на 180°. Этому способствуют антропометрические особенности азиатских народов: невысокий рост, низкое соотношение ИМТ, меньшее содержание подкожного жира, астенический тип телосложения, легкая структура костей, большая эластичность мышц, более длинные (в сравнении с европейцами) конечности [21].

Более высоким и атлетически сложным европейцам намного труднее изучать и выполнять элементы сепактакрау, отчего страдает качество игры, она теряет свою привлекательность. Напротив, азиатским игрокам сложно участвовать в силовых единоборствах с более габаритными игроками в футболе классическом.

Результаты исследования и выводы. В основе различий в понимании и принципах игры в ножной мяч между европейскими и восточно-азиатскими игроками лежат особенности менталитета, религии, философии спорта, расовых признаков.

Сформировавшаяся в древности философия европейского спорта заключалась в совершенствовании человека через соревнование друг с другом, философия спорта восточного – в совершенствовании через преодоление себя. Вследствие этого развиваемые в Европе игры в мяч носят контактный коллективный характер противоборства, в Азии – бесконтактный и более индивидуальный.

В древнеевропейском спорте основной акцент делался на применении спортивных навыков, стремлении использовать силу и показывать быстроту и красоту движений, в древневосточном спорте больше внимания уделялось гармоничной красоте и красоте оттенков [22]. Поэтому в европейском футболе в большей степени важно проявление физических качеств, в азиатских вариантах игры важны точность и четкость владения мячом и своим телом.

В основе физических упражнений европейской и азиатской систем физической подготовки используются разные механизмы управления движениями. Преобладающие виды физических упражнений в Европе – это энергозатратные двигательные динамические задания, выполняемые в быстром темпе с максимальными мышечными усилиями. У жителей Юго-Восточной Азии в предпочтении более медленные и плавные движения большей длительности с непределными физическими нагрузками и с большим процентом статических заданий. В восточном понимании для того, чтобы достичь эффекта поддержания хорошего здоровья, мышцы не должны быстро сокращаться [23]. Это проявляется в относительно быстром и рваном темпе игры

в футбол и спокойном плавном течении игры в сепактакрау регу и хуптакрау.

При контакте с тяжелым футбольным мячом игроки должны прикладывать определенные усилия и иметь хорошо развитые мышцы ног, в сепактакрау для перемещения легкого ротангового мяча достаточно лишь небольшого его касания. Расовые и антропометрические особенности игроков делают европейский футбол более силовым и тяжеловесным, азиатское сепактакрау – более легким и артистичным.

Если европейский спорт предполагает выплеск энергии во внешнюю среду (эмоции и стресс после забитого гола), азиатский спорт подразумевает ее аккумуляцию атлетом (спокойный ровный набор очков в течение всей игры).

Европейские варианты игры долгое время считались среди достаточно большей части общества примитивными, грубыми и диковатыми, вследствие чего к ним было крайне отрицательное отношение. В странах Юго-Восточной Азии всегда подчеркивался высокий интеллектуальный уровень играющих, а сама игра воспринималась больше как искусство, чем спорт.

Разрушение древнегреческой культуры, падение Римской империи, пришедшее в Европу христианство, проповедующее аскетизм и выступающее против занятий физической культурой и спортом, отрицательно сказались на преемственности в развитии игры в футбол на европейском континенте. В то время как игры в ножной мяч на территории Юго-Восточной Азии, сохраняя традиции, практически остались неизменными со времен глубокой древности.

Список источников

1. Валь А. История футбола. М. : АСТ, 2003. 144 с.
2. Драндров Д.А. Предыстория развития современного футбола // Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-культурного и экономического развития региона : Международная научно-практическая конференция. 2013. С. 49–51.
3. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М. : Радуга, 1982. 387 с.
4. Сидоренко А.С. Сепактакрау. Практическое руководство. СПб. : ГУАП, 2006. 16 с.
5. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 312 с.
6. Очерки по истории физической культуры / под ред. проф. Е.Н. Петрова. М. : Физкультура и спорт, 1938. 178 с.
7. Kennell M. The gymnasium of virtue. London : The University of North Caroline press, 1995.
8. Мельникова Н.Ю., Трескин А.В. История физической культуры и спорта : учебник. М. : Советский спорт, 2013. 392 с.
9. Шанин Ю.В. Олимпия. История античного атлетизма. СПб. : Аллетей, 2001. 185 с.
10. Viel A. UEFA 60 years at the heart of football. UEFA, 2014. 200 p.
11. Lunt D. The crown games of Ancient Greece. University of Arkansas, 2022. 184 p.
12. Galen Hygiene: Thrasybulus on Exercise With a Small Ball. Books 5–6. Harvard University Press, 2018. 432 p.
13. Bardi G. Discorso sopra il giuoco del calcio fiorentino del Puro Accademico Alterato, Firenze, Giunti, 1580. 36 p.
14. Collins T. How football began: a global history of how the world's football codes were born. London : Routledge, 2019. 219 p.
15. Кутومانов С.А., Резник С.В. Философия спорта в традиционном обществе Древнего Китая // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 2. С. 118–126.
16. Chang Zh. Discrimination of Sports Values of People First and Humanism – Comparative Perspective of Chinese and Western Philosophy // Striking: SportsForums. 2014. Vol. 9. P. 6–8.
17. Mishra S.K. Chinese Traditional Sports : Introduction to Chinese culture. 2020. 66 p.
18. Мендот И.Э., Мендот Эл.Э., Мендот Эм.Э., Монгуш В.Б. Этнокультурные игры «тевек» и «кемари» и их отличительные черты // Высшая школа : научные исследования : Материалы Межвузовского научного конгресса (г. Москва, 23 ноября 2019 г.). Т. 2. М. : Инфинити, 2019. С. 111–115.
19. Сидоренко А.С. Повышение точности ударов хуптакрауистов методом разновысотных обручей // Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции «Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма, психологического сопровождения и оздоровления различных категорий населения». Сургут : СГУ, 2021. С. 624–627.
20. Hanif A.S. SepakTakraw for students. Kota Malang, 2015. 130 p.
21. Даттон Э., Линн Р. Паса и спорт. Эволюция и расовые различия спортивных способностей. М. : Икс-Истори, 2018. 352 с.
22. Yongxiang L. Study on the Comparative Research between Chinese Traditional Sports Culture and Western Competitive Sports Culture // Young Writers Off print: Teaching Exchange. 2014. Vol. 2. P. 143–144.
23. Dahong Z. The Chinese Exercise Book : From Ancient and Modern China – Exercises for Well-Being and the Treatment of Illnesses. Hartley & Marks Publishers, 1984. 207 p.

References

1. Val', A. (2003) *Istoriya futbol* [History of football]. Moscow: AST.
2. Drandrov, D.A. (2013) [Prehistory of the development of modern football]. *Nasledie krupnykh sportivnykh sobyitiy kak faktor sotsial'no-kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Heritage of major sporting events as a factor in the socio-cultural and economic development of the region]. Proceedings of the International Conference. Kazan. pp. 49–51. (In Russian).
3. Kun, L. (1982) *Vseobshchaya istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [General history of physical culture and sports]. Moscow: Raduga.
4. Sidorenko, A.S. (2006) *SepakTakraw. Prakticheskoe rukovodstvo* [Sepaktakraw. Practical guide]. St. Petersburg: GUAP.
5. Goloshchapov, B.R. (2001) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta: ucheb. posobie* [History of physical culture and sports: textbook]. Moscow: Akademiya.
6. Petrov, E.N. (ed.) (1938) *Ocherki po istorii fizicheskoy kul'tury* [Essays on the history of physical culture]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
7. Kennell, M. (1995) *The gymnasium of virtue*. London: The University of North Caroline Press.
8. Mel'nikova, N.Yu. & Treskin, A.V. (2013) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta: uchebnyk* [History of physical culture and sports: textbook]. Moscow: Sovetskiy sport.
9. Shanin, Yu.V. (2001) *Olimpiya. Istoriya antichnogo atletizma* [Olympia. History of ancient athleticism]. St. Petersburg: Alleteyya.
10. Vieli, A. (2014) *UEFA 60 years at the heart of football*. UEFA.
11. Lunt, D. (2022) *The crown games of Ancient Greece*. University of Arkansas.
12. Galen. (2018) *Hygiene: Thrasybulus on Exercise With a Small Ball*. Books 5–6. Harvard University Press.
13. Bardi, G. (1580) *Discorso sopra il giuoco del calcio fiorentino del Puro Accademico Alterato, Firenze, Giunti*. S.I.
14. Collins, T. (2019) *How football began: a global history of how the world's football codes were born*. London: Routledge.
15. Kutomanov, S.A. & Reznik, S.V. (2021) *Filosofiya sporta v traditsionnom obshchestve Drevnego Kitaya* [Philosophy of sports in the traditional society of ancient China]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 7 (2). pp. 118–126.
16. Chang, Zh. (2014) Discrimination of Sports Values of People First and Humanism – Comparative Perspective of Chinese and Western Philosophy. *Striking: SportsForums*. 9. pp. 6–8.
17. Mishra, S.K. (2020) *Chinese Traditional Sports: Introduction to Chinese culture*. S.I.
18. Mendot, I.E. et al. (2019) [Ethnocultural games “tevek” and “kemari” and their distinctive features]. *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya* [Higher School: Research]. Proceedings of the Interuniversity Congress. Moscow. 23 November 2019. Vol. 2. Moscow: Infiniti. pp. 111–115. (In Russian).
19. Sidorenko, A.S. (2021) [Increasing the accuracy of huptakrattist strikes by the method of different-height hoops]. *Sovershenstvovanie sistemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki, turizma, psikhologicheskogo soprovozhdeniya i ozdorovleniya razlichnykh kategoriy naseleniya* [Improvement of the system of physical education, sports training, tourism, psychological support and improvement of various categories of the population]. Proceedings of the XX International Conference. Surgut: SSU. pp. 624–627.
20. Hanif, A.S. (2015) *SepakTakraw for students*. Kota Malang.
21. Dutton, E. & Lynn, R. (2018) *Rasa i sport. Evolyutsiya i rasovye razlichiya sportivnykh sposobnostey* [Race and sport. Evolution and racial differences in sporting ability]. Moscow: Iks-Khitori.
22. Yongxiang, L. (2014) Study on the Comparative Research between Chinese Traditional Sports Culture and Western Competitive Sports Culture. *Young Writers Offprint: Teaching Exchange*. 2. pp. 143–144.
23. Dahong, Z. (1984) *The Chinese Exercise Book: From Ancient and Modern China – Exercises for Well-Being and the Treatment of Illnesses*. Hartley & Marks Publishers.

Информация об авторе:

Сидоренко А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: thesis@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Sidorenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: thesis@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 02.09.2022;
approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 378:796.01
doi: 10.17223/15617793/487/20

Интегративная модель обучения студентов и педагогов по физической культуре в условиях конкурса профессионального мастерства

*Ирина Викторовна Стародубцева¹, Татьяна Павловна Завьялова²,
Дмитрий Николаевич Макаридин³*

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ i.v.starodubceva@utmn.ru

² t.p.zavyalova@utmn.ru

³ d.n.makaridin@utmn.ru

Аннотация. Представлена интегративная модель, позволяющая совокупно решать задачи обучения студентов и совершенствовать профессионализм педагогов в условиях конкурса профессионального мастерства. Установлено, что у студентов в большей степени развиваются специально-педагогические умения и навыки, умение работать в команде, навыки работы с информационными ресурсами; у педагогов совершенствуются специально-педагогические умения, навыки публичных выступлений, обобщения и представления педагогического опыта.

Ключевые слова: конкурс профессионального мастерства, профессиональное образование, физическая культура, студенты, педагоги по физической культуре

Для цитирования: Стародубцева И.В., Завьялова Т.П., Макаридин Д.Н. Интегративная модель обучения студентов и педагогов по физической культуре в условиях конкурса профессионального мастерства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 176–187. doi: 10.17223/15617793/487/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/20

An integrative model for training students and physical education teachers in the context of a professional skills competition

Irina V. Starodubtseva¹, Tatiana P. Zavyalova², Dmitriy N. Makaridin³

^{1, 2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ i.v.starodubceva@utmn.ru

² t.p.zavyalova@utmn.ru

³ d.n.makaridin@utmn.ru

Abstract. The article substantiates the possibility of collaborative training of students of physical education institutions and physical education instructors of preschool educational institutions in the conditions of the competition of professional skills. Research methods are analysis of scientific and methodological literature, analysis of normative-legal documentation, pedagogical modeling, pedagogical observations, method of interviewing, method of expert evaluation, method of self-diagnosis of emotional states, experimental work, and methods of mathematical statistics. Based on the analysis of the results of the teachers' survey, we found that significant motivations for teachers to participate in professional competitions are the following: development of professional competencies, acquisition of new knowledge and skills, and gaining experience of new activities. Pedagogical observations, analysis of competition documentation, survey of competition participants (n=40) and jury members (n=15) showed that teachers often experience difficulties when passing competitive tests, and need training in the same way as physical education students, who are the potential participants of similar events in the future. Based on the preliminary study data, the teachers of the Institute of Physical Education proposed a special training format based on the idea of integrating non-formal education of students and preschool teachers into practice. The integrative model of education is aimed at the formation of professional knowledge and skills; it is implemented stage by stage in the format of professional skills competition; it is based on the principles of continuity and prolonged action, openness and voluntariness, professional value, variability of participation, adaptability; it involves a differentiated selection of content, means, methods and organizational forms for students and teachers participating in the competition. Experimental justification of the integrative model of training was carried out in the framework of the Master of Pedagogical Work in Extracurricular Activities of Physical Education and Sports, an annual regional competition. The effectiveness consisted in overcoming "sore points", and development of professional skills of all participants. According to the students who participated in the study, the training, first of all, contributed to the improvement of special pedagogical skills, teamwork skills, and information handling skills. The

teachers noted the development of special pedagogical skills, public speaking skills, generalization and presentation of their teaching experience.

Keywords: professional skills competition, professional education, physical education, students, physical education teachers

For citation: Starodubtseva, I.V., Zavyalova, T.P. & Makaridin, D.N. (2023) An integrative model for training students and physical education teachers in the context of a professional skills competition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 176–187. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/20

Актуальность. Реалии современного мира диктуют актуальную научно-педагогическую повестку, в рамках которой важным направлением исследований становится поиск действенных форм и методов непрерывного образования специалистов во всех видах профессиональной деятельности. Это обусловлено осознанием несостоятельности прежней концепции «образование на всю жизнь» в эпоху глобальных трансформаций, роста объема научно-технической информации, стремительной смены технологий. Содержанием научного дискурса последних десятилетий является «образование через всю жизнь», в большей степени соответствующее вызовам современности и обеспечивающее скорейшую адаптацию человека к социально-экономическим изменениям [1–3 и др.].

В области дошкольного физического воспитания необходимость непрерывного образования педагогических кадров аргументируется ещё и тем, что на протяжении ряда лет наблюдается осложнение демографической обстановки, детерминированное ухудшением здоровья подрастающего поколения, увеличением числа детей, имеющих различные психосоматические отклонения и индивидуальные особенности развития, в отношении которых прежние «педагогические рецепты» оказываются бессильными. В связи с этим усиливается потребность в педагогах, умеющих не только воспроизводить усвоенные ранее способы и технологии физического воспитания, но и конструировать новые, нестандартные методы оздоровления, обучения и развития детей с учётом современных вызовов, актуальных требований, наличных средств и условий; такие предлагают, например, В.С. Сосуновский и соавт. [4]. Возникает проблема поиска эффективных способов формирования и совершенствования обозначенных педагогических умений на протяжении всего периода профессионального становления и развития педагога по физической культуре, начиная со студенческой скамьи.

В настоящее время вопросы подготовки кадров в системе профессионального образования по направлению «физическая культура» освещаются достаточно широко. При этом прослеживается та же тенденция, что и в образовании в целом: представление о непрерывном образовании, как указывает И.А. Колесникова [5. С. 2], в большей степени остаётся суммативным. В рамках такого понимания непрерывность рассматривается прежде всего в границах формального образования и достигается «посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ» (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, ст. 10). В научной литературе можно обнаружить авторские разработки, предлагающие различные пути

совершенствования процесса обучения студентов физкультурных направлений [6–11] или повышения квалификации специалистов в послевузовский период [12, 13]. Гораздо меньше внимания уделяется возможностям консолидации формального образования с неформальными и информальными образовательными практиками. В частности, остаётся малоизученной роль конкурсов профессионального мастерства в процессе интегративного решения задач обучения студентов физкультурного вуза и совершенствования профессиональных умений и навыков у педагогов по физической культуре. Цель статьи – восполнить данный пробел.

Степень научной разработанности. История конкурсов профессионального мастерства в отечественной сфере образования насчитывает не одно десятилетие. По данным Е.М. Пахомовой [14], первые конкурсы на лучшего учителя состоялись в России ещё в 20-е гг. прошлого столетия. Однако научный интерес к профессиональному конкурсному движению педагогов возник гораздо позже. Как показал анализ научных источников, пик их изучения приходится на конец XX – начало XXI в. В настоящее время в русле рассматриваемого направления можно условно выделить несколько взаимосвязанных аспектов проблемы. Так, Е.М. Пахомова [14], З.З. Серганова [15], в своих исследованиях акцентируют внимание на процессе организации конкурсов профессионального мастерства с целью повышения квалификации педагогов-участников конкурса.

Исследования О.А. Игнатовой [16], Г.Ф. Приваловой [17], Т.А. Соколовой [18] связаны с обоснованием *развития творческого потенциала педагогов* посредством участия в конкурсах профессионального мастерства. Существенное влияние конкурсы профессионального мастерства оказывают на *совершенствование профессиональной компетентности и профессионализма педагогов* [19–30].

В связи с этим исследователи выделяют наиболее значимые для конкурсантов компетенции, предлагают критерии и механизмы их оценки, обосновывают мероприятия по психолого-педагогическому и методическому сопровождению педагогов в рамках конкурсных мероприятий, анализируют способы мотивации педагогов к участию в конкурсах и др. Помимо прочего, активность участия педагогов в конкурсном движении не редко рассматривается учёными в качестве одного из *показателей эффективности методической и инновационной работы* образовательного учреждения [31–33].

Гораздо меньше внимания учёные уделяют возможностям использования потенциала конкурсов профессионального мастерства для *обучения и развития студен-*

тов педагогических вузов (в отличие от системы среднего профессионального образования, где этому вопросу посвящено значительное количество публикаций). Можно, в частности, отметить работу Г.П. Чирковой, в которой конкурсы профессионального мастерства среди студентов национального факультета включены в систему мероприятий, формирующих у них профессионально-педагогическую направленность [34]. В диссертации Г.Р. Линкер обосновывается эффективность конкурсов для формирования готовности студентов педагогических вузов к организации летнего отдыха детей [35]. В исследовании Я.А. Писарева конкурс рассматривается как этап организации летней практики студентов-вожатых с целью формирования у них профессионально значимых педагогических качеств [36]. Необходимо заметить, что в этих исследованиях акцент делается на состязаниях, организованных среди студентов. Работ, в которых изучались бы возможности и форматы участия студентов в конкурсах профессионального мастерства среди педагогов, нам обнаружить не удалось.

Цель исследования – разработка и внедрение интегративной модели обучения студентов физкультурного вуза и совершенствования профессиональных умений и навыков у педагогов дошкольного физического воспитания в условиях регионального конкурса профессионального мастерства специалистов по физической культуре.

Методы и организация исследования. Исследование проходило в период с 2015 по 2022 г. в рамках подготовки и проведения ежегодного областного конкурса «Мастер педагогического труда по внеучебным формам физкультурно-оздоровительной и спортивной работы» (далее – Конкурс). Конкурс проходит в г. Тюмени с начала 2000-х гг., учредителями являются департамент физической культуры, спорта и дополнительного образования Тюменской области и департамент образования и науки Тюменской области. Непосредственная организация Конкурса возложена на Областную спортивную школу олимпийского резерва,

инициировавшую в 2015 г. сотрудничество с Институтом физической культуры с целью повышения эффективности конкурсных мероприятий. В обозначенный период Конкурс состоял из двух испытаний: в теоретическом туре участники представляли и защищали проект собственного научно-педагогического исследования, а в практической части демонстрировали умение проводить различные формы физкультурно-спортивной деятельности с детьми дошкольного возраста.

В исследовании принимали участие: члены судейского жюри конкурса; инструкторы по физической культуре, выступающие в номинации «Специалисты физической культуры и спорта дошкольных образовательных учреждений»; студенты Института физической культуры Тюменского государственного университета, обучающиеся по направлению подготовки «физическая культура»; преподаватели института.

Теоретические методы исследования: анализ научно-методической литературы, анализ нормативно-правовой документации, педагогическое моделирование. **Эмпирические методы:** педагогические наблюдения, метод опроса, метод экспертной оценки, метод самодиагностики эмоциональных состояний «Градусник», опытно-экспериментальная работа, методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. В процессе пилотажного исследования с целью предварительного сбора данных была осуществлена экспертная оценка архивных документов, представленных на Конкурс в 2010–2014 гг.; проанализированы данные педагогических наблюдений; проведен опрос членов жюри ($n = 15$), а также инструкторов дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), имевших опыт участия в конкурсах профессионального мастерства ($n = 40$).

Установлено, что мотивами участия в конкурсе для большинства инструкторов являются развитие профессиональных компетенций и приобретение новых знаний и умений (рис. 1).

Рис. 1. Основные мотивы участия в конкурсе, %

При этом около 80% инструкторов отметили, что для успешного выступления на Конкурсе им не хватает определённых компетенций, которые связаны прежде

всего с опытом публичных выступлений, навыками подготовки и оформления конкурсной документации, навыками ведения научной работы и др. (рис. 2).

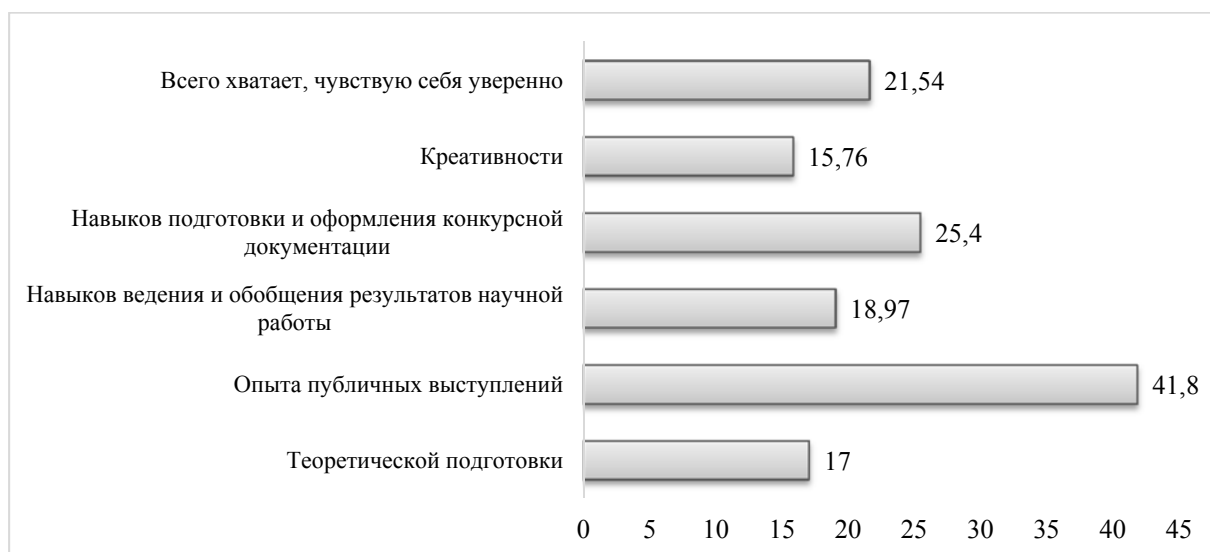

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Чего, по вашему мнению, вам не хватает, чтобы чувствовать себя на конкурсах более уверенно?», %

Примерно такое же число респондентов указали, что испытывают затруднения при прохождении конкурсных испытаний, среди которых наиболее сложным считают теоретический тур (рис. 3).

Выделяя компоненты конкурсной деятельности, требующие, по их мнению, более детальной проработки со

стороны организаторов конкурса, респонденты указали на необходимость методического и информационного сопровождения конкурсантов (табл. 1). Эта информация стала основанием для доработки содержания учебного материала и выбора организационных форм обучения в условиях Конкурса.

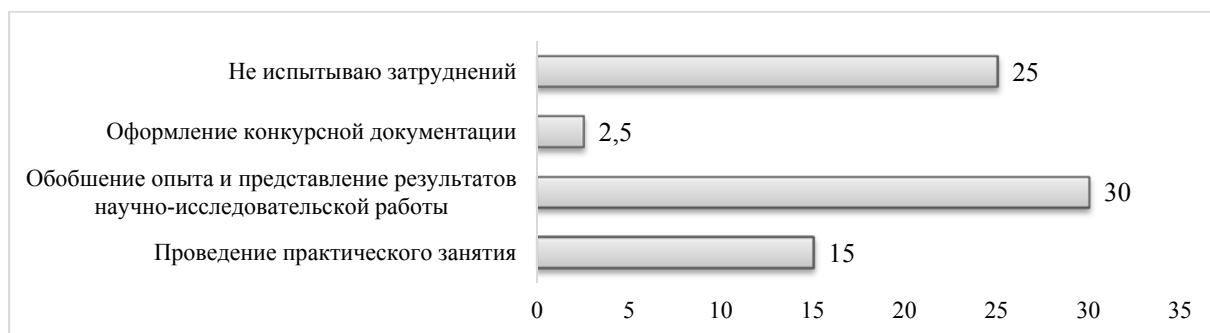

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какое конкурсное испытание вызвало у вас наибольшие затруднения?», %

Компоненты конкурсной деятельности, требующие, по мнению участников конкурсов, более детальной проработки,

Таблица 1

Компоненты конкурсной деятельности	Количество ответов, %
Организация общения с членами жюри, возможность получить консультацию по итогам конкурса	48
Организация неформального общения и обмена опытом с другими конкурсантами	33
Организация методического сопровождения конкурсантов	50
Организация информационного сопровождения конкурсантов	50
Предварительное обучение конкурсантов	38

Педагогические наблюдения за участниками конкурса показали, что многие из них будучи публичными людьми с большим опытом педагогической работы тем не менее испытывают сильный стресс, с проявлениями которого не могут справиться при прохождении конкурсных

испытаний. В рамках очередного Конкурса участникам было предложено непосредственно перед выступлением оценить своё эмоциональное состояние по 10-балльной шкале (чем выше балл, тем лучше состояние). Результаты представлены на рис. 4.

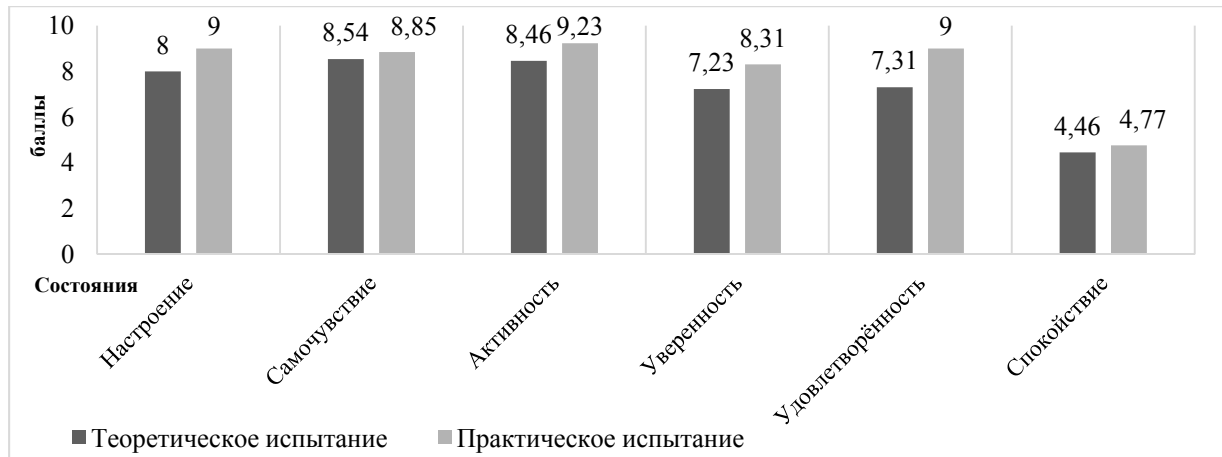

Рис. 4. Средние показатели самооценки эмоционального состояния участниками Конкурса

Таким образом, можно констатировать, что значительная часть педагогов испытывает беспокойство перед выступлением. Причём прохождение теоретического испытания вызывает большие негативные изменения в эмоциональной сфере конкурсантов по изучаемым параметрам, чем прохождение практического тура.

Полученные данные были дополнены результатами опроса членов жюри Конкурса, которые указали на основные недостатки профессиональной подготовки конкурсантов. К ним относятся:

- низкий уровень теоретической подготовленности (недостаточное знание базовых понятий теории физической культуры, современных концепций физического воспитания детей, нормативно-правовых документов, требований к нормированию физической нагрузки и др.);
- отсутствие креативности, способности творчески преобразовывать накопленный в сфере физического воспитания опыт; стремление выделиться за счёт ярких образов, а не содержания двигательной деятельности;
- отсутствие навыков проведения научного исследования, оформления и представления его результатов;
- отсутствие навыков публичного выступления;
- высокий уровень тревожности некоторых участников Конкурса.

Полученные данные свидетельствуют, что педагоги часто испытывают затруднения при прохождении конкурсных испытаний и нуждаются в обучении так же, как и студенты института физкультуры – потенциальные участники подобных мероприятий в будущем.

Далее была разработана и внедрена модель обучения студентов и педагогов ДООУ по физической культуре в условиях Конкурса, нацеленная на коррекцию выявленных проблем и позволяющая совокупно решать задачи обучения педагогов и студентов института физической культуры.

Модель является интегративной, поскольку выдвигается идея интеграции неформального образования студентов и педагогов в формате конкурса профессионального мастерства (рис. 5). В основу модели заложен ряд принципов.

Принцип *непрерывности и пролонгированного действия* обеспечивает, во-первых, возможность формирования и совершенствования профессиональных умений и навыков на всех этапах становления и развития профессионализма педагога по физической культуре. Во-вторых, означает, что процесс обучения не ограничивается периодом проведения Конкурса, а продолжается далее, но в иных формах. Принцип *открытости и добровольности* предусматривает участие в процессе всех желающих (как студентов, так и педагогов), а также уважение их права на неучастие. Принцип *профессиональной ценности* связан с ориентацией содержания, средств, методов, форм обучения на профессиональное развитие субъектов деятельности и обусловлен спецификой трудовых функций педагога по физической культуре. *Вариативность участия* предполагает доступность выбора роли и степени участия в конкурсных мероприятиях в зависимости от интересов, наличных знаний и опыта (наблюдатель, волонтер, участник, эксперт). Принцип *адаптивности* связан с возможностью вносить коррективы в процесс в случае изменения социально-педагогических условий и требований.

Разработанная модель реализовывалась поэтапно. На каждом этапе подбирались соответствующий учебный материал, средства, методы и наиболее эффективные организационные формы обучения с предполагаемым результатом (в соответствии с проблемами, обнаруженными ранее). Они дифференцировались в зависимости от субъекта обучения (студент или педагог ДООУ).

Рис. 5. Интегративная модель обучения студентов физкультурного вуза и педагогов ДОУ в условиях конкурса педагогического мастерства

Подготовительный этап. Решая проблему недостаточного уровня теоретико-методической подготовленности участников Конкурса, мы сформулировали основную цель обучения – содействовать формированию педагогического мастерства и его составляющих. Основной формой подготовки педагогов, планировавших участвовать в Конкурсе, стали

курсы повышения квалификации на тему «Научно-методическое обеспечение физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности», организованные на базе института физической культуры. Учебный план курсов был составлен с учётом сведений, полученных в ходе предварительного исследования (табл. 2).

Таблица 2

Учебный план программы повышения квалификации

№ п/п	Наименование разделов	Всего часов	В том числе	
			лекции	практические занятия
1	Организационно-методические особенности конкурсных мероприятий в сфере ФК и С	6	2	4
2	Научно-исследовательская деятельность в сфере физической культуры и спорта. Требования к представлению результатов исследовательской работы в образовательном учреждении	10	4	6
3	Методические особенности организации и проведения физкультурно-спортивных мероприятий. Планирование и регулирование физической нагрузки в процессе конкурсных мероприятий	10	4	6
4	Психолого-педагогическое и информационное обеспечение открытых физкультурно-спортивных мероприятий	10	4	6
	Итого	36	14	22

В процессе курсов повышения квалификации педагоги знакомилась с требованиями и условиями участия в Конкурсе, нюансами подготовки конкурсной документации. Содержание учебного материала предусматривало повторение базовых терминов теории и методики физического воспитания, особенностей психофизического развития дошкольников, их учет и контроль в процессе занятий физкультурно-спортивной деятельностью. Поскольку теоретический тур Конкурса предусматривает защиту автореферата, который является самостоятельной исследовательской работой участников, особое внимание уделялось вопросам обобщения авторского педагогического опыта, выделения наиболее ценных его компонентов с точки зрения целесообразности, инновационности, интеграции с иным педагогическим опытом в сфере дошкольного физического воспитания. Учитывая отсутствие навыков и определенные затруднения в проведении научного исследования,

оформлении и представлении его результатов, педагогам подробно излагались основные методологические характеристики научного исследования: проблема исследования, объект, предмет, гипотеза, цели, задачи и др. Конкурсанты знакомилась с требованиями к изложению текста, иллюстративным материалам, списку литературных источников.

Важнейшей составляющей педагогического мастерства как начинающих, так и опытных педагогов является умение регулировать физическую нагрузку занимающихся. В рамках курсов с педагогами ДОУ обсуждались вопросы грамотного нормирования физической и умственной нагрузки. Педагоги получали информацию о применении современных средств регистрации пульса, позволяющих контролировать индивидуальную реакцию организма на физическую нагрузку, а впоследствии получать более точную информацию о моторной плотности проведенного занятия, его эффективности с точки зрения оздоровления ребенка-дошкольника.

Для решения проблемы отсутствия или *недостаточно опыта публичных выступлений* педагоги знакомились с требованиями к выступлению, логикой изложения текста доклада, сопровождаемого презентацией. Особое внимание уделялось формированию умения вести обмен вербальной и невербальной информацией, культуре речи, внешнего вида и поведения как в теоретическом туре, так и на практическом испытании.

На этом же этапе, параллельно с курсами для педагогов, осуществлялась *подготовка студентов* Института физической культуры. В целях повышения качества образования было достигнуто соглашение с организаторами Конкурса о привлечении студентов к проведению конкурсных мероприятий и выполнению различных функций. *Зрители* наблюдали за прохождением конкурсных испытаний, фиксировали результаты и готовили отчёт по результатам наблюдений. *Волонтеры* оказывали педагогам посильную помощь в подготовке конкурсных заданий. Члены *технической группы* выполняли сбор, обработку и представление информации о динамике пульса детей и моторной плотности конкурсных занятий. Члены *альтернативного жюри* осуществляли экспертную оценку конкурсных испытаний так же, как и профессиональное жюри. Они самостоятельно выявляли, а затем награждали победителя в дополнительно введённой номинации «Лучший педагог по мнению альтернативного жюри».

Для студентов, которые прошли педагогическую практику на базе образовательных учреждений и уже имели первый опыт педагогической деятельности, был организован научно-методический семинар, на котором образовательную деятельность осуществляли преподаватели института физической культуры. В рамках семинара студенты изучали требования, знакомились с критериями оценки конкурсных заданий, овладевали навыками работы с пульсометрами, готовились к выполнению разных функциональных обязанностей на условиях взаимозаменяемости.

Ведущими методами обучения являлись вербальные и наглядные, а также метод упражнения. В качестве средств обучения активно применялись различные информационные технологии. Дополнительным средством, позволяющим повысить теоретическую грамотность как студентов, так и педагогов, послужило разработанное преподавателями института пособие [37].

Основной этап был связан с непосредственным проведением Конкурса. Освоение учебного материала, представленного на предыдущем этапе, позволило педагогам ДООУ лучше справиться с поставленными задачами теоретического и практического испытаний. Конкурсанты открыто делились собственным опытом проведения тех или иных физических упражнений, некоторыми новинками физкультурно-спортивного инвентаря и др. В результате просмотра и анализа занятий своих коллег участники Конкурса могли уверенно выражать свою точку зрения, адекватно оценивать эффективность проведения различных форм физкультурно-спортивных мероприятий. Педагогические наблюдения членов конкурсной комиссии фиксировали акты взаимопомощи и

взаимоподдержки конкурсантов. В рамках Конкурса завязывались партнерские, творческие, дружеские отношения, расширяющие круг профессионального общения. Таким образом, в процессе Конкурса продолжали совершенствоваться профессиональные умения и навыки, оттачивалось профессиональное мастерство педагогов, складывалось профессиональное сообщество единомышленников.

Студенты, получившие специальные знания на этапе предварительного обучения, в условиях Конкурса смогли их закрепить и сформировать навыки наблюдения, фиксации результатов, анализа и экспертной оценки конкурсных испытаний. Независимо от выполняемой на Конкурсе роли, они имели возможность наблюдать за: взаимодействием детей и педагогов; решением нестандартных педагогических ситуаций; умением создавать комфортный микроклимат, эффективно распределять время на занятии; использованием современных форм, средств, методов развития, воспитания и обучения детей дошкольного возраста; умением применять навыки саморегуляции и управлять эмоциональным состоянием. Студентам предоставлялась возможность изучать конспекты конкурсных физкультурных мероприятий, сопоставлять заявленные цели, задачи, параметры физической нагрузки с реально демонстрируемыми показателями. Помимо профессиональных навыков, студенты приобрели богатый опыт общения с конкурсантами, организаторами Конкурса, членами профессионального жюри, детьми; научились быстро решать возникающие по ходу деятельности вопросы и проблемы, принимать коллегиальные решения, оказывать поддержку и взаимопомощь. Возможность погрузиться в профессиональную среду на этапе обучения в вузе, высказывать свою точку зрения наравне с опытными педагогами, помогало совершенствовать профессионально важные навыки, формировать интерес к будущей педагогической деятельности и возможному участию в конкурсах педагогического мастерства.

Рефлексивный этап связан с подведением итогов конкурса, анализом достигнутых результатов, обозначением путей дальнейшего совершенствования процесса обучения студентов и педагогов ДООУ как в условиях Конкурса, так и за его пределами. На данном этапе, после процедуры подведения итогов и награждения победителей, со всеми участниками конкурсных мероприятий (студенты, конкурсанты, члены жюри) проводились семинары и консультации, на которых каждый мог высказать свою точку зрения по поводу Конкурса, получить рекомендации и ответы на интересующие вопросы, предложить пути совершенствования конкурсных процедур.

В результате наблюдений, оценок экспертов и опроса участников можно констатировать, что у обучаемых были достаточно успешно сформированы профессиональные знания, умения и навыки (табл. 3, рис. 6). Кроме того, 93% студентов и 82,5% педагогов отметили, что хотели бы в будущем принять участие в Конкурсе.

Профессиональные знания, умения и навыки, формируемые в процессе реализации интегративной модели обучения студентов физкультурного вуза и педагогов ДОУ в условиях конкурса педагогического мастерства

Педагоги ДОУ	Студенты физкультурного вуза
<ul style="list-style-type: none"> – Владение теоретическими основами педагогической деятельности; – ориентация в современных педагогических концепциях и подходах к решению педагогических проблем в сфере физического воспитания дошкольников; – наличие собственной педагогической точки зрения на воспитание, образование и оздоровление детей дошкольного возраста средствами физической культуры; – владение методикой разработки авторских материалов (программы, технологии, проекта); – умение находить в теории обучения и воспитания идеи, закономерности, делать выводы; – умение устанавливать и регулировать параметры физической нагрузки для дошкольников разного пола и возраста; – умение устанавливать конструктивное психолого-педагогическое взаимодействие: с организаторами, конкурсантами, педагогами ДОУ, членами конкурсной комиссии, волонтерами и т.д.; – умение представлять собственный педагогический опыт, грамотно излагать текст доклада; – умение выражать мысли, подкреплять их с помощью иллюстративного материала на теоретическом испытании; – умение прогнозировать вопросы и замечания конкурсной комиссии, готовить предполагаемые ответы; – владение навыками саморегуляции эмоционального состояния; – владение навыками работы с персональным компьютером, знание основных компьютерных программ, умение их использовать для поиска необходимой информации по изучаемой проблеме 	<ul style="list-style-type: none"> – Знания об условиях, содержании, требованиях к проведению конкурсов педагогического мастерства; – знание теоретических основ педагогической деятельности; – знание современных педагогических концепций и подходов к решению педагогических проблем в сфере физического воспитания дошкольников; – первичные навыки оценки и анализа документов планирования физкультурно-спортивных и оздоровительных мероприятий с дошкольниками; – умение работать в команде, договариваться о распределении обязанностей, осуществлять помощь и взаимовыручку; – умение работать с диагностическим инструментарием, позволяющим оценивать моторную плотность физкультурных занятий с детьми разных возрастных групп; – знания и умения, касающиеся исследовательской деятельности в сфере физического воспитания детей дошкольного возраста; – первоначальные навыки публичного выступления, умения адекватно реагировать на замечания и вопросы аудитории; – умение общаться с различными представителями профессионального сообщества, организовывать совместную с ними деятельность для достижения поставленных целей; – умение оценивать выступление участников Конкурса и обосновывать свою точку зрения, работая в качестве члена студенческого жюри; – владение навыками работы с персональным компьютером, знание основных компьютерных программ, умение их использовать для поиска необходимой информации по изучаемой проблеме

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Что ценного, по-вашему, Вы приобрели в ходе конкурса?», %

Постконкурсный этап. Важной особенностью предложенной модели является её пролонгированный характер, возможность продолжать обучение как педагогов, так и студентов, несмотря на завершение Конкурса. После просмотра конкурсных мероприятий *студенты*, которые присутствовали в качестве зрителей, самостоятельно оценивали выступления конкурсантов и на практических занятиях их анализировали, обосновывали свои точки зрения. Дополнительно предусмат-

ривалось проведение методических занятий, на которых студенты формировали умения оценивать моторную плотность различных форм физкультурно-оздоровительных мероприятий с дошкольниками, получали знания о правилах использования оборудования для фиксации показателей двигательной активности – шагомеров, пульсометров. Последующий анализ и обоснование полученных в ходе Конкурса физиологиче-

ских кривых помогал увидеть допущенные конкурсантами ошибки и анализировать возможные пути их преодоления.

Просмотр выступлений педагогов ДОО помог акцентировать внимание студентов на важности умения публично выступать, отвечать на вопросы, замечания членов жюри, культуре речи, жестов, мимики. На семинарских занятиях этим вопросам придавалось важное значение, организовывались тренинги студентов (доклады, эссе, ролевые игры).

Анализ выявленных на Конкурсе проблем позволил предусмотреть своего рода профилактические мероприятия в процессе обучения студентов, их подготовке к профессиональной деятельности и предстоящим конкурсам педагогического мастерства. Так, для студентов бакалавриата были разработаны обзорные лекции, раскрывающие условия, содержание, требования к проведению занятий с детьми дошкольного возраста. Теоретические аспекты реализации физической культуры в ДОО анализировались и на практических занятиях. Студенты изучали конкурсные материалы, проводили экспертизу конспектов физкультурных занятий, отслеживали правильность формулировок целей и задач, соответствие подобранных средств и методов физического воспитания, параметров физической нагрузки возрастным особенностям дошкольников. Кроме того, в процесс обучения в вузе были внедрены практические занятия, приближенные к условиям конкурса.

Не менее важная работа в постконкурсный период проводилась и с педагогами. Им оказывалась помощь в подготовке и размещении публикаций, обобщающих собственный педагогический опыт. Победители Конкурса проводили мастер-классы для педагогов области, выступали на научно-практических конференциях, организованных институтом физической культуры. Часть педагогов взяла на себя функции наставников студентов в период практики, подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ. Победители Конкурса участвовали в качестве экспертов на различных профессиональных мероприятиях.

Выводы

1. Анализ научной литературы, посвященной конкурсам профессионального мастерства, позволяет кон-

статировать наличие широких возможностей использования данного формата для совершенствования профессиональных умений и навыков педагогов и студентов педагогических направлений подготовки, однако в системе непрерывного образования специалистов сферы физической культуры эти возможности используются недостаточно.

2. В процессе исследования было установлено, что значимыми мотивами участия в конкурсах для педагогов является развитие профессиональных компетенций, приобретение новых знаний и умений, получение опыта новой деятельности. При этом педагоги часто испытывают затруднения при прохождении конкурсных испытаний и нуждаются в обучении так же, как и студенты института физкультуры – потенциальные участники подобных мероприятий в будущем.

3. Предложен особый формат обучения, основанный на идее интеграции неформального образования студентов и педагогов. Интегративная модель обучения студентов и педагогов по физической культуре нацелена на формирование профессиональных знаний и умений; реализуется поэтапно в условиях конкурса профессионального мастерства с соблюдением ряда принципов (непрерывности и пролонгированного действия, профессиональной ценности, открытости и добровольности и др.); предполагает дифференцированный подбор содержания, средств, методов и организационных форм для студентов и участников конкурса.

4. Эффективность модели обучения, реализованной в условиях Областного конкурса «Мастер педагогического труда по внеучебным формам физкультурно-оздоровительной и спортивной работы», состоит в преодолении «болевых точек», развитии профессиональных умений и навыков, среди которых студенты в первую очередь отметили совершенствование специально-педагогических умений и навыков, умение работать в команде, навыки работы с информационными ресурсами, а педагоги – умение обобщать и представлять свой педагогический опыт, навыки публичных выступлений и специально-педагогические умения.

Перспективы представленного исследования видятся в возможности вариативного использования предложенного формата для повышения качества непрерывного образования педагогов и студентов различных направлений подготовки.

Список источников

1. Зайцева О.В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 7(85). С. 106–109.
2. Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. 2012. № 5. С. 122–127.
3. Непрерывное образование взрослого населения в России: вовлеченность, источники финансирования и основные эффекты от участия. Информационный бюллетень. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. 32 с.
4. Сосуновский В.С., Загребская А.И., Акинина М.Д., Радаева С.В. Организация физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 182–189. doi: 10.17223/15617793/466/22
5. Колесникова И.А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракурсы исследования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 1 (1). С. 2–18.
6. Овчинников А.Ю., Иванова Н.Ю. Применение мультимедийных технологий в подготовке студентов по дисциплинам профессионального цикла в вузах физической культуры // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 10 (116). С. 99–103.
7. Стародубцева И.В., Завьялова Т.П. Организация профессиональных проб в процессе обучения студентов физкультурного вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 3 (157). С. 273–277.

8. Черкасов В.В., Черкасова И.И. Практико-ориентированная технология формирования профессиональных компетенций будущих учителей физической культуры // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 209–217. doi: 10.17223/15617793/462/25
9. Аксёнова А.В. Научно-исследовательская деятельность в подготовке педагогов физической культуры // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 160–166. doi: 10.17223/15617793/440/22
10. Загряевская А.И., Сосуновский В.С. Ценностные ориентации как основа формирования спортивной культуры студентов в процессе физкультурно-спортивного образования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 119–122.
11. Чапкович Ж.А., Ревякина В.И. Профессиональная социализация студентов в процессе физического воспитания: теория и практика // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 179–183. doi: 10.17223/15617793/420/27
12. Нескреба Т.А., Чернышев Д.А. Методика повышения уровня профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 10 (164). С. 247–252.
13. Пружинин К.Н., Бахарева Е.В., Пружинина М.В. Внедрение многоуровневых педагогических технологий в программы повышения квалификаций педагогических работников в области физической культуры и спорта // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 11 (153). С. 200–203.
14. Пахомова Е.М. Конкурс профессионального мастерства как средство повышения квалификации учителя : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 24 с.
15. Серганова З.З. Педагогическое содействие совершенствованию профессионального мастерства учителей общеобразовательных организаций в системе повышения квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Грозный, 2020. 27 с.
16. Игнатова О.А. Становление творческой личности учителя в условиях школы нового типа : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2004. 20 с.
17. Привалова Г.Ф. Конкурс профессионального мастерства как средство развития творческого потенциала педагога : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.
18. Соколова Т.А. Стимулирование творческой активности учителей в условиях конкурса «Учитель года»: Организационно-управленческий аспект : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 28 с.
19. Агапова С.А. Педагогическое проектирование профессионального развития учителя : дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 167 с.
20. Булавкина Е.Б. Развитие профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования средствами конкурсов профессионального мастерства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2020. 24 с.
21. Галямов А.Ф., Ахметвалеев Р.Р., Абракипова А.Р. и др. Оценка компетенций участников конкурсов профмастерства на основе модифицированного метода анализа иерархий // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений : Proceedings of the 2nd International Conference “Information Technologies for Intelligent Decision Making Support” and the Intended International Workshop “Robots and Robotic Systems”. Т. 3. Уфа : ГОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», 2014. С. 184–190.
22. Гребенкина Л.К. Формирование профессионализма учителя в системе непрерывного педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 441 с.
23. Дубровская В.А. Влияние конкурсов педагогического мастерства на развитие профессионализма педагогов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2007. 18 с.
24. Колесникова Е.С., Костылева Т.В. Повышение профессиональной компетенции педагога через участие в конкурсах профессионального мастерства // Образование, воспитание и педагогика: традиции, опыт, инновации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. С. 31–34.
25. Кольванова Л.А., Муллер О.Ю. Конкурсы профессионального мастерства как средство повышения профессиональной компетенции педагогов // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 2 (50). С. 14–21.
26. Милонова Г.В. Конкурсы профессионального мастерства как фактор повышения профессионального развития педагогов // Региональное образование: современные тенденции. 2022. № 2 (48). С. 46–50.
27. Нагрелли Е.А. Формирование методической компетентности учителей в системе повышения квалификации : дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2009. 181 с.
28. Пекарских Н.И. Конкурсы профессионального мастерства как средство самосовершенствования личностно-профессиональных качеств педагога // Педагогическое образование в России. 2013. № 5. С. 140–144.
29. Серафимович И.В., Харавинина Л.Н. Конкурсы профессионального мастерства как форма развития профессиональных компетенций и профессионализации мышления педагогов // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 2 (4). С. 75–78.
30. Харавинина Л. Н. Сопровождение личностно-профессионального развития молодого педагога : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2011. 23 с.
31. Медник Е.А. Стимулирование педагогов к непрерывному образованию в процессе организации внутришкольной методической работы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2016. 25 с.
32. Пискун Л.Г. Внутришкольное управление профессиональным развитием учителя: На примере гимназии г. Дудинки : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 141 с.
33. Шестернинов Е.Е. Креатизация образования как фактор развития инновационного потенциала муниципальной образовательной системы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2000. 25 с.
34. Чиркова Г.П. Формирование профессионально-педагогической направленности студентов национального факультета университета : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2007. 19 с.
35. Линкер Г.Р. Творческие учебные задания в структуре формирования у студентов педвуза готовности к организации летнего отдыха детей и подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2006. 21 с.
36. Писарев Я.А. Формирование профессионально значимых качеств будущих учителей в процессе летней педагогической практики : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2005. 198 с.
37. Завьялова Т.П., Стародубцева И.В. Научно-исследовательская работа педагога по физической культуре : учеб.-метод. пособие. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. 100 с.

References

1. Zaytseva, O.V. (2009) Nprerivnoe obrazovanie: osnovnye ponyatiya i opredeleniya [Continuous education: basic concepts and definitions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (85). pp. 106–109.
2. Zeer, E.F. (2012) Kontseptsiya professional'nogo razvitiya cheloveka v sisteme neprerivnogo obrazovaniya [The concept of professional development of a person in the system of continuous education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 122–127.
3. HSE. (2018) *Nprerivnoe obrazovanie v zroslogo naseleniya v Rossii: vol'echennost', istochniki finansirovaniya i osnovnye efekty ot uchastiya. Informatsionnyy byulleten'* [Continuing education of the adult population in Russia: involvement, funding sources and main effects of participation. News bulletin]. Moscow: HSE.

4. Sosunovskiy, V.S. et al. (2021) Organization of Preschoolers' Physical Education in the Montessori Pedagogical System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/22
5. Kolesnikova, I.A. (2013) Nepreryvnoe obrazovanie kak fenomen XXI veka: novye rakursy issledovaniya [Continuing Education as a Phenomenon of the 21st Century: New Perspectives of Research]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 1 (1). pp. 2–18.
6. Ovchinnikov, A.Yu. & Ivanova, N.Yu. (2014) Primeneniye mul'timediynykh tekhnologiy v podgotovke studentov po distsiplinam professional'nogo tsikla v vuzakh fizicheskoy kul'tury [The use of multimedia technologies in the preparation of students in the disciplines of the professional cycle in the universities of physical culture]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (116). pp. 99–103.
7. Starodubtseva, I.V. & Zav'yalova, T.P. (2018) Organizatsiya professional'nykh prob v protsesse obucheniya studentov fizkul'turnogo vuza [Organization of professional tests in the teaching students of a physical culture university]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 3 (157). pp. 273–277.
8. Cherkasov, V.V. & Cherkasova, I.I. (2021) Practice-oriented technology for the formation of professional competencies of future teachers of physical culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 209–217. doi: 10.17223/15617793/462/25
9. Aksenova, A.V. (2019) Research activities in the training of physical education teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 160–166. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/440/22
10. Zagrevskaya, A.I. & Sosunovskiy, V.S. (2013) Value orientations as a basis for the formation of students' sports culture in physical culture and sports education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 119–122. (In Russian).
11. Chapkovich, Zh.A. & Revyakina, V.I. (2017) Professional socialization of students in physical education: theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. (In Russian). pp. 179–183. doi: 10.17223/15617793/420/27
12. Neskreba, T.A. & Chernyshev, D.A. (2018) Metodika povysheniya urovnya professional'noy kompetentnosti uchitelya fizicheskoy kul'tury v sisteme dopolnitel'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Methodology for increasing the level of professional competence of a physical culture teacher in the system of additional pedagogical education]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (164). pp. 247–252.
13. Pruzhinin, K.N., Bakhareva, E.V. & Pruzhinina, M.V. (2017) Vnedrenie mnogourovnevnykh pedagogicheskikh tekhnologiy v programmy povysheniya kvalifikatsiy pedagogicheskikh rabotnikov v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta [Implementation of multi-level pedagogical technologies in the programs for improving the qualifications of pedagogical workers in the field of physical culture and sports]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 11 (153). pp. 200–203.
14. Pakhomova, E.M. (2003) *Konkurs professional'nogo masterstva kak sredstvo povysheniya kvalifikatsii uchitelya* [Competition of professional skills as a means of improving the qualifications of a teacher]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
15. Serganova, Z.Z. (2020) *Pedagogicheskoe sodeystvie sovershenstvovaniyu professional'nogo masterstva uchiteley obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy v sisteme povysheniya kvalifikatsii* [Pedagogical assistance to the improvement of the professional skills of teachers of general education organizations in the system of advanced training: author]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Grozny.
16. Ignatova, O.A. (2004) *Stanovlenie tvorcheskoy lichnosti uchitelya v usloviyakh shkoly novogo tipa* [Formation of the teacher's creative personality in a new type of school]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Ryazan.
17. Privalova, G.F. (2008) *Konkurs professional'nogo masterstva kak sredstvo razvitiya tvorcheskogo potentsiala pedagoga* [Competition of professional skills as a means of developing the creative potential of a teacher]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Yekaterinburg.
18. Sokolova, T.A. (1999) *Stimulirovaniye tvorcheskoy aktivnosti uchiteley v usloviyakh konkursa "Uchitel' goda"*: Organizatsionno-upravlencheskiy aspekt [Stimulating the creative activity of teachers in the conditions of the competition "Teacher of the Year": Organizational and managerial aspect]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Agapova, S.A. (2012) *Pedagogicheskoe proektirovaniye professional'nogo razvitiya uchitelya* [Pedagogical design of teacher's professional development]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
20. Bulavkina, E.B. (2020) *Razvitie professional'noy kompetentnosti pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya sredstvami konkursov professional'nogo masterstva* [Development of professional competence of teachers of preschool education by means of competitions of professional skills]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Oryol.
21. Galyamov, A.F. et al. (2014) [Evaluation of the competencies of participants in professional skills competitions based on a modified method for analyzing hierarchies]. *Informatsionnye tekhnologii intellektual'noy podderzhki prinyatiya resheniy* [Information Technologies for Intelligent Decision Making Support]. Proceedings of the 2nd International Conference "Information Technologies for Intelligent Decision Making Support" and the Intended International Workshop "Robots and Robotic Systems". Vol. 3. Ufa: Ufa State Aviation Technical University. pp. 184–190.
22. Grebenkina, L.K. (2000) *Formirovaniye professionalizma uchitelya v sisteme nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Formation of teacher's professionalism in the system of continuous pedagogical education]. Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
23. Dubrovskaya, V.A. (2007) *Vliyaniye konkursov pedagogicheskogo masterstva na razvitie professionalizma pedagogov* [Influence of competitions of pedagogical skills on the development of teachers' professionalism]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Kemerovo.
24. Kolesnikova, E.S. & Kostyleva, T.V. (2022) [Improving the professional competence of a teacher through participation in competitions of professional skills]. *Obrazovanie, vospitanie i pedagogika: traditsii, opyt, innovatsii* [Education, upbringing and pedagogy: traditions, experience, innovations]. Conference Proceedings. Penza. pp. 31–34. (In Russian).
25. Kolyvanova, L.A. & Muller, O.Yu. (2022) *Konkursy professional'nogo masterstva kak sredstvo povysheniya professional'noy kompetentsii pedagogov* [Competitions of professional skills as a means of improving the professional competence of teachers]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2 (50). pp. 14–21.
26. Milonova, G.V. (2022) *Konkursy professional'nogo masterstva kak faktor povysheniya professional'nogo razvitiya pedagogov* [Competitions of professional skills as a factor in improving the professional development of teachers]. *Regional'noe obrazovanie: sovremennyye tendentsii*. 2 (48). pp. 46–50.
27. Nagrelli, E.A. (2009) *Formirovaniye metodicheskoy kompetentnosti uchiteley v sisteme povysheniya kvalifikatsii* [Formation of methodological competence of teachers in the system of advanced training]. Pedagogics Cand. Diss. Kemerovo.
28. Pekarskikh, N.I. (2013) *Konkursy professional'nogo masterstva kak sredstvo samovershenstvovaniya lichnostno-professional'nykh kachestv pedagoga* [Competitions of professional skills as a means of self-improvement of the personal and professional qualities of a teacher]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 140–144.
29. Serafimovich, I.V. & Kharavinina, L.N. (2019) *Konkursy professional'nogo masterstva kak forma razvitiya professional'nykh kompetentsiy i professionalizatsii myshleniya pedagogov* [Competitions of professional skills as a form of development of professional competencies and professionalization of teachers' thinking]. *Gumanitarnyye balkanskiye issledovaniya*. 3:2 (4). pp. 75–78.
30. Kharavinina, L.N. (2011) *Soprovozhdeniye lichnostno-professional'nogo razvitiya mladogo pedagoga* [Accompanying the personal and professional development of a young teacher]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Yaroslavl.
31. Mednik, E.A. (2016) *Stimulirovaniye pedagogov k nepreryvnomu obrazovaniyu v protsesse organizatsii vnutrishkol'noy metodicheskoy raboty* [Stimulation of teachers for continuous education in the process of organizing intra-school methodological work]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Veliky Novgorod.
32. Piskun, L.G. (2000) *Vnutrishkol'noe upravleniye professional'nym razvitiem uchitelya: Na primere gimnazii g. Dudinki* [Intra-school management of the teacher's professional development: On the example of the Dudinka gymnasium]. Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.

33. Shesterninov, E.E. (2000) *Kreatizatsiya obrazovaniya kak faktor razvitiya innovatsionnogo potentsiala munitsipal'noy obrazovatel'noy sistemy* [Creatization of education as a factor in the development of the innovative potential of the municipal educational system]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Veliky Novgorod.
34. Chirkova, G.P. (2007) *Formirovanie professional'no-pedagogicheskoy napravlenosti studentov natsional'nogo fakul'teta universiteta* [Formation of the professional and pedagogical orientation of students of the national faculty of the university]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Izhevsk.
35. Linker, G.R. (2006) *Tvorcheskie uchebnye zadaniya v strukture formirovaniya u studentov pedvuza gotovnosti k organizatsii letnego otdykh detey i podrostkov* [Creative learning tasks in the structure of the formation of readiness for the organization of summer holidays for children and adolescents among students of a pedagogical university]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
36. Pisarev, Ya.A. (2005) *Formirovanie professional'no znachimykh kachestv budushchikh uchiteley v protsesse letney pedagogicheskoy praktiki* [Formation of professionally significant qualities of future teachers in the process of summer teaching practice]. Pedagogics Cand. Diss. Chelyabinsk.
37. Zav'yalova, T.P. & Starodubtseva, I.V. (2014) *Nauchno-issledovatel'skaya rabota pedagoga po fizicheskoy kul'ture: ucheb.-metod. posobie* [Research work of a physical culture teacher: textbook]. Tyumen: University of Tyumen.

Информация об авторах:

Стародубцева И.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.v.starodubceva@utmn.ru

Завьялова Т.П. – канд. пед. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: t.p.zavyalova@utmn.ru

Макаридин Д.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: d.n.makaridin@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Starodubtseva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Humanitarian and Natural Science Foundations of Physical Culture and Sports, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.v.starodubceva@utmn.ru

T.P. Zavyalova, Cand. Sci. (Pedagogics), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.p.zavyalova@utmn.ru

D.N. Makaridin, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: d.n.makaridin@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 08.02.2023;
approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Original article
UDC 378.4
doi: 10.17223/15617793/487/21

Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education*

Nataliya N. Abakumova^{1, 4}, Olesya V. Tsiguleva^{2, 5}, Chuanya Ju^{3, 6}, Guofang Lei^{1, 7}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

³ Sun Yat-Sen University, Guangdong Province, China

⁴ tomsk-ann@yandex.ru

⁵ oltsiguleva@yandex.ru

⁶ 450076784@qq.com

⁷ leiguofang@126.com

Abstract. The article presents a comparative analysis of methodological approaches to Konstantin Ushinsky's pedagogical heritage in different countries. The authors examine literature, strategic and regulatory documents on organizing the educational process in Russian, Chinese, German and American universities in order to determine the humanitarian component of Ushinsky's heritage. They describe differences in the interpretation of the concept "humanization in higher education" in the studies of scientists from Germany and the USA. They conclude about the unity of interpretations of the concept in Russian and Chinese practices.

Keywords: pedagogical heritage, humanitarization in higher education, universities, Konstantin Ushinsky

For citation: Abakumova, N.N., Tsiguleva, O.V., Ju, C. & Lei, G. (2023) Konstantin Ushinsky's world pedagogical heritage in the context of humanitarization in education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 188–195. doi: 10.17223/15617793/487/21

Introduction. Changing social conditions of life, society and individual needs development, pedagogical values are also transformed. Higher education humanitarization is an international problem, whose solution is being worked on by many research teams in Russia, China, Germany, USA etc. The research teams' collaboration from different countries is important, because it becomes possible to conduct full-fledged and comprehensive studies of the transformation processes taking place in higher education.

Y.S. Sizova [1], argumentatively substantiates that humanitarization is the main direction of higher education. Following her, by higher education humanitarization, we will understand: 1) inclusion of natural science and technical knowledge in the field of their human vision, identification of their social conditionality and orientation, acquisition of their value status; 2) ideological functions awareness of natural and technical sciences and their convergence in subject and methodological orientation with the humanities.

The humanistic orientation of Konstantin Ushinsky's ideas determined the wide scope of scientific research in the world. Ushinsky saw the goal of pedagogy in educating a perfect person, which unites humanity, background, patriotism, diligence, religiosity. The essence of K.D. Ushinsky's ideas and experience are most fully revealed in the context of humanitarization in education [2–4]. Recent studies of Ushinsky's works allow us to conclude that all the variety of ideas, concepts of Russian, Chinese, German and American pedagogical practice in higher education can be presented in line with humanitarization in education.

Methodology and methods of research. The study's methodological basis was works on humanitarization in education by Sh.A. Amonashvili, M.M. Bakhtin, S.V. Devyatova, A.A. Kasyan, A.M. Novikov, I.P. Podlasogo, et al. Such authors as: S.V. Devyatova, A.A. Kasyana, V.I. Kuptsova, E.M. Mirsky, and others worked in the direction of humanitarization in higher school. Research results' interpretation was carried out based on the humanization of learning general theory, which is presented in the works of T.V. Bolotii, G.B. Darkevich, O.T. Lebedev, I.N. Sizemskaya, V.M. Filippov, et al. Strategic and regulatory documents' analysis of the educational process organization in universities of Russia, China and Germany; dissertation research for the period of 2002–2022 years. The study used a comparative analysis of methodological approaches to Ushinsky's pedagogical heritage.

Study results

K.D. Ushinsky's pedagogical heritage [5–9], at the present stage of higher school development, acquires a humanitarian context. This can be assessed through humanity, patriotism, education and hard work, which are reflected in K.D. Ushinsky's pedagogy as the education goal – a person's comprehensive harmonious development. That is, the education process is presented as a creating conditions process for the student's personality development – "It is in vain for a person to say: do this, do that; show him laws of the mind, laws of nature, laws of history, strengthen his will with life itself, and leave it to him to act; enter him into the world, open his eyes, but if you do not want to humiliate human dignity in him, then

do not lead him, blind and bound, to the goal that seems better for you” [8. P. 348].

Over the past 20 years, 39 dissertations have been defended based on K.D. Ushinsky's works materials. In these papers, K.D. Ushinsky's pedagogical heritage is most often considered as the basis of morality formation as the fundamental principle of the philosophy of education – nationality. In the part of the pedagogy's history research is being conducted that reveals K.D. Ushinsky's anthropological ideas in solving theoretical and practical problems of education [10]. As shown in the study of Belsky V.Yu. [11], Russia's education national system was determined by K.D. Ushinsky's works, in which there was a significant potential for the humanitarization in education, in contrast to the Western system. The humanistic context of K.D. Ushinsky's ideas is revealed in detail in Mishina T.N. [12] and Alexandrova V.G. works [13].

Global trends' analyses in pedagogical knowledge development, universal values in pedagogy allowed a

prominent Russian scientist, President of the Russian Academy of Education N.D. Nikandrov to identify a very significant and indicative trend – the movement towards humane pedagogy. At the same time, he showed that the idea of humane pedagogy cannot but prevail, and what works for its development should be considered universal values in pedagogy itself. “Humane pedagogy itself,” says N.D. Nikandrov, “is a universal human value that has its origin in human nature and ultimately overcomes differences – ethnic, ideological, class. What works for its development should be considered universal values in pedagogy itself” [14].

There is a significant difference in the years of defended dissertations. The greatest demand for K.D. Ushinsky's works was recorded in 2002–2004. Later the interest gradually decreases. From 2019 to the present time we can talk about the increasing relevance of K.D. Ushinsky's concepts, ideas and theories. The results are shown in the figure 1.

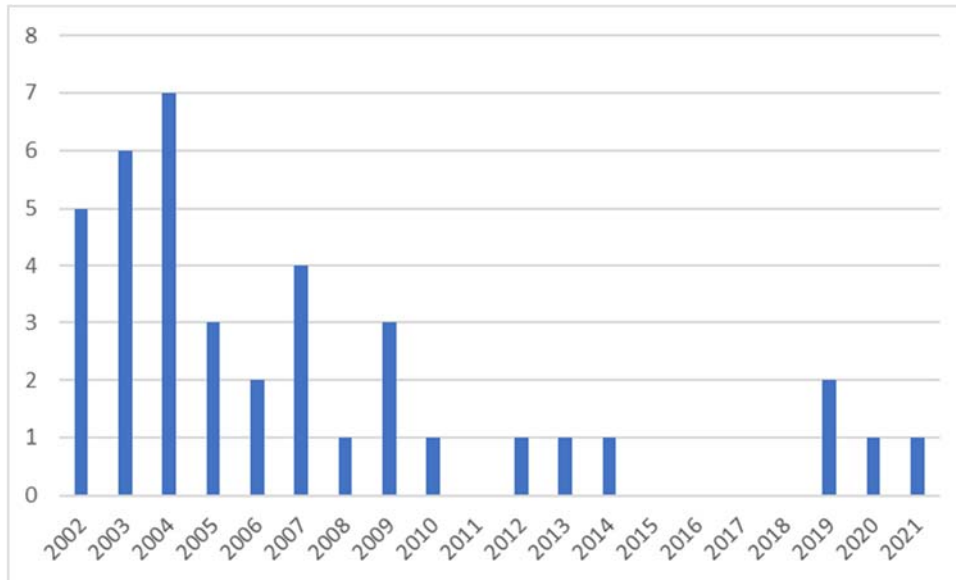

Fig. 1. Number of theses defended

Historical content of humanitarization in education in Russia, China, Germany and USA

The understanding of pedagogical phenomena and processes' value characteristics has developed under the general axiology influence. Pedagogical axiology is based on understanding and affirming the human life's value, knowledge, education and training and pedagogical activity. That is why humanitarian pedagogy development begins with reflection on the contributions of those who have laid the groundwork for present pedagogical theory and practice [15].

One of the humanistic pedagogy founders is an outstanding Russian scientist K.D. Ushinsky, whose works are most in demand in the world pedagogical community [16]. Humanism permeates the entire pedagogy of K.D. Ushinsky. He saw the main education purpose in a perfect person education, in comprehensive harmonious of a person development.

Germany. At the beginning of the 19th century the German education system was considered the most

progressive in Europe and thus in the world. Certain German educational thinkers enjoyed especially favorable reputations in the developed world. No wonder that several leading foreign figures in the field of education, but also writers and others took a great interest in the Prussian educational theory and practice, among them K.D. Ushinsky from Russia [15].

The same ideas and intentions of the “school of action” were represented by German pedagogue V.A. Lay was also based on the knowledge of physiology and psychology [17]. In researcher's opinion, education should be based on actions' sequence (for example perception, mental processing of the received information, the external expression of ideas through the description, drawing, experiments, dramatization).

USA. J. Dewey and H. Mann were the founders, who set the stage back at the beginning of the 20th century for using public education to promote the ideas of Humanism, based on Ushinsky's heritage. H. Mann began an active

pursuit of his plan to establish state controlled primary schools with compulsory education for all children, using Ushinsky's ideas [18].

Ushinsky's follower in the field of humanitarization in education was also a well-known American businessman and politician G. Carr, who wrote the statement «Moral and Spiritual Values In the Public Schools». Moral and spiritual values were declared in the statement, considering as values, when applied to human behavior, exalt and refine life and bring it into accord with the standards of conduct and culture¹.

China. In the increasing internationalization process of higher education in China, how to comprehensively promote humanitarization in education is a serious problem facing Chinese higher education. Although more than a century has passed since the educational ideas put forward by the famous Russian democratic educator Konstantin Dmitriyevich Ushinsky, however, in the internationalization process of higher education today, his educational philosophy still has important reference significance for higher education development in China.

The concept "humanization" only appeared in China in the 1980s². It was not until 1987 that Chinese scholars began to study this concept, but research before 2000 focused on the idealized pursuit of management systems, the use of science and technology, and urban development. This is in line with the era's needs when economic development as the "hard truth", and the "excessive marketization" in the process of the market economy system establishing has stimulated people's rethink on the "dehumanization" in the rigid system. Entering the 21st century, with the further improvement of economic living standards, the idea of "humanization" in the field of "metaphysical" has naturally spread to the education field.

According to Sun Zhendong's point of view, the lack of theoretical construction and publicity has led the Chinese academic community to misread the concept of "human oriented" of development proposed in 2003 as "upholding humanism", causing abstract humanism to become part of the ideological understanding of the flourishing trend of humanization in Chinese education [19]. With the development of contemporary postmodernism, education should return to the true nature of life from the scientific world, and the rejection of the moral education importance and other views affect people's values and educational outlook. Some Chinese scholars advocate using the above-mentioned ideological perspectives to examine China's education in the process of reform, and accuse some of the unsatisfactory aspects of it as "inhumane." The terms "humanization of curriculum", "humanization of teaching", "humanization of management of institutions of higher learning",

"humanization of ideological and political education" and "humanization of education" have emerged.

In the perspective of humanized education, educational practice should be based the natural attributes of human nature: irrationality, spontaneity, and freedom, and follow the natural laws of human physical and mental development [20]. Based on Ushinsky's educational philosophy, the author summarizes humanitarization of education as the dual realization and unity of humanized educational purposes and humanized educational means. The quality education implemented by Chinese institutions of higher learning is one of the humanizing education manifestations.

The field of higher education mainly addressed some of the long-term disadvantages overly narrow training of specialized talents, China has started to carry out quality education in institutions of higher learning in a planned and organized manner from 1995. On June 13, 1999, the Central Committee of the China Communist Party and the State Council made the «The Decision on Deepening Education Reform and Comprehensively Promoting Quality Education», which proposed to comprehensively promote quality education and cultivate new socialist talents who meet the needs of modernization in the 21st century; deepen education reform and create conditions for the implementation of quality education; optimize the structure and build a team of high-quality teachers who comprehensively promote quality education; strengthen leadership, and the whole party and society work together to create a new situation of quality education. This policy highlights the re-examination of the humanized value of education. The gross enrollment rate of higher education in China has risen from 9.8% in 1998 to 48.1% in 2019³. Qu Zhenyuan pointed out, China's quality education is facing a stage where theory is rich, but practice needs to be strengthened. Although quality education is the strategic theme of education reform, the results are not yet satisfactory [21]. Under the leadership of the humanization trend of education, a new type of talent training model combining general education and professional education is established; promoting the formation of quality education and training in colleges and universities, society, and families is the only way for China's higher education to face the future [22]. In this process, Ushinsky's advanced educational ideas will have important reference value and have attracted the attention of many Chinese scholars.

The research preferences of Chinese scholars on Ushinsky's educational philosophy

After China implemented the reform and opening-up policy, out of reflection on humanitarization of education, Chinese scholars began to study Ushinsky's theory in the early 1980s. The research on his ideas also confirms the

¹ Waggoner R. The humanization of America in culture, education and law. [Online] Available from: <https://thebible.net/biblicaltheism/humanameri.htm>

² It was first seen in the translation of an article called "On the Humanization of Scientific and Technological Creativity" in the 6th issue of the journal "Foreign Social Sciences" in 1980

³ The date comes from the "China Education News" published on the official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China on September 14, 2019. [Online] Available from: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_2082/zl_2019n/2019_zl69/201909/t20190916_399327.htm l (accessed 21.09.2022).

process of China's higher educational reform and development from the side.

Considering that early education is dominated by teachers, cultivating students with the same social attributes ignores individual students. Therefore, the early research on Ushinsky's thought focused on discussing the form of education and the role of teachers in teaching. Through cooperation, soviet scholars and Chinese scholars compared the understanding of the essence and principles of teaching by European and American educators and Ushinsky from the theoretical level, they believed that Ushinsky's insertion of psychology between pedagogy and epistemology gave the essence of teaching an important psychological basis [23]. Li Wenkui agreed with Ushinsky's summary of historical experience in terms of teaching content and students' intellectual development. Whether it is "substantive education" that only focuses on teaching content or "formal education" that only emphasizes the development of students' intelligence, it is one-sided, and the two should be organically combined [24]. Pan Jiaqiong introduced the consistency of the understanding process and the teaching process in Ushinsky's works and the particularity of this process. According to the scholars' point of view, teachers should process human historical experience so that it meets the requirements of pedagogy and adapts to the purpose of teaching. It is necessary to select the content that the younger generation must master and they can accept [25].

Facing the tide of foreign educational thought, Chinese scholars began to discuss how to use foreign educational experience to establish an educational system and educational theory system with Chinese characteristics. Dai Qiping indicated that K.D. Ushinsky demanded that Russia's own education system be established according to the characteristics and interests of the Russian nation, and that it should not copy the things of other countries. Therefore, a multi-level education system in line with China's national conditions should be established based on China's large population, thin foundation, and uneven development of productivity [26]. Cui Yunhuo and Wang Jianjun from the perspective of history and comparative teaching made suggestions on the reform of the Department of Education of Chinese normal colleges and universities. Referring to the training goal of the Education Department envisioned by Ushinsky-to develop pedagogy and cultivate pedagogy academic talents, China should set up a teaching department with the training goal. Normal universities divide departments by subject, and within the Education Department, teaching and research departments are also divided by second-level subject as the dimension, so that the directivity of education is more clear [27].

In the 21st century, with the advancement of quality education in China, the research on Ushinsky's educational philosophy has entered a more comprehensive stage of ideological research. Li Gaoyan convinced that putting moral education with patriotism education and humanitarian education as the main content in the first place of education occupies an important position in the principle of nationality. Strengthening the recognition, cultivation and development of the national way of thinking and the national spirit will promote the

development of China's moral education work [28]. The concept of "nationality" is the embodiment of the awakening and deepening of Russian national consciousness, and it is the most effective social mobilization resource in Russia. Cao Wenming and Lv Hui systematically investigated the theoretical logic of the generation of educational ethnic thought, and comprehensively examined the diverse construction of its thought, which will help China clarify the relationship between "self" and world education [29].

Therefore, in the higher education field, the focus of Chinese scholars has concentrated on the research on some of Ushinsky's educational ideas and the teachers' role in educational process, reflecting the reform process of humanized education in China after the reform's implementation and opening-up policy.

K.D. Ushinsky ideas about teacher training in China higher education system are most in demand and implemented. Positions unity of Russian and Chinese systems of teacher training in higher education comes from K.D. Ushinsky's pedagogical anthropology provisions, which asserts the state goal- to train a teacher for a folk school, that he (or she) should not only be a good teacher, but also an educator - "a mentor should be a good educator and act with his teaching for more than one thing enriching the mind with knowledge, but also for all pupil's mental and moral forces development ..." [7. P. 513].

K.D. Ushinsky's world pedagogical heritage

1. The research of Ushinsky's teacher education thoughts

K.D. Ushinsky was a famous Russian educator of the 1860s. He fond of education and had a long career in school education, reforming the school life system and education and teaching in practice. In the course of his educational practice, K.D. Ushinsky offered his insights on teachers and their training, such as the teachers' role, the qualities they should possess and teachers training. All These theories concentrated around the idea that teachers are for the people and the training for the people too. It offers a fresh perspective on the relationship between teachers and the state and the people, and gives us a greater emphasis on the teachers' role in social life and on a range of issues concerning teacher education. K.D. Ushinsky's discussion of teacher education provides important insights for pedagogues training in many countries today.

2. The teacher's role: The teacher is the soul of the school

K.D. Ushinsky believed that the school played a decisive role in the process of educating people, and that the teacher was the main staff member of the school, on whom everything depended. He believed that the most important member of the public educational institution, the school, was undoubtedly the teacher. He further elaborated on the educator's role in the school. "No matter what protocols and syllabuses exist, no matter what institutions exist in schools, no matter how well thought out the methods are, they cannot replace the teacher's role in educational work" [30]. It is absolutely clear that the teacher is the soul of everything.

According to K.D. Ushinsky, the teacher's life can also have a significant impact on the formation of a student's character. During the school year, which is a crucial period a child's character formation, teachers need to create a positive environment for their students, both in terms of learning and living. Teachers must be attentive to changes in their surroundings and seize educational opportunities at the right time to provide the right character development for their students. Teachers should be aware of their own behaviour in everyday life, as they are the role models for students to follow and any poor behaviour in life will have a negative impact on their character formation. K.D. Ushinsky states: "If the influence of innate human characteristics on the character's formation is an obvious fact, the influence of life's impressions on the same character may be even more obvious. .... Life's extremely broad educational influence... ..even if it does not change the innate qualities of character, it can change them considerably" [31].

Setting its priorities, humane pedagogy emphasizes, first of all, not the knowledge value, but person's value for whom this knowledge is a unique opportunity for their own development, formation. It is equally addressed to both sphere of a person: intellectual and emotional, because by focusing on emotional perception, supporting heuristic processes, stimulating the creativity of a student and a teacher, it makes education the spiritual and moral core of the educational process.

3. Of the teacher's quality: Spirit of the school

K.D. Ushinsky believes that for teachers to play their rightful role in schools and to have a students, they must constantly improve their overall quality, which This requires teachers to have good qualities:

A noble personality. To play his role as the soul of the school, a teacher must have a strong conviction to serve the interests of society and a determination to fight for the cause of education, and to act consistently in accordance with this conviction. Only then will he be able to carry out his educational work successfully. K.D. Ushinsky believed that no supervision or instruction could replace a teacher's conviction. He believed that a teacher's noble character had a great influence on his pupils. He said that the teacher's influence on the personality (character) of young minds constituted an educational force that could not be replaced by textbooks, let alone by moral maxims or systems of rewards and punishments.

K.D. Ushinsky believes that the spirit of the school lies nowhere else "but in the personality of the educator at large" and that "in education everything should be based on the educator's personality, for the power of education comes only from the living source of personality, and no regulation, no syllabus, no artificial school institution, however well thought out it may be, can replace the role of personality in educational work" [30]. The teacher's influence on the pupil personality is therefore very important. In education, the personality of the teacher is everything.

A teacher is an educator. According to Ushinsky, the teacher's main task is not only to teach, but also to educate;

he is not only a teacher, but also an educator. A teacher should of course be skilled in the subject he teaches, but more importantly "it is in his ability to use his subject to educate his pupils. A secondary school teacher's knowledge of one subject is far from being his main strength" [30], he said. Is it difficult to become familiar with a subject within the scope of the secondary school curriculum? Is it difficult to be familiar with three or four such subjects after only one or two years of study? The main strength of the secondary school teacher, however, is his skill in using his subject to educate his pupils. Therefore, teachers should be fully aware of this. They must not only be a 'preacher', but also a good educator. As soon as you become a teacher, you should to devote oneself to education as one's career and to education as one's career, and to realise oneself in one's educational work. Therefore, teachers are encouraged to observe more in their daily lives students and get to know them, only in this way can they be better and more quickly involved in work in education.

Be familiar with your own business. Teachers should be very familiar with their own business, keep abreast of developments and hotspots in the field of education, and constantly improve their knowledge and educational skills. They should keep abreast of developments and hotspots in the field of education and constantly improve their knowledge and educational skills. K.D. Ushinsky believes that actively sharing with peers educational experiences is an important way to become familiar with one's business. Therefore, he asked teachers to use educational publications to share their educational experiences.

4. Understand psychology laws

K.D. Ushinsky believed that teachers should have rich psychological knowledge and understand psychological laws. Although the teacher is not a psychologist, but must strive to grasp the laws of psychology, and the appropriate use of these laws in teaching. Teachers must take students' psychological characteristics and age characteristics into account when organizing teaching, because this can help teachers choose appropriate learning content and learning methods according to students' psychological needs, and is also conducive to students' timely acceptance and digestion. K.D. Ushinsky points out that teachers who are familiar with the laws of psychology will be able to accurately grasp students' developmental stages and characteristics, as students at different ages have different psychological. The teacher should learn more about psychology in his spare time. Therefore, teachers should learn more about psychology in their spare time, grasp the psychological patterns of the students they teach, and actively understand the psychological needs and learning needs of students. This will enable them to integrate and understand their students more quickly.

6. Cultivating the right educational intelligence

K.D. Ushinsky stresses that teachers must pay attention to the development of correct educational intelligence, otherwise educators, no matter how much they have studied pedagogical theories, cannot become excellent educational practitioners. The teacher's educational intelligence is a special orientation of the teacher in the process of education and teaching. It refers to the teacher's

sensitivity to the students' activities, the ability to make quick and correct judgments according to the students' new and especially unexpected situations, and the ability to take appropriate and effective educational measures to solve problems in a timely manner. A good teacher is not one who designs a perfect educational process, but one who is able to adapt to specific situations and choose the most appropriate pathway for the development of the pupils. To develop this kind of educational resourcefulness, it is not enough for teachers to have knowledge of psychology, and Ushinsky also sets out two other requirements. He said: "The ways and means of education are many and varied, and it is only by becoming familiar with all these various ways and means that the educator can escape the stubborn one-sidedness which, unfortunately, can often be seen in educational practitioners who are not familiar with educational books" [31]. Secondly, they must improve themselves in creative educational practice and take note of the experiences of good teachers. Teachers should develop their own educational resourcefulness in educational practice, in unexpected classroom situations, and learn from other veteran teachers to continually improve their own educational resourcefulness.

Teacher training: establishment of special teacher training institutions

K.D. Ushinsky gave great importance to teacher training, believing that the teacher is the soul of the school, and in both his Draft of the Teacher Training School and A Visit to Swiss Education he gave extremely profound insights into the subject of teacher training.

1. The development of a network of teacher training schools

K.D. Ushinsky strongly advocated the establishment of special educational institutions for the training of teachers and demanded that the state pay attention to the training of teachers. K.D. Ushinsky proposed the creation of a teacher training network, which would unify the quality of teachers and better prepare qualified teachers. The network would be more conducive to the development of a qualified teaching force. In addition, K.D. Ushinsky advocated that teacher training schools should be located in suitable sites. He believed that teacher training schools should not be located in large cities, but in small cities or villages. The reason was that small cities or villages, where life was simpler and even more difficult. They could forge teachers' resilience and simplicity of mind. At the same time they can also avoid the hustle and bustle of the big city. Teachers are also able to concentrate on their work in the teacher training school and devote themselves to teaching trainees without the distractions of they are not distracted by working part-time at another school.

2. Pedagogical education is combined with general education

In 1861 K.D. Ushinsky strongly advocated the establishment of special educational institutions for teachers training and demanded that the state pay attention to the teachers training. K.D. Ushinsky proposed the

creation of a teacher training network, which would unify the quality of teachers and better prepare qualified teachers. The network would be more conducive to the development of a qualified teaching force. In addition, K.D. Ushinsky advocated that teacher training schools should be located in suitable sites. He believed that teacher training schools should not be located in large cities, but in small cities or villages. The reason was that small cities or villages, where life was simpler and even more difficult. They could forge teachers' resilience and simplicity of mind. At the same time they can also avoid the hustle and bustle of the big city. Teachers are also able to concentrate on their work in the teacher training school and devote themselves to teaching trainees without the distractions of they are not distracted by working part-time at another school. K.D. Ushinsky published the Draft of Normal Schools. In the case, he stressed that future teachers must have a wide range of normal education and general Education. In the normal school teaching, he combined pedagogy, psychology and Teaching methods of various subjects are placed in a very important position. General education subjects include: Russian Language and literature, arithmetic, geography, history, and the natural sciences (including animal and plant law, Knowledge of human anatomy and physiology and some knowledge of agriculture and medicine). School students should learn to read aloud, neat calligraphy, painting, drawing, handwork, singing Songs and gymnastics. K.D. Ushinsky pays great importance to the education of normal university students.

3. Establishing education departments in universities

In order to produce more professional teachers, Ushinsky proposed the establishment of university department of education, offering courses in the history of education, psychology and pedagogy. The fact that universities have departments of medicine and finance rather than education, he argues, only proves that people care more about physical and financial health than they do about mental health, and more about the wealth of future generations than they do about a good education. Establishing departments of education in universities,

First of all, it will help normal students to systematically learn educational theories, consolidate the theoretical basis, and provide a theoretical basis for the study of all manifestations of human and human nature and their application in the art of education. Teachers should not only have good educational skills, but also learn advanced educational theories, keep abreast of educational trends in contemporary society, and update their theoretical knowledge. Only in this way can they provide a basis for practice under the guidance of educational theories. Secondly, it is conducive to the development and research of educational theory. The establishment of an independent education department in the university provides teachers with rich human and material resources to study educational theory and conduct educational experimental research, and provides favorable conditions for teachers to study educational theory.

The practical significance of Ushinsky's view on teacher-training education

K.D. Ushinsky discussion on teacher-training education still has a good reference for us today: 1. Teacher-training high schools should choose the appropriate environment.

K.D. Ushinsky believes that the appropriate school environment is conducive to students' learning and teachers' work. In today's materialistic society, it is particularly important for normal schools to choose a suitable school site to stay away from the temptation of material and profit. If the school is built in a suburb far away from the bustle or beautiful countryside, it will be beneficial to both teachers and students.

2. Equal emphasis on general education and teacher-training education

Ushinsky emphasized that teacher-training high schools should pay equal attention to both general education and pedagogical practice. General education is the basis of all education. Pedagogical universities' students are future teachers of the people and main engineers in cultivating the next generation.

3. Students of pedagogical universities should attach importance to teaching-training practice

K.D. Ushinsky attaches great importance to future teachers' educational practice, and he believes that educational practice is a very important link in the learning process of students. In our contemporary era, educational practice is also crucial for students of pedagogical universities. Teaching practice is an important method to test the learning achievements, and also a main way to provide students with the integration theory and practice.

Conclusion

Summarizing the results of K.D. Ushinsky's pedagogical heritage using in national higher education systems, we can conclude that it is promising. Currently, the humanization ideas in higher education and teaching staff special training can be considered the most relevant and in demand. The study allowed us to fix the greatest similarity of positions of K.D. Ushinsky's pedagogical heritage using in Russia and China higher education system. It is confirmed by dissertation research materials, an increase in the number of studies related to K.D. Ushinsky's ideas using in both Chinese and Russian pedagogical science and practice. The Chinese scientist's research takes into account the humanitarian orientation of K.D. Ushinsky's ideas, but, at the same time, they try to preserve the national specifics of the higher education system, especially in terms of teacher training.

Analysis studies of using K.D. Ushinsky pedagogical heritage in Germany and the USA points out the difference in concept connotations "humanization in higher education". The lack of unity in the concept interpretation "humanization in education" in the research field makes it eclectic. This indicates for further studies necessity in the direction of clarifying the national (regional) context of definition specifics and using of the concept "humanization in education". This will allow correct and reasonable interpretation of foreign studies results, extrapolation and comparative analysis.

The humanitarization in higher education in Russia, China, Germany and USA at the present stage is seen as one of theoretical pedagogy and educational practice's central problems. This may lead to a revision of the tasks of modern higher education, changes in the conceptual and terminological apparatus, etc.

References

1. Sizova, Yu.S. (2016) [Higher education humanitarization as a direction of its humanization]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy pedagogiki* [Topical Issues of Contemporary Pedagogics]. Proceedings of the VIII International Conference. Samara. March 2016. Samara : OOO "Izdatel'stvo ASGARID". pp. 261–266. [Online] Available from: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/188/9803/> (Accessed: 20.11.2022). (In Russian).
2. Zinevich, O.V. & Balmasova, T.A. (2021). Humanitarization of University and Social Engagement Mission. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 30 (11). pp. 52–63. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-52-63
3. Tsiguleva, O.V., Abakumova, N.N. & Pozdeeva, S.I. (2022) Human capital's humanitarian characteristics of a competent approach to education. *Language and Culture*. 57. pp. 292–307. DOI: 10.17223/19996195/57/15
4. Minzaripov, R.G., Fakhrutdinova, A.V., Abakumova, N.N., Xu, S. & Terentyeva, I.V. (2021) Scientific / Educational Communication and Leadership ARWU versus MosIUR. *Revista on line de Politica e Gestao Educacional, Araraquara*. 25 (1). pp. 557–566. DOI: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996. [Online] Available from: <https://periodicos.fclar.unesp.br/rpge/article/view/14996/10664> (Accessed: 27.04.2022).
5. Ushinsky, K.D. (1948) Lectures at the Yaroslavl Lyceum. In: Ushinsky, K.D. *Collected works: in 11 volumes*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 51–120 (In Russian).
6. Ushinsky, K.D. (1948) On the practicality of pedagogical literature. In: Ushinsky, K.D. *Collected works: in 11 volumes*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 15–41. (In Russian).
7. Ushinsky, K.D. (1948) The project of the teacher's seminary. In: Ushinsky, K.D. *Collected works: in 11 volumes*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 515–553. (In Russian).
8. Ushinsky, K.D. (1948) The speech about cameral education. In: Ushinsky, K.D. *Collected works: in 11 volumes*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 121–252. (In Russian).
9. Ushinsky, K.D. (1950) A man as a subject of education. Pedagogical anthropology. Volume 1. In: Ushinsky, K.D. *Collected works: in 11 volumes*. Vol. 8. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 11–679 (In Russian).
10. Kapustina, V.Yu. (2019) *Historiography of pedagogical anthropology ideas of K.D. Ushinsky's works*. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow. (In Russian).
11. Belsky, V.Yu. (2004) *Philosophy of Education of K.D. Ushinsky*. Philosophy Dr. Diss. Moscow. (In Russian).
12. Mishina, T.N. (2003) *Humanistic ideas of women education in Russia in the second half of the 19th –arly 20th centuries*. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Pyatigorsk. (In Russian).
13. Alexandrova, V.G. (2004) *The Influence of Christian Doctrine on the Humanistic Pedagogical Tradition Development of the 17th–20th Centuries*. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow. 46 p. (In Russian).
14. Nikandrov, N.D. (1990) On the way to humane pedagogy. *Soviet Pedagogy*. 9. pp. 41–47. (In Russian).

15. Ellis, A., Goltz, R. & Mayrhofer, W. (2014) *The Education Systems of Germany and Other European Countries of the 19th Century in the View of American and Russian Classics: Horace Mann and Konstantin Ushinsky*. [Online] Available from: <https://www.ide-journal.org/article/ellis-goltz-mayrhofer-education-in-19th-century-europe-views-of-mann-and-ushinsky-countries-of-the-19th-views-of-mann-and-ushinsky/>
16. Nikandrov, N.D. (1999) Russian national idea as the basis of humanizing education. In: Goltz, R., Keck, R.W. & Mayrhofer, W. (eds) *The humanization of education. Yearbook 1999*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 64–77. (In German).
17. Lay, W.A. (1917) Experimental pedagogy as a new German education through community and action. *Educational Monthly*. pp. 164–172. (In German).
18. Mann, H. (1920): The Importance of the Normal School. Speech delivered at Bridgewater, Massachusetts, on the occasion of the dedication of the first building for normal school purposes, 1846. Cited in: Cubberly, E.P. *Readings in the History of Education*. Boston: Houghton Mifflin Company.
19. Sun, Zh. (2010) Strategy on the Trend of Humanization of Education. *Journal of Education*. 6 (4). pp. 9-20+36. (In Chinese). DOI: 10.14082/j.cnki.1673-1298.2010.04.006
20. Zhan, Zh. & Hu, Zh. (2016) Re-understand the human nature of education. *Educational research and experiments*. 3. pp. 9–15. (In Chinese).
21. Qu, Zh. (2015) Quality education: the Strategic Theme of Education Reform and Development in Contemporary China. *China Higher Education Research*. 5. pp. 1–6. (In Chinese). DOI: 10.16298/j.cnki.1004-3667.2015.05.001
22. Pang, H. & Zou, Yu. (2022) Breakthroughs in University Quality Education – Interview with Pang Haishao, Vice Chairman and Secretary-General of the University Quality Education Research Branch of the Chinese Society of Higher Education. *University*. 22. pp. 1–6. (In Chinese).
23. Baranov, S.P. & Liu, Zh. (1984) On the nature of teaching by Komensky, Rousseau, Pestalozzi, Ushinsky, and Tolstoy. *Course. Textbook. Pedagogy*. 2. pp. 88–91+43. (In Chinese). DOI: 10.19877/j.cnki.kcjcf.1984.02.030
24. Li, W. (1981) Comments by foreign educators on the development of students' intelligence. *Journal of Shandong Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 3. pp. 41–45. (In Chinese). DOI: 10.16456/j.cnki.1001-5973.1981.03.008
25. Pan, J. (1983) Ushinsky's Pedagogy. *Journal of Shanghai Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 3. pp. 124–127. (In Chinese). DOI: 10.13852/j.cnki.jshnu.1983.03.028
26. Dai, Q. (1988) Ushinsky's Thought and Practical Significance of the principle of nationality. *Foreign Education Dynamics*. 1. pp. 10–14. (In Chinese).
27. Cui, Y. & Wang, J. (1999) Comparative research and future suggestions on the Reform of the Department of Education. *Journal of East China Normal University (Educational Science Edition)*. 2. pp. 44–52. (In Chinese). DOI: 10.16382/j.cnki.1000-5560.1999.02.006
28. Li, G. (2004) An experimental discussion on the Enlightenment of the principle of nationality thought on Contemporary Moral Education in our country. *Seeking*. 1. pp. 164–166. (In Chinese). DOI: 10.16059/j.cnki.cn43-1008/c.2004.01.060
29. Cao, W. & Lv, H. (2020) The National Character of Education: On Ushinsky's National Thought of Education. *Journal of North Central University (Social Sciences Edition)*. 36 (6). pp. 136–140. (In Chinese).
30. You, L. (2018) Labour upbringing to promote human growth: An analysis of Ushinsky's Labor Education Thought. *Journal of Tianjin Academy of Education and Science*. 3. pp. 10–14. (In Chinese). DOI: 10.16137/j.cnki.cn12-1303/g4.2018.03.002
31. Guo, Zh. & Deng, R. (2021) Research on the Thought of Labor Education of Soviet People's Educators. *Journal of Tianjin Academy of Education and Science*. 1. pp. 83–89. (In Chinese).

Information about the authors:

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

O.V. Tsiguleva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of department, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

C. Ju, Cand. Sci. (Philology), researcher and postdoctoral fellow, Sun Yat-Sen University (Guangdong Province, China). E-mail: 450076784@qq.com

G. Lei, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teacher, Ji Nan No.1 Middle School (Shandong, China). E-mail: leiguofang@126.com

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

Цигулева О.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранного языка межфакультетская Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Цзюй Чуанья – канд. филол. наук, научный сотрудник института международных исследований Университет имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, КНР). E-mail: 450076784@qq.com

Лей Гофан – аспирант факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); учитель средней школы Ци Нань № 1 (Шаньдун, КНР). E-mail: leiguofang@126.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 08.02.2023;
approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 340.1, 340.14
doi: 10.17223/15617793/487/22

Проблемы применения правового обычая в контексте доктрины «молчания законодателя» (с позиций российской юридической науки)

*Лилит Георгиевна Даллакян*¹

¹ *Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, Ереван, Армения
lilit.dallakyan@rau.am*

Аннотация. Рассматриваются проблемы соотношения доктрины «молчания законодателя» и санкционирования обычного права с позиций российской юридической науки. Утверждается, что современные дискуссии о допустимости применения обычая можно свести к спору о том, может ли санкционирование обычая законодателем являться молчаливым (косвенным) или для этого необходима прямая отсылка к обычаю, закрепленная непосредственно в нормах закона (прямое санкционирование). Поставлена цель выявления причин концептуальных различий в подходах к указанному вопросу в дореволюционной юридической науке, в советский период, а также в современной юридической науке.

Ключевые слова: tacitus consensus populi, молчание закона, правовой обычай, молчаливое санкционирование обычая, позитивное/негативное молчание законодателя, квалифицированное молчание

Для цитирования: Даллакян Л.Г. Проблемы применения правового обычая в контексте доктрины «молчания законодателя» (с позиций российской юридической науки) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 196–205. doi: 10.17223/15617793/487/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/22

Issues of application of the legal custom in the context of the legislative silence doctrine (from the perspective of Russian legal science)

*Lilit G. Dallakyan*¹

¹ *Russian-Armenian University, Erevan, Republic of Armenia
lilit.dallakyan@rau.am*

Abstract. The study aims to consider the problem of application of legal custom in the context of the legislative silence doctrine in Russian legal science within the course of basic phases of its historical development. An objective has been set to determine the fundamental reasons of conceptual differences of comprehension of the current issue in pre-revolutionary Russian legal science, in the Soviet period, as well as in the contemporary science. Accordingly, the methodological basis of the study was historical-legal and comparative-legal research methods, as well as analysis, synthesis and abstraction, which fully reveal the conceptual differences inherent in the legal doctrine and provide answers to problematic questions regarding the nature, methods and admissibility of the sanctioning of custom in cases where the legislator is silent. All discussions about the admissibility of the application of a custom are a dispute about whether the sanctioning of a custom can be tacit (by legislative silence, i.e. indirectly authorizing) or requires an expressed authorization by the legislator, enshrined directly in the norms of the legislative act (direct sanctioning). Scientists – lawyers who consider the absence in the law of a direct prohibition on the use of custom as a tacit sanction – proceed from the concept of positive silence of the legislator. Other scientists, who consider the silence of the legislator to be negative, understand it as the negative will of the legislator to what the law does not provide; respectively, they recognize only the law-making (direct) sanctioning of the custom by a legislative act, while the tacit (indirect) sanctioning of the custom is rejected. The author concludes that the interpretation of the institution of tacit confirmation of a custom by legal science is notable for ambiguity and divergence. This is connected with the transformation of the “tacit legislator” during historical stages, differences in the comprehension of the concept, conceptual divergences of the evaluation of legislator’s positive and negative silence, as well as with a number of other conditions and reasons. Taking into consideration the complexity and the multi-layered nature of this phenomenon, the elaboration of a unified uniform approach to this question by legal science is a complicated objective, attested by the research on the evolution of the doctrine of legislative silence. In the given situation, the mandatory consideration of the specific field and its nature, as well as the discovery of optimal balance between the formalization and flexibility of legal regulation, is the

main objective for the law enforcement bodies while solving the issue of sanctioning a custom in case of the silence of the law.

Keywords: tacitus consensus populi, silence of law, legal custom, tacit confirmation of custom, legislator's positive and negative silence, legislator's qualified silence

For citation: Dallakyan, L.G. (2023) Issues of application of the legal custom in the context of the legislative silence doctrine (from the perspective of Russian legal science). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 196–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/22

В юридической мысли стран континентального права применение правового обычая часто рассматривается в тесной связи с доктриной «молчания законодателя», которая выступает в качестве санкции на применение обычного права. Актуальность данного исследования определяется теми вопросами и задачами, стоящими сегодня перед учеными и практиками, которые обусловлены противоречивостью интерпретаций современной юридической наукой такого института, как «молчаливое санкционирование обычая». Так как корни данной проблематики уходят в прошлое, целью нашего исследования является выявление различных подходов к соотношению «молчания законодателя» и санкционирования обычая на основных этапах исторического развития российской науки – начиная с дореволюционной юридической доктрины и заканчивая современными научными дискуссиями, развернувшимися вокруг данного вопроса. Соответственно, методологическую основу исследования составили историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования, а также анализ, синтез и абстрагирование, которые в полной мере позволяют выявить концептуальные расхождения, заложенные в юридической доктрине, и дать ответы на проблемные вопросы, касающиеся характера, способов и допустимости санкционирования обычая в случаях, когда молчит закон.

Краткий экскурс в историю европейской правовой мысли. Прежде чем перейти к анализу дискуссий, развернувшихся в российской юридической науке, необходимо обратиться в глубь веков, когда европейской юридической доктриной вырабатывались основные теории молчаливого санкционирования обычая законодателем, так как данные теории оказали свое влияние на формирование воззрений российских ученых, что особенно заметно в научной литературе дореволюционного периода.

Разрабатывая учение об обычном праве, римские юристы опирались на *tacitus consensus populi* – молчаливое согласие народа на его применение. Предписания обычая – «молчаливое согласие народа, подтвержденное древними нравами» [1. С. 16]. Это «молчаливое соглашение» имело не меньшую силу, чем закон, который представлялся также соглашением народа, но уже не молчаливым, а состоявшимся в результате голосования. Однако в раннем средневековье постгlossаторы приходят к заключению, что законодательная власть перешла от народа к императору, и допускают молчаливое подтвержде-

ние на действие обычного права уже со стороны монарха [2]. Соответственно, теория о молчаливом согласии народа заменяется на *молчаливую санкцию* или одобрение *императора (patientia principis)*. В эпоху абсолютизма теория, дополненная в средневековье подобным образом, господствует в европейских государствах, получив в трудах немецких ученых наименование *теории молчаливого дозволения, или теории санкций (Gestattungstheorie)*, согласно которой обычай действует лишь как бы с молчаливого соизволения монархической государственной власти, которая и являлась верховным законодателем [3. С. 36]. Странниками теории санкций являлись Р. Шмидт, К. Биндинг, Г. Рюмелин и др. [4. С. 53; 5. С. 202; 6. С. 225].

В начале XIX в. историческая школа права в лице К.Ф. Савиньи и Г.Ф. Пухты возрождает учение о *молчаливом согласии народа*, которое дополняется понятием некоего метафизического *народного духа* [7. С. 140–141]. Тем самым отвергается абсолютистская *теория санкционирования*, под которой понималось молчаливое дозволение со стороны монарха, и в определенной мере происходит возвращение к римским юристам, которые под конститутивным элементом правового обычая понимали преимущественно молчаливое единение всего народа.

В свою очередь, сторонники появившейся в конце XIX в. *теории применения* (так называемой *Ubungstheorie*) Э. Цительман и Г. Еллинек отрицали как подход исторической школы права о народном духе (в том числе римско-каноническую теорию «общей воли» народа), так и *теорию санкций (Gestattungstheorie)*, считая *фикцией* молчаливое согласие законодателя в лице народа либо верховной монархической власти [8. С. 412–436; 9. С. 337]. Вопрос санкционирования обычая сторонники данной теории обходили стороной, рассуждая о свойстве обязательности правового обычая, приобретаемом в силу самого факта своего постоянного применения посредством «нормативной силы фактического». Описанные нами основные теории и концепции, подтверждающие либо отвергающие санкционирование правового обычая посредством молчания законодателя, нашли свое отражение и в российской юридической науке.

Российская наука в дореволюционный период. Российская юридическая наука дореволюционного периода была представлена как сторонниками теории санкций, т.е. молчаливого дозволения (*Gestattungstheorie*), так и сторонниками теории молча-

ливой воли народа (*Lex tacita*). Кроме того, были последователи теории применения (*Ubungstheorie*), считающие молчаливое согласие законодателя (в лице народа либо верховной власти) фикцией.

Так, в российской правовой мысли второй половины XIX в. сторонниками теории санкционирования выступили такие известные правоведы, как Г.Ф. Шершеневич, Д.Д. Grimm, В.М. Хвостов и др., которые склонялись к тому, что существование обычно-правовой практики объясняется прямой ссылкой на нее в законе или молчаливым одобрением этой практики законодателем (молчаливым согласием законодателя с уже сложившимися обычаями) [10. С. 207]. Как пишет Grimm, «...признание это нередко бывает молчаливое... Но молчаливое или вынужденное признание все же есть сознательное признание, различие между этими видами признания заключается лишь в мотивах и во внешних проявлениях» [11. С. 150].

Данного подхода придерживался и П.П. Пусторослев, который считал, что обычай получает обязательную силу от государства путем санкции или в силу молчаливого согласия законодателя, а не потому что одобряется общественным мнением [12. С. 141].

Шершеневич, который был сторонником позитивистской концепции правопонимания, полагал, что обычаи приобретают правовой характер только вследствие придания им юридической силы государством [13. С. 453]. Перейдя к российской законодательной практике, Шершеневич указывает, что в России того же периода в соответствии со ст. 1 Устава торгового правовые обычаи по торговым делам имели применение во всех судах в случае *недостаточности торговых законов* (т.е. их молчания. – Л.Д.). Кроме того, согласно ст. 130 Устава гражданского судопроизводства в делах, подлежащих ведомству мировых судей, городских судей и земских начальников, дозволялось руководствоваться правовыми обычаями в случаях: а) положительно законами не разрешаемых; б) когда применение обычаев дозволялось именно законом [13. С. 457].

Таким образом, как мы могли убедиться, в указанный исторический период вопрос санкционирования правового обычая регулировался российским законодателем по-разному. В одних случаях признавался институт молчаливого согласия законодателя на применение обычая, в иных случаях применение обычая допускалось только при прямом его санкционировании законом.

К концу XIX и началу XX в. целый ряд российских ученых приходит к выводу о том, что молчаливое согласие законодателя на применение обычая является *не чем иным, как фикцией*, но обосновывают свою позицию они по-разному. Так, Н.М. Коркунов положительно высказывается о таком понятии, как молчаливо установленный народом закон – *lex tacita*, которое заменяло для республик понятие обычного права. Далее, обращаясь к монархическим государствам Европы, в которых для объяснения обязательности обычного права прибегали уже к учению *consensus imperantis*, Коркунов замечает: «пресловутая молчаливая санкция

законодателя это фикция уже только потому, что не законы предшествуют обычаю в исторической последовательности, а наоборот – обычаи законам, и поэтому не закон обычаю, а обычай закону служит основанием» [14. С. 288–289]. Следует отметить, что подобное отрицание *теории санкционирования* со стороны Коркунова как сторонника социологического правопонимания относится не к доктрине молчаливо установленного народом закона (теория «общей воли» народа), а именно к *consensus imperantis*, где «молчаливым законодателем» считалось государство в лице монархической власти.

Ю.С. Гамбаров также делает вывод о том, что молчаливое согласие законодателя это фикция, не существующая в реальности, но мотивирует это тем, что трудно представить, чтобы законодатель был осведомлен обо всех обычаях, действующих в обществе. Гамбаров отмечает: «не будучи осведомлен об этом праве законодатель, очевидно, не мог бы его одобрить» [15. С. 185]. Будучи сторонником *теории применения* (*Ubungstheorie*), Гамбаров уверяет, что обычное право объективно существует и применяется в судах независимо от закона; «чтоб объяснить этот феномен, теория, сводящая все юридические нормы к закону, прибегает к фикции последующего одобрения законодателем уже существующих обычаев. Приведенная фикция ведет к предположению о каком-то молчаливом законодательстве, не допустимом в самом своем понятии» [15. С. 215–216]. Между тем, согласно Гамбарову, обязательное или юридическое действие обычая основано на силе факта, на его фактическом применении, т.е. силе повторений одних и тех же действий.

Так, русский юрист-правовед практически повторяет позицию европейского ученого Ф. Регельсбергера, редактированием трудов которого он занимался, и который, размышляя о том, что образование обычного права сводят иногда к одобрению его законодателем, приходит к выводу о сомнительности признания молчаливого законодательства. «Но более чем невероятно или, по крайней мере, не может быть доказано то, чтобы законодатель имел сведения о всяком, даже совершенно партикулярном – обычном праве», – пишет Регельсбергер в своем труде «Общее учение о праве» [16. С. 49].

Советская юридическая наука. Отметим, что и в советский период учеными высказывались мысли о фиктивном характере подобного молчаливого санкционирования. Исследователь обычного права начала XX в. А.С. Добров в своем обширном исследовании, посвященном трудам европейских ученых об обычном праве, размышляет о фиктивном характере молчаливой воли законодателя, замечая, что в последних изложенных европейскими учеными трудах легко распознаются характерные черты старой *Gestattungstheorie*. «Правда, данная теория проявляется в модернизированном виде – фиктивную “общую волю” автор заменяет понятием “воли законодателя” или “воли источника права” (*Wille der Rechtsquelle*)... здесь фикция,

которая выразительно проявляется в молчаливой законодательной санкции», – отмечает Добров [2].

Следует отметить, что советское право в целом отрицательно относилось к правовому обычаю как источнику права, так как он в силу своих особенностей и признаков не соответствовал социалистическому праву как исторически новому типу права. Обычное право рассматривалось советской юридической наукой как пережиток феодального строя, закрепляющий эксплуатацию и господство одного класса над другим. «Созданное в условиях буржуазного классового общества обычное право становится одной из самых реакционных сил, упорно сопротивляясь всякому прогрессу, тщательно охраняя всякий кнут только потому, что это старый “исторический кнут”», – пишет исследователь обычного права С.А. Голунский [17. С. 47].

Вильнявский С.И. в научной статье «Обычаи и правила социалистического общежития» отмечает: «...характерной чертой обычного права является его застойность, консервативность. Наоборот, в периоды буржуазных революций, когда происходила революционная ломка старых феодальных отношений, обычное право отходит на второй план, и на первое место выдвигается закон» [18. С. 6]. Соответственно, согласно данному подходу защита обычного права служит реакционным целям и пропагандирует неподчинение советским законам. Автор подчеркивает, что «применение обычая у нас может быть допущено только в том случае, если бы сам закон отсылал к обычаю» [18. С. 15]. Обращаясь же к идеям исторической школы о молчаливом согласии народа, Вильнявский отмечает: «ложью является утверждение буржуазных юристов, что будто бы обычное право выражает народное правосознание и что будто бы могут существовать народные обычаи общие для всего народа, так как в классовом обществе, основанном на эксплуатации, друг против друга стоят два враждебных класса с двумя противоположными мировоззрениями, эти классы исходят из противоположного правосознания» [18. С. 8].

Таким образом, на первом этапе советская доктрина отвергает теорию молчаливо установленного народом закона (как сегментарного, старого права, не отвечающего изменившимся условиям), допуская применение обычая только в крайнем случае, если это напрямую (но не косвенно и молчаливо) разрешено прогрессивным советским законодателем. Как отмечает С.В. Бошно, в конце 30–50-х гг. в советской научной литературе происходил спор о том, можно ли считать молчание законодателя разрешением на использование обычая. Решение участников дискуссии было отрицательным [19. С. 12]. К такому же мнению приходит и Шебанов: «Советская доктрина права исключала молчаливо признанный обычай из числа источников социалистического права...» [20. С. 46].

Тем не менее именно в советский, хотя и более поздний период Е.В. Колесников в своей работе «Обычай как источник советского государственного права» указывает, что правовые обычаи чаще всего прямо не зафиксированы в нормах действующего законодательства. «Однако это не дает безусловных оснований

утверждать, что для их применения в обязательном порядке необходима прямая отсылка к ним закона. Правовой обычай действует и с «молчаливого согласия законодателя» [21. С. 19].

Еще ранее о молчаливом (косвенном) санкционировании обычая высказался В.Ф. Коток, согласно которому «в определенных случаях многократно повторяющаяся практика, образовавшая обычай, молчаливо, без прямого указания в законе, признается государством как источник права. В этом случае следует говорить не о прямой, а о косвенной санкции обычая» [22. С. 99]. Свой подход ученый обосновывал тем, что отрицательное отношение к обычаям было закономерным в самые первые годы существования социалистического государства, когда старые обычаи отражали отношения, характерные для эксплуататорского общества, а новые еще не успели сложиться. Но с тех пор положение в корне изменилось, и в социалистических странах уже сложились новые обычаи, отражающие традиции социалистического общества, которые могут применяться с молчаливого согласия законодателя.

Российская наука в постсоветский период: основные положения. В современной российской юридической науке основной спор разворачивается вокруг того, может ли законодательное санкционирование быть *молчаливым (косвенным)* или для этого необходима *прямая отсылка к обычаю*, закрепленная непосредственно в нормах закона. Есть как сторонники, так и противники теории *молчаливого* санкционирования обычая законодателем. Так, О.Е. Кутафин указывает, что «в нашей стране допускается только одна форма санкционирования обычая – отсылка к нему закона» [23. С. 44]. «В современной России допускается только одна форма санкционирования обычая – отсылка к нему закона, но не «молчаливое согласие законодателя» отмечают В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова [24. С. 122]. С.В. Бошно, исследуя виды санкционирования обычая государством, приходит к выводу, что современная юриспруденция и судебная практика не дают оснований видеть перспективы молчаливого согласия законодателя в виде отсутствия запрета на применение обычая [19. С. 13].

Только прямое, а не косвенное (молчаливое) санкционирование может признать использование обычая как правового регулятора в правовой системе, несмотря на убежденность некоторых исследователей в том, что «многократно повторяющаяся практика, образовавшая обычай, молчаливо, без прямого указания в законе признается государством как источник права», – отмечает О.А. Плоцкая в своей докторской диссертации, посвященной проблематике обычного права [25. С. 82].

В.А. Рыбаков пишет о таком квалифицирующем признаке, как «молчание законодателя» при санкционировании обычая непосредственно судебной властью (независимо от разрешения законодателя). Однако он отмечает, что существование данной формы санкционирования является возможным в период становления государства и права, когда «санкционирование обы-

чаев не носило характера целенаправленного действия... а происходило в форме молчаливого согласия и признания <...> в настоящее же время отношение законодателя к обычаю должно быть четко определено...» [26. С. 15].

Тем не менее ряд российских авторов, напротив, допускают возможность молчаливого санкционирования обычая со стороны законодателя. К примеру, в работе А.Ю. Калинина «Обычай как источник публичного права в Российской Федерации» в числе форм санкционирования обычая упоминается «молчаливое санкционирование», под которым подразумевается «отсутствие прямого запрета на применение обычая», а также вообще «отсутствие каких-либо действий со стороны законодателя в отношении обычаев, в том числе отсутствие в законодательстве упоминания об обычаях, действующих в праве» [27. С. 69].

В числе сторонников теории молчаливого санкционирования уже упоминавшийся выше Е.В. Колесников, который в монографии об источниках уже российского конституционного права практически дословно повторяет свою позицию о том, что правовой обычай действует и с «молчаливого согласия» законодателя» без необходимости прямой отсылки к нему закона [28. С. 181]. В.А. Муравский, описывая виды санкционирования обычая государством, рассуждает о санкции а priori – молчаливом делегировании законодательным учреждением гражданскому обществу и судебной и исполнительной власти права развивать и уточнять нормы закона посредством актуального права [29. С. 464]. «Говоря о государственном санкционировании как определяющем признаке правового обычая, нужно иметь в виду, что способы такого санкционирования могут быть как прямыми, так и косвенными, при этом государственная воля может быть выражена как явно, так и молчаливо», – пишет О.В. Малова [30. С. 15]. Исторически политика российского государства в этом вопросе в целом была компромиссной и допускала применение правового обычая с молчаливого согласия закона при условии непротиворечия существующему закону [31. С. 18–19].

Таким образом, понятие молчаливого согласия законодателя (молчаливого санкционирования) получило в российской юридической литературе неоднозначную интерпретацию.

Современные дискуссии вокруг понятия и способов молчаливого санкционирования обычая. Как следует из изложенного материала, одни из советских, а впоследствии и российских правоведов допускали существование так называемого молчаливого санкционирования, когда для применения обычного права не обязательна специальная отсылка к ним закона, другие, напротив, исходили из необходимости прямого законодательного санкционирования и той позиции, что «на основании молчаливого согласия не могут возникать правоотношения» [32. С. 158]. Третьи же выдвигали теорию двойного санкционирования, когда к первичному уровню относится абстрактное законода-

тельное санкционирование, а ко второму уровню – судебное санкционирование по конкретному делу [33. С. 49–50].

Со своей стороны отметим, что в современной юридической науке под общим понятием «молчание законодателя» понимают ситуацию, когда правотворческий орган не детализировал правовое регулирование в нормах закона в связи с невозможностью или нежеланием предусмотреть все многообразие обстоятельств, подлежащих правовому регулированию, либо не сделал этого в силу иных объективных или субъективных причин. Подобный намеренный отказ законодателя установить норму для регулирования данных отношений (к примеру, выведение из сферы правового регулирования домашнего воспитания детей родителями и др.) не может считаться пробелом [34. С. 224]. Предполагается, что законодатель может умышленно оставить какой-либо вопрос открытым («квалифицированное молчание») с намерением отдать его разрешение местным обычаям и традициям.

Если обобщить, то юридической науке и практике известны два основных способа санкционирования обычая, исходя из *субъектного состава*, – правотворческое и правоприменительное, и оба данных вида могут быть в большей или меньшей мере рассмотрены в контексте молчания законодателя.

Правотворческое санкционирование обычая (посредством прямого разрешения закона) предполагает, что закон лишь отсылает к существующему обычаю, при этом содержание обычая, т.е. само правило поведения, в законе не фиксируется. Законодатель об этом *умалчивает*, указывая лишь на сферу, круг отношений, которые могут регулироваться обычаем¹. Полагаем, что, *исходя из объема, здесь можно говорить об относительном молчании*, так как при подобном молчании законодателя общественные отношения в определенном роде урегулированы правом, хотя и на весьма абстрактном уровне нормативных обобщений.

Правоприменительное санкционирование обычая (без прямого разрешения законодателя – *молчаливое санкционирование*) [26. С. 14] предполагает санкционирование нормы обычая судом, что происходит лишь в том случае, если применяемый судьей при разрешении спора обычай не получил прямого правотворческого санкционирования. Квалифицирующим признаком здесь является *абсолютное молчание* законодателя по данному вопросу. То есть данный обычай не был прежде санкционирован государством посредством отсылки на него в законе. Суд или иной правоприменительный орган уполномочен самостоятельно и в индивидуальном порядке определять допустимость применения обычая к конкретным обстоятельствам рассматриваемого им дела.

Если с правотворческим санкционированием (с относительным молчанием законодателя) особых вопросов не возникает, то правоприменительное санкционирование без прямого разрешения законодателя порождает научные споры. Основной дискуссионный вопрос заключается в том, наложен ли подобным абсолютным молчанием законодателя запрет на то, что им не урегу-

лировано, или же такое молчание предполагает усмотрение правоприменителя на применение иных средств регулирования, в нашем случае – норм обычаев. Как пишет А.В. Германов, критерий разграничения первого случая от второго разработан не полностью [35. С. 94].

Здесь мы имеем дело с двумя противоположными категориями, первая из которых – *негативное молчание* – подразумевает, что «все, что не предусмотрено законом, запрещено», вторая – *позитивное молчание*, наоборот, предполагает, что «не все, что не предусмотрено законом, тем самым запрещено». Рассматривая данный вопрос, мы неминуемо соприкоснемся с таким феноменом, как *квалифицированное молчание законодателя*, которое является *специальным понятием* по отношению к такому более *общему* понятию, как *молчание закона*. Отмечается, что квалифицированное молчание нельзя отождествлять с более обобщенным понятием «молчания» [36. С. 94]. Квалифицированное молчание, как известно, является *намеренным* молчанием, это официально выраженная позиция правотворческого органа о нежелании подвергнуть юридической регламентации ту или иную деятельность [37. С. 65]. Тем самым квалифицированное молчание отграничивается от простого законодательного пробела, который является результатом недосмотра, ошибки законодателя, нуждающейся в исправлении посредством восполнения пробела правоприменителем.

При этом, немаловажно отметить, что и само квалифицированное молчание также рассматривается современной наукой как *в позитивном, так и негативном аспекте молчания*. Начнем с негативного молчания. Так, В.В. Лазарев, который ввел в научный оборот российской юридической науки понятие «квалифицированного молчания законодателя», исходил из понимания *негативного молчания*. Он отмечал, что следует выяснить, «не является ли “молчание права” квалифицированным, т.е. не проявил ли законодатель отрицательной воли на регулирование данных событий и фактов посредством права» [38. С. 40; 39. С. 320]. В.М. Сырых пишет о том, что, по мнению ученых-юристов и правоприменителей, квалифицированное умолчание законодателя не может восполняться правоприменителями, которые не могут игнорировать желание законодателя «умолчать там, где следовало бы выразить позитивное мнение» [40. С. 287]. Соответственно, квалифицированное молчание равнозначно запрету и предполагает для правоприменителя невозможность его преодоления посредством правоприменительной деятельности.

С другой стороны, квалифицированное молчание законодателя определяется в юридической литературе как прием законодательной техники, посредством которого законодатель делегирует конкретизацию регулирования правоотношений на уровень правоприменения [33; 41. С. 130; 42]. О делегировании законодателем правового регулирования правоприменителю посредством квалифицированного молчания пишут и специалисты по теории права – Л.А. Морозова, В.В. Трофимов, и специалисты по отраслевым наукам

[43. С. 288; 44. С. 596; 45. С. 50]. Таким образом, молчание законодателя может рассматриваться в *позитивном аспекте*, предполагающем, что правоприменитель в лице судебных и административных органов может урегулировать общественные отношения иными средствами, например путем санкционирования обычая. Так, несмотря на преобладающий в советское время диктат воли законодателя, советский ученый, академик С. Голунский, являясь активным сторонником судебного санкционирования обычая независимо от разрешения законодателя, приводит в своей научной статье «Обычай и право» в качестве примеров случаи из советской судебной практики, когда суды санкционировали обычаи, требующий заботливого воспитания детей, притом что в указанный период на законодательном уровне данный вопрос был обойден молчанием. «Можно отыскать целый ряд судебных приговоров и решений, относящихся к периоду до 1935 г., которые принимали этот обычай как правовую норму еще до того, как постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. превратили этот обычай в закон», – пишет автор [17. С. 53]. Отметим, что сфера правового регулирования указанного законодательства касалась вопросов ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

Кроме того, часть авторов в своих работах, посвященных отраслевым юридическим наукам, усматривает здесь такие дополнительные факторы, как особенности молчаливого санкционирования *в различных отраслях права*, а также прямую зависимость от *специфики объекта правового регулирования*: «Для публичных отраслей права большое значение имеет разграничение молчания закона на негативное и позитивное, поскольку с учетом *метода* регулирования публичного права молчание означает запрет» [46. С. 187]; «Квалифицированное молчание негативного типа проявляется там, где в силу специфики *объекта* правового регулирования требуется прямое и явно выраженное нормативное предписание» [37]².

Таким образом, вопрос о том, в каком аспекте рассматривать молчание законодателя – в позитивном или негативном, зависит от множества факторов, в том числе от отрасли права, метода и объекта правового регулирования. Очевидно, что в публично-правовых отраслях, где объектом регулирования правоотношений является публичный интерес, молчание законодателя является негативным, тем самым исключая молчаливое санкционирование обычая, чего не скажешь о частно-правовых правоотношениях, где молчание законодателя может истолковываться как позитивное.

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно констатировать следующее:

1. В дореволюционной российской юридической науке проявляют себя как сторонники теории санкций (*Gestattungstheorie*), так и сторонники римской теории молчаливой общей воли народа (*Lex tacita*), а также последователи теории применения (*Ubungstheorie*). Каждая из «противоборствующих» сторон стояла на тех позициях, что исповедуемая оппонентами теория является не чем иным, как фикцией. В советский период учеными

также выдвигаются тезисы о фиктивном характере молчаливого санкционирования обычая, но уже с позиций нового социалистического права. В целом советская доктрина отвергает теорию молчаливо установленного народом закона как сегментарного, старого права, не отвечающего изменившимся условиям, тем самым допуская применение обычая только в крайнем случае, если это напрямую (но не косвенно и молчаливо) разрешено прогрессивным советским законодателем. В постсоветский период в российской юридической науке вновь возрождаются дискуссии между противниками и сторонниками теории *молчаливого* санкционирования обычая законодателем. Все современные дискуссии о допустимости применения обычая можно свести к спору, который разворачивается вокруг того, может ли санкционирование являться *молчаливым (косвенным)* или для этого необходима *прямая отсылка к обычаю* со стороны законодателя, закрепленная непосредственно в нормах закона (прямое санкционирование).

2. Если противоречивость представлений об институте молчания законодателя в истории российской правовой мысли обусловлена различными историческими этапами общественного развития, эволюционированием взглядов на сущность государства и верховной законодательной власти, то дискуссии, возникающие вокруг вопроса молчания законодателя в современной юридической науке, в значительной мере обусловлены различиями в концепциях правопонимания, концептуальными расхождениями в понимании *позитивного/негативного* молчания закона, а также спецификой, свойственной различным отраслям права и отраслевым юридическим наукам.

3. Можно заключить, что авторы, рассматривающие отсутствие в законе прямого запрета на применение обычая в качестве молчаливого санкционирования, исходят из *концепции позитивного молчания законодателя*. Авторы, считающие *молчание законодателя негативным*, понимают под ним отрицательную волю законодателя к тому, что законом не предусмотрено, соответственно, ими признается только правотворческое (непосредственное) санкционирование обычая законом, молчаливое же (косвенное) санкционирование обычая отвергается. Различия в подходах в значительной мере обусловлены различными концепциями правопонимания, которых придерживаются ученые. К примеру, последователи социологической концепции правопонимания, которые под источником права понимают реальные правоотношения, относятся к правоприменительному санкционированию обычая

положительно, сторонники же формально-догматического понимания права допускают только прямое санкционирование обычая законодателем.

4. Кроме того, различия в интерпретациях молчаливого санкционирования зависят от таких факторов, как специфика различных отраслей права, особенности метода и объекта правового регулирования. Очевидно, что в публично-правовых отношениях в основном действует разрешительный тип правового регулирования – «все, что не разрешено законом, запрещено», и здесь молчание законодателя не может автоматически рассматриваться управомоченными органами как молчаливое санкционирование обычая. К примеру, признаки и элементы уголовно-правового или административно-правового правонарушения должны быть непосредственно установлены в законе согласно фундаментальному принципу, известному еще со времен римского права, – «нет ни преступления, ни наказания без указания на то в законе». Соответственно, если законодателем не предусмотрена криминализация деяния, то она не может санкционироваться судом посредством применения обычного права под предлогом молчания законодателя. Вместе с тем в определенных сферах и отраслях правового регулирования молчание законодателя может рассматриваться учеными и практикующими юристами как позитивное. В таких случаях правоприменитель нередко прибегает к внеправовым критериям, включая нравственные ценности и идеологическую составляющую, решая вопрос исходя из конкретно-исторических условий.

5. Как показало наше исследование, общие критерии разграничения позитивного и негативного молчания законодателя разработаны российской юридической наукой не полностью, а при освещении тематики молчаливого санкционирования в научных работах наблюдается неоднозначность и противоречивость. Вся история эволюционирования доктрины молчания законодателя, которая рассматривается в качестве некой санкции на применения обычая, свидетельствует о том, что выработка юридической наукой единого унифицированного подхода к данному вопросу, ввиду сложности и многоплановости рассматриваемого явления, является трудновыполнимой задачей. Соответственно, главной задачей, стоящей перед правоприменителем при решении вопроса о санкционировании обычая в случае *молчания закона*, является обязательный учет специфики конкретной отрасли и сферы правового регулирования, а также нахождение *оптимального баланса* между жесткой формализацией и гибкостью правового регулирования.

Примечания

¹ Так, в п. 1 ст. 5 Гражданского Кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) санкционируется обычай делового оборота, получивший следующее оформление: «Обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе».

В ч. 1 ст. 130 Кодекса Торгового мореплавания РФ установлено, что срок, в течение которого перевозчик предоставляет судно для погрузки груза, определяется соглашением сторон, при отсутствии такого соглашения – сроками, *обычно принятыми* в порту погрузки. Обычай, принятые в портах, могут быть самыми разнообразными. К примеру, по обычаям немецких портов

с судовладельцев взимается двойной причальный сбор. Первый сбор взимается с судна, ставшего на причал, второй сбор взимается за количество выгруженного с судна груза [35. С. 31].

² Следует принять во внимание, что молчание (негативное) законодателя является правомерным, если, конечно, подобное молчание в публичном праве не является отступлением законодателя от принципа законности, которое приводит к нарушению прав и свобод человека. Например, Европейский суд по правам человека в постановлении по делу *Barkov and Others v. Russia & Shavayev v. Russia* (19/07/2016) отметил, что «заявителям было отказано на личное присутствие в зале суда на апелляционных слушаниях по причине отсутствия в текущем законодательстве какой-либо правовой нормы, делающей их присутствие обязательным... отсутствие национального законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда, так как это нарушает принцип справедливого судебного разбирательства...». URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164909>

Список источников

1. Омельченко О.А. Римское право : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : ТОН ; Остожье, 2000. 206 с.
2. Добров А.С. Правообразование без законодателя // Труды Комиссии по изучению обычного права Украины. М., 1928. Вип. 2. URL: <http://center-bereg.ru/11856.html>
3. Понтович Э.Э. Философия права. Ч. I: Общее учение о праве. Кинешма : Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза потребительных обществ, 1920. 100 с.
4. Schmid R. Theorie und Methodik des burgerlichen Rechts. Jena : Friedrif Frommann, 1848. 264 S.
5. Binding K. Handbuch des Strafrechts. Bd. I. Erster Band. Leipzig, 1885. 927 S.
6. Rumelin G. Das Gewohnheitsrecht // Jhering Jarbucher. f. Dogm. Bd. 27. 1889. S. 153–253.
7. Крюкова С.С. Обычное право в научном наследии ранней исторической школы права в Германии // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 135–149.
8. Zitelmann E. Gewohnheitsrecht und Irrtum // Archiv fur die civilistische Praxis. Bd. 66. Heidelberg ; Freiburg, 1883. S. 323–468.
9. Jellinek G. Recht des modernen Staates. Bd. I. Allgemeine Staatslehre. Berlin : Verlag Von Julius Springer, 1929. 840 S.
10. Царегородская Е.В. Структура правового обычая в истории правовой мысли // Правоведение. 2007. № 1. С. 202–213.
11. Гримм Д.Д. К вопросу о понятии источника обязательности юридических норм // Журнал министерства юстиции. СПб., 1896. № 6 (июнь). С. 133–157.
12. Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. М. : Университетская тип., 1892. 239 с.
13. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. I, вып. II. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1910. 839 с.
14. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 6-е изд. без изм. СПб. : Изд. юрид. Книжного магазина Н.К. Мартынова, 1904. 354 с.
15. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
16. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / под ред. Ю.С. Гамбарова; пер. И.А. Базанова. М. : Изд-во И.Д. Сытина, 1897. 296 с.
17. Голунский С.А. Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 46–55.
18. Вильнянский С. И. Обычай и правила социалистического общежития // Ученые записки Харьковского юридического института. 1954. Вып. 5. С. 6–15.
19. Бошно С.В. Санкционирование обычаев государством: содержание и классификация // Юрист. 2004. № 3. С. 11–14.
20. Шебанов А.Ф. Форма советского права. М. : Юридическая литература, 1968. 213 с.
21. Колесников Е.В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. 1989. № 4. С. 19–25.
22. Коток В.Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран / под ред. В.Ф. Котока, Н.П. Фарберова. М., 1963. С. 97–105.
23. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М. : Юрист, 2002. 348 с.
24. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Рецензия : О.Е. Кутафин. Источники конституционного права Российской Федерации. М. : Юрист, 2022. 348 с. // Государство и право. 2003. № 6. С. 119–122.
25. Плоцкая О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 455 с.
26. Рыбаков В.А. Правовой обычай: прошлое и настоящее // Современное право. 2009. № 3. С. 11–16.
27. Калинин А.Ю. Обычай как источник публичного права в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2. С. 68–71.
28. Колесников Е.В. Источники российского конституционного права. Саратов : Сарат. гос. академия права, 1998. 196 с.
29. Муравский В.А. Источники актуального права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 456–490.
30. Малова О.В. Правовой обычай как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
31. Малова О.В. Формы и способы санкционирования обычаев в истории русского государства // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 15–19.
32. Зивс С.Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 239 с.
33. Супатаев М.А. Правовой обычай как источник права в развивающихся странах // Источники права. М., 1985. С. 46–56.
34. Основы права : учебник / под ред. В.Б. Исакова. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014. 480 с.
35. Кокин А.С. Международная морская перевозка груза: право и практика. А.С. Кокин. М. : Волтерс Клуверс, 2007. 584 с.
36. Германов А.В. Молчание законодателя и пробел в гражданском процессуальном праве // Право: современные тенденции : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2014 г.). Уфа, 2014. С. 91–94.
37. Баранов В.М. Риски «квалифицированного молчания законодателя» : доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2019. № 15. С. 63–82.
38. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. 184 с.
39. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. 520 с.
40. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М., 2002. 512 с.
41. Демин А.В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138.
42. Васильев Ю.И. О проблеме классификации квалифицированного молчания законодателя // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (33). С. 69–72.
43. Морозова Л.А. Теория государства и права. М. : Юрист, 2002. 414 с.
44. Трофимов В.В. «Квалифицированное молчание законодателя» как средство «профилактики» правотворческих ошибок // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2009. С. 590–597.

45. Спектор Е.И. Некоторые аспекты применения института аналогии в административном законодательстве // Право и экономика. 2002. № 7. С. 49–54.
46. Кожокарь И.П. Неполнота гражданско-правовой регламентации (пробел законодательства) как дефект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 186–193.

References

1. Omel'chenko, O.A. (2000) *Rimskoe pravo: uchebnik* [Roman law: textbook]. 2nd ed. Moscow: TON; Ostozh'e
2. Dobrov, A.S. (1928) Pravoobrazovaniya bez zakonodatelya [Law formations without a legislator]. In: *Trudy Komissii po viuchuvannya obychnogo prava Ukrainy* [Proceedings of the Committee on the study of customary law of Ukraine]. Vol. 2. Moscow. [Online] Available from: <http://centerbereg.ru/11856.html>
3. Pontovich, E.E. (1920) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Part I. Kineshma: Tipografiya Ivanovo-Voznesenskogo Gubsoyuzya Potrebitel'nykh Obshchestv.
4. Schmid, R. (1848) *Theorie und Methodik des burgerlichen Rechts*, Friedrif Frommann, Jena.
5. Binding, K. (1885) *Handbuch des Strafrechts*. Bd. I. Erster Band Leipzig.
6. Rumelin, G. (1889) Das Gewohnheitsrecht. In: *Jhering Jarbucher. f. Dogm.* Bd. 27. pp. 153–253.
7. Kryukova, S.S. (2000) Obychnoe pravo v nauchnom nasledii ranney istoricheskoy shkoly prava v Germanii [Customary law in the scientific heritage of the early historical school of law in Germany]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 135–149.
8. Zitelmann, E. (1883) Gewohnheitsrecht und Irrtum. In: *Archiv fur die civilistische Praxis*. Bd. 66. Heidelberg; Freiburg. pp. 323–468
9. Jellinek, G. (1929) *Recht des modernen Staates*. Bd. I. Allgemeine Staatslehre. Verlag Von Julius Springer, Berlin.
10. Tsaregorodskaya, E.V. (2007) Struktura pravovogo obychnaya v istorii pravovoy mysli [The structure of legal custom in the history of legal thought]. *Pravovedenie*. 1. pp. 202–213.
11. Grimm, D.D. (1896) K voprosu o ponyatii istochnika obyazatel'nosti yuridicheskikh norm [On the concept of the source of binding legal norms]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 6. pp. 133–157.
12. Pustoroslev, P.P. (1892) *Analiz ponyatiya o prestuplenii* [Analysis of the concept of crime]. Moscow: Universitetskaya tip.
13. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Vol. I. Is. II. Moscow: Izd. br. Bashmakovykh.
14. Korkunov, N.M. (1904) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. 6th ed. St. Petersburg: Izd. yurid. Knizhnogo magazina N.K. Martynova.
15. Gambarov, Yu.S. (1911) *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil law course]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
16. Regel'sberger, F. (1897) *Obshchee uchenie o prave* [General doctrine of law]. Moscow: Izd-vo I.D. Sytina.
17. Golunskiy, S.A. (1939) Obychay i pravo [Custom and law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 46–55.
18. Vil'nyanskiy, S.I. (1954) Obychai i pravila sotsialisticheskogo obshchezhitiya [Customs and rules of the socialist common life]. *Uchenye zapiski Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta*. 5. pp. 6–15.
19. Boshno, S.V. (2004) Sanktsionirovanie obychaev gosudarstvom: sodержание i klassifikatsiya [Sanctioning customs by the state: content and classification]. *Yurist*. 3. pp. 11–14.
20. Shebanov, A.F. (1968) *Forma sovetskogo prava* [Form of Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
21. Kolesnikov, E.V. (1989) Obychay kak istochnik sovetskogo gosudarstvennogo prava [Custom as a source of Soviet state law]. *Pravovedenie*. 4. pp. 19–25
22. Kotok, V.F. (1963) O predmete i istochnikakh konstitutsionnogo prava sotsialisticheskikh stran [On the subject and sources of the constitutional law of the socialist countries]. In: Kotok V.F. & Farberov, N.P. (eds) *Konstitutsionnoe pravo sotsialisticheskikh stran* [Constitutional law of the socialist countries]. Moscow. pp. 97–105.
23. Kutafin, O.E. (2002) *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Sources of the constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist'.
24. Boytsova, V.V. & Boytsova, L.V. Retsenziya: O.E. Kutafin. Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii. Moscow: Yurist', 2022. 348 s. [Review: O.E. Kutafin. Sources of the constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Yurist, 2022. 348 p.]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 119–122.
25. Plotskaya, O.A. (2017) *Obychnoe pravo permskikh narodov v Rossiyskoy imperii XVIII–XIX vv.: istoriko-pravovoy aspekt* [Customary law of the Permian peoples in the Russian Empire of the 18th–19th centuries: historical and legal aspect]. Law Dr. Diss. Moscow.
26. Rybakov, V.A. (2009) Pravovoy obyчай: proshloe i nastoyashchee [Legal custom: past and present]. *Sovremennoe pravo*. 3. pp. 11–16.
27. Kalinin, A.Yu. (2009) Obychay kak istochnik publichnogo prava v Rossiyskoy Federatsii [Custom as a source of public law in the Russian Federation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2. pp. 68–71.
28. Kolesnikov, E.V. (1998) *Istochniki rossiyskogo konstitutsionnogo prava* [Sources of Russian constitutional law]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
29. Muravskiy, V.A. (2004) Istochniki aktual'nogo prava [Sources of Current Law]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 4. pp. 456–490.
30. Malova, O.V. (2002) *Pravovoy obyчай kak istochnik prava* [Legal custom as a source of law]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
31. Malova, O.V. (2012) Formy i sposoby sanktsionirovaniya obychaev v istorii russkogo gosudarstva [Forms and methods of sanctioning customs in the history of the Russian state]. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik*. 2. pp. 15–19.
32. Zivs, S.L. (1981) *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: Nauka.
33. Supataev, M.A. (1985) Pravovoy obyчай kak istochnik prava v razvivayushchikhsya stranakh [Legal custom as a source of law in developing countries]. In: *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow. pp. 46–56.
34. Isakov, V.B. (ed.) (2014) *Osnovy prava: uchebnik dlya neyuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Fundamentals of law: a textbook for non-legal universities and faculties]. Moscow: Norma: INFRA M.
35. Kokin, A.S. (2007) *Mezhdunarodnaya morskaya perevozka gruza: pravo i praktika* [International maritime shipping: law and practice]. Moscow: Volters Kluyvers.
36. Germanov, A.V. (2014) [Silence of the legislator and a gap in civil procedural law]. *Pravo: sovremennye tendentsii* [Law: modern trends]. Proceedings of the II International Conference. Ufa. April 2014. Ufa. pp. 91–94. (In Russian).
37. Baranov, V.M. (2019) Riski "kvalifitsirovannogo molchaniya zakonodatelya": doktrina, praktika, tekhnika [Risks of "qualified silence of the legislator": doctrine, practice, technique]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 15. pp. 63–82.
38. Lazarev, V.V. (1974) *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and ways to eliminate them]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
39. Lazarev, V.V. (ed.) (2001) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [General theory of law and state: textbook]. 3rd ed. Moscow: Yurist'.
40. Syrykh, V.M. (2002) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: textbook]. 2nd ed. Moscow.
41. Demin, A.V. (2012) Kvalifitsirovannoe molchanie zakona v mekhanizme nalogovo-pravovogo regulirovaniya [Qualified silence of the law in the mechanism of tax and legal regulation]. *Zakon*. 2. pp. 129–138.

42. Vasil'ev, Yu.I. (2015) O probleme klassifikatsii kvalifitsirovannogo molchaniya zakonodatelya [On the problem of classifying the qualified silence of the legislator]. *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3 (33). pp. 69–72.
43. Morozova, L.A. (2002) Teoriya gosudarstva i prava. Moscow: Yurist.
44. Trofimov, V.V. (2009) [“Qualified silence of the legislator” as a means of “preventing” law-making errors]. *Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovetskikh gosudarstvakh* [Law-making errors: concept, types, practice and elimination technique in post-Soviet states]. Proceedings of the round table. 29–30 May 2008. Moscow. pp. 590–597. (In Russian).
45. Spektor, E.I. (2002) Nekotorye aspekty primeneniya instituta analogii v administrativnom zakonodatel'stve [Some aspects of the application of the institute of analogy in administrative legislation]. *Pravo i ekonomika*. 7. pp. 49–54.
46. Kozhokar', I.P. (2018) Nepochinost grazhdansko-pravovoy reglamentatsii (probel zakonodatel'stva) kak defekt [Incompleteness of civil law regulation (a gap in legislation) as a defect]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 4 (44). pp. 186–193.

Информация об авторе:

Даллакян Л.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Dallakyan, Cand. Sci. (Law), associate professor, Russian-Armenian University (Erevan, Republic of Armenia). E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 08.07.2022;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/487/23

Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы

Мадина Муссаевна Долгиева¹

¹ Главное уголовно-судебное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
novator111@mail.ru

Аннотация. Исследованы практические аспекты установления ущерба от хищения криптовалют в ходе предварительного и судебного следствия, сформулированы рекомендации по доказыванию причиненного ущерба на основании производства судебных экспертиз. Выявлены проблемы, формирующиеся в судебной практике, а также дано авторское определение понятия «цифровой ущерб».

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой ущерб, цифровые преступления, криптопреступность, хищение криптовалюты, судебная экспертиза

Для цитирования: Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 206–211. doi: 10.17223/15617793/487/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/23

Digital crime detriment: Practical issues

Madina M. Dolgieva¹

¹ Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
novator111@mail.ru

Abstract. This article discusses the issues that law enforcement officers face when determining damage from crimes committed against virtual assets, primarily cryptocurrencies. Branches of modern law are equally influenced by digitalization. Criminal and criminal procedure law is no exception. “Digital crime” causes the infliction of “digital damage” and, as a result, the need to obtain “digital evidence”. At the same time, more and more crimes against virtual assets are being registered, but the effectiveness of combating these encroachments by criminal legal means is incomplete due to the fact that victims cannot exercise their basic right – the right to compensation for damage caused by a crime. This is not always due to the shortcomings of the law enforcement system, sometimes it is difficult to prove the amount of damage caused due to the lack of specific mechanisms for such proof. In addition, the current political situation was the reason for the massive cryptocurrency investments that took place earlier, but not in such a significant amount. The author investigated the practical aspects of determining damage caused by the theft of cryptocurrencies during the preliminary and judicial investigation, identified the problems emerging in judicial practice. The empirical basis of the study was the data obtained as a result of the analysis and generalization of judicial and investigative practice in criminal cases related to the theft of cryptocurrencies. The normative basis of the study is formed by criminal and criminal procedure legislation, industry legislation in the field of digital financial assets, currency regulation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as materials of judicial practice. The methodological basis of the research was the general scientific methods of cognition, the logical method, as well as methods of analysis and generalization. The qualification of cryptocurrency theft in the absence of regulatory legislation is formed exclusively by judicial practice, while it is not possible to be uniform because it is based on the internal conviction of the judge considering the case, who, in the absence of legal grounds, is also forced, depending on his/her views, to literally or broadly interpret the existing provisions of the law. Since the correct assessment of such digital damage is a necessary condition for the implementation of the tasks of criminal proceedings, the author formulated recommendations for proving the damage caused by forensic computer-technical examinations, as well as suggestions for assessing the value of cryptocurrencies for a subsequent use of information obtained as evidence in the case, and also justified the author's definition of the concept “digital damage”.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, digital currency, digital damage, digital crimes, cryptocrime, cryptocurrency theft, forensic examination

For citation: Dolgieva, M.M. (2023) Digital crime detriment: Practical issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 206–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/23

Информационные технологии в своем инновационном развитии обусловили переход практически всех сфер деятельности общества в виртуальную среду, при этом максимальный набор цифровых услуг может быть сосредоточен всего в нескольких приложениях мобильного телефона или содержаться на специализированных цифровых устройствах, обеспечивая доступ к ним всего лишь одним нажатием сенсорных кнопок.

Новомодное слово «цифровизация», так часто встречающееся в науке права, изначально употреблялось применительно к так называемой цифровой трансформации государственной системы управления и создания «электронного правительства», а в более широком смысле данный термин характеризует трансформацию экономики в целом, в том числе и ее имплементацию в отрасли права и, что важнее всего, в право уголовное.

По истечении примерно десяти лет активного (криминального и не только) использования криптовалют в России эти виртуальные средства так и сохранили свой нейтральный статус, не считая «пробного» шага их нормативной регламентации в Законе о ЦФА¹, который после его тщательного анализа позволяет сделать вывод о том, что к криптовалютам он никакого отношения не имеет.

Вместе с тем цифровизация преступности в сфере информационных технологий в интересующем автора аспекте хищения криптовалют и борьбы с ней требует определенной правовой помощи от законодателя, поскольку преступлений с виртуальными активами регистрируется все больше, однако эффективность такой борьбы уголовно-правовыми средствами является неполной ввиду того, что потерпевшие не могут реализовать свое основное право – право на возмещение ущерба, причиненного преступлением.

И это не всегда связано с недоработками правоохранительной системы, иногда доказать сумму причиненного ущерба затруднительно ввиду отсутствия конкретных механизмов такого доказывания, отсутствуют процессуальные шаблоны и рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с хищением криптовалют.

Стоит отметить, что многочисленные научные дискуссии о том, к каким объектам права относить криптовалюты и относить ли их к таковым вообще, не привели к определенному единому мнению среди теоретиков, стагнация нормативного регулирования криптовалютной отрасли еще больше усилила вакуумный эффект, что привело к росту криминальной активности на рынках Даркнета, а, как известно, эти площадки функционируют только за счет использования анонимных криптовалют.

Между тем как бы странно это не выглядело, но именно нелегальный анонимный «шлейф» криптовалют придал им значительную популярность и среди законопослушных пользователей, так как законом не запрещено приобретать криптовалюты и обменивать их.

Согласно статистическим данным всплеск криптовалютной активности, выражающийся в динамичном инвестировании в виртуальные активы в 2022 г., был

вызван нестабильной политической ситуацией в соседних странах [1. С. 144–149], а также широкой эмиграцией из Российской Федерации граждан, пересекающих границу.

Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности России», вынесенный в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций, содержит запрет на вывоз наличной валюты на сумму свыше 10 тысяч долларов США на одного человека.

Поэтому для поездки за границу с достаточной суммой денег многие граждане стали интересоваться покупкой криптовалюты², так как ограничения на перевод криптовалюты с кошелька российского пользователя на кошелек пользователя из другого государства в российском законодательстве отсутствуют. Кроме того, криптовалюты не подпадают под определение валютных ценностей, в связи с чем законодательство о валютном регулировании также не запрещает подобные переводы.

Таким образом, текущая политическая ситуация явилась причиной массовых криптовалютных инвестиций, имевших место и ранее, но не в таком существенном объеме.

В то же время эти инвестиции привлекают внимание и со стороны криминала, при этом в связи с увеличением их числа можно предположить, что факты хищения криптовалют будут увеличиваться прямо пропорционально числу их роста в обороте.

Весьма справедливо отмечают В.В. Оксамытный и Н.К. Потоцкий, что современное состояние системы государственных органов, обеспечивающих управление и защиту собственности в России, не адекватно задачам периода столь масштабной трансформации отношений [2. С. 15].

Вместе с тем в данном исследовании мы не будем касаться правовой природы криптовалют и закрепления их конкретного статуса, поскольку этому были посвящены другие работы автора [3. С. 1181–1184]. На наш взгляд, более существенными на сегодняшний день являются практические проблемы правоохранительной системы, которая должна быть готова не только к определению правильной юридической квалификации совершаемых хищений виртуальных активов, но и к выполнению основных задач уголовной политики и уголовного судопроизводства, а именно возмещению ущерба от преступления.

Основной вопрос, подлежащий анализу, – как быть, если ущерб является виртуальным или цифровым. В данной работе мы не подчеркиваем разницу между этими двумя определениями: когда речь идет о криптовалюте применительно к неосязаемой (нематериальной) ее природе, то возможно употребление обоих понятий.

Так, например, в Московском областном суде рассматривается уголовное дело в отношении 11 подсудимых по факту похищения человека с целью получения

доступа к содержимому его криптовалютного кошелька и криптовалютных счетов, после получения которого виновными были выведены средства в криптовалюте на сумму более 80 биткоинов, что согласно предъявленному обвинению по состоянию на 22.02.2020 составляло 785 756,118 долларов США, эквивалентных 50 525 325,7 рублей, т.е. в особо крупном размере.

Из доказательств наличия криптовалюты в криптовалютном кошельке и на криптовалютном счете есть только показания потерпевшего и протокол осмотра интернет-страницы о стоимости криптовалюты биткоин на день похищения.

Безусловно, корыстный мотив совершенного преступления очевиден, равно как и основания для возбуждения уголовного дела, в данном случае по ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – похищение человека, однако вопрос определения суммы похищенной криптовалюты может вызвать проблемы в ее доказывании, с учетом того что данное уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием коллегии присяжных заседателей.

В первую очередь вопросы возникнут в связи с квалификацией содеянного в особо крупном размере, поскольку курс криптовалюты на момент составления протокола осмотра интернет-страницы следователем не был официальным. Он и не мог быть официальным, просто потому что в криптовалютных технологиях не существует единого государственного регулятора. Соответственно, данная стоимость была представлена на основании информации, содержащейся на определенной криптовалютной площадке для обмена криптовалют, при этом наличие криптовалюты в указанном размере подтвердить иначе как словами потерпевшего не представляется возможным. Это не означает, что органы следствия должны с недоверием относиться к показаниям потерпевшего в части суммы ущерба, однако свидетельствует о том, что доказать причинение такого ущерба суду присяжных будет проблематично.

Связано это в первую очередь с тем, что в силу возраста и жизненного опыта присяжные могут быть не осведомлены о криптовалютных технологиях и стоимости криптовалют или просто не поверить в то, чего не могут увидеть.

Конечно, если речь идет о простых видах хищений и других составах преступлений, подсудных профессиональным судьям, то доказательная база может быть сформирована только на основании показаний потерпевшего, лишь потому что его показания включены в перечень доказательств, предусмотренный ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ). Однако нельзя исключать, что хищения криптовалют могут быть совершены в совокупности с особо тяжкими преступлениями, подсудными как раз суду с участием коллегии присяжных заседателей, и в этой категории дел доказательств должны быть абсолютно бесспорными.

Можно, конечно, весь ход судебного следствия посвятить чтению лекций коллегии присяжных заседателей о том, что же такое криптовалюты и сколько они

стоят, однако этот путь повлечет за собой выход за пределы доказывания, предусмотренные ст. 252 УПК РФ, и внимание судей будет отвлечено от другого особо тяжкого состава преступления.

В этой связи необходимо внимание вопросам достаточности доказательств причинения ущерба в криптовалюте должно быть обращено в ходе предварительного следствия.

Криминообразующие признаки размера совершенного преступления, определяющие его предмет или последствия, прямо содержатся в нормах УК РФ и выражены в конкретно установленных денежных суммах, соответственно, причиненный ущерб не может иметь противоречивый характер.

В судебной практике встречаются вариации хищений криптовалют – от мошенничества, грабежа и разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом (ст. 159, 161, 162 УК РФ) до сложноорганизованных составов преступлений, таких как создание криптовалютных финансовых пирамид, криптовалютных ICO, имеющих довольно спорную квалификацию по ст. 172.2 УК РФ – организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, поскольку в данном составе преступления речь идет о привлечении именно денежных средств или иного имущества, к которым криптовалюта не относится [4. С. 247–251].

Поэтому автор соглашается с мнением, что делать вывод об отнесении криптовалюты к имуществу без внесения изменений в гражданское законодательство и концептуального обоснования нового объекта гражданского права нельзя [5. С. 66].

По мнению профессора С.М. Кочои, криптовалюта не может быть признана предметом хищения чужого имущества ввиду того, что, согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, применительно к статьям о легализации преступных доходов предметом преступлений признается не сама криптовалюта, а денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты) [6. С. 110].

Однако согласиться с такой точкой зрения автор не может в связи с тем, что преступления против собственности и преступления в сфере экономической деятельности имеют различный видовой объект посягательства, а составообразующим признаком легализации преступных доходов является включение именно денежных средств в экономический оборот. Так как криптовалюта не относится к денежным средствам, они не могут быть вовлечены в легальную экономическую деятельность по определению. Таким образом, для наступления уголовной ответственности за преступления против экономической деятельности предполагается именно преобразование нелегально приобретенных виртуальных активов в денежные средства в целях нарушения нормального функционирования экономической деятельности. Другое дело – преступления против собственности.

Несмотря на то что судебная практика все же идет по пути признания криптовалют предметом хищения, в науке права существуют обратные точки зрения, ко-

торые не отвечают требованиям обоснованности и неправильно ориентируют правоприменителей. Так, по мнению ряда авторов, действия по противоправному приобретению криптовалюты необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности, поскольку такое хищение непременно связано с неправомерным доступом к цифровым кошелькам [7. С. 546]. С данным мнением автор не может согласиться, основываясь в первую очередь на объекте посягательства, поскольку «компьютерные преступления» посягают на общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере компьютерной информации, к которой криптовалюта, как известно, тоже не относится. Однако криптовалюта имеет стоимость, экономическую (материальную) ценность для ее обладателя, и ее утрата влечет причинение ему материального ущерба, хоть и в цифровой форме, и несмотря на схожие физические характеристики одинаковое отношение к ним субъектов права исключается [8. С. 6].

Цифровая форма не должна становиться камнем преткновения в вопросах возможности привлечения виновного лица к уголовной ответственности за причинение такого ущерба, так как основополагающим (доктринальным) принципом квалификации хищения является именно стоимость (ценность) похищенного (субъективное восприятие потерпевшего в вопросах значительности такого ущерба).

Таким образом, квалификация хищений криптовалют в отсутствие регулятивного законодательства формируется исключительно судебной практикой, при этом она не имеет возможности быть единообразной, так как основана на внутреннем убеждении судьи, рассматривающего дело, который также в отсутствие правовых оснований вынужден в зависимости от своих взглядов буквально или широко толковать существующие положения закона о ЦФА³.

Официальных методик определения цифрового ущерба в криптовалюте в России не существует, вместе с тем в судебной практике давно сформирована приверженность судов к такому доказательству, как заключение эксперта. Иной раз отсутствие такого заключения обуславливает возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ⁴.

В этой связи правильная оценка такого цифрового ущерба является необходимым условием реализации задач уголовного судопроизводства.

Автором предлагается ряд практических рекомендаций по установлению цифрового ущерба от совершенных преступных действий в отношении криптовалют или иных цифровых активов.

Так, после получения в ходе допроса значимой информации от потерпевшего, в том числе об обстоятельствах, средствах и способах хищения у него криптовалюты, необходимо отразить в протоколе следственного действия следующие сведения: подробное описание способа приобретения им криптовалюты, дату, время и наличие сведений, в том числе скрин-шотов интернет-страниц, банковских операций по перечисле-

нию денежных средств на ее покупку на специализированных платформах. Желательно составление протокола осмотра мобильных устройств потерпевшего под видеозапись с соответствующими комментариями последнего, отражающими процесс приобретения криптовалюты.

Допрос потерпевшего должен также содержать информацию о том, в каких кредитных организациях у него открыты счета, банковские карты; сведения о модели телефона, криптовалютного кошелька; о способах аутентификации для входа в приложение, устройства; частоте их использования; о средствах защиты информации, установленных на принадлежащих ему устройствах; о лицах, имеющих доступ к указанным программам и приложениям; о возможном предоставлении потерпевшим кому-либо сведений, необходимых для входа в приложения и мобильные устройства.

Допустимо также произвести допрос свидетелей на предмет обстоятельств приобретения потерпевшим криптовалюты, использования им специальных устройств, криптовалютных кошельков и иных сведений, способных подтвердить причиненный ущерб.

Кроме того, в случае если уголовное дело может быть подсудно суду с участием коллегии присяжных заседателей, возможно составление протокола следственного эксперимента под видеозапись, в ходе которого потерпевшим будут отражены процесс приобретения криптовалюты и обстоятельства, при которых были осуществлены переводы и транзакции.

Далее, на наш взгляд, по такому уголовному делу обязательно должна быть проведена судебная компьютерно-техническая экспертиза (достаточно весомое доказательство в суде присяжных).

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, которому поручена конкретная судебная экспертиза. В данном случае экспертом может быть любой человек, а не тот, кто имеет профессию эксперта и занимает соответствующую должность в экспертном учреждении.

В соответствии с требованиями ст. 5 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ», криптовалюты (объект оценки) могут быть определены как право (требования) в отношении содержимого электронного кошелька, находящегося в телекоммуникационной сети «Интернет» [9].

Для проведения компьютерно-технической экспертизы, назначенной при расследовании преступлений, связанных с оборотом криптовалюты, наиболее подходящей будет являться судебная информационно-компьютерная экспертиза, способная выявить следы работы программ и приложений, регулирующих движение криптовалют [10. С. 390].

Источником информации о расходах на конвертацию криптовалюты, в большей мере отвечающим критериям проверяемости и достоверности, является криптобиржа. «При оценке права (требования) в отношении содержимого электронного кошелька следует учитывать издержки на совершение конвертации, поскольку для типичных рыночных субъектов экономи-

ческая полезность права (требования) ниже, чем номинальная стоимость содержимого электронного кошелька» [9].

Таким образом, проведение экспертизы о стоимости криптовалют, включая варианты их конвертации, процесс вполне урегулированный. Эксперты, обладающие специальными познаниями, также имеются, в связи с чем непроведение таких экспертиз не может быть мотивировано их практической невозможностью или особой сложностью.

Другой вопрос об обоснованности выводов экспертов, который может возникнуть в ходе судебного следствия.

Так, например, по мнению М.А. Филатовой, судебная экспертиза должна устанавливать конкретный период от момента начала преступного изъятия криптовалюты до момента его окончания, исследовательская часть должна содержать минимальную и максимальную стоимость криптовалюты за указанный период, а суд, в свою очередь, должен принять за основу наименьший из указанных показателей [5. С. 72].

Вместе с тем, возвращаясь к вопросу отсутствия какого бы то ни было официального курса криптовалют, представляется логичным определение среднего показателя стоимости, представленного на нескольких крупнейших криптобиржах по аналогии с определением рыночной цены недвижимости, когда экспертами за основу берется цена, предлагаемая на крупнейших интернет-площадках с объявлениями о продаже, и определяется среднерыночный показатель.

Такое доказательство отвечает требованиям допустимости, а обоснованность выводов экспертов в данном случае является оценочным фактором и будет учитываться судом в совокупности со всеми имеющимися доказательствами по делу. Например, если стороны защиты не согласны с выводами экспертов, может быть заявлено ходатайство о проведении повторной экспертизы или привлечен к участию в деле специалист, который даст свое заключение.

Важность заключения эксперта обуславливается и его ключевой ролью в случае пограничного размера ущерба, влияющего на квалификацию содеянного как совершенного в крупном или особо крупном размере.

Несмотря на то что в науке права пока еще не существует понятия «цифрового ущерба», полагаем, что данное определение имеет право на теоретическое обоснование как результат совершения «цифровых преступлений».

Таким образом, влияние цифровых технологий на уголовное судопроизводство значительно увеличивается, что требует от доктрины права разработки новых концептуальных основ для решения задач уголовного судопроизводства.

В этих целях автором предлагается определение термина «цифровой ущерб», под которым понимается вред, причиненный физическому или юридическому лицу в ходе совершения преступления, выражаемый в уменьшении или неполучении дохода от обладания виртуальными активами.

Примечания

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Как переводить средства за границу с помощью криптовалюты. Инструкция. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/623849e39a794751e58bfe8a>

³ См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 по делу № 7У-10543/2020[77-1839/2020]; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 по делу № 77-1411/2022 // СПС Гарант.

⁴ См.: Постановление Советского районного суда г. Махачкалы от 09.03.2021 по делу № 1-499/21. URL: https://sovetskiy-dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=85213667&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

Список источников

1. Долгиева М.М. Криптопреступность на фоне специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 144–149.
2. Оксамытный В.В., Потоцкий Н.К. Об основных экономических факторах преступности против собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 15–19.
3. Долгиева М.М. Правовое регулирование криптовалюты в России // Финансовая экономика. 2018. № 5 (ч. 10). С. 1181–1184.
4. Долгиева М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 247–251. doi: 10.17223/15617793/479/26
5. Филатова М.А. Проблемы установления размера и ущерба при квалификации посягательств на цифровую валюту // Уголовное право. 2022. № 1. С. 65–72.
6. Кочон С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica. 2021. № 6. С. 108–117.
7. Право цифровой среды / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.
8. Аршинова В. Криптовалюта как предмет, объект или средство преступления // Адвокатская газета. 2022. № 2. С. 6–7.
9. Методические разъяснения Союза судебных экспертов по оценке стоимости криптовалют. URL: <https://srososvet.ru/content/editor/Method/Metodicheskie-razyasneniya-po-ocenke-stoimosti-kriptovalyuty.pdf>
10. Несмеянов А.А. О некоторых особенностях проведения расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют // Образование и право. 2021. № 9. С. 386–390.

References

1. Dolgieva, M.M. (2022) Kriptoprestupnost' na fone spetsial'noy voennoy operatsii i zapadnykh sanktsiy [Cryptocrime against the backdrop of a special military operation and Western sanctions]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 8. pp. 144–149.
2. Oksamytnyy, V.V. & Pototskiy, N.K. (2013) Ob osnovnykh ekonomicheskikh faktorakh prestupnosti protiv sobstvennosti [On the main economic factors of crime against property]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 15–19.

3. Dolgieva, M.M. (2018) Pravovoe regulirovanie kriptovalyuty v Rossii [Legal regulation of cryptocurrency in Russia]. *Finansovaya ekonomika*. 5 (Part 10). pp. 1181–1184.
4. Dolgieva, M.M. (2022) Issues of Criminal Liability for Organizing Activities to Attract Funds in Cryptocurrency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. (In Russian). pp. 247–251. doi: 10.17223/15617793/479/26
5. Filatova, M.A. (2022) Problemy ustanovleniya razmera i ushcherba pri kvalifikatsii posyagatel'stv na tsifrovuyu valyutu [Problems of establishing the size and damage when qualifying encroachments on digital currency]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 65–72.
6. Kochoi, S.M. (2021) Doktrina i pravovye pozitsii, vyrobotannye sudami po delam o khishchenii chuzhogo imushchestva [Doctrine and legal positions developed by courts in cases of embezzlement of other people's property]. *Lex Russica*. 6. pp. 108–117.
7. Podshivalov, T.P., Titova, E.V. & Gromova, E.A. (eds) (2022) *Pravo tsifrovoy sredy* [The right of the digital environment]. Moscow: Prospekt.
8. Arshinova, V. (2022) Kriptovalyuta kak predmet, ob'ekt ili sredstvo prestupleniya [Cryptocurrency as a subject, object or means of crime]. *Advokatskaya gazeta*. 2. pp. 6–7.
9. Srosovnet.ru. (n.d.) *Metodicheskie raz'yasneniya Soyuzu sudebnykh ekspertov po otsenke stoimosti kriptovalyut* [Methodological explanations of the Union of Forensic Experts on the valuation of cryptocurrencies]. [Online] Available from: <https://srosovnet.ru/content/editor/Metod/Metodicheskie-raz'yasneniya-po-ocenke-stoimosti-kriptovalyuty.pdf>
10. Nesmeyanov, A.A. (2021) O nekotorykh osobennostyakh provedeniya rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s ispol'zovaniem kriptovalyut [On some features of the investigation of crimes related to the use of cryptocurrencies]. *Obrazovanie i pravo*. 9. pp. 386–390.

Информация об авторе:

Долгиева М.М. – канд. юрид. наук, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: novator111@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), prosecutor, Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: novator111@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 18.11.2022;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/487/24

Понятие правового обеспечения

Мария Павловна Имекова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
Imekova_Maria@mail.ru*

Аннотация. На основе инструментального подхода определена правовая природа правового обеспечения. Доказано, что правовое регулирование является его частью. Сущность правового регулирования заключается в регламентировании общественных отношений при помощи правовых средств, в которых определяются правила (модели) поведения участников таких отношений, что, в свою очередь, свидетельствует о статистическом характере такого регулирования. Утверждается, что правовое обеспечение в отличие от него динамично: оно призвано объединять правовые средства и правоотношения по их реализации. Таким образом, оно создает условия для достижения своей специфической цели обеспечения.

Ключевые слова: правовая действительность, правовое обеспечение, правовое регулирование, правовые средства, нормативно-правовые средства, индивидуально-правовые средства, средства саморегулирования, правовая деятельность, юридическая детальность, правоотношение, правовая цель

Для цитирования: Имекова М.П. Понятие правового обеспечения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 212–219. doi: 10.17223/15617793/487/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/24

The concept of legal support

Maria P. Imekova¹

¹ *National Research Tomsk State University
imekova_maria@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to determine the legal nature of legal support. To reach this aim, extensive theoretical material has been studied. The methodological basis of the study was an instrumental approach. Within the framework of the article, the author proposes to subdivide all the phenomena of legal activity into three groups: legal means; legal activity; phenomena of the subjective side of legal reality. She has established that these phenomena are designed to reflect legal reality from different angles and to perform various functions. Legal means represent the ideal side of legal reality, with their help the legal regulation of social relations is carried out. Legal activity acts as a legal reflection (one of the social aspects) of the real (actual) activity of subjects of law. The purpose of such activities is to use legal means. The phenomena of the subjective side of legal reality reflect the ideas of subjects of law about the first two groups of phenomena, form their subjective image, create an ideological basis for both legal regulation and legal support. The author proves that legal regulation is a part of legal support. Its essence lies in the regulation of social relations with the help of legal means, which define the rules (models) of behavior of the participants in such relations, which, in turn, indicates the static nature of such regulation. Legal support, contrarily, is dynamic: it is designed to combine legal means and legal detail in their use. In this way, it creates conditions for achieving its specific purpose of providing. The purpose of legal support is the simultaneous achievement of socially useful goals and satisfaction of the legitimate interests of subjects of law. The rule of conduct enshrined in legal means is only an ideal model of behavior that “does not act” automatically, and only in the process of its implementation in the legal activities of subjects carried out within the framework of a legal relationship can lead to the achievement of the goal of legal support; the legal relationship implements such a model of behavior in a real social relationship and at the same time mediates it, investing it in a legal form. The foregoing allowed the author to conclude that the legal relationship is a way (form) of legal activity, as well as a legal means of support, through which the ideal model of behavior enshrined in legal means is implemented.

Keywords: legal reality, legal support, legal regulation, legal means, normative legal means, individual legal means, means of self-regulation, legal activity, legal detailedness, legal relationship, legal purpose

For citation: Imekova, M.P. (2023) The concept of legal support. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 212–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/24

Обеспечение является сложным и многоаспектным понятием. С точки зрения этимологии слова обеспечение призвано создавать условия для достижения определенной цели¹. Причем эти условия формируются за счет определенных средств.

В зависимости от сферы обеспечения можно условно выделить разнообразные его виды, например, экономическое, социальное, правовое, организационное, информационное. Так, в современном экономическом словаре обеспечение определяется как «совокупность мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию экономических процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования экономической системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов» [2. С. 219]. Под социальным обеспечением принято понимать «принимаемые государством меры по оказанию помощи тем гражданам, которые по определенным причинам утрачивают либо не в состоянии приобрести самостоятельный источник средств к существованию» [3. С. 3].

О том, что «обеспечение» является определенной собирательной категорией, которая может быть одновременно, например, правовой и экономической, соответственно, может включать в себя различные по своей природе средства, справедливо высказываются разные исследователи. В частности, по мнению Е.Ю. Догадыло, «обеспечение национальных интересов РФ объективируется как использование всей совокупности экономических, политических, правовых, информационных и иных инструментов, направленных на выявление и предупреждение угроз национальным интересам РФ и противодействие им в качестве обязательного и неперенного условия защиты данных интересов» [4. С. 11]. П.И. Лысухо полагает, что «обеспечение экологической безопасности состоит в проведении комплекса мер организационно-правового, эколого-экономического, воспитательного, научно-технического, инженерно-технологического и иного характера, направленных на нейтрализацию угроз со стороны загрязненных природных объектов, т.е. обеспечение их безопасного состояния для населения, территорий, техногенных и природных (незагрязненных) объектов» [5. С. 11].

Гармоничное сочетание различных по своей природе средств обеспечения и их реализация позволяют достигнуть общей цели обеспечения. В свою очередь, значение правового обеспечения состоит в том, что оно создает необходимые условия для достижения своей специфической цели обеспечения.

В юридической литературе понятие «правовое обеспечение» раскрывается в самых разных смыслах. В целом можно выделить следующие подходы. Одни ученые [6. С. 158–159; 7. С. 86–157] рассматривают понятие «правовое обеспечение» как синоним понятия «правовое регулирование». Другие [8. С. 49; 9. С. 31, 68–69] полагают, что правовое обеспечение является более широким понятием, чем правовое регулирование, включая при этом в состав правового обеспечения не только правовые, но и иные средства. Третья группа

ученых правовое обеспечение рассматривают либо как систему правил (норм), закрепленных правовыми актами и призванных регламентировать деятельность каких-либо субъектов (органов государственной власти или органов местного самоуправления, должностных лиц и т.д.) [10. С. 12; 11. С. 11–12], либо как правовую деятельность таких субъектов [12. С. 13; 13. С. 36].

Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что в состав правового обеспечения помимо правовых средств необходимо включать средства иного характера. Как представляется, такие средства не должны включаться в систему правовых явлений, относящихся к содержанию правового обеспечения, но они могут выступать элементами более широкого понятия «обеспечение». В связи с этим можно выделить два нетождественных понятия: «средства правового обеспечения» и «правовые средства обеспечения». Первое понятие шире, поскольку включает всю систему средств правового и неправового характера [14. С. 31–32].

Также представляется необоснованным сводить правовое обеспечение исключительно к правовому регулированию (в том числе к системе норм, закрепленных правовыми актами и призванных регламентировать деятельность каких-либо субъектов) или правовой деятельности. Данные явления относятся к различным плоскостям правовой действительности. Правовое обеспечение объединяет эти явления, создавая тем самым условия для достижения своей специфической цели обеспечения.

Все явления правовой действительности можно условно подразделить на 3 частично переплетающиеся и тесно взаимодействующие группы: а) правовые явления-регуляторы или правовые средства (например, нормы права, правовые обычаи); б) явления правовой деятельности – правотворческая, правореализационная и правоприменительная виды деятельности; в) явления субъективной стороны правовой действительности – правосознание, правовое воспитание, правовое образование, правовая культура, правовая психология, правовое понимание.

Названные группы правовых явлений отражают правовую действительность с разных сторон, а также выполняют различные функции. Правовые явления-регуляторы (или правовые средства) представляют собой идеальную сторону правовой действительности, с помощью них право осуществляет регулирование общественных отношений. Правовая деятельность выступает правовым отражением (одним из социальных аспектов) реальной (фактической) деятельности субъектов права. Назначение такой деятельности заключается в использовании правовых явлений-регуляторов (правовых средств). Явления субъективной стороны правовой действительности отражают представления субъектов права о первых двух группах явлений, формируют их субъективный образ, создают идеологическую базу.

Определяющая роль в правовой действительности принадлежит правовым явлениям-регуляторам. По мнению С.С. Алексеева, они образуют существенную часть правовой материи, то, что может быть названо «веществом», плотью и в этом смысле – субстанцией права всей

правовой системы [15. С. 14]. Также субстанциональное значение имеет и правовая форма, в которую облекаются такие явления, «в силу характерного для права глубокого единства формы и содержания, обуславливающего его высокий уровень объективизации, его институциональность» [15. С. 14]. Субстанциональный и институциональный характер правовых явлений-регуляторов, и та регулятивная сила права, его энергия, которая сосредоточена в них, позволили С.С. Алексееву признать эти явления средствами правового регулирования (далее – правовые средства), т.е. инструментами, при помощи которых право осуществляет регулирование общественных отношений.

Предложенный ученым подход к исследованию права заложил в юридической науке основы инструментальной теории – специально-юридической теории, позволяющей рассматривать его как специфическую систему правовых средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные правовые режимы, механизмы регулирования, по-разному обеспечивающие решение социально-экономических, организационных, политических задач в зависимости от специфики правового регулирования, его типов и способов [16. С. 36]. Сторонниками данной теории стали советские и современные российские ученые, такие как Б.И. Пугинский [17], А.В. Малько [18], В.А. Сапун [16], К.В. Шундинов [19], О.М. Родионова [20] и др.

Среди перечисленных ученых сложились различные точки зрения относительно того, какие правовые явления-регуляторы следует признавать правовыми средствами. Одни из них (Б.И. Пугинский, А.В. Малько) считают, что правовым средством должна признаваться и правовая деятельность, поскольку, по их мнению, только таким образом обеспечено использование правовых средств в правовой деятельности, их взаимодействие². Другие (В.А. Сапун, К.В. Шундинов, О.М. Родионова), справедливо полагая, что правовая деятельность не является правовым средством, к числу последних относят разнорядковые правовые явления (например, нормы права, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности, договоры, меры ответственности и др.).

Во-первых, правовыми средствами могут выступать лишь идеальные явления правовой действительности. «Право – идеальное явление, поэтому все средства, называемые правовыми, не могут быть реальными сущностями, а только порождениями человеческого сознания, хотя и оформленными внешними актами» [20. С. 54]. По этой причине правовым средством не может признаваться правовая деятельность. Как будет показано ниже, она обладает не идеальной, а двуединой природой, а именно является правовым отражением (одним из социальных аспектов) реальной (фактической) деятельности субъектов права.

Во-вторых, с учетом законов логики нельзя ставить в один ряд правовые явления и составные части таких явлений, как, например, правоотношения и субъективные права и юридические обязанности. Правовым средством

должно признаваться правовое явление в целом (к примеру, норма права, правовой обычай), а его образующие элементы должны рассматриваться как части целого, т.е. в неразрывном единстве и взаимодействии.

В-третьих, недопустимо отнесение к числу правовых средств явлений правовой действительности, не имеющих регулятивного характера (т.е. не являющихся правовыми регуляторами), в частности правовой деятельности, правоотношения.

В юридической литературе не выработано единого определения понятия «правовой регулятор»³. М.Ю. Челышев предлагал признавать правовыми регуляторами (соответственно, правовыми средствами) лишь те правовые явления, которые содержат разного уровня (разной правовой силы) правовые предписания, которым должны подчиняться соответствующие субъекты [21. С. 190]. Такое понимание правового регулятора (правового средства) с точки зрения этимологии слова «регулировать» наиболее точно отражает его суть. С.С. Алексеев трактовал данный термин следующим образом: регулировать – это «значит определять поведение людей, их коллективов, давать ему направление функционирования и развития, вводить его в рамки, целенаправленно его упорядочивать» [22. С. 31]. Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод о том, что правовые регуляторы (правовые средства) призваны, прежде всего, определять правила (модели) поведения участников общественных отношений. В связи с этим ими могут признаваться лишь те правовые явления, которые устанавливают такие правила (модели) поведения. Как представляется, в этом заключается статическая функция правового регулирования, его средств (правовых регуляторов): они регламентируют общественные отношения путем закрепления социально полезных правил (моделей) поведения. Участникам общественных отношений остается выбрать из всех объективно возможных моделей такую, которая наиболее целесообразна, отвечает их законным интересам.

Таким образом, правовыми средствами являются такие правовые явления-регуляторы, которые определяют правила (модели) поведения участников регулируемых отношений. Их можно подразделить на три группы: нормативно-правовые средства (нормы права, правовые обычаи), индивидуально-правовые средства (односторонние сделки, договоры), а также средства саморегулирования (корпоративные акты, стандарты и правила саморегулируемых организаций). Все эти средства нуждаются в детальном изучении.

Правовые средства необходимо отличать от других компонентов правовой действительности: явлений правовой деятельности и явлений субъективной стороны правовой действительности.

Что касается явлений субъективной стороны правовой действительности (правосознания, правового воспитания, правового образования, правовой культуры, правовой психологии, правового понимания), то они представляют собой, по сути, иные средства правового воздействия. Объектом их воздействия является созна-

ние субъектов (а не внешнее поведение), которое находится за пределами как сферы правового регулирования, так и правового обеспечения. Перечисленные средства правового воздействия создают идеологическую базу для правового регулирования и правового обеспечения. Другими словами, такие средства вне правового регулирования и правового обеспечения сами по себе не могут привести к достижению определенной цели, в связи с этим их следует относить к вспомогательным средствам правового регулирования и правового обеспечения.

Категория «правовая деятельность» стала предметом самостоятельного исследования в диссертации Р.В. Шагиевой [23]. Ученый определяет правовую деятельность как «социально значимую активность (свободы выбора и свободы самовыражения), которая специально предпринимается субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом (в рамках правоотношений) и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости – дающей возможность вынести решение и вызвать юридически значимые последствия» [23. С. 18].

Р.В. Шагиева в диссертации также определяет соотношение правовой и юридической видов деятельности. По мнению исследователя, юридическая деятельность является разновидностью правовой, которая отличается от последней профессиональным и государственно-властным характером, а именно: осуществляется специальными субъектами; упорядочивается посредством процедурных или процессуальных норм права; имеет своими целями организацию и контроль за всей правовой деятельностью путем принятия государственно-властных решений [23. С. 56]. По сути, ученый признает правовой деятельностью правореализационную деятельность, в то время как правотворческая и правоприменительная виды юридической деятельности призваны обеспечивать ее осуществление.

Анализ приведенного понятия правовой деятельности позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, правовая деятельность обладает двуединой правовой природой: она не является разновидностью социальной деятельности наряду с другими видами человеческой деятельности, выделяемыми в соответствии с основными сферами общественной жизни – экономической, социальной, политической и духовной, а выступает дополнительным социальным аспектом экономического, духовного и других споров бытия [23. С. 44]. Во-вторых, правовая деятельность не имеет регулятивного характера, соответственно, ее нельзя признать правовым средством. В-третьих, способом осуществления правовой деятельности выступает правоотношение. В-четвертых, правовую (правореализационную) деятельность необходимо отличать от таких видов юридической деятельности, как правотворческая и правоприменительная.

С одной стороны, представленные выводы подтверждают выдвинутый выше тезис том, что правовая деятельность обладает в отличие от правовых средств иной правовой природой, поэтому их следует относить к различным плоскостям правовой действительности. С другой стороны, данные выводы не дают ответов на вопросы о том, как правовые средства, обладая идеальной правовой природой, могут использоваться в правовой действительности? И как обеспечивается взаимодействие между ними?

Как представляется, такое взаимодействие (следовательно, и использование) возможно и допустимо только в рамках правового обеспечения: оно призвано объединять такие явления правовой действительности, как правовые средства и правовую деятельность. При этом связующим (промежуточным, посредствующим) звеном между ними выступает правоотношение, которое совмещает в себе одновременно идеальное и реальное. Другими словами, правоотношение является своего рода средством перевода идеального в реальное, соответственно, выступает правовым средством обеспечения.

Как известно, правовые средства не могут оказывать непосредственного воздействия на общественные отношения, для претворения в жизнь закрепленных в них моделей поведения требуется правоотношение. В частности, как писал по этому поводу С.С. Алексеев, «само по себе право не создает, не порождает новые общественные отношения. <...> Новые общественные отношения создаются в результате практической деятельности людей в процессе правового регулирования» [24. С. 10]. «Правоотношения являются той формой, в которой существуют субъективные права и юридические обязанности. Они выполняют роль основного рычага, обеспечивающего действие права в отношении конкретных лиц» [24. С. 35].

Ю.К. Толстой также полагал, что «норма права лишь в конечном счете реализуется в общественной жизни через правоотношения. При этом в тех случаях, когда норма права предусматривает возникновение правоотношений из неправомерного поведения, задача правопорядка состоит именно в том, чтобы правоотношение не возникло» [25. С. 5].

Близкую позицию по рассматриваемому вопросу занимал В.М. Горшенев, который указывал на то, что «в процессе осуществления права, т.е. в переводе нормативности права в упорядоченность общественных отношений, следует последовательно разграничивать две стороны, два аспекта проблемы. С одной стороны, надо определять способы и формы воздействия права на общественные отношения, когда внимание акцентируется на внешних по отношению к воле субъектов факторах механизма правового воздействия, на соответствующих способах и формах организации воли субъектов отношений. С другой стороны, целесообразно выделять способы и формы реализации права в урегулированных общественных отношениях. Здесь имеется в виду объективизация фактического поведения субъектов, составляющего сущность юридического эффекта и являющегося результатом реагирования субъектов на правовое воздействие» [26. С. 48].

Причем основной формой реализации права ученый признавал правоотношение.

Таким образом, В.М. Горшенев предлагал разграничивать между собой правовые средства как внешние по отношению к воле субъектов способы и формы воздействия права на общественные отношения и правоотношение как результат реагирования субъектов на такое воздействие, которое представляет собой форму реализации идеальной модели поведения, закрепленной в правовых средствах⁴.

В свою очередь, придя к выводу о том, что предусмотренная правовыми средствами модель поведения не может быть реализована сама по себе, без правоотношения, представляется бесспорным и то обстоятельство, что правоотношение не может возникнуть само по себе, т.е. без правовой деятельности. Правовая деятельность, влияя на неправовую реальность в виде общественных отношений, порождает их специфический вид – правоотношения. Специфика правоотношений состоит в том, что они, облекая реальные общественные отношения в систему взаимных связанностей и обязательств их участников, способствуют созданию формализованного мира со своими особыми условиями и условностями, со своими персонами (правовыми масками), ролями, правилами поведения, процедурами и т.д. [23. С. 49]. Иными словами, правовая деятельность позволяет «трансформировать» неправовую реальность в виде общественного отношения в правоотношение, в рамках которого из множества моделей поведения, закрепленных в правовых средствах, сторонами такого правоотношения реализуется определенная модель поведения.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что в отличие от правового регулирования правовое обеспечение призвано отражать динамику правовой действительности, а именно использование правовых средств в правовой деятельности. Таким образом оно создает условия для достижения своей специфической цели обеспечения. Причем эти условия создаются за счет совместного использования как правовых средств, так и правовых средств обеспечения: закрепленное в правовых средствах правило поведения представляет собой только идеальную модель поведения, которая «не действует» автоматически, и только в процессе ее реализации в правовой деятельности субъектов, осуществляемой в рамках правоотношения, может привести к достижению поставленной цели; правоотношение реализует такую модель поведения в реальном общественном отношении и в то же время опосредует его, облекая в юридическую форму.

Что касается таких видов юридической деятельности, как правотворческая и правоприменительная, то они, как и правовая (правореализационная) деятельность, могут осуществляться только в рамках правового обеспечения: для них разрабатываются свои правовые средства, и они так же, как правореализационная деятельность, реализуются в правоотношении.

Говоря о специфической цели, ради достижения которой в рамках правового обеспечения создаются необходимые условия, принципиально важно, чтобы она соответствовала общей юридической (правовой) цели, поскольку именно к ней сводится все правовое обеспечение.

В юридической науке можно встретить различные точки зрения относительно понятия юридической (правовой) цели [27–29]. Наиболее обоснованной видится позиция К.В. Шундикова, который предлагает определять такую цель как «идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. Указанным понятием охватывается как цель в праве (официальный ориентир, установленный на нормативном уровне), так и цель в юридической практике (ориентир конкретного субъекта правореализационного процесса), ибо в идеале они совпадают» [19. С. 8]. При этом официальным ориентиром, установленным на нормативном уровне, исследователь признает социально полезные цели, в то время как ориентиром конкретного субъекта правореализационного процесса являются его законные интересы [19. С. 9].

Следует согласиться с представленным определением юридической (правовой) цели, несмотря на то, что эта цель двуедина. В нем нет никакого противоречия, как это может показаться на первый взгляд. Как известно, государство стремится в правовых средствах (речь идет, прежде всего, о нормативно-правовых средствах – нормах права) закреплять такие модели поведения, которые направлены на достижение социально полезных целей. С другой стороны, когда предусмотренные в правовых средствах модели поведения получают свое воплощение в процессе правореализационной деятельности в правоотношении, правовая цель в таком случае становится целью субъекта права, «связывается с его личными интересами и потребностями, детализируется по условиям места, времени, способа реализации и становится его субъективным мотивом» [19. С. 40]. Иными словами, сущность юридической (правовой) цели сводится как к достижению социально полезных целей, так и к удовлетворению законных интересов субъектов права. Как представляется, правовое обеспечение путем объединения правовых средств и правоотношений по их реализации призвано создавать условия для достижения именно данных целей.

В свою очередь, учитывая проведенное в рамках настоящей статьи исследование, представляется возможным дать правовому обеспечению следующее определение: *правовое обеспечение – это совокупность правовых средств и правоотношений по их реализации, направленных на создание условий, необходимых для достижения социально полезных целей и удовлетворения законных интересов субъектов права.*

Примечания

¹ В толковом словаре С.И. Ожегова «обеспечить» определяется как: «1. предоставить достаточные материальные средства к жизни; 2. снабдить чем-н. в нужно количестве; 3. сделать вполне возможным, действительным, несомненным; 4. оградить, охранить» [1].

² В частности, А.В. Малько обосновывает свою позицию тем, что «игнорирование в инструментальном подходе средств-деяний (технологии) и упор только на институциональную сторону понимания юридических средств, не позволяет полноценно учитывать все те факторы, с помощью которых можно достичь поставленных целей. Ведь результат невозможно получить только посредством субстанциональных явлений, которые автоматически не приводят к нужному эффекту. Требуются еще деяния, усилия, активность, связанные с использованием предоставленных в законодательстве инструментов» [18. С. 11, 20].

³ Термин «регулятор» является достаточно устоявшимся, широко применяемым в учебной литературе по теории права. Правовое регулирование является разновидностью социального регулирования, в связи с этим правовые регуляторы являются не единственными социальными регуляторами. А.Б. Венгеров, например, предлагал выделять нормативные и ненормативные регуляторы. К нормативным регуляторам ученый относил правовой и моральный, а также юридико-технический и нормативно-технический, групповой (корпоративный) регуляторы и регулятор, который определяется как деловой обычай (деловое обыкновение) [30. С. 346–362]. Категория «правовой регулятор» также широко применяется в юридической науке [31. С. 19–25; 32. С. 16; 33; 34. С. 137–150, 314–350].

⁴ В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой правоотношение представляет собой модель. Так, Ю.Г. Ткаченко считает, что ««правоотношение-модель» может быть лишь индивидуализированной (а не общей) мысленной моделью поведения, объективированной в языке» [35. С. 107]. С.С. Алексеев выступает против понимания правоотношения как модели, поскольку считает, что при таком подходе стирается его качественное отличие от юридических норм, функции того и другого сближаются, а специфическое назначение в механизме правового регулирования ускользает из поля зрения [36. С. 94]. Стоит добавить, что правоотношению в принципе не свойствен регулятивный характер, т.е. оно не является правовым средством. Аналогичной точки зрения придерживаются В.Р. Шарифуллин [37. С. 30–31], Родионова О.М. [20. С. 175].

Список источников

- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27 изд., испр. М. : Оникс; Мир и образование, 2012. 736 с.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 1999. 479 с.
- Право социального обеспечения России : учебник / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев, Е.И. Бутенко и др.; под ред. Д. В. Агашева, В.С. Аракчеева). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. 506 с.
- Догадайло Е.Ю. Конституционные основы обеспечения национальных интересов РФ посредством реализации стратегических национальных приоритетов // Право и современные государства. 2018. № 6. С. 9–20.
- Лысухо П.И. Правовое обеспечение экологической безопасности граждан в РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 215 с.
- Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 196 с.
- Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 199 с.
- Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47–51.
- Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 598 с.
- Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности в РФ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 34 с.
- Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 47 с.
- Красинский В.В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 48 с.
- Федотова Ю.Г. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. 321 с.
- Иванова С.В. Правовое обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 362 с.
- Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
- Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 321 с.
- Пугинский Б.И. Избранные труды. М. : Юрайт, 2022. 522 с.
- Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005. 248 с.
- Шундилов К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 182 с.
- Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М. : Статут, 2013. 336 с.
- Чельшев М.Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 4. С. 189–195.
- Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.
- Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 360 с.
- Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 184 с.
- Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л., 1959. 86 с.
- Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юридическая литература, 1972. 258 с.
- Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. 324 с.
- Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 184 с.
- Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М. : Статут, 2011. 320 с.
- Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 9-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2013. 607 с.
- Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2. С. 19–25.
- Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М. : Международные отношения, 2004. 272 с.
- Нефедова Ю.Ю. Общеизвестные принципы и нормы международного права как правовые регуляторы гражданских отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2014. 182 с.

34. Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М. : РГУП, 2021. 564 с.
35. Каченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М. : Юридическая литература, 1980. 176 с.
36. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.
37. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 192 с.

References

1. Ozhegov, S.I. (2012) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions]. 27th ed. Moscow: Oniks; Mir i obrazovanie.
2. Rayzberg, B.A., Lozovskiy, L.Sh. & Starodubtseva, E.B. (1999) *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern economic dictionary]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
3. Agashev, D.V. et al. (eds) (2015) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii: uchebnik* [Social security law in Russia: textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dogadaylo, E.Yu. (2018) *Konstitutsionnye osnovy obespecheniya natsional'nykh interesov RF posredstvom realizatsii strategicheskikh natsional'nykh prioritetov* [Constitutional bases for ensuring the national interests of the Russian Federation through the implementation of strategic national priorities]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 6. pp. 9–20.
5. Lysukho, P.I. (2002) *Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti grazhdan v RF* [Legal support of the environmental safety of citizens in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. Ashikhmin, I.M. (1997) *Mezhdunarodno-pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v voennoy deyatel'nosti* [International legal support of ecological safety in military activity]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Evtushenko, S.G. (2000) *Pravovoe obespechenie voennoy bezopasnosti Rossii* [Legal support of Russia's military security]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Arzamaskin, A.N. (2016) *Opreделение ponyatiya "pravovoe obespechenie": postanovka problemy* [Definition of the concept of "legal support": problem statement]. *Nauka i shkola*. 6. pp. 47–51.
9. Kozbanenko, V.A. (2003) *Pravovoe obespechenie statusa gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh (teoretiko-administrativnye aspekty)* [Legal support of the status of state civil servants (theoretical and administrative aspects)]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Stakhov, A.I. (2007) *Administrativno-publichnoe obespechenie bezopasnosti v RF* [Administrative and public security in the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
11. Redkous, V.M. (2011) *Administrativno-pravovoe obespechenie natsional'noy bezopasnosti v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG* [Administrative and legal support of national security in the CIS member states]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
12. Krasinskiy, V.V. (2011) *Pravovoe obespechenie zashchity konstitutsionnogo stroya Rossii v izbiratel'nom protsesse* [Legal support for the protection of the constitutional order of Russia in the electoral process]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
13. Fedotova, Yu.G. (2023) *Administrativno-pravovoe obespechenie natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya vuzov* [Administrative and legal support of the national security of the Russian Federation: textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
14. Ivanova, S.V. (2021) *Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo upravleniya v oblasti okhrany i ispol'zovaniya ob'ekтов zhitvnogo mira* [Legal support of state administration in the field of protection and use of objects of the animal world]. Law Dr. Diss. Moscow.
15. Alekseev, S.S. (1987) *Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatiye, klassifikatsiya* [Legal Means: Statement of the Problem, Concept, Classification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 12–19.
16. Sapun, V.A. (2002) *Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava* [The theory of legal means and the mechanism for the implementation of law]. Law Dr. Diss. N. Novgorod.
17. Puginskiy, B.I. (2022) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Yurayt.
18. Mal'ko, A.V. (2005) *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in law]. 2nd ed. Moscow: Yurist'.
19. Shundikov, K.V. (2009) *Tseli i sredstva v prave* [Goals and means in law]. Law Cand. Diss. Saratov.
20. Rodionova, O.M. (2013) *Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava* [The mechanism of civil law regulation in the context of modern private law]. Moscow: Statut.
21. Chelyshev, M.Yu. (2013) *Regulyatory v grazhdansko-pravovoy sfere: sushchnost' pravovogo yavleniya* [Regulators in the civil law sphere: the essence of a legal phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 155 (4). pp. 189–195.
22. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: BEK.
23. Shagieva, R.V. (2006) *Kontseptsiya pravovoy deyatel'nosti v sovremennom obshchestve* [The concept of legal activity in modern society]. Law Dr. Diss. Moscow.
24. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
25. Tolstoy, Yu.K. (1959) *K teorii pravootnosheniy* [On the theory of legal relations]. Leningrad.
26. Gorshenev, V.M. (1972) *Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy obshchestve* [Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
27. Ekimov, A.I. (1970) *Kategoriya "tsel'" v sovetskom prave* [Category "goal" in Soviet law]. Law Cand. Diss. Leningrad.
28. Shcherbinin, S.S. (2002) *Problema tseli v teorii gosudarstva* [The problem of purpose in the theory of the state]. Law Cand. Diss. Moscow.
29. Filippova, S.Yu. (2011) *Chastnopravovye sredstva organizatsii i dostizheniya pravovykh tseley* [Private law means of organizing and achieving legal goals]. Moscow: Statut.
30. Vengerov, A.B. (2013) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. 9th ed. Moscow: Omega-L.
31. Yavich, L.S. (1958) *Sovetskoe pravo – regulyator obshchestvennykh otnosheniy* [Soviet law as a regulator of public relations]. *Pravovedenie*. 2. pp. 19–25.
32. Kanashevskiy, V.A. (2004) *Mezhdunarodnye normy i grazhdanskoe zakonodatel'stvo Rossii* [International norms and civil legislation of Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
33. Nefedova, Yu.Yu. (2014) *Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava kak pravovye regulatory grazhdanskikh otnosheniy* [Universally recognized principles and norms of international law as legal regulators of civil relations]. Law Cand. Diss. Perm.
34. Ershov, V.V. (2021) *Regulirovaniye pravootnosheniy* [Regulation of legal relations]. Moscow: RGUP.
35. Tkachenko, Yu.G. (1980) *Metodologicheskie voprosy teorii pravootnosheniy* [Methodological issues of the theory of legal relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
36. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General theory of law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
37. Sharifullin, V.R. (2006) *Chastno-pravovoe regulirovanie* [Private legal regulation]. Law Cand. Diss. Kazan.

Информация об авторе:

Имекова М.П. – канд. юрид. наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Imekova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: imekova_maria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 19.01.2023;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/487/25

Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют

Станислав Валерьевич Одинцов^{1, 3}, Богдан Евгеньевич Кошелюк^{2, 4}

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Институт Академии ФСИН России, Рязань, Россия

³ odintsov_sv@pfur.ru

⁴ kenig77@mail.ru

Аннотация. Проанализированы положения законодательства различных юрисдикций, позиции судов и международных организаций, а также мнения отдельных правоведов касательно правового статуса цифровых валют и актуальных проблем их квалификации, в частности рассмотрения криптовалют в качестве предмета, средства и способа совершения преступлений. Отмечается увеличение угроз и рисков, связанных с финансовыми преступлениями с использованием нефинансовых денежных средств. Актуализируется необходимость совместных усилий по созданию международного единообразного стандарта регулирования применения цифровых технологий и легального оборота виртуальных активов в киберпространстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, классификация и правовой статус цифровых валют, оборот криптовалют, преступления в сфере экономики, финансовые преступления и легализация преступных доходов

Для цитирования: Одинцов С.В., Кошелюк Б.Е. Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 220–229. doi: 10.17223/15617793/487/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/487/25

Problems of qualifying crimes associated with the use of cryptocurrencies

Stanislav V. Odintsov^{1, 3}, Bogdan E. Koshelyuk^{2, 4}

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

² Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

³ odintsov_sv@pfur.ru

⁴ kenig77@mail.ru

Abstract. The main problem of the article is the problem of criminal law qualification of crimes in which cryptocurrency acts both as an object and as a means of committing criminal acts. The authors, using a comparative legal research method, analyze aspects of anonymity of transactions with digital currencies, the use by competent authorities of tools for tracking transactional data, including mixing services. The article pays attention to the need for a uniform use of the terms “cryptocurrency”, “digital currency”, “digital asset”, “virtual currency”, “digital financial asset”, “electronic money”, including as an object of law (other property) and legal means of payment in accordance with the provisions of the current legislation of the Russian Federation and judicial practice. Particular attention is paid to issues related to the turnover of digital (virtual) assets, and, above all, the definition of conditional “danger signals”, which should serve as a serious reason for doubts on the part of financial organizations and relevant competent (authorized/supervisory) authorities, for example, non-compliance with generally accepted “compliance” standards and “know your customer” requirements when dealing with crypto-currencies regarding their potential use for the purpose of money laundering and/or terrorist financing in the context of Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also touches upon crimes for the purpose of embezzlement/appropriation of digital currencies according to the interpretations of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as market manipulation (Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) and causing property damage by deception or abuse of trust (Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors note that, despite the actual prohibition of the dissemination of information about transactions in digital currencies, fiscal domestic legislation regulates the taxation of presumed illegal activities. As a conclusion, the authors of the article state that, since transactions with digital (virtual) assets are carried out in cyberspace, they are thus distinguished by their cross-border nature with a potential multi-jurisdictional presence. Taking into account the above, according to the authors, such criminal activity should be considered and qualified on the basis of joint international legal efforts to create a standard for a regulatory

and restrictive regime for the legal circulation of crypto-currencies, for coordinating efforts to effectively comply with transparency and control requirements to prevent economic crimes.

Keywords: digital technologies, classification and legal status of digital currencies, circulation of cryptocurrencies, economic crimes, financial crimes and money laundering

For citation: Odintsov, S.V. & Koshelyuk, B.E. (2023) Problems of qualifying crimes associated with the use of cryptocurrencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 220–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/25

«Бесперспективно, да и в целом невозможно, спорить с тем, что научно-технический прогресс кардинально влияет на экономику в целом, сферу потребления и на особенности взаимоотношений субъектов оборота» [1], так как в настоящее время доминирует глобальная тенденция перехода ко всему «цифровому». В последнее время довольно распространена точка зрения о том, что появление новых инновационных цифровых технологий непосредственно влияет и на рост высокотехнологичных преступлений, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий в глобальной публичной сети Интернет. В соответствии с формулировками отечественного законодательства это связано, в частности, с хищениями чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, в том числе путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации. И прежде всего, это относится к обороту так называемых криптовалют (цифровых валют), поскольку наличествует либо законодательный пробел, либо делается ставка на относительную анонимность лиц, участвующих в транзакциях с нефинансовыми денежными средствами, которых, по данным портала Sturto.ru, «по состоянию на ноябрь 2021 года насчитывается свыше 7 300» [2]. При этом к составу финансовых преступлений с использованием цифровых валют следует отнести: отмывание денег, полученных незаконным путем, финансирование терроризма, взяточничество (коррупция), уклонение от уплаты налогов, правонарушения на рынке ценных бумаг и страхования, мошенничество, хищения и иные незаконные посягательства. Например, по данным одной из крупнейших мировых банковских групп HSBC, из 658 млн ежемесячных транзакций примерно 207 млн обладают признаками финансовых преступлений [3]. По мнению экспертов международной межправительственной организации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), «в последнее время вполне очевидна тенденция использования криптовалюты для легализации преступных доходов» [4]. Довольно знаковым является мнение исследователей миланского Католического университета Святого Сердца касательно того, что «отмывание денег не является новым преступным явлением, это постоянно меняющийся криминальный феномен, с обновленными методами работы и развивающимися бизнес-моделями» [5]. Каждый год Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, созданный в Гааге в 2013 г., помимо стратегических отчетов о ключевых выводах и новых угрозах и событиях в области киберпреступности публикует «Оценку угрозы организованной преступности в

Интернете». Согласно мнению представителей данного экспертного центра ЕС, «преступники продолжают повышать свою операционную безопасность, злоупотребляя сквозными зашифрованными услугами связи и использованием криптовалют, отслеживание транзакций которых, особенно на так называемых «холодных» кошельках, требует высокого уровня цифровизации и больших ресурсозатрат» [6].

Что касается аспекта анонимности, то следует исходить из того, что в большинстве случаев это больше иллюзия, чем факт, поскольку любая транзакция фиксируется даже в децентрализованной распределенной блокчейн-сети, и существует потенциальная возможность их проверки и отслеживания в режиме реального времени через общедоступные веб-сайты, такие как, например, blockchain.info и другие ресурсы с открытым (публичным) исходным кодом. При этом можно дискутировать в отношении вероятности и уровня рисков с инвестиционно-финансовой точки зрения использования виртуальных активов, но доказательством их эффективности и конкурентоспособности является востребованность уже в течение второго десятилетия инновационной технологии распределенных (как правило, децентрализованных) масштабируемых реестров (distributed ledger technology / DLT), разновидностью которой и являются блокчейн-системы (сети). По мнению экспертов Всемирного банка, «применение новых цифровых технологий, прежде всего, распределенных реестров, могут коренным образом изменить финансовый сектор, сделав его более эффективным, устойчивым и надежным» [7].

Основой как для применения цифровых финансовых технологий (FinTech), и прежде всего в области децентрализованных финансов (DeFi), которые являются конкурентными традиционным финансовым услугам (сервисам), включая банковские, так и оборота криптовалют служит указанная разновидность технологии распределенных реестров – блокчейн. Именно в рамках альтернативных финансовых услуг операции совершаются в так называемых одноранговых/пиринговых (P2P) сетях непосредственно между ее участниками, исключая при этом посредников в лице традиционных финансовых институтов, деятельность которых максимально регулируется и контролируется уполномоченными ведомствами. Для использования цифровых валют не открываются счета на конкретное лицо с раскрытием информации о нем, а для депонирования, хранения и перевода криптовалют достаточно наличия соответствующего программного приложения, которое не фиксирует персональные данные пользователей, а использует уникальную учетную запись в качестве идентификатора владельца криптокошелька

(crypto-wallet). Следует в очередной раз отметить, что, с одной стороны, вроде бы присутствует анонимность, но с другой – благодаря исключительно концепции открытого (публичного) кода большинства блокчейн-платформ вся историческая транзакционная информация может быть потенциально доступна представителям правоохранительных и иных компетентных органов. Так, в частности, ФБР и Министерство юстиции США в настоящее время обладают инструментами для отслеживания транзакционных данных: суммы перевода, ip-адреса отправителя и получателя. При этом если изначальный вариант схемы транзакций в блокчейн-сети с целью обеспечения криптографической защиты информации предполагал несколько элементов (один или несколько входов, один или несколько выходов), и поскольку все транзакции в блокчейн-сети связаны друг с другом (каждый ввод автоматически является результатом предыдущей транзакции), следовательно, информация вывода криптовалют, включая их стоимость, может быть прослежена до предыдущих транзакций. В том числе с целью сокрытия данной информации от компетентных органов и внедряются сервисы микширования (смешивания) цифровых валют, которые задействуются для того, чтобы нарушить транзакционную связь путем предоставления пользователям одноранговой сети недавно сгенерированного адреса для внесения депозита. Далее сервис микширования предоставляет криптовалюту из своего резерва на адреса, предоставленные клиентом, после вычета платы за микширование, а для того чтобы обеспечить большую анонимность, выплаты распределяются по времени, и в разделении сумм и(или) комисссии за смешивание вводится некоторая случайность.

Основным потенциальным преимуществом использования цифровых финансовых технологий являются критерии кибербезопасности, не абсолютной, но все же алгоритмы технологии DLT устраняют возможность единого вектора атаки, т.е. злоумышленникам необходимо скомпрометировать большинство узлов в сети, а это затруднительно, если не невозможно. Но насколько широко и с тенденцией постоянного роста используются современные цифровые технологии, настолько же продолжает увеличиваться, к сожалению, и число преступлений в сфере экономики, непосредственно связанных с данными инновационными технологиями. Утверждениям экспертов о высоком уровне кибербезопасности, транспарентности и псевдоанонимности транзакций с цифровыми валютами на практике противопоставляется количество операций с криптовалютой, как весьма подходящим средством для отмывания денег, финансирования терроризма, коррупции и иными преступными деяниями. Причина такой популярности заключается в том, что, как правило, цифровая валюта привязана исключительно к криптокошельку, который и является уникальным идентификатором, тем самым отсутствует непосредственная связь с определенным физическим лицом, как это происходит при использовании традиционных банковских счетов. По мнению ряда европейских специалистов, в настоящее время «криптовалюты, широко ис-

пользуются как в преступлениях, связанных с киберпреступностью, т.е. с преступными деяниями, которые совершаются с помощью электронно-коммуникационных устройств и цифровых технологий, так и непосредственно в киберпреступности, т.е. преступном поведении, при котором электронно-коммуникационные устройства и глобальная публичная сеть Интернет способствуют совершению преступлений (например, торговля наркотиками, оружием) и DDoS-атакам на онлайн-форумах в так называемом Dark Web» [8].

Стоит обратить внимание на то, что основными элементами в нелегальных схемах отмывания криптовалюты являются, прежде всего, услуги по ее микшированию, чтобы отделить их явно криминальный источник, а также услуги криптовалютных биржевых площадок или иных виртуальных сервисов с целью обмена, как правило, уже на фиатные валюты. Преступники создают искусные схемы, имитирующие либо подменяющие собой легальную деятельность, тем самым порождая совершенно новую, подпольную онлайн-экономику. Американские ученые рассматривают «применимость традиционных криминологических концепций для объяснения причин преступной деятельности в виртуальном пространстве и выявления факторов, способствующих преступлениям, связанным с криптовалютами» [9].

Следует отметить и согласиться с позицией как зарубежных, так и отечественных авторов в части того, что «можно сомневаться в надежности сохранности цифровых валют, но все согласны с тем, что лежащая в их основе технология распределенного реестра (включая блокчейн) имеет большие перспективы» [10], и «что криптовалюты вполне могут быть эффективным средством для хранения и сбережения богатства» [11]. Исходя из упомянутых характеристик цифровых валют их вполне возможно признать предметом таких преступлений, предусмотренных УК РФ, как дача и получение взятки, посредничество во взяточничестве (ст. 290, 291 и 291.1), коммерческий подкуп и посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204 и 204.1). При этом вполне логично и крайне необходимо определиться с корректным и единообразным использованием соответствующих терминов. Это оправданно тем, что в настоящее время нет единого понимания природы этого явления, для его определения используются различные термины: «цифровая валюта», «собственность», «цифровой актив», «виртуальная валюта», «цифровой финансовый актив», «электронные деньги» и т.д.» [12]. Прежде всего, следует исходить, как и в настоящей статье, из того, что «криптовалюта» (crypto-currency) и «цифровая валюта» (digital-currency) – являются вполне тождественными дефинициями. В соответствии с Отчетом ФАТФ 2014 г. «криптовалюта – означает основанную на математических принципах децентрализованную конвертируемую валюту, которая защищена с помощью криптографических методов, т.е. использует криптографию для создания распределенной, децентрализованной и защищенной информационной экономики» [13].

Что касается РФ, то вступивший в силу с 01.01.2021 Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее – ФЗ № 259) не содержит понятия «криптовалюта», но в п. 3 ст. 1 законодательно закреплено определение «цифровой валюты»: «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [14]. Хотя, еще раз подчеркнем, что согласно же устоявшемуся актуальному доктринальному подходу данные термины рассматриваются либо в качестве синонимов, либо «криптовалюта» может выделяться как разновидность «цифровой валюты».

Также следует затронуть проблему разграничения «криптовалюты» и «цифровой валюты», относящихся к категории объектов «виртуального имущества» / «виртуальной собственности» и «электронных денег», поскольку сближает их только цифровой (нематериальный) формат. Понятие «электронных денег», появившееся еще в начале 1990-х гг., формулировалось как условная единица стоимости, имеющейся (хранящейся) на определенном электронном устройстве, принимаемой в качестве средства платежа и являющейся денежным обязательством конкретного эмитента в традиционных (фиатных) деньгах. В отличие же от безналичных денежных средств, обращение «электронных денег» осуществляется в соответствующей платежной системе. Таким образом, «электронные деньги» (electronic money/e-money) – особая форма национальной валюты, которая существует исключительно в цифровом (электронном) виде, а поскольку они являются цифровым эквивалентом стоимости фиатных денежных средств, то обладают статусом легального средства платежа. В данной трактовке это относится и к «цифровым валютам центральных банков» (Central Bank digital currency/CBDC).

С точки зрения же законодательного противодействия отмыванию денежных средств, полученных нелегальным путем, также противодействия коррупции, наркоторговли и финансированию терроризма, в большинстве иностранных юрисдикций правовой статус криптовалют четко не определен, хотя и отсутствует крайне негативное отношение (Бельгия, Великобритания, Германия, Канада, Польша, Франция, ЮАР и др.); определенные правопорядки демонстрируют абсолютный нормативный запрет на использование цифровых валют, в том числе под угрозой уголовно-правового наказания (Алжир, Египет, Исландия, Китай, Марокко,

Румыния и др.); некоторые государства демонстрируют тенденцию отхода от полного запрета к частичному допущению возможности операций с криптовалютами (Индия, Мексика, Нигерия, Новая Зеландия, Хорватия, Швеция и др.); и лишь в отдельных странах в установленном порядке регламентируется возможность и порядок их применения (Австралия, Беларусь, Люксембург, Сальвадор, Финляндия, Швейцария, Эстония, Япония и др.). Безусловно, стоит согласиться и указать на обозначенные рядом экспертов основные криминогенные аспекты оборота криптовалют: «определенная анонимность трансграничных транзакций, отсутствие единого (централизованного) эмитента, отсутствие единообразного международно-правового нормативного регулирования» [15].

В той же Японии, где с 2016 г. криптовалюта является законным платежным средством, в июне 2018 г. японский регулятор в сфере финансов (FSA/金融庁) объявил о введении прямого запрета на все криптовалюты, которые обеспечивают достаточную степень анонимности для своих конечных пользователей, в результате чего японские биржи провели делистинг Augur (REP), Dash (DASH), Zcash (ZEC) и Monero (XMR) [16]. Но в то же время транзакции даже таких криптовалют, как Zcash и Monero [17, 18], позиционировавших себя максимально конфиденциальными, возможно отследить. Так, к примеру, децентрализованная блокчейн-платформа Monero, использующая с 2013 г. криптографический протокол CryptoNote 2.0 [19] и одноразовые публичные ключи, также добавляет к реальным суммам транзакций элемент микширования (смешивания) криптовалют, включая связанные кольцевые подписи, но в 2018 г. эксперты выявили «возможность установления по сохранным в блокчейн сети данным алгоритм соответствия входов и выходов альткоинов XMR, что в результате позволяет даже деанонимизировать конкретных получателей» [20]. А декларируемую анонимность альткоинов ZEC блокчейна Zcash, использующего криптографический протокол zk-SNARK как модернизированную концепцию «доказательств с нулевым знанием / нулевым разглашением», в мае 2020 г. также опровергла группа исследователей, по мнению которых «свыше 99 процентов транзакций в этой децентрализованной распределенной одноранговой сети поддаются отслеживанию» [21].

ФАТФ, использующая термин «виртуальные активы», в том числе в отношении цифровых валют, в июле 2019 г. разъяснила ряд вопросов, связанных с оборотом цифровых виртуальных активов, включая криптовалюты. Прежде всего, были определены условно общие «сигналы опасности», которые должны служить серьезным основанием для сомнений со стороны финансовых организаций и соответствующих компетентных (уполномоченных/надзорных) органов:

«– взаимодействие с лицами, подозреваемыми в совершении незаконной деятельности, либо осуществление операций с имуществом, в отношении которого имеются предположения о его неправомерном приобретении, либо с контрагентами из юрисдикций с недолжного уровня законодательством в

области противодействия незаконных финансовых операций;

- задействование чрезмерного множества различных расчетных инструментов, либо размер и частота транзакций не имеет логичного и последовательного объяснения с позиции общепринятой практики ведения бизнеса, а равно либо совершение заведомо убыточных операций и/или предоставление неполной, недостоверной или поддельной информации и т.д.» [22].

Также ФАТФ были сформулированы особые критерии, явно свидетельствующие о потенциальном нелегальном использовании уже исключительно криптовалют:

- «– осуществление транзакций несколькими поставщиками/провайдерами услуг виртуальных активов, особенно находящихся в разных юрисдикциях;

- осуществление операций с виртуальными активами на биржевых площадках без логичного и последовательного объяснения, включая немедленный вывод активов со счетов в кратчайшие сроки после зачисления;

- внесение значительных сумм для взаимодействия с провайдерами услуг виртуальных активов при наличии сведений о невозможности приобретения определенного объема виртуальных активов;

- одновременное использование всего имеющегося объема криптовалют, в том числе их вывод;

- обладание несколькими аккаунтами/виртуальными машинами для совершения транзакций без явной деловой необходимости (обоснованности);

- использование одного ip-адреса несколькими лицами для совершения множества операций с виртуальными активами;

- задействование различных невзаимосвязанных между собой крипто-кошельков для аккумуляции значительного объема виртуальных активов на одном, в том числе с последующим их выводом в любую фиатную валюту;

- явное злоупотребление повышенной анонимностью;

- взаимодействие с незарегистрированными/нелицензированными провайдерами услуг виртуальных активов, сомнительными обменными площадками, в том числе не следующими принципу «знай своего клиента» (know your customer/KYC), а также использование платформ одноразового обмена;

- употребление операций микширования, перемешивания, либо прокси или протокола DNS (domain name system) явно с целью сокрытия, а также использование шифровальных программ, частое изменение ip-адресов и иной идентификационной информации;

- определенная связь с так называемым Dark Web, сомнительными или азартными сайтами, мошенническими схемами, вкл. программы для вымогательства (ransomware), либо ненадежными ip-адресами и т.д.;

- задействование неких символов или кодов, указывающих на транзакции, имеющие явное отношение к незаконной деятельности;

- взаимодействие с юрисдикциями, в которых существуют законодательные пробелы, позволяющие ис-

пользовать виртуальные активы в нелегальной деятельности, включая минимальные требования к прозрачности деятельности провайдеров услуг виртуальных активов, не соблюдения рекомендаций ФАТФ, либо общепринятых комплаенс (compliance) стандартов и требований “KYC”» [22].

В то же время, как и некоторые эксперты, Э.Л. Сидоренко на основе анализа Отчета ФАТФ 2015 г. высказывает мнение о том, что «выводы об опасности криптовалют относительно их использования в целях финансирования терроризма» являются преувеличенными [23]. Исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» от 16.05.2005 и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ, «предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления» [24].

Если рассматривать состав деяния, предусмотренного ст. 174, 174.1 УК РФ («Легализации имущества, приобретенного преступным путем»), то в конкретном моменте цифровая валюта участвует в свойстве средства совершения преступления, т.е. может использоваться либо для реального свершения конкретного криминального итога, в том числе для получения запрещенных предметов, либо для облегчения осуществления преступления. Хотя, к примеру, В.В. Кульгин и А.Н. Тен не усматривают «в самом по себе использовании криптовалюты признаков легализации преступных доходов в том смысле, как это предусмотрено в диспозициях ст. 174 и 174.1 УК РФ» [25], и исходят из того, «что при отсутствии доказанной цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом сам по себе факт операций с криптовалютой, исходя из буквального толкования смысла принципа законности, не образует состава преступления» [25].

Преступления с целью хищения цифровых валют довольно часто происходят посредством массовых рассылок мошеннических сообщений (так называемого фишинга) для получения доступа к конфиденциальным данным (логинам и паролям) или внедрения вредоносных программ (malware software типа Trojan), а также связано с использованием поддельных криптокошельков. В рамках уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с хищением цифровых валют, имеется следующая проблема: если рассматривать криптовалюту в качестве особой категории валют/валютных ценностей, то, например, для цели определения размера похищенного логично и целесообразно учитывать характеристики децентрализованности и волатильности курса на момент совершения преступления, а при рассмотрении криптовалюты в качестве имущества / разновидности имущественных прав необходимо определить фактически затраченные на приобретение и должным образом подтвержденные суммы.

По мере того как стоимость самой первой и до сих пор наиболее востребованной криптовалюты

Bitcoin (BTC) продолжает достигать новых пиков, количество потенциальных злоумышленников постоянно возрастает, и не только из-за волатильности и алеаторности сделок с данными цифровыми активами, возрастает и доля тех, кто, не получив ожидаемой прибыли от инвестиций в криптовалюты, часто сожалеет о своем выборе, потеряв деньги. Несмотря на доступность информации и предупреждения, злоумышленникам по-прежнему удается достигать своих целей, поскольку находят новые схемы мошенничества с криптовалютой.

В принципе за незаконное присвоение чужого имущества предусмотрена ответственность вплоть до лишения свободы (та же ст. 159 УК РФ). Однако следует отметить, что в большинстве юрисдикций на данный момент регулирование сферы оборота виртуальных активов, в том числе и криптовалют, проходит еще стадию становления. Это позволяет злоумышленникам довольно часто оставаться безнаказанными, к примеру, самая крупная глобальная криптоафера – в рамках проекта BitConnect были незаконно присвоены порядка 2 млрд USD, полученные от инвесторов со всего мира [26].

В настоящее время в РФ оборот токенов, обладающих платежной функцией, легализован не полностью, даже несмотря на упомянутый выше ФЗ № 259. В частности, в РФ запрещается использование монет (coin) для оплаты товаров и услуг, но при этом допускается применение в качестве объекта инвестирования. Из-за этого невозможно полноценное регулирование рынка на уровне государства. Многие эксперты отмечают, что в РФ торговля цифровой валютой и их добыча не запрещены, однако гражданам и организациям нельзя использовать цифровую (крипто-) валюту в качестве платежного средства. Первой российской криптовалютой может стать стейблкоин Sbercoin, эмиссию (выпуск) которого собирается провести Сбербанк. Кроме того, ЦБ РФ запланировал пилотный выпуск цифрового рубля в 2022 г. [27].

По словам Генерального прокурора РФ, в настоящий момент специалисты готовят изменения в нормативно-правовые документы, чтобы «создать юридическую возможность для ареста и конфискации цифровых валют, которые находятся в незаконном обороте» [28]. Сейчас криптовалюты признаются имуществом, но этого недостаточно. Необходимо ввести более четкое и единообразное определение для виртуальных активов и закрепить его в нормах действующего законодательства. Специалисты не понимают, как можно изъять/конфисковать криптовалюту (как предмет преступления) – это невозможно, если только продать ее (каким-то способом реализовать), открыть данные «виртуальных кошельков».

Ассоциация банков России (АБР) направила в ЦБ РФ и профильные министерства письмо, в котором порекомендовала «ввести уголовную ответственность за хранение криптовалюты на некастодиальных (внебиржевых) кошельках, объяснив, что, вероятней всего, уголовная ответственность обязана наступать не за само пользование такими кошельками, а за отказ

предъявить ключи госорганам; концепция банковского сообщества состоит в целесообразности внедрения уголовной ответственности за факт хранения криптовалюты на некастодиальных кошельках, если та не была задекларирована, в прецеденте же выявления собственника анонимного криптокошелька тому предлагают выбор – либо предъявить ключи, либо подвергнуться наказанию за утаивание не оформленного актива. Такой метод позволит противодействовать оттоку капитала и приравнять всех лиц, обязанных выплачивать фискальные платежи, убеждены в АБР» [29].

Биржевые площадки, специализирующиеся на операциях с цифровыми валютами, могут рассматриваться как средство совершения преступлений, предметом которых выступает криптовалюта. В данном случае речь идет о уголовно-правовом составе, предусмотренном ст. 185.3 УК РФ («Манипулирование рынком»). Так, в частности, справедливо отмечают А.А. Коренная, Н.В. Тыдыков, «на сегодняшний день без должного правового регулирования данное деяние крайне затруднительно отнести к объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, однако не признавать его причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, предусмотренным ст. 165 УК РФ, оснований нет» [30].

Как указывает М.М. Долгиева, «уголовно-правовая доктрина, в свою очередь, в вопросах квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, безусловно, связана с иными отраслями права, так как даже в случае установления уголовно-правовых запретов в законе такие нормы будут однозначно бланкетными» [11]. Но, вот, к примеру, В.В. Хилюта придерживается точки зрения в отношении того, что «уголовное право охраняет фактически сложившиеся общественные отношения независимо от того, успели ли цивилисты придумать для них соответствующие конструкции» [31].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» под имуществом предлагает понимать движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документальные и бездокументальные ценные бумаги. Как отмечают вышеупомянутые А.А. Коренная и Н.В. Тыдыкова, «формулировка высшей судебной инстанции является более чем общей и не раскрывает ни признаков имущества, ни его состав, а в теории уголовного права нет единства мнений относительно содержания термина “иное имущество”» [30].

На основании п. 5 ст. 14 ФЗ № 259 «юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории

РФ, физические лица, фактически находящиеся в РФ не менее 183 дней в течение 12-ти следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ/услуг)» [14]. Тем самым в настоящее время на территории РФ с цифровой валютой допустимо осуществлять любые сделки, связанные с меной, куплей-продажей, передачей в залог, но запрещается расплачиваться за товары (работы/услуги), поскольку на территории РФ законным платежным средством, т.е. официальной денежной единицей, является исключительно российский рубль.

Отметим и существующее следующее отличие между «цифровыми финансовыми активами» (ЦФА) и «цифровой валютой», поскольку согласно позиции российского законодателя в случае с ЦФА наличествует обязанное лицо (эмитент), соответственно, «цифровыми финансовыми активами» – являются цифровые права, включающие денежные требования по эмиссионным ценным бумагам, вложения в капитал непубличного АО.

В то же время Росфинмониторинг пока не изменил своего отношения к криптовалютам, которые рассматривает денежными суррогатами, в силу децентрализации не имеющими субъекта, обеспечивающего их условную платежеспособность, как было обозначено в Информационном письме «Об использовании криптовалют» от 06.02.2014 г.: «...вышеуказанные обстоятельства, и в первую очередь анонимность платежа, обусловили активное использование криптовалют в торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и иной преступной деятельности. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания, служат предпосылками высокого риска потенциального вовлечения криптовалют в схемы, направленные на легализацию (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма» [32]. Показательно, что в августе 2021 г. Росфинмониторинг инициировал создание программного модуля для мониторинга криптовалютных транзакций, который должен проанализировать поведение участников рынка, определить доходность операций. Предполагается, что данная мониторинговая система Росфинмониторинга будет направлена на деанонимизацию пользователей, подозреваемых в противоправной деятельности, в том числе и в анонимных децентрализованных блокчейн-сетях.

Судебная практика в РФ в настоящее время только находится в стадии формирования и, к определенному сожалению, не демонстрирует единообразный подход. Так, Дубненский городской суд Московской обл. в Решении от 27.01.2020 по делу № 2-41/2019 оперирует термином «криптоактив»; Калужский районный суд Калужской обл. в Приговоре № 1-342/2020 от 22.05.2020 использует термин «электронная валюта»; в Приговоре от 16.07.2020 Кировского районного суд

г. Омска по делу № 1-482/2020 упомянута уже «криптовалюта»; в Решении от 21.07.2020 Беловский городской суд Кемеровской обл. указывает на операции с «виртуальной валютой». Суды РФ за 2017–2018 гг. вынесли более пятидесяти судебных решений по искам прокуроров о блокировке многочисленных интернет-ресурсов, содержащих информацию о криптовалютных операциях. В частности, позиция российских судов заключается в том, что при распространении в глобальной публичной сети Интернет информации о обмене криптовалюты на рубли пропагандируется преступление в сферах «легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма», и данная доступная неограниченному кругу лиц информация приводит к совершению преступных действий и стимулирует их совершение.

Интересно то, что действительно утвержденный запрет распространять информацию о проведении операций в цифровых валютах не мешает государственным органам взыскать налоги с этой презюмированной незаконной деятельности. Таким образом, по некоторым вопросам, касающимся порядка отражения в налоговом учете операций криптовалюты, Минфин РФ отсылает к общим нормам Главы 25 НК РФ, например: Письма от 28.08.2018 г. № 03-03-06/1/61152, от 16.08.2018 г. № 03-03-06/1/58171, разъясняя, что любой доход, полученный организацией в рамках деятельности, направленной на получение дохода (коммерческой / предпринимательской деятельности), в том числе по операциям с криптовалютой, подлежит учету при налогообложении прибыли. Отметим, что в Минфине РФ не усматривают основания освобождения от налогообложения доходы от операций с криптовалютой (Письмо Минфина РФ от 08.11.2019 № 03-04-05/86163, от 20.08.2019 № 03-04-05/63704 и др.).

Налоговые штрафы за неумышленную неуплату составляют 20% суммы недоимки; а за умышленную – 40% (ст. 122 НК РФ), а на основании п. 5 ст. 108 НК РФ привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает его от обязанности уплатить (перечислить) причитающиеся суммы налога и пени. В случае если налогоплательщик в установленной срок не оплатил налог, а налог рассчитывал правильно, то взыскать могут только пеню. При уклонении от уплаты налогов криптовалюта является средством совершения преступления. Неуплата физическим лицом налогов в крупном размере (2 млн 700 тыс. руб. в пределах трех лет) путем непредставления декларации в налоговый орган, а равно умышленное включение в нее недостоверных сведений – вплоть до 300 тыс. руб. штрафа и лишения свободы до года (ст. 198 УК РФ). За особо крупный размер (13 млн 500 тыс. руб.) – штраф может достигнуть 500 тыс. руб., а лишения свободы – до трех лет. Минфин РФ разработал поправки в УК РФ, УПК РФ об ответственности за незадекларированную криптовалюту, а также в НК РФ – в части регулирования цифровых валют и ЦФА.

При анализе судебной практики, связанной с цифровыми валютами, видно, что правоохранительные органы в принципе практикуют блокировку сайтов с информацией о криптовалюте (криптообменниках и т.д.),

а это приводит к тому, что нарушаются права владельцев данных ресурсов, которые, в свою очередь, как правило, обжалуют неправомерные решения о блокировке сайтов. Понимая значительный интерес и потенциально существенный объем вложений в высокорискованные операции, ЦБ РФ последовательно выступает за полный запрет криптовалют в РФ и полагает целесообразно детализировать ограничения введением:

«– ответственности за нарушение запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа за товары (работы и услуги), продаваемые и покупаемые юридическими и физическими лицами – резидентами РФ;

– запрета на организацию выпуска и (или) выпуск, организацию обращения и обмена криптовалюты (в том числе P2P-платформами) на территории РФ и установление ответственности за нарушение данного запрета. Должны быть выработаны механизмы выявления операций и лиц, их осуществляющих, после введения запрета; выработаны механизмы блокировки операций, направленных на покупку или продажу криптовалюты за фиатную валюту;

– запрета для финансовых организаций на собственные вложения в криптовалюты и связанные с ними финансовые инструменты, запрета на использование российских финансовых посредников и инфраструктуры финансового рынка для осуществления любых операций с криптовалютой (приобретение, осуществление платежей и переводов, отчуждение криптовалют) и для содействия осуществлению подобных операций (в том числе оказание услуг по хранению или содействию принятию рисков через деривативы)» [33].

В связи с глобальным характером криптовалюты и различиями регулирования в различных странах, возникают риски возврата операций на юрисдикцию с более приемлемым режимом регулирования. В этой связи необходимо оптимизировать сотрудничество с национальными регуляторами и международными организациями, чтобы гармонизировать и унифицировать подходы, в том числе согласовать позиции в отношении регулирования цифровых активов в рамках ЕАЭС, учитывая, что ряд стран (в частности, Казахстан и Беларусь) уже являются активными участниками глобального криптовалютного рынка. Одновременно ЦБ РФ продолжает «реализацию мер по повышению уровня осведомленности граждан о рисках, сопряженных с вложениями в криптовалюту, а также об их отличии от цифровых валют центральных банков» [33].

Можно отметить, что Правительством РФ была утверждена рассчитанная на период до конца 2022 г.

«дорожная карта», которая предусматривала не запрет, а регулирование криптовалют, идентификацию клиентов, ответственность за нарушения и возможное «приземление» криптоплощадок в РФ» [34]. В целях всесторонней проработки привлекались представители Минфина, Минэкономразвития, Минцифры, Росфинмониторинга, ЦБ РФ, ФСБ РФ, Генпрокуратуры РФ, МВД РФ и ФНС РФ. Учитывался международный опыт, риски, которые возможны при разных сценариях, отмечался и положительный опыт, разработчики правительственной концепции решили реализовать регуляторно-ограничительный режим, а не тотальный запрет криптовалюты в РФ, в том числе для недопущения перехода оборота в теневую сферу. В частности, предполагается: «определить ответственность за преступления с использованием криптовалют; ввести административную или уголовно-правовую ответственность за уклонение от декларирования сведений об операциях с криптовалютами; доработать законопроект об информировании о фактах владения цифровой валютой и операциях с ней и другие положения» [34].

Поскольку операции (сделки) с цифровыми (виртуальными) активами осуществляются в киберпространстве, тем самым их отличает трансграничный характер с потенциальным мультиюрисдикционным присутствием. Поэтому любая преступная деятельность, связанная с криптовалютами, неизбежно будет содержать трансграничный кибер-элемент, а нефитные цифровые валюты используются либо могут использоваться во многих формах преступлениях, прежде всего для отмывания нелегально полученных доходов. Таким образом, с учетом вышесказанного, по мнению авторов, такую преступную деятельность необходимо рассматривать и квалифицировать на основе совместных международно-правовых усилий по созданию международного единообразного стандарта регулирования применения цифровых технологий и легального оборота виртуальных активов в киберпространстве; координировать усилия правительств эффективного соблюдения требований транспарентности и контроля для предотвращения экономических преступлений.

Позиция национальных компетентных органов большинства стран, в частности, сформулированная в 2019 г. ФАТФ в Travel rule, с целью противостояния новым методам отмывания денежных средств, выражается в обладании возможности собирать доказательства на криптовалютных биржевых (обменных) площадках, т.е. идентифицировать крипто-адреса для отслеживания и анализа транзакций и персональные данные их участников, а также в потенциальной возможности изымать (конфисковать, блокировать) средства криптокошельков установленных преступников.

Список источников

1. Одинцов С.В. Цифровые права – для цифровой эпохи // Современное право. 2019. № 9. С. 74–77. doi: 10.25799/NI.2019.91.48.014
2. Лукин Е. Сколько всего существует криптовалют в мире // Crypto.ru. 10.11.2021. URL: <https://crypto.ru/skolko-sushchestvuet-kriptovalyut/> (дата обращения: 16.12.2021).
3. How data and technology can turn the tide // Innovation and the fight against financial crime. URL: https://www.refinitiv.com/content/dam/market-ing/en_us/documents/reports/innovation-and-the-fight-against-financial-crime.pdf
4. Virtual currencies: key definitions and potential AML/CFT Risks (Report 2015) // FATF. URL: <http://fatf.gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>

5. Savona E. Organised crime numbers // *Global Crime*. 2014. Vol. 15, № 1/2. P. 1–9. doi: 10.1080/17440572.2014.886512
6. Internet organized crime threat assessment (IOCTA) 2021. European Cybercrime Centre's Report. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2021>
7. Blockchain & Distributed Ledger Technology (DLT) // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialsector/brief/blockchain-dlt> (дата обращения: 16.11.2021).
8. van Wegberg R., Oerlemans J.-J., van Deventer O. Bitcoin money laundering: mixed results?: An explorative study on money laundering of cybercrime proceeds using bitcoin // *Journal of Financial Crime*. 2018. Vol. 25, Is. 2. P. 419–435. doi: 10.1108/JFC-11-2016-0067
9. Brown S.D. Cryptocurrency and criminality: The Bitcoin opportunity // *The Police Journal*. 2016. Vol. 89 (4). P. 327–339. doi: 10.1177/0032258X16658927
10. Hill J., Chapter 3. Money: A Medium of Exchange, Unit of Account, and Store of Wealth // *FinTech and the Remaking of Financial Institutions*. 2018. P. 41–68. doi: 10.1016/B978-0-12-813497-9.00003-2
11. Долгиева М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 128–139. doi: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.128-139
12. Vokovnya A.Y., Shutova A.A., Zhukova T.G., Ryabova L.V. Legal Measures for Crimes in the Field of Cryptocurrency Billing // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020. Vol. 25, № Esp. 7. P. 270–275. doi: 10.5281/zenodo.4009713
13. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОТ/ФТ. Июнь 2014 г. // ФАТФ. URL: www.fatf-gafi.org (дата обращения: 15.12.2021).
14. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Дорофеева В.В., Каверзина Л.А., Жмуров Д.В., Краснова Т.Г., Бураков В.И. Криптовалюты: легальные и криминально-теневые аспекты оборота // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13, № 6. С. 884–894. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).884-894
16. Mazon Y. Financial Services Agency of Japan Bans Anonymous Cryptos // *Yahoo! News*. 31.05.2018. URL: <https://www.yahoo.com/news/financial-services-agency-japan-bans-072045314.html>
17. Zcash. URL: <https://z.cash/>
18. Monero. URL: <https://www.getmonero.org>
19. WhitePaper // *CryptoNote 2.0*. URL: <https://cryptonote.org/whitepaper.pdf>
20. Möser M., Soska K., Heilman E., Lee K., Heffan H., Srivastava Sh., Hogan K., Hennessey J., Miller A., Narayanan A., Christin N. An Empirical Analysis of Traceability in the Monero Blockchain // *arXiv*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1704.04299/>
21. Ye C., Ojukwu Ch., Hsu A., Hu R. Alt-Coin Traceability // *Cryptology ePrint Archive*. URL: <https://eprint.iacr.org/2020/593.pdf>
22. Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и операторам услуг виртуальных активов // ФАТФ. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecom.mendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html> (дата обращения: 20.04.2020).
23. Сидоренко Э.И. Криминологические риски оборота криптовалюты // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10, № 6. С. 147–154.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс».
25. Кульгин В.В., Тен А.Н. Криптовалюта: универсальный инструмент легализации преступных доходов или легальный бизнес? // *Вестник Российской правовой академии*. 2019. № 1. С. 72–77.
26. Michaels D. SEC Sues BitConnect and Founder, Alleging Massive Cryptocurrency Scam of World-Wide Investors // *The Wall Street Journal*. 01.09.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/sec-sues-bitconnect-and-founder-alleging-massive-cryptocurrency-scam-of-world-wide-investors-11630535853> (дата обращения: 02.09.2021).
27. Лузгин А. Банк России выпустит прототип цифрового рубля в начале 2022 года // *РБК*. 09.11.2021. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e>
28. Лукин Е. Генпрокурор РФ заявил о подготовке закона для конфискации криптовалют // *Crypto.ru*. 09.12.2021. URL: <https://crypto.ru/genprokuror-rf-zayavil-o-podgotovke-zakona/>
29. Лузгин А. В России предложили наказывать за хранение криптовалют вне бирж // *РБК*. 18.04.2022. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/625d1b299a7947969584187f>
30. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13, № 3. С. 408–415. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415
31. Хилота В.В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о реформатировании предмета преступлений против собственности) // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2018. № 2 (26). С. 58–68.
32. Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» от 06.02.2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
33. Криптовалюты: тренды, риски, меры. 2022 г. // *Банк России*. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf
34. Фейнберг А. В правительстве подготовили «дорожную карту» по регулированию криптовалют. Как власти видят их легализацию в России // *РБК*. 28.01.2022. URL: <https://www.rbc.ru/finances/28/01/2022/61f2b3589a794715631d17eb>

References

1. Odintsov, S.V. (2019) Tsifrovye prava – dlya tsifrovoy epokhi [Digital rights for the digital era]. *Sovremennoe pravo*. 9. pp. 74–77. doi: 10.25799/NI.2019.91.48.014
2. Lukin, E. (2021) *Skol'ko vsego sushchestvuet kriptovalyut v mire* [How many cryptocurrencies exist in the world]. *Crypto.ru*. 10 November 2021. [Online] Available from: <https://crypto.ru/skolko-sushchestvuet-kriptovalyut/> (Accessed: 16.12.2021).
3. Refinitiv.com. (n.d.) *How data and technology can turn the tide*. Innovation and the fight against financial crime. [Online] Available from: https://www.refinitiv.com/content/dam/marketing/en_us/documents/reports/innovation-and-the-fight-against-financial-crime.pdf
4. FATF.(2015) *Virtual currencies: key definitions and potential AML/CFT Risks* (Report 2015). [Online] Available from: <http://fatfgafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>
5. Savona, E. (2014) Organised crime numbers. *Global Crime*. 15 (1/2). pp. 1–9. doi: 10.1080/17440572.2014.886512
6. European Cybercrime Centre. (2021) *Internet organized crime threat assessment (IOCTA) 2021*. European Cybercrime Centre's Report. [Online] Available from: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2021>
7. The World Bank. (2021) *Blockchain & Distributed Ledger Technology (DLT)*. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/topic/financialsector/brief/blockchain-dlt> (Accessed: 16.11.2021).
8. van Wegberg, R., Oerlemans, J.-J. & van Deventer, O. (2018) Bitcoin money laundering: mixed results?: An explorative study on money laundering of cybercrime proceeds using bitcoin. *Journal of Financial Crime*. 25 (2). pp. 419–435. doi: 10.1108/JFC-11-2016-0067
9. Brown, S.D. (2016) Cryptocurrency and criminality: The Bitcoin opportunity. *The Police Journal*. 89 (4). pp. 327–339. doi: 10.1177/0032258X16658927
10. Hill, J. (2018) Chapter 3. Money: A Medium of Exchange, Unit of Account, and Store of Wealth. In: *FinTech and the Remaking of Financial Institutions*. pp. 41–68. doi: 10.1016/B978-0-12-813497-9.00003-2

11. Dolgieva, M.M. (2019) Cryptocurrency Operations: Topical Issues of Theory and Practice of Criminal Law Application. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4 (101). pp. 128–139. (In Russian). doi: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.128-139
12. Bokovnya, A.Y. et al. (2020) Legal Measures for Crimes in the Field of Cryptocurrency Billing. *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 25 (Esp. 7). pp. 270–275. doi: 10.5281/zenodo.4009713
13. FATF. (2014) *Virtual'nye valyuty. Klyucheveye opredeleniya i potentsial'nye riski v sfere POT/FT. Iyun' 2014 g.* [Virtual currencies. Key definitions and potential risks in the field of AML/CFT. June 2014]. [Online] Available from: www.fatf-gafi.org (Accessed: 15.12.2021).
14. Consultant Plus. (2020) *Federal Law of July 31, 2020, No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency"*. SPS "Konsul'tantPlyus".
15. Dorofeeva, V.V. et al. (2019) Cryptocurrencies: legal and shadow-criminal aspects of turnover. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13 (6). pp. 884–894. (In Russian). doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).884-894
16. Mazor, Y. (2018) *Financial Services Agency of Japan Bans Anonymous Cryptos*. Yahoo! News. 31 May 2018. [Online] Available from: <https://www.yahoo.com/news/financial-services-agency-japan-bans-072045314.html>
17. *Zcash*. [Online] Available from: <https://z.cash/>
18. *Monero*. [Online] Available from: <https://www.getmonero.org>
19. CryptoNote 2.0. (n.d.) *WhitePaper*. [Online] Available from: <https://cryptonote.org/whitepaper.pdf>
20. Möser, M. et al. (n.d.) *An Empirical Analysis of Traceability in the Monero Blockchain*. arXiv. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/1704.04299/>
21. Ye, C. et al. (2020) *Alt-Coin Traceability*. Cryptology ePrint Archive. [Online] Available from: <https://eprint.iacr.org/2020/593.pdf>
22. FATF. (2020) *Rukovodstvo po risk-orientirovannomu podkhodu k virtual'nykh aktivam i operatoram uslug virtual'nykh aktivov* [Guidance on a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers]. [Online] Available from: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecom.mendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html> (Accessed: 20.04.2020).
23. Sidorenko, E.L. (2017) Kriminologicheskie riski oborota kriptovalyuty [Criminological risks of cryptocurrency turnover]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 10 (6). pp. 147–154.
24. Consultant Plus. (2015) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07 July 2015 No. 32 "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
25. Kulygin, V.V. & Ten, A.N. (2019) Kriptovalyuta: universal'nyy instrument legalizatsii prestupnykh dokhodov ili legal'nyy biznes? [Cryptocurrency: a universal tool for money laundering or legal business?]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 1. pp. 72–77.
26. Michaels, D. (2021) SEC Sues BitConnect and Founder, Alleging Massive Cryptocurrency Scam of World-Wide Investors. *The Wall Street Journal*. 01 September 2021. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/sec-sues-bitconnect-and-founder-alleging-massive-cryptocurrency-scam-of-world-wide-investors-11630535853> (Accessed: 02.09.2021).
27. Luzgin, A. (2021) *Bank Rossii vypustit prototip tsifrovogo rublya v nachale 2022 goda* [The Bank of Russia will issue a prototype of the digital ruble at the beginning of 2022]. RBK. 09 November 2021. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e>
28. Lukin, E. (2021) *Genprokuror RF zayavil o podgotovke zakona dlya konfiskatsii kriptovalyut* [The Prosecutor General of the Russian Federation announced the preparation of a law for the confiscation of cryptocurrencies]. Crypto.ru. 09 December 2021. [Online] Available from: <https://crypto.ru/genprokuror-rf-zayavil-o-podgotovke-zakona/>
29. Luzgin, A. (2022) *V Rossii predlozhili nakazyvat' za khraneniye kriptovalyut vne birzh* [In Russia, they proposed to punish for the storage of cryptocurrencies outside the exchanges]. RBK. 18 April 2022. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/crypto/news/625d1b299a7947969584187f>
30. Korennaya, A.A. & Tydykova, N.V. (2019) Cryptocurrency Operations: Topical Issues of Theory and Practice of Criminal Law Application. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13 (3). pp. 408–415. (In Russian). doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415
31. Khilyuta, V.V. (2018) Kriptovalyuta kak predmet khishcheniya (ili k voprosu o pereformatirovaniy predmeta prestupleniy protiv sobstvennosti) [Cryptocurrency as an object of theft (or to reformulating the object of crimes against property)]. *Biblioteka ugolovnoy prava i kriminologii*. 2 (26). pp. 58–68.
32. Consultant Plus. (2014) *Information message of Rosfinmonitoring "On the use of cryptocurrencies" dated February 6, 2014*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
33. Bank of Russia. (2022) *Kriptovalyuty: trendy, riski, mery* [Cryptocurrencies: trends, risks, measures]. [Online] Available from: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf
34. Feynberg, A. (2022) *V pravitel'stve podgotovili "dorozhnyuyu kartu" po regulirovaniyu kriptovalyut. Kak vlasti vidyat ikh legalizatsiyu v Rossii* [The government has prepared a "road map" for the regulation of cryptocurrencies. How the authorities see their legalization in Russia]. RBK. 28 January 2022. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/finances/28/01/2022/61f2b3589a794715631d17eb>

Информация об авторах:

Одинцов С.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: odintsov_sv@pfur.ru

Кошелюк Б.Е. – канд. юрид. наук, доцент Института Академии ФСИН России по кафедре гражданского права и процесса (Рязань, Россия). E-mail: kenig77@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Odintsov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: odintsov_sv@pfur.ru

B.E. Koshelyuk, Cand. Sci. (Law), associate professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: kenig77@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2022;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 22.11.2022;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 487. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28.02.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5499. Цена свободная.

Дата выхода в свет 22.06.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru